

ST. PETERSBURG STATE UNIVERSITY

GERMAN PHILOLOGY
IN ST PETERSBURG
STATE UNIVERSITY
XIII
FORMS AND FORMULAS
OF POLITENESS IN GERMAN

Collection of research papers

Edited by *Irina J. Jesan*

St. Petersburg University Press
2023

Deutsche
Philologie
XIII

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

НЕМЕЦКАЯ ФИЛОЛОГИЯ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ
ГОСУДАРСТВЕННОМ
УНИВЕРСИТЕТЕ

XIII

ФОРМЫ И ФОРМУЛЫ ВЕЖЛИВОСТИ
В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Сборник научных статей

Под редакцией *И. Е. Езан*

ИЗДАТЕЛЬСТВО САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

УДК 81.42

ББК 81.2Нем

Редакционная коллегия: Г.А. Баева (С.-Петерб. гос. ун-т, РФ), С.В. Буренкова (Омск. гос. техн. ун-т, РФ), К. Бухели Бергер (С. Bucheli Berger, Цюрихский ун-т, Швейцария), К. Вих-Райф (С. Wich-Reif, Рейн. Бонн. ун-т Фридриха Вильгельма, Германия), К. Ганзель (Ch. Gansel, Ун-т Трайфсвальда, Германия), Е.А. Гончарова (Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена, РФ), И.Е. Езан (С.-Петерб. гос. ун-т, РФ), К.В. Манёрова (С.-Петерб. гос. ун-т, РФ), Л.Н. Неборская (Минск. гос. лингвист. ун-т, Республика Беларусь), С.Т. Нефёдов, гл. ред. (С.-Петерб. гос. ун-т, РФ), М.А. Олейник (Кубан. гос. ун-т, РФ), О.И. Таюпова (Башкир. гос. ун-т, РФ), К.А. Филитов (С.-Петерб. гос. ун-т, РФ), М. Якушевич (М. Yakushevich, Инсбрукский ун-т им. Леопольда и Франца, Австрия)

Рекомендовано к публикации Научной комиссией в области наук о языках и литературе Санкт-Петербургского государственного университета

Настоящий, 13-й выпуск журнала «Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете» посвящается памяти Сергея Трофимовича Нефедова (1960–2023). Предлагаемый читателям тематический выпуск является результатом сотрудничества филологов-германистов СПбГУ с коллегами из университетских центров России и Республики Беларусь. Он базируется на общей для всех авторов универсальной методологии изучения категории вежливости. Авторы статей стремились рассмотреть различные аспекты современного исследовательского ландшафта лингвистической категории вежливости, показать потенциал классических и современных подходов к исследованию данного сложного феномена. В выпуске представлены исследования, опирающиеся на методы лингвистической прагматики, дискурсивного анализа, истории языка, медиалингвистики, культурологии и критики языка. Предлагаемые вниманию читателей статьи могут быть полезны для филологов-германистов, интересующихся проблемами вежливого речевого поведения в разных сферах немецкоязычной коммуникации: политике, образовании, науке, массмедиа, бизнесе и др.

Ключевые слова: немецкий язык, категория вежливости, этикет, формульность, коммуникативные практики, лингвистическая прагматика, лингвистика текста и дискурса, история языка, лексикография, лингвокультурология, языковая оценка.

The following 13th issue of the journal “German Philology at the St. Petersburg State University” is dedicated to the memory of Sergey Trofimovich Nefedov (1960–2023). This thematic issue is the result of cooperation between the philologists-Germanists of the St. Petersburg State University and colleagues from university centres in Russia and the Republic of Belarus. It is based on the universal methodology of studying the category of politeness. The authors of the articles were trying to consider various aspects of the current research landscape of the linguistic category of politeness, to show the potential of classical and modern approaches to the study of this complex phenomenon. The issue presents studies based on the methods of linguistic pragmatics, discourse analysis, language history, mediallynguistics, cultural studies and language criticism. The articles offered to the readers’ attention may be useful for philologists-Germanists interested in the problems of polite speech behavior in different spheres of German-language communication: politics, education, science, mass media, business and others.

Keywords: German language, politeness category, etiquette, formality, communicative practices, linguistic pragmatics, linguistics of text and discourse, language history, lexicography, linguoculturology, linguistic evaluation.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Г. А. Баева, И. Е. Езан, К. А. Филиппов</i> ПРЕДИСЛОВИЕ. ПАМЯТИ С. Т. НЕФЕДОВА	9
--	---

I. КАТЕГОРИЯ ВЕЖЛИВОСТИ В НАУЧНОЙ И ДЕЛОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

<i>С. Т. Нефедов, П. И. Кондратенко</i> ОЦЕНКА КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ВЕЖЛИВОСТИ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ И ЭКСПЕРТА	24
<i>Э. Г. Мхитарьянц</i> ДИСКУРСИВНО-КОГНИТИВНАЯ ПАРАДИГМА КАТЕГОРИИ ВЕЖЛИВОСТИ В НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ (на материале немецкоязычных рецензий)	42
<i>П. И. Кондратенко</i> (ДЕ)ИНТЕНСИФИКАТОРЫ ОЦЕНОК НА СЛУЖБЕ ВЕЖЛИВОЙ НАУЧНО- ЭКСПЕРТНОЙ КОММУНИКАЦИИ: ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ	63
<i>А. К. Филиппов</i> ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КАТЕГОРИИ ВЕЖЛИВОСТИ В ШАХМАТНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (на материале немецкого и русского языков)	82
<i>Н. Д. Имеретинская</i> СТРАТЕГИИ ВЕЖЛИВОСТИ В КОРПОРАТИВНОМ ДИСКУРСЕ И ИХ ЯЗЫКОВОЕ ВЫРАЖЕНИЕ (на примере корпоративных кодексов поведения компаний)	94
<i>Л. Н. Григорьева, И. Е. Езан, Е. А. Ковтунова</i> КАТЕГОРИЯ ВЕЖЛИВОСТИ В НЕМЕЦКО- И РУССКОЯЗЫЧНОЙ ДЕЛОВОЙ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ	119

II. КАТЕГОРИЯ ВЕЖЛИВОСТИ В ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ АСПЕКТЕ

<i>С. В. Буренкова</i> НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОГО АКТА ПОЗДРАВЛЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ (в сравнении с русским языком)	141
<i>С. А. Жилюк</i> ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РОЖДЕСТВЕНСКИХ И НОВОГОДНИХ КОРПОРАТИВНЫХ ПОЗДРАВЛЕНИЙ В НЕМЕЦКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ	160
<i>О. А. Никитина, О. А. Гудкова</i> ЛАСКОВЫЕ ОБРАЩЕНИЯ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ И ВОЗМОЖНОСТИ ИХ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ С ПОЗИЦИИ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА	177
<i>А. С. Горбатовский, М. А. Олейник</i> КАТЕГОРИЯ ВЕЖЛИВОСТИ В ПРОЦЕССЕ МОДЕЛИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА	198
<i>А. В. Мельгунова</i> ПЕРЕДАЧА СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ ВЕЖЛИВОСТИ В ПЕРЕВОДЕ ПОЭМЫ Н. В. ГОГОЛЯ «МЕРТВЫЕ ДУШИ» НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК	212
<i>M. N. Dmitrieva</i> POLITENESS AS A WAY TO ENCOURAGE CONVERSATION	228

III. КАТЕГОРИЯ ВЕЖЛИВОСТИ В ДИАХРОНИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

<i>Г. А. Баева</i> КУЛЬТУРА РЕЧИ: СТРАТЕГИИ РЕЧЕВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И МАНЕВРИРОВАНИЯ В ИСТОРИИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА	241
<i>Л. Ф. Бирр-Цуркан</i> ВЕЖЛИВОСТЬ КАК РЕГУЛЯТОР КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ НЕМЦЕВ В XVIII ВЕКЕ	259
<i>Д. Е. Нифонтова</i> РЕЧЕВЫЕ ФОРМУЛЫ ЭТИКЕТА В ФАСТНАХТШПИЛЯХ ГАНСА САКСА И ИХ ПЕРЕВОД НА РУССКИЙ ЯЗЫК	282
<i>М. А. Соколюк</i> ВЕЖЛИВОСТЬ КАК ОСНОВА КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ (на материале немецко-русских и русско-немецких разговорников XVIII–XIX вв.)	294
<i>А. В. Яшкова</i> МЕТАЯЗЫКОВЫЕ АСПЕКТЫ ВЕЖЛИВОЙ КОММУНИКАЦИИ МЕЖДУ АВТОРОМ И ЧИТАТЕЛЕМ (на материале немецких искусствоведческих текстов XVIII века)	315

IV. КАТЕГОРИЯ ВЕЖЛИВОСТИ В ПРАГМАТИЧЕСКОМ И ЛИНГВОДИСКУРСИВНОМ АСПЕКТЕ

<i>К. А. Филиппов</i> К ВОПРОСУ О ПРАГМАТИКЕ ВЕЖЛИВОГО НЕСОГЛАСИЯ С ПАРТНЕРОМ ПО КОММУНИКАЦИИ (на материале немецкого языка)	330
<i>М. Г. Цуцьева</i> КОММУНИКАТИВНО-РЕЧЕВАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ КАТЕГОРИИ ВЕЖЛИВОСТИ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	346
<i>А. А. Пономарёва</i> (НЕ)ВЕЖЛИВОСТЬ ПО-БАВАРСКИ (на материале политического дискурса южной Германии)	358
<i>К. В. Манёрова</i> ЭЛЕМЕНТ МЕТАКОММУНИКАТИВНОЙ СТРАТЕГИИ ТАКТИЧНОСТИ В НЕМЕЦКОЙ ПРЕДЛОЖНОЙ ГРУППЕ <i>AUS HÖFLICHKEIT</i>	376
<i>А. В. Сутько</i> ХЕДЖИРОВАНИЕ В ДЕОНТИЧЕСКИХ ВЫСКАЗЫВАНИЯХ (на материале немецкого и русского языков)	392
<i>О. В. Палехова</i> СРЕДСТВА ВЕРБАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ ВЕЖЛИВОСТИ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ	413
<i>О. И. Таюпова</i> СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ ВЕЖЛИВОСТИ В ДИСКУРСИВНОЙ ПРАКТИКЕ МЕДИАТЕКСТОВ ИНТЕРВЬЮ	428
<i>Л. Я. Слинкина</i> МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ В ДИСКУССИИ О ГЕНДЕРНОМ РАВЕНСТВЕ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ	444

CONTENTS

<i>G. A. Baeva, I. J. Jesan, K. A. Filippov</i> PREFACE I. IN MEMORY OF S. T. NEFEDOV	9
--	---

I. THE CATEGORY OF POLITENESS IN SCIENCE AND BUSINESS COMMUNICATION

<i>S. T. Nefedov, P. I. Kondratenko</i> EVALUATION AS A TOOL OF PROFESSIONAL POLITENESS OF RESEARCHERS AND EXPERTS	24
<i>E. G. Mkhitaryants</i> DISCURSIVE-COGNITIVE PARADIGM OF THE CATEGORY OF POLITENESS IN SCIENTIFIC COMMUNICATION (on the material of German-language reviews).....	42
<i>P. I. Kondratenko</i> EVALUATIVE (DE)INTENSIFIERS IN THE SERVICE OF POLITE ACADEMIC EXPERT COMMUNICATION: LINGUISTIC AND CULTURAL SPECIFICS.....	63
<i>A. K. Filippov</i> LINGUISTIC AND PRAGMATIC ASPECTS OF THE POLITENESS CATEGORY IN CHESS LITERATURE (in German and Russian languages)	82
<i>N. D. Imeretinskaya</i> LINGUISTIC POLITENESS STRATEGIES IN CORPORATE DISCOURSE (by the example of corporate codes of conduct of companies)	94
<i>L. N. Grigorieva, I. J. Jesan, E. A. Kovtunova</i> CATEGORY OF POLITENESS IN RUSSIAN AND GERMAN BUSINESS CORRESPONDENCE.....	119

II. THE CATEGORY OF POLITENESS IN THE LINGUOCULTURAL ASPECT

<i>S. V. Burenkova</i> NATIONAL AND CULTURAL FEATURES OF THE SPEECH ACT CONGRATULATIONS IN THE MODERN GERMAN LANGUAGE (compared to Russian).....	141
<i>S. A. Zhiliuk</i> LEXICAL AND GRAMMATICAL FEATURES OF CORPORATE CHRISTMAS AND NEW YEAR'S GREETINGS IN GERMAN AND RUSSIAN CULTURES	160
<i>O. A. Nikitina, O. A. Gudkova</i> TERMS OF ENDEARMENT IN GERMAN AND THE ASPECTS OF THEIR LEXICOGRAPHIC DESCRIPTION WITHIN THE FRAMEWORK OF THE LINGUOCULTUROLOGICAL APPROACH	177
<i>A. S. Gorbatovsky, M. A. Oleynik</i> THE CATEGORY OF POLITENESS IN THE PROCESS OF MODELLING OF A LITERARY TEXT'S CULTURAL SPACE.....	198
<i>A. V. Melgunova</i> RENDERING MEANS OF EXPRESSING POLITENESS IN THE TRANSLATION OF N. V. GOGOL'S POEM <i>DEAD SOULS</i> INTO GERMAN	212
<i>M. N. Dmitrieva</i> POLITENESS AS A WAY TO ENCOURAGE CONVERSATION	228

III. THE CATEGORY OF POLITENESS IN DIACHRONIC ASPECT

<i>G. A. Baeva</i> SPEECH CULTURE: STRATEGIES FOR SPEECH REGULATION AND MANEUVERING IN THE HISTORY OF THE GERMAN LANGUAGE.....	241
<i>L. F. Birr-Tsurkan</i> POLITENESS AS A REGULATOR OF COMMUNICATIVE BEHAVIOUR OF GERMANS IN THE 18 TH CENTURY	259
<i>D. E. Nifontova</i> SPEECH FORMULA OF ETIQUETTE IN THE CARNIVAL PLAYS OF HANS SACHS AND THEIR TRANSLATION INTO RUSSIAN	282
<i>M. A. Sokoljuk</i> POLITENESS AS A BASIS OF COMMUNICATIVE BEHAVIOUR (based on German-Russian and Russian-German phrasebooks of the 18 th and 19 th centuries).....	294
<i>A. V. Iashkova</i> METALINGUISTIC ASPECTS OF POLITE COMMUNICATION BETWEEN AUTHOR AND READER (based on 18 th -century German art history texts)	315

IV. THE CATEGORY OF POLITENESS IN THE PRAGMATIC AND LINGUODISCURSIVE ASPECTS

<i>K. A. Filippov</i> TO THE QUESTION ABOUT THE PRAGMATICS OF POLITE DISCORD WITH A COMMUNICATION PARTNER (based on the German language)	330
<i>M. G. Tsutsieva</i> COMMUNICATIVE-SPEECH REALIZATION OF THE CATEGORY OF POLITENESS IN MODERN GERMAN POLITICAL DISCOURSE.....	346
<i>A. A. Ponomareva</i> (IM)POLITENESS IN BAVARIAN DIALECTS (based on South German political discourse material).....	358
<i>K. V. Manerova</i> THE ELEMENT OF META-COMMUNICATIVE STRATEGY OF TACTFULNESS IN THE GERMAN PREPOSITIONAL GROUP <i>AUS HOFLICHKEIT</i>	376
<i>A. W. Sytko</i> HEDGING IN DEONTIC STATEMENTS (on the material of German and Russian languages).....	392
<i>O. W. Palekhova</i> MEANS OF VERBALIZATION OF THE CATEGORY OF POLITENESS IN THE GERMAN-LANGUAGE MEDIA DISCOURSE.....	413
<i>O. I. Tayupova</i> SEMANTIC-PRAGMATIC CATEGORY OF POLITENESS IN THE DISCOURSE PRACTICE OF INTERVIEW MEDIA TEXTS.....	428
<i>L. Ia. Slinina</i> ETHICAL AND MORAL ASPECT IN THE DISCUSSION ABOUT GENDER CORRECTNESS IN GERMAN LANGUAGE	444

ПРЕДИСЛОВИЕ

Памяти С. Т. Нефедова

Настоящий, 13-й выпуск журнала «Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете» выходит без его ответственного и главного редактора Нефедова Сергея Трофимовича (1960–2023), памяти которого мы и посвящаем этот выпуск. Именно возрождение, становление, возмужание и превращение в журнал сборника научных статей «Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете» относятся к несомненным заслугам Сергея Трофимовича.

Появление журнала, ранее выходившего в формате сборника научных статей, датируется 2001 г. и было связано с 80-летним юбилеем кафедры, поэтому тогда сборник имел подзаголовок «Традиции и современность». Второй выпуск вышел в свет более чем через десять лет, в 2012 г., и был посвящен Учителям — Л. Р. Зиндеру, Т. В. Строевой, Г. Н. Эйхбаум. Ответственными редакторами первых двух выпусков были проф. С. М. Панкратова и проф. К. А. Филиппов.

Начиная с третьего выпуска каждый сборник получает свое тематическое направление, в выборе которого проявлялись широта научных интересов Сергея Трофимовича Нефедова и учет современных парадигм лингвистических исследований. Так, 3-й выпуск посвящен «Антропоцентризму языковых феноменов», 4-й — «Тексту и текстовым единицам», 5-й носит название «Язык профессиональной коммуникации — немецкий», 6-й — «Константность и вариативность в немецком языке», 7-й — «Дискурсивные аспекты языковых феноменов», 8-й — «Типология речевых жанров», 9-й — «Диалогическое взаимодействие текстов и курсов», 10-й —

«Преемственность и динамика грамматической науки: к 110-летию со дня рождения В.Г.Адмони», 11-й — «Немецкий язык в лингвокультурной исследовательской парадигме», 12-й — «Немецкий язык в мультимодальной коммуникации».

Сергей Трофимович был не только инициатором научной тематики и методологии выпускаемых научных трудов, но и требовательным редактором каждой поступившей в редакцию статьи. Благодаря усилиям Сергея Трофимовича изменились границы сборника: расширилась география его участников, как отечественных, так и зарубежных, редколлегия сборника получила международный статус — в ее работе принимают участие ученые из Австрии, Беларуси, Германии и Швейцарии.

Вся сознательная жизнь Сергея Трофимовича была связана с Университетом, где он прошел путь от ассистента до профессора и заведующего кафедрой, хорошо знал все нюансы учебного процесса и вложил много сил и энергии в совершенствование и модернизацию преподавания на уровне международных стандартов. Особой заслугой Сергея Трофимовича является программа, которая сейчас называется «Язык и коммуникация», осуществлялась до последнего времени совместно с университетом г. Грайфсвальда по модели двух дипломов. Создание и претворение в жизнь этой магистерской программы, вдохновителем и главным исполнителем которой был Сергей Трофимович, стоили большого труда и самоотверженной работы всего коллектива кафедры.

Труды Сергея Трофимовича, а их более 120, посвящены языковой модальности, лингвистической прагматике, языку научной коммуникации, лингвистике текста и дискурса. Наиболее значимыми в его учебно-методическом творчестве являются два учебника по теоретической грамматике немецкого языка, «Морфология» (2018) и «Синтаксис» (2022), которые написаны в лучших традициях отечественных учебников по германистике с учетом современных тенденций и направлений в мировой лингвистике.

За пределами кафедры научная и профессиональная деятельность Сергея Трофимовича также связана с филологическим факультетом: в 2020–2022 гг. он был главным редактором научного журнала «Вестник СПбГУ. Язык и литература», существенно расширив авторский коллектив и качество публикуемых научных статей.

В разные годы Сергей Трофимович возглавлял приемную комиссию филологического факультета, выполнял обязанности пред-

седателя научной комиссии, более 30 лет был бессменным ученым секретарем диссертационного совета.

За плодотворную научную и педагогическую деятельность в 2019 г. С. Т. Нефедову присвоено звание «Почетный работник сферы образования Российской Федерации».

Сергей Трофимович был строгим руководителем, но он был и примером образцового исполнителя, который подходил к любому, даже небольшому, поручению очень тщательно, скрупулезно вникая в его суть. Этого он требовал и от своих коллег и учеников.

Тематику настоящего выпуска «Немецкой филологии в СПбГУ» также предложил С. Т. Нефедов. Категория вежливости играет исключительно важную роль в человеческой коммуникации. Автор так называемых постулатов вежливости Дж. Лич называет использование ритуальных формул вежливости в повседневном общении людей «коммуникативным альтруизмом» (*communicative altruism*), одновременно признавая вежливость «формой коммуникативного поведения» (*a form of communicative behavior*), распространенной в языках и культурах, и тем самым «универсальным явлением человеческого общества» (*a universal phenomenon of human society*) [Leech 2014: 3].

Формулы вежливости служат прежде всего прагматической цели — установлению и поддержанию контакта между партнерами по коммуникации. В концепции функций языка Р. Якобсона этому назначению соответствует *фатическая* функция, которая, по словам ученого, «осуществляется посредством обмена ритуальными формулами или даже целыми диалогами, единственная цель которых — поддержание коммуникации» [Якобсон 1975: 201].

Немецкий теоретик лингвистики текста К. Бринкер считает основной задачей данной функции (в его терминологии — «контактной функции», *Kontaktfunktion*) «установление и поддержание личного контакта» (*Herstellung und Erhaltung des persönlichen Kontakts*) между партнерами [Brinker 2005: 127]. Он полагает, что тексты с такой функциональной направленностью тесно связаны с определенными общественными ситуациями (*an feste gesellschaftliche Anlässe geknüpft*), требующими выражения личного отношения автора. При этом главным является не само выражение личного отношения к партнеру по коммуникации, а ожидание партнера, что такое отношение будет выражено, т. е. произойдет своеобразное

«исполнение социального ожидания» (*die Erfüllung einer sozialen Erwartung*) [Brinker 2005: 127].

По мнению видных специалистов теории аргументации Ф.Х.Еемерена и Р.Гроотендорста, использование ритуальных формул вежливости не является обязательным условием человеческого общения, но они способны оказать серьезное воздействие на ход коммуникации. Дело заключается в обеспечении самого события коммуникации в форме непосредственного обмена высказываниями; ср.:

В вербальных коммуникациях и взаимодействиях использование языка направлено не только на достижение понимания, но и на получение принятия. Человек, делающий запрос, не просто хочет быть понятым в том, что он сделал запрос: он хочет, чтобы сам запрос также был принят. Например, тот, кто объясняет что-то, хочет, чтобы его объяснение было принято, так же, как и понято [Еемерен, Гроотендорст 2021: 95].

Таким образом, формулы вежливости во многом способствуют принятию положительного решения адресата на полученный запрос партнера, иными словами, на продолжение общения. При этом вежливость в общении людей распространяется не только на речевое поведение партнеров по коммуникации, но и на их поступки. Ср. определение слова «вежливый» в *«Словаре современного литературного языка»*: «Учтивый, соблюдающий приличие (в словах и поступках), проявляющий воспитанность» [ССРЛЯ 1951: 121].

Одной из коммуникативных ситуаций, в которых вежливость способна сыграть важную роль, является ситуация активного словесного противоборства. В споре, который является, по мнению А.А.Ивина, «наиболее острой и напряженной формой» речевого столкновения [Ивин 1997: 314], с одинаковым успехом используются как корректные, так и некорректные способы аргументации (подробнее см.: [Ивин 1997: 316–327].

В условиях словесного противоборства, по признанию Р.Фишера и У.Юри, «любезность — не выход из положения» [Фишер, Юри 1987: 179]. В данном случае можно говорить о мягком и жестком способах ведения дискуссии, причем «мягкая и дружелюбная форма ведения позиционного спора делает вас более уязвимыми

по сравнению с теми, кто ведет жесткую игру» [Фишер, Юри 1987: 180].

В немецкой лингвистической прагматике описание особенностей вежливого поведения в коммуникации связывается с разграничением так называемой негативной и позитивной вежливости (*negative Höflichkeit und positive Höflichkeit*); ср.:

Ich bin negativ höflich, wenn ich mich zum Beispiel dafür entschuldige, dass ich dem anderen etwas zumute, was ihn Zeit und Kraft kostet. Meine Zumutung schränkt je seine Handlungsfreiheit ein. Ich bin positiv höflich, wenn ich ihn in seiner Handlungsweise bestärke, wenn ich ihn lobe oder Solidarität mit ihm zeige [Meibauer 2006: 115]. — «Я негативно вежлив, когда, например, извиняюсь за то, что попросил другого человека сделать что-либо, что потребовало от него времени и сил. Мои действия ограничивают его свободу выбора. Я положительно вежлив, поощряя его действия, когда хвалю его или выказываю солидарность с ним».

В лингвистической литературе отмечается, что стратегии позитивной и негативной вежливости обладают своими характерными средствами реализации. При этом этнокультурная специфика речевого поведения играет немаловажную роль в вопросе реализации этих стратегий. Что же касается реального исследования языковых средств позитивной и негативной стратегий, то этот вопрос осложняется тем, что в анализе необходимо учитывать множество сопутствующих коммуникативно-ситуативных факторов, например учета возрастных и гендерных различий, статуса и степени знакомства партнеров, уровня официальности ситуации и т. п. (подробнее см.: [Скребцова 2020: 227–232]).

Сегодня на передний план лингвистических изысканий выходят корпусные исследования языковых феноменов. Одно из таких направлений охватывает исследование языковых средств, оказывающих влияние на эмоциональную сферу коммуникации. Так, можно отметить корпусные исследования семантики эмоционального лексикона на материале разных языков, в которых главное семантическое противопоставление касается разграничение слов с положительной коннотацией и слов с отрицательной коннотацией (см. исследования [Позднякова, Суворина 2019; Заянчковская 2019]).

В этой связи среди перспективных направлений исследования реализации категории вежливости в коммуникации можно рассматривать применение приемов и операций, применяемых в современной компьютерно-корпусной лингвистике. Одним из доводов в пользу такого решения можно рассматривать сам факт разграничения положительной и негативной вежливости, что дает возможность применения при анализе приемов и процедур, уже опробованных на корпусных исследованиях единиц эмоционального лексикона на материале разных языков.

Предлагаемый читателям тематический выпуск журнала «Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете» является результатом сотрудничества филологов-германистов СПбГУ с коллегами из университетских центров России и Республики Беларусь. Он базируется на общей для всех авторов междисциплинарной методологии изучения категории вежливости и включает преимущественно научные статьи сотрудников кафедры немецкой филологии СПбГУ: профессоров Г. А. Бaeовой, С. Т. Нефедова, К. А. Филиппова, доцентов Л. Ф. Бирр-Цуркан, Л. Н. Григорьевой, М. Н. Дмитриевой, И. Е. Езан, С. А. Жилюка, Е. А. Ковтуновой, К. В. Манёровой, А. В. Мельгуновой, Д. Е. Нифонтовой, Л. Я. Слининой; кандидата филологических наук, ассистента Н. Д. Имеретинской и ассистента П. И. Кондратенко, а также аспирантов кафедры немецкой филологии А. А. Пономарёвой, М. А. Соколюк и А. В. Яшковой.

Кроме того, в выпуск вошли статьи профессора кафедры иностранных языков Омского государственного технического университета (ОмГТУ) С. В. Буренковой, профессора кафедры немецкой филологии Кубанского государственного университета (КубГУ) М. А. Олейник, профессора кафедры немецкой и французской филологии Уфимского университета науки и технологий (УУНиТ) О. И. Таюповой, доктора филологических наук, доцента кафедры иностранных языков Военной академии связи (ВАС) М. Г. Цуциевой, кандидата филологических наук, преподавателя кафедры немецкой филологии КубГУ А. С. Горбатовского, доцентов кафедры немецкого языка Тульского государственного педагогического университета (ТГПУ) им. Л. Н. Толстого О. А. Никитиной и О. А. Гудковой, доцента кафедры общих гуманитарных и естественно-научных дисциплин КФ МФЮА Э. Г. Мхитарьянц, доцента кафедры романогерманской филологии и перевода СПбГЭУ О. В. Палеховой, доцен-

та кафедры математической лингвистики СПбГУ А. К. Филиппова, доцента кафедры фонетики и грамматики немецкого языка Минского государственного лингвистического университета (МГЛУ) А. В. Сытько,

Композиционно тематический выпуск включает четыре раздела. В первом разделе **«Категория вежливости в научной и деловой коммуникации»** авторы рассматривают феномен вежливости на примере различных типов текста.

Целью статьи *С. Т. Нефедова* и *П. И. Кондратенко* является анализ аксиологического плана научно-исследовательских и научно-экспертных текстов социогуманитарного цикла. Эмпирическим материалом для исследования послужили корпуса теоретических статей по социологии и корпуса научных рецензий лингвистической тематики на немецком и русском языках. В фокусе исследования находятся языковые средства экспликации модально-оценочных позиций речевых субъектов и применяемые ими стратегии вежливой коммуникации.

В статье *Э. Г. Мхитарьянц* продемонстрирован дискурс-ориентированный анализ реализации категории вежливости на материале немецкоязычных научных рецензий. В рамках данного исследования автором учитываются текстотипологические, антропоцентрические и интертекстуальные особенности жанра научной рецензии. Корпус текстов представлен немецкоязычными рецензиями на статьи и монографии в области германистики, социолингвистики и методики преподавания немецкого языка как иностранного.

В статье *П. И. Кондратенко* актуализируется связь категории вежливости с категорией экспертной оценки — особой дискурсивно-коммуникативной разновидностью оценивания в рамках научно-экспертной социокоммуникативной практики. В статье обобщены результаты комбинированного качественно-количественного контент-анализа 50 немецко- и русскоязычных рецензий по лингвистике из профильных академических журналов. Автором исследования подтверждается гипотеза о наличии лингвокультурной специфики употребления контекстуальных усилителей и нейтрализаторов оценки.

В статье *А. К. Филиппова* на материале произведений З. Тарраша, А. Нимцовича и А. Алехина исследуются способы лингвистического выражения вежливости в шахматной литературе первой трети

XX в. Цель статьи заключается в проведении лингвопрагматического анализа форм выражения вежливости в шахматной литературе (в немецких текстах и их русских переводах), включая вежливость по отношению к читателю и по отношению к коллегам-шахматистам. Материал исследования составляют тексты, принадлежащие к таким поджанрам, как шахматный учебник, авторская система и сборник партий.

Н. Д. Имеретинская изучает речевые стратегии вежливости в сфере корпоративного (организационного) дискурса. Материалом исследования послужили тексты корпоративных кодексов компаний. В статье анализируются стратегии вежливости, применяемые для снижения коммуникативного давления в рамках личоущемляющего директивного речевого акта, их взаимодействие и языковое выражение.

Л. Н. Григорьева, И. Е. Езан и Е. А. Ковтунова исследуют функционирование категории вежливости в официально-деловом стиле. Авторами проведен контрастивный анализ деловой корреспонденции на материале немецкого и русского языков с учетом современных тенденций развития конвенциональных норм официально-делового общения, процессов их персонализации, диалогизации и индивидуализации. Эмпирической основой статьи послужили учебные пособия по деловой корреспонденции, изданные в Германии и России.

Второй раздел **«Категория вежливости в лингвокультурном аспекте»** начинается с исследования *С. В. Буренковой*. Автор исходит из понимания этикетных речевых актов как репрезентантов коммуникативной категории вежливости. Целью статьи является конфронтативное рассмотрение речевого акта «поздравление» в неформальном общении в немецкой и русской лингвокультурах. В качестве практического материала используются информационно-словарные платформы немецкого языка, аутентичные дидактические ресурсы и примеры из личной переписки автора.

Анализ текстов новогодних и рождественских корпоративных поздравлений представлен и в работе *С. А. Жилока*. В статье используются метод сплошной выборки, лексико-семантический анализ и сопоставительный метод. Выбор лексических средств в проанализированных автором поздравлениях подтверждает, что тип текста поздравление представляет собой акт солидарной вежливости, нацеленный на установление благожелательных отношений между коммуникантами.

В статье *О. А. Никитиной* и *О. А. Гудковой* предпринята попытка проанализировать с лингвистической и лингвокультурологической точек зрения языковые феномены, выполняющие функцию ласковых этикетных выражений в немецком языке. Ласковые обращения рассматриваются в статье как языковые универсалии. Проведенный анализ эмпирического материала показал, что ласковые обращения создаются говорящими главным образом путем использования метафорических и метонимических образов, дополняемых диминутивной суффиксацией и словосложением.

В фокусе внимания следующих авторов находятся тексты художественных произведений. Материалом для исследования *А. С. Горбатовского* и *М. А. Олейник* послужил роман *Д. Кельмана* «Тилль». Цель исследования заключается в определении лингвокультурологического потенциала категории вежливости и средств ее вербализации в художественном тексте с опорой на анализ особенностей лексических единиц и синтаксических структур. Результаты анализа эмпирического материала послужили основой для рассмотрения вежливости как одной из лингвистических категорий, способствующих моделированию культурного пространства художественного текста.

Материалом следующего исследования послужила поэма *Н. В. Гоголя* «Мертвые души» и ее первый перевод на немецкий язык, выполненный *Ф. Лёбенштейном* в 1846 г. В статье *А. В. Мельгуновой* охарактеризованы некоторые особенности этикетных формул, свойственные русскоязычной культуре XIX века, и проанализировано, каким образом средства выражения вежливости переданы в немецком переводе, какие лексические замены, опущения и грамматические трансформации — и насколько удачно — использует переводчик.

В центре внимания исследования *М. Н. Дмитриевой* также находятся речевые стратегии и тактики вежливости в художественном произведении. Эмпирическим материалом в данном случае послужил роман немецкоязычного писателя XX века *Б. Ширмера* «Жираф Шлевайна». Автором анализируется зафиксированная в художественном тексте модель речевого и неречевого поведения человека, автора-рассказчика, ведущего диалог с животным.

В третьем разделе «**Категория вежливости в диахроническом аспекте**» находит отражение историческая перспектива лингвистических исследований категории вежливости на примере различных текстов и дискурсов.

Точка зрения, представленная в большей части публикаций данного раздела, приближает исследование вежливости к изучению этикета, т. е. (языковых) норм, которые действуют в определенной социальной группе или культуре и должны учитываться членами той или иной группы в своих действиях [Ehrhardt 2018: 282].

В статье *Г. А. Баевой* рассматриваются нормативный, коммуникативный и эстетический аспекты понятия культуры речи и вежливости в истории немецкого языка. В исследовании основное внимание уделяется периоду придворной рыцарской культуры Средневековья, а также культуре речи в аристократическом обществе эпохи барокко и «галантном периоде» XVIII в. В статье показано, что коммуникативные нормы вежливого речевого поведения обусловлены социолингвистическими, лингвокультурными и когнитивными факторами.

Материалом исследования *Л. Ф. Бирр-Цуркан* послужили своды правил поведения первой половины XVIII в. С привлечением описательного метода, методов компонентного и контекстного анализа автор исследует, что понималось под вежливым обхождением в немецком социуме XVIII в. и какие факторы влияли на это. На основе проведенного анализа делается вывод о том, что категория вежливости в XVII в. была прежде всего этической категорией, зависящей от времени, места и социального статуса коммуникантов.

Целью статьи *Д. Е. Нифонтовой* является изучение формы и функций речевых формул этикета в ранненововерхнемецком языке. На материале фастнахтшпиля известного немецкого мейстерзингера Ганса Сакса «Излечение дураков» (1557) анализируются случаи употребления обращений, приветствий, прощаний, просьб, советов и других этикетных формул. В фокусе исследования находится специфика их использования в произведениях Г. Сакса, при этом особое внимание уделяется проблеме передачи на русский язык старинного немецкого стиха книттельферс (Knittelvers).

В статье *М. А. Соколюк* рассматривается проблема реализации категории вежливости в немецко-русских и русско-немецких разговорниках XVIII–XIX вв. В исследовании описываются основные речевые акты реализации вежливости, в которых, наряду с используемыми в современных языках, широко представлены и вышедшие из употребления формулы вежливости.

Статья *А. В. Яшковой* нацелена на изучение метаязыковых характеристик вежливой коммуникации. Анализ проведен на мате-

риале немецких искусствоведческих текстов И.И.Винкельмана, И.Г.Гердера и Г.Э.Лессинга. Методологическая основа анализа задана теоретическими установками прагматической лингвистики, социолингвистики и исследований метатекста.

Четвертый раздел **«Категория вежливости в прагматическом и лингводискурсивном аспекте»** включает в себя статьи, в которых представлен анализ категории вежливости как одной из центральных тем лингвистической прагматики и неотъемлемой составляющей медиадискурса. Ряд исследований заключительного раздела выпуска также демонстрирует внедрение в современную лингвистическую методологию методов корпусной лингвистики.

Раздел открывает статья *К. А. Филиппова*. Цель исследования состоит в выявлении и семантико-прагматическом анализе некоторых способов выражения вежливого несогласия в немецком языке. Эмпирическим материалом послужили диалоги на немецком языке в различных функционально-коммуникативных сферах общения. Одним из способов выражения вежливого несогласия в диалоге является, например, использование в ответе модальных модификаторов *leider*, *bedauerlicherweise* и др., выражающих сожаление говорящего по поводу несогласия с высказыванием партнера.

М. Г. Цуцьева анализирует коммуникативно-речевую реализацию категории вежливости в современном немецком политическом дискурсе. Теоретико-методологическую основу исследования составляют научные труды по теории дискурса и текста, политической лингвистике, прагмалингвистике, социолингвистике и лингвокультурологии. Взаимодействие и взаимовлияние основных функций категории вежливости показаны на примере реализации немецкими политиками стратегии диалогизации в различных ситуациях политической коммуникации.

Тему исследования политического дискурса продолжает статья *А. А. Пономарёвой*. Автор статьи демонстрирует, как диалект может использоваться для отражения вежливого или невежливого отношения участников политической коммуникации друг к другу. Материалом исследования послужили стенограммы заседаний баварского ландтага, публикации в региональной прессе, выдержки из речей политических деятелей, спикеров региональных культурных мероприятий, опубликованных в период с 2003 по 2023 г.

Следующие две статьи объединяет применение в современном лингводискурсивном анализе методов корпусной лингвистики.

В исследовании *К. В. Манёровой* описываются особенности использования предложной группы *aus Höflichkeit* в сочетании с глаголами, номинирующими силенциальные акты. Теоретической основой анализа материала послужила теория ритуала интеракции И. Гофмана. Корпус примеров составлен с использованием информационных возможностей базы данных платформы DWDS.

А. В. Сытько рассматривает способы и средства снижения категоричности деонтического высказывания. Анализ проводится на материале корпусов национальных языков, русского и немецкого. В статье впервые на основании корпусных данных выявляются и систематизируются средства модусного маркирования деонтического высказывания, являющегося путативным суждением. Представленные в исследовании результаты вносят вклад в теоретическое понимание такого сложного феномена, как модальное высказывание.

Следующие три статьи данного раздела посвящены исследованию современного медиадискурса. Основной фокус исследования *О. В. Палеховой* сосредоточен на рассмотрении наиболее типичных языковых средств реализации вежливости в современных СМИ Германии. Анализ проводится на материале ключевых диалогических жанров медиадискурса. В корпус примеров вошли публикации еженедельного журнала *Spiegel*, интернет-портала *Spiegel Wissen* и ежемесячного журнал *Cicero*, освещающего вопросы политической культуры.

Статья *О. И. Таюновой* посвящена исследованию семантико-прагматической специфики и роли категории вежливости в печатном журнальном медиадискурсе Германии. В центре внимания автора также находятся языковые средства репрезентации категории вежливости в диалогических медиатекстах. В ходе анализа семантики вежливости особое внимание уделяется ее культурно-специфическим параметрам.

Гендерно-корректные формы рассматриваются в статье *Л. Я. Слинниной* с точки зрения коммуникативной категории вежливости, которая служит регулятором речевого поведения и обеспечивает его успех. Материалом для исследования послужили тексты современных немецких электронных СМИ за период с 2018 по 2022 г., посвященные критике соблюдения гендерной корректности в языке. Исследование вносит вклад в изучение гендерной проблематики с точки зрения коммуникативной теории и критики языка.

Таким образом, исследование вежливости сегодня можно рассматривать как самостоятельный междисциплинарный раздел лингвистики, в центре внимания которого находятся в том числе и актуальные социальные проблемы, связанные с гармонизацией общения в различных сферах коммуникации. В связи с этим перспективным представляется дальнейшее развитие и совершенствование теоретических методов и концепций изучения категории вежливости.

В целом авторы выпуска стремились рассмотреть различные аспекты современного исследовательского ландшафта лингвистической категории вежливости, показать потенциал классических и современных подходов к исследованию данного сложного феномена. В выпуске представлены исследования, опирающиеся на методы лингвистической прагматики, дискурсивного анализа, истории языка, медиалингвистики, культурологии и критики языка. Предлагаемые вниманию читателей статьи могут быть полезны для филологов-германистов, интересующихся проблемами вежливости в разных сферах немецкоязычной коммуникации: политике, образовании, науке, массмедиа, бизнесе и др.

Г. А. БАЕВА, И. Е. ЕЗАН, К. А. ФИЛИППОВ
Санкт-Петербургский государственный университет

Справочные материалы

Словарь современного русского литературного языка (ССРЛЯ). Т. 2: В. Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 1934 с.

Литература

Еемерен Ф. Х., Гроотендорст Р. Систематическая теория аргументации: прагма-диалектический подход / под общ. ред. О. А. Доманова. М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2021. 264 с.

Заянчковская О. О. Концептуальный анализ эмоционального лексикона // Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход / под общ. ред. В. И. Заботкиной. 2-е изд. М.: Издательский дом ЯСК, 2019. С. 243–268.

Ивин А. А. Основы теории аргументации. М.: ВЛАДОС, 1997. 352 с.

Позднякова Е. М., Суворина Е. В. Исследование структуры ментального лексикона // Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход / под общ. ред. В. И. Заботкиной. 2-е изд. М.: Издательский дом ЯСК, 2019. С. 185–242.

Скребцова Т. Г. Лингвистика дискурса: структура, семантика, прагматика. М.: Издательский дом ЯСК, 2020. 312 с.

Фишер Р., Юри У. Путь к согласию (соглашение без ущерба для договаривающихся сторон) // Язык и моделирование социального взаимодействия / общ. ред. В. В. Петрова. М.: Прогресс, 1987. С. 173–206.

Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против»: сб. статей / под ред. Е. Я. Басина, М. Я. Полякова. М.: Прогресс, 1975. С. 193–230.

Brinker K. *Linguistische Textanalyse. Eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden*. 6. Aufl. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2005. 179 S.

Ehrhardt C. Höflichkeit // *Handbuch Pragmatik* / Hrsg. von F. Liedtke, A. Tuchen. Stuttgart: J. B. Metzler, 2018. S. 282–292. https://doi.org/10.1007/978-3-476-04623-9_28

Leech G. N. *The Pragmatics of Politeness*. Oxford: University Press, 2014. 343 p.

Meibauer J. *Pragmatik. Eine Einführung*. Tübingen: Stauffenburg Verlag, 2006. 208 S.

References

Brinker K. *Linguistische Textanalyse. Eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden*. 6. Aufl. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2005. 179 S.

Eemeren F. H. van, Grootendorst R. *Systematic Argumentation Theory: The Pragma-Dialectic Approach*, ed. by O. A. Domanova. Moscow, Kanon + ROOI “Reabilitatsiia” Publ., 2021, 264 p. (In Russian)

Ehrhardt C. Höflichkeit. *Handbuch Pragmatik*, Hrsg. von F. Liedtke, A. Tuchen. Stuttgart, J. B. Metzler, 2018, S. 282–292. https://doi.org/10.1007/978-3-476-04623-9_28

Fisher R., Urey W. Path to agreement (agreement without prejudice to the contracting parties). *Iazyk i modelirovanie sotsial'nogo vzaimodeystviia*, ed. by V. V. Petrova. Moscow, Progress Publ., 1987, pp. 173–206. (In Russian)

Ivin A. A. *Fundamentals of the argumentation theory*. Moscow, VLADOS Publ., 1997, 352 p. (In Russian)

Jacobson R. Linguistics and poetics. *Strukturalizm: “za” i “protiv”: sb. statei*, eds Ye. Ya. Basina, M. Y. Polyakova. Moscow, Progress Publ., 1975, pp. 193–230. (In Russian)

Leech G. N. *The Pragmatics of Politeness*. Oxford, University Press, 2014, 343 p.

Meibauer J. *Pragmatik. Eine Einführung*. Tübingen, Stauffenburg Verlag, 2006, 208 S.

Pozdnyakova E. M., Suvorina E. V. Study of the structure of the mental lexicon. *Metody kognitivnogo analiza semantiki slova: komp'iuterno-korpusnyi podkhod*, ed. by V. I. Zabotkina. 2nd ed. Moscow, Izdatel'skii Dom YASK Publ., 2019, pp. 141–183. (In Russian)

Skrebtsova T. G. *Discourse linguistics: structure, semantics, pragmatics*. A lecture course. Moscow, Izdatel'skii Dom YASK Publ., 2020, 312 p. (In Russian)

Zayanchkovskaya O.O. Conceptual analysis of the emotional lexicon. *Metody kognitivnogo analiza semantiki slova: komp'uterno-korpusnyi podkhod*, ed. by V.I. Zabotkina. 2nd ed. Moscow, Izdatel'skii Dom YASK Publ., 2019, pp. 243–268. (In Russian)

Баева Галина Андреевна

профессор кафедры немецкой филологии СПбГУ, доктор филологических наук
Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Galina A. Baeva

Professor of German Philology Department, St. Petersburg State University,
Doctor of Philological Sciences
Address: 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

E-mail: g.baeva@spbu.ru

Езан Ирина Евгеньевна

доцент кафедры немецкой филологии СПбГУ, кандидат филологических наук
Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Irina J. Jesan

Associate Professor of German Philology Department, St. Petersburg State University,
Candidate of Philological Sciences
Address: 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

E-mail: i.ezan@spbu.ru

Филиппов Константин Анатольевич

профессор кафедры немецкой филологии СПбГУ, доктор филологических наук
Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Konstantin A. Filippov

Professor of German Philology Department, St. Petersburg State University,
Doctor of Philological Sciences
Address: 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

E-mail: k.filippov@spbu.ru

Статья поступила в редакцию 15 апреля 2023 г.
Принята к публикации 26 апреля 2023 г.

I. КАТЕГОРИЯ ВЕЖЛИВОСТИ В НАУЧНОЙ И ДЕЛОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

УДК 811.112.2

С. Т. НЕФЕДОВ, П. И. КОНДРАТЕНКО

Санкт-Петербургский государственный университет

ОЦЕНКА КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ВЕЖЛИВОСТИ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ И ЭКСПЕРТА*

Для цитирования: *Нефедов С. Т., Кондратенко П. И.* Оценка как инструмент профессиональной вежливости исследователя и эксперта // *Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете.* 2023. Т. 13. С. 24–41. <https://doi.org/10.21638/spbu33.2023.101>

Исследователь как участник научного общения в постоянном режиме совершает оценку положений, излагаемых другими авторами, и вкладывает определенную степень категоричности в свои оценочно-насыщенные утверждения. При этом он находится под воздействием двух противоположно направленных факторов. С одной стороны, исследователь должен быть достаточно категоричным и убедительным, чтобы отстаивать личную точку зрения в научной, пусть даже заочной дискуссии с коллегами по предметной области. С другой стороны, он должен следить за степенью категоричности высказываний и соблюдать максимум вежливости, сохраняя открытость для дальнейшего диалога за счет отказа от слишком категоричных, беспепелляционных утверждений. В противном случае он может нанести ущерб своему профессиональному имиджу, вызвав ответные критические реакции оппонентов. Аналогичные факторы определяют коммуникативное поведение эксперта, балансирующего между стремлением к объективности оценивания рецензируемого труда в совокупности не только положительных, но и отрицательных его качеств и построением взаимно-уважительных отношений между участниками научно-экспертной коммуникации. В свете сказанного главной целью настоящей статьи является анализ аксиологического плана научно-исследовательских и научно-экспертных текстов социогуманитарного цикла на предмет выявления стратегий вежливости в проекции на межличностное общение. В качестве эмпирического материала служат четыре исследовательских корпуса текстов: два корпуса теоретических статей по социологии на немецком и русском языках и два корпуса немецко- и русскоязыч-

* Исследование подготовлено при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 22-28-01024 «Язык оценок в научных гуманитарных практиках и дискурсах Германии и России» в СПбГУ.

ных научных рецензий лингвистической тематики. В фокусе анализа находятся языковые средства экспликации модально-оценочных позиций речевых субъектов и применяемые ими стратегии вежливой коммуникации. Методология анализа опирается на теоретические положения социологических теорий вежливости, лингвопрагматики и лингвистики дискурса. Полученные результаты позволяют восполнить пробелы в описании коммуникативно-стратегических профилей научных статей и рецензий на немецком и русском языках и выявить этнокультурную специфику в оперировании стратегиями профессиональной вежливости.

Ключевые слова: вежливость, профессиональная научная коммуникация, коммуникативная стратегия, язык оценок, познавательная оценка, экспертная оценка.

S. T. NEFEDOV, P. I. KONDRATENKO
St. Petersburg State University

EVALUATION AS A TOOL OF PROFESSIONAL POLITENESS OF RESEARCHERS AND EXPERTS*

For citation: Nefedov S. T., Kondratenko P. I. Evaluation as a tool of professional politeness of researchers and experts. *German Philology in St. Petersburg State University*, 2023, vol. 13, pp. 24–41. <https://doi.org/10.21638/spbu33.2023.101> (In Russian)

The researcher is constantly evaluating ideas presented and embedding a certain degree of categoricity in the value-laden statements. On the one hand, the researcher must be categorical and persuasive to defend a personal point of view in a scientific discussion with colleagues. On the other hand, the researcher should maintain a maximal degree of politeness, keeping an open mind for further dialogue by avoiding overly categorical assertions. Otherwise, one may damage one's professional face by provoking counter-critical reactions. Similar factors determine the communicative behavior of an expert, which balances between striving for an objective appraisal of the work reviewed as a whole not only of its positive and negative qualities and the establishment of respectful relations between the participants of scientific-expert communication. The aim of the present paper is to analyse the axiological aspect of socio-humanitarian research articles and scientific-expert texts in order to reveal the strategies of politeness in interpersonal projection. The research data are two corpora of theoretical articles on sociology in German and Russian and two corpora of German and Russian scientific reviews on Linguistics. The analysis focuses on the linguistic means of expressing the evaluative positions of the communicants and the strategies of polite communication employed by them. The methodology is based on the positions of sociological politeness theories, pragmalinguistics and discourse linguistics. The results fill the gaps in the description of the communicative profiles of scientific articles and

* The study was prepared with the support of the Russian Science Foundation (project 22-28-01024 "Evaluation language in scholarly humanities practices and discourses of Germany and Russia") at the St. Petersburg State University.

reviews in German and Russian and identify linguistic and cultural specificity in the use of professional politeness strategies.

Keywords: politeness, professional academic communication, communication strategy, evaluative language, cognitive evaluation, expert evaluation.

1. Введение

Оценка является центральной категорией в изучении научной коммуникации. Едва ли можно найти научные тексты без прямого или скрытого выражения оценочного отношения субъекта к предмету обсуждения, высказываниям других исследователей, собственным утверждениям. Хотя оценки, как правило, буквально рассыпаны по научным текстам и встречаются практически в каждом текстовом высказывании, нередко образуя аксиологические скопления в отдельных макроэлементах текстовой структуры [Hunston 2011: 16; Данилевская 2013: 41; Кондратенко 2022: 531], выявить и понять их смысл не всегда оказывается простой задачей. Сложности в интерпретации оценочных смыслов возникают уже потому, что оценка может быть представлена в тексте не только эксплицитно, но и довольно часто в имплицитной, прямо не выраженной форме. Нередко текстовое высказывание не содержит в своей речевой структуре эксплицитно-оценочных лексем или выражений и на поверхности кажется нейтральным, но в действительности оно, как правило, прагматически нацелено на то, чтобы вызвать у адресата оценочную реакцию на сообщаемое. Так, в контекстах научно-исследовательской социокоммуникативной практики асертивные высказывания способны изменять свою иллокуцию, демонстрируя степень достоверности, с которой авторы научных статей и монографий сообщают те или иные сведения [Нефедов 2021: 766]. Аналогичные случаи характеризуют и научно-экспертную коммуникацию: утвердительные высказывания рецензентов допускают оценочную интерпретацию в положительном или отрицательном ключе (подробнее об оценке посредством констатации фактов см.: [Nefedov 2019: 1876]).

Вышесказанное требует широкого подхода к языку оценок, объективирующему аксиологическую деятельность субъектов, как функциональной системе, объединяющей эксплицитные и имплицитные средства оценивания, — носителей оценки и катализаторов/актуализаторов оценки [Nefedov 2022: 1710]. С одной стороны,

в канве научных текстов присутствуют непосредственные носители оценочных значений — качественно-квалифицирующие лексемы (адъективы, адъективированные причастия, *nomina qualitatis*). Данные средства отсылают к системе коллективных научных ценностей и устанавливают соответствие/несоответствие им по качеству научного результата, использованных процедур и методов, языка и стиля изложения и т. д. (например, прилагательное *всесторонний*, квалифицирующее проведенный анализ на предмет соответствия требованиям полноты и объективности, предъявляемым к научному труду). Категориально подобные средства включаются в поле лексической оценки, относящейся к отдельным сущностям — *entities* [Hunston, Thompson 2000; Martin, White 2005: 38], обсуждаемым и оцениваемым в тексте. С другой стороны, у «оценочного айсберга» есть огромная, не видимая на поверхности часть: в реализации оценочных смыслов задействуется целый ряд языковых средств (прежде всего грамматических), которые исходно, в системно-языковом плане не имеют оценочной семантики. К числу таких средств относятся, например, отрицание, модально-эпистемические компоненты, коннекторы, некоторые предлоги (например, *neben* и *nur*) и наречия (*zudem*, *außerdem*), конъюнктив, модальные глаголы, другие эгоцентрические слова, выражения и грамматические формы, соотношенные с субъектом дискурса и маркирующие его присутствие в социальной интеракции. Все они в употреблении способны актуализировать скрытую оценочность текстовых высказываний на уровне пропозиционального содержания текста и текстовой семантики, образуя, таким образом, пласт пропозициональной, грамматической оценки. При этом следует обратить внимание на то, что перечисленные языковые ресурсы, так же как и непосредственные носители оценочных значений — оценочные лексемы, обнаруживают на уровне значения глубинные семантические связи со сравнением. Это закономерно, если учитывать, что ситуация сравнения закладывает речемыслительную основу для оценки как таковой.

В настоящей статье в качестве объекта анализа выступает эксплицитный пласт языка оценки (лексическая оценка) и контексты профессиональной научной коммуникации с включением эксплицитно-оценочных единиц. Основной исследовательский вопрос состоит в том, чтобы выявить, как в текстах социогуманитарной сферы научного познания (статьях по социологии и лингвистиче-

ских рецензиях в русско- и немецкоязычных научных сообществах) выражается критическое отношение субъекта науки и тем самым его оценочная позиция (*evaluation stance*) по отношению к точке зрения других исследователей (подробнее об исследованиях оценки как позиционирования или *stance-taking* в англо-американской терминологии см.: [Hyland 2005; Du Bois 2007; Hood 2012] и др.). При этом критическое отношение трактуется расширительно — как обсуждение и выражение личного мнения исследователя (не только отрицательного, но и положительного) с целью сформулировать оценку в результате критической рациональной рецепции научных результатов других исследователей. Критика понимается в таком контексте как необходимое условие в ходе поиска нового знания, его онтологического продвижения из сферы новых, еще не верифицированных сведений к «твердому ядру науки» [Ильин 1989], а также дальнейшего распространения полученных результатов. Особо укажем на то, что широкое понимание критики, применяемое нами при рассмотрении оценочных средств, отличается от концепции критики как обсуждения с целью вынесения отрицательного суждения, несогласия с представленной другой позицией, выявления противоречий и недостатков.

Несмотря на существование универсальных черт, характеризующих научное познание, — объективности, доказательности, нетривиальности и т. д. [Ильин 1989: 34–37], критическая рецепция идей и результатов других исследователей по-разному представлена в научно-исследовательских статьях, с одной стороны, и академических журнальных рецензиях — с другой. Для научно-исследовательских статей в большей степени характерна эпистемическая познавательная оценка, соотнесенная с личным мнением и профессиональным опытом исследователя, в то время как в научных рецензиях реализуются нормоцентричные экспертно-оценочные акты, апеллирующие к коллективно-разделяемым стандартам получения и представления новых научных результатов [Нефедов 2021: 766–769]. Вариативность оценок в рассматриваемых социокоммуникативных практиках следует из различных коммуникативных установок и специфики взаимоотношений между участниками общения. Научно-исследовательская профессиональная коммуникация носит симметричный характер, в то время как в научно-экспертной коммуникации, несмотря на формально равный статус участников общения, рецензент выступает как субъект

научного взаимодействия, наделенный большей компетентностью в оперировании научными фактами и стандартами научного изложения. Скрытая асимметрия в коммуникации и уязвимость статуса рецензируемого автора побуждают рецензентов сглаживать острые углы при вынесении оценок, объясняет использование средств хеджинга для некатегоричного представления авторской позиции [Graefen, Thielmann 2007: 91–92] и деинтенсификаторов оценки. В противном случае ситуация критической рецепции сообщаемого знания в рецензиях может угрожать собеседнику потерей лица, представленного в концепции И. Гофмана как позитивная социальная ценность, которую каждый субъект утверждает в процессе коммуникативного взаимодействия с другими и которая принимается и поддерживается остальными участниками коммуникации [Goffman 1967: 8]. Бережное отношение к лицу, к профессиональному имиджу коммуникантов объясняет тенденцию к вежливому общению, свойственную научным текстам как таковым [Пономарева 2018: 128–129]. Смягчению авторской позиции в научных статьях и рецензиях способствуют также такие характерные черты письменной коммуникации в академической среде, как неанонимность исследователей и экспертов, а также временная дистанция между участниками научного диалога, не позволяющая отреагировать на негативно-оценочные суждения в режиме реального времени (face-to-face) и заставляющая коммуникантов предвосхищать и заранее компенсировать возможные репутационные потери.

Субъективный и прагматически ориентированный на адресата характер оценки в научном дискурсе, учет ее потенциала в реализации актов, угрожающих лицу собеседника (face-threatening acts), вызывают необходимость рассмотрения аксиологического плана академических коммуникативных практик в тесной связи с универсальной категорией вежливости. Научная ценность исследований такого рода поддерживается также аксиоматическим тезисом о культурной специфике и дискурсивной природе вежливости, а также возрастающей потребности изучения языкового наполнения данной категории в обращении к параметрическим особенностям конкретного дискурса [Watts 2003: 141; Ларина 2009: 164–167; Caffi 2013: 257]. Вместе с тем складывается впечатление, что даже в профильных тематических сборниках, посвященных актуальному изучению стратегий вежливости в контекстах различных социо-

коммуникативных практик, специфика вежливой коммуникации исследователей не получает (достаточного) освещения. Так, например, в фундаментальном справочнике издательства «Палгрейв», посвященном вопросам языковой (не)вежливости («The Palgrave Handbook of Linguistic (Im)Politeness») [Culpeper, Haugh, Kadar 2017], представлены стратегии вежливого взаимодействия коммуникантов в сферах медицины, юриспруденции, делопроизводства и даже в новых медиа и пространстве художественных текстов, но сфера научного общения остается за рамками рассмотрения. То же самое верно как для более ранних [Terkourafi 2015], так и для последующих [Archer, Grainger, Jagodziński 2020] известных коллективных монографий о вежливости.

Наблюдаемые дефициты актуальной научной информации обусловили цель настоящей статьи — проанализировать эксплицитно-оценочные высказывания исследователей и экспертов социогуманитарных научных направлений в свете профессиональной академической вежливости, выявить особенности оценок в проекции на вежливую коммуникацию и выделить характерные стратегии вежливости в научно-исследовательской социологической и научно-экспертной лингвистической коммуникации на немецком и русском языках.

2. Материал и методы

В соответствии с поставленной целью для анализа были собраны четыре исследовательских корпуса — два корпуса научно-исследовательских статей отечественных и немецких социологов (по 30 статей в каждом корпусе соответственно) и два корпуса научных рецензий немецких и российских лингвистов (по 50 рецензий в каждом корпусе). Немецко- и русскоязычный социологический корпус составили статьи, опубликованные в период с 2012 по 2022 г. в ведущих журналах соответствующего профиля: «Zeitschrift für Soziologie», «Wissenschaftliche Soziologie»/WISO, «Gender. Zeitschrift für Geschlecht», «Kultur und Gesellschaft», «Социологический журнал», «Социологические исследования РАН» и «Вестник СПбГУ. Социология». В корпус лингвистических научно-экспертных текстов вошли рецензии, опубликованные в период с 2016 по 2020 г. в авторитетных отечественных и немецких журналах по лингвистике: «Zeitschrift für Rezensionen zur

germanistischen Sprachwissenschaft», «Zeitschrift für Angewandte Linguistik», «Zeitschrift für Sprachwissenschaft», «Вестник РУДН. Серия: Лингвистика (Russian Journal of Linguistics)», «Вопросы ономастики» и «Вопросы языкознания».

Для проведения квалификативно-квантитативного анализа, в частности для установления относительной частотности употребления определенных оценочных средств и интерпретации полученных данных в проекции на нормы и коммуникативные стратегии научного общения, была осуществлена структурная сегментация текстов на предикации. Под текстовой предикацией, вслед за В.Г. Адмони и Х. Вайнрихом [Адмони 1986: 219; Weinrich 1993: 112], понимается двухкомпонентная текстовая структура, воплощающая динамическое развертывание пропозиционального (предметного) содержания текста и состоящая из определяемого компонента (субъекта) и предидицируемого признака (предиката). В результате проведенной сегментации в русскоязычном социологическом корпусе установлены 11 820, а в немецкоязычном социологическом — 18 906 предикаций, т. е. несколько больше, так как статьи немецких авторов в целом более объемны, чем у российских социологов. Противоположная тенденция наблюдается в корпусах лингвистических журнальных рецензий: объем немецкоязычного корпуса составляют 6843 текстовые предикации, в то время как русскоязычный корпус научно-экспертных текстов насчитывает 8312 предикаций.

В нашем исследовании акцентируется межкультурный и межъязыковой аспекты функционирования оценок в их соотносительности с различными национальными традициями и академическими стандартами разных научных школ — отечественной и немецкой. В методологическом плане исследование исходит из того, что культурная специфика языка, языковой деятельности и отдельных функциональных подсистем, таких как язык оценок, связана не только с концептуализацией и фиксацией в семантике языковых единиц национально-специфического видения мира (с «языковой картиной мира»), но и с коммуникацией, в которой это видение реализуется. Более того, только внутри социальных коммуникативных практик, таких как научно-исследовательская, научно-экспертная, научно-обучающая, и манифестирующих их дискурсов через анализ авторского выбора тех или иных лингвистических средств в сопоставляемых языках можно объяснить национально-

специфические особенности коммуникативно-речевого поведения субъектов дискурса, пользующихся словом как орудием социального действия и инструментом воздействия на других участников дискурса. Поэтому, вслед за Х. Куссе и В. Е. Чернявской [Куссе, Чернявская 2019], в статье используется дискурсивно-ориентированный подход в культурологической лингвистике, позволяющий выйти за пределы одного национального языка и одной национальной культуры и привлекать к рассмотрению транстекстовые структуры, общие для разных языков в избранной сфере коммуникации.

3. Результаты

В ходе проведенного анализа с учетом структурно-предикационной сегментации текстов были выделены контексты, содержащие эксплицитное выражение оценки через квалификативные лексемы разной частеречной принадлежности. Как в социологических научно-исследовательских, так и в лингвистических научно-экспертных корпусах это прежде всего: 1) адъективные лексемы (прилагательные, качественные наречия, адъективированные причастия): а) с позитивной оценочной полярностью: *ausführlich, überzeugend, sinnvoll, konsequent, wichtig, neu, aktuell, innovativ, originell, klar, systematisch, aussagekräftig, interessant, nachvollziehbar, wichtig, relevant, wesentlich, wertvoll, plausibel, fundiert, deutlich, konzis, stichhaltig, präzise, prägnant, ordentlich, umfassend, umfangreich, detailliert, differenziert, profund; übersichtlich; всесторонний, масштабный, многогранный, обстоятельный, актуальный, инновативный, новаторский, уникальный, корректный, перспективный, убедительный* и др.; б) с негативной оценочной полярностью, реализуемой в том числе за счет подключения эксплицитного отрицания *nicht* или отрицательных префиксов *im-, ir-* и *ne-* к исходно позитивно-оценочным лексемам: *fragwürdig, falsch, vage, problematisch, apodiktisch, fehlend, präventios, rätselhaft; unklar, unverständlich, unbefriedigend, irritierend, irrelevant, nicht überzeugend, nicht vertrauenswürdig, nicht deutlich, nicht klar, nicht korrekt, nicht nachvollziehbar, nicht angemessen, nicht aussagekräftig, nicht zielführend; аспекттивный, односторонний, поверхностный, скудный, непрозрачный, случайный, спекулятивный, спорный, умозрительный, уязвимый* и др.; 2) абстрактные существительные (обозначения качеств; так называемые *nomina qualitatis*): а) с позитивной оценочной полярностью: *Schlüssigkeit, Stringenz, Klarheit, Deutlichkeit,*

Ausführlichkeit, Verständlichkeit, Prägnanz; Genauigkeit; глубина, добро-совестность, насыщенность, подробность, разнообразие, целост-ность, продуктивность, достоверность и др.; б) с негативной оценочной полярностью: *Haupt(Problem), Widerspruch, Schwäche, Schwachstelle, Redundanzen, Unkonsistenz, Ungenauigkeit, недостаток, лакуна, неоднозначность, спорность* и некоторые другие эксплицит-ные средства, к которым относятся, например, глаголы типа *fehlen, nicht diskutieren, widersprechen, nicht liefern*, наречия вроде *detailliert, sorgfältig, überzeugend* (зафиксированы только в корпусе русскоязычных лингвистических рецензий) и др.

На втором этапе с применением прагмасемантического, кон-текстуального, социолингвистического и тексто-дискурсивного анализа в социологическом немецко- и русскоязычном корпусах выделялись контексты, в которых выражено либо негативно-оце-ночное, либо позитивно-оценочное отношение исследователя к чужому мнению. В результате в немецкоязычном социологическом корпусе было выявлено 1644 предикации с негативно-критическим отношением и 616 — с позитивно-оценочным отношением. Соот-ношение отрицательных эксплицитных оценок к положительным составляет, таким образом, 2,7:1.

В русскоязычном корпусе наблюдается противоположная си-туация. Здесь обнаружены 1422 текстовые предикации, в кото-рых выражено позитивно-оценочное отношение, и 506 с негатив-но-оценочным отношением, т. е. соотношение выглядит как 2,8:1, но в пользу положительно заряженных контекстов.

В корпусах немецко- и русскоязычных лингвистических рецен-зий было бы недостаточно выделить контексты с позитивно- или негативно-поляризованным отношением к объекту оценки, так как текстотипологическая специфика рецензии подразумевает необходимость квалификации чужих положений, воззрений и результа-тов. Отметим, однако, что явным прагматическим потенциалом на уровне коммуникативной интеракции обладает различное сочета-ние позитивных и негативных оценок в аксиологических кластерах по принципу *da... no*. В зависимости от того, как направлена оцен-ка в таких кластерах — от «+» к «-» или наоборот, — по-разному соблюдается равновесие между полемически заостренными дово-дами и выражением уважительного отношения к имиджу других участников научно-экспертного коммуникативного взаимодей-ствия (подробнее см.: [Кондратенко 2022]).

Скопления оценок с различной полярностью были обнаружены в 58 % немецкоязычных научно-экспертных текстов. Такой же процентный показатель был зафиксирован и для русскоязычных лингвистических рецензий. Однако суммарное число интересующих нас кластеров в немецком лингвистическом корпусе достигает 62, а в русскоязычных рецензиях насчитывается 81 скопление оценок с гетерогенной полярностью. При этом в 35 % кластеров в немецкоязычных рецензиях зафиксировано движение авторской мысли от негативных оценок к позитивным, а негативно окрашенные квалификации рецензируемого труда акцентируются в 65 % кластеров с включением различно поляризованных оценок. В то же время в русскоязычных рецензиях кластеры, фокусирующие позитивные оценки, соотносятся с полемически заостренными оценочными скоплениями как 50 к 50 %.

Количественное изучение текстов научно-исследовательской и научно-экспертной социокоммуникативных практик позволяет проследить, насколько открыто критикуются оппоненты по научной дискуссии в немецко- и русскоязычном социологических и лингвистических сообществах, и сделать выводы о действующих, общепринятых правилах профессиональной вежливости.

Как показал анализ, отечественные социологи стараются избегать открытой негативной критики чужого мнения. Для русскоязычного текстового корпуса типична позитивная или нейтральная оценочная позиция относительно чужих взглядов — со ссылкой на авторитетное знание, верифицированное и разделяемое большинством исследователей в данной области (в соответствии с формулой «как мы все знаем»). Таким образом, воздержание от негативной критики и от открытого выражения несогласия с чужими взглядами считается профессионально вежливым, и такая вежливость рассчитана на определенные коммуникативные последствия: поскольку в текстах мало негативной критики, то от коллег также ожидается меньше критики.

Немецкие коллеги демонстрируют другие представления о вежливости в научной дискуссии. В социологических статьях на немецком языке открытое выражение негативной критики, своей личной субъективной позиции приобретает нормативный характер. При этом слишком категоричные отрицательные оценочные суждения смягчаются за счет подключения средств хеджирования, которые в англоязычной научной литературе объединяются под

общим понятием *hedging* (см.: [Hyland 2004; 2005]). Это, например, средства модализации высказывания: использование модальных глаголов (*Man kann sagen, es scheint mir*) и модально-эпистемических слов (*vielleicht, möglicherweise, offenbar*), наречие *eher* и др. средства смягчения категоричности высказываний. Таким образом, немецкоязычный автор-исследователь постоянно оценивает степень категоричности своих утверждений и варьирует ее при помощи средств смягчения — в зависимости от уместности в том или ином контексте научного сообщения и в связи с общепринятыми нормами профессионального взаимодействия, цель которого заключается не в конфронтации, а достижении компромисса и возможной совместимости разных точек зрения при определенных условиях и обстоятельствах.

В целом же применительно к рассмотренному текстовому материалу можно говорить о двух разных стратегиях профессиональной вежливости, принятых в российском и немецком социологических сообществах при выражении критического в широком смысле отношения к мнению других исследователей: 1) стратегия солидаризации с чужим или общепринятым мнением, типичная для русскоязычных социологов и 2) стратегия субъективно-личного несогласия с мнением оппонента в рестриктивном, смягченном модусе, характерная для немецких социологов.

Сопоставимые выводы можно сделать, обобщив данные количественно-качественного анализа контекстов с включением различно поляризованных оценок в лингвистических рецензиях. Несмотря на то что взаимодействие позитивных и негативных оценок в пределах коммуникативно-прагматических сегментов одинаково характеризует рецензии как немецких, так и отечественных лингвистов, распределение кластеров в соответствии с фокусированием оценочной деятельности рецензента на положительных и отрицательных свойствах объектов демонстрирует лингвокультурную специфику. Так, для немецких экспертов характерно более высокое внимание к недостаткам рецензируемых работ. Заметим, однако, что негативно-оценочные высказывания в немецкоязычных научно-экспертных текстах статистически чаще, чем в рецензиях отечественных экспертов, сопровождаются средствами деинтенсификации (8 % всех оценочно-насыщенных высказываний в немецком корпусе против 5 % в русском). Лингвистические рецензии на русском языке, напротив, отражают стремление субъектов экс-

пертно-оценочной деятельности к уравниванию негативно-критического и комплиментарного в аксиологических скоплениях. О тяготении отечественных лингвистов к укреплению взаимоотношений с рецензируемыми авторами за счет скрытой или явной похвалы свидетельствуют контексты, в которых объектом (исключительно позитивной) оценки выступает не рассматриваемая монография, а фигура автора — его профессиональные компетенции (*научная добросовестность, методический профессионализм*), высокий статус в исследовательском сообществе (*великий ученый, научный подвиг авторов*), личностные характеристики (*скрупулезность*). Кроме того, примечательно, что в русскоязычном лингвистическом корпусе встречаются случаи сокращения коммуникативной дистанции за счет использования имени и отчества автора рецензируемого труда (без фамилии) в качестве апелляции к непосредственному реципиенту экспертной оценки.

Таким образом, применительно к корпусам лингвистических научных рецензий на немецком и русском языках можно выделить две характерные стратегии профессиональной вежливости: 1) стратегию сдержанного критицизма, типичную для немецкоязычных лингвистов; 2) комплиментарную стратегию вежливости, свойственную русскоязычным научно-экспертным текстам лингвистического профиля.

4. Заключение

В результате контекстуального, прагмасемантического, социолингвистического и текстово-дискурсивного анализа лексико-грамматических оценочных единиц, модально-эпистемических слов, выражающих уверенность или сомнение, средств авторизации, структур акцентного выделения и средств смягчения категоричности квалифицирующих суждений были выявлены некоторые этнокультурные особенности профессиональной вежливости в социогуманитарных науках. Установлено, что немецкие социологи и лингвисты следуют стратегиям субъективно-личного несогласия с мнением оппонента и критицизма в рестриктивном модусе, в то время как в русскоязычных статьях по социологии и лингвистических рецензиях реализуются стратегии солидаризации с чужим или общепринятым мнением и комплиментарной вежливости, направленной на установление контакта и поддержание имиджа со-

беседника в коммуникации. Изложенные в нашей статье результаты доказывают, что оценка и, в частности, выбор соответствующей оценочной полярности при квалификации чужих идей и результатов может мотивироваться необходимостью вести научный диалог с вниманием к собеседнику и его профессиональной репутации. Иными словами, язык оценок обладает высоким функциональным потенциалом для поддержания вежливого взаимодействия участников научно-исследовательской и научно-экспертной коммуникативных практик.

Источники иллюстративного материала

Вестник РУДН. Серия: Лингвистика (Russian Journal of Linguistics). URL: <https://journals.rudn.ru/linguistics?ysclid=leit49hovk453819481> (дата обращения: 06.01.2023).

Вестник СПбГУ. Социология. URL: <https://sociologyjournal.spbu.ru/> (дата обращения: 06.01.2023).

Вопросы ономастики. URL: <http://www.onomastics.ru/?ysclid=leit7g4c1c647453788> (дата обращения: 06.01.2023).

Вопросы языкознания. URL: <https://vja.ruslang.ru/?ysclid=eit8286zq714709207> (дата обращения: 06.01.2023).

Социологические исследования РАН. URL: <https://www.isras.ru/socis.html?ysclid=leit9l6a2o400006506> (дата обращения: 06.01.2023).

Социологический журнал. URL: <https://www.journal-socjournal.ru/index.php/socjour> (дата обращения: 06.01.2023).

Gender. Zeitschrift für Geschlecht, Kultur und Gesellschaft. URL: <https://www.gender-zeitschrift.de/start> (дата обращения: 06.01.2023).

Wissenschaftliche Soziologie / WISO. URL: <https://www.zeitschriftwiso.at/ueber-wiso/profil-der-zeitschrift> (дата обращения: 06.01.2023).

Zeitschrift für Angewandte Linguistik. URL: <https://www.degruyter.com/journal/key/zfal/html> (дата обращения: 06.01.2023).

Zeitschrift für Rezensionen zur germanistischen Sprachwissenschaft. URL: <https://www.degruyter.com/journal/key/zrs/html?lang=de> (дата обращения: 06.01.2023).

Zeitschrift für Soziologie. URL: <https://www.degruyter.com/journal/key/zfsoz/html?lang=de> (дата обращения: 06.01.2023).

Zeitschrift für Sprachwissenschaft. URL: <https://www.degruyter.com/journal/key/zfsw/html?lang=de> (дата обращения: 06.01.2023).

Литература

Адмони В. Г. Теоретическая грамматика немецкого языка. Строй современного немецкого языка. М.: Просвещение, 1986. 336 с.

Данилевская Н. В. Об особом статусе оценки в научном тексте // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2013. № 2 (22). С. 37–43.

Ильин В. В. Критерии научности знания. М.: Высшая школа, 1989. 128 с.

Кондратенко П. И. «Основной недостаток книги проистекает из ее главного достоинства»: оценочная стратегия полярной компенсации в рецензиях немецких и российских лингвистов // Неофилология. 2022. № 8 (3). С. 530–539. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-3-530-539>

Кусе Х., Чернявская В. Е. Культура: объяснительные возможности понятия в дискурсивной лингвистике // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2019. № 16 (3). С. 444–462. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2019.307>

Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 512 с.

Нефедов С. Т. Варьирование оценки в коммуникативных практиках научного дискурса // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2021. № 18 (4). С. 760–778. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2021.408>

Пономарева Т. В. Этикет в немецкоязычных научных текстах // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. 2018. Вып. 8. С. 123–132.

Archer D., Grainger K., Jagodziński P. Introduction. Politeness in professional contexts // Politeness in Professional Contexts / eds D. Archer, K. Grainger, P. Jagodziński. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2020. P. 1–25.

Caffi C. Mitigation // Pragmatics of Speech Actions. Handbooks of Pragmatics / eds M. Sbisà, K. Turner. In 14 vols. Vol. 2. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2013. P. 257–286.

Culpeper J., Haugh M., Kádár D. Z. Introduction // The Palgrave Handbook of Linguistic (Im)Politeness / eds J. Culpeper, M. Haugh, D. Z. Kádár. London: Palgrave Macmillan, 2017. P. 1–9.

Du Bois J. W. The stance triangle // Stancetaking in Discourse. Subjectivity, evaluation, interaction / ed. by R. Englebretson. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2007. P. 139–182.

Goffman E. Interaction Ritual: Essays on Face-to-Face Behavior. New York: Doubleday, 1967. 270 p.

Graefen G., Thielmann W. Der wissenschaftliche Artikel // Reden und Schreiben in der Wissenschaft / eds P. Auer, H. Baßler. Frankfurt; New York: Campus Verlag, 2007. S. 67–99.

Hood S. *Voice and Stance as Appraisal: Persuading and Positioning in Research Writing across Intellectual Fields // Stance and Voice in Written Academic Genres / eds K. Hyland, C. S. Guinda. London; New York: Palgrave Macmillan, 2012. P. 51–69.*

Hunston S. *Corpus Approaches to Evaluation. Phraseology and Evaluative Language. New York; London: Routledge, 2011. 212 p.*

Hunston S., Thompson G. *Evaluation in text: Authorial stance and the construction of discourse. Oxford: Oxford University Press, 2000. 225 p.*

Hyland K. *Engagement and Disciplinarity: the other side of evaluation // Academic Discourse: New insights into Evaluation / eds G. Del Lungo Camiciotti, E. Tognini Bonelli. Amsterdam: Peter Lang, 2004. P. 13–30.*

Hyland K. *Metadiscourse: Exploring Interaction in Writing. London; New York: Continuum, 2005. 230 p.*

Martin J. R., White P. R. R. *The Language of Evaluation. Appraisal in English. Hampshire; New York: Palgrave Macmillan, 2005. 278 p.*

Nefedov S. T. *Evaluation catalysts: how to recognize evaluative meanings // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2022. № 15 (11). P. 1699–1712. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0945>*

Nefedov S. T. *Towards Evaluation in Scientific Reviews (Based on German Linguistics) // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2019. № 12 (10). P. 1868–1886. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0494>*

Terkourafi M. *Bridging theory and practice in im/politeness research // Interdisciplinary Perspectives of Im/politeness / ed. by M. Terkourafi. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2015. P. VII–XI.*

Watts R. J. *Politeness. New York: Cambridge University Press, 2003. 304 p.*

Weinrich H. *Textgrammatik der deutschen Sprache. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 1993. 1101 S.*

References

Admoni V. G. *Theoretical grammar of the German language. The structure of modern German. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1986, 336 p.*

Archer D., Grainger K., Jagodziński P. *Introduction. Politeness in professional contexts. Politeness in Professional Contexts, eds D. Archer, K. Grainger, P. Jagodziński. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, 2020, pp. 1–25.*

Caffi C. *Mitigation. Pragmatics of Speech Actions. Handbooks of Pragmatics, eds M. Sbisà, K. Turner. In 14 vols. Vol. 2. Berlin, Boston, De Gruyter Mouton, 2013, pp. 257–286.*

Culpeper J., Haugh M., Kádár D. Z. *Introduction. The Palgrave Handbook of Linguistic (Im)Politeness, eds J. Culpeper, M. Haugh, D. Z. Kádár. London, Palgrave Macmillan, 2017, pp. 1–9.*

Danilevskaia N.V. On specific status of evaluation in scientific text. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaia i zarubezhnaia filologiya*, 2013, no. 2 (22), pp. 37–43. (In Russian)

Du Bois J.W. The stance triangle. *Stancetaking in Discourse. Subjectivity, evaluation, interaction*, ed. by R. Englebretson. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, 2007, pp. 139–182.

Goffman E. *Interaction Ritual: Essays on Face-to-Face Behavior*. New York, Doubleday, 1967, 270 p.

Graefen G., Thielmann W. Der wissenschaftliche Artikel. *Reden und Schreiben in der Wissenschaft*, eds P. Auer, H. Baßler. Frankfurt, New York, Campus Verlag, 2007, pp. 67–99.

Hood S. Voice and Stance as Appraisal: Persuading and Positioning in Research Writing across Intellectual Fields. *Stance and Voice in Written Academic Genres*, eds K. Hyland, C. S. Guinda. London, New York, Palgrave Macmillan, 2012, pp. 51–69.

Hunston S. *Corpus Approaches to Evaluation. Phraseology and Evaluative Language*. New York, London, Routledge, 2011, 212 p.

Hunston S., Thompson G. *Evaluation in text: Authorial stance and the construction of discourse*. Oxford, Oxford University Press, 2000, 225 p.

Hyland K. Engagement and Disciplinarity: the other side of evaluation. *Academic Discourse: new insights into Evaluation*, eds G. Del Lungo Camiciotti, E. Togolini Bonelli. Amsterdam, Peter Lang, 2004, pp. 13–30.

Hyland K. *Metadiscourse: Exploring Interaction in Writing*. London, New York, Continuum, 2005, 230 p.

Il'in V. V. *Criteria of scientific knowledge*. Moscow, Vysshiaia shkola Publ., 1989, 128 p. (In Russian)

Kondratenko P.I. “The main drawback of the book originates from its main advantage”: The evaluation strategy of polarity compensation in the reviews of German and Russian linguists. *Neophilology*, 2022, vol. 8, no. 3, pp. 530–539. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-3-530-539> (In Russian)

Kuße H., Cherniavskaia V.E. Culture: Towards its explanatory charge in discourse linguistics. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 2019, no. 16 (3), pp. 444–462. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2019.307> (In Russian)

Larina T. V. *The category of politeness and communication style: A comparison of English and Russian linguistic and cultural traditions*. Moscow, Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi Publ., 2009, 512 p. (In Russian)

Martin J.R., White P.R.R. *The Language of Evaluation. Appraisal in English*. Hampshire, New York, Palgrave Macmillan, 2005, 278 p.

Nefedov S. T. Evaluation catalysts: how to recognize evaluative meanings. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2022, no. 15 (11), pp. 1699–1712. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0945>

Nefedov S. T. Towards Evaluation in Scientific Reviews (Based on German Linguistics). *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2019, no. 12 (10), pp. 1868–1886. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0494>

Nefedov S. T. Variety of evaluation in communicative practices of academic discourse. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 2021, no. 18 (4), pp. 760–778. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2021.408> (In Russian)

Ponomareva T. V. Etiquette in German language scientific texts. *German Philology at the St. Petersburg State University*, 2018, iss. 8, pp. 123–132. (In Russian)

Terkourafi M. Bridging theory and practice in im/politeness research. *Interdisciplinary Perspectives of Im/politeness*, ed. by M. Terkourafi. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, 2015, pp. VII–XI.

Watts R. J. *Politeness*. New York, Cambridge University Press, 2003, 304 p.

Weinrich H. *Textgrammatik der deutschen Sprache*. Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich, Dudenverlag, 1993, 1101 S.

Нефедов Сергей Трофимович (1960–2023)

профессор кафедры немецкой филологии СПбГУ, доктор филологических наук
Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Sergey T. Nefedov (1960–2023)

Professor of German Philology Department, St. Petersburg State University, Doctor of Philological Sciences
Address: 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

Кондратенко Полина Игоревна

ассистент кафедры немецкой филологии СПбГУ
Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Polina I. Kondratenko

Assistant Lecturer of German Philology Department, St. Petersburg State University
Address: 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

E-mail: p.kondratenko@spbu.ru

Статья поступила в редакцию 3 февраля 2023 г.
Принята к публикации 26 апреля 2023 г.

ДИСКУРСИВНО-КОГНИТИВНАЯ ПАРАДИГМА КАТЕГОРИИ ВЕЖЛИВОСТИ В НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ (на материале немецкоязычных рецензий)

Для цитирования: Мхитарьянц Э. Г. Дискурсивно-когнитивная парадигма категории вежливости в научной коммуникации (на материале немецкоязычных рецензий) // *Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете*. 2023. Т. 13. С. 42–62.
<https://doi.org/10.21638/spbu33.2023.102>

Проблематика функционирования лингвистической категории вежливости в научном дискурсе является актуальной и не в полной мере изученной. Целью данной статьи является дискурс-ориентированный анализ реализации категории вежливости на материале немецкоязычных научных рецензий. В рамках данного исследования учитываются текстотипологические, антропоцентрические и интертекстуальные особенности жанра научной рецензии. Вторичная информативность рецензии характеризуется компрессией содержательного пространства первичного научного текста, оценочно-аргументирующей и интертекстуальной составляющими. Материалом исследования послужили рецензии на статьи и монографии в области германистики, социолингвистики и методики преподавания немецкого языка как иностранного. Методология исследования базируется на методах контекстуального анализа, сравнительно-сопоставительного, а также метода лингвистической интерпретации текста. Формы вежливости являются объектом изучения с точки зрения различных перспектив, таких как антропоцентрической, социологической, психологической, прагматической и лингвистической. Принцип кооперации, раскрывающий скорее рациональные и эффективные аспекты коммуникации, максимы вежливости, правила прагматической компетенции обнаруживают себя в различных коммуникативных сферах: в лингвистике, методике и дидактике преподавания немецкого языка как иностранного. Как показал проведенный анализ, в рамках научно-критического текста рецензии понятие конвенциональной академической вежливости обнаруживает свою политекстуальную природу, взаимодействуя с такими категориями, как акцентность, оценка, модальность, интертекстуальность, диалогичность. В ходе исследования было выявлено, что письменная коммуникация в научно-критическом дискурсе имеет свои характерные черты, которые обнаруживают себя в оценочно-модальных маркерах позитивной и негативной вежливости. В результате анализа эмпирического материала можно выделить три микрополя негативной оценки: усиливающее, нейтральное и смягчающее. Послед-

нее из перечисленных микрополей можно рассматривать в качестве негативной вежливости. Модальная и временная отмеченность модусов усиления и смягчения негативной оценки локализована в композиционно-смысловой структуре текста рецензии. Позитивная и негативная вежливость сопровождается оценочно-аргументативные сегменты коммуникативно-прагматической парадигмы научно-критического интертекста.

Ключевые слова: категория вежливости, научный дискурс, вторичные научные тексты, интертекстуальность, категория оценки.

E. G. MKHITARYANTS

Moscow Finance and Law University MFUA

Kaliningrad Branch

DISCURSIVE-COGNITIVE PARADIGM OF THE CATEGORY OF POLITENESS IN SCIENTIFIC COMMUNICATION (ON THE MATERIAL OF GERMAN-LANGUAGE REVIEWS)

For citation: Mkhitaryants E. G. Discursive-cognitive paradigm of the category of politeness in scientific communication (on the material of German-language reviews). *German Philology in St. Petersburg State University*, 2023, vol. 13, pp. 42–62. <https://doi.org/10.21638/spbu33.2023.102> (In Russian)

Problems of functioning of linguistic category of politeness in scientific discourse is relevant and not fully studied. The purpose of this article is a discourse-oriented analysis of the implementation of that category. Within the framework of this study, textual typological, anthropocentric and intertextual features are taken into account. Secondary informativeness of the review is characterized by compression of the content space of the primary scientific text and by other features. The material of the study was reviews of articles and monographs in the field of German studies, sociolinguistics and methods of teaching German as a foreign language. The research methods are the contextual method, the method of linguistic interpretation of the text, the comparative method. Forms of politeness are the object of study from the point of view of various perspectives. As the analysis showed, the concept of conventional academic politeness reveals its polytextual nature, interacting with such categories as accentuation, evaluation, modality, intertextuality, dialogicity. Communication in the scientific-critical discourse has its own characteristics, which reveal themselves in the evaluative-modal markers of positive and negative politeness. Three microfields of negative assessment can be distinguished: reinforcing, neutral and mitigating. The last of the listed microfields can be considered as negative politeness. The modal and temporal markedness of the modes of reinforcing and mitigating a negative assessment is localized in the compositional and semantic structure of the review text. Positive and negative politeness accompanies the evaluative-argumentative segments of the communicative-pragmatic paradigm of scientific-critical intertext.

Keywords: category of politeness, scientific discourse, secondary scientific texts, intertextuality, evaluation category.

1. Введение

Категория вежливости за последние 50 лет стала объектом активного изучения с точки зрения различных перспектив. Данная категория рассматривается в рамках таких направлений, как антропоцентрическая, социологическая, психологическая, прагматическая, дидактико-лингвистическая. Насколько вежлива вербальная коммуникация, каким образом категория вежливости коррелирует с другими текстовыми категориями научного дискурса, что является маркерами вежливости научной коммуникации, что является основанием для выделения позитивной и негативной вежливости научно-критического текста? Эти и другие вопросы на сегодняшний день остаются недостаточно раскрытыми. В данной статье предпринимается попытка обозначить возможные ответы на поставленные вопросы.

В рамках заявленной темы категория вежливости может быть рассмотрена как составляющая критично-оценочного сегмента рецензии, это значит, что данная категория должна быть представлена в том числе и в оценочно-модальных маркерах позитивной и негативной вежливости. Данная оппозиция оценочных значений на плоскости немецкоязычного научно-критического текста остается до настоящего времени не в полной мере изученной.

Чтобы обнаружить и выявить реализацию категории вежливости на материале немецкоязычных научных рецензий представляется целесообразным рассмотреть следующие аспекты:

- первичность и вторичность научного текста;
- оценка как средство выражения вежливости (текстовая категория оценки, лингвистическая категория вежливости);
- позитивная и негативная оценка как средство выражения конвенциональной академической вежливости (анализ эмпирического материала).

2. Понятие первичности и вторичности научного текста

В рамках научного дискурса можно выделить различные формы его реализации. Такие, как, например: академические (научно-теоретические), научно-информационные, научно-критические, научно-популярные, научно-учебные. Эти формы обнаруживают себя в соответствующих жанрах или типах текстов.

Существует также разграничение научных текстов по принципу первичности/вторичности содержания научного знания [Чернявская 2004: 39].

В свою очередь, вторичные научные произведения с коммуникативно-прагматической точки зрения делятся на научно-информационные (реферативные) и научно-критические (оценочные) тексты. Вторичная информативность рецензии характеризуется информационной компрессией, оценочно-аргументирующей составляющей и «интертекстуальной соотнесенностью с первичным текстом» [Чернявская 2004: 40].

Следует также отметить, что, согласно С. Т. Нефедову, так называемая вторичность научной рецензии имеет условный характер в виду ее когнитивно-дискурсивной функции:

...вторичность научной рецензии в тематико-смысловом отношении оборачивается для нее первичностью в дискурсивно-коммуникативном плане, поскольку научная рецензия стимулирует научную дискуссию и включена в процесс получения экспертным сообществом нового знания [Нефедов 2021: 166].

Будучи многоуровневой системой, научно-критический текст обнаруживает особенно отчетливо дифференциацию информации на данную и новую [Кремер 2009: 15].

Интерпретация и оценка первичного текста рецензентом — это не просто когнитивное, но и социальное событие... не пассивное конструирование репрезентации языкового объекта, а часть интерактивного процесса, в котором взаимодействуют партнеры коммуникации. Это позволяет говорить об использовании когнитивного и лингвопрагматического подходов к интерпретации текста, интеграция которых репрезентирует текст как ментальный и социальный конструктор [Кремер 2009: 16].

Научные рецензии общепризнанны в качестве отдельного жанра научного дискурса. Существует большое количество лингвистических исследований, посвященных стилистическим, текстотипологическим и дискурсивным характеристикам данного жанра [Ehlich 1983; Eroms 2008; Кремер 2009; Чернявская 1999; Szurawitzki 2011; Нефедов 2021].

Итак, рецензии анализируются с точки зрения различных перспектив:

- в качестве языкового действия верификации и оценки первичного научного текста;
- текстообразующей роли рецензента, осуществляющего оценку и проверку научного произведения;
- интертекстуального потенциала вторичных научно-критических текстов.

В данной работе жанр текста «рецензия» рассматривается как антропоцентрически обусловленный вторичный научно-критический текст, оценивающий первичный научный текст, будучи включенным в диалогическое взаимодействие, с одной стороны, с автором первичного текста, а с другой стороны, с потенциальными реципиентами: узким специалистом, читателем широкого профиля.

3. Оценка как средство выражения вежливости

3.1. Текстовая категория оценки

Понятие текстовых категорий используется как в области лингвистики текста [Beaugrande, Dressler 1981; Halliday 1985; Гальперин 1981], так и в современной стилистике научного текста, где они определяются в качестве функциональных семантико-стилистических категорий (ФССК) [Кожина, Плюскина 1998; Котурова 1994; Иванова 1998].

В современной стилистике выделяются ФССК связности и цельности, точности, диалогичности, гипотетичности и акцентности. Если текстовые категории, а именно критерии текстуальности, по Р. А. Богранду и В. Дресслеру, касаются коммуникативно-ориентированной композиционно-смысловой структуры любого текста, то ФССК разрабатывались как стилистические категории научного текста. При изучении особенностей научного текста наряду с понятиями ФССК было выделено также понятие субтекста, совокупность которых отражает системный характер смысловой структуры целого научного текста [Баженова 1999: 70].

В рамках научного дискурса наиболее продуктивным представляется рассмотрение оценки в качестве наиболее широко представленного микрополя категории акцентности.

Под функциональной семантико-стилистической категорией акцентности в современной стилистике научного текста понима-

ется система акцентуаторов — разноуровневых языковых средств, как собственно текстовых, так и графически оформленных, объединенных функционально-семантически на текстовой плоскости и структурированных по принципу поля. Акцентуаторы служат для смыслового выделения концептуально важных моментов содержания научного произведения [Иванова 1998: 315].

В ФССК акцентности выделяют следующие микрополя: уточнения (сопоставление, противопоставление, отрицание, ограничение и др.), усиления, активизация внимания читателя, оценки, категоричности/некатегоричности изложения.

В рамках концепции политекстуальности научного текста Е. А. Баженовой можно обнаружить схожую семантико-прагматическую функцию делиминирующего микросубтекста, маркерами которого являются ограничение, сужение, конкретизация, уточнение; и мыслительно-активизирующего микросубтекста (обращение к памяти, воображению, вниманию, побуждение к ментальным действиям, вовлечение в логические действия) в прагматическом субтексте адресации [Баженова 2001: 217].

3.2. Лингвистическая категория вежливости

Согласно Л. Ю. Иванову, оценка имеет пятичленную структуру: субъект оценки, ее адресат, оцениваемый объект, оценочное средство (аксиологический предикат), основание или критерий оценки [Иванов 2003: 75].

Оценка в рецензии часто сопровождается аргументацией автора критически-научного текста. Вслед за А. Ф. Хербигом под аргументацией в лингвистике понимается комплексный тип действия, с помощью которого говорящий на основе своей оценки ситуации предпринимает понятную для адресата(ов) попытку побудить его (их) принять фактические или же лишь в контексте оценки ситуации спорные утверждения [Herbig 1992: 56].

Следует отметить, что рецензия может содержать как эксплицитную, так и имплицитную оценку, при этом оценка может быть со знаком «плюс» и со знаком «минус», то есть положительная или отрицательная [Кремер 2009: 45].

Как положительная, так и отрицательная оценка непосредственно сопряжена с категорией академической нормированной вежливости.

Многие из теорий вежливости имеют универсальный характер. Принцип кооперации, раскрывающий скорее рациональные и эффективные аспекты коммуникации, максимы вежливости, правила прагматической компетенции обнаруживают себя в различных коммуникативных сферах [Lüger 2001; Vorderwülbecke 2001; Neuland 2018].

Согласно Х. Хаферланду и П. Ингверу, понятие вежливости имеет свою внутреннюю градацию. Авторы различают три степени вежливости: элементарную, кодифицированную и рефлекторную [Haferland, Ingwer 1996: 31]. Если элементарная вежливость определяется традициями и обычаями, кодифицированная вежливость характеризуется этикетом и протоколом, то рефлекторная сопровождается конвенциональными правилами поведения. Могут быть установлены определенные предпосылки для рефлекторной вежливости:

- способность социально обусловленного восприятия себя и чужого;
- способность справляться с различными оценками ситуаций;
- способность управлять собственными эмоциями;
- способность к объективной оценке своего коммуникативного вклада;
- способность к рефлексии о желаемой и возможной степени понимания [Haferland, Ingwer 1996: 31].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что на плоскости научно-критического текста рецензии понятие конвенциональной академической вежливости неразрывно связано с такими категориями, как акцентность, оценка, аргументация, модальность, интертекстуальность, диалогичность.

Далее рассмотрим анализ примеров с учетом вышеизложенного теоретического материала.

4. Позитивная и негативная оценка как средство выражения конвенциональной академической вежливости

4.1. Позитивная вежливость

В данной части будут рассмотрены функционально-прагматические особенности средств выражения позитивной вежливости.

В первом фрагменте текста научной рецензии позитивная оценка (*einschlägig ausgewiesen sind*) сопровождается акцентуаторами, обозначенными маркером текстового дейксиса *bereits*, а также в семантике глагола ментального действия (*ausgewiesen sind*). Позитивно-оценочное утверждение рецензента подтверждается далее аргументацией, содержащей также акцентуаторы, подчеркивающие и усиливающие как текстовую информацию, так и внимание реципиента: предложно-субстантивная группа *In der Tat*, наречия *zumindest*, *bislang* (два раза, что подчеркивает актуальность данного оцениваемого научного труда), *tatsächlich*.

- (1) *Die vorliegende Einführung in die Diskurslinguistik, verfasst von zwei Autoren, die in diesem Feld bereits einschlägig ausgewiesen sind, erhebt den Anspruch, die erste „propädeutische Überblicksdarstellung zu dieser neuen Teildisziplin“ [V] zu sein. In der Tat gibt es zumindest für die deutschsprachige Linguistik bislang kein vergleichbares einführendes Werk, das nicht aus dem Bereich der Sozialwissenschaften stammt und entsprechend andere Schwerpunkte setzt (z. B. Keller et al. 2010, Keller et al. 2011, Keller 2011) oder sich (wie z. B. Jäger 2009) vorrangig mit Kritischer Diskursanalyse (bzw. Critical Discourse Analysis) beschäftigt, wie dies auch neuere englischsprachige Einführungswerke tun (z. B. van Dijk 2011, Machin/Mayr 2012). Ungeachtet der Problematik, wie komplex ein Einführungswerk für das Studium sein kann, ist herauszustellen, dass das methodische Kapitel 3 tatsächlich anschauliche und operationalisierbare Kategorien für eine diskurslinguistische Arbeit vorstellt, was in dieser Systematik bislang noch vermisst wurde. Für Dozierende diskurslinguistischer Seminare auf Master-Ebene bieten auch die beiden theoretischen Kapitel einen sinnvollen, klar strukturierten Überblick [Bedijs 2013: 781]. — «Представленное введение в дискурсивную лингвистику, написанное двумя авторами, которые уже проявили себя в данном направлении, претендует на то, чтобы быть первым “пропедевтическим представлением этой новой дисциплины” [V]. Фактически, по крайней мере в немецкоязычной лингвистике, не существует на данный момент схожего научного труда за рамками социальных наук и, соответственно, фокусирующегося на иных вопросах (например, Keller et al. 2010, Keller et al. 2011, Keller 2011) или занимающегося (как, например, B. Jäger 2009) преимущественно критическим дискурсивным анализом (ср. Critical Discourse Analysis) подобно более поздним англо-*

язычным произведениям (например, van Dijk 2011, Machin/Mayr 2012). Независимо от степени сложности данного труда при его использовании в процессе обучения можно обнаружить, что 3-я глава, посвященная методике, действительно предметно представляет категории, применимые в дискурсивном анализе, и что подобного рода систематизации не было создано до настоящего времени. Обе теоретические главы предлагают преподавателям семинарских занятий по курсу дискурсивной лингвистики содержательный и четко структурированный обзор».

Оценка оформляется пассивной возможностью посредством типичных для научного стиля производных прилагательных с суффиксом *-bar* (*operationalisierbare Kategorien*, ‘операционализируемые категории’), пассивной невозможностью (*kein vergleichbares einführendes Werk* — ‘несравнимое вводное произведение’). В качестве акцентуаторов здесь выступают разноуровневые языковые маркеры: *in der Tat*, *bislang*, *bereits*, *die erste*, *tatsächlich*, *klar*. Данный отрывок является наглядным примером интертекстуального взаимодействия автора рецензии с критикуемым автором и другими учеными, занимающимися схожими исследованиями в обозначенном направлении.

Во втором фрагменте можно выявить положительную функцию отрицания при интертекстуальном сравнении значимости критикуемого произведения (*gibt es keinen Artikel zur...*).

- (2) *Dabei wird viel Wert auf die Aktualität der Artikel gelegt. Interessant ist vor allem die Aufnahme der fachdidaktischen Perspektive im Artikel von Reiss und Ufer; bemerkenswerterweise gibt es keinen Artikel zur schulpädagogischen oder allgemeindidaktischen Perspektive* [Arnold, Brodhäcker 2010: 200]. — «При этом большое внимание уделяется актуальности данной статьи. Интерес вызывает прежде всего принятие в статье Рейсс и Уфер точки зрения из области специальной дидактики; следует отметить, что еще не существует публикации из области школьной педагогики или общей дидактики».

В качестве акцентуаторов здесь выступают, так же как и в первом фрагменте, разноуровневые языковые маркеры: *viel Wert*, *vor allem*, *bemerkenswerterweise*.

Следующий фрагмент представляет собой оценочную интерпретацию научной публикации социалингвистического направления в диахронии при сравнении языковых и стилистических особенностей разговорного языка с диалектными вкраплениями и формирующегося кодифицированного верхненемецкого языка с элементами юридического регистра.

- (3) *Im engsten Sinne soziolinguistisch ist der Ansatz, den Helmut Graser und B. Ann Tlusty in ihrem Artikel zur Augsburger Stadtsprache des 16. Jahrhunderts verfolgen. Im Sprachvergleich zwischen dem Protestbrief eines einfachen Augsburger Webers und dessen sprachlicher Verarbeitung in einem juristischen Gutachten zeigt sich, dass der Jurist bei der Zitierung die Sprache des Webers teilweise übernimmt, teilweise aber verändert. Demnach werden Schreibungen, die dem Juristen vermutlich zu dialektnah erschienen, getilgt und Varianten zum Beispiel im Bereich der Gros- und Zusammenschreibung vereinheitlicht. Fremde Eigennamen und Fremdwörter werden korrigiert. Graser und Tlusty interpretieren die Befunde als Belege einer spezifischen Prestigewahrnehmung und Bildungsbeflissenheit des gelehrten Schreibers, der sich **größtenteils** an Formen des zukünftigen Standards orientiert [Fausto 2022: 129].* — «В самом узком смысле социалингвистическим является подход, представленный Гельмутом Газером и Б. Анн Тлусты в их статье, посвященной городскому диалекту Аугсбурга XVI века. В сравнительном анализе письма-протеста простого ткача из Аугсбурга и лингвистической обработки его языка в тексте юридического заключения показано, что юрист при цитировании частично использует язык изложения ткача, а также частично привносит свои изменения. В соответствии с этим фрагменты, которые, по мнению юриста, имели ярко выраженные диалектные черты, заменяются, а орфографические варианты унифицируются. Заимствованная лексика подвергается исправлениям. Газер и Тлусты интерпретируют эти данные в качестве подтверждения проявления престижа и образованности автора, который в основном ориентируется на будущие языковые стандарты».

Как и в первых примерах, оценка сопровождается акцентуаторами, в данном случае выраженными в форме превосходной степени в составе предложно-субстантивной группы *im engsten Sinne*, и в наречии *größtenteils*. Констатирующее описание социалинги-

стических находок оцениваемых авторов производит впечатление полного согласия рецензента с представленным анализом.

Приведенный анализ демонстрирует многоаспектность и многоуровневость в выражении позитивной вежливости при ее взаимодействии с различными текстовыми категориями.

Далее рассмотрим текстовую реализацию негативной вежливости в научных рецензиях.

4.2. Негативная вежливость

В данной части будет представлен анализ функционирования негативной вежливости в текстовом пространстве научной рецензии.

В нижеследующем примере критический анализ рецензента сопровождается акцентированием положительного аспекта анализируемого научного труда в форме превосходной степени прилагательного (*Wichtigster Referenzpunkt*). Другими маркерами усиления и подчеркивания текстовой информации здесь выступают наречия *vor allem, noch*. Модальную квалификацию (*präzisiert werden müssten*) необходимого, по мнению рецензента, процесса уточнения можно рассматривать как смягчение негативной оценки и, следовательно, средство выражения негативной вежливости.

- (4) *Wichtigster Referenzpunkt ist dabei Foucault mit seinem Verständnis von Diskurs als System [69]. Allerdings dienen Foucaults Schriften vor allem als „erkenntnistheoretischer Ausgangspunkt“ [77], von dem aus methodische Vorgehensweisen der Linguistik noch präzisiert werden müssten* [Bedijs 2013: 782]. — «Самым важным референтным пунктом является при этом Фуко с его пониманием дискурса как системы. Во всяком случае, Фуко рассматривает труды прежде всего в качестве исходной точки теоретико-познавательной деятельности, исходя из которой следует еще уточнить методические приемы лингвистики».

В следующем примере можно выявить сопоставление модальной отмеченной положительной и негативной вежливости с дальнейшей аргументацией данной оценки, выраженной придаточным предложением причины. Негативная вежливость обнаруживает себя благодаря элементам смягчения негативной оценки: конъюнктиву модального глагола *dürfte... führen* и маркеру *allerdings*.

- (5) *Die theoretischen Ausführungen sind zweifellos gründlich und inhaltlich nicht zu kritisieren. Studierende in einer frühen Phase des Studiums mit dieser Einführung zu konfrontieren, dürfte allerdings zu Frustration führen, da die Autoren bereits ein sehr umfangreiches Vorwissen — beispielsweise über Terminologie, Gegenstand und Methodik benachbarter Disziplinen wie Text- und Korpuslinguistik — voraussetzen* [Bedijs 2013: 783]. — «Данные теоретические размышления являются, без сомнения, основательными и безупречными с точки зрения содержания. Однако их использование на ранней стадии обучения должно привести к разочарованию, так как авторы предполагают очень обширный объем фоновых знаний, например в области терминологии, предмета и методики смежных дисциплин, таких как лингвистика текста и корпусная лингвистика».

В следующем фрагменте негативная вежливость участвует в структурировании вопросно-ответного комплекса. При этом, как и в примере (4), можно наблюдать сопоставление положительных и отрицательных моментов в оцениваемом научном произведении. Негативная критика усиливается здесь маркером акцентности *keineswegs*.

- (6) *Gelingt die inter- bzw. transdisziplinäre Verständigung im Einzelfall aufgrund der pragmatischen Setzung recht reibungslos, **bleiben allerdings Fragen offen**: Was Texttypologien von Textsortenbestimmungen unterscheidet, wird in einzelnen, **keineswegs** aber in allen Abhandlungen erläutert; die Frage nach Kriterien, die sich bezüglich einer Differenzierung zwischen Gattung, Genre, Textsorte oder Diskurs anbieten, bleibt **unbeantwortet*** [Griese 2012: 305–306]. — «Если все же и удастся осуществить достаточно гладко интер- и трансдисциплинарное согласование в отдельно взятом случае в рамках прагматического подхода, открытыми остаются следующие вопросы: то, чем отличается типология текста от определения понятия типа текста освещается частично, но не во всем тексте; вопрос о критериях относительно дифференциации между жанром, типом текста или дискурсом остается без ответа».

В следующем фрагменте смягчение негативной оценки достигается сопоставлением удавшихся с точки зрения рецензента композиционных частей анализируемого научного произведения с теми блоками, которые, по мнению рецензента, нуждаются в доработке.

При этом внимание реципиента привлекает модально отмеченная эксплицитная акцентность.

- (7) *Aufgrund des Umfangs der Publikation sind in dieser Rezension allerdings **Akzente zu setzen**: Teil I und II werden ausführlicher besprochen, während die Texte unter III. und IV. kurz rekapituliert werden (dem korrespondiert keine inhaltliche Bewertung, sondern das Auswahlkriterium Methodologie/Methode vor Feld-/Anwendungsbezug) [Griese 2012: 302].* — «Из-за объема данной публикации следует акцентировать внимание на следующих моментах: материал I и II частей обсуждается более подробно, в то время как главы III и IV изложены кратко (это замечание не касается оценки содержания, оно относится к критерию выбора, отдающего предпочтение методологии, а не области применения)».

Нижеследующий пример демонстрирует диалогичный по своей природе анализ макроструктуры текста, сопровождающийся негативной вежливостью. Маркерами смягчения негативной оценки выступают наречия *eher, etwas*. Сама негативная оценка выражается распространенным определением со знаком «минус» (*eher wenig differenziertes Stichwortverzeichnis*) и каузативным глаголом (*etwas erschwert*). Акцентуаторами выступают союз *allerdings* и наречие *zumindest* с текстовыми функциями выделения информации.

- (8) *Den Abschluss bildet ein, in Relation zum immerhin eintausendseitigen Umfang des Handbuchs, **eher wenig differenziertes Stichwortverzeichnis**, was die Informationssuche **etwas erschwert**. **Allerdings** wissen **zumindest** Herausgeber, dass die Erstellung eines differenzierten Registers sehr aufwändig ist [Arnold, Brodhäcker 2010: 201].* — «В заключении приводится скорее недостаточно дифференцированный список ключевых понятий в сопоставлении с тысячестраничным объемом справочного издания, что несколько затрудняет процесс поиска информации. По крайней мере, издатели понимают, что составление дифференцированного справочного регистра очень сложный процесс».

В следующем фрагменте негативная оценка взаимодействует с категорией темпоральности, а именно с перспективой, которая выделяет информацию посредством глагола ментального действия *vorausschicken*. Маркерами смягчения негативной оценки здесь выступают наречие *eher* и модально отмеченное предполо-

жение *scheint... zu sein*. Наряду со смягчением в данном примере наблюдаются также маркеры усиления негативной оценки, как, например, наречие *und zwar* и предложно-субстантивная группа *im negativen Sinne*, пассивная невозможность *nicht nachvollziehbaren Nebeneinandern*.

- (9) **Um es vorauszuschicken:** *Von all dem steht in diesem Buch leider viel zu wenig. Wie Annelies Häcki Buhofer in ihrem Vorwort erklärt, handelt es sich bei dem vorliegenden Band um den Ertrag eines Kolloquiums an der Universität Zürich anlässlich des 60. Geburtstags von Harald Burger. Das genau scheint auch das eigentliche Problem der Publikation zu sein, die so betrachtet eher über einen Festschriftcharakter verfügt — und zwar im negativen Sinne eines an vielen Stellen nicht nachvollziehbaren Nebeneinandern verschiedener Aufsätze aus unterschiedlichsten linguistischen Teildisziplinen, die unter einem griffigen Titel zusammengefasst werden [Colin 2004: 645]. — «Предвосхищая вопрос: из всего этого в данной книге, к сожалению, слишком мало информации. Как Аннелиз Хэки Бухофер объясняет во введении, в этом томе речь идет об итоге коллоквиума, состоявшегося в университете Цюриха по случаю 60-летия Харальда Бургера. Собственно говоря, это и должно стать проблемой данного издания, которое демонстрирует скорее черты юбилейного сборника, а именно с негативной точки зрения, в основном непоследовательное чередование статей из самых различных лингвистических направлений, объединенных подходящим заглавием тома».*

В нижеследующем фрагменте можно выявить динамику аргументации рецензента от положительной оценки к критике, схожую с примером (3). Модально отмеченное акцентирующее утверждение с последующей экспрессивно отмеченной аргументацией (*weil nicht aus dem Blick gerät*) сопровождает положительную характеристику, которая далее переходит в негативно-оценочную часть. Последняя смягчается равноуровневыми языковыми маркерами: лексическими (*allerdings, zum Teil*); грамматическими (Konj II, сравнительная степень прилагательных: *Empirisch fruchtbarer gewesen wäre hier ein stärkeres Eingehen*). Интересен данный фрагмент наличием интертекстуальной составляющей. Первое включает в себя ссылки при сравнении и аргументации на других ученых. Второе относится к макроструктуре анализируемого текста при указании рецензентом на определенные композиционно-смысловые блоки.

- (10) *Der folgende forschungsgeschichtliche Überblick ist spannend zu lesen, gerade weil nicht aus dem Blick gerät, dass viel methodisches und empirisches Potenzial der Frame-Semantik noch nicht ausgeschöpft ist. Die Übersicht der Entwicklungsphasen bei Fillmore (S. 153) ist allerdings zum Teil fehlerhaft wiedergegeben und entspricht in der Einordnung der Kasusgrammatik (Fillmore 1968), nicht der als Quelle zitierten Darstellung bei Busse (2012). Bei der Beantwortung der Frage, was Frames eigentlich seien (Kap. 8.2), irritiert etwas, dass sie an einem nicht-sprachlichen Beispiel begonnen wird, bevor der Kern der linguistischen Frame-Semantik besprochen wird. Größeren Raum nimmt die Vorstellung von FrameNet ein (Kap. 8.3). Die Darstellung bleibt aber recht oberflächlich, was im Kontrast zu den ansonsten detaillierten (Beispiel-)Diskussionen im restlichen Teil 2 steht. Empirisch fruchtbarer gewesen wäre hier ein stärkeres Eingehen auf die Strukturen von Frames und die Relationen zwischen Frames, die die englischsprachige FrameNet-Datenbank bereitstellt [Willich 2022: 5]. — «Следующий научно-исторический обзор интересно читать именно потому, что в поле зрения остается тот факт, что большой методический и эмпирический потенциал фреймовой семантики еще не исчерпан. Однако анализ фаз ее развития у Филлмора (с. 153) изложен частично некорректно и соответствует падежной грамматике (Филлмор 1968), а не точке зрения Буссе (2012), цитируемого в качестве источника. При ответе на вопрос, чем, собственно говоря, являются фреймы (глава 8.2), несколько смущает то, что этот ответ начинается с нелингвистического примера, прежде чем начнет обсуждаться суть лингвистической фреймовой семантики. Большую часть текстового пространства занимает представление FrameNet (глава 8.3). Но данное изложение остается достаточно поверхностным, что контрастирует с детально описанным анализом примеров в части 2. Более продуктивным с эмпирической точки зрения было бы представить здесь более основательное отображение фреймовых структур и отношений между фреймами, которые представляет англоязычная база данных FrameNet».*

Приведенный выше анализ реализации негативной вежливости показывает аналогичное с позитивной вежливостью взаимодействие с текстовыми категориями, однако можно наблюдать определенные отличия. Если позитивная оценка может быть определена как идентичная позитивной вежливости, то негативная вежливость имеет более сложную внутреннюю дифференциацию,

так как в рамках макрополя негативной вежливости могут быть выделены некоторые микрополя, а именно нейтральное, усиливающее и смягчающее.

5. Выводы

В заключение можно сделать следующие выводы.

Позитивная конвенциональная академическая вежливость в тексте научной рецензии идентична позитивной оценке. К средствам выражения интертекстуально отмеченной временной локализованности позитивной вежливости можно отнести наречия *bislang*, *bereits*, порядковое числительное *die erste*.

Как показал анализ, в макроструктуре научной рецензии негативная оценка или вежливость преобладает над позитивной оценкой. Это можно объяснить стремлением рецензента обнаружить и прокомментировать недостатки научного произведения с целью оптимизации коммуникативного воздействия на читателя и снятия трудностей при интерпретации и понимании, а также возможных вопросов у реципиентов.

Негативная вежливость сопровождается эксплицитным, чаще имплицитным диалогическим взаимодействием с оппонентом(ами), в том числе в форме вопросно-ответного комплекса.

В ходе анализа эмпирического материала были выявлены разноуровневые языковые маркеры, усиливающие и подчеркивающие негативную оценку. В качестве таковых можно рассматривать наречия, например *und zwar*, *zumindest*, *keineswegs*; предложно-субстантивные группы, например *im negativen Sinne* и др. К средствам, усиливающим негативную оценку, можно также отнести оценочный глагол *erschweren* и эмоционально-оценочный глагол *irritieren*.

Такие элементы и (или) содержащие их структуры не следует считать операторами негативной вежливости, так как они могут и должны рассматриваться в качестве нейтрально-оценочных компонентов отрицательной оценки.

В отличие от усиливающих и подчеркивающих маркеров негативной оценки элементы, смягчающие негативный эффект критично-оценочного утверждения рецензента, можно рассматривать в качестве средств выражения негативной вежливости. К ним можно отнести разноуровневые языковые средства. Лексическому уровню соответствуют наречия *etwas*, *allerdings* (наиболее частот-

ная единица), *ether*, глаголы с оценочной семантикой, например *gelingen*, глаголы с семантикой ментального действия, например *präzisieren*; предложно-субстантивные группы, например *zum Teil*; фразеологизмы, например *aus dem Blick geraten*.

К грамматическим средствам выражения смягчающих маркеров можно отнести формы конъюнктива, который позволяет выражать определенное положение дел в некатегоричной форме; функционально-семантическое поле пассивной возможности *fruchtbarer, ist spannend zu lesen*; модально отмеченную конструкцию предположения *scheint + zu + Infinitiv*. Сравнительную степень прилагательных тоже можно квалифицировать в качестве смягчающего элемента при выражении негативной оценки, таким образом, данная грамматическая форма может быть также обозначена как одно из средств выражения негативной вежливости.

Таким образом, на уровне логико-смысловой макроструктуры научной рецензии можно выявить модально и темпорально отмеченные модусы усиления и смягчения негативной оценки. Негативная оценка со смягчающими маркерами или элементами может рассматриваться в качестве негативной вежливости.

В рамках коммуникативно-прагматической парадигмы научно-критического дискурса позитивную и негативную вежливость можно расценивать как коммуникативно значимую текстообразующую величину, взаимодействующую с релевантными категориями научного текста (связности и членимости при участии в конституировании коммуникативных блоков, диалогичности, акцентности, модальности, интертекстуальности) и, соответственно, важным и неотъемлемым компонентом многомерной системы научного дискурса.

Источники иллюстративного материала

Arnold K.-H., Brodhäcker S. Rezension: Tippelt, Rudolf & Schmidt, Bernhard. Handbuch Bildungsforschung. 3., durchgesehene Auflage. Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften. 2010. 1058 S. // Journal for educational research online Nr. 2. 2010. S. 199–202.

Bedijs K. Rezension: Spitzmüller J., Warnke I.H. Diskurslinguistik. Eine Einführung in Theorien und Methoden der transtextuellen Sprachanalyse. Berlin, Boston: De Gruyter, 2011. 236 S. // Zeitschrift für romanische Philologie. Nr. 129 (3). 2013. S. 781–784.

Colin N. Rezension: Buhofer H. A. Spracherwerb und Lebensalter. Tübingen, Basel: Francke, 2003. Basler Studien zur deutschen Sprache und Literatur. Nr. 83. 358 S. // Informationen Deutsch als Fremdsprache. Nr. 31. 2004. S. 645–650.

Fausto R. Rezension: Simon P., Stephan E. Historische Soziolinguistik der Stadtsprachen. Kontakt — Variation — Wandel. Heidelberg: Winter, 2019. 230 S. // Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2022. S. 127–130.

Griese B. Rezension: Habscheid S. (Hrsg.): Textsorten, Handlungsmuster, Oberflächen. Linguistische Typologien der Kommunikation // Zeitschrift für Qualitative Forschung. Nr. 13 (1/2). 2012. S. 301–306.

Willich A. Rezension: Zima E. Einführung in die gebrauchsbasierte Kognitive Linguistik. Berlin & Boston: De Gruyter, 2021. 352 S. // Zeitschrift für Rezensionen zur germanistischen Sprachwissenschaft. Nr. 14 (1–2). 2022. S. 2–8.

Литература

Баженова Е. А. Научный текст в аспекте политекстуальности. Пермь: Пермский ун-т, 2001. 269 с.

Баженова Е. А. Политекстуальность научного текста // Стереотипичность и творчество в тексте / отв. ред. М. П. Котюрова. Пермь: Пермский ун-т, 1999. С. 66–89.

Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 139 с.

Иванов Л. Ю. Текст научной дискуссии: дейксис и оценка. М.: НИП, 2003. 208 с.

Иванова Т. Б. Функциональная семантико-стилистическая категория акцентности в русских научных текстах // Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв. Стилистика научного текста (Общие параметры). В 3 т. Т. 2, ч. 2 / под ред. М. Н. Кожинной. Пермь: Пермский ун-т, 1998. С. 315–333.

Кожина М. Н., Плюскина Т. Н. Функциональная семантико-стилистическая категория (ФССК) гипотетичности в русских научных текстах // Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв. Стилистика научного текста (Общие параметры). В 3 т. Т. 2, ч. 2 / под ред. М. Н. Кожинной. Пермь: Пермский ун-т, 1998. С. 187–226.

Котюрова М. П. Некоторые функционально-семантические категории в научном тексте // Разновидности текста в функционально-стилевом аспекте / гл. ред. М. Н. Кожина. Пермь: Пермский ун-т, 1994. С. 35–41.

Кремер И. Ю. Стратегии интерпретации немецкого критического текста. Рязань: РГУ, 2009. 116 с.

Нефедов С. Т. Мультиплицирующие эффекты научной рецензии // Германистика в современном научном пространстве. Материалы VII научно-

практической конференции / отв. ред. И. А. Белокопытова. Краснодар: КГУ, 2021. С. 165–169.

Чернявская В. Е. Интерпретация научного текста. СПб.: Наука, 2004. 127 с.

Чернявская В. Е. Интертекстуальное взаимодействие как основа научной коммуникации. СПб.: Изд-во СПб ГУЭФ, 1999. 209 с.

Beaugrande R.-A., Dressler W. Einführung in die Textlinguistik. Tübingen: Niemeyer Verlag, 1981. 290 S.

Ehlich K. Text und sprachliches Handeln. Die Entstehung von Texten aus dem Bedürfnis nach Überlieferung // Schrift und Gedächtnis / A. Assmann et al. (Hrsg.). München: Wilhelm Fink Verlag, 1983. S. 24–43.

Eroms H.-W. Stil und Stilistik. Eine Einführung. Berlin: E. Schmidt Verlag, 2008. 255 S.

Haferland H., Ingwer P. Eine Theorie der Höflichkeit // Höflichkeit. Osnabrücker Beiträge zur Sprachtheorie / ed. by Arnulf Deppermann and Silke Reineke. Osnabrück: Obst, 1996. S. 7–69.

Halliday M. A. K. An introduction to functional grammar. London: Arnold, 1985. 386 p.

Herbig A. F. „Sie argumentieren doch scheinheilig!“. sprach- und sprechwissenschaftliche Aspekte einer Stilistik des Argumentierens. Frankfurt am Main: Lang, 1992. 306 S.

Lüger H.-H. Höflichkeit und Höflichkeitsstile // Höflichkeitsstile. Frankfurt: Lang, 2001. S. 3–24.

Neuland E. Höflichkeitsstile intragenerationell und intergenerationell // Sprache im kommunikativen, interaktiven und kulturellen Kontext. Berlin, New York: De Gruyter, 2018. S. 321–345.

Szurawitzki M. Linguistische Untersuchungen zur strukturellen Gliederung, zur Verwendung von Personaldeixis und evaluativer Sprache in Rezensionen aus der Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur // Moderna språk. 2011. Vol. 105, no. 1. S. 74–100.

Vorderwülbecke K. Höflichkeit in Linguistik, Grammatik und DaF-Lehrwerk // Höflichkeitsstile / Heinz-Helmut Lüger (Hrsg.). Frankfurt am Main [u. a.]: Lang, 2001. S. 27–46.

References

Bazhenova E. A. *Scientific text in aspect of polytextuality*. Perm, Izd-vo Perm. un-ta Publ., 2021, 269 p. (In Russian)

Bazhenova E. A. Polytextuality of the scientific text. *Stereotipichnost' i tvorchestvo v tekste*. Ed. by M. P. Kotiurova. Perm, Izd-vo Perm. un-ta Publ., 1999, pp. 66–89. (In Russian)

Beaugrande R.-A., Dressler W. *Einführung in die Textlinguistik*. Tübingen, Niemeyer Verlag, 1981, 290 S.

Chernyavskaya V.E. *Interpretation of the scientific text*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2004, 127 p. (In Russian)

Chernyavskaya V.E. *Intertextual interaction as the basic of scientific communication*. St. Petersburg, Izd-vo SPbGUEF Publ., 1999. 209 p.

Helich K. Text und sprachliches Handeln. Die Entstehung von Texten aus dem Bedürfnis nach Überlieferung. *Schrift und Gedächtnis*. A. Assmann et al. (Hrsg.). München, Wilhelm Fink Verlag, 1983. S.24–43.

Eroms H.-W. *Stil und Stilistik. Eine Einführung*. Berlin, E. Schmidt Verlag, 2008. 255 S.

Galperin I. R. *Text as subject of linguistic research*. Moscow, Izd-vo Nauka Publ., 1981, 139 p. (In Russian)

Haferland H., Ingwer P. Eine Theorie der Höflichkeit. *Höflichkeit. Osnabrücker Beiträge zur Sprachtheorie*. Ed. by Arnulf Deppermann and Silke Reineke. Osnabrück, Obst, 1996, S.7–69.

Halliday M. A. K. *An introduction to functional grammar*. London, Arnold, 1985, 386 p.

Herbig A. F. „*Sie argumentieren doch scheinheilig!*“: sprach- und sprechwissenschaftliche Aspekte einer Stilistik des Argumentierens. Frankfurt am Main, Peter Lang, 1992, 306 S.

Ivanov L. J. *Text of scientific discussion: deixis and evaluation*. Moscow, NIP Publ., 2003, 208 p. (In Russian)

Ivanova T. B. Functional semantic-stylistic category of accentuation in Russian scientific texts. *Ocherki istorii nauchnogo stilya russkogo literaturnogo iazyka XVIII–XX vv. Stilistika nauchnogo teksta (obshchie parametry)*. In 3 vols. Vol.2. Part 2. Ed. by M. P. Kotiurova. Perm, Izd-vo Perm. un-ta Publ., 1998, pp. 315–333. (In Russian)

Kozhina M. N., Pluskina T. N. Functional semantic-stylistic category (FSSC) of hypothecity in Russian scientific texts. *Ocherki istorii nauchnogo stilya russkogo literaturnogo yazyka 18–20 vv. Stilistika nauchnogo teksta (obshchie parametry)*. In 3 vols. Vol.2. Part 2. Ed. by M. P. Kotiurova. Perm, Izd-vo Perm. un-ta Publ., 1998, pp. 187–226. (In Russian)

Koturova M. P. Some semantic-stylistic categories in scientific texts. *Raznovidnosti teksta v funktsional'no-stilevom aspekte*. Ed. by M. N. Kozhina. Perm, Izd-vo Perm. un-ta Publ., 1994, pp. 35–41. (In Russian)

Kremer I. J. *Strategies of interpretation of German critical text*. Riasan, Izd-vo Riasan. un-ta Publ., 2009, 116 p. (In Russian)

Lüger H.-H. Höflichkeit und Höflichkeitsstile. *Höflichkeitsstile*. Frankfurt, Peter Lang, 2001, S.3–24.

Nefedov S. T. Multiplication effects of the scientific review. *Germanistika v sovremennom nauchnom prostranstve. Materialy VII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Ed. by I. A. Belokopytova. Krasnodar, Izd-vo Kuban. un-ta Publ., 2021, pp. 165–169. (In Russian)

Neuland E. Höflichkeitsstile intragenerationell und intergenerationell. *Sprache im kommunikativen, interaktiven und kulturellen Kontext*. Berlin, New York, De Gruyter Publ., 2018, S. 321–345.

Szurawitzki M. *Linguistische Untersuchungen zur strukturellen Gliederung, zur Verwendung von Personaldeixis und evaluativer Sprache in Rezensionen aus der Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur*. Moderna språk, 2011, vol. 105, Nr. 1, S. 74–100.

Vorderwülbecke K. Höflichkeit in Linguistik, Grammatik und DaF-Lehrwerk. *Höflichkeitsstile*. Frankfurt am Main, Peter Lang, 2001, S. 27–46.

Мхитарьянц Эвелина Гарриевна

доцент кафедры общих гуманитарных и естественно-научных дисциплин КФ
МФЮА, кандидат филологических наук
Адрес: Российская Федерация, 236022, Калининград, ул. Ермака, 3

Evelina G. Mkhitaryants

Associate Professor of Department of Humanities and Natural Sciences, Moscow Finance
and Law University MFUA, Kaliningrad Branch,
Candidate of Philological Sciences
Address: 3, ul. Ermaka, Kaliningrad, 236022, Russian Federation

E-mail: evelinamhitarjanz@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 4 февраля 2023 г.
Принята к публикации 26 апреля 2023 г.

**(ДЕ)ИНТЕНСИФИКАТОРЫ ОЦЕНОК НА СЛУЖБЕ
ВЕЖЛИВОЙ НАУЧНО-ЭКСПЕРТНОЙ КОММУНИКАЦИИ:
ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ***

Для цитирования: Кондратенко П. И. (Де)интенсификаторы оценок на службе вежливой научно-экспертной коммуникации: лингвокультурные особенности // *Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете*. 2023. Т. 13. С. 63–81.
<https://doi.org/10.21638/spbu33.2023.103>

В статье актуализируется связь категории вежливости с категорией экспертной оценки — особой дискурсивно-коммуникативной разновидности оценивания в рамках научно-экспертной социокоммуникативной практики. Интенсификаторы и деинтенсификаторы оценок — лексико-грамматические средства, используемые для усиления или смягчения категоричности оценочных высказываний в текстах научных рецензий, — рассматриваются как элементы стратегий вежливости, направленных на сохранение имиджа рецензента и автора рецензируемой монографии. Необходимость вежливой научно-экспертной коммуникации объясняется параметрами социокоммуникативной ситуации, в которую встраиваются академические журнальные рецензии, — в первую очередь тем, что оценке в рецензиях подвергается новое научное знание, еще не прошедшее верификацию и потому особенно уязвимое для критики. Ожидается, что в связи с имиджевыми рисками рецензенты будут следовать кооперативному коммуникативному поведению, направленному на смягчение последствий критики как для своей репутации, так и для академической репутации рецензируемого автора. Исследование интенсификаторов и деинтенсификаторов оценки как выразителей категории вежливости встроено в лингводискурсивную и социокоммуникативную парадигму современной лингвистики. Актуальность исследования объясняется также недостаточной изученностью такой субкатегории языковой оценки, как интенсификация/деинтенсификация, в межязыковом сопоставлении. В статье обобщены результаты комбинированного качественно-количественного контент-анализа 50 немецко- и русскоязычных рецензий по лингвистике из профильных академических журналов: «*Zeitschrift für Angewandte Linguistik*», «*Zeitschrift für Rezensionen*», «*Zeitschrift für Sprachwissenschaft*», «*Вопросы ономастики*», «*Вестник РУДН. Серия: Лингвистика*», «*Вопросы языкознания*». Средства деинтенсификации и интенсификации экспертных оценок выделены и представлены в виде полевых структур с центром и периферией (в за-

* Исследование подготовлено при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 22-28-01024 «Язык оценок в научных гуманитарных практиках и дискурсах Германии и России» в СПбГУ.

висимости от частотности тех или иных лексико-грамматических единиц в текстах, составивших корпус исследования). Рассмотрена включенность выделенных средств в реализацию стратегий позитивной и негативной вежливости, избранных рецензентами — специалистами в области лингвистики. Подтверждается гипотеза о наличии лингвокультурной специфики употребления контекстуальных усилителей и нейтрализаторов оценки.

Ключевые слова: научная рецензия, немецкоязычный научно-экспертный дискурс, русскоязычный научно-экспертный дискурс, экспертная оценка, интенсификаторы оценки, деинтенсификаторы оценки.

P. I. KONDRATENKO
St. Petersburg State University

EVALUATIVE (DE)INTENSIFIERS IN THE SERVICE OF POLITE ACADEMIC EXPERT COMMUNICATION: LINGUISTIC AND CULTURAL SPECIFICS*

For citation: Kondratenko P. I. Evaluative (de)intensifiers in the service of polite academic expert communication: linguistic and cultural specifics. *German Philology in St. Petersburg State University*, 2023, vol. 13, pp. 63–81.
<https://doi.org/10.21638/spbu33.2023.103> (In Russian)

The article actualises the connection between the category of politeness and the category of expert evaluation seen as a special discursive evaluation variety in the scientific and expert socio-communicative practice. (De)intensifiers of evaluation — lexical and grammatical means used for strengthening or softening of categorical character of evaluative statements in the academic reviews — are considered as elements of politeness strategies, aimed at maintaining of the reviewer's and author's image. The necessity of polite scientific expert communication is explained by the parameters of socio-communicative situation, in which academic journal reviews are embedded, first of all, by the fact that the new scientific knowledge presented in reviews has not yet been verified and is therefore particularly vulnerable to criticism. Due to image risks, reviewers are expected to perform cooperative communicative behavior in order to mitigate the effects of criticism. The study of evaluation (de)intensifiers as politeness markers is embedded in the modern discourse-linguistic and socio-communicative research paradigm. The research relevance is also explained by the insufficient comparative study of (de)intensification in the evaluative language. The qualitative-quantitative content analysis of 50 German- and Russian-language academic reviews in linguistics allows to highlight the means of (de)intensification of expert evaluation and to present them as center-periphery models (depending on the frequency of lexical and grammatical units in the data). In addition, the inclusion of these means into certain strategies of positive and negative politeness is considered. The hypothesis of

* The study was prepared with the support of the Russian Science Foundation (project 22-28-01024 “Evaluation language in scholarly humanities practices and discourses of Germany and Russia”) at the St. Petersburg State University.

linguistic and cultural specificity in the use of contextual (de)intensifiers of evaluation is confirmed.

Keywords: academic review, German academic expert discourse, Russian academic expert discourse, expert evaluation, evaluative intensifiers, evaluative de-intensifiers.

1. Оценочная (де)интенсификация на стыке коммуникативных макрокатегорий

Трудно переоценить значение вежливости для научной коммуникации: некоторым исследователям коммуникативная категория вежливости закономерно представляется «обязательным средством, способом и условием порождения научного дискурса», гарантом организации и ситуативно-адекватной интерпретации диалога между представителями научного сообщества [Чалова 2012: 117]. Соглашаясь со сказанным, отметим, что особую релевантность вежливость приобретает в научно-экспертном общении, что объясняется спецификой ситуативно-коммуникативных параметров, определяющих взаимодействие рецензентов и авторов научных работ.

Научно-экспертная коммуникация специализируется на квалификации новых результатов, достигнутых авторами-исследователями в определенной предметной области знания. Категория оценки, таким образом, оказывается центральной для рецензий, отзывов на диссертации, устных дискуссий, сопровождающих доклады на научных конференциях, и других жанрах научно-экспертного субдискурса. В основе оценочных суждений как таковых лежит ситуация сравнения. В контексте коммуникации исследователей и экспертов она может оказаться потенциально рискованной для рецензируемого автора, так как сопоставление фактического положения дел в рассматриваемой работе с представлениями об образцовом научном тексте может оказаться не в пользу работы. Несмотря на то что объектом оценок в рецензиях, как правило, становятся формальные и содержательные характеристики научного труда — корректность типографического оформления, особенности текстовой структуры, выбор терминологических обозначений, практики анализа и цитирования и др. [Троянская 1985: 70; Arendt, Schäfer 2015: 110], оценочные действия отличаются множественной направленностью, многовекторностью. Оценка, таким образом, может быть нацелена не только на сам текст,

но и на личные и профессиональные качества его автора [Starfield, Paltridge 2015: 131; Нефедов 2018: 115].

Способность оценки проецироваться на фигуру автора-исследователя повышает риски для академической репутации автора в случае отрицательной квалификации изложенных им результатов. При этом асинхронный характер научного диалога между автором вторичного текста (рецензии) и автором первичного труда исключает возможность моментального ответа реципиента критики на негативно-оценочные замечания рецензента. Положение автора рецензируемой работы усугубляется также тем, что оцениванию в рецензиях подвергается новое научное знание, еще не прошедшее все ступени верификации и, как следствие, особенно чувствительное к критике. Дополнительным фактором риска для участников научно-экспертной коммуникации (как для авторов первичных текстов, так и для рецензентов) становится требование неанонимности, характерное, например, для журнальных научных рецензий и отличающее их от оценочных комментариев в процессе двойного слепого рецензирования, который исключает эксплицитные номинации субъекта и непосредственного адресата экспертной оценки.

Перечисленные особенности научно-экспертного общения позволяют рассматривать его как совокупность ситуаций с множественными *face-threatening-acts* [Goffman 1967] — речевыми актами, угрожающими имиджу автора рецензируемой монографии, — и объясняют необходимость смягчения критики для ведения кооперативной экспертной коммуникации. К механизмам «сглаживания острых углов» и вежливого оценивания, типичным для коммуникации экспертов и рецензируемых авторов, можно отнести: хеджирование [Hyland 2005; Graefen, Thielmann 2007: 91–92], позволяющее рецензентам избегать безапелляционных оценочных суждений за счет выражения различной степени уверенности в сообщаемом и варьирования абсолютного характера высказывания; использование литот, сослагательных конструкций со значением пожелания или рекомендации [Chernyavskaya 2022: 1691–1692], а также тактик маскировки и обоснования критики, инициального одобрения, предшествующего отрицательной оценке, снижения категоричности оценок [Чалова 2012: 113].

Именно тактика контекстуального смягчения категоричных оценочных выражений (и противоположная ей тактика — интен-

сификации оценок в контексте), а также языковые ресурсы модификации оценок в текстах научно-экспертного дискурса представляют для нас наибольший интерес. С одной стороны, этот интерес обусловлен традицией рассмотрения оценочной (де)интенсификации в лингвоаксиологических исследованиях. Как правило, повышение и снижение категоричности оценок в контексте представляется характерным свойством оценки как таковой и трактуется как: 1) следствие способности оценки градуироваться в зависимости от прагматических факторов [Арутюнова 1988: 247]; 2) факультативный компонент модальной рамки оценки, обеспечивающий дополнительную связь между субъектом и объектом оценивания [Вольф 2002: 12–13]; 3) особая подсистема языковой оценки, сигнализирующая о включенности автора высказывания в диалог с другим мнением [Martin, White 2005: 136–151] и позволяющая управлять «полифонией» голосов и дискурсивных позиций [Hood 2010: 25]. С другой стороны, нельзя не отметить сближение (де)интенсификации как особой аксиологической субкатегории с коммуникативной категорией вежливости. Если средства интенсификации оценок, свидетельствующие об определенности авторской позиции, могут повышать убедительность изложения, то градуирование оценок в сторону ослабления может, наоборот, сигнализировать о нежелании автора формулировать беспелляционные и излишне категоричные суждения [Котюрова, Баженова 2008: 85]. В этом свете использование деинтенсификаторов можно рассматривать как стратегию негативной вежливости, которая позволяет избежать вторжения в личную сферу адресата оценок [Nefedov 2022: 1711], а также как отражение принципа вежливости Дж. Лича, соблюдение которого направлено на поддержание границ между различными коммуникативными интересами, сохранение равенства коммуникантов в диалоге, создание положительного настроения и достижение компромисса [Leech 2014: 35].

Заметим, однако, что освещение механизмов оценочной (де)интенсификации в трудах как функционально-семантического, так и текстоцентрического, и дискурсивного направлений аксиологических исследований нередко дается обобщенно, в отвлечении от конкретных социокоммуникативных практик и их параметров. Кроме того, по-прежнему сохраняется потребность в исследованиях (де)интенсификаторов оценок в межъязыковом и межкультурном сопоставлении с целью выявления лингво-

культурной специфики оценочной коммуникации в профессиональных контекстах. В связи с вышеизложенным, цель нашего исследования заключается в том, чтобы через изучение языковых оценочных номинаций систематизировать лексико-грамматические средства, которые используются авторами научных рецензий по лингвистике для контекстуального усиления оценки или же ее ослабления и рассмотреть средства аксиологической (де)интенсификации в свете реализации категории вежливости в научно-экспертных текстах на немецком и русском языках. Предполагается, что изучение интенсификации и деинтенсификации оценок в контекстах научных рецензий позволит нам выявить лингвокультурные особенности использования лексико-грамматических средств усиления и смягчения оценок и в том числе различные тенденции совместного употребления лексико-грамматических (де)интенсификаторов с оценками позитивной или негативной полярности.

2. Методология и материал исследования

Поставленная нами цель обусловила выбор социокоммуникативной и лингводискурсивной методологии в качестве парадигматической направленности исследования. Для изучения особенностей оценочной (де)интенсификации в немецко- и русскоязычных научно-экспертных текстах был проведен комбинированный качественно-количественный анализ двух текстовых корпусов. Частные аналитические процедуры (контекстуально-семантический, лингвоаксиологический, коммуникативно-прагматический, лингводискурсивный анализ) позволили рассмотреть интересующие нас стратегии и средства в тесной связи с основными коммуникативными параметрами научно-экспертного общения — субъектом, объектом, адресатом и основаниями экспертных оценок.

Корпус исследования составили 100 рецензий (50 на немецком и 50 на русском языке соответственно), опубликованных с 2016 по 2020 г. в журналах лингвистической тематики: «Zeitschrift für Rezensionen zur germanistischen Sprachwissenschaft», «Zeitschrift für Angewandte Linguistik», «Zeitschrift für Sprachwissenschaft», «Вестник РУДН. Серия: Лингвистика (Russian Journal of Linguistics)», «Вопросы ономастики» и «Вопросы языкознания». Суммарный

объем корпусов насчитывает 15 155 текстовых предикаций — двухкомпонентных структур, состоящих из субъекта и предикцируемого ему признака [Адмони 1973: 22; Нефедов 2014: 59].

3. Результаты качественно-количественного анализа оценочных высказываний

3.1. (Де)интенсификаторы оценок в контексте

В ходе анализа оценочно-насыщенных контекстов установлено, что лексико-грамматические (де)интенсификаторы могут сопровождать как положительные, так и отрицательные оценки. Примеры ниже демонстрируют случаи усиления позитивных оценок. В (1) положительная квалификация рецензируемой работы относительно критерия новизны интенсифицируется с помощью наречия *durchaus*, в то время как в (2) позитивная оценка релевантности и качества выполненной работы сопровождается модальностью долженствования и словосочетанием с двойным отрицанием *нельзя не*.

- (1) *Einiges Bekanntes lässt Müller **durchaus** in neuem Licht erscheinen (zum Beispiel die Majuskel als Mittel zur Fokussierung, worunter auch systematische Betrachtungen der Binnenmajuskel fallen)* [Fuhrhop 2017: 128]. — «Некоторые известные аспекты предстают в работе Мюллер в **совершенно** новом свете (например, использование заглавных букв как акцентного средства, сюда же относится систематизация использования заглавных букв внутри слова)».
- (2) *Резюмируя все вышеперечисленное, **нельзя не** отметить, что данное исследование (рецензируемая монография) характеризуется высоким научным уровнем и, несомненно, найдет разносторонний практический выход, поскольку позволит большому количеству специалистов (переводчиков-практиков и теоретиков, лингвистов, филологов и пр.) и заинтересованных людей по-новому взглянуть на кинодиалог в частности и кинофильм в целом* [Абдрахманова 2016: 261].

Приведенные примеры наиболее характерны для положительно-оценочных высказываний; использование контекстуальных интенсификаторов оценок в подобных случаях можно рассматривать как проявление позитивной вежливости рецензента,

направленной (здесь необходимо вспомнить монографию П. Браун и С. Левинсона [Brown, Levinson 1987: 70]) на солидаризацию с рецензируемым автором, на выражение того, что рецензент признаёт автора тем, кем он хотел бы предстать в своем тексте, — компетентным исследователем, работа которого отвечает требованиям (новизны, релевантности и др.), предъявляемым к научному труду. Однако в корпусе исследования также наблюдаются случаи интенсификации отрицательных оценок, повышающие категоричность оценочных высказываний. В примерах (3) и (4) в этой функции употребляются фокусирующая частица *nur*, наречие *sehr* и ранее упомянутое отрицательное словосочетание *нельзя не*:

- (3) *In dem mit **nur** drei Seiten Umfang **sehr** knappen zweiten Hauptkapitel werden das Korpus, die Analyseziele und der in der Analyse benutzte Fragenkatalog vorgestellt* [Lenk 2016: 124]. — «Во второй основной главе, **очень** краткой и состоящей **всего** из трех страниц, представлены корпус материала, цели исследования и анкета, использованная в ходе анализа».
- (4) *Высоко оценивая рецензируемый Словарь, **нельзя не обратить** внимания и на некоторые критические моменты* [Мокиенко 2017: 155].

Аксиологические деинтенсификаторы также встречаются как в употреблении с отрицательными оценками (примеры (5) и (6)), так и в совместной контекстуальной реализации с оценками положительной полярности (примеры (7) и (8)).

- (5) *Trotz dieser positiven Aspekte weist das recht traditionell ausgerichtete Werk jedoch auch **einige** Schwächen auf, die in einer Neuauflage behoben werden sollten* [Nowak 2016: 230]. — «Однако, несмотря на отмеченные положительные стороны, эта достаточно традиционная работа имеет и **некоторые** недостатки, которые должны быть устранены в новом издании».
- (6) *Нуждается в пояснениях словообразовательная модель, представленная в **несколько** скомканной формулировке — «замена квазиейконимом на основе ассоциации» (с. 36) — и сопровождаемая рядом таких примеров, как Сугробинск 'Снежинск', Бревноград 'Лесозаводск', Фишбург 'Рыбинск', Кантоград 'Калининград', Лужков-Сити 'Москва' и др.* [Голомидова 2016: 247].

- (7) *Durch den **weitgehend** strukturierten Aufbau und die zahlreichen Beispiele und Fallanalysen dient es Studierenden außerdem als Einstieg in die Forschungspraxis* [Briese 2017: 324]. — «Благодаря в **значительной степени** структурированному изложению, а также многочисленным примерам и анализу конкретных ситуаций, монография может быть адресована студентам в качестве введения в исследовательскую практику».
- (8) *По каждой из этих тем читателю предлагается не только краткий обзор имеющихся результатов, но и нередко **некоторое** продвижение вперед* [Зирка 2017: 125].

В (5) и (6) неопределенное местоимение *einige* и наречие *несколько* ожидаемым образом сопровождают отрицательные квалификации рецензируемых работ и функционируют как ресурсы негативной, «избегающей» вежливости, которая помогает коммуникантам соблюсти равновесие и сохранить репутацию и свободу действий в общении [Brown, Levinson 1987: 70]. Менее типичное употребление оценочных деинтенсификаторов представлено в контекстах (7) и (8): прилагательное *weitgehend* и неопределенное местоимение *некоторый* делают высказывания более частными и способствуют нейтрализации положительных оценок.

3.2. Доля контекстов с включением средств (де)интенсификации оценок

В задачи количественного исследования особенностей интенсификации и деинтенсификации оценочных высказываний входило определение плотности контекстов с включением (де)интенсификаторов оценки и без использования оценочной (де)интенсификации; изучение взаимосвязей между полярностью оценочных высказываний и использованием средств аксиологической (де)интенсификации, а также выявление центра и периферии лексико-грамматических средств, используемых для риторического усиления и смягчения оценок.

На диаграммах (рис. 1) видно, что в немецко- и русскоязычных рецензиях оценки чаще всего реализуются без привлечения средств (де)интенсификации оценочных смыслов (76 и 78 % текстовых предикаций с включением оценок соответственно). Таким образом, можно заключить, что употребление средств оценочной

Нем. яз.

↶ Int ↷ De-int ▣ 0

Рус. яз.

↶ Int ↷ De-int ▣ 0

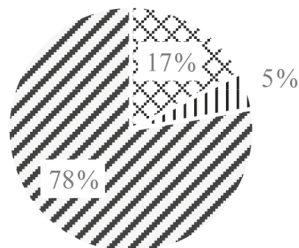

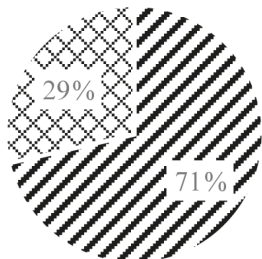
Рис. 1. Доля контекстов с включением средств оценочной (де)интенсификации

(де)интенсификации демонстрирует сходные тенденции в немецко- и русскоязычных научно-экспертных текстах. Незначительные лингвокультурные различия можно выявить, если сопоставить процентные показатели доли деинтенсифицированных оценочных высказываний. Заметно, что немецкие рецензенты несколько чаще прибегают к средствам деинтенсификации с целью смягчения абсолютного характера негативных оценочных суждений (ср. 8% в немецкоязычных текстах с 5% в русскоязычном корпусе). Представляется, что выбор дополнительных языковых средств для снижения категоричности оценивания направлен на поддержание как профессиональной репутации рецензента — компетентного исследователя, допускающего альтернативные точки зрения на рецензируемый текст, так и репутации автора рассматриваемого труда.

О более явной лингвокультурной специфике (де)интенсификации экспертных оценок приходится говорить в результате сопоставления плотности интенсифицированных и деинтенсифицированных оценок различной полярности. На диаграммах (рис. 2) показано, что лексико-грамматические единицы-интенсификаторы оценок статистически чаще употребляются в позитивно поляризованных оценочных высказываниях. Это наблюдение верно как для немецко-, так и для русскоязычных рецензий. Вместе с тем очевидно, что немецкие рецензенты чаще российских используют

Нем. яз.

• Int + ✓ Int -

Рус. яз.

• Int + ✓ Int -

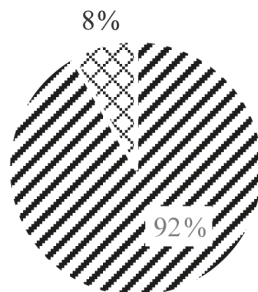

Рис. 2. Сочетание интенсификаторов оценки с положительно и отрицательно поляризованными высказываниями

интенсификаторы в негативно-оценочных контекстах (ср. 29% интенсифицированных отрицательных оценок в немецком корпусе с 8% в русском корпусе исследования). Такие результаты свидетельствует о том, что интенсификаторы оценок могут выступать в научно-экспертной коммуникации на немецком языке не только как контекстуальные усилители одобрения рецензента, выраженного в позитивно-оценочных высказываниях, но и как катализаторы дискуссионности в диалоге нового и старого знания.

Результаты сопоставления показателей различно поляризованных оценок с включением деинтенсификаторов (рис. 3), с одной стороны, ожидаемо свидетельствуют о том, что средства смягчения оценок чаще употребляются для сглаживания критических комментариев рецензента. Вместе с тем обращает на себя внимание небольшое расхождение числовых показателей плотности позитивных деинтенсифицированных оценок. В то время как для немецкоязычных рецензий доля таких оценок составляет 17%, в лингвистических рецензиях на русском языке она достигает 23%. Таким образом, в текстах, составивших русский корпус исследования, выявляются две тенденции оценочной (де)интенсификации: с одной стороны, позитивные оценки интенсифицируются чаще, чем негативные (доминантная стратегия). С другой стороны, некоторые позитивные оценки могут сопровождаться средствами

Нем. яз.

· De-int + ■ De-int -

Рус. яз.

· De-int + ■ De-int -

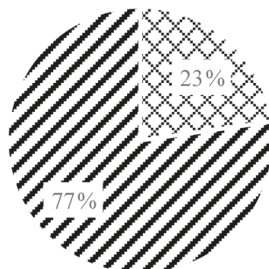

Рис. 3. Сочетание деинтенсификаторов оценки с положительно и отрицательно поляризованными высказываниями

деинтенсификации (рецессивная стратегия). Оперирование деинтенсификаторами в таких случаях, вероятно, связано с необходимостью сохранить баланс между (излишне) высокой оценкой научного результата и требованиями непредвзятости и объективности научного изложения.

3.3. Полевая структура (де)интенсификации в немецко- и русскоязычных рецензиях

Проведенный нами количественный анализ позволил также выявить употребительные средства усиления и смягчения оценок в немецко- и русскоязычных научно-экспертных текстах и представить категорию аксиологической (де)интенсификации в виде полевой структуры с центром и периферией. К наиболее частотным интенсификаторам оценки в немецкоязычных рецензиях следует отнести в первую очередь фокусирующую частицу *gerade*, а также адвербы *insbesondere*, *äußerst*, *lediglich*, *auch*, *überhaupt* (часто в совместном употреблении с единицами отрицательной семантики) и местоимение *alle*, повышающее степень абсолютности высказывания. На периферии средств интенсификации оценочных смыслов оказываются лексико-грамматические единицы-носители эпистемической модальности (адвербы и адъективы *sicher*,

sicherlich, zweifellos, unbestreitbar и др.) или маркеры эвиденциальности (адвербы и адъективы *offenbar, offensichtlich, offenkundig*). Таким образом, можно утверждать, что доминирующая стратегия интенсификации оценок в немецкоязычной научно-экспертной коммуникативной практике состоит в акцентировании значимых для рецензента оценочных компонентов, а также в генерализации оценочных высказываний.

Сопоставимая тенденция наблюдается среди средств деинтенсификации оценок, центральных для немецкоязычных лингвистических рецензий. Ядро лексико-грамматических единиц, смягчающих оценку, образуют местоимения *wenig, einige, etwas*. Их употребление позволяет снизить степень генерализации высказывания и придать сообщаемому более частный характер. Периферия средств оценочной деинтенсификации представлена адъективами и адвербами *teilweise, weitgehend, relativ, manchmal* и др., а также лексическими модификаторами отрицания (*nicht* в сочетании с *wenig*).

Центр полевой структуры (де)интенсификаторов оценки в русскоязычных рецензиях образуют наречия *очень* и *весьма*, за ними следуют такие единицы, как местоименное наречие *весь* и наречие *вполне*, а также наречие эпистемической модальности *несомненно*. Выделенные средства указывают на то, что доминирующими стратегиями интенсификации оценочных смыслов в русскоязычных рецензиях становится индикация максимальной степени выраженности какого-либо признака рассматриваемой работы, генерализация высказывания, а также актуализация уверенности субъекта мысли и речи в сообщаемых сведениях. Лексико-грамматические единицы с эпистемической модальностью встречаются и на периферии средств интенсификации в русскоязычных рецензиях. В число этих средств входят прилагательные и наречия (например, *несомненный, безусловно*), а также слова и выражения с отрицательными компонентами (*бесспорно, без сомнения, вне всякого сомнения, ни в коей мере* и др.). Кроме того, на периферию отесняются средства выражения эвиденциальности (наречия *действительно, явно, очевидно*), единицы, актуализирующие важность, исключительную ценность сообщаемого (местоимение *самый*, прилагательные *особый*), лексические модификаторы, придающие высказыванию более общий характер (существительное *большинство*, определительное местоимение *каждый*), а также прилагательные в превосходной степени

(*новейший, важнейший*), апеллирующие к требованиям новизны и релевантности научного труда.

Ядро средств деинтенсификации, характерных для русскоязычных рецензий, составляют числительное *несколько* с семантикой небольшого и неопределенного множества, наречие *достаточно* и прилагательное *многий*. С помощью выделенных средств можно снизить степень всеобщности оценочных высказываний по принципу «*многие, но не все*». К периферийным деинтенсификаторам можно отнести средства экспликации авторской субъективности, например глаголы *представляться* и *казаться* в безличной форме (например, в составе вводных оборотов как *представляется, как кажется* и в сочетании с эксплицитно-авторизующим личным местоимением первого лица единственного числа: *мне кажется*); вводное слово *пожалуй* как выразитель модальности возможности; словосочетания *так или иначе, своего рода*, «размывающие» четкость оценочных резюме; словосочетание уступительной семантики *едва ли*, а также наречия *почти, часто, всегда* (в сочетании с отрицательной частицей *не*) и др. Перечисленные периферийные средства оценочной деинтенсификации поддерживают доминантную для русскоязычных рецензий стратегию представления оценочного высказывания как более частного, относительного и потому менее категоричного.

4. Выводы и перспективы

Результаты проведенного количественно-качественного анализа оценочных высказываний с включением (де)интенсификаторов в немецких и российских лингвистических рецензиях подтверждают исходное предположение о наличии лингвокультурной специфики контекстуального усиления и смягчения оценок. Особенности (де)интенсификации оценок в научно-экспертных текстах проявляются в том, что немецкие рецензенты чаще употребляют нейтрализаторы отрицательных оценок в рамках негативной вежливости и более, чем отечественные рецензенты, склонны к употреблению интенсификаторов в негативно-оценочных высказываниях, что повышает дискуссионность научного диалога. При этом русскоязычные рецензенты чаще, чем немецкоязычные, деинтенсифицируют позитивные оценки: такой результат можно объяснить необходимостью равновесия между высокими

оценками и объективностью научного изложения. Анализ частотных средств (де)интенсификации и их организация в полевые структуры позволили выявить центральные стратегии аксиологической (де)интенсификации для немецко- и русскоязычного научно-экспертных дискурсов. Если доминирующая стратегия интенсификации и деинтенсификации оценок в немецкоязычной научно-экспертной социокоммуникативной практике заключается в выделении значимых для рецензента оценочных компонентов и в генерализации оценочных высказываний, то центральной стратегией интенсификации в русскоязычных научно-экспертных текстах оказывается не только генерализация высказываний, но и индикация максимальной степени выраженности той или иной характеристики рассматриваемого труда, а также уверенности автора рецензии в сообщаемом. Деинтенсификация оценок в рецензиях отечественных лингвистов происходит, как правило, за счет снижения степени генерализации высказывания.

Выявленные лингвокультурные особенности (де)интенсификации экспертных оценок в немецко- и русскоязычных лингвистических рецензиях намечают направления для дальнейших исследований обсуждаемой аксиологической субкатегории. Возможной перспективой может стать расширение перечня параметров для сбора статистических данных, что позволит сделать выводы о связи средств оценочной (де)интенсификации с теми или иными стратегиями оценочной импликации в свете вежливого научно-экспертного общения. Другая перспектива будущих исследований открывается за счет подключения к межъязыковому и межкультурному рассмотрению экспертно-оценочных высказываний дополнительной оси сопоставления — междисциплинарной.

Источники иллюстративного материала

Абрахманова О.Р. Рец. на: Кинодиалог. Образ-смысл. Перевод. Коллективная монография под общ. ред. проф. В.Е.Горшковой. — В.Е.Горшкова, Е.А.Колодина, Е.В.Кремнёв, И.П.Федотова, Е.О.Фирсова. Иркутск: МГЛУ ЕАЛИ, 2014. 367 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2016. № 20 (3). С. 260–262.

Голомидова М.В. Мир городской повседневности в зеркале неофициальной ойконимии. Рец. на: Ахметова М.В. От А-Ата до Ярска: словарь неофициальных названий населенных пунктов. М.: ФОРУМ, 2015. — 496 с. // Вопросы ономастики. 2016. № 13 (1). С. 241–249.

Зирка В. В. Рец. на: Ремчукова Е. Н., Страхова А. В. Рекламное «зазеркалье» России и Франции. Лингвокреативный и гендерный аспекты. М., 2016. 216 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2017. № 21 (1). С. 221–223.

Мокиенко В. М. Рец. на: С. Г. Шулежкова, А. А. Осипова (ред.). Дайте миру шанс! Словарь современных политических лозунгов России и Германии. Магнитогорск: Магнитогорский дом печати; Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2016 // Вопросы языкознания. 2017. Nr. 6. С. 150–158.

Briese J. Rez. auf: Frank Liedtke: Moderne Pragmatik. Grundbegriffe und Methoden. Tübingen: Narr Francke Attempto 2016 (Narr Studienbücher). IV + 238 S. // Zeitschrift für Sprachwissenschaft. 2017. Nr. 36 (2). S. 319–325.

Fuhrhop N. Rez. auf: Hans-Georg Müller. 2016. Der Majuskelgebrauch im Deutschen. Groß- und Kleinschreibung. Theoretisch, empirisch, ontogenetisch (Germanistische Linguistik 305). Berlin, Boston: De Gruyter. 418 S. // Zeitschrift für Rezensionen. 2017. Nr. 9 (1–2). S. 128–132.

Lenk H. Rez. auf: Agnieszka Marta Kurzyńska. 2015. Das deutsche Poplied als Textsorte. Eine Studie über neuere deutsche Liedertexte aus textuell-stilistischer Sicht (Danziger Beiträge zur Germanistik 49). Frankfurt a. M. u. a.: Peter Lang. 177 S. // Zeitschrift für Rezensionen. 2016. Nr. 8 (1–2). S. 124–130.

Nowak J. Rez. auf: Eugen Hill: Einführung in die historische Sprachwissenschaft des Deutschen. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft 2013. 159 S. // Zeitschrift für Sprachwissenschaft. 2016. Nr. 35 (2). S. 230–233.

Справочные материалы

Котурова М. П., Баженова Е. А. Культура научной речи: текст и его редактирование: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2008. 280 с.

Литература

Адмони В. Г. Синтаксис современного немецкого языка: Система отношений и система построения. Л.: Наука, 1973. 366 с.

Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка, событие, факт. М.: Наука, 1988. 338 с.

Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: УРСС, 2002. 260 с.

Нефедов С. Т. Императивы лингвистического дискурса // Научное мнение. 2014. № 5. С. 58–64.

Нефедов С. Т. Жанровый прототип научной германистической рецензии // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. 2018. Вып. 8. С. 105–123.

Троянская Е. С. Научное произведение в оценке автора рецензии (к вопросу о специфике жанров научной литературы) // Научная литература. Язык, стиль, жанры / под ред. М. Я. Цвиллинг. М.: Наука, 1985. С. 67–81.

Чалова О.Н. Роль категории вежливости в коммуникативной организации научного дискурса // Веснік МДПУ імя І. П. Шамякіна. Філалагічныя навукі. 2012. № 3 (36). С. 113–118.

Arendt B., Schäfer P. Bewertungen im Wissenschaftsdiskurs Eine Analyse von Review-Kommentaren als Aushandlungspraxis normativer Erwartungen // Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik. 2015. Nr. 45 (177). S. 103–124.

Brown P., Levinson S. Politeness. Some universals in language usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 345 p.

Chernyavskaya V.E. Negative evaluation in Russian academic book review: Across critical reflection and ritual genre (based on reviews of monographs on sociology in 2015–2022) // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2022. No. 15 (11). P. 1680–1698. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0944>

Goffman E. Interaction Ritual: Essays on Face-to-Face Behavior. New York: Doubleday, 1967. 270 p.

Graefen G., Thielmann W. Der wissenschaftliche Artikel // Reden und Schreiben in der Wissenschaft / hrsg. P. Auer, H. Baßler. Frankfurt; New York: Campus Verlag, 2007. S. 67–99.

Hood S. Appraising Research. Evaluation in Academic Writing. London: Palgrave Macmillan, 2010. 227 p.

Hyland K. Metadiscourse: Exploring Interaction in Writing. London; New York: Continuum, 2005. 230 p.

Leech G. The Pragmatics of Politeness. New York: Oxford University Press, 2014. 343 p.

Martin J. R., White P. R. R. The Language of Evaluation. Appraisal in English. Hampshire/New York: Palgrave Macmillan, 2005. 278 p.

Nefedov S. T. Evaluation catalysts: how to recognize evaluative meanings // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2022. No. 15 (11). P. 1699–1712. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0945>

Starfield S., Paltridge B. Understanding the language of evaluation in examiners' reports on doctoral theses // Linguistics and Education. 2015. No. 31. P. 130–144.

References

Admoni V. G. *Syntax of modern German: a system of relations and a system of construction*. Leningrad, Nauka Publ., 1973, 366 p. (In Russian)

Arendt B., Schäfer P. Bewertungen im Wissenschaftsdiskurs Eine Analyse von Review-Kommentaren als Aushandlungspraxis normativer Erwartungen. *Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik*, 2015, Nr. 45 (177), S. 103–124.

Arutjunova N. D. *Types of linguistic meanings. Evaluation. Event. Fact*. Moscow, Nauka Publ., 1988, 338 p. (In Russian)

Brown P., Levinson S. *Politeness. Some universals in language usage*. Cambridge, Cambridge University Press, 1987, 345 p.

Chalova O.N. The role of politeness in the communicative organisation of scientific discourse. *Vesnik MDPU imia I.P.Shamiakina. Filalogichnyia navuki*, 2012, no. 3 (36), pp. 113–118. (In Russian)

Chernyavskaya V.E. Negative evaluation in Russian academic book review: across critical reflection and ritual genre (based on reviews of monographs on sociology in 2015–2022). *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2022, no. 15 (11), pp. 1680–1698. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0944> (In Russian)

Goffman E. *Interaction Ritual: Essays on Face-to-Face Behavior*. New York, Doubleday, 1967, 270 p.

Graefen G., Thielmann W. Der wissenschaftliche Artikel. *Reden und Schreiben in der Wissenschaft*, eds P.Auer, H. Baßler. Frankfurt, New York, Campus Verlag, 2007, S. 67–99.

Hood S. *Appraising Research. Evaluation in Academic Writing*. London, Palgrave Macmillan, 2010, 227 p.

Hyland K. *Metadiscourse: Exploring Interaction in Writing*. London, New York Continuum, 2005, 230 p.

Leech G. *The Pragmatics of Politeness*. New York, Oxford University Press, 2014, 343 p.

Martin J.R., White P.R.R. *The Language of Evaluation. Appraisal in English*. Hampshire, New York, Palgrave Macmillan, 2005, 278 p.

Nefedov S.T. The imperatives of the linguistic discourse. *Nauchnoe mnenie*, 2014, no. 5, pp. 58–64. (In Russian)

Nefedov S.T. Genre Prototype of the scientific review on Germanistics. *German Philology at the St. Petersburg State University*, 2018, iss. 8, pp. 105–123. (In Russian)

Nefedov S.T. Evaluation catalysts: how to recognize evaluative meanings. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2022, no. 15 (11), pp. 1699–1712. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0945>

Starfield S., Paltridge B. Understanding the language of evaluation in examiners' reports on doctoral theses. *Linguistics and Education*, 2015, no. 31, pp. 130–144.

Troianskaia E.S. A scientific work in the reviewer's assessment (on the specificity of scientific literature genres). *Nauchnaia literatura. Iazyk, stil', zhanry*, Ed. by M. Ya. Tsvilling, Moscow, Nauka Publ., 1985, pp. 67–81. (In Russian)

Volf E.M. *Functional Semantics of evaluation*. Moscow, URSS Publ., 2002, 260 p. (In Russian)

Кондратенко Полина Игоревна

ассистент кафедры немецкой филологии СПбГУ

Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Polina I. Kondratenko

Assistant Lecturer of German Philology Department, St. Petersburg State University

Address: 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

E-mail: p.kondratenko@spbu.ru

Статья поступила в редакцию 1 марта 2023 г.

Принята к публикации 26 апреля 2023 г.

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КАТЕГОРИИ ВЕЖЛИВОСТИ В ШАХМАТНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (на материале немецкого и русского языков)

Для цитирования: Филиппов А. К. Лингвопрагматические аспекты категории вежливости в шахматной литературе (на материале немецкого и русского языков) // *Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете*. 2023. Т. 13. С. 82–93.
<https://doi.org/10.21638/spbu33.2023.104>

В статье на материале немецкоязычных произведений З. Тарраша, А. Нимцовича и А. Алехина и их русских переводов исследуются способы лингвистического выражения вежливости и их прагматическое значение в шахматной литературе первой трети XX в. Основной задачей авторов шахматных книг в указанный период являлась популяризация шахмат среди любителей; в некоторых случаях также имела место заочная полемика с другими шахматистами. Соответственно, в исследуемых текстах наблюдается ряд приемов для выражения вежливости по отношению к читателю и по отношению к шахматистам, партии которых разбираются в книге. Вежливость по отношению к участникам партии может выражаться в прямых комплиментах применительно к тому или иному решению, принятому в разбираемой игре, а также в «вежливом удивлении» по поводу неудачного хода сильного шахматиста. Вежливость по отношению к читателю выражается при помощи ряда способов, включая прямое обращение, в том числе с использованием ритуальных формул, ненавязчивый совет, а также различные приемы авторского отстранения как индикатора скромности. Специфический для шахматной литературы способ отстранения — номинация участников партии при помощи стандартных обозначений *Weiß/белые* и *Schwarz/черные*, даже если один из участников — сам автор комментария. Другой способ — характерное для научного стиля употребление местоимений множественного лица вместо единственного. В русских текстах также обнаруживаются случаи авторского отстранения при помощи употребления безличных конструкций. Основное прагматическое назначение индикаторов вежливости применительно к читателю, вероятно, состоит в том, чтобы расположить его к себе и заинтересовать. Вежливость по отношению к шахматистам может преследовать различные цели.

Ключевые слова: шахматы, специальный текст, учебная литература, вежливость, лингвистическая прагматика.

LINGUISTIC AND PRAGMATIC ASPECTS OF THE POLITENESS CATEGORY IN CHESS LITERATURE (in German and Russian languages)

For citation: Filippov A. K. Linguistic and pragmatic aspects of category of politeness in chess literature (in German and Russian languages). *German Philology in St. Petersburg State University*, 2023, vol. 13, pp. 82–93.
<https://doi.org/10.21638/spbu33.2023.104> (In Russian)

The article studies linguistic expression of politeness and its pragmatic value in chess literature, focusing on works by Z. Tarrash, A. Nimzowitsch and A. Alekhine. In the beginning of the 20th century, authors of books on chess aimed at popularizing the game among amateurs, as well as engaging in arguments with other chess players. Accordingly, the studied texts represent a number of techniques for expressing politeness towards the reader and towards the players whose games are analyzed. Politeness in regard to a participant of a game can be expressed by a compliment in relation to a strong move, as well as in “polite surprise” at a bad decision taken by a strong chess player. Politeness towards the reader includes direct address, sometimes using ritual formulas, unobtrusive advice, and various techniques of authorial distancing as an indicator of modesty. A method specific to chess literature is referring to the participants of a game as *Weiß/белые* (‘white’) and *Schwarz/черные* (‘black’), even if one of the sides is the author of the commentary. Another way is using plural pronouns instead of singular, which is characteristic of the scientific style. In Russian texts, there are also cases of distancing through the use of impersonal constructions. The pragmatic purpose of politeness in relation to the reader is most likely winning them over, while politeness towards chess players can serve various purposes.

Keywords: chess, specialized text, educational literature, politeness, linguistic pragmatics.

1. Введение

Шахматная игра как культурный феномен традиционно привлекает внимание исследователей, в том числе лингвистов. Исследуется терминология шахмат (см., например: [Karayev 2016; Журавлева 2021; Журавлева, Влавацкая 2021]); рассматриваются механизмы образования метафор на основе данной сферы [Пьянов 2017; Кириллова 2010]. Концепция шахматного поединка как интеллектуального единоборства с использованием фигур, передвигающихся по строго определенным правилам, неоднократно использовалась в качестве аналогии, начиная со знаменитой «шахматной метафо-

ры» Ф. де Соссюра [Соссюр 1977: 61] (см. также: [Leech 1983: 144; Филиппова 2011]).

Вместе с тем в относительной тени находится феномен шахматной литературы как отдельного жанра. Его особенностью выступает сочетание естественного языка с шахматной нотацией (подробнее см.: [Филиппов 2022]). Настоящее исследование касается лингвопрагматических аспектов категории вежливости, находящихся свое выражение в шахматном тексте. Их изучение представляет интерес с точки зрения реализации коммуникативной стратегии автора как последовательности речевых действий, направленных на достижение цели взаимодействия с читателем (см.: [Иссерс 2003: 100–101]).

Особенности жанра шахматной литературы в начале XX в. во многом определялись спецификой деятельности ее авторов — шахматистов-профессионалов. Как отмечал А. С. Суэтин, в это время «стал окончательно складываться очень устойчивый тип профессионалов — “культуртрегера”, сочетающего спортивные выступления с литературной и тренерской деятельностью» [Суэтин 1998: 246]. Своей основной задачей авторы видели популяризацию шахмат среди любителей. Таким образом, шахматисты-литераторы в своих работах выстраивали диалог с читателем, желая заинтересовать его шахматной игрой.

Одновременно литературная деятельность ведущих шахматистов зачастую представляла собой заочный спор с другими мастерами об идеях и подходах к шахматной игре. Широко известны факты соперничества между первыми шахматными чемпионами мира, а также их конкурентами (см., например: [Суэтин 1998: 250–252]). В то же время в книгах этого периода можно обнаружить и противоположную тенденцию — признание заслуг коллег автора, восхищение их талантом.

Сложившаяся к концу 1930-х гг. традиция шахматной литературы в значительной степени опиралась на немецкоязычные тексты, поскольку в рассматриваемый период важную роль на мировой арене играли немецкие и австрийские мастера — З. Тарраш, Эм. Ласкер, К. Шлехтер, Р. Шпильман и др. Эмигрировавшие из Советской России А. И. Нимцович и А. А. Алехин также издавали свои книги на немецком языке.

Цель настоящей статьи состоит в проведении лингвопрагматического анализа форм выражения вежливости в шахматной

литературе (в немецких текстах и их русских переводах), включая вежливость по отношению к читателю и по отношению к коллегам-шахматистам. Материал исследования составляют тексты, принадлежащие к таким поджанрам, как шахматный учебник, авторская система и сборник партий.

Как пример шахматного учебника рассматривается труд Зигберта Тарраша «Современная шахматная партия» («Die Moderne Schachpartie», 1-е изд. 1924).

Особенности изложения авторской системы мы анализируем на примере книги Арона Нимцовича «Моя система» («Mein System», 1-е изд. 1925–1927), ставшей, по словам Г.К. Каспарова*, «бесценным учебным пособием для многих поколений шахматистов» [Каспаров* 2005: 314–315] и представляющей собой новаторское исследование шахматной теории.

Примером сборника партий выступает книга Александра Алеихина «На пути к высшим шахматным достижениям» («Auf dem Wege zur Weltmeisterschaft 1923–1927», 1-е изд. 1932).

В качестве методологической базы исследования мы обращаемся к коммуникативному принципу вежливости Дж. Лича — необходимому компоненту сотрудничества между людьми [Leech 1983: 82]. Из перечисленных Личем постулатов для нас представляют важность постулат симпатии («доводи до максимума симпатию между собой и адресатом») и постулат скромности («своди к минимуму похвалу себе») [Leech 1983: 132–139] (цит. по: [Скребцова 2020: 223–224]).

2. Языковое выражение категории вежливости по отношению к другим шахматистам

В «Современной шахматной партии» уважительное отношение к участникам партий может выражаться различными способами. Один из них — прямой комплимент тому или иному решению (постулат симпатии):

Der nächstliegende Zug, aber ein entscheidender Fehler, den Janowski sehr elegant ausnützt [Tarrasch 1924]. — «Этот естественный ход является в то же время и решающей ошибкой, которую Яновский весьма изящно использовал» [Тарраш 2001: 45].

* Признан Минюстом РФ иностранным агентом.

Der vorhergehende Abtausch geschah in der Absicht, nun mit Lf6 dem Plane des Weißen entgegenzutreten. Allein dies ist nicht möglich, wie Maroczy in genialer Weise dartut [Tarrasch 1924]. — «Цель произведенного черными размена заключалась в том, чтобы ходом Sf6 помешать осуществлению плана противника. Однако Мароци гениальным образом доказывает, что делать этого нельзя» [Тарраш 2001: 47].

Тот же способ можно найти и в тексте «Моей системы». Так, финал знаменитой партии Торре — Ласкер сопровождается настоящим панегириком второму чемпиону мира, потерпевшему в ней поражение:

Unter Zwickmühle muß auch das von Torre gegen Lasker gewonnene Schlußspiel rubriziert werden, das ich trotz seiner Eleganz nur mit innerem Widerstreben bringe, so sehr imponiert mir Laskers wahrhaft großer Geist. Aber auch große Geister sind zuweilen verwundbar, wie nachfolgendes Spiel zu beweisen scheint [Nimzowitsch 1925–1927]. — «Мельница завершила партию, которую Торре выиграл у Ласкера. Несмотря на изящество окончания, я привожу его скрепя сердце — настолько импонирует мне личность Ласкера. Партия может служить примером того, что и у великих людей бывают минуты слабости» [Нимцович 2021: 157–158].

В сборник Алехина входят его партии с партнерами разного уровня — от любителей до ведущих гроссмейстеров мира. В своих комментариях четвертый чемпион мира сосредоточен прежде всего на собственной игре, однако иногда он отмечает и достойное сопротивление оппонента, вне зависимости от его квалификации:

Eine von den Beratenden ganz gut gespielte Partie, welche sie hauptsächlich durch die unglückliche <...> Flankierung verloren haben [Aljechin 1978: 10]. — «Очень хорошо проведенная консультантами партия, в проигрыше которой повинно лишь злосчастное фианкетто» [Алехин 1991: 16].

Второй вид вежливого комментария касается ситуаций, когда автор вынужден подвергнуть критике ход выдающегося шахматиста. В таких случаях комментатор выражает «вежливое удивление», указывая на нетипичность столь слабой игры со стороны этого игрока (также постулат симпатии). Данный способ неоднократно встречается у Тарраша:

Eine merkwürdig zahme und zurückhaltende Behandlung der Eröffnung (Von Capablanca). Kräftiger ist jedenfalls der Doppelschritt des Bauern [Tarrasch 1924]. — «**Белые (Капабланка) удивительно тихо и осторожно разыгрывают дебют.** Во всяком случае, гораздо сильнее был бы ход пешкой сразу на два поля» [Тарраш 2001: 41].
Eine erstaunliche Abirrung vom Angriffsziel, die Janowski gar nicht ähnlich sieht [Tarrasch 1924]. — «**Поразительное отклонение от цели атаки, которое совсем не свойственно Яновскому**» [Тарраш 2001: 46].

Все вышесказанное не означает, что в шахматной литературе безоговорочно доминирует джентльменское, почти рыцарское отношение автора к конкурентам из шахматной среды. Напротив, в комментариях встречаются и резкая критика, и насмешливые замечания в адрес идейных оппонентов, однако сформулированные выше тенденции также достаточно устойчивы и наблюдаются в произведениях разных авторов и различных поджанров.

3. Языковое выражение категории вежливости по отношению к читателю

Цель шахматных авторов — приобщить к игре широкие круги читателей — достигается не только при помощи увлекательности и доступности изложения, но и за счет неукоснительного соблюдения принципа вежливости. Примером может служить послание Тарраша к читателю в предисловии:

Ich habe nun jede einzelne Partie zum Gegenstand eines tiefen Studiums gemacht, dessen Resultate ich den Lesern unterbreite, so daß ihnen mühelos das volle Verständnis der Partie erschlossen wird. Ich setze mich mit dem Leser ans Brett und erläutere ihm die Partie aufs eingehendste, aber — hoffentlich! — ohne ihn zu ermüden [Tarrasch 1924]. — «Каждую отдельную партию я сделал предметом глубокого изучения, результаты которого я предлагаю читателям, перед которыми, таким образом, открывается полная возможность без особого труда понять партию. **Я сажусь с читателем за доску и самым подробным образом объясняю ему партию, но надеюсь, его не утомляю**» [Тарраш 2001: 38].

У Нимцовича можно найти пример обращения к посетителям лекции с использованием местоимения *mein*, принадлежащего, по

терминологии Х. Вайнриха, к «ритуальным фразам вежливости» (*Ritualen der Höflichkeit*) [Weinrich 2003: 439]:

In Skandinavien pflegte ich meinen Vortrag über die offene Linie zuweilen mit folgenden Worten abzuschließen: „Diese Regeln über die »offenen« Linien werden, hoffe ich, dazu gedient haben, Ihnen, meine Herren, auch die Augen zu »öffnen«.“ [Nimzowitsch 1925–1927]. — «В некоторых шахматных лекциях в Скандинавии нам случалось, говоря об открытой линии, заканчивать изложение следующими словами: “Надеюсь, **уважаемые слушатели**, что после высказанных сегодня правил у вас в отношении открытых линий откроются глаза”» [Нимцович 2021: 31].

Отдельную группу способов выражения вежливости составляют различные формы демонстрации отстранения автора путем смещения фокуса внимания с его персоны на предмет изложения (стремление к объективности изложения и реализация постулата скромности).

Один из них — стандартный способ номинации участников партии не по фамилиям, а просто «белые» (*Weiß*) и «черные» (*Schwarz*), даже если речь идет о самом авторе:

*Infolge der Drohung Lc8-a6 kann **Weiß** jetzt nicht rochieren und **Schwarz** spielt im Folgenden darauf, auch die lange Rochade zu verhindern* [Tarrasch 1924]. — «Вследствие угрозы Саб **белые** не могут рокировать. В дальнейшем **черные** стараются помешать и длинной рокировке противника» [Тарраш 2001: 164].

(10) ***Weiß** will nicht nur den Bauer gewinnen, sondern auch den feindlichen König ins Freie treiben* [Aljechin 1978: 10]. — «**Белые** хотят не только выиграть пешку, но и выманить наружу неприятельского короля» [Алехин 1991: 39].

Другой способ отстранения — замена местоимения первого лица *ich/я* на *wir/мы*, часто наблюдаемая у Нимцовича. Такая форма изложения, порождающая некоторую референциальную неопределенность высказываний (подробнее см.: [Филиппов 2008: 14–18]), известна как «формула научной скромности» (ср. описанные Х. Вайнрихом случаи «инклюзивного» использования местоимения *wir* для выражения «множественного числа скромного автора» [Weinrich 2003: 107]) и типична для научного стиля речи.

«Моя система» представляет собой учебное пособие, однако основывается на оригинальной концепции. При ее изложении перед Нимцовичем стояли две задачи: обозначить свой приоритет применительно к излагаемым идеям и подчеркнуть объективность выводов. Этой двойственностью, в числе прочих факторов, можно объяснить колебания при выборе местоимений (*ich* — *wir*, а также *mein* — *unser*). Достаточно сравнить заглавие книги — *Mein System* — со следующим пассажем:

In unserem System liegt es, den Lernenden so frühzeitig wie denkbar über die strategischen Elemente des Endspiels zu unterrichten [Nimzowitsch 1925–1927]. — «**Наша система** требует того, чтобы начинающий возможно скорее ознакомился со стратегическими элементами эндшпиля» [Нимцович 2021: 45].

В русском переводе принцип употребления местоимений в соответствии с нормами научной речи находит даже более обширное применение:

Es gelingt mir den versteckt liegenden Plan durchzuführen... da Rubinstein insofern gehandicapt erschien, als er mit den mir so wohlbekanntem Postulaten meines Systems nicht ganz vertraut war [Nimzowitsch 1925–1927]. — «**Нам** удалось провести этот скрытый план... ибо **мы** имели перед Рубинштейном то преимущество, что он не был в той мере, как **мы**, знаком с основными положениями **нашей** системы» [Нимцович 2021: 105].

Еще один способ авторского отстранения в русском переводе — использование безличных конструкций. В то же время в немецком тексте мы видим пример инклюзивного использования местоимения *wir* в одном контексте с *ich*:

Wie wir im 2. Kapitel gesehen haben, bildet das Eindringen in das feindliche Gebiet... die logische Folge des Spiels in einer Linie. Ich habe dieses Eindringen an einigen besonders markanten, weil katastrophalen, Fällen darzustellen versucht, muß aber hier als Gegengewicht hierzu nachdrücklich betonen, daß die normale Entwicklung der Dinge... so ausschaut, daß die 7. Reihe erst spät, also etwa beim Anbruch des Endspiels, besetzt wird. <...> Der Lernende suche indes so frühzeitig wie überhaupt möglich in die gegnerische

Basis einzufallen [Nimzowitsch 1925–1927]. — «Как уже **отмечалось** во второй главе, вторжение в неприятельский лагерь... является логическим следствием успешного маневрирования на открытой линии. **Необходимо**, однако, **подчеркнуть**, что катастрофы всякого рода... ни в коем случае не могут рассматриваться как явления нормальные. Обычно занятие 7-й горизонтали происходит лишь в поздней стадии партии — при переходе в эндшпиль. <...> Изучающему **мы рекомендуем стремиться** к вторжению на неприятельскую базу как можно раньше» [Нимцович 2021: 44–45].

Также обратим внимание на конструкцию *der Lehrende suche*, которая представляет собой рекомендацию, смягченную за счет использования формы конъюнктива. В переводе ей соответствует стилистически нейтральное «мы рекомендуем».

4. Заключение

Рассмотренные примеры свидетельствуют о том, что следование принципу вежливости находит регулярное выражение в исследуемых образцах шахматной литературы. По отношению к шахматистам, упоминаемым в книгах, оно проявляется в комплиментах, а также в выражении «вежливого удивления» от их неудачных ходов. По отношению к читателю вежливость выражается как универсальными способами (предупредительность, ненавязчивый совет, отстранение), так и специфическими для жанра (использование обозначений *Weiß/белые* и *Schwarz/черные*).

С точки зрения прагматики вежливость по отношению к читателю, вероятно, призвана расположить его к себе и заинтересовать. Вежливость по отношению к шахматистам может преследовать различные цели: намерение поддержать хорошие отношения с коллегами по профессии, стремление к объективности суждений, желание «сохранить лицо» и др.

В части различий между формами выражения вежливости в исследуемых источниках проанализированный материал не позволяет сделать однозначный вывод о том, объясняются ли они в большей мере спецификой поджанров или авторскими особенностями. С другой стороны, общие черты, обнаруженные в ходе исследования, представляются весьма значимыми и универсальными для шахматной литературы в рассматриваемый период.

Источники иллюстративного материала

Алехин А. А. На пути к высшим шахматным достижениям / сост. И. З. Романов и Б. И. Туров. М.: Физкультура и спорт, 1991. 448 с.

Нимцович А. И. Моя система: Моя система. Моя система на практике. Шахматная блокада. Как я стал гроссмейстером. М.: Калиниченко, 2021. 656 с.

Тарраш З. Современная шахматная партия // Тарраш З. Учебник шахматной стратегии: в 2 т. / пер. с нем. В. И. Мурахвери; сост. и ред. В. В. Эльнова. Т. 1. М.: Издательство АСТ; Фолио, 2001. 333 с.

Aljechin (Alekhine) A. Auf dem Wege zur Weltmeisterschaft 1923–1927 / 4., durchgesehene Auflage: Mit 100 Partien und 173 Diagrammen. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1978. 225 S.

Nimzowitsch A. Mein System. Ein Lehrbuch des Schachspiels auf ganz neuartiger Grundlage. Berlin: Bernhard Kagan, 1925–1927. URL: <https://nimzowitsch.net/mein-system.html> (дата обращения: 31.01.2023).

Tarrasch S. Die Moderne Schachpartie: Kritische Studien über mehr als 200 ausgewählte Meisterpartien der letzten zwanzig Jahre mit besonderer Berücksichtigung der Eröffnungen speziell der spanischen Partie und des Damengambits. Vierte verbesserte Auflage. Leipzig: Hans Hedewig's Nachfolger Curt Ronninger, 1924. URL: http://www.schwachspieler.de/EBuecher/Tarrasch_Moderne_Schachpartie/game.htm (дата обращения: 31.01.2023).

Справочные материалы

*Каспаров Г. К.**, *Плисецкий Д. Г.* Мои великие предшественники: Новейшая история развития шахматной игры: в 6 т. Т. 1: От Стейница до Алехина. М.: РИПОЛ классик, 2005. 512 с.

Суэтин А. С. Ступени к мастерству в шахматах. М.: ТОО «Новина», 1998. 320 с.

Литература

Журавлева И. Н. Структурная модель шахматных терминов в русском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. Вып. 10. С. 3170–3179.

Журавлева И. Н., Влавацкая М. В. Структурная модель шахматных терминов в английском языке // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 2 (87). С. 534–539.

Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 3-е изд. М.: УРСС, 2003. 284 с.

* Признан Минюстом РФ иностранным агентом.

Кириллова Ю. Н. Концептуальная сфера «Спорт» как источник метафорической экспансии (на материале немецких печатных СМИ) // Мир науки, культуры, образования. 2010. № 6 (25). С. 52–56.

Пьянов Н. А. Языковая репрезентация понятия игры в словаре и тексте (на материале немецкого языка) // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 2017. № 21. С. 101–104.

Скребицова Т. Г. Лингвистика дискурса; структура, семантика, прагматика. Курс лекций. М.: Издательский дом ЯСК, 2020. 312 с.

Соссюр Ф. Труды по языкознанию / пер. с фр. под ред. А. А. Холодовича. М.: Прогресс, 1977. 696 с.

Филиппов А. К. Шахматная нотация в поликодовом тексте (на материале немецкого языка) // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. 2022. Вып. 12. С. 160–173. <https://doi.org/10.21638/spbu33.2022.108>

Филиппов К. А. Немецкие местоимения (размышления о статусе, функциях и перспективах изучения). СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. 24 с.

Филиппова Н. Б. К вопросу о шахматной метафоре в языкознании (на примере работ Фердинанда де Соссюра и других ученых) // Материалы XL Международной филологической конференции. Вып. 15: Грамматика (романо-германский цикл). 4–8 апреля 2011 г., Санкт-Петербург. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. С. 124–128.

Karayev A. A. Specifics of chess terminology // Наука, техника и образование. 2016. № 6 (24). Иваново: Олимп. С. 102–105.

Leech G. N. Principles of Pragmatics. London: Longman, 1983. 264 p.

Weinrich H. Textgrammatik der deutschen Sprache: 2. Aufl. Hildesheim; Zürich, New York, 2003. 1111 S.

References

Filippov A. K. Chess notation in a polycode text (based on the German language). *German Philology in St. Petersburg State University*, 2022, iss. 12, pp. 160–173. <https://doi.org/10.21638/spbu33.2022.108> (In Russian)

Filippov K. A. *German pronouns (reflections on the status, functions and perspectives of study)*. St. Petersburg: Faculty of Philology and Arts of St. Petersburg State University Publ., 2008. 24 p. (In Russian)

Filippova N. B. On chess metaphor in linguistics (as exemplified by the works of Ferdinand de Saussure and other scholars). *Materialy XL Mezhdunarodnoi filologicheskoi konferentsii. Vyp. 15: Grammatika (romano-germanskii tsikl). 4–8 aprilia 2011 g., Sankt-Peterburg*. St. Petersburg, Philological Faculty of St. Petersburg University Press, 2011, pp. 124–128. (In Russian)

Issers O. S. *Communicative strategies and tactics of Russian speech*, 3rd ed. Moscow, URSS Publ., 2003. 284 p. (In Russian)

Karayev A. A. Specifics of chess terminology. *Nauka, tekhnika i obrazovanie*, 2016, no. 6 (24), pp. 102–105.

Kirilova Iu. N. Conceptual sphere “Sport” as a source of metaphorical expansion (based on the German printed media). *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, 2010, no. 6 (25), pp. 52–56. (In Russian)

Leech G. N. *Principles of Pragmatics*. London: Longman, 1983. 264 p.

P'ianov N. A. Verbal representation of the concept “game” in a dictionary and in a text (based on the German language). *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova*, 2017, no. 21, pp. 101–104. (In Russian)

Saussure F. *Works on linguistics*, transl. from French, ed. by A. A. Kholodovich. Moscow, Progress Publ., 1977, 696 p. (In Russian)

Skrebtsova T. G. *Discourse linguistics: structure, semantics, pragmatics*. A lecture course. Moscow, Izdatel'skii Dom IaSK Publ., 2020. 312 p. (In Russian)

Weinrich H. *Textgrammatik der deutschen Sprache: 2. Aufl.* Hildesheim; Zürich, New York, 2003. 1111 S.

Zhuravleva I. N. Structural Model of Chess Terms in the Russian Language. *Philology. Theory & Practice*, 2021, vol. 14, iss. 10, pp. 3170–3179. (In Russian)

Zhuravleva I. N., Vlavatskaia M. V. Structural model of chess terms in English. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, 2021, no. 2 (87), pp. 534–539. (In Russian)

Филиппов Андрей Константинович

доцент кафедры математической лингвистики СПбГУ,

кандидат филологических наук

Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Andrei K. Filippov

Associate Professor of Applied Linguistics Department, St. Petersburg State University,

Candidate of Philological Sciences

Address: 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

E-mail: a.filippov@spbu.ru

Статья поступила в редакцию 31 января 2023 г.

Принята к публикации 26 апреля 2023 г.

СТРАТЕГИИ ВЕЖЛИВОСТИ В КОРПОРАТИВНОМ ДИСКУРСЕ И ИХ ЯЗЫКОВОЕ ВЫРАЖЕНИЕ (на примере корпоративных кодексов поведения компаний)

Для цитирования: *Имеретинская Н.Д.* Стратегии вежливости в корпоративном дискурсе и их языковое выражение (на примере корпоративных кодексов поведения компаний) // *Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете.* 2023. Вып. 13. С. 94–118. <https://doi.org/10.21638/spbu33.2023.105>

В статье предпринята попытка изучения речевых стратегий вежливости в сфере корпоративного (организационного) дискурса на основе лингвопрагматического анализа корпоративных кодексов компаний, публикуемых в открытом доступе в Интернете. Корпоративный кодекс предприятий призван создать у адресата (сотрудников компании, деловых партнеров, клиентов, государственных структур, общества в целом) максимально положительное впечатление о компании, формулируя при этом корпоративные нормы поведения, обязательные для выполнения сотрудниками и деловыми партнерами. Представляя собой набор директивных и комиссивных речевых актов, с одной стороны, и являясь, с другой стороны, документом, формирующим имидж компании, тексты кодексов поведения представляют собой интересный материал для анализа способов снижения категоричности ликоугрожающих директивных актов, составляющих внутреннюю корпоративную инструкцию. Методологическая основа предпринятого исследования задана теорией коммуникации, корпоративного (организационного) дискурса, как способа конструирования знания о деловой коммуникации, прагмалингвистикой, а также социалингвистическими постулатами вежливости П. Браун и С. Левинсона, определяющими поведенческие стратегии смягчения угрозы самоуважению адресата по коммуникации. Вежливость, являясь неотъемлемым условием любой коммуникации, представляет собой социокультурный феномен, поскольку регулируется социальными и языковыми нормами. Уважительное отношение коммуникантов друг к другу преломляется в деловой коммуникации через распределение социальных ролей руководителя — подчиненного. Социальные нормы или правила поведения, принятые в корпоративном дискурсе и необходимые для успешной коммуникации, определяют отбор говорящим определенных речевых стратегий вежливости и их языковое оформление. В статье анализируются стратегии вежливости, применяемые для снижения коммуникативного давления в рамках ликоущемляющего директивного речевого акта, их взаимодействие и языковое выражение. Установлено, что продуктивными стратегиями сближения и дистанцирования являются использование маркеров внутригрупповой принадлежности и вуалирование директивного акта под общее правило или уже существующее в компании положение дел.

Ключевые слова: корпоративный дискурс, директивный речевой акт, категория вежливости, стратегии вежливости, ликоущемляющий речевой акт.

**LINGUISTIC POLITENESS STRATEGIES
IN CORPORATE DISCOURSE
(by the example of corporate codes
of conduct of companies)**

For citation: Imeretinskaya N. D. Linguistic politeness strategies in corporate discourse (by the example of corporate codes of conduct of companies). *German Philology in St. Petersburg State University*, 2023, iss. 13, pp. 94–118.
<https://doi.org/10.21638/spbu33.2023.105> (In Russian)

This article attempts to study linguistic politeness strategies in corporate discourse with means of linguopragmatic analysis of Codes of Conducts, available on the Internet open sources. Codes of Conduct are meant to evoke in the addressee (company employees, business partners, customers, government agencies, or society as a whole) a positive impression, while formulating corporate behavior norms obligatory for the employees and partners to comply with. Being a set of directive and commission speech acts, on the one hand, and on the other hand, being a document that forms the image of the company, Codes of Conduct represent an interesting material for the analysis of the ways to reduce face-threatening acts. The methodological basis of the undertaken research are the communication theory, corporate discourse and the sociolinguistic postulates of Brown and Levinson's Theory of Politeness. Politeness, as an essential condition for any kind of communication, is a social and cultural phenomenon, as it signifies linguistic features associated with norms of social behavior. Respectful attitude towards each other correlates in business communication with superior-subordinate relationship. Social norms or behavioral rules adopted in corporate discourse determine the speaker's choice of politeness strategies and linguistic features. The article analyzes linguistic politeness strategies, aimed to reduce communicative pressure within the directive speech act, as well as interaction of these strategies and their linguistic execution. The most often-used politeness strategies to be found in Codes of Conduct are use of in-group identity markers and stating a directive speech act as a general rule or a practice already established in a company.

Keywords: corporate discourse, directive speech act, category of politeness, politeness strategies, face threatening speech act.

1. Теоретические основания исследования

1.1. Корпоративный кодекс поведения в свете корпоративного дискурса

Документация коммерческих предприятий стала объектом изучения лингвистов относительно недавно. Исследования в этой области связаны прежде всего с изучением жанровых и стилисти-

ческих особенностей деловой документации [Кушнерук 2016], делового (организационного) и корпоративного медийного дискурса [Данюшина 2010; Мюллер, Кизер 2005; Jones, Watson, Gardner 2004; Yamada 1990], корпоративной культуры в рамках культурологических исследований [Ларина 2009]. Интерес и актуальность подобных исследований понятны, поскольку бизнес является важной и обширной сферой человеческой деятельности. Становится ясно, что бизнес-коммуникация обладает своими специфическими свойствами, требующими изучения. Как отмечает З. И. Гурьева,

деловой текст является не только носителем специфических лингвистических характеристик, отличающих его от других видов текста (художественного, научного, публицистического и др.), но и содержит ряд уникальных национально-культурных черт, делающих его ценным лингвистическим «выразителем» национально-культурных и коммуникативных традиций другого народа. Его национально-культурная специфика проявляется на всех языковых уровнях (лексическом, лексико-синтаксическом, синтаксическом) и во всех его аспектах (коммуникативном, прагматическом, собственно текстовом, композиционном, визуально-графическом, нормативном, жанрово-стилистическом) [Гурьева 2003: 38].

Корпоративный дискурс, как иной другой, по замечанию Ю. С. Степанова —

это «язык в языке», но представленный в виде особой социальной данности... Дискурс существует прежде всего и главным образом в текстах, но таких, за которыми встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, — в конечном счете — особый мир [Степанов 1998: 670].

В связи со стремлением многих коммерческих компаний к прозрачности в своей деятельности и с принятием в странах ЕС законодательных актов по борьбе с коррупцией появилась возможность получить доступ к служебным инструкциям, издаваемых в рамках системы комплаенс (Compliance), таким как кодекс поведения компании.

Целью этого документа является установление обязательных стандартов поведения для сотрудников и бизнес-партнеров, с тем чтобы предотвратить ситуации, которые могут поставить под сомнение легитимность и честность компании. Содержание кодекса

поведения компании отражает ценности компании, правовую базу и нормы поведения в социуме. Кодекс поведения переводит их в указания, рекомендации для сотрудников и руководящего звена компании, создающие поведенческие рамки, обязательные для соблюдения.

Документы подобного рода — по своей сути внутренние корпоративные инструкции — призваны выполнить не только управленческую, но и репутационную функцию, развивать корпоративную культуру через провозглашение приоритетных для компании ценностей и норм поведения и доведения их до сведения всех сотрудников.

Корпоративные кодексы рассматривались с точки зрения этических и нравственных норм в бизнесе Н. В. Тесаковой [Тесакова 2003]; в статье Г. М. Шипициной и Е. С. Поляковой охарактеризованы функции и жанровые особенности этических кодексов современных российских банков и компаний с опорой на мнение российских предпринимателей [Шипицына, Полякова 2011], Г. А. Саркисян уделяет внимание жанровым характеристикам этического кодекса как документного текста [Саркисян 2014]. О. В. Шефер рассматривает вопросы корпоративной культуры в свете пиара и ньюсмейкинга, способствующих поддержанию положительного имиджа компании [Шефер 2016].

Выполняя функции внутренней инструкции, по своей прагматической направленности кодексы поведения принадлежат к предскриптивным, или предписывающим, текстам. Главной задачей такого типа текстов является побуждение, указание адресату текста, апеллирование [Арутюнова 1998: 5]. Апеллятивная функция заключается в побуждении реципиента занять определенную позицию по отношению к предмету (воздействие на мнение) или совершить определенное действие (воздействие на поведение) [Brinker 1985: 86].

Поскольку сам по себе кодекс поведения компании представляет собой конгломерат предписывающего типа текста, инструкции, правил поведения, неся в себе апеллятивную коммуникативную функцию, с одной стороны, а с другой стороны, являясь по сути имиджевым документом компании, провозглашая такие общечеловеческие ценности, как взаимоуважение и терпимость, интересным представляется изучение прагматических стратегий и языковых средств выражения таковых в свете категории вежливости.

Здесь мы имеем в виду прежде всего вежливость в отношении своих сотрудников, деловых партнеров, клиентов при транслировании требований по выполнению норм поведения, предъявляемых руководством компании.

1.2. Категория вежливости как объект лингвистического исследования. Стратегии построения вежливой коммуникации

Категория вежливости как объект лингвистического исследования связана в первую очередь с теорией коммуникации и прагмалингвистикой. Р. Лакофф, развивая постулаты П. Грайса о правилах построения коммуникации применительно к вежливости, впервые указала на прагматическую природу данного явления. Ею была высказана мысль о том, что грамматики не должны ограничиваться только грамматическими правилами, в них также должны быть представлены правила прагматики [Lakoff 1973: 296], были сформулированы два основных правила прагматической компетенции: 1) излагай свою информацию ясно (be clear) и 2) будь вежлив (be polite). Дж. Лич, в дальнейшем развивающий теорию коммуникации, выдвигает принцип вежливости на первое место [Leech, Thomas 1990]. По его мнению, именно принцип вежливости регулирует коммуникацию, так как уважительное отношение коммуникантов к друг другу — это сигнал о заинтересованности в сотрудничестве друг с другом [Leech 1983: 82].

Дальнейшее развитие теория вежливости как регулятора коммуникации получила в работах П. Браун и С. Левинсона. Вежливость, или «сохранение лица», то есть социального имиджа коммуникантов, по мнению авторов, понятие универсальное, ведь любой человек стремится сохранить свое лицо [Brown, Levinson 1987: 61]. Подтверждение данной мысли мы находим в каждом из проанализированных нами кодексов поведения компании. Ср., например:

- (1) Für uns als BASF ist *unsere Reputation als integres Unternehmen von entscheidender Bedeutung*. Daher lehnen wir jede Form von Korruption und Bestechung entschieden ab. Wir halten uns an die Regeln und behandeln alle Partner fair. Unser Fokus im Wettbewerb liegt stets auf der Qualität unserer Produkte und Dienstleistungen. Selbstverständlich erwarten wir dasselbe auch von unseren Geschäftspartnern [BASF: 18]. — «Для нас, концерна BASF, репутация честной компании имеет решающее значение. Поэтому мы

решительно отвергаем любые формы коррупции и взяточничества. Мы соблюдаем законодательство и одинаково относимся ко всем нашим деловым партнерам. Мы конкурентоспособны, потому что уделяем главное наше внимание качеству нашей продукции и услуг. Такого же отношения мы ожидаем и от наших партнеров».

В процессе коммуникации ее участники заинтересованы не только в сохранении своего лица, но и лица партнера по коммуникации. Сохранение лица является условием, без выполнения которого нормальное общение в социуме невозможно. Правила вежливости в коммуникации — это правила дорожного движения, применяемые в сфере социальной интеракции (To study face-saving is to study the traffic rules of social interaction) [Goffman 1972: 323].

По мнению П. Браун и С. Левинсона, желанием каждого взрослого члена общества является свобода действий, и вмешательство в эту свободу других недопустимо (the want to have his freedom of action unhindered) [Brown, Levinson 1987: 129]. Это желание быть независимым П. Браун и С. Левинсон описывают термином «негативного лица» (negative face). С другой стороны, каждый стремится сохранить свое «позитивное лицо», а именно «быть желанным» другими (the want of every member that his wants be desirable to at least some others) [Brown, Levinson 1987: 62].

Вступая в коммуникацию и особенно общаясь в рамках ликоугрожающих речевых актов, собеседники используют целую систему коммуникативных стратегий, чтобы не уронить лица друг друга. «Позитивное» и «негативное лицо», по П. Браун и С. Левинсону, основаны на стратегиях сближения (approach-based) и дистанцирования (avoidance-based). Таким образом, вежливость представляет собой соблюдение баланса между демонстрацией сближения (солидарности) с собеседником и дистантности по отношению к нему [Ларина 2009: 159]. Дистантность при этом продиктована уважением личного пространства собеседника.

Стратегии позитивной вежливости направлены на сближение собеседников, демонстрацию взаимных симпатий, связаны прежде всего с экспрессивами, основная функция которых состоит в выражении отношений говорящего к происходящему (приветствие, благодарность, оценка, комплимент). Стратегии негативной вежливости,

главная цель которых — демонстрация уважения к личной автономии адресата, связаны с побудительными речевыми актами, в которых говорящий оказывает коммуникативное давление на собеседника [Ларина 2009: 161–162].

Вежливость особенно важна при побуждении партнера к действию [Формановская 1998: 62]. В этой связи особенно яркий иллюстративный материал для рассмотрения применяемых прагматических стратегий и тактик вежливости можно почерпнуть из текстов кодексов поведения компаний, где вежливость изложения вступает в конфликт с самой природой данного корпоративного документа, являющегося по сути ликоугрожающим актом в масштабе целого текста.

Сближение и дистантность, по мнению Т. В. Лариной, — это две гиперстратегии вежливости, используемые в коммуникации. Каждая из них достигается при помощи более частных стратегий или тактик [Ларина 2009: 161]. Рассмотрим некоторые из них.

2. Стратегии дистанцирования, применяемые в кодексах поведения коммерческих компаний

Основными стратегиями дистанцирования, «негативной вежливости» или «негативного лица», по П. Браун и С. Левинсону, являются следующие:

1. Избегайте прямолинейных высказываний / Be conventionally indirect.
2. Задавайте вопросы, будьте уклончивы / Question and hedge¹.
3. Предоставляйте слушающему выбор не совершать действие, к которому его побуждают / Give H the option not to do the act.
4. Обезличивайте говорящего и слушающего / Impersonalize S and H.
5. Представляйте речевой акт как общее правило / State the FTA as a general rule [Brown, Levinson 1987: 129–208].

Следует отметить, что указанные выше стратегии вежливости часто объединены между собой и отделить одну от другой иногда представляется сложным. Так в приведенном ниже примере (2),

¹ В трактовке Т. В. Лариной имеются в виду средства смягчения, препятствующие категоричности высказывания [Ларина 2009: 161].

иллюстрирующем стратегию косвенного выражения требования, директивный акт вуалируется под общее правило, под уже существующее в компании положения вещей. Данная стратегия широко применяется в текстах подобного рода.

- (2) *Unsere Unterstützung und unser Engagement diesbezüglich bedeutet auch ein aktives Eintreten gegen moderne Sklaverei und Menschenhandel, einschließlich Kinder- und Zwangsarbeit bei unserer Geschäftstätigkeit und in unserer Lieferkette* [Allianz: 27]. — «Мы выступаем против рабства и торговли людьми, детского труда и труда заключенных, обязуемся не использовать такие способы эксплуатации в своей экономической деятельности и ожидаем того же и от наших партнеров и поставщиков».

В примере (2) косвенным указанием на реципиента, которого призывают активно выступить против детского труда и труда заключенных в своей коммерческой деятельности, является завуалированное именование поставщиков и деловых партнеров, заключенное в номинации *Lieferkette* (цепочка поставок), метафорическим сравнением с логистикой поставки товара.

В примере (3), в отличие от примера (2), партнеры по коммуникации, к которым предъявляется требование соблюдения прав человека, указаны эксплицитно. Это сотрудники, деловые партнеры, дочерние компании и поставщики: потенциальные (*Anbieter* — ‘потенциальный поставщик, оферент’) и на данный момент сотрудничающие с компанией (*Lieferanten* — ‘поставщики’). Ср. *Lieferkette* — ‘цепочка поставок’.

- (3) *Wir erwarten von unseren Mitarbeitern, Geschäftspartnern, Tochtergesellschaften, Anbietern und Lieferanten, dass sie die vielfältigen Ausprägungen von Menschenrechten gemäß internationaler Standards unterstützen und mittragen* [Allianz: 27]. — «Мы ожидаем, что наши сотрудники, деловые партнеры, дочерние компании, поставщики и дилеры поддерживают и разделяют права человека во всем многообразии их проявлений в соответствии с международными стандартами».

Минимизация речевого давления в примерах (3–5) достигается выбором лексем с нейтральным значением: *erwarten* (‘ожидать’), *ermutigen* (‘поощрять’), *sich wünschen* (‘желать’) вместо *auffordern* (‘требовать’), а также *unterstützen* (‘поддерживать’), *mittragen* (‘раз-

делять ответственность'), *sich bekennen* ('исповедовать') вместо *Menschenrechte / den Code befolgen* ('соблюдать права человека / кодекс поведения').

- (4) *Zudem ermutigt Bilfinger seine Mitarbeiter, sich persönlich sozial zu engagieren* [Bilfinger: 16]. — «Компания Bilfinger также поощряет своих сотрудников к личному участию в решении социальных вопросов».
- (5) *Der ZVEI verbindet mit dem Code zugleich ein eigenes Bekenntnis zur gesellschaftlichen Verantwortung und wünscht sich, dass möglichst viele ZVEI-Mitglieder sich zu diesem Code bekennen* [ZVEI: 4]. — «Издав данный Кодекс, отраслевой союз ZVEI заявляет о своей приверженности принципам социальной ответственности и надеется, что большинство его членов возьмут на себя обязательства по соблюдению данного Кодекса».

Снижению категоричности высказывания и прямолинейности, сохранению лица адресата служит также стратегия смещения акцента с отрицательной оценки на положительную, иногда с сохранением отрицания. Ср., например:

- (6) *Bilfinger ist ein drogenfreier Arbeitsplatz. Den Mitarbeitern ist es nicht erlaubt, während der Arbeitszeit Rauschmittel zu sich zu nehmen. Auch der Konsum von Alkohol am Arbeitsplatz ist untersagt* [Bilfinger: 13]. — «Bilfinger — это компания, в которой нет места наркотикам. Сотрудникам не разрешается употреблять в рабочее время наркотические вещества. Употребление алкоголя на рабочем месте также запрещено».
- (7) *Für Diskriminierung ist bei uns kein Platz. Wir dulden keine Form von Diskriminierung* [Bilfinger: 15]. — «У нас нет места дискриминации. Любая форма дискриминации недопустима».
- (8) *Bilfinger akzeptiert ausschließlich Geld aus sauberen Quellen* [Bilfinger: 8]. — «В Bilfinger в обращении денежные средства исключительно из легальных источников».
- (9) *Bilfinger erwartet von seinen Mitarbeitern, dass sie für die Vermögenswerte des Konzerns Verantwortung übernehmen und sie vor Diebstahl, Missbrauch und Verschwendung schützen* [Bilfinger: 9]. — «Мы в Bilfinger ожидаем от своих сотрудников, что они несут ответственность за имущество компании, предпринимают все для его защиты от краж, неправильного и расточительного использования».

Пример (9) особенно наглядно иллюстрирует стратегию осторожных формулировок (Be conventionally indirect), реализуемую через выбор лексем — эвфемизмов, если сопоставить его с примером (10), представляющим собой плакативный лозунг, где вещи, так сказать, называются своими именами:

- (10) *Ich gebe auf Firmeneigentum acht und **stehle oder zweckentfremde nichts*** [CRH: 8]. — «Я бережно отношусь к имуществу компании, ничего не краду и не присваиваю».

Так, в примере (9), в котором речь идет о возможности кражи имущества компании, в том числе и собственными сотрудниками, в отличие от примера (10) акцент смещен на положительную оценку действий сотрудников (*vor Diebstahl, Missbrauch und Verschwendung schützen*).

Стратегия «Предоставляйте слушающему выбор не делать то, к чему вы побуждаете!» наглядно иллюстрируются следующим примером:

- (11) *Daher **bitten wir Sie**, uns dieses Formular ausgefüllt per Fax oder E-Mail zurückzusenden, **sollte Ihr Unternehmen sich zum ZVEI-Code of Conduct bekennen und ihn unterzeichnet haben bzw. sollte Ihr Unternehmen ihn anerkennen. Vielen Dank für Ihre Unterstützung!*** [ZVEI: 4] — «Поэтому мы просим Вас заполнить эту форму и отправить ее нам по факсу или электронной почте, если Ваша компания придерживается Кодекса поведения ZVEI и подписала его или если Ваша компания признает его в качестве стандарта предприятия. Благодарим Вас за поддержку!»

В рамках ликоугрожающего акта просьбы (ср.: *Daher bitten wir Sie* — ‘В этой связи мы просим Вас’), в придаточном предложении условия адресату предоставляется выбор подписывать или не подписывать указанный документ. По словам Х. Генцмера, предоставление опций собеседнику является выражением вежливости говорящего:

Höflichkeit ist nichts anderes als das sprachliche Offenlassen von Optionen. Es deutet dem Hörer an, dass man nicht böse ist, wenn die Antwort negativ ausfällt. Natürlich sollte der Frager oder Sprecher nicht böse sein, wenn die angesprochene Person sich für eine abschlägige Antwort entscheidet. Darum Vorsicht bei falscher Höflichkeit, man sollte sie nur da anwenden,

wo man wirklich mit einer Absage leben kann, wenn nicht, ist es besser, gleich auf (dann ja) leere Formeln dieses Typs zu verzichten, den Indikativ zu benutzen und die Wahlmöglichkeit des Angesprochenen einzuschränken. — «Вежливость — это не что иное, как предоставление альтернативы собеседнику. Предлагая слушающему выбор, говорящий дает понять, что не рассердится, если получит отказ. Спрашивающему или говорящему не следует сердиться, если собеседник решит дать отрицательный ответ. Поэтому осторожно с ложной вежливостью! Она уместна только там, где Вы действительно можете смириться с отказом. Если нет, то лучше сразу обойтись без (в таком случае) опустошенных формул вежливости подобного рода и использовать индикатив, ограничив выбор собеседника» [Genzmer 1995: 123] (перевод наш. — Н.Д.).

В примере (11) вежливость по отношению к слушающему также подкрепляется и на грамматическом уровне, выбором сослагательного наклонения модального глагола *sollen* и местоименных форм 3-го лица мн. числа *Sie* и *Ihr Unternehmen*. Кроме того, данный пример характеризуется использованием стратегий дистанцирования и сближения в непосредственном следовании друг за другом. В следующем предложении стратегия сближения эксплицитно выражена речевым актом благодарности: Ср. здесь: *wir bitten* и *Vielen Dank!*

Употребление сослагательного наклонения является грамматически маркированным указанием вежливого отношения к адресату. Ср. следующий пример:

(12) *Solche Vergeltungsmaßnahmen würden das Vertrauen, das für unseren Erfolg entscheidend ist, untergraben und wären daher als schwerwiegendes Fehlverhalten zu betrachten, welches entsprechende Disziplinarmaßnahmen zur Folge hat* [BASF: 17]. — «Подобные нарушения подорвали бы доверие, имеющее решающее значение для нашего успеха, и поэтому расценивались бы нами как серьезный проступок, влекущий за собой соответствующие дисциплинарные меры».

Представление положения дел как маловероятного, маркированное выбором сослагательного наклонения, снижает категоричность высказывания и призвано сохранить лицо реципиента. Адресант, используя конъюнктив, как бы сигнализирует адресату, что он очень сомневается, что собеседник может так поступить.

Стратегия обезличивания слушающего и стратегия представления ликоущемляющего речевого акта как правила (мы бы добавили: как положения дел или практики, уже активно применяемой в данном коллективе) являются, на наш взгляд, самыми продуктивными стратегиями снятия негативного коммуникативного воздействия на адресата.

- (13) *Wir vermeiden **intern** und **extern** Interessenkonflikte, die Geschäftsbeziehungen illegitim beeinflussen könnten. Wenn das nicht gelingt, legen wir diese Konflikte offen* [ZVEI-VDMA: 8].

Под наречиями места *intern* (внутри) и *extern* (вовне, за пределами компании) в данном примере имеются в виду сотрудники предприятий данного профессионального объединения и их деловые партнеры, а также представители государственных структур.

Вывод адресата из ситуации способствует реализации стратегии «Выражайтесь косвенно». Так как в семантике такого высказывания отсутствует указание на субъект действия, на первый план выходит объект и результат действия, исполнитель оказывается завуалированным. На грамматическом языковом уровне подобная тактика смягчения речевого воздействия закреплена за пассивным залогом.

- (14) *Alle Dokumente und Unterlagen **werden** pflichtgemäß **erstellt**, nicht unlauter **verändert** oder **vernichtet** und **sachgerecht aufbewahrt**. Betriebsgeheimnisse und Geschäftsinformationen der Partner **werden sensibel und vertraulich **behandelt**** [ZVEI: 8]. — «Все документы и бумаги составляются в соответствии с законодательством, не подделываются, не уничтожаются и хранятся надлежащим образом. Коммерческая тайна и конфиденциальная информация о партнерах, полученная в рамках служебной деятельности, не разглашается».*

Однако иногда в подобного рода высказываниях, формулируемых в индикативе, сохраняется косвенное обращение к тому, кого данное требование касается. Ср.:

- (15) *In Punkto Feedback und Fehlerkultur spielen **unsere Führungskräfte eine entscheidende Rolle**. Sie sind es, die in ihrem Funktionsbereich alle Mitarbeiter dazu ermuntern, offen ihre Meinung zu sagen, sich an Entscheidungen zu beteiligen und sich bei Bedenken Gehör zu ver-*

schaffen [Allianz: 19]. — «Что касается обратной связи и работы над ошибками, то здесь решающую роль играет наше руководящее звено. Именно они, руководители бизнес-направлений и отделов, поддерживают своих сотрудников в стремлении открыто высказывать свое мнение, участвовать в принятии решений и высказывать свои подозрения».

В примере (15) императив и прямое обращение к сотрудникам руководящего звена, в обязанности которых вменяется прислушиваться к мнению подчиненных, отсутствуют. Скрытое требование смягчается также положительными оценочными предикатами *Führungskräfte, entscheidende Rolle*, а также синтаксическими средствами: *Sie sind es, die...*

Представление действия, к которому говорящий побуждает слушающего, не как своего личного требования, а как общепринятой нормы снижает директивность высказывания. Например:

- (16) *Die Lieferanten und Business Partner von MAN halten sich an die jeweils anwendbaren gesetzlichen Vorgaben. Die Lieferanten und **Business Partner von MAN halten sich auch an die Anforderungen des MAN Standorts für Sicherheit und Gesundheitsschutz am Arbeitsplatz, wenn sie dort tätig sind. Sie unterstützen die Weiterentwicklung und Verbesserung der Arbeitsbedingungen*** [MAN: 3]. — «Поставщики и деловые партнеры компании MAN соблюдают действующее законодательство. Кроме того, при работе на предприятиях MAN поставщики и деловые партнеры компании MAN соблюдают внутрикорпоративные требования по охране труда и технике безопасности, установленные компанией. Они поддерживают дальнейшее развитие и улучшение условий труда».

Косвенное указание на адресата директивного речевого акта заключено в субъекте действия: *Lieferanten* ('поставщики') *und Business Partner von MAN* ('деловые партнеры компании MAN'). От них требуется соблюдать нормы по охране труда. При этом если в первом предложении речь идет о законодательно закрепленных нормах, соблюдать которые все члены общества обязаны в силу закона, то требование соблюдать правила безопасности, принятые в филиалах компании MAN, исходящее от данной коммерческой структуры, по нашему мнению, завуалировано под уже существующую практику или положение дел, с целью снижения ликоугрожа-

ющего воздействия на партнеров по бизнесу. Индикатив призван в данном примере, на наш взгляд, сигнализировать реципиенту — деловому партнеру, что компания MAN не сомневается в том, что ее деловые партнеры именно так себя и ведут.

Еще одним тактическим приемом снижения коммуникативного воздействия на реципиентов, активно применяемом в кодексах поведения, являются, на наш взгляд, завуалированные под реквестивы (совет, просьбу) директивы (приказы). Дж. Серль отмечает, что приказ отличается от просьбы тем, что содержит одно предварительное условие, а именно: говорящий должен обладать властью над слушающим [Searle 1969]. Дж. Лич и Дж. Томас отмечают, что формального языкового критерия, отличающего приказ от просьбы, не существует. Сузить возможную интерпретацию этих понятий помогает понимание социально-ролевых отношений [Leech, Thomas 1990: 96].

В случае с корпоративным кодексом компании разделение таковых однозначно, поэтому замена прямого директива на совет является своего рода реверансом по отношению к собственным сотрудникам. Например:

- (17) *Wenn Sie an Branchenveranstaltungen und -treffen teilnehmen, **sollten Sie besonders umsichtig sein**. In diesen Situationen diskutieren Sie u. U. sensible Themen mit der Konkurrenz [Allianz: 12].* — Посещая отраслевые выставки, конференции и другие мероприятия, следует быть особенно осмотрительным. «В подобных ситуациях может так случиться, что Вам придется обсуждать достаточно деликатные вопросы с конкурентами».
- (18) ***Bitte** verinnerlichen Sie daher unseren Verhaltenskodex und handeln Sie persönlich danach [BASF: 2].* — «Пожалуйста, ознакомьтесь поэтому с нашим Кодексом поведения и соблюдайте его в своей работе».

В примере (17) семантика высказывания, выбор лексических (*besonders umsichtig*) и грамматических средств (сослагательное наклонение глагола *sollen*) переводит запрет обсуждать коммерческие вопросы с конкурентами во избежание картельного сговора в форму совета. В примере (18) директивный акт (требование ознакомиться с Кодексом поведения компании и выполнять его) смягчается лексемой *bitte*, маркером вежливого отношения к собеседнику в предложениях с повелительным наклонением.

3. Стратегии сближения, применяемые в корпоративных кодексах поведения

К стратегиям сближения, призванным, по мнению П. Браун и С. Левинсона, удовлетворить желание каждого индивидуума быть замеченным, понятым, услышанным, любимым, относятся следующие:

- замечайте слушающего, уделяйте внимание ему, его интересам, желаниям, потребностям, его положительным качествам / Notice, attend to Hearer, his interest, his wants, needs, goods;
- преувеличивайте (интерес, одобрение, симпатию к собеседнику) / Exaggerate (interest, approval, sympathy with H.);
- подтверждайте общую точку зрения, общее мнение, отношение, знание / Presuppose / raise / assert common ground;
- используйте маркеры внутригрупповой принадлежности / Use in-group identity markers;
- обращайтесь по имени / Address forms;
- дарите подарки слушающему / Give gifts to H [Brown, Levinson 1987: 103–104; 107; 117].

Безусловно, вышеуказанный список выделенных П. Браун и С. Левинсоном стратегий не является исчерпывающим. В данной статье приводятся те из них, примеры применения которых были обнаружены в процессе анализа материала.

Наиболее активно используемой стратегией в кодексах поведения является использование маркеров внутригрупповой принадлежности, грамматическим выражением которой является употребление в высказываниях местоимения 1-го лица множественного числа *wir*. Подобная стратегия является в некоторых случаях стилиобразующей. Ср., например, Кодекс поведения концерна BASF, где индикативные конструкции с местоимением *wir* являются максимально частотными.

- (19) *Nur wenn wir unseren Verhaltenskodex sowie sämtliche geltenden Gesetze und Vorschriften vollständig einhalten, können wir unseren Anspruch, das weltweit führende Chemieunternehmen zu sein, erreichen und den Respekt sowie das Vertrauen unserer Kunden, Investoren, Mitarbeiter und Stakeholder gewinnen* [BASF: 4]. — «Только при соблюдении нашего Кодекса поведения и всех без исключения требований законодательства мы сможем достичь

нашей амбициозной цели — стать ведущей мировой компанией химической промышленности и завоевать уважение и доверие наших клиентов, инвесторов, сотрудников и стейкхолдеров».

Прямое указание на солидарность со слушающим, призванное сократить дистанцию между говорящим и слушающим, находим в следующем примере:

- (20) *Es kann jedem von uns passieren! Eines Tages finden wir uns vielleicht in einer geschäftlichen Situation wieder, die auch unsere persönlichen Interessen berührt, oder die unserer Familienmitglieder oder Freunde* [Allianz: 11]. — «Это может случиться с каждым из нас! Однажды мы можем оказаться в ситуации, которая может касаться наших личных интересов, интересов членов нашей семьи или друзей».

Стратегия внимания к слушающему, к его интересам и желаниям, подтверждение общей точки зрения находит свое проявление в заверениях авторов кодексов поведения в том, что текст этого документа разрабатывался коллегиально, с участием адресанта:

- (21) *Die Inhalte dieses CoC, die vom ZVEI zusammen mit Mitgliedsunternehmen entwickelt und abgestimmt wurden, sind Ausdruck der gemeinschaftlichen Wertebasis des ZVEI, wie sie in der Vision und Mission des ZVEI definiert und insbesondere im Bekenntnis zur Sozialen Marktwirtschaft festgehalten sind* [ZVEI: 1]. — «В настоящем Кодексе поведения, разработанном и согласованном ассоциацией ZVEI совместно с ее членами, изложены ценности, отражающие видение и миссию ассоциации ZVEI, в частности приверженность ассоциации идеям социальной рыночной экономики».

Стратегии сближения связаны с экспрессивами, основная функция которых состоит в выражении эмоций говорящего, направленных на адресата. Это прежде всего приветствие, благодарность, оценка, комплимент [Ларина 2009]. Высокая экспрессивность и гиперболизация высказываний достигается выбором лексических средств с гиперболизированной оценкой. Прагматическая функция подобной гиперболизации — проявить внимание к собеседнику, подчеркнуть интерес к нему. В качестве иллюстрирующих примеров можно привести следующие:

- (22) *Wir sind stolz darauf, die Öffentlichkeit über die ausgezeichnete Arbeit der Allianz zu informieren. Damit dies richtig gelingt, ist es wichtig darauf zu achten, dass wir uns an einige grundlegende Regeln halten [Allianz: 22].* — «Мы гордимся тем, что можем объявить общест-венности об отличных результатах деятельности компании Allianz. Чтобы это получилось, важно соблюдать некоторые ос-новополагающие правила».
- (23) *Wie freuen uns, Ihnen mitzuteilen...* — «Мы рады сообщить Вам...»

Стратегия «Дарите подарки слушающему!», выражающаяся в речевом акте «Комплимент», также находит свое отражение в корпоративном дискурсе. Приветствие сотрудников и бизнес-партнеров и комплименты обычно выносятся в предисловие/вступление (Vorwort) к кодексу поведения и облекается в форму письма за подписью высшего руководства компании (Правления).

- (24) *Liebe Kolleginnen und Kollegen, unser Leitbild beschreibt, welche Werte wir teilen und wie wir **zusammen arbeiten** wollen — heute und in Zukunft. Es gibt uns ein klares Zielbild vor, das es zu erreichen gilt, um unseren Unternehmenserfolg nachhaltig zu sichern. Ausgehend von dem zentralen Gedanken „WIR sind thyssenkrupp“ **können wir dieses Ziel nur gemeinsam erreichen** [Thyssenkrupp: 2].*

«Дорогие коллеги!

Наш Кодекс поведения описывает наши общие ценности и то, как мы хотим работать вместе — сегодня и в будущем. Это дает нам четкое представление о целях, которых мы должны достичь, чтобы обеспечить успех нашей компании в долгосрочной перспективе. Основываясь на центральной идее “thyssenkrupp — это МЫ”, мы можем достичь этой цели только вместе».

- (25) *Sie haben es in der Hand! Sie können einen **ausgezeichneten Job machen, tollen Service bieten** und darauf vertrauen, dass die Allianz Sie dabei unterstützt, das Richtige zu tun [Allianz: 30].* — «Все в Ваших руках! Вы умеете отлично выполнять свою работу, предоставлять великолепные услуги и можете быть уверены в том, что Allianz поможет вам все делать правильно».

В примере (24) использованы несколько стратегий выражения вежливого отношения к своим сотрудникам. Кроме комплимента

(«мы добьемся успеха только вместе»), прямого гендерно корректного обращения к сотрудницам, выбора в пользу более интимного — с прилагательным *Liebe...* ('Дорогие...') — в отличие от официального обращения *Sehr geehrte...* ('Уважаемые...'), мы находим многократное употребление местоимений первого лица *wir* ('мы'), *uns* ('нам'), *unser Leitbild* ('наш Кодекс поведения'), а также наречия *gemeinsam* ('вместе'), с помощью которых маркируется принадлежность автора и реципиента к одному и тому же коллективу людей, а также отрицание какой бы то ни было дистанции, как социальной, так и статусной. Данная стратегия вежливости является базисом для создания девиза компании «WIR sind thyssenkrupp» ('thyssenkrupp — это МЫ'), который призван отразить всю ценность сотрудников для компании thyssenkrupp. Примечательно, что ценность человеческого ресурса отражается и при оформлении слогана написанием заглавными буквами WIR в противопоставление названию компании, написанному с маленькой буквы: thyssenkrupp.

Стратегию сближения, эксплицитно выраженную в речевом акте «Благодарность», иллюстрируют следующие примеры:

- (26) *Das konsequente Handeln nach unserem Verhaltenskodex trägt entscheidend dazu bei, dass wir unsere Werte in unserem Arbeitsalltag leben.*

Ich danke Ihnen sehr herzlich für Ihre Unterstützung!

Martin Bruder Müller

Chairman of the Board of Executive Directors of BASF SE [BASF: 2].

«Последовательное соблюдение Кодекса поведения — это решающий вклад в воплощение наших ценностей в повседневной работе.

Большое спасибо за вашу поддержку!

Мартин Брудермюллер

Председатель Совета исполнительных директоров BASF SE».

- (27) *Diesen Erfolg **verdanken wir dem Engagement der Mitarbeiterinnen und Mitarbeiter**, die zum Wachstum unserer Aktivitäten beigetragen, unsere Werte mitgetragen und so eine von allen geteilte Unternehmensethik geformt haben* [Bolloré: 2]. — «Этим успехом мы обязаны нашим сотрудницам и сотрудникам, внесшим свой вклад в развитие нашей компании, разделявшим наши ценности и сформировавшим тем самым объединившую всех нас корпоративную этику».

- (28) ***Innen allen vielen Dank für Ihren Beitrag zu unserem Ziel, das Richtige zu tun, um die Zukunft zu sichern!***

Ihr

OLIVER BÄTE

Chief Executive Officer [Allianz: 2].

«Спасибо всем вам за ваш вклад в достижение нашей цели — делать правильные вещи, чтобы обеспечить будущее!

Ваш

ОЛИВЕР БЭТЕ

Генеральный директор».

Постулат вежливости, сформулированный П. Браун и С. Левинсоном «Замечайте слушающего, уделяйте внимание ему, его интересам, желаниям, потребностям!», также находит свое отражение в информационном наполнении кодекса поведения компании. В частности, при анализе материала нами были найдены следующие примеры заверения готовности руководства компании выслушать мнение сотрудников:

- (29) ***Bei der Allianz finden Sie immer ein offenes Ohr, wenn Sie das Bedürfnis haben, ein Problem anzusprechen. Wenn Sie ein Anliegen haben, sprechen Sie zunächst mit Ihrer Führungskraft oder mit dem Ansprechpartner Ihrer Personalabteilung vor Ort*** [Allianz: 20].

— «В Allianz Вас всегда выслушают, если у Вас возникнет необходимость поделиться своими сомнениями. Если у вас есть вопросы, обратитесь сначала к своему руководителю или к контактному лицу в Вашем отделе кадров».

- (30) ***Wir sind für Sie da!***

Kontaktieren Sie uns:

Sprechen Sie Bedenken bei Ihrem Vorgesetzten oder Ihrem Compliance-Beauftragten an. Nutzen Sie Ihre Compliance-Hotline, um Bedenken zu äußern. Senden Sie uns eine E-Mail (compliance@basf.com) oder teilen Sie uns Ihre Kommentare und Ideen online über unser Feedback-Formular mit [BASF: 54].

«Мы всегда на связи!

Наши контакты:

Сообщите о своих сомнениях руководителю или сотруднику, ответственному за соблюдение комплаенс. Используйте горячую линию по вопросам соблюдения комплаенс, чтобы сообщить о своих сомнениях. Отправьте нам письмо (compliance@basf.

com) или поделитесь своими комментариями и идеями в режиме онлайн через нашу форму обратной связи».

- (31) **Wir unterstützen Sie! Sie können immer um Hilfe bitten. Wenden Sie sich an jemanden, dem Sie vertrauen, und besprechen Sie die Situation** [Allianz: 30]. — «Мы всегда Вас поддержим! Вы всегда можете обратиться к нам за помощью. Обратитесь к тому, кому доверяете, и обсудите ситуацию».

Таким образом, в корпоративном дискурсе активно используется большое разнообразие стратегий вежливости, описанных в работе П. Браун и С. Левинсона. В своем стремлении использовать максимальное их количество авторы кодексов порой прибегают к необычным лингвистическим решениям. Например, интересным, на наш взгляд, являются заголовки к предисловию в кодексах поведения компаний CRH и Allianz. Открытые письма руководителей компаний озаглавлены «„Nachricht von Albert“ Обращение Альберта» (рис. 1) и «„Olivers Botschaft“ Обращение Оливера» (рис. 2). Стратегия сближения с адресантом «Обращайтесь по имени!» преломляется здесь через использование в заголовке только имени собственного руководителя высшей ступени в служебной иерархии. Таким образом, демократичность провозглашается в качестве одной из ценностей корпоративной культуры.

Рис. 1. Заголовок к предисловию Кодекса поведения компании CRH [CRH: 2]

OLIVERS BOTSCHAFT

Wir secure your future – unser gemeinsames Ziel – motiviert und inspiriert uns Allianz jeden Tag aufs Neue, unser Bestes zu geben, um jederzeit für unsere Kunden, Partner, Aktionäre und Communities da zu sein.

Im Laufe seiner Geschichte hat unser Unternehmen vielfachen Wandel durchlebt, aber eine Konstante war stets unser Engagement für eine nachhaltige und integrierte Geschäftsführung. Auf diese Werte haben wir uns das Vertrauen unserer Stakeholder über die Jahre hinweg verdient und bewahrt.

Über lange Zeit aufgebauertes Vertrauen kann sehr schnell verloren gehen und ist sehr schwierig zurückzugewinnen. Dessen müssen wir uns bei all unseren Interaktionen immer bewusst sein.

In schwierigen Situationen hilft es uns, wenn wir uns auf unsere starken Werte und Prinzipien beziehen, um denen wir uns orientieren können, um die richtige Entscheidung zu treffen. Wir gehen respektvoll miteinander um, verhalten uns fair und transparent, kommunizieren aufrecht und übernehmen Verantwortung.

Jeder von uns ist dafür verantwortlich, für unsere Werte einzustehen und die vertrauensvolle Beziehung zu unseren Stakeholdern zu bewahren. Ich bin davon überzeugt, dass wir Allianz dies tagtäglich tun.

Рис. 2. Заголовок к предисловию Кодекса поведения страховой компании Allianz [Allianz: 2]

4. Заключение

Лингвопрагматический анализ порядка двадцати кодексов поведения различных компаний показал, что сформулированные П. Браун и С. Левинсоном стратегии вежливости активно используются в корпоративном дискурсе.

Можно выделить продуктивные стратегии сближения и дистанцирования, способствующие снижению речевого давления на адресата в рамках директивного акта: использование маркеров внутригрупповой принадлежности и вуалирование директивного акта под общее правило или под уже существующее в компании положение дел. Грамматическим выражением первой стратегии является употребление в высказываниях местоимения 1-го лица множественного числа *wir* ('мы'), типичный жанровый признак данного типа текста. Снижению речевого давления в рамках директивного акта также способствует выбор лексических единиц с ослабленным прескриптивным значением.

Типичными для корпоративного документа данного типа тактиками снижения коммуникативного давления являются также экспрессивные речевые акты благодарности и комиссивные речевые акты (обещания выслушать адресата), призванные эксплицитно привлечь внимание к интересам партнера по коммуникации.

Источники иллюстративного материала

Allianz Verhaltenskodex. URL: https://www.allianz.com/content/dam/onemarketing/azcom/Allianz_com/about-us/strategy-values/compliance/code-of-conduct/de-Verhaltenskodex-Allianz-SE-210428.pdf (дата обращения: 18.01.2023).

BASF Verhaltenskodex. URL: <https://www.basf.com/global/de/who-we-are/organization/management/code-of-conduct.html> (дата обращения: 18.01.2023).

Bilfinger Verhaltenskodex. URL: https://www.bilfinger.com/fileadmin/corporate_webseite/unternehmen/verantwortung/Verantwortung_ALT/Compliance/KR-Verhaltenskodex.pdf (дата обращения: 18.01.2023).

Bolloré Verhaltenskodex. URL: <https://www.bolloré.com/bollo-content/uploads/2021/06/verhaltenskodex-2020.pdf> (дата обращения: 18.01.2023).

CRH Betrieblicher Verhaltenskodex. URL: https://www.crh.com/media/3851/crh_cobc_2021_german.pdf (дата обращения: 18.01.2023).

MAN Code of Conduct für Lieferanten und Business Partner. URL: https://www.man-es.com/docs/default-source/compliance/code-of-conduct-fuer-lieferanten-und-business-partner-de.pdf?sfvrsn=a2cc8c8c_18 (дата обращения: 18.01.2023).

Thyssenkrupp Code of Conduct. URL: https://d2zo35mdb530wx.cloudfront.net/_legacy/UCPthyssenkruppAG/assets.files/media/unternehmen/compliance/code-of-conduct/2019/по-co-cpl-0332-v03-de_code_of_conduct-neu_final.pdf (дата обращения: 18.01.2023).

ZVEI-Code of Conduct zur gesellschaftlichen Verantwortung. URL: https://www.zvei.org/fileadmin/user_upload/Themen/Gesellschaft_Umwelt/ZVEI_Code_of_Conduct/pdf/Formular_ZVEI-Code-of-Conduct-Deutsch-2020.pdf (дата обращения: 18.01.2023).

ZVEI-VDMA Code of Conduct. URL: https://www.zvei.org/fileadmin/user_upload/Themen/Nachhaltigkeit/Code-of-Conduct-2022/ZVEI-VDMA-Code-of-Conduct-2022-01-de.pdf (дата обращения: 18.01.2023).

Справочные материалы

Кушнерук С. П. Документная лингвистика: учебное пособие. М.: Флинта, 2016. 256 с.

Литература

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998. 896 с.

Гурьева З. И. Бизнес-текст как явление культуры // Язык. Этнос. Социание. Материалы международной научной конференции (24–25 апреля 2003 г.). Майкоп: Издательство Адыгейского государственного университета. 2003. Т. 2. С. 38–46.

Данюшина Ю. В. Бизнес-лингвистика — новое синергетическое направление прикладной лингвистики // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2010. № 2. С. 133–140.

Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации (Сопоставление русских и английских культурных традиций). М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 512 с.

Мюллер П., Кизер А. Организационная коммуникация. Харьков: Гуманитарный центр, 2005. 438 с.

Саркисян Г. А. Этический кодекс в документно-лингвистическом и информационном аспектах: автореф. дис ... канд. филол. наук. Тула, Издательство Тульского государственного университета, 2014. 18 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30402843&ysclid=lnс46q5oje561895001> (дата обращения: 04.10.2023).

Степанов Ю. С. Язык и метод. К современной философии языка. М.: Языки русской культуры, 1998. 771 с.

Тесакова Н. В. Миссия и Корпоративный кодекс. М.: РИП-холдинг, 2003. 187 с.

Формановская Н. И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. М.: Икар, 1998. 291 с.

Шефер О. В. PR-дискурс в корпоративном ньюсмейкинге // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. Научный журнал. 2016. № 1 (10). С. 116–119.

Шпицына Г. М., Полякова Е. С. Этические кодексы современных российских банков и компаний // Вестник БГТУ им. В. Г. Шухова, 2011. № 2. С. 165–169.

Brinker K. Linguistische Textanalyse. Eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 1985. 150 S.

Brown P., Levinson S. D. Politeness. Some Universals in Language Usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 333 p.

Genzmer H. Deutsche Grammatik. 1. Aufl. Frankfurt am Main; Berlin: Insel-Verlag, 1995. 384 S.

Goffman E. On Face work: an analysis of ritual elements in social interaction // Communication in face-to-face-Interaction / eds Laver J., Hutcheson S. Harmondsworth: Penguin, 1972. P. 319–436.

Jones E., Watson B., Gardner J. Organizational Communication: Challenges for the New Century // Journal of Communication. 2004. December. P. 722–750.

Lakoff R. The Logic of politeness or minding your p's and q's // Papers from the Ninth Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society. Chicago, University of Chicago Press, 1973. P. 292–305.

Leech G. N. Thomas J. Language, Meaning and Context pragmatics // An encyclopedia of language / ed. by N. E. Collinge. London, New York: Routledge, 1990. P. 173–207.

Leech N.G. Principles of pragmatics. London, New York: Longman, 1983. 264 p.

Searle J.R. Speech Acts. An essay in the philosophy of language. Cambridge: Cambridge University Press, 1969. 203 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139173438>

Yamada H. Topic management and turn distribution in business meeting American versus Japanese strategies // Text. Interdisciplinary Journal for the Study of Discourse. 1990. Vol. 10, no. 3. P.271–295.

References

Arutyunova N.D. *Language and the human world*. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 1998, 896 p. (In Russian)

Brinker K. *Linguistische Textanalyse. Eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden*. Berlin, Erich Schmidt Verlag, 1985, 150 S.

Brown P., Levinson S.D. *Politeness. Some Universals in Language Usage*. Cambridge, Cambridge University Press, 1987, 333 p.

Danyushina Y.V. Business linguistics — a new synergetic direction of applied linguistics. *Bulletin of A. S. Pushkin Leningrad State University*, 2010, no. 2, pp. 133–140. (In Russian)

Formanovskaya N.I. *Communicative-pragmatic aspects of communication units*. Moscow, Ikar Publ., 1998, 291 p. (In Russian)

Genzmer H. *Deutsche Grammatik*. 1. Aufl. Frankfurt am Main, Berlin, Insel-Verlag, 1995, 384 S.

Goffman E. On Face work: an analysis of ritual elements in social interaction. *On Face Work: An Analysis of Ritual Elements in Social Interaction. Communication in Face-to-Face-Interaction*, eds Laver J., Hutcheson S., Harmondsworth, Penguin, 1972, pp. 319–436.

Gurieva Z. I. Business-text as a phenomenon of culture. Language. Ethnos. Consciousness. *Materials of the international scientific conf. (24-25 April 2003)*, Maykop, Adygeya State University Publ., 2003, vol. 2, pp. 38–46. (In Russian)

Jones E., Watson B., Gardner J. Organizational Communication: Challenges for the New Century. *Journal of Communication*. 2004, December, pp. 722–750.

Lakoff R. *The Logic of politeness or minding your p's and q's. Papers from the Ninth Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society*, Chicago, University of Chicago Press, 1973, pp. 292–305.

Larina T.V. *Category of politeness and communication style (Comparison of Russian and English cultural traditions)*. Moscow, Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi Publ., 2009, 512 p. (In Russian)

Leech G.N. Thomas J. Language, Meaning and Context pragmatics. *An encyclopedia of language*, ed. by N.E. Collinge. London; New York, Routledge, 1990, pp. 173–207.

Leech N. G. *Principles of pragmatics*. London; New York, Longman, 1983, 264 p.
Mueller A. P., Kizer A. *Business communication*. Kharkiv, Gumanitarnyi tsentr Publ., 2005, 438 p. (In Russian)

Sarkisian G. A. *Code of Conduct in Documentary-Linguistic and Informational Aspects*. PhD Abstract. Tula, Tula State University Publ., 2014, 18 p. (In Russian)

Searle J. R. *Speech Acts. An essay in the philosophy of language*. Cambridge, Cambridge University Press, 1969, 203 p.

Shefer O. V. PR discourse in corporate newsmaking. *Newsletter of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Research. Scientific journal*, 2016, no. 1 (10), pp. 116–119. (In Russian)

Shipitsyna G. M., Polyakova E. S. Ethical codes of modern Russian banks and companies. *Bulletin of BSTU named after V. G. Shukhov*, 2011, no. 2, pp. 165–169. (In Russian)

Stepanov Y. S. *Language and Method. Toward a contemporary philosophy of language*. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 1998, 771 p. (In Russian)

Tesakova N. V. *Mission and Corporate Code*. Moscow, RIP-holding Publ., 2003, 187 p. (In Russian)

Yamada H. Topic management and turn distribution in business meeting American versus Japanese strategies. Text. *Interdisciplinary Journal for the Study of Discourse*, 1990, no. 10, no. 3, pp. 271–295.

Имеретинская Наталья Дмитриевна

ассистент кафедры немецкой филологии СПбГУ, кандидат филологических наук
Адрес: Российская Федерация, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Natalia D. Imeretinskaya

Assistant of German Philology department, St. Petersburg State University,
Candidate of Philological Sciences
Address: 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

E-mail: n.imeretinskaya@spbu.ru

Статья поступила в редакцию 21 января 2023 г.

Принята к публикации 26 апреля 2023 г.

КАТЕГОРИЯ ВЕЖЛИВОСТИ В НЕМЕЦКО- И РУССКОЯЗЫЧНОЙ ДЕЛОВОЙ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ

Для цитирования: Григорьева Л. Н., Езан И. Е., Ковтунова Е. А. Категория вежливости в немецко- и русскоязычной деловой корреспонденции // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. 2023. Вып. 13. С. 119–140. <https://doi.org/10.21638/spbu33.2023.106>

Вежливость как неотъемлемая часть любого общения выступает регулятором коммуникативного процесса в разных сферах человеческой деятельности. Особую значимость данная категория приобретает в официальной сфере общения, где она подчиняется определенным требованиям отбора языковых средств. Актуальным изучение функционирования категории вежливости в официально-деловом стиле представляется в контрастивном аспекте, когда сравниваются национально-культурные особенности реализации категории вежливости в разных странах. Поэтому новизна данной статьи заключается в сопоставительном рассмотрении некоторых видов деловых писем в немецком и русском языках и в изучении средств выражения категории вежливости в их отдельных рубриках. Данное исследование построено с учетом современных тенденций развития конвенциональных норм официально-делового общения, процессов их персонализации, демократизации, диалогизации и индивидуализации. В качестве материала используются учебные пособия по деловой корреспонденции, изданные в Германии и России. Помимо сопоставления в статье применяются такие методы исследования, как контекстуальный и семный анализ. При этом авторы впервые прибегают к методологии рубрикации деловых писем на коммуникативные блоки, выявляя в них вербальные средства выражения вежливости. В итоге удалось выявить различия между проанализированными видами немецких и русских деловых писем с точки зрения не только проявления в них вышеуказанных современных тенденций, но и репрезентации средств выражения категории вежливости в каждом из выделенных коммуникативных блоков. Полученные результаты свидетельствуют о социокультурной специфике данных типов текста в немецко- и русскоязычной корреспонденции, что позволяет использовать их в практике обучения как родному, так и иностранному деловому языку, а также в процессе обучения письменному переводу.

Ключевые слова: компаративистика, деловая коммуникация, официальная корреспонденция, категория вежливости, средства выражения вежливости в немецких и русских деловых письмах.

CATEGORY OF POLITENESS IN RUSSIAN AND GERMAN BUSINESS CORRESPONDENCE

For citation: Grigorieva L. N., Jesan I. J., Kovtunova E. A. Category of politeness in Russian and German business correspondence. *German Philology in St. Petersburg State University*, 2023, iss. 13, pp. 119–140.
<https://doi.org/10.21638/spbu33.2023.106> (In Russian)

Politeness is an integral part of any communication — it acts as a regulator of the communicative process in different spheres of human activity. This category is particularly significant in the official communication, where careful selection of language means is necessary. The actual study of politeness in the official and business communication styles is presented in a contrastive aspect, comparing national-cultural peculiarities of politeness in different countries. Therefore, the novelty of this article lies in the comparative analysis of business letters in German and Russian and in the study of the means of politeness expression in separate communicative blocks as well. This study is structured considering modern trends in the development of conventional norms of official communication, the processes of their personalization, democratization, dialogization and individualization. The textbooks on business correspondence published in Germany and Russia are used as material. In addition, this article uses contextual and semantic analysis. The authors for the first time resort to the method of rubricating business letters into communicative blocks, identifying verbal means of politeness expression. As a result, differences between the analyzed types of German and Russian business letters were identified not only in the manifestation of the above-mentioned trends, but also in the representation of politeness expression in each of the communicative blocks. The results reveal socio-cultural specificity of these texts in German and Russian correspondence, which allows us to use them in teaching native and foreign language for business communication, as well as in the process of teaching translation.

Keywords: comparativism, business communication, official correspondence, category of politeness, means of politeness expression in German and Russian business letters.

1. Введение

Деловое общение представляет собой неотъемлемую часть жизни любого социума, в процессе такого общения решаются многие важные политические, экономические, социальные, культурные и другие вопросы. По словам М. В. Колтуновой, «деловое общение — это самый массовый вид социального общения. Оно представляет собой сферу административно-правовых, экономико-правовых и дипломатических отношений» [Колтунова 2000: 5].

Данный вид коммуникации носит безусловно комплексный и междисциплинарный характер, поэтому его правомерно рассматривать как дискурс, охватывающий как самые разнообразные вербальные, так и невербальные формы проявления, и потому все связанные с деловой коммуникацией проблемы являются предметом рассмотрения как лингвистики, так и других сфер научной деятельности — экономики, менеджмента, психологии, юриспруденции, международных отношений и пр.

Основное, что отличает деловую коммуникацию от общения в других сферах, например приватной, — это соблюдение определенных конвенций и норм, одной из которых выступает в том числе и категория вежливости, проявление которой и является непосредственным объектом рассмотрения в данной статье.

Деловое общение может быть разделено согласно двум основным видам речи на устное и письменное, для последнего из которых соблюдение норм характерно еще в большей степени. Особую актуальность данный вид коммуникации приобретает, когда речь идет о международном сотрудничестве, потому что, несмотря на процессы глобализации, межличностная коммуникация сохраняет известную специфику, обусловленную историей, культурой, ментальностью, обычаями и традициями соответствующих стран и народов.

Актуальность и новизна данной статьи объясняется в первую очередь тем, что в лингвистике недостаточное внимание уделяется сопоставительному изучению дискурсов и порождаемым в его рамках текстовым произведениям, в том числе с точки зрения репрезентации в них разных речевых коммуникативных категорий, как, например, в данном случае категории вежливости.

В связи с поставленной целью — выявление черт сходства и различий в реализации категории вежливости в немецкой и русской деловой корреспонденции — в предлагаемой статье решаются следующие задачи: рассмотреть понятие «деловая письменная коммуникация» и ее жанры, или типы текста (Textsorten); выявить гибридный характер делового письма; учесть современные тренды в развитии деловых типов текста; обнаружить различия в толковании понятий «этикет» и «вежливость»; установить черты сходства и различия в репрезентации категории вежливости в разных коммуникативных блоках в немецкой и русской деловой корреспонденции; определить возможные пути дальнейшего изучения данного объекта исследования.

2. К понятию «деловая письменная коммуникация»

Деловая коммуникация — это обширная сфера, охватывающая многие области человеческой деятельности и реализуемая в самых разных ситуациях. Это многообразие касается и средств ее проявления, начиная от правил поведения и заканчивая вербальным общением, в том числе в письменной форме.

Деловое письменное общение представлено в настоящее время в основном двумя видами: деловыми письмами и сообщениями, отправляемыми по электронной почте (имейлами), различия между текстами которых сейчас все больше стираются, а отличия сводятся в основном к способам их передачи и оформлению, при этом вторые, конечно же, все больше вытесняют первые. Кстати, если по отношению к первым говорят о деловом письме, то для обозначения последних часто используется термин «электронное письмо» (ср.: [Кожеко 2015]). Правда, в руководствах по написанию те и другие часто рассматриваются отдельно (ср., например: [Кострова 2015: 115–117; Silhanova 2009: 91–93]). Поскольку для данной работы различия между указанными видами, точнее говоря между их вербальными составляющими, не имеют принципиального значения, то в ходе дальнейшего рассмотрения эти различия не будут учитываться, и для удобства мы далее будем оперировать понятием «деловое письмо».

Деловое письмо рассматривается в лингвистике как особый тип или жанр текста. Так, с одной стороны, в рамках функциональной стилистики оно может быть отнесено к официально-деловому стилю, с другой — к жанру, получившему название так называемого эпистолярия [Фесенко 2008: 132].

При этом эпистолярность по сравнению с функциональной стилистикой имеет гораздо более древние традиции, восходящие еще к античным, если даже не более ранним, временам. Поэтому деловое письмо несет в себе черты как официально-делового стиля, так и черты эпистолярного жанра.

Отнесенность к официально-деловому стилю, как на то указывается в «Стилистическом энциклопедическом словаре русского языка» под редакцией М. Н. Кожинной, предусматривает наличие таких стилевых черт деловой корреспонденции, как императивность, точность, стандартизованность, неличностность изложения [Стилистический энциклопедический словарь... 2019: 631]. Другие

авторы добавляют к этому еще информационную полноту [Купина, Матвеева 2015: 178] или информационную емкость [Маркова 2018: 63], краткость и лаконичность [Кузнецов 2012: 10].

Принадлежность же к эпистолярному жанру маркируется прежде всего влиянием элементов книжно-письменной речи и литературного разговорного стиля. К другим типичным чертам писем причисляют также следующие: диалогичность, адресатность, структурированность и этикетность [Белунова 2002: 75–76]. При этом подчеркивается синкретичный характер писем, т. е. тот факт, что эти тексты могут иметь разную стилевую окрашенность в зависимости от их отнесенности к тому или иному дискурсу [Стилистический энциклопедический словарь... 2019: 631]. Данное обстоятельство лишней раз подтверждает, что деловое письмо, несмотря на присущие ему свойства эпистолярного жанра, формируется в рамках официально-делового стиля, и потому деловому письму независимо от способа передачи (по почте или с использованием новых информационных технологий) свойственны типичные черты последнего. Это позволяет говорить о некоторой гибридности данного типа текста. К этому можно также добавить, что дискурс, в котором используются деловые письма, относится к деловому общению преимущественно в экономической (ср., например: [Meskauskiene 2002: 77]) или правовой сферах.

С учетом вышесказанного для немецко- и русскоязычных деловых писем могут быть выделены следующие характеристики. Так, немецким деловым письмам, по мнению исследователей, присущи нормированность, диалогичность, информативность, ясность, структурированность, этикетность [Silhanova 2009: 93–94; Meskauskiene 2002: 79]. При этом большинство авторов указывает на то, что немецкое деловое письмо (не в последнюю очередь благодаря получающему все большее распространение электронному письму) находится в процессе перемен, становясь менее официальным, более гибким и разнообразным.

В этом смысле характерен так называемый гамбургский концепт (или модель) понятности (Hamburger Verständlichkeitskonzept), разработанный учеными-психологами Гамбургского университета в 70-е годы, в котором отмечается, что понимание любого делового текста обеспечивается соблюдением четырех правил: простота, структурированность, краткость/точность и дополнительные стимолы (Einfachheit, Gliederung/Ordnung, Kürze/Prägnanz, zusätzliche

Anregungen). В целом эти четыре правила обеспечивают то, что авторы назвали «понятностью» (*Verständlichkeit*). Разработанная ими модель была практически апробирована в процессе целого ряда тренингов, что позволило создать своего рода стандарты написания деловых писем.

Под простотой понимается применение широко употребительных понятных слов и преимущественно синтаксически несложных предложений. Структурированность подразумевает четкое логичное членение текста, подчеркнутое графическими средствами, например использованием абзацев. При толковании понятий краткость и точность говорится, что изложение должно быть концентрированным, сосредоточенным на самом главном, каждое слово быть взвешенным и необходимым. Но при этом краткость не должна быть экстремальной, и для достижения точности передачи содержания допускается некоторое дублирование информации, но не дословный повтор. Наиболее интересными из перечисленных правил являются так называемые *zusätzliche Anregungen* ('дополнительные стимулы'), где автору рекомендуется добавлять в текст слова, «оживляющие» изложение информации, делающие его интересным и немонотонным, чтобы поддержать желание адресата прочесть присланный документ до конца [Langer, Thun, Tausch 2015: 19–21].

Российские лингвисты отмечают, что деловым письмам присущи объективность, нейтральность, краткость, нормированность, конкретность, вежливость, отсутствие вычурности, недопустимость иронии и шуток [Кузнецов 2012: 9–11]. Если сравнивать с теми чертами, которые выделяются в качестве характерных для немецкого делового письма, то здесь уже можно отметить некоторые как общие, так и отличительные черты, выделяемые в качестве характерных для немецкого и русского языков. В первую очередь в глаза бросаются запреты, налагаемые на составление деловых писем в России. Это объясняется, вероятно, тем, что тенденция к демократизации в российской деловой коммуникации началась гораздо позже, чем в Германии.

Если подытожить общие и отличительные черты немецких и русских деловых писем, то можно отметить, что на современном этапе развития их многое объединяет. Свойственные им процессы развития начались в Германии гораздо раньше, однако в России они зашли дальше и приобрели некоторый «игровой» характер, под-

тверждением чему является пособие по написанию деловых писем А. В. Карелиной «Искусство делового письма. Законы, хитрости, инструменты», где обучение построено по методу «от противоположного», т. е. на примере писем из литературных произведений (письмо Татьяны из «Евгения Онегина», внука дедушке Константину Макарычу из рассказы Чехова «Ванька» и др.) [Карелина 2013: 26–28], это отличие особенно очевидно при сравнении данного пособия с хорошо зарекомендовавшим себя фундаментальным немецким руководством по написанию деловых писем, изданным в серии «Дуден» [Duden Ratgeber 2014].

Из перечисленных выше общих черт, присущих деловым письмам в обоих сравниваемых языках, среди прочих выделяется этикетность или вежливость, которая и выступает непосредственным объектом изучения в данной статье.

3. Теоретические подходы к проблеме категории вежливости

Как уже отмечалось выше, важной чертой деловой коммуникации вообще и письменной в частности выступает этикетность и вежливость. Это, по-видимому, объясняется особым положением деловых писем как типа текста по сравнению с другими текстами, причисляемыми к официально-деловому функциональному стилю, а именно их ярко выраженной коммуникативной направленностью и диалогичностью. Вежливость, как пишет И. А. Стернин, является самой релевантной категорией общения [Стернин 2003: 22–23].

В связи с этим представляется целесообразным внести некоторую ясность в различение понятий «этикет» и «вежливость». Вопросами этикета в целом занималась Н. И. Формановская, во многом заложившая основы лингвистических исследований в данной области. Несмотря на то что в своей монографии автор исследует преимущественно общие проблемы этикета, в ней отмечается и специфика деловой коммуникации:

В отличие от частного официального общение ограничено строгими правилами взаимного поведения и отношений коммуникантов как представителей организации, группы, поэтому текст официального сообщения содержит немало клишированных стереотипных выражений [Формановская 2005: 11].

Характерно, что отмечается прежде всего языковая специфика этикета, накладываемая на него принадлежностью к официально-деловому стилю.

Вопросам же делового этикета непосредственно посвящена работа М. В. Колтуновой, которая утверждает, что в процессе делового общения его участники должны обладать навыками лингвистической компетенции и речевой культурой, проявляющейся в умении использовать языковые средства, адекватные обстановке, цели и содержанию высказывания [Колтунова 2000: 5].

В попытках провести разграничение между этикетом и вежливостью можно отметить следующее. Этикет определяется прежде всего как свод правил поведения людей в социуме, т. е. этикет — это «совокупность правил поведения, касающихся внешнего проявления отношения к людям (обхождения с окружающими, формы обращений и приветствий, поведения в общественных местах, манеры и одежда)» [Словарь по этике 1981: 412]. Составной частью этикета выступает так называемый речевой этикет, который на первый взгляд соотносится с понятием вежливости, но это не совсем так. Если этикету свойственно соблюдение общепринятых норм, при котором истинное, например недружественное или даже враждебное, отношение человека к окружающим может быть скрыто за этими нормами, то основу вежливости составляет проявление уважения к другому человеку [Ларина 2003: 167; Карасик 1992: 85], т. е. категория вежливости базируется на тактичности, умении находить компромисс и учитывать противоположное мнение. Этикет из-за исторических ассоциаций рассматривается скорее как нечто присущее очень высокому уровню общения, как то, что предписывается протокольным мероприятиям, а вежливость — как желательная характеристика любого общения между людьми. Хотя неискренность здесь тоже возможна, как об этом пишет Андре Конт-Спонвиль:

Вежливость — это искусство добрососедства, правда базирующееся на видимости, а не на реальном соотношении сил, на показном уважении, а не на искреннем компромиссе, на преодолении эгоизма с помощью хороших манер, а не на основе справедливости и права [Конт-Спонвиль 2012: 43].

Тем не менее вежливость можно считать нормой человеческого поведения в современном обществе.

Не углубляясь в анализ понятий «этикет» и «вежливость», можно отметить, что в настоящее время в лингвистической литературе отмечаются большие изменения, касающиеся представлений о вежливости, в том числе о ее вербальной составляющей. В связи с этим нельзя не упомянуть два значимых в этом отношении труда, а именно работы Г. Грайса и Дж. Лича, которые, выделив в одном случае постулаты (качество, количество, отношение и способ) [Грайс 1985: 222–237], а во втором — максимы речевого поведения (такт, щедрость, одобрение, скромность, согласие и симпатия) [Leech 1983: 11–12], заложили фундамент возможности трактовки категории вежливости в широком смысле слова. Ведь и постулаты Грайса, и максимы Лича непосредственно касаются того, какие качества должны характеризовать в том числе и деловые письма.

Именно в такой широкой трактовке и понимается категория вежливости по отношению к деловой коммуникации в целом и к деловой корреспонденции в частности в книге К. Анкенбранд. При анализе категории вежливости, рассмотрев ее в диахроническом аспекте, автор указывает, что данная категория претерпевает в настоящее время большие изменения, которые проявляются в отказе от устаревших, лишенных содержания выражений (*Vermeidung veralteter und bedeutungsentleerter Floskeln*) [Ankenbrand 2013: 321], в проявлении дружелюбия (*Freundlichkeit*), в обязательном учете фактора адресата (*Involvierung des Rezipienten*) [Ankenbrand 2013: 221–226], в использовании креативности (*Kreativität*), в подчеркивании индивидуального характера текста (*Individualität*) [Ankenbrand 2013: 326–327]. Но при этом также необходимо придерживаться апробированного стереотипного вокабуляра (*festes stereotypes Vokabular*) [Ankenbrand 2013: 313]. Наличие таких черт, как дружелюбный, креативный, адресный, индивидуализированный характер делового письма, предполагает, что все деловое общение должно быть выстроено на взаимоуважении и вежливости партнеров по отношению друг к другу.

В целом данные требования, предъявляемые к текстам современной деловой корреспонденции, свидетельствуют о переходе от строго регламентированной и ритуализированной этикетности или вежливости к «симуляции» близких и доверительных отношений между партнерами.

4. Описание материала и принципы его анализа

Как уже было указано выше, в качестве материала исследования выступают образцы деловых писем, заимствованные из разных пособий по их написанию на немецком и русском языке (см. список в конце статьи в разделе «Источники иллюстративного материала»). Большинство из данных книг представляют собой учебно-дидактические материалы, целью которых является обучить написанию деловых писем определенные целевые группы. Ряд из них предназначен для изучающих русский или немецкий язык в качестве иностранного. Данное обстоятельство объясняется трудностями доступа к аутентичному материалу, поскольку деловая корреспонденция представляет собой известную коммерческую тайну, не подлежащую разглашению.

Из всех использованных источников наиболее авторитетным представляется справочник по деловой корреспонденции из немецкой серии «Дуден» (Duden): «Duden Ratgeber. Geschäftskorrespondenz. Professionelle E-Mails und Briefe schreiben» [Duden Ratgeber]. Об этом свидетельствует не только его объем, но и тщательность и структурированность в описании материала. Интересно также то обстоятельство, что данное пособие обозначено авторами как *Ratgeber*, это название можно перевести на русский язык как «самоучитель», «руководство». Но данным словом в немецком языке обозначается также еще и тип текста, существующий в Германии со Средних веков. Наличие подобных пособий и руководств свидетельствует о большой дидактической значимости данной проблемы.

Анализ исследуемого материала происходил следующим образом: сначала была произведена выборка, а затем для изучения были отобраны некоторые виды деловых писем. Известно, что деловое письмо как таковое может быть подвергнуто дальнейшей классификации. Так, авторы словарной статьи «Деловое письмо» Л. Р. Дускаева и О. В. Протопопова в указанном выше энциклопедическом словаре пишут, в частности:

Деловые (служебные) письма, несмотря на новые, более быстрые, порой и более надежные технологии, продолжают оставаться надежным каналом связи — однонаправленным, непрерываемым. Входящая и исходящая корреспонденция занимает значительное место

в документообороте организаций; разнообразие писем позволяет классифицировать их по различным признакам [Стилистический энциклопедический словарь... 2019: 631].

Наиболее распространенным видом классификации писем выступает членение по их теме, например на запросы, предложения, приглашения и т. д. Возможно также их подразделение по предназначению, на такие как информационные, сопроводительные, рекламные и пр. Еще одним классификационным критерием может служить их адресная направленность: так, деловые письма могут быть обычными, т. е. адресованными конкретному индивиду, или полиадресатными, т. е. предназначенными какой-то целевой, но при этом достаточно гетерогенной группе, последние в документообороте называют циркулярными.

Поскольку насчитывается более тридцати разных тематических видов деловых писем, для анализа было отобрано по семь видов на каждом из языков. Далее в письмах были выделены общие и специфические структурные блоки для каждого вида писем и проанализированы средства выражения категории вежливости в них. Данные структурные блоки можно рассматривать как коммуникативные, которые используются при описании прототипической модели деловых писем (см. о понятии коммуникативных блоков: [Стилистический энциклопедический словарь... 2019: 163–164; Чернявская 2009: 69–70; Нефедов 2013: 199]). При этом основное внимание было уделено установлению черт сходства и различия между содержащимися в этих блоках средствами выражения вежливости в немецком и русском языках.

5. Анализ эмпирического материала

Для непосредственного анализа были отобраны семь видов деловых писем: предложение (предложение-оферта, Angebot), реклама (Reklamation), запрос (Anfrage), приглашение (Einladung), просьба (Bitte), благодарность (Dankschreiben), отказ (Absage, Ablehnung). В основе названий данных видов писем, выраженных существительными, лежат перформативные глаголы, указывающие на коммуникативную цель каждого из них и формирующие во многом их информативную структуру. Сохраняющее свою значимость требование к структурированности и нормированности

обуславливает достаточно единообразную глобальную структуру этих писем. Деловое письмо состоит в основном из следующих частей или рубрик (Textbausteine): шапка-заголовок (реквизиты), адрес, обращение, основной текст (тело письма), заключительная фраза, подпись — Briefkopf, Absenderangaben, Adressfeld, Betreffzeile, Anrede Infoblock, Unterschrift, Geschäftsangaben [Duden Ratgeber: 92]. Написание деловых писем в обеих странах регламентируется определенными нормами: в Германии — DIN 5008 (das Deutsche Institut für Normung), данный институт занимается разработкой норм и стандартов для экономики, государства и общества; в России соответствующим ГОСТ Р 6.30-2003 (см., например, комментарий к нему: [Чуковенков, Янковая 2004]). Здесь ввиду известных ограничений формата статьи мы не будем специально касаться такого модуля делового письма, как его графическое оформление, что как раз и учтено в вышеуказанных правовых нормах.

На основании выделенных выше составляющих частей деловых писем для непосредственного анализа были взяты только обращение, основная часть (тело письма) и заключение. Если тело письма во многом зависит от его конкретного вида, то обращение и заключительные высказывания, как правило, одинаковы для большинства деловых писем. Обе эти части, представляющие собой коммуникативные блоки, выполняют фатическую, контакто-устанавливающую функцию, и категория вежливости присуща им изначально. Здесь уже можно отметить довольно большие расхождения между немецким и русским материалом.

Нейтральным обращением в немецком языке считается *Sehr geehrte(r)*, доверительным — *Liebe(r)*; обращение *Sehr verehrte(r)* возможно только к тому человеку, с кем автор письма знаком лично и к кому он испытывает особое уважение. К высокопоставленным лицам принято обращаться не по имени, а по занимаемой ими должности: *Sehr geehrte Frau Professorin*, *Sehr geehrter Herr Dekan*, *Sehr geehrter Herr Botschafter* [Duden Ratgeber: 48–51]. Большую роль в обращении играет также наличие степеней и титулов, использование которых в немецком языке также нормируется, например: *Sehr geehrte Frau Dr. ...*, *Eure Exzellenz*. Особенностью обращений в немецких письмах можно также считать пунктуацию — постановку запятой после обращения и написание первого слова в основной части письма с прописной буквы. В русском языке после обращения принято ставить восклицательный знак, хотя в одном

из пособий отмечается, что в случае более доверительных отношений можно воспользоваться запятой.

В русском деловом письме рекомендуется применять стандартные обращения типа *Уважаемый г-н ...!*, *Глубокоуважаемый Иван Петрович!*. В случае близкого знакомства возможно обращение типа *Дорогая Анна!*. Обращает на себя внимание, что при использовании множественного числа в русской деловой переписке не учитываются гендерные различия, ср.: *Уважаемые господа!*, *Уважаемые коллеги!*, что невозможно себе представить в аналогичном немецком дискурсе.

Заключительная часть письма также состоит из так называемых речевых формул вежливости. Немецкое письмо принято заканчивать такой стандартной фразой, как *Mit freundlichen Grüßen*, правда, принятую несколько ранее аббревиатуру *mfg* теперь использовать не рекомендуют. В качестве вариантов предлагаются: *mit verbindlichen / herzlichen Grüßen, mit den besten Grüßen, Liebe Grüße, Herzlichst*. В русском языке наиболее распространенной заключительной фразой является *С уважением*. При этом отмечается, что инициальная и заключительная речевая формула должны перекликаться друг с другом, ср.: *Уважаемый* в начале и *С уважением* в конце письма [Фалина 2017: 41]. Нежелательным считается использование вычурных формул типа *с глубоким почтением* [Фалина 2017: 41]. Многие из приведенных в пособиях образцы либо вообще не содержат подобной речевой формулы, либо она зависит от вида делового письма — так, например, в заключении письма-предложения или запроса предлагается написать: *В ожидании Вашего согласия, Выражаем надежду на продолжение нашего сотрудничества* [Фалина 2017: 32]. В немецких текстах подобные выражения также присутствуют, как, например, в письме-запросе: *Vielen Dank im Voraus* [Duden Ratgeber: 117]. Таким образом, в русских текстах заключительная фраза перед подписью либо в большей степени стандартизована, сводясь практически к предложному словосочетанию *с уважением*, либо вообще отсутствует, в то время как в немецких письмах наблюдается большее разнообразие подобных фраз, а возможность их элиминирования вообще не наблюдается.

В основной части письма (в теле письма) выделение коммуникативных блоков во многом зависит, как указывалось выше, от вида письма. Известно, что текст как таковой имеет классическую

трехчастную структуру: вступление, основная часть, заключение, но выделение коммуникативных блоков дает иную картину, причем эти блоки могут быть разного объема и располагаться в разных частях основного текста письма. Рассмотрим вычленение коммуникативных блоков на примере делового письма, обозначенного как предложение (предложение-оферта, Angebot) на русском и немецком материале.

*Vielen Dank für Ihre Anfrage nach unseren neuen Gartengeräten.
Die von Ihnen gewünschten Waren bieten wir Ihnen zu folgenden günstigen Preisen.
Holzgeräte _____
Geräte mit hochwertigerem Kunststoffstiel _____
Die Lieferung erfolgt ab einem Warenwert von ___EUR frei Haus zuzüglich 19 % Mehrwertsteuer. Bei Zahlung innerhalb 8 Tagen gewähren wir Ihnen 2 % Skonto.
Für weitere Fragen und zur Antragsannahme steht Ihnen Herr _____ unter Telefonnummer _____ gern zur Verfügung.*

Wir freuen uns auf Ihren ersten Auftrag [Hovermann, Hovermann 2012: 55].
«Большое спасибо за Ваш запрос о нашем новом садовом инвентаре. Заинтересовавшие Вас товары мы можем предложить Вам по следующим выгодным ценам: инвентарь из дерева _____, инвентарь с черенками из высококачественной пластмассы _____. Поставка на сумму от _____ евро осуществляется бесплатно плюс налог на добавленную стоимость 19 %. При оплате в течение 8 дней Вам будет предоставлена скидка в 2 %. По всем вопросам и для приема заявок обращайтесь к г-ну ___ по тел. __. Мы с нетерпением ждем вашего первого заказа».

*Благодарим вас за запрос от _____ и сообщаем, что можем предложить Вам _____ в количестве _____ (наименование товара).
Настоящее предложение действительно до _____ [Фалина 2017: 34].*

В сравниваемых текстах можно выделить следующие общие для них коммуникативные блоки: благодарность и предложение. В русском тексте дополнительно присутствует еще коммуникативный блок — предупреждение (об ограничении срока действия предложения). В немецком письме блок самого предложения представлен в гораздо более развернутом виде, он дополнен не только количеством (как в русском тексте), но и стоимостью, условиями поставки и оплаты предлагаемого продукта. Помимо этого, в не-

мецком тексте имеется еще два коммуникативных блока — это предложение консультации сотрудника и речевая формула, подчеркивающая положительное отношение к заказу *Wir freuen uns auf Ihren ersten Auftrag*. Если сравнивать оба тела письма с точки зрения наличия в них категории вежливости, то в русском тексте она представлена только в одном из коммуникативных блоков (благодарность), а в немецком еще в последнем блоке.

Приведем еще примеры делового письма, такого как рекламация (Reklamation):

an den von Ihnen gelieferten neuen Gardinen in meinem Büro habe ich große Freude. Leider hat einer Ihrer Arbeiter bei der Montage die Wand beschädigt. Nun ist an der rechten Wand neben der Gardine ein fast 30 cm langer, mehrere Millimeter tiefer Kratzer in der Tapete. Bitte kommen Sie doch so rasch wie möglich einmal in meinem Büro vorbei, um sich ein Bild von dem Schaden zu machen. Gemeinsam finden wir dann sicher einen Weg, wie Sie den Schaden beheben können [Duden Ratgeber: 245]. — «Доставленные Вами в мой офис гардины очень порадовали меня. Но, к сожалению, при их установке Ваш мастер повредил стену. И теперь справа на стене рядом с гардинами на обоях имеется царапина глубиной в несколько миллиметров и длиной почти в 30 см. Пожалуйста, как можно скорее загляните в наш офис, чтобы зафиксировать нанесенный ущерб. Думаю, вместе мы наверняка изыщем возможность, как Вы сможете устранить причиненный ущерб».

Ваша фирма отгрузила сахарный песок в количестве 250 000 кг по счету № 86-515, который был нами оплачен в полной сумме. При проверке вагона было обнаружено 50 дефектных мест, о чем свидетельствует коммерческий акт № 6695/289. В связи с изложенным просим Вас возместить понесенные нашей фирмой убытки в размере ... Сумму следует перечислить Приложение: коммерческий акт № 25/209 [Фалина 2017: 34–35].

В представленном выше немецком примере имеющиеся коммуникативные блоки могут быть озаглавлены так: благодарность, жалоба, просьба об устранении недостатка, предложение о кооперации в устранении. Очевидно, что элементы вежливости присутствуют во всех блоках, даже в блоке, где констатируется сама жалоба, ср.: *große Freude, Leider, Bitte, Gemeinsam finden wir dann sicher einen Weg*. Таким образом, негативный по своей сути тип текста — рекламация — благодаря такому количеству средств вы-

ражения вежливости не оставляет у получателя отрицательного впечатления, что позволяет сохранить деловые отношения.

В русском же примере представлено не только меньше коммуникативных блоков, но и меньше средств выражения благодарности, в тексте присутствует только глагол *просим*, смягчающий требование о возмещении потерь. Напротив, в предпоследнем предложении появляется модальность долженствования (*следует*), а в последнем содержится указание на приложение в виде акта о возмещении ущерба.

Поскольку рамки статьи ограничены, ограничимся еще только одной парой примеров — таким видом письма, как благодарность (Dankschreiben):

Sie haben uns vergangene Woche mit der vorgezogenen Teillieferung sehr geholfen. Dafür danke ich Ihnen ganz herzlich. Wir wissen selbst, wie unangenehm es ist, Mitarbeiter zu Überstunden verpflichtet zu müssen. Aber ohne Ihr Engagement wäre unser Projekt gescheitert! Bitte richten Sie auch den beteiligten Mitarbeitern meinen allergrößten Dank aus [Duden Ratgeber: 155]. — «На прошлой неделе Вы очень выручили нас с досрочной частичной поставкой, за что я Вам очень благодарен. Нам самим хорошо известно, как это неприятно, когда приходится просить рабочих отработать сверхурочно. Но без Вашего участия наш проект не был бы реализован! Пожалуйста, передайте всем Вашим сотрудникам мою огромную благодарность».

В период с 27 по 31 марта 2005 г. в г. Барнауле успешно прошел I региональный фестиваль «Театр кукол на пороге XXI века», организованный по решению координационного совета по культуре Межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение».

В фестивале приняли участие 230 творческих работников из 14 кукольных театров Сибири.

Оргкомитет фестиваля выражает благодарность Вам за финансовую помощь, благодаря которой Новосибирский государственный областной театр кукол стал участником важного события в культурной жизни Сибири.

Надеемся, что руководство области будет и в дальнейшем оказывать поддержку кукольникам региона при проведении в рамках Межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение» театральных фестивалей [Кирсанова, Аксенов, Анодина 2023: 58].

При сопоставлении данных примеров также могут быть отмечены некоторые несовпадения в коммуникативных блоках и репрезентации в них средств выражения вежливости. Так, в русском письме больше блоков информативного содержания (проведение мероприятия, его организаторы, количество участников), и лишь потом следует благодарность, вслед за которой выражается надежда на подобную поддержку в будущем. Немецкое письмо тоже начинается с описания того, за что будет выражена благодарность, но уже в этом блоке появляется косвенное указание, почему речь пойдет о ней (ср. глагол *helfen*). Далее следует сам блок «благодарность», состоящий из четырех предложений, два из которых содержат слова с семой благодарности (*danke, Dank*), усиленные словами (*ganz herzlich, allergrößten*). Одно из предложений в этом блоке направлено на то, чтобы подчеркнуть те усилия, которые пришлось предпринять адресату, чтобы мероприятие прошло успешно (*Wir wissen selbst, wie unangenehm es ist, Mitarbeiter zu Überstunden verpflichtet zu müssen*). Таким образом, если в русском тексте превалирует информативный блок, то в немецком — благодарственный, желая подчеркнуть свою благодарность, автор не скупится на комплименты в адрес лица, которому адресовано письмо.

5. Выводы и перспективы дальнейшего исследования

Проведенный сопоставительный анализ некоторых видов деловых писем на материале немецкого и русского языков свидетельствует о том, что отмеченные тенденции к отходу от стереотипных и потому прагматически менее эффективных средств выражения вежливости и к переходу к более естественным формам больше характерны для немецкой деловой корреспонденции. Помимо этого, вежливость представлена в немецких текстах не только в предназначенном для этого коммуникативном блоке, которые с количественной точки зрения часто более объемны по сравнению с русскими, но в виде косвенных маркеров вежливости в других блоках.

Дальнейшее контрастивное изучение как письменной корреспонденции, так и устной коммуникации в деловой сфере позволит расширить представление об общих и различных чертах между данными дискурсами в России и Германии. Такие исследования

имеют большое теоретическое и практическое значение, причем не только в лингвистическом аспекте, они релевантны для многих других областей знаний и сфер практической деятельности человеческого общества.

Подобные проекты значимы также с дидактической точки зрения, потому что их результаты могут быть использованы при разработке техник по обучению навыкам деловой коммуникации, в том числе с представителями иноязычных сообществ.

Сопоставительному изучению деловой коммуникации должно быть отведено важное место и в современной транслатологии, например при переводе деловой документации с немецкого языка на русский и наоборот. Здесь вполне правомерной представляется дискуссия о том, какими стратегиями и тактиками лучше воспользоваться в процессе перевода таких текстов — придерживаться ли исходного текста или ориентироваться на нормы и стандарты целевого языка.

Источники иллюстративного материала

Кирсанова М. В., Аксенов Ю. М., Анодина Н. Н. Деловая переписка: учебное пособие. Серия: Высшее образование. Бакалавриат. М.: Инфра-М, 2023. 136 с.

Фалина В. А. Деловой русский язык в сфере профессиональной коммуникации: учеб. пособие. Иваново: Изд-во ФГБОУ ВО «Ивановский государственный энергетический университет имени В. И. Ленина», 2017. 124 с.

Duden Ratgeber. Geschäftskorrespondenz. Professionelle E-Mails und Briefe schreiben. 2. Aktualisierte und überarbeitete Auflage. Dudenverlag: Berlin, 2014. 319 S.

Hovermann C., Hovermann E. Das große Buch der Musterbriefe. Hannover: Humboldt, 2012. 348 S.

Справочные материалы

Карелина А. В. Искусство делового письма. Законы, хитрости, инструменты. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. 228 с.

Колтунова М. В. Язык и деловое общение: нормы, риторика, этикет: учеб. пособие. М.: Экономика, 2000. 272 с.

Конт-Спонвиль А. Вежливость // Философский словарь. М.: Полимп-сест; Этерна, 2012. С. 42–43.

Кузнецов И. Н. Деловое письмо. М.: Дашков и Ко., 2012. 196 с.

Купина Н. А., Матвеева Т. А. Стилистика современного русского языка. М.: Юрайт, 2015. 415 с.

Словарь по этике / под ред. И. С. Кона. М.: Политиздат, 1981. 430 с.

Стилистический энциклопедический словарь русского языка. 2-е изд., испр. и доп. / под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта, 2019. 696 с.

Формановская Н. И. Культура общения и речевой этикет. М.: ИКАР, 2005. 250 с.

Чуковенков А. Ю., Янковая В. Ф. Правила оформления документов: Комментарий к ГОСТ Р 6.30-2003 «Унифицированные системы документации. Унифицированная система организационно-распорядительной документации. Требования к оформлению документов». М.: ТК Велби; Проспект, 2004. 216 с.

Литература

Белунова Н. И. Дружеское письмо в функционально-стилевом аспекте // Русский язык в школе. 2002. № 1. С. 75–78.

Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 16. Лингвистическая прагматика / общ. ред. Е. В. Падучевой. М.: Прогресс, 1985. С. 217–238.

Карасик В. И. Язык социального статуса. М.: Ин-т языкознания РАН; Волгогр. гос. пед. ин-т, 1992. 330 с.

Кожеко А. В. Эпистолярные жанры: традиционные и современные формы // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2 (ч. 3). URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=23775> (дата обращения: 27.01.2023).

Кострова О. А. Дискурсивные стереотипы: межкультурный аспект концептосферы. Самара: ПГСГА, 2015. 208 с.

Ларина Т. В. Категория вежливости в аспекте межкультурной коммуникации. На материале английской и русской коммуникативных культур: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003. 495 с.

Маркова В. А. К вопросу о составе стилиевых черт официально-делового стиля // Филология и человек. 2018. № 1. С. 62–73.

Нефедов С. Т. Прототипическая модель текста как основа текстотипологического знания (на материале авторского предисловия к научной монографии) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2013. Вып. 3. С. 198–204.

Стернин И. А. Проблемы описания вежливости как коммуникативной категории // Коммуникативное поведение. Вежливость как коммуникативная категория. Вып. 17. Воронеж: Истоки, 2003. С. 22–47.

Фесенко О. П. Эпистолярный жанр, стиль, дискурс // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 23. С. 132–143.

Чернявская В.Е. Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. М.: Либроком, 2009. 248 с.

Ankenbrand K. Höflichkeit im Wandel. Entwicklungen und Tendenzen in der Höflichkeitspraxis und dem laienlinguistischen Höflichkeitsverständnis der bundesdeutschen Sprachgemeinschaft innerhalb der letzten fünfzig Jahre. Inauguraldissertation zur Erlangung des akademischen Grades eines Doktors der Philosophie. Heidelberg: Ruprecht-Karls-Universität, 2013. 566 S.

Langer I., Schulz von Thun F., Tausch R. *Sich verständlich ausdrücken*. 10. Auflage. München; Basel: Ernst-Reinhard Verlag, 2015. 222 S.

Leech G. N. *Principles of Pragmatics*. London: Longman, 1983. 257 p.

Meskauskiene I. Wirtschaftslinguistik als Teilbereich der Fachkommunikationsforschung // *Kalbotyra*. 2002. Nr. 52 (3). S. 76–85.

Silhanova R. Textsorte Geschäftsbrief und die Entwicklungstendenzen der deutschen Geschäftskorrespondenz // *Brünner Beiträge zur Germanistik und Nordistik*. 2009. Nr. 14, 1–2. S. 89–103. https://digilib.phil.muni.cz/_flysystem/fedora/pdf/106097.pdf (дата обращения: 30.01.2023).

References

Ankenbrand K. *Höflichkeit im Wandel. Entwicklungen und Tendenzen in der Höflichkeitspraxis und dem laienlinguistischen Höflichkeitsverständnis der bundesdeutschen Sprachgemeinschaft innerhalb der letzten fünfzig Jahre*. Inauguraldissertation zur Erlangung des akademischen Grades eines Doktors der Philosophie. Heidelberg, Ruprecht-Karls-Universität, 2013, 566 S.

Belunova N.I. Friendly letters in the functional and stylistic aspect. *Russkii iazyk v shkole*. 2002, no. 1, pp. 75–78. (In Russian).

Cherniavskaia V.E. *Text linguistics: polycode, intertextuality, interdiscursivity*. Moscow: Librokom Publ., 2009, 248 p. (In Russian)

Fesenko O. P. Epistolary: Genre, Style, Discourse. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2008, no. 23, pp. 132–143. (In Russian)

Grice H. P. Logic and conversation. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike: Issue 16. Lingvisticheskaja pragmatika*, ed. by E. V. Paducheva. Moscow, Progress Publ., 1985, pp. 217–238. (In Russian)

Karasik V. I. *The language of social status*. Moscow, In-t iazykoznaniiia RAN Publ.; Volgograd. gos. ped. in-t Publ., 1992, 330 p. (In Russian)

Kostrova O. A. *Discursive stereotypes: The intercultural aspect of the conceptosphere*. Samara: PGSGA Publ., 2015, 208 p. (In Russian)

Kozheko A. V. Epistolary genres: traditional and modern forms. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia*. 2015. no. 2 (pt. 3). Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=23775> (In Russian) (accessed: 27.01.2023).

Langer I., Schulz von Thun F., Tausch R. *Sich verständlich ausdrücken*. 10. Auflage. München, Basel, Ernst-Reinhard Verlag, 2015, 222 p.

Leech G. N. *Principles of Pragmatics*. London, Longman, 1983, 257 p.

Larina T. V. *The category of politeness in the aspect of intercultural communication. On the material of English and Russian communicative cultures. D. thesis*. Moscow: 2003, 495 p. (In Russian)

Nefedov S. T. The Prototypical Text Model as the Basis of Text-Typological Knowledge (on the material of the author's preface to a scientific monograph). *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Series 9*. 2013, Issue 3, pp. 198–204. (In Russian)

Markova V. A. On the composition of the stylistic features of the official business style. *Filologiya i chelovek*. 2018, no. 1, pp. 62–73. (In Russian)

Meskauskiene I. Wirtschaftslinguistik als Teilbereich der Fachkommunikationsforschung. *Kalbotyra*, 2002, Nr. 52 (3), S. 76–85.

Silhanova R. Textsorte Geschäftsbrief und die Entwicklungstendenzen der deutschen Geschäftskorrespondenz. *Brünner Beiträge zur Germanistik und Nordistik*, 2009, Nr. 14, 1-2, S. 89–103. Available at: https://digilib.phil.muni.cz/_flysystem/fedora/pdf/106097.pdf (accessed: 30.01.2023).

Sternin I. A. Problems of describing politeness as a communicative category. *Kommunikativnoe povedenie. Vezhlivost' kak kommunikativnaia kategoriia*. 2003, iss. 17, pp. 22–47. (In Russian)

Григорьева Любовь Николаевна

доцент кафедры немецкой филологии СПбГУ, кандидат филологических наук
Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Liubov N. Grigorieva

Associate Professor of German Philology Department, St. Petersburg State University,
Candidate of Philological Sciences
Address: 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

E-mail: l.grigoreva@spbu.ru

Езан Ирина Евгеньевна

доцент кафедры немецкой филологии СПбГУ, кандидат филологических наук
Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Irina J. Jesan

Associate Professor of German Philology Department, St. Petersburg State University,
Candidate of Philological Sciences
Address: 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

E-mail: i.ezan@spbu.ru

Ковтунова Елена Анатольевна

доцент кафедры немецкой филологии СПбГУ, кандидат филологических наук
Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Elena A. Kovtunova

Associate Professor of German Philology Department, St. Petersburg State University,

Candidate of Philological Sciences

Address: 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

E-mail: e.kovtunova@spbu.ru

Статья поступила в редакцию 27 февраля 2023 г.

Принята к публикации 26 апреля 2023 г.

УДК 811.112.2

С. В. БУРЕНКОВА

Омский государственный технический университет

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОГО АКТА ПОЗДРАВЛЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ (в сравнении с русским языком)

Для цитирования: Буренкова С. В. Национально-культурные особенности речевого акта *поздравление* в современном немецком языке (в сравнении с русским языком) // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. 2023. Вып. 13. С. 141–159.
<https://doi.org/10.21638/spbu33.2023.107>

Предлагаемая статья посвящена анализу особенностей речевого акта *поздравление* в современном немецком языке по сравнению с русским. Автор исходит из понимания этикетных речевых актов как репрезентантов коммуникативной категории вежливости, характеризует данные феномены как социально обусловленные, изменчивые и требующие, как следствие, повторного изучения. Целью статьи является конфронтативное рассмотрение речевого акта *поздравление* в неформальном общении в немецкой и русской лингвокультурах. В задачи работы входят обзор имеющихся по проблематике исследования трудов, сопоставительное описание поздравлений в двух национально-культурных сообществах с учетом традиций и обычаев народов и специфики языковых единиц. В качестве практического материала используются информационно-словарные платформы немецкого языка, аутентичные дидактические ресурсы и примеры из личной переписки автора. Используемый автором метод сопоставительного анализа семантических и синтаксических свойств перформативов, конституирующих речевой акт *поздравление* в обоих языках, позволяет сделать выводы относительно применения этикетных формул в тесной связи с определенной категорией праздников: в отличие от русского глагола *поздравлять* немецкий глагол *gratulieren* употребляется в поздравлениях с личными событиями адресата, в то время как поздравления с государственными или церковными праздниками представляют собой благопожелания, оформленные в большей мере именными словосочетаниями. Новизна представленного исследования заключается также в обращении к вопросам стереотипизации и модификации смысловых значений отдельных праздников в немецкой культуре, возникновения новых знаменательных поводов под влиянием процессов демократизации общества, из-за распространения идей политкорректности, что детерминирует релевантность соответствующих

поздравительных фраз. Наблюдения и выводы автора могут быть полезны в практике преподавания немецкого языка как иностранного при изучении тем, связанных с праздниками, традициями и обычаями, речевым этикетом страны изучаемого языка.

Ключевые слова: вежливость, речевой этикет, речевой акт *поздравление*, перформатив, конфронтативный анализ, изменение норм.

S. V. BURENKOVA
Omsk State Technical University

NATIONAL AND CULTURAL FEATURES OF THE SPEECH ACT CONGRATULATIONS IN THE MODERN GERMAN LANGUAGE (compared to Russian)

For citation: Burenkova S. V. National and cultural features of the speech act *congratulations* in the modern German language (compared to Russian). *German Philology in St. Petersburg State University*, 2023, iss. 13, pp. 141–159.
<https://doi.org/10.21638/spbu33.2023.107> (In Russian)

The proposed paper analyzes the features of the speech act *congratulation* in modern German in comparison with Russian. The author proceeds from the understanding of etiquette speech acts as representatives of the communicative category politeness, characterizes these phenomena as socially conditioned, changeable and, as a result, requiring repeated study. The purpose of the article is the comparative consideration of *congratulation* in informal communication in German and Russian. The tasks of the work include a review of available research papers on the issue, a comparative description of congratulations in two national-cultural communities taking into account traditions and customs of the people and the specifics of language units. The dictionary platforms of the German, authentic didactic resources and examples from the author's personal correspondence are used as practical material. An analysis of the semantic and syntactic properties of the performatives constituting the speech act *congratulation* in both languages allows to draw conclusions regarding the use of etiquette formulas in close connection with a holidays certain category: in contrast of the Russian verb *поздравлять*, the German verb *gratulieren* is used in congratulations on personal events of the addressee, at that time how congratulations on state or church holidays are good wishes, expressed by nominal phrases. The novelty of the research lies also in addressing the issues of stereotyping and modification of the semantic meanings of particular holidays in German culture, emerging of new significant occasions under the influence of democratization processes in society, due to the spread of political correctness ideas, which determines the relevance of the corresponding congratulatory phrases.

Keywords: politeness, speech etiquette, speech act *congratulation*, performative, comparative analysis, norm changes.

1. Исходные положения

Категория вежливости во многих ее аспектах довольно часто становится объектом исследований в рамках различных отраслей знания, постоянный интерес к данному феномену детерминирован изменением условий общения и взаимодействия в динамично развивающемся человеческом обществе. Так, в немецкой лингвокультуре глобализация послужила фактором демократизации формул вежливости; политкорректность в целом и борьба за гендерное равенство, признание небинарного гендера в частности обусловили не только модификации средств адресации, но и формирование, по крайней мере на официальном уровне, гендерно-нейтрального языка. Влияние деглобализации точно так же не заставит себя ждать и приведет к определенным изменениям норм межкультурного диалога. Коммуникация посредством мобильной связи, общение в цифровой среде, в глобальном киберпространстве диктуют новые правила вежливого обхождения, о чем свидетельствует, например, заимствованная из английского языка контаминация *Netiquette, die* (ср.: *цифровой этикет*), вошедшая в обиход с середины 90-х годов XX столетия и обозначающая «правила хорошего и уважительного поведения в сети Интернет, особенно при отправке сообщений и на интернет-форумах, сообразно с которыми следует соблюдать вежливость, краткость и ясность в общении» («Regeln für gute und respektvolle Umgangsformen im Internet, besonders bei dem Versenden von Nachrichten und in den Internetforen, wonach Höflichkeit, Kürze und Klarheit in der Kommunikation beachtet werden sollten» (здесь и далее перевод мой. — С. Б.) [DWDS]).

Следует заметить, что исследователи категории вежливости единодушно подчеркивают социальную обусловленность данного феномена, поскольку перемены в обществе влекут за собой модификации форм вежливости (ср.: «формы вежливости в процессе перемен», нем. *Höflichkeitsformen im Wandel* [Ankenbrand 2013]), и отмечают важность его исследования в контексте социальных и исторических изменений: «Das Phänomen der Höflichkeit lässt sich in seiner Fülle nur unter Berücksichtigung sozialer und historischer Kontexte und Modifikationen betrachten und ausarbeiten», вследствие чего уместно говорить о «социогенезе форм и практик вежливости» (нем. *Soziogenese der Höflichkeitsformen und -praktiken*)

[Fidancheva 2013: 33], что, в свою очередь, определяет релевантность системного социокультурного изучения и описания языка вежливости в его современном состоянии и динамике.

Особенностью немецкого коммуникативного поведения всегда считалась исключительная, кажущаяся порой избыточной, вежливость, которая, однако, оценивается зачастую как неискренняя. Интересные наблюдения за развитием, изменением немецкого этикета отображены в эссе известного немецкого филолога, философа, историка языка и литературы Харальда Вайнриха, в котором он ставит под сомнение ставшую крылатой цитату из «Фауста» И. В. Гёте *Im Deutschen lügt man, wenn man höflich ist*, акцентируя внимание на взаимообусловленности правил вежливого обхождения и меняющихся общественных отношений, говоря о «новой вежливости» (*neue Höflichkeit*) и определяя ее перспективы для немецкого социума [Weinrich 1986].

Между тем в современном немецком обществе вновь звучат упреки в адрес молодого поколения относительно отсутствия манер; представители молодежи, в свою очередь, считают обходительные манеры, как и другие «немецкие добродетели» (*deutsche Tugenden*), устаревшими, «вчерашними» (*gestrig*), «мещанскими» (*spießig*) [Ist «höflich»; Wo bitte].

Немецкий речевой этикет претерпевает значительные перемены, касающиеся использования формул приветствия и прощания, обращений, титулов и званий, применения правил вежливого и неформального форматов общения, необходимости употребления этикетных знаков в стереотипных ситуациях общения в принципе. В этой связи по-прежнему актуальным выступает замечание Х. Вайнриха о причинах упадка культуры вежливой речи: нередко за отсутствием адекватного вежливого поведения скрывается вполне объяснимая неуверенность в том, как вести себя «в мире, в котором эмпирические знания старшего поколения обесцениваются с захватывающей дух скоростью», ср.: «...Ausdruck einer verständlichen Verhaltensunsicherheit in einer Welt, in der das Erfahrungswissen der Älteren in atemberaubendem Tempo entwertet wird» [Weinrich 1986: 28].

Категория вежливости — это стратегия поведения, выражающаяся в положительном отношении к человеку и включающая в себя, помимо определенных линий поведения, ряд коммуникативных стратегий и набор речевых актов для их выражения

[Словарь социолингвистических терминов]. Поскольку и феномен вежливости, и его коммуникативная составляющая сложны и многогранны, диапазон средств выражения вежливости огромен, а речевые акты и языковые средства, репрезентирующие вежливость, различаются большим разнообразием.

Этикетные речевые акты, такие как *просьба, благодарность, извинение, вежливый отказ, комплимент, приветствие, обращение*, неоднократно оказываются в фокусе внимания лингвистов, ср.: [Русское и немецкое коммуникативное поведение 2002; Ратмайр 2003; Реукова 2005; Kultur und Sprache 1997; Neuland 2015]. Речевой акт (РА) *поздравление* также не является исключением. Учитывая постоянное изменение норм вежливого поведения, многообразие аспектов изучения этикетных знаков, считаем обращение к данной теме вполне оправданным. Имеющиеся за последние два десятилетия исследования РА *поздравление* нацелены на выявление и описание разнообразных параметров этикетной ситуации поздравления и обслуживающих ее единиц речевого этикета. Важно заметить, что многие лингвисты изучают поздравления в совокупности с пожеланиями, что справедливо с точки зрения естественного хода событий, устоявшихся норм коммуникации, а также прагмалингвистических характеристик обоих РА, обнаруживающих больше сходств, чем отличий. К примеру, Е. В. Романова анализирует поздравления в немецкой лингвокультуре в их взаимосвязи с благопожеланиями, которые и являются предметом изучения научной статьи автора: среди «речевых клише, представляющих собой благопожелания», она выделяет отдельную группу благопожеланий-поздравлений [Романова 2014: 200].

Многогранность данного явления обуславливает многообразие ракурсов рассмотрения. РА *поздравление* и *пожелание* исследуются как структуры представления фреймов [Низеева 2010; Никонова 2020], как экспрессивные РА с определенными сходствами и отличиями [Варфоломеева, Кулемина 2013], анализируются в коммуникативном и в концептуальном аспектах: в нарративном и коммуникативном режимах [Вдовина 2007], с точки зрения трансформации и обновления языковых средств коммуникации [Пахомова и др. 2017], а также национально-культурных особенностей [Ярцева 2015]. Формулы пожелания и поздравления изучаются на материале разных языков: русского [Вдовина 2007; Пахомова и др. 2017], немецкого [Низеева 2010; Никонова 2020],

русского, немецкого, испанского, итальянского [Ярцева 2015], а источниками практического материала становятся СМИ и интернет-коммуникация [Пахомова и др. 2017], поздравительные открытки, письма, в том числе электронные, СМС-сообщения [Низеева 2010; Ankenbrand 2013; Никонова 2020], тексты современных художественных произведений, теле- и радиопередач, данные, полученные от зарубежных информантов [Вдовина 2007], результаты проведенного эксперимента с представителями разных лингвокультур [Ярцева 2015].

Список трудов по проблематике можно продолжить; их анализ позволяет, с одной стороны, констатировать широкий спектр изученных в этой связи вопросов, с другой стороны, становится очевидным отсутствие в некоторых из перечисленных работ (в силу разных обстоятельств) полноты ответов на поставленные авторами задачи, а потому особенности РА *поздравление* в немецком языке представлены в них лишь поверхностно, фрагментарно либо на ином речевом материале. В рамках настоящей статьи предпринята попытка восполнить отдельные лакуны в конфронтативном исследовании РА *поздравление* в неформальном общении в немецкой и русской лингвокультурах с целью дополнения национально-культурной специфики данного речевого акта в немецком языке. Выводы и наблюдения окажутся полезными в практике межкультурного общения, а значит, и в лингводидактике, во избежание ошибок и возможных коммуникативных неудач.

2. Поздравление в немецкой и русской лингвокультуре: сходства и отличия

Рассмотрим национально-культурные особенности РА *поздравление* в немецком языке через призму факторов, конституирующих отличия коммуникативного поведения в типичных ситуациях речевого этикета, среди которых, как известно, особой значимостью обладают культура, менталитет народа, его традиции, обычаи, закрепленные в обществе статусно-ролевые характеристики, а также специфика самого национального языка.

Примечательно, что в русской лингвокультуре видовая пара перформативных глаголов «поздравлять» (*поздравляю, -ем*) / «поздравить» (*можно/хотел бы поздравить*) используется в этикет-

ной ситуации поздравления чаще, нежели немецкий эквивалент *gratulieren*. Связано это с тем, что традиционное поздравление в русской лингвокультуре, как в официальном, так и в неформальном общении, нередко состоит из трех речевых актов: «обращения», «поздравления» и «пожелания» (<Имя/имена> (Я/Мы) *поздравляю/-ем (тебя/вас) с ...! / (Я/Мы) хочу/хотим поздравить...! Желаю/-ем...! / и пожелать...!*), в то время как в немецком речевом этикете, прежде всего в неофициальном общении, это могут быть «обращение» и «благопожелание», так как в речи преимущественно употребляются функциональные синонимы глагола *gratulieren*, которые семантически ближе к пожеланиям, т.е. представляют собой благопожелания-поздравления (*Liebe/-er... , Alles Gute zu...! Herzlichen Glückwunsch zu...! Frohe/-es/-en...!*). Необходимо подчеркнуть, что аналогичные речевые эквиваленты есть и у русского перформатива (ср.: *С Новым годом! Счастливого Рождества! С прошедшим днем рождения!*), однако при сравнении этикетных знаков поздравления в русском и немецком языках частотность русского глагола *поздравлять* определенно выше, чем у его немецкого соответствия.

Тем не менее в немецком языке глагол *gratulieren* используется достаточно часто, входит в перечень слов, знание которых необходимо для получения сертификата Goethe-Zertifikat B1 [Duden], Goethe-Zertifikat A1 [DWDS], демонстрирует практически полную парадигму спряжения (в пассивном залоге используется только в безличных конструкциях либо с глаголом *bekommen*) [Grammis], имеет производные *die Gratulation* — ‘(официальное) поздравление’, *der Gratulant* — ‘тот, кого поздравляют’, феминная параллель — *die Gratulantin*. Глагол был заимствован в немецкий язык в середине XVI в. из латинского языка в значении ‘проявлять/выражать свою радость, радостное участие; желать удачи (на будущее); приветствовать’ [OWID].

В современном немецком языке *gratulieren* представляет собой трехвалентный глагол, обладающий следующей содержательной структурой: *jemand gratuliert jemandem zu etwas* [Grammis], где в роли обязательных актантов (дополнений — *das Komplement*) *jemand* и *jemandem* выступают наименования личности или организации, а в качестве факультативного актанта — дополнения с предлогом *zu* — могут использоваться номинации поводов, отнесенные к которым говорящий выражает свою радость.

Если количество и степень обязательности актантов у немецкого глагола и его русского соответствия в целом совпадают, то правила заполнения актантов существенно различаются: в немецком языке адресат поздравления именуется в дательном падеже, в русском — в винительном, состав предложной группы в немецком языке определяет предлог *zu*, требующий дополнения в дательном падеже, в то время как в русском языке — предлог *с* и творительный падеж.

Следующий пример иллюстрирует возможность незаполнения актанта в дательном падеже, если получатель поздравления определен контекстом: *Zur Goldenen Hochzeit gratulieren von Herzen eure Kinder, Enkel und Urenkel.* — С золотой свадьбой от души поздравляют ваши дети, внуки и правнуки. Кроме того, в русском языке синтаксический предикат в ситуации поздравления может использоваться без субъекта: личные местоимения *я* и *мы* опускаются, что в целом неприемлемо для немецкого предложения с присущим ему двусоставным характером, хотя в разговорной речи возможны исключения: *Gratuliere!* В разговорной речи обоих языков возможно отсутствие в РА *поздравление* самого глагола, вместе с тем его валентностные свойства сохраняются посредством применения соответствующего предлога: **Zum Geburtstag!** С Днем рождения! Вследствие межъязыковой интерференции при изучении немецкого как иностранного часто возникают грамматические ошибки в употреблении рассматриваемого перформатива, тем более что предлог *mit*, прямое значение которого соответствует русскому предлогу *с*, может дополнять глагол *gratulieren* предложной группы в значении «подарок»: *In blendender Form war der Mittelstürmer, der seinem Trainer mit zwei Toren zum Geburtstag gratulierte* [Grammis].

Сложности в использовании глагола *gratulieren*, однако, не исчерпываются лишь его грамматическими особенностями. При, казалось бы, принципиально схожих категориях праздников перечень наступивших радостных событий, по поводу которых говорящий использует глагол *gratulieren* в немецком языке (ср.: [Nogas 2014]), уже по сравнению с русским глаголом *поздравлять*. Говоря о принципиальной схожести праздников, следует учитывать, что в России отмечают праздники православной церкви, а в Германии — католической и протестантской, но в общем и целом в обеих странах различают три разновидности праздничных событий:

1) события, связанные с адресатом опосредованно, — поздравления с праздниками, принятыми в данном обществе, 2) события, непосредственно связанные с адресатом, — поздравления с днем рождения, со свадьбой и т. п., 3) праздники православной церкви [Вдовина 2007: 142].

Немецкий глагол используется при поздравлении с событиями второй из указанных выше групп — это могут быть успех, заключение договора, победа, получение звания, повышение по службе, выборы, выигрыш в лотерею, какой-то важный этап в личной жизни и, конечно же, день рождения, юбилей, свадьба или помолвка, т. е. события, непосредственно связанные с адресатом, ср.:

jmdm. zu einem eingetretenen frohen Ereignis (Erfolg, Vertragsabschluss, Sieg, Frieden, Titel, Beförderung, Wahl, Lottogewinn usw.) seine freudige (An-)Teilnahme daran bekunden, Freude darüber zum Ausdruck bringen, und v. a. jmdm. an/zu einem wichtigen (persönlichen) Lebensabschnitt (Geburts-/Namens-/Ehrentag, Neujahr, Jubiläum, Hochzeit/Verlobung) Glück und Segen (für die Zukunft) wünschen [DWDS].

Сравните: *Ich gratuliere dir zum Geburtstag!* — «Поздравляю тебя с Днем рождения!» *Ich möchte Ihnen zu Ihrem Erfolg gratulieren!* — «Я хотел бы поздравить Вас с успехом!» *Ich gratuliere Ihnen zur Promotion!* — «Поздравляю Вас с защитой (диссертации)!» *Herzlichen Glückwunsch zum Führerschein!* — «Сердечно поздравляю с получением водительского удостоверения!» *Zu solchen Töchtern kann man Ihnen nur gratulieren!* — «С такими дочерьми можно только поздравить!» (примеры здесь и далее: [Alles Gute; Duden; DWDS]; личная переписка автора статьи).

Данные информационно-словарных платформ по автоматизированному поиску значимых «соседей» — коокуррентов — немецкого глагола также определяют его семантическое окружение, так, в семантической роли «радостное событие, повод для поздравления» чаще всего выступают лексемы *Geburtstag*, (*Wahl*)*Sieg*, *Erfolg*, *Ehrentag*, *Jubiläum* [Deutscher Wortschatz]; [DWDS]. Кроме указанных существительных, в синтаксическую структуру глагола *gratulieren* входят наречия, служащие ответом на вопрос «Wie?» — «Как?»: *herzlich* — сердечно, от души; *telefonisch* — по телефону; *schriftlich* — письменно. Необходимо отметить, что наречия, обо-

значающие степень выражения радости эмитента, употребляются непосредственно в РА *поздравление*, а лексемы, характеризующие способ поздравления, такие как *telefonisch, schriftlich*, служат прежде всего для косвенного описания поздравлений, например от третьего лица.

Стилистически возвышенный синоним *beglückwünschen* в неформальном общении используется редко, в его ближайшем контексте информационно-словарные платформы не фиксируют личного местоимения первого лица единственного числа *ich*, хотя такое употребление в разговорной речи не исключено. Наиболее частыми коокуррентами данного глагола выступают личные местоимения *wir* и *sie*, из существительных в роли семантического субъекта чаще всего встречаются наименования официальных государственных деятелей *Präsident, Bürgermeister, Staatschefin, König, Rat, Bundeskanzlerin, Oberbürgermeister* и т. п. В отличие от глагола *gratulieren* переходный перформатив *beglückwünschen* требует дополнения в винительном падеже (семантическая роль адресата поздравления): *Er beglückwünschte mich zu meinem Erfolg* — ‘Он поздравил меня с успехом’.

В неформальном общении оба глагола уступают по частоте использования этикетным формулам, выраженным именными словосочетаниями с предлогом или без, ср.: *Alles Gute/alles Gute und Liebe/alles, alles Gute zum Geburtstag/zur Hochzeit! Herzlichen Glückwunsch/herzliche Glückwünsche (zum Geburtstag/zum Studienabschluss)! Alle guten Wünsche nachträglich zum Geburtstag! Dir allerherzlichste Geburtstagsgrüße, viel Glück und Segen auf all deinen Wegen! Zum 50. Geburtstag tausend gute Wünsche und maximalen Spaß, an allem was du tust!*

Таким образом, немцы в поздравлениях родным, друзьям и знакомым *желают, высказывают пожелания*, поэтому в поздравлениях нередко обнаруживаются глаголы *wünschen, grüßen, (sich) freuen, lassen*: *Ich freue mich für dich! Ich wünsche dir einen ganz schönen Geburtstag! Wir gratulieren dir und grüßen dich ganz herzlich zum Geburtstag! Lass es dir heute gut gehen! Lass dich feiern!* К поздравлению/благопожеланию-поздравлению могут добавляться тосты: *Wir stoßen mit einem Glas Wein auf deinen (halb)runden Geburtstag an! Auf dein Wohl!* Именно благопожелания используют в поздравлениях с праздниками, не зависящими от воли, личности человека, относящимися к нему опосредованно, — это праздники, приня-

тые в немецком обществе, и церковные праздники. К важнейшим праздникам в немецкой культуре относятся:

Weihnachten	Рождество	<i>Frohe/fröhliche Weihnachten! Ein schönes Weihnachtsfest und einen guten Start in das neue Jahr mit Gesundheit und Frieden! Eine schöne, gesegnete, zufriedene Weihnachtszeit!</i>
1.-4. Advent	Адвент	<i>Ich wünsche euch einen schönen 1./2./3./4. Advent!</i>
Ostern	Пасха	
Pfingsten	Троица	<i>Frohe/fröhliche/friedliche Ostern! Ganz liebe Ostergrüße zu Euch aus Deutschland!</i> <i>Schöne Pfingstfeiertage!</i> <i>Ein gutes Neues (Jahr)! Einen guten Jahreswechsel! Alles Gute zum Neujahr/ fürs Neue Jahr! Euch allen ein gesundes/ glückliches neues Jahr! Guten/glücklichen Rutsch (ins neue Jahr)!</i>
Neujahr	Новый год	

И в немецком, и в русском языке поздравления и поздравления-благопожелания содержат обозначения данных праздников (ср. в русском языке: *Светлой Пасхи! Счастливого Рождества! С Международным женским днем 8 Марта! С Днем народного единства!*), в русской лингвокультуре нередко используется универсальная речевая формула *С праздником!*. Е. В. Романова отмечает: «...в немецкой культуре не принято не конкретизированное поздравление “С праздником!”; типичное для русской культуры» [Романова 2014: 200]. Тем не менее в последнее время часто встречается лаконичное поздравление *Frohes Fest!*, распространение которого, вероятно, обусловлено мультикультурным характером современного немецкого социума. В этой связи можно констатировать схожую для обоих языков тенденцию к сокращению длины высказывания, употреблению простых этикетных формул: однотипных конструкций и лексических средств.

Относительно новогодних поздравлений следует уточнить, что в русской речевой культуре принято упоминать в поздравлении с Новым годом дату: *Поздравляем с новым 2023 годом!* Нередко эта особенность переносится в другой язык, что провоцирует ошибочные фразы: **Ich gratuliere Ihnen zum 2023. Jahr!* Русская тради-

ция поздравлять еще и со старым Новым годом общеизвестна, пояснения для изучающих русский язык как иностранный требуют, возможно, речевые формулы: *С наступающим Новым годом!* — употребляется накануне праздника; *С Новым годом!* — используется в наступившем году. Немецкая разговорная этикетная формула *Guten Rutsch!* обозначает «хорошего путешествия» в смысле хорошего начала [Duden].

В обеих культурах принято поздравлять с праздниками устно или письменно. В современном мире скорость и удобство передачи сообщений по электронной почте, посредством телефонного звонка или переписки в мессенджерах, бесспорно, потеснили, но отнюдь не заменили, а, напротив, придали большую ценность поздравлениям на бумаге. Выбирая красивую поздравительную открытку, подписывая ее от руки, отправляя заблаговременно, чтобы послание достигло адресата вовремя, поздравитель уделяет послужившему поводом событию и его виновнику больше внимания и придает поздравлению душевности и трогательности, ср.: [Ankenbrand 2013: 388].

Отмеченные сходства и различия *РА поздравление* помогут изучающим немецкий или русский язык в качестве иностранного избежать ошибок и недоразумений в общении. Следовательно, в практике преподавания немецкого как иностранного при изучении темы *Праздники, традиции и обычаи немецкоязычных стран* следует обращать внимание на особенности поздравлений с личными, светскими и религиозными праздниками.

Поздравить с днем рождения, пусть даже малознакомого человека, например участника мероприятия, нового члена коллектива, является в немецкой культуре обязательным, *РА поздравление* выступает в этом случае ритуалом. Поздравления с Рождеством или Пасхой представляют собой рутинные формулы, их употребление факультативно. В то время как немцы не считают поздравления с государственными и религиозными праздниками релевантными, проживающие рядом с ними иностранцы, желая быть вежливыми, уважительно относиться к культуре, обычаям и традициям, могут оказаться перед дилеммой: можно ли поздравлять католиков и протестантов с их главным праздником, будучи приверженцем другой конфессии? Ср.: *Dürfen Muslime ihren Nachbarn zum Weihnachtsfest gratulieren?* [Dürfen]. Небезынтересно, с другой стороны, изменится ли в будущем перечень праздников

и соответствующих им речевых актов, если особенностью жизни современного немецкого гражданина (особенно в крупных городах) является еще и необходимость толерантного взаимодействия с новым мультикультурным обществом, приспособления к другим культурам?

Кроме важнейших государственных и церковных праздников, в немецкой культуре принято отмечать, например, День матери (*Muttertag*, второе воскресенье мая) и День отца (*Vatertag*, региональные названия: *Herrentag*, *Männertag*; отмечается в День Вознесения Господня — религиозный и государственный праздник в Германии). При этом последний праздник возник как противоположность Дню матери, используется многими отцами семейств для празднования, выпивки без жен и детей [DWDS], а гендерные стереотипы и идеи подарков, обусловленные стереотипными представлениями о роли мужчин и женщин, все чаще становятся предметом критики и споров как в Германии, так и в России. Активная пропаганда в немецком обществе идеи гендерного равенства, которая находит свое выражение не только в судебных решениях, узаконивающих третий пол, но и в повседневной жизни, способна внести коррективы в традиции: так, в немецком обществе существует мнение о необходимости преобразования этих двух праздников в один — *Elterntag* [*Muttertag*].

Популяризация всего, что связано с нетрадиционными представлениями об отношениях полов, половой идентичности, половом воспитании, обуславливает внедрение в немецкую массовую культуру новых традиций, в том числе праздников. Так, известный среди секс-меньшинств *Pride Month* — *Месяц гордости*, когда в первый месяц лета во многих странах проходят парады, фестивали, митинги и другие мероприятия, празднуется в Германии широко и открыто, а поздравления практически идентичны лозунгам: *My gender is cute* — ‘Мой пол милый’; *Wer immer nur schwarz-weiß denkt, wird nie einen Regenbogen sehen können* — ‘Кто всегда думает только в черно-белых тонах, никогда не увидит радуги’; *Das Leben ist zu kurz, um hetero zu sein* — ‘Жизнь слишком коротка, чтобы быть гетеро’; *Die Welt braucht mehr Queerdenker*innen* — ‘Миру нужны инакомыслящие’ [MyPostcardblog].

Следует упомянуть в данном контексте, что официальные устные и письменные поздравления также претерпевают изменения, касающиеся главным образом первого структурного элемента

текста поздравления — обращения. В немецкой культуре стало давно привычным требование употреблять при обозначении лиц наряду с маскулинитивами феминитивы: *Liebe Bürgerinnen und Bürger!* Однако сегодня в соответствии с изданными рекомендациями по использованию гендерно-инклюзивного языка необходимо избегать в устной и письменной официальной речи именований, указывающих на половую принадлежность, заменять их гендерно-нейтральными номинациями: *Liebe Mitarbeitende, ...* — ‘Дорогие сотрудники’; *Liebes Vertriebsteam, ...* — ‘Дорогой коллектив предприятия’; *Liebes Kollegium, ...* — ‘Дорогой коллектив’; *Liebe Lehrkräfte, ...* — ‘Дорогие учителя’; *Liebe Studierende, ...* — ‘Дорогие обучающиеся’; использовать короткую паузу при говорении и *гендергэп* (*Gendergap, der*) или «гендерную звездошку» (*Genderstar, der*) при письме: *Liebe Kolleg_innen, ...; Liebe Kolleg*innen*. Для корректного построения речи предлагаются специальные сайты. Необходимо подчеркнуть, что перевод на русский язык не всегда передает гендерную инклюзивность немецких обращений (сотрудники, учителя — номинации мужского рода), большая точность нанесет ущерб краткости либо адекватности перевода, который должен соответствовать и нормам переводного языка и культуры.

3. Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов.

Категория вежливости и речевой этикет как ее коммуникативная составляющая подвержены влиянию трансформаций, происходящих в обществе. Изменчивый характер репрезентирующих вежливость речевых актов определяет релевантность системного социокультурного изучения и описания языка вежливости в его современном состоянии и динамике.

Национально-культурные особенности *РА поздравление* в немецком языке становятся очевидными при сравнении с русским речевым этикетом. При всей универсальности *РА поздравление* как способа выразить радость по поводу знаменательного события, при принципиальной одинаковости категорий праздников сравнение *РА поздравление* в немецкой и русской лингвокультурах позволило обнаружить нюансы коммуникативного поведения, специфику речевого оформления этикетных поздравитель-

ных фраз как в неформальном, так и в официальном общении. В частности, семантические и синтаксические характеристики глагола *gratulieren* определяют его использование в РА *поздравление* по поводу значимых событий личной жизни адресата поздравления. Синоним *beglückwünschen* относится к возвышенной лексике. Вследствие данных ограничений специфической чертой РА *поздравление* в немецкой культуре является использование функциональных эквивалентов указанных перформативов — именных словосочетаний с указанием конкретного праздничного события и поздравлений-благопожеланий. В русском речевом этикете глагол *поздравлять* употребляется в поздравлениях по случаю праздников любого типа, а следовательно, обладает большей частотностью, функциональными аналогами выступают именные словосочетания с предлогом или без, а также предложные группы.

Знакомство с ритуалами и рутинными формулами, конституирующими РА *поздравление* в иностранном языке, обязательно для успешной коммуникации, а также в целях профилактики речевых ошибок.

Модификация символических значений праздников, переосмысление и переоценка их значимости, неприятие сложившихся в обществе традиций, стереотипов могут привести к снижению частотности использования определенных этикетных формул, а также к появлению новых праздников и соответствующих им особенностей речевых актов.

Источники и словари

Словарь социолингвистических терминов. М.: Российская академия наук. Институт языкознания. Российская академия лингвистических наук. Отв. ред. В. Ю. Михальченко. 2006. https://sociolinguistics.academic.ru/244/%D0%9A%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%B3%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F_%D0%B2%D0%B5%D0%B6%D0%BB%D0%B8%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8 (дата обращения: 12.01.2023).

Alles Gute! & Co: Gratulieren und sich bedanken auf Deutsch (Wortschatz A2, B1, B2, C1). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=581ETa4wvI8> (дата обращения: 28.01.2023).

Deutscher Wortschatz/Wortschatz Leipzig. URL: <https://wortschatz.uni-leipzig.de/de> (дата обращения: 10.12.2022).

Duden. URL: <https://www.duden.de> (дата обращения: 10.01.2023).

Дürfen Muslime ihren Nachbarn zum Weihnachtsfest gratulieren? URL: <https://www.islamiq.de/2022/12/17/duerfen-muslime-ihren-nachbarn-zu-weihnachten-gratulieren/> (дата обращения: 17.01.2023).

DWDS — Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de> (дата обращения: 02.01.2023).

Grammis — Grammatisches Informationssystem. URL: <https://grammis.ids-mannheim.de/> (дата обращения: 22.01.2023).

Ist «höflich» spießig? // *chrismon*. Das evangelische Magazin. URL: <https://chrismon.evangelisch.de/artikel/2019/47625/arnnd-brummer-ueber-benehmen-manieren-und-hoeflichkeit> (дата обращения: 18.01.2023).

Muttertag — Vatertag: Darf Mensch Rollenstereotype noch feiern? URL: <https://www.maenner.media/gesellschaft/community/muttertag-vatertag-rollenstereotype-feiern/> (дата обращения: 18.12.2022).

MyPostcard blog. URL: <https://blog.mypostcard.com/pride-sprueche/> (дата обращения: 28.01.2023).

OWID — Das Online-Wortschatz-Informationssystem Deutsch. URL: <https://www.owid.de/index.jsp> (дата обращения: 12.01.2023).

Wo bitte bleibt die Höflichkeit? // *Berliner Morgenpost*. URL: <https://www.morgenpost.de/schueler/article103045974/Wo-bitte-bleibt-die-Hoeflichkeit.html> (дата обращения: 02.02.2023).

Литература

Варфоломеева И. В., Кулемина К. В. Некоторые особенности экспрессивных речевых актов поздравления и пожелания в английском, немецком и русском языках // *Альманах современной науки и образования*. 2013. № 12 (79). С. 46–49.

Вдовина Е. В. Поздравление и пожелание в речевом этикете: концептуальный и коммуникативный анализ: дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 199 с.

Низеева Д. Р. Структура фрейма речевого акта поздравления в современном немецком языке: на материале письменных текстов: дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2010. 212 с.

Никонова Ж. В. Фреймовая семантика как методология представления интенционального аспекта значения в искусственном интеллекте // *Современная германистика и западноевропейская литература (= Modern Germanic Philology and West-European Literature)*. Вып. 2: коллективная монография / отв. ред. А. В. Иванов. М.: ФЛИНТА, 2020. С. 38–58.

Пахомова И. Н., Иванова А. С., Коломиец В. А., Сипунова И. В. Пожелание и поздравление в речевом этикете (на материале СМИ и Интернет-коммуникации) // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2017. № 11 (65). С. 32–35. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.65.133>

Ратмайр Р. Прагматика извинения: Сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры / пер. с нем. Е. Араловой. М.: Языки славянской культуры, 2003. 272 с.

Реукова Н. В. Лексико-грамматические средства выражения вежливости в современном немецком языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 183 с.

Романова Е. В. Благопожелания в немецкой лингвокультуре // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. 2014. № 27. С. 198–202.

Русское и немецкое коммуникативное поведение. Вып. 1 / науч. ред. И. А. Стернин, Х. Эккерт. Воронеж: Истоки, 2002. 181 с.

Ярцева О. А. Средства реализации речевого акта «Пожелание/Поздравление» (психолингвистическое исследование на материале русского, немецкого, испанского и итальянского языков) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 4. С. 119–124.

Ankenbrand K. Höflichkeit im Wandel: Entwicklungen und Tendenzen in der Höflichkeitspraxis und dem laienlinguistischen Höflichkeitsverständnis der bundesdeutschen Sprachgemeinschaft innerhalb der letzten fünfzig Jahre. Dissertation. Heidelberg: Universitätsbibliothek Heidelberg, 2013. 566 S. URL: <http://archiv.ub.uni-heidelberg.de/volltextserver/14676/1/H%C3%96FLICHKEIT%20IM%20WANDEL.pdf> (дата обращения: 02.02.2023).

Fidancheva I. Die verletzende Macht der Höflichkeit. Paderborn; München; Wien; Zürich: Schöningh, 2013. 254 S.

Kultur und Sprache. Beiträge zur interkulturellen Germanistik. Vorträge auf dem russisch-deutschen Kolloquium „Kultur und Sprache“ gehalten am 15.3.1995 / Hrsg. Von Prof. Dr. G. Uhlisch und Prof. Dr. M. V. Raevskij. Moskau: Dialog-MGU, 1997. 97 S.

Neuland E. „Hey, was geht?“ Beobachtungen zum Wandel und zur Differenzierung von Begrüßungsformen Jugendlicher // IDS-Sprachreport. 2015. Nr. 1. S. 30–35. URL: <https://ids-pub.bsz-bw.de/frontdoor/deliver/index/docId/4449/file/Sprachreport+2015-1.pdf> (дата обращения: 15.01.2023).

Noras D. Kulturspezifische Regeln für ‚Gratulieren‘. Anlässe für obligatorische und fakultative Gratulationen im Deutschen und ihre pragmatischen Implikationen. 2. Aufl. München: GRIN Verlag, 2014. 12 S.

Weinrich H. Lügt man im Deutschen, wenn man höflich ist? Mannheim; Wien; Zürich: Bibliographisches Institut, 1986.

References

Ankenbrand K. *Höflichkeit im Wandel: Entwicklungen und Tendenzen in der Höflichkeitspraxis und dem laienlinguistischen Höflichkeitsverständnis der bundesdeutschen Sprachgemeinschaft innerhalb der letzten fünfzig Jahre*. Dissertation. Heidelberg, Universitätsbibliothek Heidelberg, 2013, 566 p. Available at: <http://archiv.ub.uni-heidelberg.de/volltextserver/14676/1/H%C3%96FLICHKEIT%20IM%20WANDEL.pdf>

ub.uni-heidelberg.de/volltextserver/14676/1/H%C3%96FLICHKEIT%20IM%20WANDEL.pdf (accessed: 02.02.2023).

Fidancheva I. *Die verletzende Macht der Höflichkeit*. Paderborn, München, Wien, Zürich, Schöningh, 2013, 254 S.

Kultur und Sprache. Beiträge zur interkulturellen Germanistik. Vorträge auf dem russisch-deutschen Kolloquium „Kultur und Sprache“ gehalten am 15.3.1995. Hrsg. Von Prof. Dr. G. Uhlisch und Prof. Dr. M. V. Raevskij. Moscow, Dialog-MGU Publ., 1997. 97 S.

Neuland E. „Hey, was geht?“ Beobachtungen zum Wandel und zur Differenzierung von Begrüßungsformen Jugendlicher. *IDS-Sprachreport*. 2015, Nr. 1, S. 30–35. Available at: <https://ids-pub.bsz-bw.de/frontdoor/deliver/index/docId/4449/file/Sprachreport+2015-1.pdf> (accessed: 15.01.2023).

Nikonova Zh. V. Frame semantics as a methodology for representing the intentional aspect of meaning in artificial intelligence. *Sovremennaya germanistika i zapadnoevropejskaya literatura* (= *Modern Germanic Philology and West-European Literature*), iss. 2, collective monograph, ed. A. V. Ivanov, Moscow, FLINTA Publ., 2020, pp. 38–58. (In Russian)

Nizeeva D. R. *Structure of the frame in the speech act of Congratulation in modern German: Based on the material of written texts*. PhD Thesis. Nizhny Novgorod, 2010, 212 p. (In Russian)

Noras D. *Kulturspezifische Regeln für ‘Gratulieren’. Anlässe für obligatorische und fakultative Gratulationen im Deutschen und ihre pragmatischen Implikationen*. 2. Aufl., München, GRIN Verlag, 2014, 12 S.

Pahomova I. N., Ivanova A. S., Kolomic V. A., Sipunova I. V. Wishes and Congratulatory in speech etiquette (on the material of the media and Internet communication). *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal*, 2017, no. 11 (65), pp. 32–35. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.65.133> (In Russian)

Ratmajr R. *The Pragmatics of Apology: A Comparative Study of the Russian Language and Russian Culture* / transl. by E. Aralova. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2003, 272 p. (In Russian)

Reukova N. V. *Lexical and grammatical means of expressing politeness in modern German*. PhD thesis. Moscow, 2005, 183 p. (In Russian)

Romanova E. V. Good wishes in German linguistic culture. *Inostrannye yazyki: lingvisticheskie i metodicheskie aspekty*, 2014, no. 27, pp. 198–202. (In Russian)

Russian and German communicative behavior, iss. 1, ed. by I. A. Sternin, H. Ekert, Voronezh, Istoki Publ., 2002, 181 p. (In Russian)

Varfolomeeva I. V., Kulemina K. V. Some features of expressive speech acts of congratulations and wishes in English, German and Russian. *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniia*, 2013, no. 12 (79), pp. 46–49. (In Russian)

Vdovina E. V. *Congratulations and wishes in speech etiquette: conceptual and communicative analysis*. PhD Thesis. Moscow, 2007, 199 p. (In Russian)

Weinrich H. *Lügt man im Deutschen, wenn man höflich ist?* Mannheim, Wien, Zürich, Bibliographisches Institut, 1986.

Yarceva O. A. Means of implementation of the speech act “Wish / Congratulation” (psycholinguistic research on the material of Russian, German, Spanish and Italian languages). *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia*, 2015, no. 4, pp. 19–124. (In Russian)

Буренкова Светлана Витальевна

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой «Иностранные языки» Омского государственного технического университета
Адрес: Российская Федерация, 644050, Омск, пр. Мира, 11

Svetlana V. Burenkova

Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of Foreign Languages, Omsk State Technical University
Address: 11, pr. Mira, Omsk, 644050, Russian Federation

E-mail: svburenkova@omgtu.tech

Статья поступила в редакцию 8 февраля 2023 г.
Принята к публикации 26 апреля 2023 г.

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РОЖДЕСТВЕНСКИХ И НОВОГОДНИХ КОРПОРАТИВНЫХ ПОЗДРАВЛЕНИЙ В НЕМЕЦКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Для цитирования: Жилюк С. А. Лексико-грамматические особенности рождественских и новогодних корпоративных поздравлений в немецкой и русской лингвокультурах // *Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете*. 2023. Вып. 13. С. 160–176.
<https://doi.org/10.21638/spbu33.2023.108>

Настоящая статья посвящена типу текста *поздравление* в немецком и русском языках. Цель статьи — определить лексико-грамматические средства выражения корпоративных поздравлений в немецкой лингвокультуре. Ее новизна заключается в обращении к корпоративным поздравлениям на немецком и русском языках как к проявлению современной языковой вежливости. К использованным методам относятся метод сплошной выборки, лексико-семантический анализ и сопоставительный метод. В русском и немецком языках поздравления состоят из трех облигаторных и двух факультативных частей. К облигаторным частям относятся обращение, пожелание и подпись, к факультативным — рассуждение и благодарность (расположены между обращением и пожеланием). В качестве рассуждения, которое служит для создания праздничного настроения, нередко в немецкой лингвокультуре выступает цитата. В русской лингвокультуре рассуждение встречается реже, иногда оно заменяется непосредственно поздравлением с определенным праздником. В немецкой культуре поздравление не включается в текст, так как обычно присутствует на открытке. Особый интерес представляет содержание поздравлений. Для русской лингвокультуры характерны пожелания, направленные на весь наступающий год, причем связанные как с профессиональной деятельностью, так и с частной жизнью адресата. В немецкой лингвокультуре основная часть пожелания сфокусирована на Рождестве, которое автор желает адресату провести спокойно в кругу родных и близких. Пожелания по случаю Нового года схожи с русскими, однако в большей степени сконцентрированы на профессиональной деятельности адресата. Диспропорция может объясняться последовательностью праздников в Германии и в России: если в Германии сначала празднуют Рождество, непосредственно примыкающее к рабочим дням, а затем Новый год, то в России Рождество выпадает на нерабочие дни в начале года.

Ключевые слова: языковая вежливость, поздравление как тип текста, структура поздравления, семантика пожеланий, лингвокультурология Германии.

LEXICAL AND GRAMMATICAL FEATURES OF CORPORATE CHRISTMAS AND NEW YEAR'S GREETINGS IN GERMAN AND RUSSIAN CULTURES

For citation: Zhiliuk S. A. Lexical and grammatical features of corporate Christmas and New Year's greetings in German and Russian cultures. *German Philology in St. Petersburg State University*, 2023, iss. 13, pp. 160–176.
<https://doi.org/10.21638/spbu33.2023.108> (In Russian)

The article focuses on the text type *greeting* in German and Russian languages. It aims at identifying lexical and grammatical means of corporate greeting in German language culture. The study is novel in that it discusses contemporary corporate greetings in German and in Russian as a part of the language politeness. The methods used in the study include continuous sampling method, lexical and semantical analysis, and comparison. The greetings under discussion consist of three obligatory (address, wishes and signature) and two extra parts (introduction and gratitude). The introduction aims at establishing of festive mood and can have a quote in German greetings. In Russian congratulations, the introduction is rare, in certain cases it is replaced with congratulation on a holiday. The reason why in German texts there is no congratulation is the fact that the congratulation is written on a card which has pre-printed greeting. There are semantical differences between Russian and German wishes. The Russians tend to express wishes for the whole upcoming year. They are about job and private life of an addressee. The Germans focus their wishes on Christmas, and an addressee is supposed to spend it in a quiet company of relatives and friends. The wishes on New Year's Day are similar to Russian ones. The difference in wishes partly would raise from the difference in calendars: While the Germans celebrate Christmas right after working days, the Russians have it at the end of a series of days-off at the beginning of January.

Keywords: language politeness, greeting as text type, greeting's structure, semantics of wishes, German culture studies.

1. Введение

Использующееся в современном немецком языке слово *Höflichkeit*, обозначающее 'вежливость', восходит к свн. *hovelich* — *hofgemäß, fein, gebildet und gesittet* [Duden. Das Herkunftswörterbuch 2015: 288], которое, в свою очередь, обозначало качество, присущее людям, служащим при дворе государя. Говоря современным языком, вежливость в немецкой лингвокультуре изначально мыслилась как элемент деловых отношений. Одной из составляющих вежливости является вежливость языковая или лингвистическая,

вербальная — «сложная система национально-специфических стратегий, направленных на гармоничное, бесконфликтное общение и соответствие ожиданиям партнера» [Ларина 2009: 169]. Она реализуется в коммуникации с помощью особых языковых средств и даже целых речевых актов. Различают вежливость солидарную (*Solidaritätshöflichkeit*), т. е. такую, которая способствует установлению контакта и сближению, и вежливость дистанционную (*Distanzhöflichkeit*), направленную, наоборот, на отдаление коммуникантов [Rathmayr 1996].

Настоящая статья посвящена речевому акту, нацеленному на установление благожелательного контакта между коммуникантами, т. е. относящемуся к солидарной вежливости. Речь идет о поздравлении, которое является актом социального этикета [Формановская 2020] и реализует категорию вежливости в речи. Мы обратимся к письменным корпоративным поздравлениям, т. е. к ситуации формального общения, при котором языковая вежливость носит облигаторный характер; источником материала послужат немецкие и российские сайты с образцами корпоративных поздравлений. Обращение к образцам поздравлений в качестве материала не снижает ценности исследования, так как образцы используют все те языковые средства, которые встречаются и в настоящих поздравлениях.

Основная задача заключается в том, чтобы определить структурные и лексические особенности немецких деловых поздравлений. Их сопоставление с русскими поздравлениями поможет сформулировать рекомендации практического характера, которыми смогут воспользоваться переводчики.

2. Поздравление как элемент делового этикета

Традиция корпоративных поздравлений свидетельствует об особом имидже организации, которая их отправляет [Колтунова 2002]. В немецкой культуре популярны поздравительные открытки, которые авторы предпочитают подписывать от руки [Егоров 2016: 26]. В России поздравления чаще отправляются посредством электронных средств связи (электронной почты, различных мессенджеров) [Немчинова 2008: 218].

Весь текст поздравления можно разделить на два больших блока: образная информация (статус коммуниканта, его роль в ком-

муникативном акте и т.п.) и содержательная информация, т.е. само поздравление [Медведева 2003].

Поздравление — это приветствие по случаю чего-либо радостного или приятного [Ефремова 2000]. В немецком языке термину *поздравление* соответствует термин *Glückwunsch*. В словаре Duden приводится его определение: *Wunsch für Glück und Wohlergehen zu einem besonderen Fest oder Ausdruck der freudigen Anteilnahme an einem Erfolg, einer Leistung, einem freudigen Ereignis o. Ä.* [Duden Online] («Пожелание счастья и благополучия по случаю праздника или выражение радости по случаю какого-либо успеха, удачи или радостного события»¹). Таким образом, поздравление — это не только приветствие «по случаю», но и пожелание адресату.

Поздравление как речевой акт всегда зависит как от говорящего, так и от адресата (говорящий и адресат должны быть согласованы [Арутюнова 1981]). Выбор стилистических средств может зависеть от отношений между автором текста и адресатом и от коммуникативного повода («темы поздравления», т.е. праздника, с которым автор текста поздравляет адресата) [Низеева 2009].

3. Структура поздравлений в русском и немецком дискурсе

В немецкой и русской лингвокультурах поздравление строится по схожей схеме:

(1) *Lieber Herr...*

wir haben im vergangenen Jahr mit Ihnen erleben dürfen, dass die vertrauensvolle Zusammenarbeit ein wichtiger Bestandteil unseres Erfolges ist.

Dafür bedanken wir uns sehr herzlich bei Ihnen und freuen uns auf weitere gemeinsame Erfolge im kommenden Jahr!

Wir wünschen Ihnen und Ihrer Familie von Herzen fröhliche und erholsame Weihnachtstage.

Im neuen Jahr sollen Ihnen alle Vorhaben gut gelingen, geschäftlich wie privat.

Viele Weihnachtsgrüße und Glück für das neue Jahr wünscht Ihnen Firma XXX und Team [Weihnachtssprüche].

«Уважаемый господин...!»

¹ Здесь и далее перевод наш. — С. Ж.

В прошедшем году мы с Вами убедились, что доверительное сотрудничество является важной составляющей успеха. Мы от всей души благодарим Вас за совместную работу и надеемся на дальнейшие успехи в наступающем году! Мы от всего сердца желаем Вам и Вашим близким веселых и спокойных рождественских дней! Пусть в новом году все Ваши начинания, как на работе, так и дома, приводят к успеху. С рождественскими поздравлениями и пожеланиями счастья в наступающем году
Компания ХХХ и весь ее коллектив».

Пример (1) дает представление о структуре немецкого поздравления. Открывается текст обращением, при выборе которого автор учитывает несколько факторов: возраст, пол, положение в обществе, переменные, психологические и личные отношения [Формановская 2002: 24]. В данном примере используется самое популярное при обращении прилагательное *Lieber* (в русском языке его эквивалентом является не вполне формальное прилагательное *дорогой*), вслед за ним следует обращение *Herr* ('господин'), типичное для официальной коммуникации. В немецком языке также могут использоваться обращения *Lieber Herr...* [Weihnachtssprüche] ('Дорогой господин...'), *Sehr geehrte Frau...* [Weihnachtssprüche] ('Многоуважаемая госпожа...'), *Lieber Geschäftspartner* [Weihnachtssprüche] ('Дорогой деловой партнер!'), *Liebe Kunden* [Texte] ('Дорогие клиенты!'), *Geschätzter Kunde* [Weihnachtssprüche] ('Драгоценный клиент'). В русских поздравлениях привычным эпитетом перед именем и отчеством является прилагательное *уважаемый* (или производные: *многоуважаемый*, *глубокоуважаемый*); иногда встречается эпитет *дорогой*; крайне редкими можно считать варианты поздравлений без обращения или с обращением по имени и отчеству без эпитета [Немчинова 2008: 219].

Вслед за этим следует вступление — несколько слов по случаю праздника. Иногда в этой части автор использует цитату:

- (2) *Lieber Michael*,
„Wenn das alte Jahr reich an Erfolg war, so freue dich auf das neue. War es aber schlecht, dann erst recht“ (Karl-Heinz Söhler).
Wie die Bewertung deines Jahres ausfällt, überlasse ich besser dir. Ich wünsche dir erholsame Feiertage und einen guten Rutsch ins neue Jahr. Viele Grüße

Max [Weihnachtsgrüße].

«Дорогой Михаэль!

“Если старый год был богат на успехи, с нетерпением жди нового.

Если же он не был успешен, то тем более” (Карл-Хайнц Зёлер).

Оставлю тебе судить, каким был этот год. Желаю тебе спокойных праздников и успешного начала нового года!

С наилучшими пожеланиями,

Макс».

После вступления следует благодарность за плодотворное сотрудничество в уходящем году. В некоторых, но не во всех русских поздравлениях есть аналог благодарности (ср.: «Уходящий год запомнился нам эффективной и плодотворной совместной работой с Вами...» [Поздравление]). Чаще в русском тексте после обращения следует поздравление, в котором обычно присутствует перформативный глагол «поздравлять» [Гловинская 1993], в немецких источниках таких предложений не отмечено.

Следующей частью поздравительного текста в немецкой лингвокультуре является пожелание, которое может быть сжатым (2) или развернутым (1). Для русских поздравлений также характерно размещение пожеланий после благодарности и поздравлений:

(3) *Дамы и господа!*

От имени коллектива Союза «Торгово-промышленной палаты Нижегородской области» и от себя лично сердечно поздравляю Вас с Новым годом и Рождеством!

Пусть 2030 год станет годом новых интересных проектов и перспектив, открывающихся возможностей и финансовых успехов. Пусть Вас всегда согревает тепло семейного очага, а удача сопутствует Вам. Здоровья, благополучия и оптимизма Вам и Вашим близким!

Президент Союза «ТПП НО» П. П. Платонов [Поздравление].

В изучаемых лингвокультурах завершением поздравления является подпись автора, которой может предшествовать формула вежливости (*Viele Grüße* (2)). В состав подписи могут входить только имя и отчество/имя и фамилия (2), должность и ФИО (3) или наименование организации, от лица которой направлено поздравление (1).

4. Семантика немецких и русских поздравлений и пожеланий

Выше отмечалось, что поздравление может начинаться с общего рассуждения о празднике. Задача рассуждения — создать соответствующее настроение, напомнить о приближающемся событии. Исходя из задачи, содержание этой части в русском и немецком поздравлениях схоже:

- (4) *Говорят, Новый год — время чудес. Но я уверен, что чудеса мы создаем сами... Желаю всем нам быть стойкими, уверенными в себе... — и тогда в новом году нас будет ждать много настоящих чудес. С праздником!* [15 поздравлений].
- (5) *Das Jahr neigt sich langsam dem Ende und die Weihnachtstage stehen vor der Tür. Das ist genau der richtige Zeitpunkt, um für einen kurzen Moment der Hektik des Arbeitsalltags zu entfliehen und sich ein wenig Ruhe zu gönnen.*

Das gesamte Team von XXX möchte Ihnen an dieser Stelle frohe und erholsame Festtage wünschen. Wir hoffen, dass Sie nach einem erfolgreichen Jahr eine besinnliche Weihnachtszeit im Kreise Ihrer Liebsten verbringen können [Weihnachtssprüche].

«Год постепенно подходит к концу, и вот рождественские дни уже стучатся в дверь. Как раз сейчас подходящий момент для того чтобы отвлечься от суеты трудовых будней и позволить себе немного отдохнуть.

Весь коллектив компании XXX хотел бы пожелать Вам веселых и спокойных праздников! Мы надеемся, что окончание успешного года Вы отпразднуете за Рождественской трапезой в кругу своих родных и близких!»

В примере (5) отсутствует поздравление с праздником (сам повод не упомянут, но по пожеланиям можно догадаться, что речь идет о Рождестве), так как текст пишется на открытке, уже содержащей поздравление (рис. 1).

В приведенном примере (5) пожелания сосредоточены вокруг самого праздника: автор желает адресату веселья и отдыха в праздничные дни (25 и 26 декабря являются в Германии нерабочими днями), а также спокойного времяпрепровождения в кругу близких людей. В русских поздравлениях пожелания обычно связаны с течением всего наступающего года (рис. 2).

В русском поздравлении (см. рис. 2) пожелания не ограничиваются только праздничными днями, они направлены на весь год

Рис. 1. Немецкая рождественская открытка с деловым поздравлением [Weihnachtsgrüße]

Рис. 2. Российская новогодняя открытка с деловым поздравлением [Поздравление]

и касаются как личной жизни адресатов («пусть в ваших домах будет счастье, любовь и уют»), так и профессиональной деятельности компании-партнера («новые возможности и перспективы для процветания и успеха вашей компании... А в наших партнерских отношениях стабильность, доверие и взаимопонимание»).

Приведенные примеры немецкой и русской открыток свидетельствуют о мультимодальном характере поздравлений. В немецкой открытке он проявляется более явно, так как сама открытка представляет собой своего рода «бланк» с уже сформулированным поздравлением, который автор дополняет своими пожеланиями. В русской культуре открытка может содержать уже сформулированное поздравление или упоминание повода для поздравления, но русскоязычные авторы предпочитают продублировать поздравление в своем тексте.

В отличие от русского пожелания, немецкое пожелание традиционно сфокусировано на Рождестве:

- (6) *Ich wünsche Ihnen und Ihrer Familie frohe Festtage, Zeit zur Entspannung, Besinnung auf die wirklich wichtigen Dinge und dazu viele gute Ideen für das kommende Jahr [Weihnachtssprüche].* — «В наступающем году желаю Вам и Вашей семье счастливых праздников, времени для отдыха, размышлений о действительно важных вещах и много хороших идей».
- (7) *Zum bevorstehenden Weihnachtsfest wünsche ich Ihnen, Ihren Mitarbeitern und Angehörigen **besinnliche, erholsame** Tage und für das Neue Jahr Gesundheit sowie persönlichen und geschäftlichen Erfolg!* [Weihnachtssprüche]. — «Хотелось бы пожелать Вам, Вашим сотрудникам и Вашим близким умиротворенных, спокойных рождественских дней, а также здоровья, личных и деловых успехов в Новом году!»
- (8) *Wir wünschen Ihnen und Ihrer Familie ein frohes und besinnliches Weihnachtsfest, sowie Gesundheit, Zeit zur Entspannung und Erfolg für das kommende Jahr [Weihnachtssprüche].* — «Мы желаем Вам и Вашим близким счастливого и умиротворенного Рождества, а также здоровья, времени для отдыха и успехов в наступающем году».

В примерах (6)–(8) и в других изученных поздравлениях чаще всего встречаются пожелания спокойствия, отдыха и «спокойного созерцания» (*Besinnung*). Последнее можно трактовать как пожела-

ния гармоничного отдыха, отрешения от деловой суеты, сосредоточения на «действительно важных вещах» (*wirklich wichtige Dinge*) (6). Именно этот комплекс можно считать семантическим ядром всех пожеланий, касающихся Рождества. Кроме приведенных примеров, можно отметить и пожелания, связанные с покоем (*Ruhe*), пребыванием в кругу близких и родных людей (*im Familienkreis, im Kreise Ihrer Liebsten, im Kreise eurer liebsten Menschen*), отдыхом (*Erholung, erholsame Tage*) [Weihnachtssprüche]. Таким образом, рождественские пожелания в немецкой лингвокультуре относятся к семантическим полям «отдых», «семья», «гармония» и связываются именно с тем, как адресат проведет праздничные дни; этот вывод подтверждает наблюдение Э. Лассан, согласно которому немецкие пожелания и по случаю дня рождения в большей степени, чем русские, сосредоточены на самом празднике [Лассан 2015: 31].

Пожелания, связанные с Новым годом, более разнообразны. Наряду с традиционным *einen guten Rutsch ins Neue Jahr* (дословно: «хорошего перехода в новый год»; вариант перевода: «благополучного начала нового года») встречаются и такие, которые относятся ко всему году (6)–(8). Чаще всего немцы желают в новом году успеха (*Erfolg*) в профессиональной деятельности адресата, причем иногда конкретизируется, в чем именно должен проявляться успех:

- (9) *Auf diesem Wege möchten wir Ihnen und Ihren Familien natürlich auch ein frohes und gesegnetes Weihnachtsfest wünschen sowie Glück, Gesundheit und Erfolg im neuen Jahr. Denn schon jetzt freuen wir uns auf die gemeinsam zu bewältigenden Herausforderungen im nächsten Jahr* [Weihnachtssprüche]. — «Пользуясь случаем, мы хотели бы поздравить вас и ваши семьи с Рождеством, пожелать счастья, здоровья и успехов в новом году. Мы уже сейчас с нетерпением ждем тех задач, которые нам предстоит решать вместе в следующем году».
- (10) *Ich wünsche Ihnen viel Freude und erholsame Stunden an den besinnlichen Weihnachtstagen und für das neue Jahr einen guten Start und viel Glück und Erfolg bei all Ihren Projekten und Plänen* [Weihnachtssprüche]. — «Желаю Вам много радости и спокойствия в наполненные размышлениями рождественские дни, а в новом году — хорошего начала года, много счастья и успехов в реализации всех Ваших проектов и планов».

В последние годы в число пожеланий вошло пожелание здоровья (*Gesundheit*), что до пандемии COVID-19 не считалось уместным с точки зрения делового этикета.

Структура немецких поздравлений обуславливает и выбор грамматических конструкций, характерных для этого речевого акта. В связи с отсутствием непосредственно поздравления не зафиксирован глагол *gratulieren*, но широко распространен глагол *wünschen* ('желать'); также зафиксированы единичные случаи употребления глагола *hoffen* (5) ('надеяться'), который косвенно передает пожелание, и форм императива:

- (11) *Ich möchte mich für ein weiteres Jahr vertrauensvolle Partnerschaft ganz herzlich bei Ihnen bedanken. Bleiben Sie gesund und kommen Sie gut ins neue Jahr. Fröhliche Weihnachten und alles erdenklich Gute wünscht Ihnen X... [Weihnachtssprüche].* — «Хотел бы выразить Вам огромную благодарность за еще один год доверительного сотрудничества. Будьте здоровы и счастливого Нового года. Счастливого Рождества и всего наилучшего Вам желает X...»

Несмотря на то что глагол *gratulieren* должен быть основным для типа текста *поздравление*, он почти не встречается в новогодних и рождественских поздравлениях, а также в поздравлениях с личными праздниками (например, с днем рождения или днем свадьбы).

В русских пожеланиях, как и в немецких, часто фиксируются повествовательные предложения с глаголом (*no*)*желать* (4) (см. рис. 2). Наравне с ними распространены предложения с частицей *пусть* и эллиптические предложения (*elliptischer Satz*) с рядом существительных в родительном падеже (например, «Счастья, здоровья, удачи!»). В немецких пожеланиях схожие конструкции встречаются крайне редко:

- (12) *Zur Jahreswende herzlichen Dank für die gute Zusammenarbeit. Frohe Weihnachten und alles Gute für das neue Jahr [Texte].* — «В конце года — благодарность за сотрудничество! Счастливого Рождества и всего наилучшего в новом году!»

В примере (12) без труда «достаиваются» развернутые предложения: **Zur Jahresende [sagen wir] herzlichen Dank für die gute Zusammenarbeit. [Wir wünschen Ihnen] frohe Weihnachten und alles Gute*

für das neue Jahr. — «В конце года [мы выражаем] благодарность за сотрудничество. [Мы желаем Вам] счастливого Рождества и всего наилучшего в новом году!» Опускание предиката выражает, как и в разговорной речи, определенную эмоциональную окраску высказывания [Езан, Неборская 2016: 29].

В немецких текстах также могут использоваться императивные конструкции:

- (13) *Ich möchte mich für ein weiteres Jahr vertrauensvolle Partnerschaft ganz herzlich bei Ihnen bedanken. Bleiben Sie gesund und kommen Sie gut ins neue Jahr. Fröhliche Weihnachten und alles erdenklich Gute wünscht Ihnen X...* [Weihnachtssprüche]. — «Хотел бы выразить Вам огромную благодарность за еще один год доверительного сотрудничества. Будьте здоровы и счастливого Нового года. Счастливого Рождества и всего наилучшего Вам желает X...»

5. Различия в поводах для поздравления в русской и немецкой лингвокультурах

Отметим, что в поздравлении (13) автор сначала поздравляет с Новым годом, а затем с Рождеством. Для немецкой лингвокультуры такая последовательность необычна: дело в том, что в Германии сначала празднуется Рождество (25 декабря), а затем Новый год (1 января), причем Новый год, являясь нерабочим днем, не воспринимается немцами как значимый праздник сам по себе: об этом свидетельствует и отсутствие особых пожеланий на этот день. Для немцев важнее высказать пожелания, касающиеся всего наступающего года.

В русской лингвокультуре наблюдается иная ситуация. Поскольку сначала в России празднуется Новый год, а Рождество празднуется 7 января, причем приходится на череду нерабочих дней в начале года, то несмотря на то что большинство жителей России отмечают Рождество, как и немцы, дома с родными [ВЦИОМ], поздравления с Рождеством не приобрели, с одной стороны, клишированности, с другой стороны, такого разнообразия, как поздравления с Новым годом. Изученные нами материалы не предлагают особых пожеланий по случаю Рождества. Большинство поздравлений начинаются со слов: «Поздравляем Вас с Новым годом и Рождеством Христо-

вым!» [Поздравление], — за которыми следуют общие пожелания, относящиеся, впрочем, скорее к Новому году, чем Рождеству.

К сожалению, в учебниках по деловому этикету мало внимания уделяется поздравлениям [Капкан, Лихачева 2017; Baumgarten, Jänecke 2005], поэтому мы не можем однозначно говорить о том, с какими праздниками принято поздравлять современной бизнес-культуре. Однако сопоставление ресурсов, предлагающих готовые поздравления, позволяет утверждать, что для немецкой лингвокультуры характерны, помимо поздравлений с Рождеством и Новым годом, поздравления с днем рождения сотрудников и с корпоративными праздниками (например, по случаю дня рождения организации или аналогичному поводу). Кроме этих поводов, в российских организациях принято поздравлять с Международным женским днем, Днем защитника Отечества, а также иногда с Днем Победы. В Германии последние два праздника не отмечаются, а Международный женский день в настоящий момент воспринимается как день борьбы за равноправие женщин [BMFSFJ] и не является поводом для поздравления всех лиц женского пола.

6. Выводы

Изученный материал позволяет констатировать, что корпоративные поздравления по случаю Нового года и Рождества в немецкой и русской лингвокультурах схожи по структуре и отчасти по содержанию. Структура исследованных поздравлений на обоих языках состоит из обращения, благодарности за сотрудничество, пожеланий, формулы прощания и подписи. Важной частью поздравления в обеих лингвокультурах является благодарность в адрес делового партнера, а немецкие поздравления иногда содержат цитату-введение, связанную с Рождеством или Новым годом.

Основным способом выражения пожеланий в немецком языке являются повествовательные предложения с глаголом *wünschen*. На периферии находятся назывные предложения типа *Viel Glück im kommenden Jahr*. Для русского языка характерны конструкции с глаголом *желать* и конструкции с частицей *пусть*; чаще, чем в немецком языке, встречаются назывные предложения.

Для немецкой лингвокультуры характерны пожелания по случаю Рождества, которые не зафиксированы в русскоязычном ма-

териале. Пожелания немцев сконцентрированы в семантических полях «отдых», «семья» и «гармония» и направлены на время-препровождение адресатом праздничных рождественских дней. Немецкие поздравления с Новым годом менее объемны по сравнению с русскими, но, как и русские, нацелены на весь год и сконцентрированы как на профессиональной деятельности, так и на личной жизни адресата.

Выбор лексических средств в изученных поздравлениях подтверждает, что тип текста *поздравление* представляет акт солидарной вежливости, нацеленный на установление благожелательных отношений между коммуникантами.

При этом поздравление как тип текста реализует далеко не все средства выражения вежливости, в основном ограничиваясь именно лексическими средствами. В частности, в изученных поздравлениях не были зафиксированы формы конъюнктива, хотя они считаются одним из основных способов реализации языковой вежливости в речи [Wagner 2001].

Таким образом, с точки зрения грамматики в немецких поздравлениях преобладают повествовательные двусоставные предложения с глаголом *wünschen*. Это обусловлено, среди прочего, мультимодальным характером немецкого поздравления (открытка, на которой пишется поздравительный текст, содержит поздравление с праздником, и автор только дополняет ее соответствующим введением и пожеланиями). Лексические средства, характерные для поздравления, представлены в первую очередь единицами с положительной коннотацией из семантических полей «дом», «семья», «отдых». Использование корректных лексико-грамматических средств в поздравлениях поможет поддержать должный уровень языковой вежливости, необходимый для успешного взаимодействия между деловыми партнерами, что должно учитываться специалистами по межкультурной коммуникации.

Источники иллюстративного материала

15 поздравлений с Новым годом коллегам. URL: <https://lifehacker.ru/pozdravleniya-s-novym-godom-kollegam/> (дата обращения: 12.01.2023).

ВЦИОМ. Рождество — праздник для всех. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rozhdestvo-prazdnik-dlya-vsekh> (дата обращения: 12.01.2023).

Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. Т. 2. М.: Русский язык, 2000. 1084 с.

Поздравление с Новым годом партнерам. URL: <https://woman-gu.ru/dlya-prazdnika/pozdravleniya/s-novym-godom-partneram-oficialnye> (дата обращения: 12.01.2023).

BMFSFJ. Pressekonferenz zur Gleichstellungspolitik. URL: <https://www.bmfsfj.de/bmfsfj/aktuelles/alle-meldungen/pressekonferenz-zur-gleichstellungspolitik-174120> (дата обращения: 12.01.2023).

Duden Online. URL: www.duden.de (дата обращения: 12.01.2023).

Duden. Das Herkunftswörterbuch. Etymologie der deutschen Sprache / überarbeitete und aktualisierte Auflage. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 2015. 960 S.

Texte für geschäftliche Weihnachtskarten. URL: <https://www.designer-weihnachtskarten.de/texte-fuer-geschaefliche-weihnachtskarten.html> (дата обращения: 12.01.2023).

Weihnachtsgrüße geschäftlich [2022]. URL: <https://www.power-ecard.com/de/weihnachtsgruesse-geschaeflich/> (дата обращения: 12.01.2023).

Weihnachtssprüche geschäftlich. URL: <https://www.weihnachtssprueche.eu/weihnachtssprueche-geschaeflich> (дата обращения: 12.01.2023).

Литература

Арутюнова Н. Д. Фактор адресата // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. 1981. Т. 40, № 4. С. 356–367.

Гловинская М. Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект. М.: Наука, 1993. С. 158–218.

Егоров В. П. Этика деловых отношений. М.: Юридический институт МИИТа, 2016. 142 с.

Езан И. Е., Неборская Л. Н. Эллиптические конструкции в немецкой разговорной речи // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 11. Екатеринбург: ИП Соколова М. В. С. 27–30.

Капкан М. В., Лихачева Л. С. Деловой этикет: учеб. пособие. Екатеринбург: Издательство УрГУ, 2017. 168 с.

Колтунова М. В. Язык и деловое общение: Нормы, риторики, этикет: учеб. пособие для вузов. М.: Экономическая литература, 2002. 271 с.

Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Языки славянских культур, 2009. 512 с.

Лассан Э. Культурные сценарии мышления и этикетные интернет-жанры (об интернет-поздравлениях в четырех культурах) // Коммуникативные исследования. 2015. № 4 (6). С. 22–40.

Медведева Е. В. Рекламная коммуникация. М.: Едиториал УРСС, 2003. 280 с.

Немчинова Н. В. Корпоративная поздравительная открытка: коммуникативный и деловой аспект // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. № 86. С. 217–221.

Низзева Д. Р. Фреймовый анализ речевого акта «Поздравление» (на материале немецкого языка) // Вестник ЧГУ. 2009. № 1. С. 257–260.

Формановская Н. И. Русский речевой этикет: лингвистический и методологический аспекты. М.: Ленанд, 2020. 160 с.

Baumgarten A., Jänecke B. Rußlandknigge. Berlin; Boston: Oldenbourg Wissenschaftsverlag, 2005. 276 S.

Rathmayr R. Höflichkeit als kulturspezifisches Konzept: Russisch im Vergleich // Wechselbeziehungen zwischen slawischen Sprachen, Literaturen und Kulturen in Vergangenheit und Gegenwart / Hrsg. J. Ohnheiser. Innsbruck: Verl. des Inst. für Sprachwissenschaft, 1996. S. 174–185.

Wagner K. R. Pragmatik der deutschen Sprache. Frankfurt am Main, Peter Lang, 2001. 495 S.

References

Arutiunova N. D. Factor of addressee. *Izvestiia AN SSSR. Ser. literatury i iazyka*, 1981, Vol. 40, no. 4, pp. 356–367. (In Russian)

Baumgarten A., Jänecke B. Rußlandknigge. Berlin, Boston, Oldenbourg Wissenschaftsverlag, 2005, 276 S.

Egorov V. P. *Business ethics*. Moscow, Iuridicheskii institut MIITa Publ., 2016, 142 p. (In Russian)

Formanovskaia N. I. *Russian communication etiquette: Linguistic and methodological aspects*. Moscow, Lenand Publ., 2020, 160 p. (In Russian)

Glovinskaia M. Ia. Semantics of locutionary verbs in frames of speech acts theory. *Russkii iazyk v ego funktsionirovanii: Kommunikativno-pragmaticheskii aspekt*. Moscow, Nauka Publ., 1993, pp. 158–218. (In Russian)

Jesan I. J., Neborskaia L. N. Elliptic structures in German conversational speech. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal*. 2016, no. 11. Ekaterinburg: IP Sokolova M. V. Publ., pp. 27–30. (In Russian)

Kapkan M. V., Lihacheva L. S. *Business ethics*. Study book. Ekaterinburg, Ural University Publ., 2017. 168 p. (In Russian)

Koltunova M. V. *Language and business communication: Norms, rhetoric, etiquette: Workbook for universities*. Moscow, Ekonomicheskaja literature Publ., 2002, 271 p. (In Russian)

Larina T. V. Category of politeness and communication style: Comparison study of English and Russian traditions. Moscow, Iaz. slavianskikh kul'tur Publ., 2009, 512 p. (In Russian)

Lassan E. Cultural scenarios of thinking and etiquette Internet-genres (on Internet gratulation in four cultures). *Kommunikativnye issledovaniia*. 2015. no. 4(6). Omsk: OmGU Publ., pp. 22–40. (In Russian)

Medvedeva E.V. *Advertisement communications*. Moscow, Editorial URSS Publ., 2003, 280 p. (In Russian)

Nemchinova N.V. Business greeting card: communicative and corporative aspects. *Izvestiia RGPU im. A. I. Gertsena*, 2008, no. 86, pp. 217–221. (In Russian)

Nizeeva D.R. Frame analysis of speech act “Gratulation” (in German language). *Vestnik ChGU*, 2009, no. 1, pp. 257–260. (In Russian)

Rathmayr R. Höflichkeit als kulturspezifisches Konzept: Russisch im Vergleich. *Wechselbeziehungen zwischen slawischen Sprachen, Literaturen und Kulturen in Vergangenheit und Gegenwart*. J. Ohnheiser (Hrsg.) Innsbruck, Verl. des Inst. für Sprachwissenschaft, 1996. S. 174–185.

Wagner K.R. *Pragmatik der deutschen Sprache*. Frankfurt am Main, Peter Lang, 2001. 495 S.

Жилюк Сергей Александрович

доцент кафедры немецкой филологии СПбГУ, кандидат филологических наук
Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Sergei A. Zhiliuk

Associate Professor of German Philology Department, St. Petersburg State University,
Candidate of Philological Sciences
Address: 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

E-mail: s.zhilyuk@spbu.ru

Статья поступила в редакцию 23 января 2023 г.
Принята к публикации 26 апреля 2023 г.

ЛАСКОВЫЕ ОБРАЩЕНИЯ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ И ВОЗМОЖНОСТИ ИХ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ С ПОЗИЦИИ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА

Для цитирования: *Никитина О. А., Гудкова О. А.* Ласковые обращения в немецком языке и возможности их лексикографического описания с позиции лингвокультурологического подхода // *Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете.* 2023. Вып. 13. С. 177–197. <https://doi.org/10.21638/spbu33.2023.109>

В статье предпринимается попытка проанализировать с лингвистической и лингвокультурологической точек зрения языковые феномены, выполняющие функцию ласковых этикетных выражений в немецком языке, — ласковые обращения. Обсуждаются терминологические проблемы, связанные с определением статуса ласковых обращений как первоэлемента ласковой речи, выявляются основные способы их образования в современном немецком языке, описываются их семантические и словообразовательные особенности, а также присущие им коннотации. Ласковые обращения рассматриваются в статье как языковые универсалии, обладающие, наряду с другими формами речевого этикета, особой культурогенностью, обусловленной их способностью выражать типовые эмотивно-оценочные реакции, кумулировать ценности народа, а также представлять наиболее значимые для членов лингвокультурной общности стереотипы и эталоны. Делается вывод о том, что данный тип этикетных выражений требует синкретичного, синергетического подхода для их описания, не ограничивающегося лишь структурно-семантической классификацией. Необходимо изучать и интерпретировать элементы значения ласковых обращений, образов, особенностей функционирования в категориях конкретной лингвокультуры через призму культурных стереотипов, представлений и установок. Проведенный анализ эмпирического материала показал, что ласковые обращения создаются говорящими главным образом путем использования метафорических и метонимических образов, дополняемых диминутивной суффиксацией и словосложением. Наиболее продуктивным в этой функции является биоморфный культурный код. Далее излагается ряд концептуальных соображений о структуре и содержании разрабатываемого словарного пособия ласковых обращений в немецком языке с культурно-историческими комментариями, приводится пример словарной статьи. Лингвокультурологический комментарий внутренних форм ласковых обращений между супругами или влюбленными позволяет описать на основе ассоциативно-образного мышления культурное стереотипное видение и восприятие партнеров в определенном социуме и сделать вывод о том, что употребление языковых символов в функции ласковых обращений обусловлено (в том числе) архетипическими представлениями, ми-

фологемами, а также общественными стереотипами и установками, сложившимися в немецком лингвокультурном сообществе.

Ключевые слова: ласковые обращения, этикетные выражения, словообразование, лингвокультурологический комментарий, лексикография.

O. A. NIKITINA, O. A. GUDKOVA
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

TERMS OF ENDEARMENT IN GERMAN AND THE ASPECTS OF THEIR LEXICOGRAPHIC DESCRIPTION WITHIN THE FRAMEWORK OF THE LINGUOCULTUROLOGICAL APPROACH

For citation: Nikitina O. A., Gudkova O. A. Terms of endearment in German and the aspects of their lexicographic description within the framework of the linguoculturological approach. *German Philology in St. Petersburg State University*, 2023, iss. 13, pp. 177–197. <https://doi.org/10.21638/spbu33.2023.109> (In Russian)

The article discusses the terms of endearment that function as the affectionate etiquette expressions in German. Some terminological problems related to determining their status as the primary element of intimate discourse are considered. The main ways of building of terms of endearment as well as their semantic and derivational features are revealed. The terms of endearment are considered to be the linguistic universals that have the special cultural potency due to their ability to express typical emotive and evaluative reactions and represent the most significant stereotypes and standards of the linguocultural community. The describing of the terms of endearment requires a synergetic approach, which is not limited only to structural and semantic classification. It is necessary to study and interpret the images in the categories of a particular linguistic culture through the prism of cultural stereotypes, ideas and attitudes. The terms of endearment are created by speakers mainly through the use of metaphorical and metonymic images supplemented by diminutive suffixation and word composition. The most productive is the biomorphic cultural code. In addition, the article presents some conceptual considerations about the structure and content of the dictionary of German terms of endearment with cultural and historical comments. The linguoculturological comment on the inner forms of terms of endearment allows describing the cultural stereotypical vision and perception of partners. The use of linguistic symbols in the terms of endearment is due to archetypal ideas, mythologems, as well as social stereotypes and attitudes in the German linguistic and cultural community.

Keywords: the terms of endearment, etiquette expressions, word formation, linguistic and cultural comments, lexicography.

1. Исходные положения

Понятие вежливости трактуется в современных лингвистических исследованиях неоднозначно. Так, например, Е. А. Земская рассматривает вежливость как «специфическую категорию комму-

никативно-прагматического характера, регулиующую речевое поведение человека» [Земская 1994: 131], подчеркивая при этом, что понятие речевого этикета (как набора устойчивых формул общения в определенных коммуникативных ситуациях) целесообразно отграничивать от категории вежливости, распространяющейся не только на повторяющиеся ритуализированные формулы типа приветствия, прощания, благодарности и т. п., но на более широкий круг разнообразных явлений. Напротив, согласно Н. И. Формановской, речевой этикет является неотъемлемой частью вежливости [Формановская 2020: 96–99], поскольку владение правилами речевого этикета позволяет человеку не только установить и поддерживать контакт с собеседником, но и продемонстрировать вежливое отношение, породить доверие и уважение.

Речевой этикет реализуется не только как узуальное речевое поведение, вызванное знанием специфических особенностей употребления языковых единиц, но и как важная часть культуры, содержащая систему национально и культурно специфичных стереотипных формул общения, принятых и предписанных обществом для установления, поддержания и прерывания контакта собеседников в избранной тональности. Речевой этикет как совокупность правил речевого поведения определяет множество социально значимых позиций говорящих, в том числе степень их знакомства или незнакомства, равенство или неравенство в ситуации общения, степень доверительности, интимности, фамильярности, холодности и т. п. в акте коммуникации.

Владение речевым этикетом предполагает, среди прочего, выбор форм обращения, продиктованный распознаванием социального статуса и социальной роли собеседника относительно самого говорящего, степенью знакомства с собеседником, характером взаимоотношений с ним, официальностью/неофициальностью обстановки, тональностью общения и пр. В нашей работе речь пойдет об обращениях, используемых в так называемой ласковой речи (нем. *zärzliches Sprechen / zärtliche Sprache*, англ. *intimate talk/discourse*). Согласно Б. Штайнке [Steinke 2022], специфическими признаками коммуникативной ситуации, конфигурирующими модальность ласковой речи, являются социальные роли говорящих — влюбленные, характер взаимоотношений между говорящими — состоящие в отношениях в паре, тональность акта коммуникации — интимное, доверительное общение, а также испытываемые говорящими

друг к другу эмоции — любовь, нежность, привязанность. Исследуя различные языковые аспекты отношений между влюбленными, Э. Лайзи [Leisi 1978] постулирует наличие характерного для ласковой речи особого «приватного языкового кода» (нем. *Privatcode*), отражающегося, в частности, в выборе специфических языковых единиц для обращения. Называние любимого человека индивидуальным именем акцентирует уникальность адресата, выражает целый спектр положительных эмоций, испытываемых со стороны говорящего, — чувств нежности, привязанности, любви, доверия.

Вербальное выражение признательности, привязанности, любви — в устной или письменной форме — происходит чаще всего конфиденциально и недоступно для всеобщего наблюдения. Поэтому, говоря о недостаточной исследованности ласковых обращений в современной лингвистике, Б. Шпилнер отмечает трудности сбора фактического материала [Spillner 2011: 264]. В то же время наши наблюдения показывают, что в последнее время в немецкоязычном интернете активно обсуждаются вопросы о ласковых обращениях. На разных сайтах проводятся опросы о том, какие обращения используются в личной жизни, составляются списки ласковых слов, выражается отношение к ласковым обращениям. Это говорит о том, что вопрос о ласковых обращениях имеет определенную социальную и культурную значимость. Поэтому представляется интересным проанализировать с лингвистической точки зрения языковые феномены, выполняющие функцию ласковых обращений в немецком языке.

Предпринимаемое исследование нацелено на решение следующих задач:

- 1) проанализировать терминологические проблемы, связанные с определением статуса ласковых обращений как первоэлемента ласковой речи;
- 2) выявить основные способы создания ласковых обращений в современном немецком языке, описать их семантические и словообразовательные особенности, а также присущие им коннотации;
- 3) описать лингвокультурные особенности ласковых обращений в немецком языке и рассмотреть возможности их лексикографического представления для лиц, не являющихся носителями немецкого языка.

Эмпирическую базу исследования составило содержание интернет-ресурса *Kosenamen-Liste von A bis Z*, представляющего собой базу данных ласковых этикетных выражений, употребляемых носителями немецкого языка и культуры [*Kosenamen-Liste*]. Общее количество представленных на сайте ласковых обращений составляет 1953 единицы. Все единицы расклассифицированы на сайте по алфавиту, а также категоризированы по ключевым словам или группам (например, ласковые обращения для женщин, ласковые обращения для мужчин, универсальные обращения, топ-10 самых популярных ласковых этикетных выражений в немецком языке и т. д.). Отбор иллюстративного материала на ресурсе *Kosenamen-Liste von A bis Z* осуществлялся нами с учетом образа, заложенного во внутренней форме языковой единицы, представляющего интерес с точки зрения лингвокультурологического подхода. Общий объем выборки составил 347 ласковых обращений. Все единицы были проанализированы с точки зрения специфики их словообразовательной структуры, содержательных характеристик, их семантических и лингвокультурных особенностей, присущих им коннотаций, становления и функционирования. В статье представлены наиболее яркие иллюстративные примеры из общей выборки.

Методологические основы исследования заданы теоретическими позициями лексикологии и теории словообразования и лингвокультурологии, с привлечением знания из смежных наук (мифологии, фольклора, символоведения, культурологии).

2. Особенности ласковых обращений в немецком языке

Использование ласковых обращений маркирует наличие близких, доверительных отношений между собеседниками, усиливает парную идентичность, эмоциональное принятие друг друга и одновременно способствует отграничению вовне, так как употребление ласковых обращений допустимо только в рамках существующих близких отношений [Schiller 2007: 161; Nübling 2014: 104, 107]. Ласковые обращения носят, как правило, сокровенный характер и сохраняются в тайне, поскольку их раскрытие третьим лицам может вызвать неприятные ощущения как у участников близких отношений, так и у посторонних [Spillner 2011: 264; Nübling 2014: 108].

В немецкоязычной лингвистической литературе для обозначения исследуемого явления используется термин «ласковые имена»

(нем. *Kosenamen*), а подобные языковые феномены рассматриваются в разделе ономастики, наряду с неофициальными личными именами и прозвищами [Seibicke 1982; Naumann 1996]. Между тем отнесение ласковых наименований к именам собственным представляется проблематичным, поскольку особенностью последних является отсутствие лексического значения и, как следствие, их исключительно идентификационная, дейктическая функция [Steinke 2022]. Однако ласковые наименования, так же как и апеллятивы, обладают значением и используются не только для идентификации, но и для характеристики обозначаемого лица. Кроме того, в отличие от личных имен, становящихся узаконенными лишь в результате определенной (официальной) процедуры, «ласковые наименования» являются часто случайными и временными образованиями.

С другой стороны, имена (собственные или нарицательные) могут выступать в качестве ядра именных синтагм для выражения различных синтаксических функций. Однако типичным для ласковых наименований является то, что они ограничены синтаксически функцией обращения и, как правило, не используются в третьем лице. Поэтому представляется более логичным использовать для исследуемого в данной статье языкового феномена термин «ласковые обращения». Примечательно, однако, то, что основная цель ласковых обращений заключается не столько в привлечении внимания собеседника, сколько в выражении отношения привязанности и любви к нему. Вокативная синтаксическая функция ласковых обращений играет значительно меньшую роль, чем социальная коммуникативно-прагматическая функция, направленная на поддержание и стабилизацию отношений в паре.

Остановимся также на отличии прозвищ (нем. *Spitznamen*) от ласковых обращений. Прозвища используются в рамках коммуникации в группе. Зачастую они указывают на специфические особенности внешности или характера обозначаемого лица и служат критическим или юмористическим целям. Как правило, клички редко выступают в качестве обращений, а иногда и вовсе остаются неизвестными обозначаемому лицу. В отличие от прозвищ, ласковые имена используются почти исключительно в рамках коммуникации в паре, как самостоятельные обращения или в сочетании с другими формами обращений. Они выражают различные оттенки эмоциональных интимных отношений (признание, позитивную

оценку, привязанность, юмор, похвалу) и, как правило, известны лишь непосредственным партнерам по коммуникации в паре.

По способу создания можно выделить четыре основных разновидности ласковых обращений:

- 1) ласковые обращения на базе личного имени партнера. Как правило, это гипокористические формы, образованные путем усечения основы имени или путем диминутивной суффиксации, обладающие разной степенью конвенциональности в обществе (например, *Stefanie* — *Stef, Steffi, Fanny, Nanny, Finnchen, Peppi, Tiffi*);
- 2) ласковые обращения, созданные на основе апеллятивов немецкого происхождения, путем их метафоризации или метонимизации, часто в сопровождении словообразовательной деривации с помощью диминутивных суффиксов и/или словосложения (например, *Schatz, Engelchen, Schnucki, Herzlilein, Löckchen, Pfötchen, Wattewölkchen*);
- 3) ласковые обращения, образованные на базе заимствованных слов, часто англоязычного происхождения (например, *Boobsy, Bunny, Cookie, Cosy, Cutie, Forgylein, Honey-Bunny, Huggy, Joujou, Kittycat, Lovley, Sweety*);
- 4) ласковые обращения, представляющие собой авторские креативные гипокористические новообразования, не имеющие прототипов среди нарицательных имен (например, *Muckelchen, Mimilein, Urmelmurmelmel, Utzibutzi, Zumsel*).

В нашей работе объектом изучения являются ласковые обращения второй группы, образованные на основе нарицательных существительных путем семантической и/или словообразовательной деривации.

3. Семантические особенности ласковых обращений в немецком языке

Наблюдения над языковым материалом показывают, что самым частым и традиционным способом в немецком языке является образование ласковых имен на основе метафорического или метонимического переноса. В зависимости от семантики исходных лексем, на базе которых создаются ласковые обращения, можно выделить несколько групп обозначений.

К первой группе относятся ласковые обращения, образованные на основе зоометафоры, подчеркивающие особенные качества обозначаемого лица путем установления общности внешних признаков, чувственных и эмоциональных ощущений (например, *Bär, Biene, Maus, Hase, Schnecke, Spatz, Tiger*). При этом несущественные и прагматические признаки исходного слова становятся семантически доминирующими при формировании переносного значения ласкового имени. Так, например, для метафоры *Schnecke*, употребленной по отношению к возлюбленной, аспектом сравнения может быть небольшой размер и недоступность для непосредственного контакта. Раковина улитки воспринимается как «домик», тем самым одновременно порождается новый смысл — домашнее, уютное существо, нуждающееся в защите и заботе. Вместе с тем нельзя исключить и перенос наименования по сходству с эротически притягательной частью тела возлюбленной. Определенную роль в формировании этого ласкательного обращения сыграл, возможно, и тот факт, что в XIX в. незамужние немецкие девушки носили прическу в виде заплетенных косичек, сложенных за ушами по спирали в форме раковины улитки.

Ласковые обращения, возникшие на основе зоонимической метафоры, можно условно подразделить на две подгруппы. С одной стороны, это наименования крупных, часто опасных животных, на базе которых образуются обращения, предназначенные преимущественно мужчинам (например, *Bär, Hengst, Tiger, Wolf*). Использование таких ласковых обращений подразумевает «приручение» большого, сильного и свободолюбивого партнера, превращая его в «ласкового и нежного зверя». С другой стороны, большое количество ласкательных обращений образовано от зоонимов, обозначающих небольших животных или их детенышей, птиц и насекомых (например, *Biene, Hase, Igel, Käfer, Katze, Küken, Löwenbaby, Maus, Motte*). Выбор таких апеллятивов в качестве баз для последующего метафорического переноса не только отражает субъективное восприятие говорящим особенностей поведения и внешности возлюбленной или возлюбленного, но и подчеркивает, что она или он нуждаются в защите и покровительстве со стороны партнера. Для этого сознанием говорящего избираются образы беззащитных существ, обычно небольших по размеру или детенышей.

Ко второй группе можно отнести метафорические ласковые обращения, в основе которых лежат наименования продуктов

питания, чаще всего лакомств и кондитерских изделий (например, *Gummibär, Honig, Kekes, Marmelade, Sahnetörtchen, Schokomuffin, Zuckerbohne*). Сладкое ассоциируется с любовью, радостью, поощрением, поэтому в таких ласковых обращениях реализуется восприятие партнера как источника чувственных удовольствий.

Третью группу образуют ласковые обращения, метафорически переосмысляющие названия мифологических, библейских и сказочных персонажей, прочно закрепившихся в сознании носителей языка и наделенных определенными качествами (например, *Adonis, Amazönchen, Amur, Engel, Dornröschen, Froschkönig, Göttin, König/Königin, Prinz/Prinzessin, Teufel, Venus*). Выбирая ласковые обращения, восходящие к персонажам легенд, сказок или прецедентным именам, говорящий стремится, по-видимому, подчеркнуть, что любимый человек привносит в жизнь элементы фантастичности, сказочности, поднимая любовные отношения над реальностью. Образы, создаваемые ласковыми обращениями *König/Königin, Prinz / Prinzessin*, отождествляют любимого человека с лицом высшего сословия или существом, обладающим особой силой, что опять же позволяет выразить положительную оценку, подчеркнуть ценность адресата для говорящего, указать на зависимость говорящего от любимого человека.

В четвертую группу входят ласковые обращения, в основе которых лежат названия драгоценностей (например, *Edelstein, Goldstückchen, Juwel, Perle, Schatz/Goldschatz*). Выбор таких апеллятивов призван подчеркнуть важность и ценность партнера для говорящего. Вместе с тем в использовании подобных метафор, особенно в сочетании с притяжательным местоимением *mein/meine*, проявляется стремление обладать любимым человеком, подобно обладанию сокровищем.

Пятую группу составляют обращения, образованные на базе фитонимов (например, *Blume, Butterblume, Gänseblümchen, Kak-tusblume, Kirschblüte, Kleeblatt, Lotusblüte, Maiglöckchen, Pusteblume, Rose, Sonnenblume, Veilchen, Zitrusblüte*). Наблюдения над языковым материалом показывают, что в качестве исходных используются чаще всего названия цветов и соцветий женского рода. Это позволяет предположить, что флористическая метафора адресована прежде всего женщине.

Отдельную группу образуют ласковые имена, происходящие от названий небесных тел и связанных с ними явлений (напри-

мер, *Sonne, Sonnenlicht, Sonnenschein, Sonnenstern, Stern, Sternenlicht, Sternenschein, Sternschnuppe*). Свет является символом счастья, радости, жизни. Используя астрономическую метафору, говорящий подчеркивает, что любимый человек воспринимается им как источник сияния, света, тепла, освещающего и облагораживающего мир вокруг.

Что касается ласковых обращений, образованных путем метонимического переноса, то они немногочисленны. Чаще всего в их основе лежат наименования частей тела, которые, по-видимому, вызывают особую симпатию партнера. Как правило, метонимический перенос сопровождается диминутивной суффиксацией (например, *Bärtchen, Füßchen, Öhrchen, Popöchen*). Также встречаются сложные существительные, характеризующие часть тела животного (например, *Hamsterbäckchen, Hasenpfötchen, Hasenschwänzchen, Katzenpfötchen, Krähenfüßchen, Tigerpfote*). Такой способ создания ласковых обращений можно рассматривать как метафтонимию — синтез метафоры и метонимии, при котором метафора создает необходимый образ, а метонимия усиливает его экспрессивность.

Анализ языкового материала показывает, что семантические преобразования значений исходных лексем сопровождаются, как правило, активными словообразовательными процессами. Поэтому далее остановимся на этом аспекте более подробно.

4. Словообразовательные особенности ласковых обращений в немецком языке

По словообразовательной структуре ласковые обращения являются чаще всего производными существительными, образованными при помощи диминутивных суффиксов *-chen, -i, -lein, -e(r)l, -le/-li*. Наиболее продуктивным является суффикс *-chen*, с помощью которого образуются ласковые обращения преимущественно от основ существительных (например, *Bärchen, Bienchen, Engelchen, Fünkchen, Glöckchen, Herzchen, Käferchen, Mäuschen, Nüsschen, Püppchen, Schätzchen, Tigerchen, Wölkchen*), а также от основ глаголов (например, *Kuschelchen, Liebchen, Schnätzchen, Schnuffelchen*) и прилагательных (например, *Kleinchen, Leckerchen, Süßchen*).

Широко распространены производные существительные с суффиксом *-i* (например, *Hasi, Herzi, Knöpfli, Lausi, Mausli, Schatzli, Schnuckli, Spatzli*).

Исконно немецкий диминутивный суффикс *-lein* несколько менее продуктивен при образовании ласковых обращений (например, *Entlein, Fröschlein, Hexlein, Liebelein*).

В изученном материале представлены также производные существительные, образованные с участием одновременно двух диминутивных суффиксов (например, *Hasilein, Herzlilein, Krümelchen, Mäuselchen, Muschilein, Papilein, Putzilien, Stoffelchen*).

Ласковые обращения, образованные при помощи диминутивных суффиксов от одной основы, можно сгруппировать в словообразовательные синонимические ряды, обладающие одинаковым или близким значением, например: *Bärchen — Bärchi — Bärli — Bärlein; Häschen — Hasi — Hasilein — Hasili*.

Вторую группу ласковых обращений образуют сложные существительные, в качестве основных компонентов которых могут выступать как основы непроизводных лексем (например, *Zauberstern*), так и собственно диминутивные дериваты (например, *Morgentautröpfchen*).

Анализ языкового материала позволяет выделить среди композитов несколько групп в зависимости от семантики участвующих компонентов и их роли в создании внутренней формы. Самую большую группу составляют ласковые обращения, представляющие собой сочетание описанных выше метафорических и метонимических моделей в различных комбинациях. Наиболее часто встречаются следующие:

- двойная зоонимическая метафора (например, *Bärmaus, Hasenmaus, Lausemaus, Spatzmäuschen, Tigermaus, Mausebär, Hasenbär, Krötenbär, Bärtiger*);
- гастрономическая метафора + зоонимическая метафора (например, *Erdbeermaus, Honigbär, Honigbärchen, Honigschnecke, Schokomaus, Schokotierchen, Zimtfischchen, Zimttiger, Zuckerbienenchen, Zuckerhäschen*);
- гастрономическая метафора + метонимический перенос названия части тела (например, *Erdbeermäulchen, Himbeerpfötchen, Himbeermund, Honigbusen, Honigmäulchen, Sahnero, Zuckermäulchen, Zuckerschnäützchen*);
- гастрономическая метафора + флористическая метафора (например, *Honigblume, Honigblüte*);

- астрономическая метафора + мифологическая метафора (например, *Mondgöttin*, *Mondscheinengel*, *Sonnengöttin*, *Sternengelchen*, *Sternenfee*);
- гастрономическая метафора + мифологическая метафора (например, *Sahneprinz*, *Schokogöttin*, *Schokozweg*);
- астрономическая метафора + зоонимическая метафора (например, *Sonnenmaus*, *Sonnenschneckenchen*).

Как видно из приведенных примеров, отдельный метафорический образ оказывается часто недостаточным для выражения всего спектра эмоций и ощущений, испытываемых влюбленным по отношению к партнеру. В таких случаях эмоциональное воздействие основной метафоры усиливается путем прибавления к ней метафорически переосмысленного определительного компонента, в результате чего возникает новый образ, позволяющий более полно передать испытываемые чувства любви, нежности, привязанности. Стремление выразить одновременно несколько смыслов побуждает влюбленных искать нетривиальные способы выражения вербальной нежности.

Весьма значительной по объему является также группа сложных существительных, в качестве первых (определятельных) компонентов которых выступают основы глаголов, обозначающих различные ласковые действия по отношению к партнеру (например, *Kitzelfüßchen*, *Kuschelbär*, *Knuddelfee*, *Knutschkugel*, *Knuffelbacke*, *Schmusekater*, *Streichelmaus*). Примечательно, что с помощью глагольных основ в качестве первых компонентов образуются целые серии ласковых наименований. В изученном языковом материале наиболее часто используются основы глаголов *kuscheln* — ‘ласкать, нежно лнуть’ (например, *Kuschelbärchen*, *Kuschelfee*, *Kuschelhäschen*, *Kuschelkätzchen*, *Kuschelkeks*, *Kuschelküßchen*, *Kuschelmaus*, *Kuschelmonster*, *Kuscheltiger*) и *schmusen* — ‘ласкаться, ластился’ (например, *Schmusebäckchen*, *Schmusebär*, *Schmusehase*, *Schmusekater*, *Schmuseliebchen*, *Schmusemaus*, *Schmuseteddy*, *Schmusetiger*). В некоторых случаях глагольная основа в составе сложного слова передает индивидуальные характеристики обозначаемого человека, подчеркивая отличительные особенности его поведения, например: *Hoppelhäschen* — ‘зайка-попрыгайка’, *Schmunzelhase* — ‘зайка-улыбайка’, *Grinsekatz* — ‘хитро улыбающаяся кошка’, *Schnuffelbär* — ‘сопящий мишка’, *Schnarchbär* — ‘храпящий мишка’. Кроме того, для

придания ласковым обращениям особого фонетического эффекта ласкательности часто используется прием аллитерации (например, *Knuffelbuffel, Kuschemuschel, Kuschelwuschel, Schnuffelknuffel* и др.).

К отдельной группе ласковых обращений можно отнести метафорически переосмысленные композиты, содержащие в своей внутренней форме фантазийный образ объекта привязанности. При этом наиболее распространенными определительными компонентами являются: *Zauber-* (например, *Zauberfee, Zauberhase, Zaubermaus, Zauberschnecke, Zauberstern*), *Stern-* (например, *Sternengelchen, Sternfee, Sternkind, Sternstäubchen*), *Mond-* (например, *Mondfee, Mondgöttin, Monscheinengel, Mondstäubchen*), *Sonne-* (например, *Sonnenfee, Sonnengöttin, Sonnenmaus, Sonnenschein, Sonnenschneckenchen, Sonnenstäubchen, Sonnenstern*). Метафорически переосмысленная семантика первых компонентов обуславливает эмоционально-оценочную интерпретацию создаваемых образов как неземных, волшебных.

Особую группу образуют композиты, в качестве первых компонентов которых выступают основы существительных, обозначающих вкусную еду, лакомства. Наиболее продуктивными из них являются: компонент *Zucker-* (например, *Zuckerbohne, Zuckerkeks, Zuckerm Maus, Zuckerperle, Zuckerpuppe, Zuckerröllchen, Zuckerschnäuzchen, Zuckerschneckenchen, Zuckerstäbchen, Zuckerwölkchen*); компонент *Honig-* (например, *Honigbär, Honigbieber, Honigblume, Honigfee, Honighase, Honigkuchenbärchen, Honigsemmel*); компонент *Sahne-* (например, *Sahnebällchen, Sahnebärchen, Sahnekirsche, Sahneprinz, Sahneschnitte, Sahnetörtchen, Sahnetrüffelchen*); компонент *Schoko-* (например, *Schokobaby, Schokobärli, Schokoflocke, Schokogöttin, Schokomuffin, Schokotierchen, Schokozweig*); компонент *Erdbeer-* (например, *Erdbeerengel, Erdbeerhasi, Erdbeermaus, Erdbeerpfötchen, Erdbeertörtchen*); компонент *Butter-* (например, *Butterbirne, Butterböhnchen, Butterblume, Butterflöckchen*) и др.

Кроме того, среди ласковых обращений встречаются также существительные, образованные при помощи конверсии от основ прилагательных, характеризующих типичные качества называемого человека, особенно во внешнем облике, например: *Kleines, Süßer, Großer, Dicki, Schöne*.

Любопытной особенностью ласковых наименований является их образование от (основ) слов, которые в литературном языке имеют пейоративную коннотацию или даже относятся к разряду

обценной лексики, например: *Ärschen/Arschi, Hexe/Hexlein/Hexi, Kröte/Krötchen/Kröti/Krötenbär, Monster/Monsterbacke/Kuschelmonster/Krümelmonster, Mistbiene/Miststückchen, Rübe/Rübensüßchen, Specki/Speckimaus/Mausespeck, Scheißerchen, Stinkepups/Stinkewitz/Stinkibär* и др. Мелиорация отрицательно коннотированных лексем и их использование в качестве исходного материала для создания ласковых наименований позволяют предположить высокую степень доверительности отношений, проявляющееся в своеобразном языковом раскрепощении, а также наличие определенной доли юмора как со стороны говорящего, так и со стороны адресата. Ласковые обращения такого рода служат своего рода демаркационной линией интимной коммуникации в паре и коммуникации вовне.

5. Лингвокультурные особенности ласковых обращений в немецком языке и возможности их лексикографического представления

Как уже было отмечено выше, функцией ласковых обращений является выражение со стороны говорящего чувств любви, нежности, доброго расположения, уважения, т. е. всего спектра вежливых, положительных эмоций по отношению к партнеру по коммуникации.

При этом ласковые этикетные выражения непосредственно между супругами или влюбленными являются, по мнению ученых, своего рода индикатором отношений, расстановки сил, а также сложившихся привычек в паре. Многие исследователи указывают при этом на то, что ласковые обращения выполняют функцию пароля, означающего «ты можешь узнать меня (или, по нашему мнению, мое отношение к тебе) по тому, как я к тебе обращаюсь» [Кронгауз 2004: 172].

Ласковые обращения являются языковой универсалией. Однако наряду с другими формами этикетных выражений данные языковые единицы обладают культурогенностью, которая обусловлена, по мнению Г. В. Токарева, тем, что этикетные выражения являются общеупотребительными, эксплицируют стандарты многообразных явлений действительности, типовые эмотивно-оценочные реакции на них, кумулируют ценности народа, репрезентируют наиболее существенные для членов лингвокультурной общности стереотипы и эталоны [Токарев 2013: 84].

Декодирование символических культурных коннотаций, заложенных внутри образа лексической единицы, является одним из по-

пулярных способов описания лексического значения в современных лексикографических изданиях. Лингвокультурологический подход к трактовке внутренних форм ласковых обращений как культурно маркированных языковых единиц позволяет через анализ культурных коннотаций и символьное прочтение их образной основы обосновать мотивацию использования культурно-языкового символа, составляющего внутреннюю форму языковой единицы, в качестве ласкового обращения, эксплицирующего стереотипное видение носителями немецкого языка вторых половинок. Таким образом, этот подход позволяет, привлекая знания из других наук (мифологии, фольклора, символоведения, культурологии и т. д.), раскрыть глубинные причины, которые легли в основу выбора того или иного образа, служащего для характеристики манер поведения, чувств, черт характера, внешних характеристик и т. д. супругов или возлюбленных. И таким образом, лингвокультурологическая трактовка внутренней формы подобных единиц позволяет описать на основе ассоциативно-образного мышления культурное стереотипное восприятие близких людей, к которым испытывают чувство любви или влюбленности в немецком социуме. Данный комментарий может продемонстрировать, как складывалось символьное основание ласкового обращения и как оно превращалось в эталонное представление, отражая выработанные долгим опытом и передаваемые из поколения в поколение представления о «портретах» влюбленных/супругов — их внешних характеристик, манер поведения, черт характера, испытываемых к ним чувств и т. д.

Данная идея легла в основу концепции разработки экспериментального выпуска словарного пособия ласковых обращений с культурно-историческими комментариями. Нас интересовали общеизвестные, распространенные ласковые обращения, а не ситуативно обусловленные и индивидуально мотивированные формы.

Все словарные единицы классифицируются в алфавитном порядке по отнесенности к характеризующему ими полу. Словарная статья включает три основные части:

- 1) толкование значения ласкового обращения;
- 2) культурно-исторический комментарий к толкованию внутренней формы языкового символа;
- 3) итоговый комментарий по употреблению формы ласкового обращения.

Рассмотрим пример словарной статьи из разрабатываемого нами проекта на конкретном примере использования образа голубя в качестве ласкового обращения к возлюбленной [Gudkova 2013: 42–43].

TAUBE *f* / **TÄUBCHEN** *n* — ‘голубка (моя)’

1. Партнер чтит свою вторую половинку, уважает ее кротость, мягкость характера и доброту. А также, с другой стороны, считает ее очень женственной, чувственной и желанной.

2. Почтение, которое проявляется к образу голубя, обосновывается в первую очередь христианской точкой зрения о том, что голубь является символом Святого Духа. Святой Дух почти всегда изображается в виде голубя при благовещении Марии, в изображении Троицы и сцен Божественного вдохновения. Это представление распространено у всех христианских народов [HWA 2005: 696]. «Семь даров Святого Духа» (мудрость, разум, добрый совет, сила, знание, благочестие и страх Божий) воплощаются посредством голубей; новоокрещенных также символизируют голуби. Голубь является символом умеренности и атрибутом многих святых [Biedermann 1998: 437]. Отсюда обращение к возлюбленной с использованием образа голубя является выражением святости, связывается с преклонением перед близким человеком, уважением его мягкого характера, доброты и мудрости.

К дополнительным символическим коннотациям, заложенным во внутренней форме ласкового обращения *Täubchen*, относится олицетворение образом голубя сладострастия. Голубь происходит из Месопотамии, где он сопровождал богинь женственности, любви, животного плодородия и рождения: финикийскую богиню Иштар (богиня плодородия и плотской любви), сирийскую Астарту (греческий вариант богини Иштар), Великую мать богов — Кибелу, Геру, Деметру, Афину, но прежде всего Афродиту (Венеру) — богиню красоты и любви, плодородия, вечной весны и жизни, браков и родов, а также Адониса, Зевса, Диониса [HWA 2005: 693, 696]. Отсюда голубь считался уже у римлян птицей любви.

В большинстве культур считалось, что голуби очень верные в любви и никогда не изменяют [HWA 2005: 694]. В тексте «Физиологуса» (*Physiologus*) говорится о горлице, что она по природе болтлива, но «если она лишается супруга, то умирает одновременно

с ним, скорбя об умершем, или не связывает себя больше ни с кем другим» [Biedermann 1998: 437]. Также в Индии и Китае голубь воплощал супружескую верность и долгую жизнь, поскольку голуби большей частью встречаются парами и в уходе за птенцами участвуют и самка, и самец. Эти наивные наблюдения способствовали тому, что голуби с XIX в. стали в народной традиции олицетворением образов влюбленных [Kürper 1997: 856].

В «Словаре немецких народных поверий» под редакцией Г.-Б. Штойбли указывается, что голубь, как птица, символизирующая любовь, играл важную роль в любовных приворотах. Чтобы добиться взаимной любви от близкого человека, необходимо носить при себе или предложить съесть этому человеку запеченное в хлеб или растертое в порошок сердце горлицы. Также применение голубиноного легкого в любовных приворотах засвидетельствовано уже у римлян. Кроме того, с древних времен считалось, что, если парень, держа во рту язык горлицы, поцелует девушку, она больше не сможет оставить его и не откажет ему ни в одном его желании [HWA 2005: 701–702].

В современном понимании голуби — это еще и символ мира. А в психологии они рассматриваются как эротический символ чего-то нежного, ласкового, объединяющегося в поцелуе.

3. Таким образом, положительная коннотативная интерпретация образа голубя, обусловленная мифологическими представлениями и обыденными наблюдениями, стала предпосылкой для формирования на базе номинации птицы этикетной единицы **TAUBE** *f* / **TÄUBCHEN** *n*. Данное ласковое обращение к возлюбленной вербализует идеи о мягком, добром нраве, мудром характере второй половинки, стремящейся к гармонии и миру в любви и семье. Обращение связано также и с чувственным аспектом восприятия любимой.

6. Заключение

Ласковые обращения, являясь символами любви, нежности и привязанности, представляют собой специфический элемент ласковой речи — приватного языкового кода влюбленных. Для их создания необходима особенная креативность языковой личности, которая, активируя семантический и словообразовательный потенциал апеллятивных лексических единиц, «одаривает» люби-

мого человека уникальными и в то же время культурно специфическими наименованиями.

Проведенный анализ показывает, что ласковые обращения создаются говорящими главным образом путем использования метафорических и метонимических образов, дополняемых диминутивной суффиксацией и словосложением. Наиболее продуктивным в этой функции является биоморфный культурный код — говорящие активно используют зоонимические и фитонимические метафоры. Внутренние формы ласковых обращений, соотносящиеся с фетишным кодом (гастрономические, астрономические метафоры, а также ласковые обращения, восходящие к персонажам легенд, сказок или прецедентным именам), эксплицируют ценность любимого человека, выражают, в частности, то, что он приятен и ценен говорящему.

Изучение ласковых обращений в немецком языке позволяет также сделать вывод о том, что данный тип языковых единиц требует синкретичного, синергетического подхода для их описания, не ограничивающегося лишь структурно-семантической классификацией. Необходимо изучать и интерпретировать элементы их значения, образов, значимостей, особенностей функционирования в категориях конкретной лингвокультуры, через призму культурных стереотипов, представлений и установок.

Что касается возможностей лексикографического представления лингвокультурных особенностей ласковых обращений, можно констатировать, что лингвокультурологический комментарий внутренних форм ласковых обращений между супругами или влюбленными позволяет описать на основе ассоциативно-образного мышления культурное стереотипное видение и восприятие партнеров в определенном социуме и сделать вывод о том, что употребление языковых символов в функции ласковых обращений обусловлено (в том числе) архетипическими представлениями, имеющими распространение в обыденной философии мифологемами, а также общественными стереотипами и установками, сложившимися в немецкой лингвокультурной общности.

Источники иллюстративного материала

Biedermann H. Knaurs Lexikon der Symbole. München: Knauer Verlag, 1998. 592 S.

Gudkova O. 100 Kosenamen mit kulturell-historischen Kommentaren — Ein Leitfaden für Verliebte. Materialien zum Handbuch deutscher Sprachsymbole. T. 2 / Hrsg. von H. Walter. Greifswald: Dokuservice Knoll GmbH, 2013. 47 S.

HWA: Handwörterbuch des deutschen Aberglaubens / Hrsg. von H. Bächtold-Stäubli unter Mitw. von E. Hoffmann-Krayer. Bde. 1–10. Bd. 8. Augsburg: Weltbild, 2005. 1762 S.

Kosenamen-Liste von A bis Z. URL: <https://kosenamen-liste.de/kosenamen-archiv/> (дата обращения: 12.01.2023).

Küpper H. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. 1. Auflage, 6. Nachdruck. Stuttgart; München; Düsseldorf; Leipzig: Klett, 1997. 996 S.

Naumann H. Kosenamen // Namenforschung. Ein internationales Handbuch zur Onomastik / Hrsg. von E. Eichler et al. Bd. 2. Berlin; New York, 1996. S. 1757–1761.

Литература

Земская Е. А. Категория вежливости в контексте речевых действий // Логический анализ языка: язык речевых действий. М.: Наука, 1994. С. 131–136.

Кронгауз М. А. Русский речевой этикет на рубеже веков // Russian linguistics. 2004. Vol. 28, № 2. P. 163–187.

Токарев Г. В. Человек: стереотипы русской лингвокультуры. Тула: С-Принт, 2013. 102 с.

Формановская Н. И. Русский речевой этикет: Лингвистический и методический аспекты. 6-е изд., стрп. М.: URSS, 2020. 160 с.

Leisi E. Paarsprache. Linguistische Aspekte der Zweierbeziehung. Heidelberg: Quelle und Meyer, 1978. 167 S.

Nübling D. Emotionalität im Namen: Spitznamen, Kosenamen, Spitznamen — und ihr gendernivellierender Aspekt // Emotionalität im Text / Hrsg. von L. Vaňková. Tübingen: Stauffenburg, 2014. S. 103–122.

Schiller M. Pragmatik der Diminutiva, Kosenamen und Kosewörter in der modernen russischen Umgangsliteratursprache. München: Herbert Utz Verlag, 2007. 390 S.

Seibicke W. Die Personennamen im Deutschen. Berlin; New York: de Gruyter, 1982. 227 S.

Spillner B. Kosenamen von deutschen Jugendlichen // Numele și numirea. Actele Conferinței Internaționale de Onomastică. Actele ICONN 2011 / ed. by O. Felecan. Cluj-Napoca: Mega, 2011. S. 263–267.

Steinke B. Intimität in der Sprache. Eine Neukonzeption des zärtlichen Sprechens am Beispiel des chilenischen Spanisch. Berlin; Boston: De Gruyter, 2022. <https://doi.org/10.1515/9783110772708>

References

Formanovskaya N.I. *Russian speech etiquette: Linguistic and methodological aspects*. Moscow, URSS Publ., 2020, 160 p.

Krongauz M. A. Russian Speech Etiquette at the Turn of the Century. *Russian linguistics*. 2004, vol. 28, no. 2. P. 163–187.

Leisi E. *Paarsprache. Linguistische Aspekte der Zweierbeziehung*. Heidelberg, Quelle und Meyer, 1978, 167 S.

Nübling D. Emotionalität im Namen: Spitznamen, Kosenamen, Spitznamen — und ihr gendernivellierender Aspekt. *Emotionalität im Text*, Hrsg. L. Vaňková. Tübingen, Stauffenburg, 2014, S. 103–122.

Schiller M. *Pragmatik der Diminutiva, Kosenamen und Kosewörter in der modernen russischen Umgangsliteratursprache*. München, Herbert Utz Verlag, 2007, 390 S.

Seibicke W. *Die Personennamen im Deutschen*. Berlin, New York, de Gruyter, 1982, 227 S.

Spillner B. Kosenamen von deutschen Jugendlichen. *Numele și numirea. Actele Conferinței Internaționale de Onomastică. Actele ICONN 2011*, ed. by O. Felecan Cluj-Napoca, Mega, 2011, pp. 263–267.

Steinke B. *Intimität in der Sprache. Eine Neukonzeption des zärtlichen Sprechens am Beispiel des chilenischen Spanisch*. Berlin, Boston, De Gruyter, 2022. <https://doi.org/10.1515/9783110772708>

Tokarev G. V. *Stereotypes of Russian Linguoculture*. Tula, S-Print Publ., 2013, 102 p.

Zemskaya E. A. Category of Politeness in the Context of Speech Actions. *Logical Analysis of Language: the Language of Speech Actions*. Moscow, Nauka Publ., 1994, pp. 131–136.

Никитина Ольга Алексеевна

доцент кафедры немецкого языка ТГПУ им. Л. Н. Толстого, кандидат филологических наук

Адрес: Российская Федерация, 300025, Тула, пр. Ленина, 125

Olga A. Nikitina

Associate Professor of German Department, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
Candidate of Philological Sciences

Address: 125, pr. Lenina, 300025, Tula, Russian Federation

E-mail: ya.o-ni@yandex.ru

Гудкова Ольга Александровна

доцент кафедры немецкого языка ТГПУ им. Л. Н. Толстого, кандидат филологических наук

Адрес: Российская Федерация, 300025, Тула, пр. Ленина, 125

Olga A. Gudkova

Associate Professor of German Department, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

Candidate of Philological Sciences

Address: 125, pr. Lenina, 300025, Tula, Russian Federation

E-mail: olga-gudkovva@yandex.com

Статья поступила в редакцию 20 января 2023 г.

Принята к публикации 26 апреля 2023 г.

**КАТЕГОРИЯ ВЕЖЛИВОСТИ В ПРОЦЕССЕ МОДЕЛИРОВАНИЯ
КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА**

Для цитирования: Горбатовский А. С., Олейник М. А. Категория вежливости в процессе моделирования культурного пространства художественного текста // *Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете*. 2023. Вып. 13. С. 198–211. <https://doi.org/10.21638/spbu33.2023.110>

Цель исследования заключается в определении лингвокультурологического потенциала категории вежливости и средств ее вербализации в художественном тексте с опорой на анализ особенностей лексических единиц и синтаксических структур, репрезентирующих традиции этикетности и использования этикетных формул в немецком языке. Авторы опираются на достижения современных лингвокультурологических исследований связи языка и культуры, проявляющейся в тексте как на лексико-семантическом, так и синтаксическом уровнях. Нормы языкового поведения рассмотрены как важная часть культурного пространства, передаваемого автором текста посредством использования определенных языковых средств. Новизна исследования состоит в привлечении лингвистической теории вежливости к процессу моделирования культурного пространства в художественном тексте. Особое сочетание денотативного и коннотативного значения лексем, выражающих различные способы социальной интеракции в аспекте вежливости позволяет не только выявить стратегии позитивной/негативной вежливости, но и определить их лингвокультурологический потенциал. Этикетные нормы, составляющие важную часть реального культурного пространства, находят отражение в тексте благодаря специфике взаимодействия элементов культурного пространства. При этом особое значение в системе культурного пространства текста играет взаимодействие категории вежливости с такими лингвистическими категориями, как модальность и пресуппозиция. Материалом для исследования послужил роман Даниэля Кельмана «Tull», сюжет которого разворачивается на фоне культурно значимых исторических событий эпохи Тридцатилетней войны. Результаты анализа эмпирического материала послужили основой для рассмотрения вежливости как одной из лингвистических категорий, способствующих моделированию культурного пространства художественного текста. В статье также рассматривается понятие невежливости и ее проявление в аспекте вербализации элементов культурного пространства художественного текста. Представленные выводы были получены с помощью сопоставительного метода, а также метода семантического, контекстуального и лингвокультурологического анализа.

Ключевые слова: культурное пространство, элемент культурного пространства, лингвистическая категория, категория вежливости, художественный текст.

THE CATEGORY OF POLITENESS IN THE PROCESS OF MODELLING OF A LITERARY TEXT'S CULTURAL SPACE

For citation: Gorbatovsky A. S., Oleynik M. A. The category of politeness in the process of modelling of a literary text's cultural space. *German Philology in St Petersburg State University*, 2023, iss. 13, pp. 198–211.
<https://doi.org/10.21638/spbu33.2023.110> (In Russian)

The aim of the research is to determine the linguocultural potential of the category of politeness and the means of its verbalization in a literary text, which represents the traditions of etiquette in the German language. The norms of linguistic behaviour are considered as an important part of cultural space, which is conveyed by the author of the text through the use of specific linguistic means. The novelty of the study lies in the involvement of the linguistic theory of politeness in the process of modeling cultural space in a literary text. The special combination of the denotative and connotative meanings of the lexemes expressing different ways of social interaction in the aspect of politeness enables not only identification of the strategies of politeness, but also determination of their linguocultural potential. Etiquette norms, which constitute an important part of the real cultural space, are reflected in the text due to the specific interaction of the elements of cultural space. The interaction between the category of politeness and such linguistic categories as modality and presupposition plays a peculiar role in the system of the text's cultural space. The material for this study is Daniel Kellmann's novel *Tyll*. The results of the analysis of empirical material served as the basis for the consideration of politeness as one of the linguistic categories that help to model the cultural space. The presented conclusions have been obtained using the comparative method as well as the method of semantic, contextual and linguocultural analysis.

Keywords: cultural space, element of cultural space, linguistic category, category of politeness, literary text.

1. Введение

Категория вежливости как предмет лингвистического исследования не теряет свою актуальность на протяжении нескольких десятилетий, что вызвано интенсивным изменением языковых норм, этикетных формул и коммуникативных ситуаций. Проблема исследования категории вежливости в речи привлекает внимание как отечественных [Власян, Кожухова 2019; Лохэр, Ларина 2019; Руднева 2019], так и зарубежных исследователей [Bonacchi 2011; Ehrhardt, Neuland, Yamashita 2011; Müller Alonso 2015]. Несмотря на относительно высокий уровень разработанности линг-

вистической теории вежливости, в современном языкознании существует множество подходов к интерпретации данного явления. Так, например, с опорой на труды своих предшественников Г.Р.Власян выделяет следующие концепции вежливости: вежливость как речевые максимы, правила, вежливость как этическая категория, вежливость как оценка статуса человека, вежливость как конверсационный контракт, вежливость как сохранение лица [Власян 2010].

Такое многообразие концепций обусловлено различными представлениями лингвистов о сущности вежливости как языковой категории. В ходе нашего исследования мы рассматриваем вежливость как лингвистическую категорию, которая представляет собой совокупность этических норм, правил и образцов поведения, характеризующих отношение человека к людям, к обществу [Zillig 2003]. Проявляясь в речи, языковая вежливость обуславливает взаимодействие коммуникантов, урегулирование их межличностных взаимоотношений, а также ориентацию в иерархии социально обусловленных взаимоотношений между ними [Соловьева 2001].

Как обособленное явление вежливость обладает особым социально детерминированным характером, своими культурными особенностями и способами реализации, что требует в процессе ее изучения применения теоретических концепций различных научных направлений [Cornejo, Schiewer, Weinberg 2020]. Из этого следует, что интерпретация вежливости как лингвистической категории не представляется эффективной без опоры на исследования в области психологии, этнографии, социологии, культурологии и др. При этом интерес отечественных исследователей вызывает взаимосвязь языка и культуры, широко освещенная в современных трудах по лингвокультурологии, что обуславливает релевантность применения лингвокультурологического метода исследования к категории вежливости.

Особое многообразие способов вербализации вежливости обеспечивает художественный текст, поскольку именно в нем эксплицируются ментальные ценности представителей социальной группы той или иной эпохи. Модель культурного пространства художественного текста обогащается взаимосвязью разнообразных культурно значимых элементов, представленных в тексте в том числе благодаря категории вежливости.

2. Моделирование культурного пространства как метод исследования художественного текста

В ходе исследования категории вежливости мы опираемся на метод моделирования культурного пространства художественного текста, что требует более подробного описания возможностей использования этого метода. С опорой на исследования таких ученых, как В. В. Красных, М. Ю. Сарафа, А. Ю. Ивлевой и др., мы рассматриваем культурное пространство как одновременно абстрактное и реальное пространство, сформированное предметной областью культуры и выступающее в качестве формы существования культуры в сознании человека, определяя его представления об окружающей действительности [Красных 2016; Сараф, Сараф 2019; Ивлева 2017]. Важным в ходе нашего исследования представляется тезис о том, что культурное пространство является вместилищем элементов культуры, понимаемой не только с точки зрения принадлежности к определенной нации, но и в широком смысле с точки зрения многообразия форм человеческой жизнедеятельности.

Процесс моделирования культурного пространства текста рассматривается нами как анализ особенностей культурно значимых лексических единиц и их сочетаемость с различными языковыми средствами [Олейник, Горбатовский 2022]. Моделирование культурного пространства способствует выявлению культурно значимой информации в тексте, а также обуславливает определение структуры вербализованного автором культурного пространства, исследование его иерархически выстроенной системы, элементы которой обладают разнообразными лингвокультурологическими характеристиками. Исследование взаимосвязей между элементами культурного пространства текста основывается на контекстуальном анализе культурно-маркированных языковых единиц. Взаимосвязь культурно значимых лексем с различными языковыми средствами является основополагающей для моделирования культурного пространства [Горбатовский, Олейник 2022]. Рассмотрим следующие примеры.

- (1) *Ekstatische Wochen waren das gewesen, bald hatte er die Tafel nicht mehr gebraucht; er hatte in Hieroglyphen geschrieben, als hätte er nie etwas anderes getan. Nachts hatte er nicht mehr schlafen können,*

weil er in Zeichen träumte, seine Gedanken bestanden aus Strichen und Punkten und Ecken und Wellen [Kehlmann 2017: 296]. — «Это были полные восторга недели, вскоре ему уже не нужна была скрижаль, он писал иероглифами, как будто никогда не делал ничего другого. Ночью он больше не мог спать, потому что ему снились знаки, его мысли состояли из штрихов, и точек, и уголков, и волн» (здесь и далее перевод примеров наш. — А. Г., М. О.).

Пример (1) содержит описание исследовательской деятельности ученого Афанасия Кирхера. В данном фрагменте с опорой на денотативное значение лексем *Hieroglyphe* ('иероглифы') и *Zeichen* ('знаки') выявляются соответствующие элементы культурного пространства, отражающие культурно значимые достижения в области передачи информации. Анализ контекстуальной взаимосвязи данных культурно значимых элементов с лексемами *Striche* ('штрихи'), *Punkte* ('точки'), *Ecken* ('уголки'), и *Wellen* ('волны') способствует определению в тексте гипо-гиперонимических взаимоотношений, в которых раскрываются иероглифы и знаки как гипероним, гипонимами которых выступают составляющие их элементы.

- (2) *Du schweigst, sagt Doktor Tesimond, also werden wir deine Worte aus dem Verhör vorlesen. Sie stehen auf diesem Blatt. Du hast sie gesprochen, Hanna. Nun sollen alle sie hören. Nun soll alles zutage liegen* [Kehlmann 2017: 98]. — «Вы молчите, говорит доктор Тесимонд, так что мы зачитаем ваши слова из допроса. Они записаны на этом листе. Ты их произнесла, Ханна. Теперь все должны их услышать. Теперь все должно быть раскрыто».

Пример (2), описывающий процесс суда, содержит частично культурно-маркированную лексему *Verhör* ('допрос'), которая выявляет в тексте элемент культурного пространства, принадлежащий к области судебной власти. Культурное пространство текста, связанное с особенностями политического устройства, расширяется благодаря учету специфики модального глагола *sollen* ('быть должным'). Долженствование как логическая категория предполагает существование системы, состоящей из следующих компонентов: «то, что обязывает», «тот, кого обязывают», «то, к чему обязывают». Отметим, что первый компонент данной системы обладает более доминант-

ным характером, обеспечивая функционирование всей системы. Правила, по которым проходит судебный процесс, обязывают судью зачитать результаты допроса (*Nun sollen alle sie hören* — ‘Теперь все должны их услышать’), важные для раскрытия дела. В романе иерархически выстраиваются взаимоотношения между такими культурно значимыми составляющими, как «правила проведения судебного заседания», «участники судебного процесса», «необходимость оглашения результатов допроса». Таким образом, модальный глагол на имплицитном уровне передает важность судебного процесса и установленных правил, влияющих на него, что приводит к расширению культурного пространства в тексте.

- (3) *Sein Buch, das er in Kürze unter dem Titel Oedipus aegyptiacus würde drucken lassen, war die größte seiner Leistungen: Tausende Jahre waren die Menschen ratlos vor dem Geheimnis gestanden, keiner hatte es lösen können* [Kehlmann 2017: 296]. — «Его книга, которую он вскоре напечатал под названием “Oedipus aegyptiacus”, была величайшим из его достижений: тысячи лет люди стояли в недоумении перед этой загадкой, и никто не мог ее разгадать».

Приведенный фрагмент текста описывает достижение немецкого ученого XVII в. Афанасия Кирхера и содержит прямую отсылку к прецедентному тексту «Oedipus aegyptiacus». Контекстуальная связь данного названия с эпитетом (*die*) *größte* (здесь: ‘величайшее’) на пресуппозиционном уровне выстраивает систему элементов внутри культурного пространства, состоящую из таких компонентов, как «ученый», «величайшее достижение ученого», «другие достижения ученого». Таким образом, в культурном пространстве текста выявляется определенная структура.

Таким образом, анализ культурно значимого денотативного значения лексемы в совокупности с другими языковыми средствами (например, контекстуальные гипонимы (пример (1)), модальные глаголы (пример (2)), эпитеты (пример (3)) и т. д.) позволяет применить метод лингвокультурологического исследования художественного текста посредством моделирования культурного пространства. Помимо обозначенных лексико-семантических средств моделирования культурного пространства в тексте способностью вербализовать определенные культурно значимые элементы обладает и категория вежливости.

3. Категория вежливости в модели культурного пространства

Анализ фрагментов текста, отобранных в качестве эмпирического материала, выявил, что в процессе моделирования культурного пространства художественного текста релевантными являются, с одной стороны, имплицитные и эксплицитные средства вербализации вежливости в тексте, с другой стороны, связь категории вежливости с другими категориями (модальность, пресуппозиция и др.), которые представляют собой компоненты модели культурного пространства. Рассмотрим следующие примеры.

- (4) *„Guten Morgen“, murmelt Doktor Kircher und erschrickt. Das war ein Fehler, nun könnte Meister Tilman zurückgrüßen. Zu seinem Entsetzen geschieht das auch. „Guten Morgen“. Doktor Kircher blickt sich nach allen Seiten um. Zum Glück ist niemand zu sehen, das Dorf schläft noch, keiner beobachtet sie. „Diese Kälte“, sagt Meister Tilman. „Ja“, sagt Doktor Kircher, denn irgendwas muss man ja sagen [Kehlmann 2017: 89]. — «„Доброе утро“, — удивленно пробормотал доктор Кирхер. Это было ошибкой, теперь мастер Тильман мог бы поприветствовать его в ответ. К его ужасу, именно это и происходит. „Доброе утро“. Доктор Кирхер оглядывается во все стороны. К счастью, никого не видно, деревня еще спит, никто за ними не наблюдает. „Холодно“, — говорит мастер Тильман. „Да“, — говорит доктор Кирхер, потому что ведь нужно что-то сказать».*

Анализируемый фрагмент текста описывает встречу двух персонажей и обмен репликами между ними. Особый интерес для моделирования культурного пространства в данном примере представляет глагол *müssen* ('быть должным') в сочетании с междометием *ja* ('ведь'). Так же как и в примере (2), при помощи категории модальности выстраивается система: «то, что обязывает», «тот, кого обязывают», «то, к чему обязывают». На пресуппозиционном уровне в тексте передается ситуация, в которой доктор Кирхер должен вести беседу с мастером Тильманом, иначе отказ от поддержания беседы будет расцениваться как невежливость. Данный пример иллюстрирует имплицитную передачу вежливости как элемента культурного пространства в тексте.

- (5) *„Darf ich was sagen?“, fragt der Müller. Doktor Tesimond sieht ihn missbilligend an. „Bitte“, sagt der Müller. Er reibt den roten Abdruck*

des Lederbandes auf seiner Stirn. Die Ketten klirren [Kehlmann 2017: 104]. — «Могу я что-то сказать?» — спрашивает мельник. Доктор Тесимонд неодобрительно смотрит на него. «Пожалуйста», — говорит мельник. Он потирает красный отпечаток кожного ремня на лбу. Цепи звенят».

Приведенный фрагмент текста описывает продолжение судебного процесса, представленного в примере (2). Употребление персонажем таких этикетных клише, как *darf ich ...?* ('могу я ...?') и *bitte* ('пожалуйста'), свидетельствует не только об уважительном отношении к судье, но и имплицитно указывает на принятие персонажем этикетных норм судебного процесса. Учет данных языковых единиц способствует раскрытию этих норм как элемента культурного пространства романа.

Культурное пространство романа Даниэля Кельмана «Тулл» моделируется нами также с опорой на следующие средства репрезентации категории вежливости:

- вежливое обращение к собеседнику при помощи местоимений *Ihr, Euer* и т. д., что было принято в обществе в эпоху, описанную в романе (в XVII в.):
- (6) *Ich habe Noten für Melodien dabei, mit denen sich Drachenblut kühlen und Drachensinn beruhigen lässt. Könnt Ihr das Horn spielen?* [Kehlmann 2017: 287]. — «У меня с собой ноты мелодий, способных охладить кровь дракона и успокоить его разум. Вы умеете играть на дудочке?»
- вежливое обращение к королевским особам с номинацией титула в сочетании с использованием глагола в форме 3-го лица множественного числа:
- (7) *Königliche Hoheit haben keinen schlechten Moment gewählt* [Kehlmann 2017: 355]. — «Ваше Королевское Высочество выбрали неплохой плохой момент».
- использование формы сослагательного наклонения (*Konjunktiv II*) для более мягкой формулировки просьбы:
- (8) *„Ich würde gerne meinen Assistenten mitnehmen“, sagte Olearius leicht verärgert. „Magister Fleming ist kundig und hilfreich“* [Kehlmann 2017: 283]. — «“Я хотел бы взять с собой своего помощника”, —

сказал Олеарий, слегка раздражаясь. “Магистр Флеминг компетентен и полезен”».

- использование этикетных формул и норм вежливости:
- (9) *Darf ich hoffen, Madame, die Reise war keine beschwerliche?* [Kehlmann 2017: 345]. — «Могу ли я надеяться, мадам, что путешествие не было тяжелым?»
 - (10) *„Vielen Dank“, sagte der dicke Graf, der kaum etwas mitbekommen hatte* [Kehlmann 2017: 170]. — «“Большое спасибо”, — сказал толстый граф, который почти ничего не заметил».
 - (11) *Er bitte um Entschuldigung, sagt Claus* [Kehlmann 2017: 79]. — «Он просит прощения, говорит Клаус».

Анализ приведенных примеров свидетельствует о различном социальном статусе собеседников, что проявляется в их речи и позволяет учесть в описании культурного пространства анализируемого текста этические нормы вежливости. Как грамматические (формы глагола, пример (7); сослагательное наклонение, пример (8)), так и лексико-семантические (денотативное и коннотативное значение лексем, примеры (6), (9)–(11)) средства, вступая во взаимодействие с категорией вежливости, могут быть рассмотрены в качестве средств моделирования культурного пространства.

Особого внимания в процессе моделирования культурного пространства текста заслуживают также и проявления «невежливости». Рассмотрим примеры.

- (12) *Woher soll ich das wissen! Sag du es mir!* [Kehlmann 2017: 217]. — «Откуда мне знать! Скажи мне».

Экспрессивное клише, представленное в данном отрывке, не требует комментариев или ответов от собеседника. Тем не менее данное устойчивое выражение выявляет в культурном пространстве текста понятие о невежливости, т. е. как нарушение этических норм и этикета говорящим.

- (13) *„Tyll“, sagte der König. „König?“, sagte der Narr. „Mach etwas“. „Wird dir die Zeit lang?“. Der König schwieg* [Kehlmann 2017: 231]. — «“Тиль”, — сказал король. “Король?” — сказал шут. “Сделай что-нибудь”. “Тебе заняться нечем?” Король молчал».

В данном фрагменте текста представлен разговор короля с шутком. Посредством непочтительного обращения Тилля на «ты» к ко-

ролевской особе в тексте представлена не только невежливость как элемент культурного пространства, но и допустимость такого инцидента при дворе между королем и шутом.

Нарушение норм вежливости может быть вербализовано в тексте различными способами, например:

- неформальное обращение на «ты» и использование повелительного наклонения как исключение из правил вежливости, дозволенное в коммуникации между королем и шутом:

(14) *„Nicht die Augen schließen“, sagte der Narr. „Mach ich nicht“, sagte der König. „Sei still“, sagte der Narr, und der König fragte sich, ob er es durchgehen lassen durfte, Narrenfreiheit hin oder her, das ging zu weit [Kehlmann 2017: 235].* — «“Не закрывай глаза”, — сказал шут. “Я не буду”, — сказал король. “Помолчи”, — сказал шут, и король задумался, стоит ли ему пропустить это мимо ушей: шутовская дозволенность или нет, но это заходит слишком далеко»;

- сарказм:

(15) *„Und mein Mann muss in die Amnestie mit einbezogen werden. Wenn alle Taten des Krieges verziehen werden, dann müssen auch seine verziehen sein“. „Nicht in diesem Leben“, sagte Lamberg [Kehlmann 2017: 354].* — «“И мой муж должен попасть под амнистию. Если все военные деяния будут прощены, то и его должны быть прощены”. “Не в этой жизни”, — сказал Ламберг»;

- нарушение этических норм:

(16) *„Gott, wie das stinkt“, hatte der König gesagt. „Schlimm“, hatte der Narr geantwortet. „Schlimm, schlimm, schlimm. Solltest dich waschen, Winterkönig“ [Kehlmann 2017: 225].* — «“Боже, как воняет”, — сказал король. “Плохо”, — ответил шут. “Плохо, плохо, плохо. Тебе следует помыться, Зимний король”.

Отобранные примеры свидетельствуют о лингвокультурологическом потенциале языкового выражения невежливости, репрезентируя в тексте особенности взаимоотношений между элементами культурного пространства, например вседозволенность шута в общении с монархом (примеры (14), (16)), неравноправные взаимоотношения между двумя представителями власти (пример (15)).

Таким образом, анализ единиц, вербализующих категорию вежливости/невежливости, способствует выявлению культурно значимой информации и моделированию культурного пространства художественного текста.

4. Выводы и перспективы исследования

Анализ эмпирического материала позволяет причислить вежливость как лингвистическую категорию к одному из способов моделирования культурного пространства. Проявляясь в различных языковых единицах на лексико-семантическом и грамматическом уровнях, категория вежливости воссоздает в художественном тексте определенные культурно обусловленные взаимосвязи между его содержательными элементами. Изучение этих взаимосвязей, воссозданных автором текста, способствует выстраиванию определенной иерархии внутри культурного пространства посредством упорядочивания его составляющих. При этом вежливость и невежливость в процессе моделирования могут быть рассмотрены и как самостоятельные элементы культурного пространства, вербализованные в тексте различными лексико-семантическими средствами, и как языковое средство, имплицитно репрезентирующее в тексте другие культурно значимые смыслы. Таким образом, категория вежливости обуславливает передачу культурно значимой информации в художественном тексте. Исследование различных форм вербализации вежливости/невежливости обеспечивает раскрытие их лингвокультурологического потенциала.

Привлечение лингвистической теории вежливости к лингвокультурологическому исследованию художественного текста посредством моделирования его культурного пространства открывает новые возможности в исследовании влияния лексико-семантических компонентов языковых единиц на передачу эксплицитных и имплицитных смыслов.

Источники иллюстративного материала

Kehlmann D. Tyll. Reinbek: Rowohlt Verlag, 2017. 380 S.

Литература

Власян Г.Р. Различные подходы к определению лингвистической вежливости // Вестник НБГУ. 2010. № 3. С. 22–39. URL: <https://cyberleninka.ru/>

article/n/razlichnye-podhody-k-opredeleniyu-lingvisticheskoy-vezhливosti (дата обращения: 18.12.2022).

Власян Г. Р., Кожухова И. В. Формальные и неформальные приглашения в русском языке: контекст и стратегии вежливости // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2019. № 4. С. 994–1013. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formalnye-i-neformalnye-priglaseniya-v-russkom-yazyke-kontekst-i-strategii-vezhливosti> (дата обращения: 18.12.2022).

Горбатовский А. С., Олейник М. А. Лингвокультурологическая специфика лексико-семантических средств моделирования культурного пространства // Вестник Пятигорского государственного университета. 2022. № 1. С. 69–72. https://doi.org/10.53531/25420747_2022_1_69

Ивлева А. Ю. Роль авторского стиля в создании культурного пространства художественного текста // Лингвистические и экстралингвистические проблемы коммуникации: теоретические и прикладные аспекты: межвузовский сборник научных трудов (с международным участием). Вып. 11. Саранск: Нац. исслед. Мордовский гос. ун-т им. Н. П. Огарева, 2017. С. 39–46.

Красных В. В. Словарь и грамматика лингвокультуры: основы психолингвокультурологии. М.: Гнозис, 2016. 493 с.

Лохэр М. А., Ларина Т. В. Введение в исследование вежливости и невежливости в глобальном контексте // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2019. № 4. С. 873–903. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vvedenie-v-issledovanie-vezhливosti-i-nevezhливosti-v-globalnom-kontekste> (дата обращения: 18.12.2022).

Олейник М. А., Горбатовский А. С. Моделирование культурного пространства как метод лингвокультурологического исследования художественного текста (на материале романа Д. Кельмана “Тулл”) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 10. С. 3336–3339. <https://doi.org/10.30853/phil20220564>

Руднева Е. А. Подтрунивание как стратегия вежливости // Антропологический форум. 2019. № 41. С. 97–120. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podtrunivanie-kak-strategiya-vezhливosti> (дата обращения: 18.12.2022).

Сараф М. Я., Сараф С. М. Культурные слои в едином культурном пространстве // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 4 (90). С. 21–28. <https://doi.org/10.24411/1997-0803-2019-10403>

Соловьева И. В. Категория вежливости и концепт нормы в межкультурной коммуникации // V Житниковские чтения: Межкультурные коммуникации в когнитивном аспекте: материалы Всероссийской научной конференции. Челябинск: Челябинский гос. ун-т, 2001. С. 184–188.

Bonacchi S. Höflichkeitsausdrücke und anthropozentrische Linguistik. Seria Języki — Kultury — Teksty — Wiedza. Warszawa: Euro-Edukacja, 2011. 394 S.

Cornejo R., Schiewer G. L., Weinberg M. Konzepte der Interkulturalität in der Germanistik weltweit. Wetzlar: Majuskel Medienproduktion GmbH, 2020. 422 S.

Ehrhardt C., Neuland E., Yamashita H. Sprachliche Höflichkeit zwischen Etikette und kommunikativer Kompetenz. *Sprache — Kommunikation — Kultur. Soziolinguistische Beiträge*, Bd. 10. Peter Lang, 2011. 344 S.

Müller Alonso M. Die sprachliche Höflichkeit: linguistische Analyse der direktiven Sprechakte aus spanisch-deutscher kontrastiver Sicht. Santiago de Compostela: Universidade de Santiago de Compostela, 2015. 63 S.

Zillig W. *Natürliche Sprachen und kommunikative Normen*. Tübingen: Narr, 2003. 350 S.

References

Bonacchi S. Höflichkeitsausdrücke und anthropozentrische Linguistik. *Seria Języki — Kultury — Teksty — Wiedza*. Warszawa, Euro-Edukacja, 2011, 394 S.

Cornejo R., Schiewer G.L., Weinberg M. *Konzepte der Interkulturalität in der Germanistik weltweit*. Wetzlar, Majuskel Medienproduktion GmbH, 2020, 422 S.

Ehrhardt C., Neuland E., Yamashita H. Sprachliche Höflichkeit zwischen Etikette und kommunikativer Kompetenz. *Sprache — Kommunikation — Kultur. Soziolinguistische Beiträge*, Bd. 10. Peter Lang, 2011, 344 S.

Gorbatovskii A. S., Oleinik M. A. Linguocultural specificity of lexical-semantic means of cultural space modelling. *Vestnik Piatigorskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, no. 1, pp. 69–72. https://doi.org/10.53531/25420747_2022_1_69. (In Russian)

Ivleva A. Iu. The role of authorial style in creating of the cultural space in a fiction text. *Lingvisticheskie i ekstralingvisticheskie problemy kommunikatsii: teoreticheskie i prikladnye aspekty: Mezhevuzovskii sbornik nauchnykh trudov (s mezhdunarodnym uchastiem)*, no. 11, Saransk, Natsional'nyi issledovatel'skii Mordovskii gosudarstvennyi universitet im. N. P. Ogareva Publ., 2017, pp. 39–46. (In Russian)

Krasnykh V. V. *Vocabulary and grammar of linguoculture: basics of psycholinguoculturology*. Moscow, Gnozis Publ., 2016, p. 493. (In Russian)

Lokher M. A., Larina T. V. Introduction to the study of politeness and impoliteness in a global context. *Vestnik RUDN. Seriya: Lingvistika*. 2019, no. 4, pp. 873–903. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/vvedenie-v-issledovanie-vezhливosti-i-nevezhливosti-v-globalnom-kontekste> (accessed: 18.12.2022). (In Russian)

Müller Alonso M. *Die sprachliche Höflichkeit: linguistische Analyse der direktiven Sprechakte aus spanisch-deutscher kontrastiver Sicht*. Santiago de Compostela, Universidade de Santiago de Compostela, 2015, 63 S.

Oleinik M. A., Gorbatovskii A. S. Modelling of cultural space as a method of linguocultural research of a literary text (based on the novel “Tyll” by D. Kehlmann). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2022, vol. 15, no. 10, pp. 3336–3339. <https://doi.org/10.30853/phil20220564> (In Russian)

Rudneva E. A. Teasing as a politeness strategy. *Antropologicheskii forum*. 2019, no. 41, pp. 97–120. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/podtrunivanie-kak-strategiya-vezhливosti> (accessed: 18.12.2022). (In Russian)

Saraf M. Ia., Saraf S. M. Cultural layers in a single cultural space. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. 2019, no. 4 (90), pp. 21–28. <https://doi.org/10.24411/1997-0803-2019-10403> (In Russian)

Solov'eva I. V. The category of politeness and the concept of normality in intercultural communication. *V Zhitnikovskie chteniia: Mezhkul'turnye kommunikatsii v kognitivnom aspekte: Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii*. Cheliabinsk, Cheliabinskii gos. un-t Publ., 2001, pp. 184–188. (In Russian)

Vlasian G.R. Different approaches to defining linguistic politeness. *Vestnik NVGU*. 2010, no. 3, pp. 22–39. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/razlichnyye-podhody-k-opredeleniyu-lingvisticheskoy-vezhlivosti> (accessed: 18.12.2022). (In Russian)

Vlasian G. R., Kozhukhova I. V. Formal and informal invitations in Russian: context and politeness strategies. *Vestnik RUDN. Seriya: Lingvistika*. 2019, no. 4, pp. 994–1013. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/formalnye-i-neformalnye-priglaseniya-v-russkom-yazyke-kontekst-i-strategii-vezhlivosti> (accessed: 18.12.2022). (In Russian)

Zillig W. *Natürliche Sprachen und kommunikative Normen*. Tübingen, Narr, 2003, 350 S.

Горбатовский Александр Сергеевич

доцент кафедры немецкой филологии КубГУ, кандидат филологических наук
Адрес: Российская Федерация, 350040, Краснодар, ул. Ставропольская, 149

Alexandr S. Gorbatovsky

Associate Professor of German Philology, Kuban State University,
Candidate of Philological Sciences
Address: 149, Stavropolskaya ul., Krasnodar, 350040, Russian Federation

E-mail: alexgorbatovsky@mail.ru

Олейник Марина Алексеевна

профессор кафедры немецкой филологии КубГУ, доктор филологических наук
Адрес: Российская Федерация, 350040, Краснодар, ул. Ставропольская, 149

Marina A. Oleynik

Professor of German Philology Department, Kuban State University, Doctor of
Philological Sciences
Address: 149, Stavropolskaya ul., Krasnodar, 350040, Russian Federation

E-mail: kubstunigerdep2@mail.ru

Статья поступила в редакцию 3 февраля 2023 г.
Принята к публикации 26 апреля 2023 г.

ПЕРЕДАЧА СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ ВЕЖЛИВОСТИ В ПЕРЕВОДЕ ПОЭМЫ Н. В. ГОГОЛЯ «МЕРТВЫЕ ДУШИ» НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК

Для цитирования: Мельгунова А. В. Передача средств выражения вежливости в переводе поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души» на немецкий язык // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. 2023. Вып. 13. С. 212–227. <https://doi.org/10.21638/spbu33.2023.111>

В статье рассматриваются языковые средства выражения вежливости в художественном тексте и возможности их перевода. Материалом послужила поэма Н. В. Гоголя «Мертвые души» и ее первый перевод на немецкий язык, который был выполнен Ф. Лёбенштейном в 1846 г., через четыре года после выхода в свет поэмы. Сюжет произведения включает многочисленные ситуации общения, в которых говорящие стремятся достичь своих целей, используя различные речевые стратегии. При этом выбор языковых средств в просьбах, комплиментах и других речевых актах обусловлен социальным статусом и межличностными отношениями собеседников. Новизна исследования заключается в рассмотрении текста перевода произведения в аспекте того, как язык вежливости передается современником автора. Во введении дается краткий обзор научных трудов, послуживших теоретической базой для данной статьи. Они посвящены теме вежливости в русской и немецкой лингвокультурах, а также художественной литературе и переводу. Особое внимание в следующих разделах статьи уделяется таким аспектам коммуникации, как обращение к собеседнику, формулы речевого этикета, просьба, извинение. Выявляются несовпадения русского и немецкого вариантов, обусловленные отсутствием полного эквивалента в языке перевода, — например обращение *барин* переведено как *gnädiger Herr*, что ближе к вежливому обращению ‘милостивый государь’. В отдельных случаях можно считать отличия в немецком тексте решением переводчика, принятым под влиянием его восприятия сюжета и характера персонажей, — как, например, использование в переводе другого наклонения или других средств выражения модальности при передаче просьбы. В статье охарактеризованы некоторые особенности этикетных формул, свойственные русскоязычной культуре XIX в., и проанализировано, каким образом средства выражения вежливости переданы в немецком переводе, какие лексические замены, опущения и грамматические трансформации — и насколько удачно — использует переводчик.

Ключевые слова: вежливость, XIX век, художественный текст, Н. В. Гоголь, перевод с русского на немецкий язык.

RENDERING MEANS OF EXPRESSING POLITENESS IN THE TRANSLATION OF N. V. GOGOL'S POEM *DEAD SOULS* INTO GERMAN

For citation: Melgunova A. V. Rendering means of expressing politeness in the translation of N. V. Gogol's poem *Dead Souls* into German. *German Philology in St. Petersburg State University*, 2023, iss. 13, pp. 212–227.
<https://doi.org/10.21638/spbu33.2023.111> (In Russian)

The article discusses the linguistic means of expressing politeness N. V. Gogol's poem *Dead Souls* and the possibilities of their rendering in German translation suggested by F. Löbenstein in 1846. The poem features numerous communicative situations in which speakers strive to achieve their goals using various speech strategies determined by the social status and interpersonal relationships of the interlocutors. The novelty of the research lies in the consideration of the poem's text of the translation precisely in regard to conveying various shades of polite treatment by Gogol's contemporary. The introduction provides a brief overview of the scientific works that served as the theoretical basis for this article. They are devoted to politeness in Russian and German linguocultures, fiction and translation. Special attention is paid to addressing the interlocutor, speech etiquette formulas, the request and the apology. Discrepancies between the Russian and German versions resulting from the lack of equivalents in German are revealed. For example, the address *barin* 'master' is translated as *gnädiger Herr — milostivyy gosudar'* 'dear sir'. In some cases differences in the German text can be considered a translator's decision influenced by his perception of the plot and a nature of characters, which manifests in, for instance, using a different mood in translation or other means of expressing modality. The article describes some features of etiquette formulas inherent to the Russian-speaking culture of the 19th century and analyzes ways in which the means of expressing politeness are rendered in German translation as well as their appropriateness.

Keywords: politeness, 19th century, literary text, N. V. Gogol, translation from Russian into German.

1. Введение

Поэма Н. В. Гоголя «Мертвые души» представляет собой интересный документ эпохи, отражающий особенности социального устройства российской жизни и показывающий типичные для страны проблемы. Известно, что автор скептически отнесся к появлению перевода «Мертвых душ», в том числе из-за сомнений в том, что иностранцы будут способны правильно понять его произведение [Никанорова 2011: 591].

Перевод современника Гоголя — Ф. Лёбенштейна, который работал в основном с произведениями польской литературы, был самым первым из многочисленных переводов поэмы на немецкий язык. Он неоднократно подвергался критике: с одной стороны, исследователи отмечают буквализм некоторых фрагментов [Никанорова 2011: 593], с другой стороны, отмечается упрощение оригинала, приводящее к потере смысловых нюансов [Никанорова 2011: 597].

В данной статье планируется рассмотреть не весь перевод в целом, а передачу на немецкий язык различных средств выражения вежливости. По нашему мнению, поэма представляет интерес именно в этом отношении, о чем подробнее будет сказано в следующем разделе. Существующие исследования делают основной акцент на передаче переводчиками различных специфических российских реалий. Мы планируем сконцентрироваться на коммуникативном аспекте произведения.

Теоретической базой для рассмотрения данной темы послужили работы, посвященные вежливости в немецком языке [Тахтарова 2007], аспектам коммуникативного поведения в русском и немецком языках [Газизов 2009; 2010; Гладров, Которова 2021], речевого поведения при выражении просьбы [Которова 2016] и в иных ситуациях [Buscha et al. 2006]. Наряду с этим использовались труды, в которых анализируются сложности перевода на немецкий язык и классифицируются различные виды трансформаций [Павлова, Светозарова 2012; Дзенс, Перевышина 2012], и научные статьи, посвященные непосредственно переводу «Мертвых душ» [Никанорова 2011], а также манипулятивным стратегиям в речи персонажей художественного текста [Баженова 2022].

Вежливость является прагматическим феноменом, так как выбор из имеющихся средств, сигнализирующих о вежливости, говорящий делает опираясь на свои знания о социальных отношениях и конвенциях [Meibauer 2008: 114]. Говорящий всегда ориентируется на адресата и выбирает ситуативно приемлемые грамматические и лексические средства [Нефедов 2022: 276]. Средства выражения вежливости могут отличаться в разных языках, что находит отражение в переводах художественной литературы. Произведение, текст в переводе которого мы рассматриваем, содержит разнообразные ситуации общения, в которых вежливость играет большую роль.

2. О некоторых особенностях поэмы в аспекте выражения вежливости

Действие происходит в XIX веке, когда общество делилось на различные сословия и группы. Сложное устройство общества приводило ко множеству нюансов в общении, о чем пишет и сам Гоголь в «Мертвых душах», имея в виду не только соблюдение общепринятых формальностей, но и способность русского человека тонко чувствовать особенности ситуации и выбирать соответствующие коммуникативные стратегии:

Надобно сказать, что у нас на Руси если не узнали еще кой в чем за иностранцами, то далеко перегнули их в умении обращаться. Пересчитать нельзя всех оттенков и тонкостей нашего обращения. Француз или немец век не смекнет и не поймет всех его особенностей и различий; он почти тем же голосом и тем же языком станет говорить и с миллионщиком, и с мелким табачным торгошом, хотя, конечно, в душе поподличает в меру перед первым [Гоголь 2009: 40].

Для госслужащих в то время действовала «Табель о рангах». Каждому чину соответствовал титул, который следовало использовать при обращении [Формановская 2017: 143]. Многообразие титулов давало говорящему возможность для различных манипуляций: «(...) а в разговорах с вице-губернатором и председателем палаты, которые были еще только статские советники, **сказал даже ошибкою два раза “ваше превосходительство”**, что очень им понравилось» [Гоголь 2009: 10]. В процессе общения человек может поменять обращение к собеседнику на более уважительное, чтобы достичь своих целей, извлечь пользу из знакомства [Мельгунова 2021: 18]. В данном случае Чичиков в стремлении польстить «нужным» людям нарушает предписанные правила и использует обращение, положенное более высоким чином.

Ситуации, в которые попадает главный герой, разнообразны и иногда нестандартны, что связано с планом приобретения Чичиковым мертвых душ. Так же различны и языковые средства, к которым он прибегает. Говорящий стремится не отступать от правил вежливости, так как в противном случае он может не достичь желаемой цели [Формановская 2017: 100].

Однако не только речь главного героя представляет интерес. Особенность поэмы заключается также в большом разнообразии

характеров персонажей, поведение которых иногда сильно различается, как у Манилова (чрезмерная вежливость) и Ноздрева (грубость):

*Тут Манилов с такою же любезностью **рассказал дело кучеру и сказал ему даже один раз «вы»*** [Гоголь 2009: 31].

*Там... он (Чичиков. — А.М.) познакомился с помещиком Ноздревым, человеком лет тридцати, развитым малым, который **ему после трех-четырёх слов начал говорить «ты»*** [Гоголь 2009: 14].

Средства выражения вежливости передаются в немецком издании иногда практически дословно, иногда с заменами и трансформациями. Например, Чичиков использует манипуляцию — комплимент, пытаясь доказать Собакевичу, что мертвые души не могут стоить дорого: *«Вы, кажется, **человек довольно умный, владеете сведениями образованности**»* [Гоголь 2009: 85] — *«Sie sind ein Mann von **Bildung und Verstand**»* [Gogol 2009: 145]. Здесь переводчик прибегает к замене и синтаксической трансформации, используя употребительное для своего времени выражение с тем же значением, а также отказываясь от модальности предположения. Дословный перевод вряд ли возможен, так как последняя часть фразы нестандартна и для русского языка.

Рассмотрим подробнее перевод различных языковых средств вежливости. Орфография перевода, содержащего отдельные варианты устаревшего написания слов, сохранена в данной статье.

3. Повседневные формулы речевого этикета

В этом разделе будут приведены примеры ситуаций, включающих приветствие, прощание, вопросы о самочувствии; также будет отмечена роль отдельных глаголов в вежливых репликах.

Универсальное в русском языке приветствие не имеет одного определенного эквивалента в немецком: *«Здравствуйте, батюшка! Каково почивали?»* [Гоголь 2009: 39] — *«Guten Morgen, Väterchen! Wie haben Sie geruht?»* [Gogol 2009: 67]. Здесь используется одно из стандартных клише в качестве замены; выбор из возможных вариантов зависит от контекста, из которого ясно время суток.

Для употребительной в то время формулы прощания в немецком языке существует общепринятый эквивалент: *«Прощайте, су-*

дарыня! <...> **Прощайте**, почтеннейший друг!» [Гоголь 2009: 30] — «**Leben Sie wohl, meine Gnädigste!** <...> **Leben Sie wohl, hochgeschätzter Freund!**» [Gogol 2009: 46].

Близко к оригиналу переданы вопросы о самочувствии, при этом возможны трансформации, например морфологические: «**А ваше как здоровье?**» [Гоголь 2009: 118] — «**Und wie befinden Sie sich?**» [Gogol 2009: 205].

В отдельных случаях русская реплика понятна только в контексте. Например, Чичиков в ответ на приветственные слова полового, т. е. служащего гостиницы, задает ему вопрос: «**Ну, а ты что?**» [Гоголь 2009: 108] — «...**und wie geht's dir?**» [Gogol 2009: 186]. Дословный перевод мог бы привести к искажению смысла, поэтому здесь удачно подобрана замена в виде узуального клише.

Следует отметить, что отдельные глаголы играют особую роль в отраженной в книге вежливой речи. В первую очередь это глагол *позволять*, использование которого предвещает вопросы и просьбы, высказывание мнения и др.: *позвольте заметить* — *erlauben Sie mir zu bemerken*, *позвольте спросить* — *erlauben sie mir die (noch eine) Frage*. «Привязанность» к данному глаголу с иронией отражена в следующем диалоге:

— **Позвольте** вас попросить расположиться в этих креслах, — сказал Манилов. — Здесь вам будет попокойнее.

— **Позвольте**, я сяду на стуле.

— **Позвольте вам этого не позволить**... [Гоголь 2009: 26].

„Wollten Sie nicht gefälligst in diesem Lehnstuhl Platz nehmen, es sitzt sich da sehr bequem“, sagte Manilow.

„**Erlauben Sie mir, auf einem Stuhle zu sitzen**“.

„**Erlauben Sie mir, Ihnen dieses nicht zu erlauben**“ [Gogol 2009: 43].

В первой реплике переводчик производит трансформацию синтаксической структуры предложения и заменяет глагол на модальный, который в немецком языке больше подходит для предложения что-либо сделать.

Одним из частотных вариантов при переводе предложений вопросительного характера, включающих фразу *позвольте узнать*, является замена первого русского глагола на немецкий *dürfen*. В немецком высказывании акцент смещается на говорящего, иногда добавляется отрицание: «**А позвольте** узнать фамилию вашу» [Го-

голь 2009: 40]. — «**Darf ich nicht Ihren Familiennamen wissen?**» [Gogol 2009: 69].

Немецкий *erlauben* может также использоваться, если в оригинале глагол, близкий по значению к «позволять»: «*Нет уж извините, не допущу пройти позади такому приятному, образованному гостю*» [Гоголь 2009: 21]. — «*Entschuldigen Sie, ich erlaube es durchaus nicht, daß ein so angenehmer, gebildeter Gast nach mir eintrete*» [Gogol 2009: 35]. Русское *не допущу* звучит здесь довольно категорично. В переводе присутствует компенсация стилистических потерь за счет наречия *durchaus*.

Интересно рассмотреть также перевод следующего вежливого ответа на распоряжение, который содержит устаревший глагол *потрафить* ‘угодить кому-л., сделать в соответствии с чьим-л. желанием’: «*Кучер... сказал “Потрафим, ваше благородие”*» [Гоголь 2009: 31]. — «*Der Kutscher erwiderte: „Wir finden es schon, Ew. Hochwohlgeboren!“*» [Gogol 2009: 52] Здесь переводчик прибегает к конкретизации и подбирает подходящий контекстуальный эквивалент — кучер отвечает на объяснения Манилова, как проехать к деревне помещика Собакевича, и обещает найти это место.

4. Обращение к собеседнику

Текст произведения содержит множество субстантивных вариантов обращений, среди которых титулы, ласкательные слова, термины родства, а также имена собственные. Переводчик стремится передавать обращения близко к оригиналу, возможно, иногда слишком дословно, но также и прибегая к заменам.

Примером близких соответствий является перевод обращений к вышестоящим лицам, как *ваше благородие* — *Ew. Hochwohlgeboren* (кучер — господину), *ваша милость* — *Euer Gnaden* (слуга — Чичикову), *ваше превосходительство* — *Euere Excellenz* (Ноздрев — губернатору). Эквивалентами можно считать также неофициальные обращения: *душенька* — *mein Schatz / meine Theure* (обращение мужа к жене), *милая* — *meine Theuere* (одна дама — другой), *любезный* — *mein Lieber* (Манилов — приказчику).

В отдельных случаях дословные варианты передачи ласкательных форм оказываются не очень типичными для немецкого языка. Это касается таких обращений, как широко используемые в произведении Гоголя *душа*, *душенька* и т. п.: *душенька* — *mein Seelchen*

(Манилов — жене), *душа моя* — *Seelchen / meine Seele* (одна дама — другой), *голубушка барыня* — *meine gnädige Frau, mein Täubchen* (служанка — барыне). Здесь следует сказать, что такое обращение, как *Seele / Seelchen*, для немецкого вообще не характерно, а не очень распространенное *Täubchen* скорее воспринимается как обращение к возлюбленной.

Ласкательными словами русский язык изобилует, а немецкий в этом отношении беднее. Подобные лексические единицы могут использоваться в роли обращения. Но так как они лишены концептуального содержания, они передаются так, как принято в соответствующем языке, а иногда следует опустить их перевод [Павлова, Светозарова 2012: 292–294]. В некоторых случаях следовало бы заменить обращения на более понятные немецкому читателю.

Близко к тексту передаются также термины родства, однако в их использовании в оригинале есть особенности. Только в одном случае термин родства подразумевает то, что он означает: *зятек* — *Schwagerchen*. Так обращается Ноздрев к молодому человеку, который на самом деле приходится ему зятем. В остальных же случаях номинации степеней родства являются маркером дружеского отношения, дружелюбия. Они передаются переводчиком максимально близко к оригиналу: *брат Чичиков* — *Bruder Tschitschikov*, *брат* — *Brüderchen* (Ноздрев — Чичикову), *матушка* — *Mütterchen* (Чичиков — помещице Коробочке), *батюшка/отец мой* — *Väterchen / mein Vater* (помещики Коробочка, Плюшкин — Чичикову): «*Не хотите ли, батюшка, выпить чаю?*» [Гоголь 2009: 37] — «*Ist's nicht gefällig, Thee zu trinken, Väterchen?*» [Gogol 2009: 63].

Отдельные ситуации, включающие использование терминов родства, совершенно нетипичны и для русского языка. Автор комментирует данную особенность общения в кругу приятелей-чиновников: «*все было очень семейственно*» [Гоголь 2009: 128] — «*sie lebten, als ob sie alle eine Familie ausmachten*» [Gogol 2009: 222].

Председатель обнимал несколько раз Чичикова... произнеся в излиянии сердечном: «Душа ты моя! Маменька моя!» [Гоголь 2009: 124] — *Der Präsident... umarmte Tschitschikov mehrmals, rief, vom Gefühl überströmend, aus: „Meine Seele, mein Schatz, mein Mütterchen!“* [Gogol 2009: 216].

Такие обращения к мужчине не характерны ни для русского, ни для немецкого языков. Здесь переводчик добавляет к двум обраще-

ниям в оригинале также более привычное в немецком «семейное» обращение *mein Schatz*.

Для слова *барин* как обращения работника к помещику, по нашему мнению, отсутствует полный эквивалент, так как в Германии того времени не было крепостного права, идентичного российскому. Вариант, использованный в переводе, ближе к русскому обращению *милостивый государь*, которое могло использоваться и в общении равных по статусу: «...приказчик говорил: “Хорошо бы, **барин**, то и то сделать...”» [Тоголь 2009: 14]. — «...der Verwalter sagte „Ich denke, **gnädiger Herr**, es wäre nicht schlecht, Dies oder Jenes zu thun...”» [Gogol 2009: 32].

Различные варианты передачи слова *сударыня* на немецкий язык зависят от того, кто к кому обращается. Если обращение Чичикова к жене Манилова переведено как *gnädige Frau* или *meine Gnädigste*, то в следующем случае обращения служанки к помещице вариант иной: «Слушаю, **сударыня!**» [Тоголь 2009: 38] — «Ich hör's **Herrin!**» [Gogol 2009: 64].

С именами собственными переводчик порой обращается очень вольно. Звучание большинства передается адекватно, но в отдельных случаях возникают расхождения, причина появления которых не ясна: *Лизанька* — *Lisinka*, *Собакевич* — *Sabakowitsch*, *Селифан* — *Selizhan*. Такую небрежность в передаче имен собственных справедливо отмечают исследователи переводов Гоголя [Никанорова 2011: 594].

5. Формулировка просьбы

В русской культуре вполне вежливым считается употребление императивных форм в сочетании со словом *пожалуйста* [Анохина, Кострова 2006: 116]. В книге такие просьбы (на самом деле — распоряжения) обращены в основном к слугам, при этом императивные формы сочетаются с обращением на «ты». При несимметричных отношениях использование одним из собеседников такого обращения сигнализирует о неравенстве говорящих [Улиш и др. 2001: 30]: «Ты, **пожалуйста**, их **перечти**, — сказал Чичиков, — и **сделай** подробный реестрик всех поименно» [Тоголь 2009: 27]. — «„**Sei so gut, sie zusammenzuzählen und ein Verzeichnis derselben zu machen**“, sagte Tschitschikov» [Gogol 2009: 45]. Переводчик заменяет «пожалуйста» другим языковым средством для выражения вежливой просьбы —

устойчивым выражением *sei so gut* 'будь так добр'. При этом императивную форму имеет только первый глагол в этой фразе, а не обозначения требуемых от адресата действий.

В диалогах равных или близких по статусу людей повелительное наклонение встречается редко, за исключением различных этикетных формулировок, как *сделайте милость, позвольте, не беспокойтесь*.

При использовании прямых речевых актов существует угроза коммуникативных неудач, поэтому говорящие предпочитают косвенные речевые акты [Газизов 2010: 98]. В следующем случае используется сослагательное наклонение, которое, однако, не передается в переводе: «Только, батюшка, ради нищеты-то моей, уже **дали бы** по сорока копеек» [Гоголь 2009: 106]. — «Nun, Väterchen, aus Mitleid mit meiner Armuth, **geben Sie** zu vierzig Kopeken» [Gogol 2009: 181].

Перед значительной просьбой обычно следует какое-то вступление или вводная фраза, а затем уже формулируется сама просьба [Buscha et al. 2006: 262–263], например: «**Я хотел было поговорить с вами об одном дельце**» [Гоголь 2009: 82]. — «**Ich habe mit Ihnen von einem kleinen Geschäftchen zu sprechen**» [Gogol 2009: 139]. В данном случае в русском высказывание менее категорично. В немецком переводе появляется модальность необходимости. Впрочем, переводчик сохраняет уменьшительный суффикс и добавляет также прилагательное *klein*, что, скорее всего, уже не требуется. Мейотические дериваты, т. е. слова с уменьшительными суффиксами, отражают не реальные количественные изменения объекта, а коммуникативную интенцию адресанта, направленную на создание определенной атмосферы общения, благоприятной для реализации говорящим его конечной интенции [Тахтарова 2007: 91].

«**Но позвольте прежде одну просьбу...**» [Гоголь 2009: 26] — «**Doch erlauben Sie mir eine Frage...**» [Gogol 2009: 43]. Здесь немецкая вводная фраза с лексической заменой существительного в формальном смысле оказывается точнее оригинала, так как за этой репликой следуют еще вопросы о том, умирали ли в поместье крепостные крестьяне, сколько и т. д., а к самой просьбе говорящий приступает позже.

Интересный во многих отношениях пример представляет собой самая первая просьба Чичикова о передаче ему мертвых душ, которая обращена к Манилову:

— *Итак, я бы желал знать, можете ли вы мне таковых, не живых в действительности, но живых относительно законной формы, пере-*

дать, уступить или как вам заблагорассудится лучше? [Гоголь 2009: 28] — „Und so wünschte ich zu wissen, ob Sie mir **die** in Wirklichkeit **totden**, aber in Bezug auf die gesetzliche Form lebenden Bauern **verkaufen** oder **abtreten wollen**, je nachdem Sie es für gut erachten?“ [Gogol 2009: 46].

Просьба формулируется в виде вопроса, что характерно. Центр коммуникативного прагматического поля просьбы образуют вопросительные предложения [Которова 2016: 71], тем более в ситуации, когда говорящий стремится выразиться не прямо. Одной из форм реализации просьбы можно считать желательные высказывания [Гладров, Которова 2021: 356–357], пример чего мы наблюдаем в начале фразы. Также здесь имеет место стратегия умалчивания. Она может заключаться в разного рода перефразированиях, переименованиях определенных объектов, прямо сказать о которых персонажи по каким-либо причинам не могут или не желают [Баженова 2022: 17]. Чичиков избегает слова *мертвые*. Немецкий вариант во многом получился более прямолинейным: *не живых — die toden, передать — verkaufen, можете — wollen*.

6. Функции извинений и языковое выражение скромности

Различные варианты извинений, присутствующие в тексте поэмы, только изредка являются извинениями за проступок, провинность. Например, Собакевич извиняется за то, что наступил на ногу Чичикову: «*Прошу прощения*» [Гоголь 2009: 13]. — «*Bitte um Entschuldigung!*» [Gogol 2009: 19].

В остальных случаях функции лексики с семантикой извинения могут быть иными — во фразах этикетного характера — например, в извинениях хозяина дома перед гостем за то, что ему оказан прием не столичного уровня. Возможно использование при переспросе, при высказывании благодарности за услугу, как в следующих случаях:

— Как-с? *Извините...* <...> мне послышалось престранное слово... [Гоголь 2009: 27]. — „Wie? **Sie entschuldigen...** ich glaube ein gar sonderbares Wort zu hören“ [Gogol 2009: 46].

— Ах, Боже мой! *Мне, право, совестно*, что нанес столько затруднений [Гоголь 2009: 115]. — „Ach, mein Gott! **Ich schäme mich ordentlich**, daß ich Ihnen so viele Mühe gemacht“ [Gogol 2009: 199].

Извинения могут характеризовать говорящего как скромного человека. Следует отметить, что для проявлений скромности есть и другие языковые средства, которые являются неотъемлемой частью вежливости. Одной из стратегий адресата в диалоге, в реагирующих ответных репликах, может быть преуменьшение адресатом своих качеств и заслуг. При этом могут использоваться прилагательные с негативной семантикой [Газизов 2009: 16]. Чичиков использует в ответе на комплимент следующие самоуничижительные слова: «*Помилуйте, что ж за приятный разговор? Ничтожный человек, и больше ничего*» [Гоголь 2009: 24]. — «*Sie sind sehr gütig <...>. Ich bin ein ganz gewöhnlicher, nichtssagender Mensch*» [Gogol 2009: 39]. Чтобы избежать неправильного понимания высказывания, возможного из-за глубинной трансформации первой части фразы, переводчик добавляет во второе предложение местоимение-подлежащее и глагольную часть сказуемого.

Иногда маркеры скромности появляются в немецком переводе — как, например, неопределенно-личное местоимение *man* для самообозначения говорящего. «*Позвольте узнать, где здесь дела по крепостям?*» [Гоголь 2009: 116] — «*Darf man nicht fragen, an wen man sich wegen Kaufverträge zu wenden hat?*» [Gogol 2009: 201]. Для прономинативов характерна зависимость их значения от контекста [Нефедов 2018: 260]. Здесь Чичиков имеет в виду себя, но использует фразу без местоимения первого лица.

7. Выводы

Рассмотренный материал позволяет сделать вывод, что передача средств выражения вежливости во многих случаях близка к оригиналу, хотя отдельные моменты и заслуживают критики. Добавления, опущения и трансформации, к которым прибегает переводчик, допустимы — притом что иногда в них нет острой необходимости. Если придерживаться правила, что при использовании трансформаций в переводе важна верность коммуникативной стратегии исходного текста, максимально возможное сохранение авторского замысла [Дзенс, Перевышина 2012: 60], то, по нашему мнению, подобное сохранение удалось в первую очередь в передаче этикетных формул в повседневном общении, извинений и фраз, содержащих проявления скромности. Что касается перевода обращений, в некоторых случаях он неудачен.

При передаче просьб немецкий вариант получился во многом более прямолинейным и категоричным. Можно предположить, что это связано не столько с особенностями немецкого языка, в котором достаточно средств для формулировки некатегоричных высказываний, сколько со своим видением переводчиком сюжета и характера персонажей. Например, целеустремленность и настойчивость Чичикова в реализации своего замысла проявляются в переводе его высказываний, несмотря на некоторую завуалированность его формулировок в языке оригинала. В числе коммуникативных стратегий, которыми руководствуется главный герой для достижения своей цели, — лесть, косвенное выражение побуждения. Впрочем, его речевое поведение «подстраивается» под адресата и не всегда одинаково, что в основном отражено и в переводе.

Ф. Лёбенштейн впервые познакомил немецкого читателя с одним из самых известных произведений русской литературы. Его перевод несомненно заслуживает внимания и интересен именно тем, что сделан современником писателя. Данный текст открывает для нас восприятие поэмы Н. В. Гоголя носителем немецкой культуры и является примером переводческих стратегий того времени.

Источники иллюстративного материала

Гоголь Н. В. Мертвые души. Поэма. Новосибирск: Сибир. унив. изд-во, 2009. 206 с.

Gogol N. Die toten Seelen. Roman. Aus dem Russischen von Philipp Löbenstein. Zürich: Diogenes, 2009. 368 S.

Литература

Анохина С. П., Кострова О. А. Сравнительная типология немецкого и русского языков. М.: ФЛИНТА, Наука, 2012. 208 с.

Баженова Я. Г. Художественные функции моделей манипулятивного речевого взаимодействия в диалогах героев Ф. М. Достоевского // Научный диалог. 2022. Т. 11, № 4. С. 9–28. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-4-9-28>

Газизов Р. А. Максима такта в аспекте лингвистической вежливости (на материале немецкого языка) // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. 2010. № 2 (12). С. 97–104.

Газизов Р. А. Принцип вежливости в немецкой диалогической речи (на примере максим согласия и скромности) // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. №7 (145). С. 13–18.

Гладров В., Которова Е. Г. Модели речевого поведения в немецкой и русской коммуникативной культуре. М.: Издательский дом ЯСК, 2021. 472 с.

Дзэнс Н. И., Перевышина И. Р. Теория перевода и переводческая практика с немецкого языка на русский и с русского на немецкий. СПб.: Антология, 2012. 560 с.

Которова Е. Г. Модель речевого поведения «просьба» в русском и немецком языках: сопоставительное исследование // Жанры речи. 2016. № 1. С. 65–77. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2016-1-13-65-77>

Мельгунова А. В. Формы обращения к собеседнику в немецком историческом романе и их передача при переводе (на материале романа Л. Фейхтвангера «Еврей Зюсс») // Современный ученый. 2021. № 6. С. 15–19.

Нефедов С. Т. Теоретическая грамматика немецкого языка. Морфология. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2018. 354 с.

Нефедов С. Т. Теоретическая грамматика немецкого языка. Синтаксис. Текст. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2022. 374 с.

Никанорова Ю. В. Некоторые особенности первого немецкого перевода поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души» // Вестник науки Сибири. Серия 9. Филология. Педагогика. 2011. № 1 (1). С. 590–598.

Павлова А. В., Светозарова Н. Д. Трудности и возможности русско-немецкого и немецко-русского перевода. СПб.: Антология, 2012. 480 с.

Тахтарова С. С. Стратегии вежливости в немецкой лингвокультуре // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2007. № 2 (20). С. 89–93.

Улиш Г., Гюгольд Б., Уварова Л., Гапонова И. Приветствие и обращение в немецком языке. М.: НВИ-Тезаурус, 2001. 60 с.

Формановская Н. И. Культура общения и речевого поведения. М.: Икар, 2017. 238 с.

Buscha J., Freudenberg-Findeisen R, Forstreuter E., Koch H., Kuntzsch L. Grammatik in Feldern. Ismaning: Hueber, 2006. 336 S.

Meibauer J. Pragmatik. Eine Einführung. Tübingen: Stauffenburg, 2008. 208 S.

References

Anokhina S. P., Kostrova O. A. *Comparative Typology of German and Russian Languages*. Moscow, FLINTA Publ., Nauka Publ., 2012, 208 p. (In Russian)

Bazhenova Ia. G. Artistic functions of Models of Manipulative Speech Interaction in Dialogues of Heroes by F. M. Dostoevsky. *Nauchnyi dialog*, 2022, no. 11 (4), pp. 9–28. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-4-9-28> (In Russian)

Buscha J. Freudenberg-Findeisen R, Forstreuter E., Koch H., Kuntzsch L. *Grammatik in Feldern*. Ismaning, Hueber, 2006, 336 p.

Dzens N.I., Perevyshina I.R. *Theory of Translation and Translation Practice from German into Russian and from Russian into German*. St. Petersburg, Antologiiia Publ., 2012, 560 p. (In Russian)

Formanovskaia N.I. *Communication Culture and Speech Behavior*. Moscow, Ikar Publ., 2017, 238 p. (In Russian)

Gazizov R.A. Maxim of Tact in the Aspect of Linguistic Politeness (on the Basis of the German language). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*, ser. 2, Iazykoznanie, 2010, no. 2 (12), pp. 97–104. (In Russian)

Gazizov R.A. The Principle of Politeness in German Dialogic Speech (Based on Maxims of Agreement and Modesty). *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2009, no. 7 (145). P. 13–18. (In Russian)

Gladrov V., Kotorova E.G. *Models of Speech Behavior in German and Russian Communicative Culture*. Moscow, IASK Publ., 2021, 472 p. (In Russian)

Kotorova E.G. The speech behavior pattern of “request” in Russian and German: a contrastive study. *Zhanry rechi*, 2016, no. 1, pp. 65–77. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2016-1-13-65-77> (In Russian).

Meibauer J. *Pragmatik. Eine Einführung*. Tübingen, Stauffenburg, 2008, 208 p.

Mel'gunova A.V. Forms of Addressing the Interlocutor in a German Historical Novel and their Interpretation in the Translation (Based on the Material of L. Feuchtwanger's Novel “The Jew Suess”). *Sovremennyyi uchenyi*, 2021, no. 6, pp. 15–19. (In Russian)

Nefedov S.T. *Theoretical Grammar of the German Language. Morphology*. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2018, 354 p. (In Russian)

Nefedov S.T. *Theoretical Grammar of the German Language. Syntax. Text*. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2022, 374 p. (In Russian)

Nikanorova Iu. V. Some Features of the First German Translation of N. V. Gogol's Poem “Dead Souls”. *Vestnik nauki Sibiri, ser. 9. Filologiya. Pedagogika*, 2011, no. 1 (1), pp. 590–598. (In Russian)

Pavlova A. V., Svetozarova N. D. *Difficulties and Possibilities of Russian-German and German-Russian Translation*. St. Petersburg, Antologiiia Publ., 2012, 480 p. (In Russian)

Takhtarova S.S. Politeness Strategies in the German Linguoculture. *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2007, no. 2 (20), pp. 89–93. (In Russian)

Ulish G., Giugol'd B., Uvarova L., Gaponova I. *Greetings and Address in German*. Moscow, NVI-Tezaurus Publ., 2001, 60 p. (In German)

Мельгунова Анна Владиславовна

доцент кафедры немецкой филологии СПбГУ, кандидат филологических наук
Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Anna V. Melgunova

Associate Professor of German Philology Department, St. Petersburg State University
Candidate of Philological Sciences
Address: 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

E-mail: a.melgunova@spbu.ru

Статья поступила в редакцию 19 января 2023 г.

Принята к публикации 26 апреля 2023 г.

POLITENESS AS A WAY TO ENCOURAGE CONVERSATION

For citation: Dmitrieva M.N. Politeness as a way to encourage conversation. *German Philology in St. Petersburg State University*, 2023, iss. 13, pp. 228–240.
<https://doi.org/10.21638/spbu33.2023.112>

The empirical material is the novel of the German-speaking writer B.Schirmer *Schlehwains Giraffe*. The research focuses on speech strategies and tactics of politeness as one of the components of verbal communication addressed to the Giraffe. Recorded in a text, the model of verbal and non-verbal behavior of a person, the author, trying to encourage a conversation with an animal is analysed. The category of politeness, thus, appears in a single discursive space with the direction. The relevance of the study is explained by the communicative and pragmatic approach applied to the analysis of speech addressed to an animal. The narrator treats the animal with great care. He also asks various questions to the Giraffe as he believes the Giraffe is able to communicate. However, the author fails to establish communication. The Giraffe is silent. The narrator uses directive linguistic means in the colloquial style of speech: brief questions, accentual particles, lexical and syntactic repetitions, appeals to the Giraffe and so on. The author-narrator repeatedly corrects his verbal behavior, uses various strategies, but, eventually, comes to the conclusion, that the Giraffe is incoherent. Finding herself in a usual natural environment, the Giraffe unexpectedly reproduces a phrase which belongs to the group of precedent texts, to the surprise of the narrator. The narrator understands the reasons for the Giraffe's persistent silence. The communicative strategy of the author-narrator changes, his speech becomes rude and impolite. Thus, the language material illustrates the widest spectrum of politeness pragmatics and deviations from this speech strategy.

Keywords: modality of politeness, implicit and explicit politeness, directivity, literary narrative, verbal communication with an animal.

M. H. ДМИТРИЕВА
Санкт-Петербургский государственный университет

ВЕЖЛИВОСТЬ КАК СПОСОБ ПОБУДИТЬ К РАЗГОВОРУ

Для цитирования: *Dmitrieva M. N. Politeness as a way to encourage conversation // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. 2023. Вып. 13. С. 228–240. <https://doi.org/10.21638/spbu33.2023.112>*

Эмпирическим материалом служит роман немецкоязычного писателя XX в. Бернда Ширмера «Жираф Шлейвайна», рассказывающий об историческом периоде ГДР 1970–1980-х годов. В центре внимания исследования — речевые стратегии и тактики вежливости как одна из составляющих вербальной коммуникации, обращенной к жирафу. Анализируется зафиксированная в художе-

ственном тексте модель речевого и неречевого поведения человека, автора-рассказчика, пытающегося побудить животное к разговору. Категория вежливости выступает, таким образом, в едином дискурсивном пространстве с побуждением к вербальному действию. Актуальность исследования объясняется проекцией коммуникативно-прагматического подхода к анализу речи, обращенной к животному. Согласно сюжету романа, нарратор очень бережно обращается с животным. Он также адресует жирафу вопросы, просит рассказать о себе, так как принимает за истину способность жирафа к связной речи. Однако автор-рассказчик раз за разом терпит коммуникативную неудачу. Жираф упорно молчит и отказывается от коммуникативного сотрудничества, иногда лишь невербально реагируя на речь. В речи рассказчика используются языковые средства передачи директивности в разговорном стиле речи: краткие вопросы, акцентные частицы, лексические и синтаксические повторы, обращения к жирафу и другие. Нарратор постоянно корректирует свое вербальное поведение, применяя различные стратегии и тактики, но в итоге констатирует неспособность жирафа к связной речи. Однако оказавшись в привычной для себя природной среде, жираф неожиданно для рассказчика воспроизводит фразу, относящуюся к группе прецедентных текстов. Рассказчик понимает причины упорного молчания жирафа. Коммуникативная стратегия автора-рассказчика изменяется, речь становится грубой и невежливой. Таким образом, на языковом материале можно наблюдать самую широкую палитру прагматики вежливости и отклонения от данной речевой стратегии.

Ключевые слова: модальность вежливости, имплицитная и эксплицитная вежливость, директивность, художественный нарратив, вербальная коммуникация с животным.

1. Introduction

The semantics of the Russian word “politeness” goes back to the word ‘to know’, which means that politeness should be understood as the knowledge of some generally accepted cultural and linguistic code and its execution. The discussion of politeness in connection with the linguistic picture of the world is recognized in a number of works in the field of modern linguistics [Krylova 2006; Myatsinskaya 2014]. The German-language concept of *Höflichkeit* includes two meanings as well: “*höfliches Benehmen*” and “*höfliche Worte*” [DUW 2015: 881]. Thus, politeness is a contaminated concept that combines the verbal and non-verbal components.

In the discursive space politeness interacts with other communicative, pragmatic and behavioral presets. In this study the initial statement of close interaction of the two categories is accepted: politeness and directivity to verbal action. The main question is how the category of politeness manifests itself in the framework of verbal behavior of a person to an animal, and non-verbal interaction between a person and an animal.

How do the categories of politeness and motivation interact? What features do they exhibit in connection with the specifics of animal-oriented communication?

The relevance of the research is manifested by the fact that in the recent linguistic studies the problems of animal communication systems and ways of human-animal communication have been covered. See, for example, one of the fundamental works in this field [Burlak 2011]. The research material is a model of verbal influence on the behavior of an animal recorded in a literary text. The theoretical and methodological basis of the study takes into account both classical approaches to the analysis of politeness from the standpoint of linguistics and cultural studies, as well as modern theories. The choice of research material is determined by a non-standard approach to the category of politeness and the desire to get a great scientific relevance. Moreover, the selected material makes it possible to show the versatility of the category of politeness.

2. Methods and material

The main research methods are as follows: 1) communicative and pragmatic analysis; 2) component analysis; 3) contextual analysis; 4) elements of literary analysis.

The research material is the novel *Schlehwains Giraffe* by Bernd Schirmer, a German writer and playwright of the 20th century. The cultural and historical background of the narrative is associated with the period of the fall of the Berlin Wall and the time of the unification of Germany. The text of the novel is a conversation between the narrator and a real Giraffe living in his apartment. The main communicative task of such ‘interaction’ is to learn as much as possible about the Giraffe. Politeness, as one of the components of interaction, is manifested both at the non-verbal and verbal levels of communication. The non-verbal behavior of the animal is described as follows, for instance:

- (1) *Die Giraffe schüttelt den Kopf. ... sie blickt stumpf und gelangweilt drein* [Schirmer, 1991, 23]. — ‘The Giraffe turns its head from side to side — a dull and bored look.’

Or the following:

- (2) *Die Giraffe ist in sich zusammengesunken und hat ihren Kopf auf den Rücken gelegt* [Schirmer 1991: 25]. — ‘The Giraffe is in herself and has put her head on her back.’

Based on the cognitive model of the general knowledge of the world, the reader understands that the actions of the animal described are also characteristic of its behavior in the usual habitat. Therefore, the question of to what extent these actions are related to the narrator's speech remains open.

The narrator is convinced of the opposite. Experiencing a communicative failure time and again, he changes his communicative behavior. Thus, based on the theory of modelling literary communication [Novozhilova 2021], the Giraffe takes the place of the fictitious recipient of the narrative.

The situation of discursive interaction with the Giraffe is also interesting because the word "Giraffe" in German is grammatical feminine, i. e. the male narrator's speech is addressed to a female being, which creates additional pragmatic connotations.

3. Discussion. Politeness in language and culture. Modern linguistic concepts of politeness

The scientific paradigm of modern communicative and anthropocentric linguistics cannot ignore such important category as politeness. The most important role of the category of politeness in communication is postulated in the scientific works of P. Grice, recognized by modern linguistics as classical [Grice 1975].

In the Russian linguistics politeness is considered, among other things, in the works of N.I. Formanovskaya. N.I. Formanovskaya suggests describing politeness as a concept, since politeness is, according to Formanovskaya, "a moral and communicative category that has diverse expressions through numerous means" [Formanovskaya 2007: 125]. As a rule, politeness is viewed from a positive perspective, since deviations from politeness already belong to the category of "impoliteness". For the purposes of this study, both manifestations of politeness and deviations from this strategy are relevant, which will be shown below on the linguistic material of a prose text.

The modern concept of politeness is described in the monograph by I.L. Erzinkjan [Erzinkjan 2018], which consistently presents both classical and innovative approaches to the description of this cognitive and linguistic category. The empirical part of the study is based on the material of the modern English language. At the same time, it is rightly emphasized that the means of expressing politeness are individual for each

language, and they may not exist at all. Then the very absence of markers of “impoliteness” should be understood as politeness. We consider the definitions of “implicit” and “explicit” politeness proposed by I. Erzinkjan to be the most valuable concepts for this study [Erzinkjan 2018: 128]. Indeed, this approach allows to describe the manifestations of politeness towards the Giraffe, which in the narrative are diverse and multifaceted.

For the most multidimensional implementation of the tasks of this study, it is expedient to introduce the concept of modality of politeness. Within this category the following can be taken into account: 1) the general cognitive attitude of the speaker (in our case, the author-narrator) to a polite and careful attitude towards the Giraffe; 2) the verbal behavior of the speaker addressed to the animal, including linguistic means of showing politeness and markers of deviation from politeness; 3) the communicative strategy of encouraging the Giraffe for verbal action.

4. Results

In this section on the language material of the novel we will trace how the verbal and non-verbal behavior of the narrator changes and the categories of politeness and directionality transform with the development of the plot.

An episode that opens the narrative is the scene of the narrator’s acquaintance with the Giraffe, including, in particular, description of the invitation to enter the apartment:

- (3) *Ich bat die beiden in die Wohnung. <...> Mit lässiger Geste lud ich meine Besucher ein, Platz zu nehmen* [Schirmer 1991: 12].
— ‘I invited both of them into the apartment and asked them to sit down with a casual gesture.’

As we can see, the author politely greets the guests, his old friend Schlehwein and his ward Giraffe.

According to the plot of the novel, the writer Schlehwein becomes a victim of a criminal prosecution for political and criminal reasons. To avoid being put into prison Schlehwein is forced to immigrate to Africa and leave the Giraffe in the care of his close friend, who turns out to be the narrator.

The fictitious reader of the novel, as well as the actual reader, too, ask themselves a logical question about the Giraffe’s ability to talk. The only person in the novel who allegedly heard the Giraffe’s coherent speech

himself, and therefore knows for sure that the Giraffe can pronounce individual words and, in fact, talk, is a postman named Kleingrube. The giraffe, according to Mr. Kleingrube, spoke when she lived with Karl-Ernst Schlehwein in a country house near the town of Oderbruch.

The animal's speaking skills are also indicated by the phrase put into the mouth of the postman in conversation with the narrator (Here and further in bold italics is the text of the examples highlighted by the author of the paper):

- (4) *Der Briefträger sah mich an. **Sie spricht, ja?** Wie kommen Sie denn darauf, erwiderte ich. Hat sie vielleicht gesprochen? Auf einmal hatte der Briefträger sehr eilig* [Schirmer 1991: 27]. — ‘The postman looked at me. “**She speaks, doesn't she?**” “Why have you drawn such a conclusion? I objected. — She may have spoken?” The postman was suddenly in a hurry’.

As you can see, having touched on a difficult topic of conversation, the postman does not want to continue communication and leaves.

The author-narrator is a writer by profession. In search of new subjects for his work he tries to “talk” to the Giraffe, learn about her past, in order to later process the material and turn the animal's story into a literary work. But, once in the narrator's apartment, the Giraffe categorically refuses to talk and remains completely silent; see the quote from the novel:

- (5) *Die Giraffe hüllt sich in Schweigen* [Schirmer 1991: 47]. — ‘The Giraffe remains silent’.

The narrator addresses questions to the Giraffe not only out of professional interest. Boredom and simple everyday curiosity are additional motives for speaking. Another motive is the feeling of loneliness, because, according to the plot of the novel, for the third time he is abandoned by his wife Kristina, the woman he loves and is waiting for. Thus, “communication” with the Giraffe brightens up his anguish and fills the niche of communication after the family break-up. This feature of communication with animals is also indicated in specialised studies [Baikulova 2008: 17].

Again and again, trying to get the Giraffe to talk, the narrator resorts to various communicative and pragmatic strategies of a directive to verbal action. In an effort to gain the trust of the Giraffe, he tells her about himself. This story begins with an ellipsis of an imaginary request from a Giraffe:

- (5a) *Ich? Ich weiß nicht. Es ist nicht viel zu erzählen* [Schirmer 1991: 22]. — ‘Me? No, I do not know. There’s not much you can tell [about yourself].’

The giraffe barely reacts to the story. When the narrator notices this, he appeals to the Giraffe’s attention, to issues related to the plane of metacommunication, but it turns out that the Giraffe is already fast asleep:

- (6) *Aber hörst du mir überhaupt zu?* [Schirmer 1991: 25]. — ‘Are you listening to me?’

The interrogative statement (6) has the form of a general question and, in fact, is a directive “listen to me!” The directive nature of interrogative sentences is generally recognized in the paradigm of modern linguistic knowledge. This confirms the fact that there is such an approach in the generally recognized classical works on German Studies. German linguists G. Helbig and J. Buscha note the following in this regard: “Fragesätze sind Aufforderungen bestimmter Art” [Helbig, Buscha 2001: 615].

The author takes care of the animal, takes her for walks, feeds her with her favorite cornflakes, allows her to watch TV. The verbal behavior of the author-narrator in the first part of the novel invariably belongs to the pragmatics of politeness, but the Giraffe hardly shows a desire for communicative cooperation.

Meanwhile, the narrator, in non-verbal and verbal form, constantly maintains contact with the Giraffe. For example, one of their walks together is described as follows:

- (7) *“Es ist zu früh, sagte ich, beruhige dich. <...> Komm, sage ich, wir wollen sie besuchen, die Freunde. Die Giraffe ist entzückt. Sie freut sich <...> Latsch nicht so, sage ich. <...> Na bitte, sage ich <...> Hast du für heute genug, fragte ich, oder schaffst du noch einen? <...> Schaffst du noch einen? Die Giraffe nickt”* [Schirmer 1991: 28–29]. — “It’s too early,” I said, “calm down! Let’s go,” I say, “we’ll visit them, friends.” The Giraffe is delighted. She’s happy. “Don’t click like that,” I say. — “Here you go,” I say. — “Have you worked up enough for today?” I asked. — “Or will you manage another [visit]? Can you handle another one?” The Giraffe nods.

In the course of the narration, there are constant indications that the Giraffe avoids any verbal reaction to all the questions of the author-narrator. Here are some examples:

- (8) *Die Giraffe hüllt sich in Schweigen, ich kann fragen, was ich will* [Schirmer 1991: 47]. — ‘The Giraffe keeps silent, I can ask anything.’
- (9) *Nichts. Keine Reaktion. Hartnäckiges Schweigen der Giraffe* [Schirmer 1991: 52]. — ‘Nothing. No reaction. Persistent silence of the Giraffe.’
- (10) *Nichts. Die Giraffe steht nur da* [Schirmer 1991: 53]. — ‘Nothing. It’s just a giraffe here.’

The narrator’s repeated pragmatic failures force him to plan his own speech actions differently. The narrator states that his goal — to make the Giraffe talk — was never realized, despite all the efforts made:

- (11) *Ich komme und komme nicht weiter. Wahrscheinlich muß ich die Taktik ändern. Ich muß sie locker machen. Ich muß sie aufheitern. Ich muß den Ton wechseln. Ich muß ihr Vertrauen gewinnen. Wenn ich ihr alles sage, dann sagt sie vielleicht auch alles. Ich muß einfach erzählen* [Schirmer 1991: 55]. — ‘I’m still not getting any further. Perhaps I should change my tactics. I need to liberate her. I need to cheer her up. I need to change my tone. I need to gain her trust. If I tell her everything, then maybe she’ll tell me everything too. I just need to talk.’

The speaker directly formulates his intention to change tactics in order to gain the Giraffe’s trust. One of the stylistic techniques here is the lexical repetition of verbal lexemes: *komm* and *ich muß*. Repetition is a special pragmarhetorical device and is intended to give the utterance the effect of increased emotional colouring. For more information about the types of repetition see, for example [Nefedov 2022: 333].

The speaker offers the interlocutor to make a speech move, to talk again, but to no avail:

- (12) “*Merkst du was, Giraffe? <...> du kannst jetzt reden, du kannst dich erleichtern. Nicht? Du willst nicht? Gut. Dann laß mich meins zu Ende bringen. <...> Aber hör mal, du kannst schweigen, wie du willst, ich erzähle trotzdem weiter. Ob es dir passt oder nicht*” [Schirmer 1991: 66]. — ‘You know what, Giraffe? You can talk now, you can talk now. No? Don’t you want to? Good. Then let me tell you the whole story. But listen, whatever you want, you can keep quiet. Despite this, I will continue, whether you like it or not.’

Here, a number of questions are aimed at finding out the information about the best years of the Giraffe’s life. Apparently, the narrator believes that if the Giraffe does not want to talk about the negative aspects of her

biography and also does not want to say anything about political topics, perhaps she will agree to talk about her positive memories:

- (13) *“Was war, fragte ich, die schönste Zeit deines Lebens? War es die Kindheit? Waren es die sonnigen Sommertage in Schlehweins großem Garten? Oder waren es deine Wanderjahre, über die **du dich so hartnäckig schweigst?**”* [Schirmer 1991: 67]. — “‘What was,’ I asked, ‘the best time of your life? Was it childhood? Were these sunny days spent in the large garden of Schlewine? Or were these the years of your wanderings, about which **you are so stubbornly silent?**’”

The giraffe is stubbornly silent again. After these questions, for the only time throughout the entire action of the novel, the narrator questions the very ability of the Giraffe to speak:

- (14) *Manchmal denke ich, die Giraffe **kann gar nicht sprechen**, und selbst ihre gestammelten Worte wie Kononialismus habe ich mir nur eingeblendet* [Schirmer 1991: 67]. — ‘Sometimes I think the Giraffe **can’t speak at all**. And even her muttering “conolialism” I invented for myself.’

Thus, the narrator here tries to explain the communicative failure that has befallen him again by the fact that the Giraffe simply does not know how to talk. And the words that are periodically “pronounced” by the animal seem to him only an illusion. Having found such an explanation of persistent silence, the narrator stops addressing questions to the Giraffe.

Further, in chapter 20 of the novel, it is told that the author goes to the country where Mr. Schlehwein lived to settle some legal issues, and takes the Giraffe with him. Delighted with the sight of the overgrown garden familiar to her, the Giraffe runs happily in the greenery. And suddenly utters a phrase that largely explains her reluctance to speak. The following text fragment is taken from one of the key scenes of the entire narrative:

- (15) *Die Giraffe wieherte, sie grunzte, sie gurrte. Sie sprach sogar. Sie sprach das erste Mal wieder seit langer Zeit. **Es lebe die dtsh demkrtsch Republik**, sagte sie. Halt dein Maul, rief ich, sonst kommst du wieder hinter Gitter’* [Schirmer 1991: 90]. — ‘The Giraffe was mooing, she was grunting, she was snorting. She even talked. She spoke again for the first time in a long time. **“Long live GDR!”** she said. “Shut your mouth!” I shouted. “Otherwise, you’ll end up behind bars again!”’

The giraffe “spoke” for the first time in a long time. The phrase that the Giraffe “pronounces”, ‘*Es lebe die Deutsche Demokratische Republik*’ is a precedent text. That is, it has the connection with a certain era and cultural and historical conditions of the development of Germany in the last decades of the 20th century. For more information about the features of functioning of precedent texts, see a modern monograph [Slyshkin 2000].

After hearing the Giraffe’s “utterance”, the author violates the politeness strategy. In a rough form he demands that the Giraffe be silent. The pragmatics of “impoliteness” is conveyed by the expletive “*Halt die Maul!*”, the verb of saying *rufen* and the threat that the Giraffe will be behind bars again. That is, when the Giraffe finally speaks, the author demands that she shut up. The communicative and pragmatic colouring of the author’s speech suggests that he is retreating from the strategy of politeness. The author intentionally offends the Giraffe, calls her names.

Another case of deviation from the strategy of politeness is the scene when the postman brings the narrator a photo from an old newspaper, in which the Giraffe is taking a treat from the hands, according to the postman, of the chairman of the Communist Party of the GDR. And the postman, reinforcing his arguments with the photo found, suggests that the narrator punish the Giraffe, give the Giraffe away to the new authorities. The Giraffe overhears their conversation and, seeing the Giraffe at the kitchen door, in a fit of rage, the narrator shouts at the Giraffe, offends her, and for the second time in the text of the novel deviates from the strategy of politeness. In an abbreviated form, this author’s appeal to the Giraffe can be given as follows:

- (16) „*du kannst doch reden <...> du Altlast du, du alte Seilschaft, du hast doch mit ihnen unter einer Decke gesteckt <...> du kannst doch reden <...> warum hast du nie was gesagt <...> es lebe <...> Es lebe die dtsch demkrtsch Rupli <...> so war es doch oder, oder nicht <...>*“ *Rief ich, schrie ich, den ich war so voller Wut, auf die Giraffe und auf Kleingrube und auf mich* [Schirmer 1991: 111–112]. “You can talk! You old nag, you, you, old trash, you were in league with them! You can talk! Why didn’t you ever say anything? “Long live... Long live the GDR!” — did you say that, or not?” — I screamed, I screamed, because I was very angry, angry at the Giraffe and at Kleingrube, and at myself”.

Numerous linguistic means are used here to convey the state of emotional tension; for more information on linguistic ways of expressing emotions, see, for example, [Oster 2010]. The lexical means inclu-

de naming the Giraffe in the addresses: *du Altlast du, du alte Seilschaft*. The *Altlast* token, the meaning of which can be described as ‘household waste whose decomposition is dangerous for the environment’ [DUW 2015: 133], is reinterpreted in this context to convey a pejorative assessment. Negative evaluation is also supported by the *Seilschaft*. One of the components of the meaning is associated with the cooperation of people within a political party [DUW 2015: 1596]; in combination with the adjectival *alt*, the semantics of negative evaluation is enhanced. Note that both lexemes have a feminine grammatical gender, which is consistent with the grammatical gender *die Giraffe*.

In addition, the phrase contains a threefold repetition of the personal pronoun of the second person singular *du*, which is designed to further strengthen the address along the line of targeting and is a marker of the speaker’s excited emotional state. Note also that lexical repetition is a stable sign of speech addressed to an animal, as indicated in special studies on this topic; see, for example [Ermolova 2015: 64]. The phraseological colloquial phrase *unter einer Decke stecken* [Duden 2002: 161] indicates close relationship of the Giraffe with the authorities of the former GDR. The accentuated particle *doch* repeated four times gives the statement an additional shade of increased emotionality.

As it can be seen from the example (16), there are other cases of repetitions here. The repetition of a phrase embedded in the mouth of the Giraffe (cf. example (15) above) with the deliberate reproduction of existing phonetic errors introduces a touch of irony. Repetitions of the phrase about the Giraffe’s ability to speak turn into a reproach for the refusal of communicative cooperation. The author reproaches the animal with the fact that the Giraffe did not tell him anything: no information about herself, about her past, or about her political beliefs. Repetition, in fact, is used very often in the text, being one of the stylistic techniques of the author’s narrative.

The scene of the conversation between the postman and the author-narrator is the last episode of the novel, relevant for a given perspective of the study. Having expressed his anger, the author still refuses to punish the Giraffe. The novel ends with Kristina returning home, and the Giraffe remains living in the couple’s apartment.

5. Conclusion

The proposed study is experimental. The applicability of the category of politeness in animal-directed communication is definitely an innova-

tive approach. An attempt has been made above to summarize the theoretical and methodological basis and project it onto a work of art. The main results of the study can be formulated as follows: 1) the category of politeness in the verbal behavior of the addressee acts in close relationship with the category of directivity to verbal action; 2) in situations when the Giraffe suddenly begins to speak, the verbal behavior of the author-narrator abruptly turns to impoliteness; 3) thus, in the form of a theoretical research model, one can imagine a discourse with the Giraffe as follows: the pragmatic failure of the speaker is the modality of politeness; the manifestation of the verbal behavior of the animal is the modality of impoliteness.

Sources

Duden. Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik. 2., neu bearbeitete und aktualisierte Auflage. Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 2002. 955 S.

DUW — Duden. Deutsches Universalwörterbuch. 8., überarbeitete und erweiterte Auflage. Berlin: Dudenverlag, 2015. 2128 S.

Schirmer B. *Schlehwins Giraffe. Roman*. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1991. 123 S.

References

Baikulova A.N. Speech Communication in Family Circle: the Role of Animals, Plants and Material Objects. *Izvestiya of Saratov University. Vol. 8. Philology. Journalism*. Iss. 2. 2008, pp. 14–20. (In Russian)

Burlak S. *The origin of language: Facts, research, hypotheses*. Moscow: Astrel': CORPUS Publ., 2011. 464 p.

Ermolova O.B. Linguistic Features of Human-to-Pet Communication. *Perm University Herald*. Iss. 4 (32), 2015, pp. 58–66. (In Russian)

Erzinkjan I.L. *Linguistic category of politeness: semantics and pragmatics*. Erevan. EGU Publ., 2018. 410 p. (In Russian)

Formanovskaya N.I. *Speech interaction: communication and pragmatics*. Moscow: Ikar Publ., 2007. 480 p. (In Russian)

Grice P. *Logic and Conversation*. Syntax and Semantics, 3: Speech Acts. New York: Academic Press, 1975, pp. 41–58.

Helbig G., Buscha J. *Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht*. Berlin, München, Wien, Zürich, New York, 2001. 735 S. (In German)

Krylova T.V. Naive-linguistic notions of politeness and the vocabulary serving them. *Language picture of the world and system lexicography*. Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2006, pp. 241–400. (In Russian)

Myatsinskaya E.I. The second person in the history of the English language and linguoculture. *Iazyk kak kul'turnyi kod natsii*. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2014, pp. 159–175. (In Russian)

Nefedov S.T. *Theoretical grammar of the German language. Syntax. Text: handbook*. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2022. 374 p. (In Russian)

Novozhilova X.R. Source of Information in Narrative Discourse (Based On German Belles-Lettres Works). *German Philology in St. Petersburg State University. X. Continuity and Dynamics of the Grammar Studies: Commemorating 110 Years since the Birth of V.G. Admoni. Collection of Research papers*. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2021, pp. 205–217. (In Russian)

Oster U. Using corpus methodology for semantic and pragmatic analyses: What can corpora tell about the linguistic expression of emotions? *Cognitive Linguistics*, 2010, no. 21 (4), pp. 727–763.

Slyshkin G.G. *From text to symbol: linguistic and cultural concepts of precedent texts in consciousness and discourse*. Moscow, Academia Publ., 2000, 125 p. (In Russian)

Дмитриева Мария Николаевна

доцент кафедры немецкой филологии СПбГУ, кандидат филологических наук
Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Maria N. Dmitrieva

Associate Professor of German Philology Department, St. Petersburg State University,
Candidate of Philological Sciences
Address: 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

E-mail: m.n.dmitrieva@spbu.ru

Статья поступила в редакцию 20 января 2023 г.
Принята к публикации 26 апреля 2023 г.

III. КАТЕГОРИЯ ВЕЖЛИВОСТИ В ДИАХРОНИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

УДК 811.(112.3+16.1):374.3

Г. А. БАЕВА

Санкт-Петербургский государственный университет

КУЛЬТУРА РЕЧИ: СТРАТЕГИИ РЕЧЕВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И МАНЕВРИРОВАНИЯ В ИСТОРИИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Для цитирования: Баева Г. А. Культура речи: стратегии речевого регулирования и маневрирования в истории немецкого языка // *Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете*. 2023. Вып. 13. С. 241–258. <https://doi.org/10.21638/spbu33.2023.113>

В статье рассматриваются нормативный, коммуникативный и эстетический аспекты понятия культуры речи и вежливости в истории немецкого языка. Представления об эффективности, уместности, вежливости и правильности речи, реализуемые в коммуникативной практике говорящих отдаленных от нас эпох, можно получить из разных источников: они зафиксированы прежде всего в художественной литературе, исторических хрониках, письмах, судебных протоколах, учебных и справочных пособиях по культуре речи и пр. Это дает возможность реконструировать те или иные нормы речевого поведения в действии и проследить принципы и правила общественной коммуникации, их изменения на протяжении веков и определить стратегии речевого регулирования и маневрирования, ибо вежливость изначально выполняла функцию кодирования социальной принадлежности и иерархии. Вежливость и культура речи напрямую связаны с основными периодами в развитии немецкого общества и языка. В статье основное внимание уделяется периоду придворной рыцарской культуры Средневековья, а также культуре речи в аристократическом обществе эпохи барокко и «галантном периоде» XVIII в., осуществляемой через языковое регулирование и маневрирование. Система лексико-грамматических маркеров вежливого речевого поведения (различные местоименные обращения, перформативные глаголы, формы конъюнктива, модальные глаголы, конструкции косвенного вежливого дистанцирования и др.) складывается уже в средненемецком языке, но в дальнейшем она подвергается ревизии в зависимости от социально-культурных ориентиров общества (например, влияние французской культуры и языка) и расширяется за счет увеличения прежде всего искусственной вежливости в виде манерных и церемониальных выражений, лишенных искренности и правдивости. В статье показано, что коммуникативные нормы вежливого речевого поведения обусловлены социолингвистическими, лингвокультурными и когнитивными факторами и отражают состояние культуры речи и развитие немецкого языка на конкретном этапе развития общества.

Ключевые слова: культура речи, коммуникативная практика, регулирование, формульность, вежливость, этикет.

SPEECH CULTURE: STRATEGIES FOR SPEECH REGULATION AND MANEUVERING IN THE HISTORY OF THE GERMAN LANGUAGE

For citation: Baeva G. A. Speech culture: strategies for speech regulation and maneuvering in the history of the German language. *German Philology in St. Petersburg State University*, 2023, iss. 13, pp. 241–258.
<https://doi.org/10.21638/spbu33.2023.113> (In Russian)

The article deals with the normative, communicative and aesthetic aspects of the concept of culture of speech and politeness in the history of the German language. Ideas about the effectiveness, relevance, politeness and correctness of speech, implemented in the communicative practice of speakers of distant epochs, can be obtained from various sources. This makes it possible to reconstruct certain norms of speech behavior in action and trace the principles and rules of social communication, their changes over the centuries and determine strategies for speech regulation and maneuvering, because politeness initially performed the function of coding social belonging and hierarchy. The article focuses on the period of the court knightly culture of the Middle Ages, as well as the culture of speech in the aristocratic society of the Baroque era and the “gallant period” of the 18th century, carried out through language regulation and maneuvering. The system of markers of polite speech behavior (various pronouns, performative verbs, modal verbs, constructions of indirect polite distancing, etc.) is already formed in the Middle German language, but in the future it is subject to revision depending on the socio-cultural guidelines of society (the influence of French culture and language) and expands by increasing primarily artificial politeness in the form of mannered and ceremonial expressions, devoid of sincerity and truthfulness. The article shows that the communicative norms of polite speech behavior are determined by sociolinguistic and cognitive factors and reflect the state of speech culture and the development of the German language at a particular stage of society development.

Keywords: culture of speech, communicative practice, regulation, formulaicity, politeness, etiquette.

*Guot rede ist uf der erde / im aller
høhesten werde* (Fridank). — «Хорошая
речь в высочайшем почете на земле».

1. Введение

Вежливость можно условно интерпретировать как социально приемлемые нормы поведения [Schwarz-Friesel 2007: 25–26], которые представляют собой выработанный в обществе и регулируемый им канон хорошего тона, в который входит и речевое

поведение коммуникантов. Вербализацию вежливости осуществляет этикет, которого нужно придерживаться, чтобы считаться хорошо воспитанным, добрым, учтивым, корректным, «своим» в определенном обществе или его части [Paul, Haferland 1996; Формановская 2007: 126–127]. Вежливость предполагает фактическую или желаемую групповую принадлежность участников коммуникации, поэтому ее можно рассматривать как средство установления индивидуальной и коллективной идентичности [Althoff 1994]. Демонстрация вежливости не только отражает культурные и социальные ценности (иерархию, социальные роли, личные отношения и др.), но и служит установлению и поддержанию отношений между участниками коммуникативного взаимодействия. Отсюда следует, что вежливость подвержена социокультурным измерениям и изменениям, т. е. является социально «чрезвычайно динамичной конструкцией» [Ehrhardt, Neuland 2009: 11], которая носит диахронический или социальный характер в полном соответствии с культурно-историческим развитием общества и в этом смысле является результатом «цивилизационных процессов». Другими словами, формы и стратегии вежливости являются индикаторами социальных и культурных ценностей общества на разных этапах его развития.

Коммуникативный феномен «вежливость» в немецком языке обозначается лексемой *Höflichkeit*, восходящей к *Hof* (ср. также *hofieren*, *höflich*; *mhd. hoflich*, *hovelich* = *hofgemäß*, *fein*, *gesittet u. gebildet*) [Lexner 1992] и, собственно, указывает на место, где практиковалось «вежливое поведение» (*höfliches Verhalten*), т. е. на рыцарский средневековый двор XII–XIV вв. [Ehrismann 1995]. Вежливое поведение определялось прежде всего рыцарскими добродетелями, такими как честь, мужество, благородство, воспитанность, умеренность. Поведенческий кодекс рыцарского сословия отличался ритуальностью и особым речевым этикетом, которым пользовались не только для развлечения в рамках светской беседы, но и для назидания в адрес собеседника и многие формулы которого сохранились в современном немецком языке [Баева, Третьякова 2012; Бирр-Цуркан 2012; Lechtermann 2003].

Дворянское, «высокое» происхождение лексемы *Höflichkeit* наложило отпечаток и на дальнейшую судьбу этого понятия. Вплоть до конца XIX в. в сословном обществе вежливость выполняла функцию кодирования социальной принадлежности и иерархии:

«[D]istance politeness has been characteristic of the middle and upper classes in most of Europe for a very long time» [Lakoff 1993: 77].

Условно историю вежливости можно связать с несколькими периодами в развитии немецкого общества и языка: период придворной культуры Средневековья, аристократическое общество эпохи барокко и «аламоде», буржуазный период XVIII и XIX вв. и, наконец, период демократизации общества в конце XIX и в XX в. [Linke 1996: 72–74]. Остановимся подробнее на особенностях формирования культуры речи и вежливости двух первых периодов.

2. Вежливость в Средние века

В Германии в XII в. в ходе становления придворного общества развивается сложная система поведения, в которой христианские добродетели и социальные манеры объединились в единое целое [Bumke 2002]. Нормы этой зарождающейся «регламентированной вежливости» (*geregelte Höflichkeit*) [Wenzel 1991: 21] служили для самовыражения высших слоев общества и их манифестации во внешнем мире. Фигуре придворного дворянина и рыцаря противопоставлялся необразованный, грубый крестьянин, «мужлан», «деревщина», который вошел в придворную литературу того времени как *villain* или *dörper* [Ehrismann 1995; Lexer 1992].

Н. Мидема, исследовавшая учтивые и неучтивые речи в литературе немецкого Средневековья, указывает на следующие лингвистические маркеры вежливости:

Höflichkeit äußert sich [...] in der Verwendung bestimmter performativer Verben (z.B. ‚fragen‘, ‚bitten‘), Modalverben (etwa ‚dürfen‘) und Partikeln bzw. *hedges* (z.B. ‚nur‘, ‚ja‘, ‚doch‘), in der Wahl der Satzarten (insbesondere in der bevorzugten Verwendung von Frage- statt Aussagesätzen, sowie von Konditionalgefügen) und im Gebrauch des Modus (d.h. des Konjunktivs). Wichtiger noch ist jedoch die Tendenz zur Abschwächung der Illokutionsindikatoren, insbesondere im Bereich der Direktiva: Statt eines Befehls, einer Aufforderung, wird eine Bitte verwendet, die möglichst in Form einer Frage formuliert wird. So entstehen Formen kommunikativer Indirektheit, bei denen die eigentlichen Illokutionen nicht allzu offensichtlich zur Schau getragen werden [Miedema 2007: 191]. — «Вежливость выражается в использовании перформативных глаголов (например, fragen, bitten), модальных глаголов (типа dürfen) и частиц или

hedges (например, *nur*, *ja*, *doch*), в выборе типов предложений (особенно предпочтительны вопросительные предложения вместо повествовательных, а также условные придаточные) и в использовании модуса (т. е. конъюнктива). Важнее, однако, тенденция к ослаблению иллокутивных индикаторов, особенно в директивах: вместо приказа, требования используется просьба, которая по возможности формулируется в виде вопроса. Так возникают формы коммуникативного дистанцирования, при которых собственные иллокуции становятся не так очевидны» (здесь и далее перевод мой. — Г. Б.).

В этой цитате зафиксированы практически все средства выражения вежливости, которые сохраняются и в современном немецком языке. Сюда следует еще добавить местоименные обращения как способы обозначения социальной дистанции при асимметричном общении: равенство допускает симметричное *ihr* или *du*, по крайней мере, для высших слоев общества, для низших применимо только *du* (ср.: [Besch, Wolf 2009: 117; Besch 1998; Simon 2003]).

Особенности речевого поведения героев рыцарских романов достаточно хорошо исследованы [Wenzel 1988; Redeszenen... 2011; Miedema 2012].

Помимо рыцарской литературы понятие вежливости и трактовка вежливого речевого поведения и культуры речи в целом широко обсуждались и в дидактической литературе, выполнявшей воспитательно-назидательные и отчасти регламентирующие функции. Кроме знаний о нравах и обычаях, эта литература дает богатый материал о том, какие правила хорошего тона необходимо соблюдать в той или иной ситуации речевого общения. Важность осознания этих правил, значимость взвешенной во всех отношениях речи отмечает, например, странствующий певец и автор произведения «*Bescheidenheit*» Фрейданк (Freidank), творивший в первой трети XIII в., строки из произведения которого взяты в качестве эпиграфа к статье.

Название поэмы «*Bescheidenheit*» обычно переводят на русский язык с позиций современного значения этого слова как «Скромность», хотя лексема *Bescheidenheit* имела в ту пору несколько значений и с учетом концепции произведения и его предназначения точнее было бы перевести название как «Житейская мудрость» [Lexher 1992: 16]. В поэме Фрейданка, «как в мировом зеркале» (В. Гримм), отражаются различные сословия, от пап и императоров до слуг,

описываются общественные и семейные отношения, добродетели и пороки. Поэма состоит из множества мудрых изречений, мало соединенных друг с другом логически, проникнута благочестием, любовью к людям, верой в торжество свободы и правды и сохраняет свою актуальность, ибо максимы, проповедуемые ее автором, не устаревают до сих пор. Интересны, например, такие его изречения: про язык он говорит, что *«он без костей, а между тем ломает и кости, и камень»*. Злободневно и по-современному звучат его слова:

Bi rede erkenne ich tôren, / den esel bi den ôren [Fridankes 1962: 82, 10]. — «По речи я узнаю дурака, точно так же как осла по ушам».

Очень близок к Фрейданку в своих рассуждениях и другой его современник — Томасин фон Церклере, автор поэмы «Welscher Gast», название которой можно перевести и как «Заморский гость», и как «Гость-невежа». По своей сути это сборник правил хорошего тона, написанный «от противного» в традициях гробианской литературы, т. е. повествующий о том, как не надо себя вести и почему. Сосредотачиваясь в основном на правилах поведения за столом, автор тем не менее в разных частях поэмы уделяет достаточно много внимания «речевому поведению» [Wenzel 1991]. Он указывает на то, что тот, кто плохо говорит о других, вызывает ссору, а добродетельный человек никогда не будет говорить плохо:

Swer übele zu dem andern reit, / des wirt im zwirnt als vil geseit [Zerclaere 1984: 124].

Swer hâ tugenthaften muot, der sol nicht sprechen niwan guot. / daz guot man gütlichen sol / sprechen, swer wil sprechen wol. / swelich man kann merken wenne / er spreche, der spricht nâch rehte denne [Zerclaere 1984: 561–566].

Построенные от противного, правила хорошего тона или правила успешности речевого общения требуют в «Заморском госте» учитывать все составляющие речевой ситуации: с кем, о чем, с какой целью, когда и при каких обстоятельствах ведется разговор (зادолго до появления теории речевых актов и прагмалингвистики!), ибо их незнание или пренебрежение ими ведут к дурному. Центральным и важным в рассуждениях автора становится подчеркивание соразмерного времени и месту речевого поведения:

Ich hân gehôrt unde gelesen, / man sol ungerne müezec wesen. / ein ieglich biderbe man sol / zallen zîten sprechen wol / ode tuon ode gedenken: / von dem wege sol er niht wenken <...> Swenn man niht ze tuon hât, / man habe den sin und ouch den rât / daz man eintweder spreche wol / od gedenke daz man sol [Zerclaere 1984: 141–152].

В другом месте читаем:

Ich will iu sagen, swelich man / mit sinne niht erahten kan / von wem, ze wem, way, wie und wenne / er rede, ez schadet im entwenne./ Man sol sehen von wem man seit: / der vrum ist von dem bæsn gescheit./ dehein man sol dem klaffære / sagen tougenlichiu mære. / swer hât tugenthaften muot, / der sol niht sprechen niwan guot. / daz guot man güetlichen sol / sprechen, swer wil sprechen wol. / swelich man kann merken wenne / er spreche, der spricht nâch rechte denne [Zerclaere 1984: 553–566].

И далее почти как приговор звучат слова о том, что тот, кто не примет эти советы, — плохой человек:

...swer si (die rede) niht enkan / rihten, ist ein unsælec man [Zerclaere 1984: 987].

Стержневым во всех приведенных примерах становится сочетание прилагательного *bæse* с наименованиями речевых действий, чаще всего *bæse rede*, т. е. неучтивая, непродуманная, «злая» речь, которая может привести не только к непониманию, но и к другим дурным последствиям: гневу, злодеяниям, ненависти, презрению, враждебности и т. п.:

nâch bæser rede kumt missetât ... (VII, 210); bæser schimph macht haz, zorn, nôt, / zorn vîntschaft, vîntschaft tôt [Zerclaere 1984: 667–668].

В другом произведении, в поэме Гуго фон Тримберга «Скакун» («Der Renner»), законченной примерно в 1300 г., также достаточно много прямых и косвенных упоминаний о речевой деятельности человека. Цель поэмы — «научить должной мере во всех людских делах», упомянуть всё и вся, «обежать все края света, подобно дикому коню», «Скакуну», который «постоянно заносит всадника то туда, то сюда, перескакивая из пятого в десятое». Одну из задач своего творения автор видит в поучении писать «сладкими словами» *süeziu*

wort (VI, 565), противопоставляя их «плохим словам» *vil bæser worte*, которыми часто сопровождается речевое поведение подвыпившего человека. Уже в самом начале, говоря о том, как жить правильно, и перечисляя смертные грехи, автор дает своеобразную номенклатуру речевых актов. Ср.:

Ketzerie, rüemen, tratzen, / Spotten, schrien, roufen, kratzen, / Schallen, brehten, reien, springen, / Stürmen, vehten, loufen, ringen, / Rouben, brennen, morden, stechen, / Dröuwen, smêhen, übel sprechen, / Stözen, twingen, vâhen, slahen, / Rennen, sprengen, würgen, hâhen, / Vürnêmischiu hertikeit, / Stolzieren und bæsiu glîchsenheit, / Loter wise und loter kleit. / An trinken, an spîse unmêzikeit, / Zoubern, goukeln, liegen, triegen, / Fluochen, schelten, sweren, kriegem: / Diz ist der hôchferle ingesinde, / Bî dem ich selten iht guotes vinde [Trimberg 1970: 285–300].

Целый ряд указанных в этом отрывке глаголов относится к *verba dicendi*, например: *rüemen, tratzen, spotten, schallen, dröuwen, smêhen, übel sprechen, liegen, triegen, fluochen, schelten, sweren* и т. п.

Пространные наставления и поучения о том, как надо говорить, автор дает в главе «О языке» (*Von der zungen*), в которой он пытается противопоставить положительные и отрицательные последствия произнесенной речи. В главе «О лжи» (*Von liegen*) Тримберг сосредотачивает свое внимание исключительно на отрицательных характеристиках речи: *врать, предавать, ругать, угрожать, кричать, гневаться, бушевать* и др.:

Liegen, triegen, schelten, brehten, / Drôen, sweren, gein got vehten, / Trätzen, schrien, übel sprechen, / Morden, stürmen, triuwe brechen / Sint des zornes drabe knehte, / Die alle rûschent mit gebrehte, / Den man iren rûm muoz lâzen, / Swenne si varnt die frien strâzen. / Bescheidenheit muoz in entwîchen, / Des nîdes gesinde siht man slichen / Bî der strâzen ûf den stîgen: / Snudern, smocken unde swîgen, / Innen ruoz und ûzen kriden, / Nâchkösen, als ein scharsach snîden, / Metten, liegen, nase rimpfen, / Spotten, gucken, valschez schimpfen, / Itewîzen, fluochen, smêhen, Valschez rûnen, dieplich spehen, / Ougen spitzen, zene wetzen, Valsche rête, mörtlich hetzen, / Nîthart, Siurinc, Slangenzagel, / Billunc, Nîdunc, Tugenden hagel / Sint des nîdes spiezslîfêre, / Aller untugende nâchgrîfêre [Trimberg 1970: 14149–14172].

Обобщая описанное выше, можно констатировать, что первоначальная куртуазная придворная культура речи и вежливость в духе рыцарского кодекса соотносятся с хорошими манерами, эле-

гантностью в поведении и утонченностью в словесном выражении. Здесь становится очевидным прогрессирующее семантическое сближение понятий «вежливый» и «культурный». Начиная с конца XIV в. зарекомендовавшие себя рыцарские правила поведения перенимаются дворянским сословием и зажиточными бюргерами.

3. Культура речи в XVI в.

История вежливости в немецком языке тесно связана с распределением сфер влияния немецкого языка в обществе: в Германии довольно долго в общественных, религиозных и образовательных сферах господствовала латынь, и распространение немецкого языка в эти сферы было процессом медленным.

В XIV–XVI вв. происходит постепенный переход делопроизводства на немецкий язык, и культура речи и развитие вежливых языковых форм ставятся во главу угла в учебниках по обучению грамоте и разнообразных формулярах и письмовниках, предназначенных для соответствующих канцелярских служб, для корректного письма в деловой и личной корреспонденции. Искусство «писать по-немецки чисто» (*rein zu schreiben*) состоит не только в уместном использовании устойчивых рутинных формул в качестве приветствий и обращений и в стилистической грамотности письменной речи, но также обязательными становятся вежливость и изящность изложения.

Так, Фабиан Франк (Fabian Frangk) в «Ein Cantzley und Titel büchlin» (1531) дает практически первый в немецком языке перечень обращений и подчеркивает важность правильного и *соразмерного* (*angemessenen*) использования титулов, в зависимости от социального статуса, общественного положения, возраста, пола и степени родства адресата:

Folgen die Titel des | Undern grads an den Adel. | Einem Ritter vom Aldem | Adel / schreibt man also. | Dem Edlen und Gestrengen Herrn Ul | derichen choff / Gotsche gnant / Ritter / auffm Rinaft und Greiffen fein / Meinem gñstigen herrn [Frangk 1979: f. Eijiv].

Своим справочником Франк закладывает традиции будущих письмовников и формуляров на все случаи жизни (тип текста *Ratgeber*), но почти не дает метаязыковой характеристики перечис-

ленным формульным сочетаниям, его больше всего волнует создание писем, соответствующих стилю и риторике, ибо правильное использование шаблонных фраз с точки зрения их институционализации и соответствия социальному статусу адресатов является для него необходимым признаком стилистической компетентности в письменной речи. В правильном использовании обращений и титулов как раз и заключается искусство «писать чисто» (*rein zu schreiben*). В двух местах своей работы Франк указывает на то, что письма всех видов должны быть написаны без «украшательных слов» (*geschmückten verblümbten worten*) по образцу Лютера, но, соответственно, по образцу лучших канцелярий.

В этой связи интересны стилистические рассуждения Мейхсснера в книге-справочнике 1538 г. «*HandtBüchlin grundlichs bericht*» о том, что в немецком мало используются синонимы (*die im teutfchen schreiben wenig gebrucht/ [...] umb kür`e willen vnderlassen*). Писать и говорить вежливо и изящно, по Мейхсснеру, — значит подражать мудрости более старых ученых мужей и избегать простодушия невежд [Meichßner 1976: f.Jr]. Этому способствует, например, использование сравнений и идиом, основанных на мудрости и опыте, типа *Listig Als ein Fuchs, Krftig Als ein Wolff, Hochfartig Als ein Pfow, kalt wie ys* и т. п.

Развитие вежливости как изящества, деликатности и утонченности письменного выражения (*Höflichkeit und Zierlichkeit*) находит свое обоснование и наглядность в работах, посвященных синонимам. Так, Л. Шварценбах в пособии «*Synonyma*» (1554) занимается вопросами правильности употребления синонимов и указывает на семантико-прагматические различия между ними. Приведем в качестве примера глагол *abbrechen* и его синонимы:

Abbrechen | Abblaten. | Abklauben. | Ablefen. | Abnehmen. | Abreifen. | Abawicken. | Wir sagen Blumen/ Opffel / Birn / Kerfchen / vnd dergleichen Obft ab||brechen oder abnehmen/ Aber nit Hopffen abbrechen / Jondern abblaten / | abklauben oder abawicken/ Also auch Wein oder Trauben lesen/ vnd nicht abbrechen noch abblaten. Derhalben_ind dergleichen vnterschied auch in andern Synonymis waraunehmen / vnnd nicht alle vermifcht gleich aufgebrauchen [Schwartztenbach 1986: f. Aii].

Многочисленные «шаблонные» синонимичные выражения в справочниках для служащих канцелярий следует рассматривать

как отражение распространенного в XVI в. и восходящего к античной риторике мнения, что красноречия можно достичь с помощью *variatio*, к которому относится и широкое использование в речи синонимов.

4. Культура речи в XVII в.

Культура речи в XVII в., помимо поисков изящных и галантных способов выражения, включает в себя развитие осознания познавательной и мирораскрывающей функции языка [Gardt 1994: 229–230]. Борьба за чистоту языка становится ведущим лозунгом в деятельности языковых обществ Германии. Основные дискуссии сводились к правильности, чистоте, выразительности и галантности речи. Парадокс заключался в том, что во время Тридцатилетней войны, когда простое население Германии страдало от насилия и разорения, представители языковых обществ с горечью отмечали разрушение благопристойности и хороших манер и обсуждали пособия по культуре речи. Так, представитель Пегнезского цветочного ордена Г. Ф. Гарсдёрфер (1607–1658) в своем внушительном по объему произведении «Frauenzimmer Gesprächspiele» («Женские разговорные игры») предлагает темы для бесед по различным отраслям знания, которые служили бы всестороннему развитию человека и реализовывали идеалы общества, т. е. правильность языкового выражения связывалась с эстетикой [Stoll 1973; Пииарайнен 1996]. Цель автора — обучение возвышенной риторике в дидактически подходящей форме разговора — бесед [Götttert 1991]. Предлагается не только писать письма, но и разыгрывать устные диалоги на основе фигур речи, образцы которых автор дает в форме коротких театральных представлений. Возможность составления целых диалогов из шаблонных фраз Гарсдёрфер рассматривает как средство демонстрации богатства немецкого языка и постановки его в один ряд с французским, итальянским и испанским [Moulin 2016]. В IV части «Женских разговорных игр» для тренировки изящного общения предлагаются разнообразие языковые игры. Некий молодой человек по имени Раймунд сообщает своим собеседникам слово, которое пришло ему на ум и породило некую образную интерпретацию. Дело не только в слове и в изяществе изложения, но и, как мы читаем дальше, в обобщениях, которые делает каждый участник. Так, в дискуссии на тему счастья игроки приходят

к выводу, что счастье можно построить, если быть честным, знать себя и критически относиться к своим действиям. Подводя итог, Раймунд пытается изобразить сказанное в виде иллюстрации-рисунка [Harsdörffer 1968: 256–257, 447].

Развивая своими языковыми играми когнитивные способности говорящих и пишущих, Гарсдёрфер вступает и в дискуссию о вежливости и невежливости, косвенно поощряя невежливость, ибо из вежливости, по его мнению, проистекает много грехов, например Адам из вежливости дал Еве запретный плод, вежливость заставляет людей есть, пить и спать тогда, когда это предписано, и «нравиться другому»:

D[egenwert]. Die Höflichkeit ist die gründliche Ursach alles Unheils. Adam hat die verbottene Frucht von der lieben Hand seiner Eva nicht wollen ausschlagen/ und hat also aus Höflichkeit alle seine Nachkommen in endliches Verderben gesetzt [Harsdörffer 1968: 447].

J[ulia] Die Höflichkeit ist ein Fesselband der Knechtschaft/ indem man essen/ trinken und schlaffen muß/ nicht wann man will/ sondern wann es andern gefället [Harsdörffer 1968: 447].

Именно вежливость, по мнению автора, не дает, например, какому-нибудь графу услышать правдивое суждение о положении дел, что ведет в конечном итоге к тому, что люди и страна плохо управляются. В результате таких рассуждений делается вывод о том, что «вежливость — враг правды и друг неправды» [Harsdörffer 1968: 454]. Еще одним своеобразным выводом из дискуссии о вежливости можно считать ответ Гарсдёрфера на заданный им же самим вопрос: «Почему ученые так редко вежливы?» Он считает, что ученые в период своей учебы, а затем и научной деятельности очень одиноки, слишком мало познают окружающий мир, поэтому и не приобретают манеры, во многом искусственно навязанные и устоявшиеся в обществе.

В последние два десятилетия XVII в. и первого десятилетия XVIII в. в Германии распространяется влияние галантной формы стихосложения, пришедшее из Франции и Италии. «Галантность» в переводе с французского языка означает изысканную вежливость, чрезвычайную обходительность и начинает использоваться в Германии в смысле «современный», «элегантный», «вежливый». Признаки галантного стиля — это утрированная манерность, це-

ремонность, слащавость, напыщенность, склонность к изощренности и преувеличению, а порой и двусмысленности. В истории немецкого языка говорится о «галантном периоде». В моду входит подражание всему французскому, включая язык; влияние французского языка проникает как в общественные сферы, так и в «салонный» немецкий язык Германии XVII–XVIII вв. [Eggers 1977: 77–147]. В обществе в этот период вежливость служит в первую очередь для кодирования иерархии, для развлечения собеседника и в назидание ему в контексте светской беседы [Linke 1996]. Этой тенденции противостоит поиск «подлинной», «сердечной вежливости» и гармонизации общения, которыми характеризуются следующие этапы общественного развития.

5. Заключение

Подводя итог, следует сказать, что категория вежливости и ее вербализация развиваются в немецком языке под сильным иноязычным влиянием, прежде всего французского и латинского языков. С самого начала и на протяжении долгого времени вежливость выполняла функцию кодирования социальной принадлежности. Несмотря на то что уже в средневерхненемецком языке складывается основная система маркеров вежливого речевого поведения, она подвергается ревизии и расширяется за счет увеличения прежде всего манерных и церемониальных выражений, лишенных искренности и правдивости. Это приводит в конечном итоге к вопросу, который стоит в заглавии речи известного немецкого лингвиста Харальда Вайнриха, произнесенной им в связи с получением премии Конрада Дудена в 1986 г.: «Lügt man im Deutschen, wenn man höflich ist?» (Лгут ли в немецком, когда вежливы?) [Weinrich 1986] — и являющейся аллюзией к сцене во второй части «Фауста» И. В. Гете, в которой на высказывание Мефистофеля о грубости Бакалавр отвечает: «Im Deutschen lügt man, wenn man höflich ist» (возможный перевод: «В немецком лгут, когда хотят (пытаются) быть вежливыми»).

Источники иллюстративного материала

Frangk F. Ein Gantzley und Titelbuechlin 1531 // Neudruck: Müller J. Quellschriften und Geschichte des deutschsprachlichen Unterrichts bis zur Mitte

des 16. Jahrhunderts. Gotha, 1882. [Reprograph. Nachdruck. Hildesheim, New York: Olms, 1969].

Fridankes. Bescheidenheit / Hrsg. von H. E. Betzenberger. Aalen: Zeller, 1962.

Harsdörffer G. Ph. Frauenzimmer Gesprächspiele. T. I–VIII. Nachdruck der Ausgabe Nürnberg 1643–1649 / Hrsg. von I. Böttcher. Tübingen: Niemeyer, 1968.

Meichßner J. E. Handtbuechlin grundtlichs berichts recht und wolschrybens der orthographie und grammatic. Hildesheim: Georg Olms Verlag 1976.

Schwartzbach L. Synonyma / Haß U. Leonhard Schwartzbachs „Synonyma“. Beschreibung und Nachdruck der Ausgabe Frankfurt 1564. Lexikographie und Textsortenzusammenhänge im Frühneuhochdeutschen. Tübingen: Niemeyer, 1986.

Trimberg H. von. Der Renner / Hrsg. von G. Ehrismann. Bd. I–4. Berlin: de Gruyter, 1970.

Zerclaere Th. von. Der Welsche Gast / Hrsg. von F. W. von Kries. Bd. 1: Einleitung, Überlieferung, Text, Varianten des Prosavorwortes. Göttingen: Kümmerle-Verlag, 1984.

Литература

Баева Г. А., Третьякова Т. П. Развитие средств речевого этикета и ритуала // Очерки по исторической прагматике германских языков / под ред. Г. А. Баевой. СПб.: Изд-во С.-Петербур. гос. ун-та, 2012. С. 55–67.

Бирр-Цуркан Л. Ф. Развитие речевого этикета в средневерхненемецком языке // Очерки по исторической прагматике германских языков / под ред. Г. А. Баевой. СПб.: Изд-во С.-Петербур. гос. ун-та, 2012. С. 68–103.

Пишарайнен И. Т. Вежливость как категория языка // Вопросы языкознания. 1996. № 6. С. 100–105.

Формановская Н. И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. М.: ИКАР, 2007. 478 с.

Althoff G. Ritual und Demonstration in mittelalterlichem Verhalten // H. Brall, B. Haupt, U. Kusters (Hgg.) Personenbeziehungen in der mittelalterlichen Literatur. Düsseldorf: Droste Verlag, 1994. S. 457–476. (Studia humaniora, 25).

Besch W. Duzen, Siezen, Titulieren. Zur Anrede im Deutschen heute und gestern. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1998. 160 S.

Besch W., Wolf N. R. Geschichte der deutschen Sprache. Längsschnitte — Zeitstufen — Linguistische Studien. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2009. 347 S. (Grundlagen der Germanistik, 47).

Bumke J. Hofische Kultur: Literatur und Gesellschaft im hohen Mittelalter. 10. Aufl. München: dtv, 2002. 864 S.

Eggers H. Deutsche Sprachgeschichte. In 4 Bd. Bd. 4: Das Neuhochdeutsche. Hamburg: Reinbek, 1977. 183 S.

Ehrhardt C., Neuland E. Sprachliche Höflichkeit in interkultureller Kommunikation und im DaF-Unterricht: Zur Einführung / Ehrhardt C., Neuland E. (Hrsg.) Sprachliche Höflichkeit in interkultureller Kommunikation und im DaF-Unterricht. Frankfurt a. M.: Peter Lang, 2009. S. 7–24.

Ehrismann O. Ehre und Mut, Äventiure und Minne. Höfische Wortgeschichten aus dem Mittelalter / Unter Mitarbeit von A. Classen, W. McConnell, E. Dick, K. Düwel, W. Fritsch-Rößler, M. Gemeling, G. Gillespie, H. Heinen, W. Hofmeister u. A. Holzhauer. München: C. H. Beck, 1995. 275 S.

Gardt A. Sprachreflexion in Barock und Frühaufklärung. Entwürfe von Böhme bis Leibniz. Berlin; New York: de Gruyter, 1994. 520 S.

Göttert K.-H. Deutsche Umgangsliteratur des 18. Jahrhunderts // Über die deutsche Höflichkeit. Entwicklung der Kommunikationsvorstellungen in den Schriften über Umgangsformen in den deutschsprachigen Ländern / Hrsg. von A. Montandon. Bern Peter Lang, 1991. S. 101–115.

Lakoff R. Talking Power. The Politics of Language in Our Lives // Journal of Pragmatics. 1993. Nr. 20. S. 77–81.

Lechtermann Ch. Von wem, ze wem, waz, wie und wenne. Redeordnungen // Ordnung und Unordnung in der Literatur des Mittelalters / Hrsg. von W. Harms, C. St. Jaeger, H. Wenzel. Stuttgart: S. Hirzel, 2003. S. 81–95.

Lexner M. Mittelhochdeutsches Taschenwörterbuch. 38. Aufl. Stuttgart: S. Hirzel, 1992. 504 S.

Linke A. Höflichkeit und soziale Selbstdarstellung. Höflichkeitskonzepte in Anstandsbüchern des 18. und 19. Jahrhunderts // Osnabrücker Beiträge zur Sprachtheorie (OBST) / Hrsg. von H. Haferland, I. Paul. Höflichkeit. Oldenburg: Redaktion OBST, 1996. S. 70–104.

Miedema N. Höfisches und unhöfisches Sprechen im *Erec* Hartmanns von Aue // Formen und Funktionen von Redeszenen in der mittelhochdeutschen Großepeik / Hrsg. von N. Miedema, F. Hundsnurscher. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2007. S. 181–201.

Miedema N. Gesprächsnormen. Höfische Kommunikation in didaktischen und erzählenden Texten des Hochmittelalters // Text und Normalität im deutschen Mittelalter / Hrsg. von E. Brüggem, Fr. J. Holznagel, S. Coxon, A. Suerbaum. Berlin, Boston: de Gruyter, 2012. S. 251–278.

Moulin C. „Nach dem die Gäste sind, nach dem ist das Gespräch“. Spracharbeit und barocke Tischkultur bei Georg Philipp Harsdörffer // Perspektivwechsel oder: Die Wiederentdeckung der Philologie. Bd. 2: Grenzgänge und Grenzüberschreitungen. Zusammenspiele von Sprache und Literatur in Mittelalter und Früher Neuzeit / Hrsg. von N. Bartsch/, S. Schultz-Balluff. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2016. S. 261–287.

Paul I., Haferland H. Eine Theorie der Höflichkeit // Osnabrücker Beiträge zur Sprachtheorie (OBST). 1996. Nr. 52. S. 7–67.

Redeszenen in der mittelalterlichen Großepik / Hrsg. von M. Unzeitig, N. Miedema, Fr. Hundsnurscher. Berlin: Akademie Verlag, 2011. 317 S.

Schwarz-Friesel M. Sprache und Emotion. Tübingen: A. Francke, 2007. 459 S.

Simon H.J. Für eine grammatische Kategorie 'Respekt' im Deutschen. Synchronie, Diachronie und Typologie der deutschen Anredepronomina. Max Niemeyer Verlag, 2003. 246 S.

Stoll Ch. Sprachgesellschaften im Deutschland des 17. Jahrhunderts München: A. Francke, 1973. 178 S.

Weinrich H. Lügt man im Deutschen, wenn man höflich ist? Mannheim; Wien; Zürich: Bibliographisches Institut, 1986. 34 S.

Wenzel H. Die Zunge der Brangänge oder die Sprache des Hofes // Sammlung — Deutung — Wertung. Probleme, Tendenzen und Perspektiven philologischer Arbeit / Hrsg. von D. Buschinger. Amiens: Université de Picardie-Jules Verne, 1988. S. 357–367.

Wenzel H. zuht und ère. Höfische Erziehung im 'Welschen Gast' des Thomasius von Zerclaere (1215) // Über die deutsche Höflichkeit. Entwicklung der Kommunikationsvorstellungen in den Schriften über Umgangsformen in den deutschsprachigen Ländern / Hrsg. von A. Montandon. Bern: Peter Lang, 1991. S. 21–42.

References

Baeva G. A., Tretyakova T. P. Development of means of speech etiquette and ritual. *Essays on the historical pragmatics of the Germanic languages*, ed. by G. A. Baeva. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2012, pp. 55–67. (In Russian)

Birr-Tsurkan L. F. Development of speech etiquette in Middle High German. *Essays on the historical pragmatics of the Germanic languages*, ed. by G. A. Baeva. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2012, pp. 68–103. (In Russian)

Piiarainen I. T. Politeness as a category of language. *Voprosy iazykoznanii*, 1996, no. 6. 1996, pp. 100–105. (In Russian)

Formanovskaya N. I. *Speech interaction: communication and pragmatics*. Moscow, IKAR Publ., 2007, 478 p. (In Russian)

Althoff G. Ritual und Demonstration in mittelalterlichem Verhalten. *Personenbeziehungen in der mittelalterlichen Literatur*, hrsg. H. Brall, B. Haupt, U. Küsters. Düsseldorf, Droste Verlag, 1994, S. 457–476.

Besch W. *Duzen, Siezen, Titulieren. Zur Anrede im Deutschen heute und gestern*. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1998. 160 S.

Besch W., Wolf N. R. *Geschichte der deutschen Sprache. Längsschnitte — Zeitstufen — Linguistische Studien*. Berlin, Erich Schmidt Verlag, 2009, 347 S.

Bumke J. *Höfische Kultur. Literatur und Gesellschaft im hohen Mittelalter*. 10. Aufl. München, dtv, 2002, 864 S.

Eggers H. *Deutsche Sprachgeschichte*. In 4 Bd. Bd. 4: Das Neuhochdeutsche. Hamburg, Reinbek, 1977, 183 S.

Ehrhardt C., Neuland E. Sprachliche Höflichkeit in interkultureller Kommunikation und im DaF-Unterricht: Zur Einführung. *Sprachliche Höflichkeit in interkultureller Kommunikation und im DaF-Unterricht*, hrsg. C. Ehrhardt, E. Neuland. Frankfurt a.M., Peter Lang, 2009, S. 7–24.

Ehrsmann O. *Ehre und Mut, Äventiure und Minne. Höfische Wortgeschichten aus dem Mittelalter*. Unter Mitarb. von A. Classen, W. McConnell, E. Dick, K. Düwel, W. Fritsch-Rößler, M. Gemeling, G. Gillespie, H. Heinen, W. Hofmeister u. A. Holzhauer. München, C. H. Beck, 1995, 275 S.

Gardt A. *Sprachreflexion in Barock und Frühaufklärung. Entwürfe von Böhme bis Leibniz*. Berlin, New York, de Gruyter, 1994, 520 S.

Göttert K.-H. Deutsche Umgangsliteratur des 18. Jahrhunderts. *Über die deutsche Höflichkeit. Entwicklung der Kommunikationsvorstellungen in den Schriften über Umgangsformen in den deutschsprachigen Ländern*, hrsg. A. Montandon. Bern, Peter Lang, 1991, S. 101–115.

Lakoff R. Talking Power. The Politics of Language in Our Lives. *Journal of Pragmatics*, 1993, no. 20, pp. 77–81.

Lechtermann Ch. Von wem, ze wem, waz, wie und wenne. Redeordnungen. *Ordnung und Unordnung in der Literatur des Mittelalters*, hrsg. W. Harms, C. St. Jaeger, H. Wenzel. Stuttgart: Hirzel, 2003, S. 81–95.

Lexer M. *Mittelhochdeutsches Taschenwörterbuch*. 38. Aufl. Stuttgart, S. Hitzel, 1992, 504 S.

Linke A. Höflichkeit und soziale Selbstdarstellung. Höflichkeitskonzepte in Anstandsbüchern des 18. und 19. Jahrhunderts. Höflichkeit. *Osnabrücker Beiträge zur Sprachtheorie (OBST)*, hrsg. H. Haferland, I. Paul. Oldenburg, Redaktion OBST, 1996, S. 70–104.

Miedema N. Höfisches und unhöfisches Sprechen im *Erec Hartmanns* von Aue. *Formen und Funktionen von Redeszenen in der mittelhochdeutschen Großepik. Tübingen*, hrsg. N. Miedema, F. Hundsnurscher. Max Niemeyer Verlag, 2007. S. 181–201.

Miedema N. Gesprächsnormen. Höfische Kommunikation in didaktischen und erzählenden Texten des Hochmittelalters. *Text und Normalität im deutschen Mittelalter*, hrsg. E. Brüggem, Fr. J. Holznagel, S. Coxon und A. Suerbaum. Berlin, Boston, de Gruyter, 2012, S. 251–278.

Moulin C. „Nach dem die Gäste sind, nach dem ist das Gespräch“. Spracharbeit und barocke Tischkultur bei Georg Philipp Harsdörffer. *Perspektivwechsel oder: Die Wiederentdeckung der Philologie*, hrsg. N. Bartsch, S. Schultz-Balluff. Bd. 2: Grenzgänge und Grenzüberschreitungen. Zusammenspiele von Sprache und Literatur in Mittelalter und Früher Neuzeit. Berlin, Erich Schmidt Verlag, 2016, S. 261–287.

Paul I., Haferland H. Eine Theorie der Höflichkeit. *Osnabrücker Beiträge zur Sprachtheorie (OBST)*. 1996. Nr. 52. S. 7–67.

Redeszenen in der mittelalterlichen Großepik, hrsg. M. Unzeitig, N. Miedema, Fr. Hundsnurscher. Berlin, Akademie Verlag, 2011, 317 S.

- Schwarz-Friesel M. *Sprache und Emotion*. Tübingen, A. Francke, 2007, 459 S.
- Simon H. J. *Für eine grammatische Kategorie 'Respekt' im Deutschen. Synchronie, Diachronie und Typologie der deutschen Anredepronomina*. Max Niemeyer Verlag, 2003, 246 S.
- Stoll Ch. *Sprachgesellschaften im Deutschland des 17. Jahrhunderts*. München, A. Francke, 1973, 178 S.
- Weinrich H. *Lügt man im Deutschen, wenn man höflich ist?* Mannheim, Wien, Zürich, Bibliographisches Institut, 1986. 34 S.
- Wenzel H. Die Zunge der Brangänge oder die Sprache des Hofes. *Sammlung — Deutung — Wertung. Probleme, Tendenzen und Perspektiven philologischer Arbeit*, hrsg. D. Buschinger. Amiens, Université de Picardie-Jules Verne, 1988, S. 357–367.
- Wenzel H. Zuht und ére. Höfische Erziehung im 'Welschen Gast' des Thomasius von Zerclaere (1215). *Über die deutsche Höflichkeit. Entwicklung der Kommunikationsvorstellungen in den Schriften über Umgangsformen in den deutschsprachigen Ländern*, hrsg. A. Montandon. Bern, Peter Lang, 1991, S. 21–42.
-

Баева Галина Андреевна

профессор кафедры немецкой филологии СПбГУ, доктор филологических наук,
Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Galina A. Baeva

Professor of German Philology Department, St. Petersburg State University,
Doctor of Philological Sciences
Address: 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

E-mail: g.baeva@spbu.ru

Статья поступила в редакцию 21 января 2023 г.

Принята к публикации 26 апреля 2023 г.

ВЕЖЛИВОСТЬ КАК РЕГУЛЯТОР КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ НЕМЦЕВ В XVIII ВЕКЕ

Для цитирования: *Бирр-Цуркан Л. Ф.* Вежливость как регулятор коммуникативного поведения немцев в XVIII веке // *Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете.* 2023. Вып. 13. С. 259–281. <https://doi.org/10.21638/spbu33.2023.114>

Целью статьи является изучение вежливости как одной из важнейших категорий, регулирующих коммуникативное поведение представителей той или иной культуры. Материалом исследования послужили своды правил поведения первой половины XVIII в., сыгравшие важную роль в формировании вежливости как культурной ценности в немецкой истории. С привлечением описательного метода, методов компонентного и контекстного анализа автор исследует, что понималось под вежливым обхождением в немецком социуме XVIII в. и от чего оно зависело. Ситуативное построение сводов правил поведения позволяет продемонстрировать основные этикетные ситуации, перечень которых включает наряду с традиционными ситуациями приветствия, благодарности, извинения, прощания также поведение за столом, на танцах, в путешествии, приглашение, выражение соболезнования при утрате близкого человека, поздравления по различным поводам. Изученные своды правил поведения позволяют сделать вывод, что основным понятием этикета XVIII в. является Compliment, понимаемый прежде всего не как некая похвала, а как этикетная формула, произносимая в определенной этикетной ситуации. Важная роль при вежливом обхождении отводится правильно использованному обращению. Обращение, выполняющее, с одной стороны, функцию адресации высказывания, а с другой — отражающее взаимоотношения, существующие между адресатом и адресантом, строго регламентируются социальным статусом адресата и разницей в положении адресата и адресанта. Особенностью оформления этикетных высказываний в сводах правил поведения является активное использование форм превосходной степени. При этом если адресат всячески превозносится, то адресант, наоборот, активно занимается самоуничижением. На основе проведенного анализа делается вывод о том, что категория вежливости в XVIII в. была прежде всего этической категорией, зависящей от времени, места и лиц, участвующих в общении, в первую очередь от их социального статуса и половой принадлежности. Новизна исследования заключается в выбранном материале и рассмотрении формирования категории вежливости в диахронии.

Ключевые слова: категория вежливости, этикет, обращение, адресат, свод правил поведения, комплимент.

POLITENESS AS A REGULATOR OF COMMUNICATIVE BEHAVIOUR OF GERMANS IN THE 18TH CENTURY

For citation: Birr-Tsurkan L.F. Politeness as a regulator of communicative behaviour of Germans in the 18th century. *German Philology in St. Petersburg State University*, 2023, iss. 13, pp. 259–281. <https://doi.org/10.21638/spbu33.2023.114>

This paper analyses politeness as one of the most important categories regulating communicative behaviour in a culture based on the codes of conduct of the 18th century. The latter played an important role in courtesy becoming a cultural value in German history. Through methods of description, component and contextual analysis, the author investigates what was considered polite discourse in the German society and what it depended on. Principal behavioural situations studied include greetings, expressing gratitude, apologies, bidding farewell, as well as table manners, etiquette of dancing and travelling, extending invitations, expressing condolences on a bereavement, congratulations on different occasions. Compliment, a basic concept of eighteenth-century etiquette, is primarily understood as an etiquette formula applied to a particular etiquette situation. Addressing has two functions: addressing an utterance and reflection of the relationship between the addressee and the addressee, which is strictly regulated by the social status and position of both. One defining feature of etiquette statements in the codes of conduct is the active use of superlative forms. It is concluded that in the 18th century, the category of politeness was primarily an ethical one, which depended on the time, place and persons involved in discourse, first and foremost on their social status and gender. The novelty of the study lies in the material chosen and in studying the development of the politeness category in diachrony.

Keywords: politeness category, etiquette, address, addressee, codes of conduct, compliment.

1. Категория вежливости. Основные концепции

На сегодняшний момент существуют различные концепции вежливости. Робин Лакофф одна из первых подхватила максимы Грайса для описания функционирования категории вежливости, выдвинув на передний план два правила общения (*Be clear; Be polite*) и подчинив максиме вежливости три другие максимы: соблюдения дистанции, т. е. ненавязывания себя, предоставления выбора и поведения, приятного собеседнику, дружелюбности (*Don't impose; Give options; Make after feel good — be friendly*) [Lakoff 1973: 298]. Согласно Лакофф, в той или иной культуре может преобладать одна из трех указанных максим, например считается, что ве-

дущими для западноевропейских культур являются стратегии соблюдения дистанции.

Так же как и Лакофф, Джеффри Лич опирается на предложенные Грайсом принципы речевого общения. Для Лича вежливость — важный прагматический фактор, регулирующий общение людей. Принципу вежливости Лич подчиняет шесть максим: такта, щедрости, одобрения, скромности, согласия, симпатии (Tact Maxim, Generosity Maxim, Approbation Maxim, Modesty Maxim, Agreement Maxim, Sympathy Maxim) [Leech 1983: 83].

У истоков изучения категории вежливости стояли также Пене-лопа Браун и Стивен Левинсон, исходившие из заимствованного у Ирвинга Гофмана понятия «лица» (face) и трактовавшие вежливость как сохранение лица коммуникантов за счет избегания или смягчения так называемых «лицоугрожающих» актов (face-threatening-acts). Браун и Левинсон оперируют двумя формами вежливости: позитивной и негативной, первая из которых связана с выражением солидарности, а негативная — с самоограничением говорящего во избежание конфликта [Brown, Levinson 1987: 61–64].

В советском и российском языкознании вежливость, как правило, рассматривалась и рассматривается в контексте речевого этикета, понятие которого было введено в научный обиход в 1960-е годы В. Г. Костомаровым [Костомаров 1967]. В дальнейшем этот термин получил широкое распространение благодаря исследованиям А. А. Акишиной, Н. И. Формановской, В. Е. Гольдина, В. И. Карасика и многих других. Изначальная дидактическая направленность исследований А. А. Акишиной и Н. И. Формановской, нацеленных прежде всего на иностранных студентов, изучающих русский язык, получила в дальнейшем более глубокое научное содержание. В центре интересов российских лингвистов оказалась сама природа категории вежливости, понимаемой в первую очередь как этическая категория. Так, например, Н. И. Формановская рассматривает вежливость как одну из «специализированных функций речевого этикета» [Формановская 2006: 13–15]. В. И. Карасик предлагает рассматривать вежливость как оценку статуса человека:

Статусная оценка проявляется в речевом поведении людей, делающих выбор, — в демонстрации уважения либо неуважения и в соблюдении либо несоблюдении вежливости, а также в следовании определенным правилам поведения. Уважение является признаком

высокого положения другого человека и внутренним одобрением этого положения. Вежливость представляет собой прежде всего способности выражения уважения к другому человеку, хотя и не сводится только к выражению уважения. В приведенном соотношении понятий уважение — это «то, что», а вежливость — «то, как» [Карасик 1991: 78–79].

Одно из основных современных направлений изучения категории вежливости сопряжено со сравнительными исследованиями, подчеркивающими ее национальную специфику. Т. В. Ларина, монография которой посвящена сопоставительному анализу английских и русских лингвокультурных традиций, дает следующее определение вежливости: «Вежливость — универсальная коммуникативная категория, представляющая собой сложную систему национально-специфических стратегий, направленных на гармоничное, бесконфликтное общение и соответствующее ожиданиям партнера» [Ларина 2009: 168–169].

С одной стороны, вежливость — универсальное понятие, с другой стороны, представителями разных культур вежливость может трактоваться по-разному. Кроме того, понятие вежливости не остается неизменным в рамках одной культуры с течением времени. Так, например, Е. В. Зенина отмечает, что «диахронический анализ позволяет говорить не только о тенденции к экспликации категории вежливости, но и об изменениях в структурных признаках самого жанра, который становится менее категоричным под влиянием качественного развития категории» [Зенина 2012: 197]. Таким образом, категория вежливости обладает не только национальной, но и исторической спецификой, а ее исследование должно проходить не только в синхронии, но и в диахронии.

2. Понимание вежливости в немецких сводах правил поведения

В формировании вежливости как культурной ценности в немецкой истории важную роль сыграли издания сводов правил поведения (нем. Benimmbücher/Anstandsliteratur). Нередко первой немецкой книгой по этике общения считают «Über den Umgang mit Menschen» («Об обхождении с людьми») Адольфа Книгге, имя

которого действительно стало нарицательным для правил поведения. Однако своды правил поведения появились задолго до Книжке. Традиция так называемых Benimmbücher возникла в Германии еще в XVI в., когда была переведена на немецкий язык книга Эразма Роттердамского «De civilitate» («О приличии»), давшая толчок бурному развитию печатных правил поведения, особый расцвет которых приходится на XVIII в. (например, «Des Galanten Frauenzimmers kluge Hofmeisterin» («Умная гофмейстерша галантной дамы», 1711); «Kürzliche Anweisung zu Complimenten und höflicher Condvite, für Personen Bürgerlichen Standes» («Краткая инструкция по комплиментам и вежливому поведению для особ гражданского сословия», 1736); «Höflichkeit der heutigen Welt» («Вежливость сегодняшнего мира», 1744); «Das nach der neuesten Art und dem wahren Wohlstand eingerichtete Complimentir-Büchlein» («Книжка комплиментов, отвечающая новейшим требованиям и истинному процветанию», 1750); «Die Artige Welt in allen Ständen» («Воспитанный мир во всех сословиях», 1769) и др.; о роли так называемых Benimmbücher как регулятора коммуникативного поведения немцев см.: [Бирр-Цуркан 2019; 2020].

Если русское слово *вежливый* является производным от древнерусского *въжа* — ‘знающий, сведущий’ (значение, которое сохранилось в современном «невежа») [Фасмер 1986а: 285], то немецкое *höflich* восходит к *Hof* (‘двор’), т. е. здесь налицо прежде всего связь с придворным этикетом, галантностью, куртуазностью. Об этом говорится и в «Kürzliche Anweisung zu Complimenten» («Краткая инструкция по комплиментам»):

- (1) *Die Höflichkeit führet ihren Nahmen und Ursprung vom Hof=Leben, woselbst man untereinander mehr Ehrerbietung und Manier im Reden als sonst, unter dem gemeinen Mann, im Bürgerlichen Leben, gebraucht: Und diejenige, welche offft mit Hofleuten umzugehen pflegen, bezeugen mehr, als zur Genüge, daß man auch, mit der Zeit das unbefcheidene Wesen ablegen, und mit der so beliebt = als belobten Höflichkeit verwechseln könne* [Kürzliche Anweisung... 1736: 13–14¹].

Однако хотя здесь и говорится о большем владении правилами вежливого обращения при дворе, чем среди простых людей, сво-

¹ Здесь и далее приводится номер страницы скана по указанной ниже ссылке. Орфография оригинала сохранена.

ды правил поведения не ограничивают сферу их применения исключительно придворными. Вежливость понимается как умение уважительно и тактично общаться с людьми в любом обществе. Так, например, «Die Manier, wie man sich in der Conversation ... verhalten ... möge» («Манера, как подобает себя вести в разговоре») декларирует необходимость знаний правил поведения для обеспечения себе расположения со стороны общества, только человек, следующий этим правилам, будет считаться умным и добродетельным:

- (2) *In der Welt fein Glück zu machen / und bey allen honetten Leuten sich in guten Credit zu setzen / muß man sich einer rechten Conduite befeiffen / das heist: Man muß sich also aufzuführen wissen / daß man vor klug und tugendhaft gehalten werde* [Die Manier... 1717: 29].

В «Höflichkeit der heutigen Welt» («Вежливость сегодняшнего мира») вежливость понимается прежде всего как скромные и достойные слова и поведение:

- (3) *Die Höflichkeit, wovon wir allhier einige Regeln geben wollen, ist nichts anders als die Bescheidenheit und Ehrbarkeit, welche ein jeder in seinen Reden und Handlungen beobachten soll* [La Civilité Moderne 1744: 31].

В «Complimentir-Büchlein» («Книжка комплиментов») говорится о важности умения вести себя скромно и прилично, причем это внешнее поведение позволяет судить о внутреннем содержании человека:

- (4) *Es liegt dermalen in der Welt viel daran, daß man bescheiden zu reden, und anständig sich zu geberden wisse, indeme man von diesem eufferlichen auf das Innerliche mehrentheils schließet* [Das nach der neuesten Art... 1750: 7].

Вежливость есть не что иное, как приличное обращение с другими людьми в соответствии с обстоятельствами, участниками общения, временем, когда окружающие не замечают в поведении человека ничего непристойного и неотесанного, когда человек показывает, что ценит других, понимает различие между собой и другими и умеет обращаться с ними в соответствии с требованием времени. Это и есть мудрость внешнего поведения человека:

- (5) *Höflichkeit heißt demnach nichts anders, als wann ein Mensch in den Umgang mit dem andern nach den Umständen der Sache, der Personen und Zeit sich bezeigt, wann er mit einer gewissen Anständigkeit redet, daß man an ihm nichts unschickliches und bäurisches bemerkt, wenn er an sich zeigt, daß er den andern zu schätzen wisse, wie er seyn soll, daß er einen Unterschied zwischen ihm und andern finde, und daß er nach Erforderniß der Zeit auch mit ihme unzugehen verstehe. Dies ist die wahre Weisheit in dem äußerlichen Leben der Menschen [Das nach der neuesten Art... 1750: 13].*

О зависимости вежливого поведения от времени, места и лиц, участвующих в общении говорится и в «Kürzliche Anweisung zu Complimenten» («Краткая инструкция по комплиментам»), чем выше статус визави, тем вежливее, учтивее и скромнее следует себя вести:

- (6) *Das Vornehmste darbey ist, daß man auf die Zeit, Ort und die Personen, mit welchen man umgeheth, fleißig Acht habe: Denn je vornehmer selbige gegen mir sind, desto höflicher, ehrerbietiger und bescheidener muß ich mich, gegen selbige, bezeigen und aufführen [Kürzliche Anweisung... 1736: 15].*

Все книги по этике содержат общие правила приличного поведения. Так, например, «Kürzliche Anweisung zu Complimenten» («Краткая инструкция по комплиментам») учит открыто смотреть на собеседника, говорить четко, не заикаясь от страха, но при этом и не быть дерзким, не показывать своих переживаний, не махать руками перед носом собеседника, не хватать его за одежду, рукава, пуговицы, не шаркать ногами, не глазеть на женщин влюбленными глазами, но и не утыкаться взглядом в землю:

- (7) *Ein kluger Mensch darf, bey ihme noch unbekandten oder vornehmen Leuten, die Augen nicht zur Erde kehren, aus Schrecken stammeln und erzittern; sondern muß mit bescheidener Manier und Geberden, die Leute freundlich anschauen, und alle unanständige Furcht verlaßfen; jedoch muß er darneben nicht auf eine allzugroße Frechheit gerathen, und in seinen Reden solche mißfällige Affecten bezeigen, welche nach der Charletanerie schmecken; auch unter dem Reden nicht mit den Händen, den Leuten unter der Nase, herum fahren, sie bey den Klei-*

dern, Ermeln, oder Knöpfen fassen und solche herum drehen, auch nicht beständig den Fußstreifen, dem Frauenzimmer nicht immer ins Angesichte, und zumal mit verliebten Blicken, sehen, und eben auch nicht immer hin zur Erden wenden [Kürzliche Anweisung... 1736: 16].

Приводится ряд правил вежливого поведения:

- при встрече на улице с человеком, которому хочешь выказать свое уважение, приподнять шляпу и поклониться:
- (8) *Wenn ein höflicher Mensch jemand auf der Gaffe begegnet, dem er Respect und Ehrerbietung schuldig ist: so nimmt er den Hut manierlich ab, neiget denselben gegen die Mitte seiner Brust, machet also ein anständiges Reverence* [Kürzliche Anweisung... 1736: 19];
- дать собеседнику высказаться, не перебивая его:
- (9) *Ein höflicher Mensch läßet andere Leute auch reden, und zwar ausreden; ohne, daß er ihnen begehret in die Rede zu fallen* [Kürzliche Anweisung... 1736: 26].
- не говорить об отсутствующих плохо:
- (10) *Ein höflicher Mensch bedenket das Sprichwort; de absentibus & mortuis nil, nißibene, daß man von Abwesenden und denen Verstorbenen nichts als alles gute, reden soll, sehr wohl* [Kürzliche Anweisung... 1736: 27].
- почтительно обращаться к женщинам:
- (11) *Ein höflicher Mensch wird sich immerhin befeiffen, in Geberden, Worten und Wercken gegen dem Frauenzimmer sich ehrehrbietig und bescheiden aufzuführen* [Kürzliche Anweisung... 1736: 29].

3. Ситуативное построение немецких сводов правил поведения

Большинство сводов правил поведения имеют ситуативную композицию: авторы предлагают различные ситуации общения для демонстрации вежливости. К примеру, «Die Manier, wie man sich in der Conversation ... verhalten ... möge» («Манера, как подоба-

ет себя вести в разговоре») построена таким образом, что в одном параграфе описывается коммуникативная ситуация, в следующем параграфе приводятся рекомендуемые для употребления в этой ситуации слова, а далее — но не всегда — отдельный параграф с какими-то особыми замечаниями или дополнениями по указанной ситуации и соответствующие рекомендуемые формулировки. Например, в § 35 говорится о ситуации дня рождения:

- (12) *Wolte man einen groffen Herren bey deffen erlebten Geburts=Tage vor sich gratulieren / so könnte dieses in folgender Compliment geschehen: [Die Manier... 1717: 95].*

Далее следует параграф с конкретной формулировкой поздравления, которую открывает обращение с использованием соответствующего титула, заверение собственной верности и готовности служить, за этим следует пожелание благоденствия и, наконец, очередное заверение в почтительном отношении:

- (13) § 36. *Euer Hoch=Fürfliche Durchleucht habe zu Dero glücklich=erlebten Hoch=Fürflichen Geburts=Tage in unterthänigster Freude zu gratulieren / und nebst allen treuen Dienern von Grund der Seelen zu wünschen / daß der Höchste Euer Hoch=Fürstl. Durchleucht denselben noch sehr oft / und biß in das höchste Alter bey allen Hoch=Fürflichen Wolwesen / zu Dero hohen Hauses und des Vatterlands fernern Aufnehmen / wolle gnädig wieder schenken. Wobey Euer Hoch=Fürstl. Durchleucht hohen Gnade / mich in unterthäniger Submission jedesmal erbe [Die Manier... 1717: 95].*

В § 37 говорится о возможной ситуации поздравления ко дню рождения великокняжеской персоны со стороны прислуги и в § 38, соответственно, приводится рекомендуемая формулировка поздравления, содержащая по сравнению с предыдущей больше заверений в верноподданнических чувствах:

- (14) § 37. *Wann eine Gratulation bey erlebtem neuen Jahr an Hoch=Fürfliche Herrschaft von einem Bedienten solte abgelegt werden / können auf folgende Weise die Compliment geschehen:*
§ 38. *Ihro Hoch=Fürfliche Durchleucht habe bey diesem eingetretenen neuen Jahr des Allmächtigen reiche Gnade / beständige Gesundheit / und alle Hoch=Fürfliche Prosperität in diesen und folgenden Zeiten unterthänigst anzuwünschen / mit gehorsamster Bitte / Euer*

Hoch=Fürftl. Durchleucht geruhen auch in diefem Jahre mein gnädigfter Fürft und Herr zu verbleiben. Wie dann zu Dero beharrlichen hohen Gnaden mich in Unterthänigkeit empfehle / und alle Hoch=Fürftliche Hulde mit unterthänigften treuen Dienften / der Schuldigkeit nach / zu erkennen / nicht verabfaumen werde [Die Manier... 1717: 95–96].

Кроме традиционных этикетных ситуаций приветствия, благодарности, извинения, прощания, своды рассматривают такие ситуации, как приглашение и ответ на приглашение, выражение соболезнования при утрате близкого человека, поздравления со свадьбой, с рождением ребенка и т. д. Особого внимания удостоиваются правила поведения за столом, во время танцев, а также в поездках.

4. Роль адресата в выборе этикетного поведения

Поведение участников коммуникации зависит от их социально-го положения, времени и обстоятельств, это определяет речь, манеры и позу человека:

- (15) *...fich fo aufzuführen, reden und bezeigen, wie es das Wefentliche des Umgangs, die Perfonen, Zeit und Umftände erfordern. ..., wenn man einen Vortrag gefchickt in Worten, Geberden und Stellung des Leibes verrichtet [Das nach der neuesten Art... 1750: 17].*

К занимающему более высокое положение следует обращаться с почтением, к равному вежливо, к более низкому по рангу приветливо, именно так можно завоевать сердца окружающих:

- (16) *Gegen Höhere /als wir find / laffe man jedesmal Ehr=Ehrbietung / gegen unfers Gleichen / Höflichkeit / gegen Niedrige / freundliche Begegnung führen / fo wird man die Gemüther gewinnen [Die Manier... 1717: 53].*

Приведенные ниже примеры поздравления по одному и тому же поводу (*Die Neuen=Jahrs=Compliment oder andere Gratulation*, т. е. в связи с новым годом жизни или каким-то другим событием) позволяют судить, насколько они разнятся в зависимости от социального положения адресата, второе из них обращено к человеку, занимающему среднее положение в обществе (*Ift es ein Bedienter von mittlerer Condition, fo pfeget man auch keine lange Compliment zu machen / fondern könnte genug feyn [Die Manier... 1717: 111]*):

<p>(17) § 26. Euer Excellenz wollen gnädig erlauben / daß bey eingetretene[m] Neuen Jahr meine unterthänige Reverenz mache / und hocherfreut gratulire / daß Euer Excellenz das vorige glücklich zurück gelegt / auch jetzt angehen[de]s bey aller Prosperität erlebet. Der Höchste wolle solches und noch viele folgende Euer Excellenz bey hochgesegnetem Wohlstand lassen hinbringen / und zu dero gnädigsten Herrschaft hohen Vergnü[ge]n / auch der Wolfahrt des Landes Euer Excellenz bey unverruckter Gesundheit in Gnaden erhalten. Wobey denn Euer Excellenz fernern gnädigen Wohlwollen / mich in geziemder Obfervanz accommandire [Die Manier... 1717: 110–111]. —</p> <p>«§ 26. Ваше Превосходительство, позвольте милостиво выразить покорное почтение в связи с наступившим новым годом и с радостью поздравить с тем, что Ваше Превосходительство счастливо прожили прошлый год и пожелать, что наступающий год проживете во всяческом благоденствии. Да позволит Всевышний Вашему Превосходительству прожить этот и многие последующие годы в благословенном достатке и на радость всемилостивому принять благосостояние страны при неизменном здоровье Вашего Превосходительства. За сим вверяюсь по подобающему обычаю в дальнейшую милостивую благосклонность Вашего Превосходительства»</p>	<p>(18) § 29. Ich gratuliere meinem Hochgehrten Herrn Kämmerer zu glücklich=erlebtem Neuen Jahr / wü[n]sche diese und viel folgende alle Prosperität / und empfehle mich zu guter Affection [Die Manier... 1717: 111]. —</p> <p>«§ 29 Поздравляю моего глубокоуважаемого господина камергера со счастливо прожитым новым годом, желаю в этом и многих последующих всяческого благоденствия и рекомендую в полном расположении»</p>
---	--

А вот если перед вами адресат, занимающий среднее положение при дворе, то конкретно указывается, как изменяется обращение по сравнению с высокопоставленными лицами, *gnädig* ('милостивый') и *unterthänig* ('покорный') не используются, вместо них лишь *hochgeehrt* ('многоуважаемый'):

- (19) § 34. *Bey mittlern Hof=Gedienten ist das Compliment in Freuden= und Trauer=Fällen gleiches Inhalts / als die an Höhere / nur bleibt allein die Excellenz, die Gemahlin / das gnädig und unterthänig hinweg / und heift es an deren Statt: Mein hochgeehrter Herr / die Frau Ehe=Liebste: Hochgünstig und dienlich* [Die Manier... 1717: 115].

В «Complimentir-Büchlein» («Книжка комплиментов») отмечается, что к лицам, занимающим высокое положение, особенно в сравнении с говорящим, следует обращаться с почтением, скромностью. В речи должны сквозить осторожность и искренность, любых сомнительных и острых выражений следует избегать, и речь свою следует формулировать, обдумывая каждое слово:

- (20) *Personen, die in einem hohen Rang und Ehre stehen und gegen die wir von sehr geringer Condition sind, müssen mit Demuth, Ehrfurcht und Bescheidenheit bedient werden; sonderlich muß in der Rede Ordnung, Vorsichtigkeit und ein aufrichtiges Wesen hervorleuchten, alle zweifelhafte und spitzige Redens-Arten vermieden und der Vortrag so eingerichtet werden; daß man für sich ein jedes Wort wohl überleget, und bedenke* [Das nach der neuesten Art... 1750: 37].

Вежливое обхождение прямо пропорционально зависит от ранга адресата, вплоть до того, что следует избегать тесного общения, если разница в положении весьма существенная, потому что иначе можно нарваться на фамильярное отношение со стороны нижестоящего, а в обществе заработать презрение и ослабить свои позиции. Однако следует все же обращаться с такими лицами вежливо, дабы не вызвать с их стороны подозрение в высокомерии и неуважении:

- (21) § 38. *Man halte sich / zumal im Anfang / nicht an solche bey Hofe / die geringer seyn / als wir selbst / zumal wenn die Differenz gar zu groß ist / denn die Geringen machen sich bald allzu familiar mit einem. Dieses gibt hernach nur Verachtung / und schwächet die gute Præsumption, die sonst von uns wäre gemacht worden. Indessen erweise man sich doch sehr höflich gegen solche geringe Bedienten / und lasse sie nicht in den Argwohn fallen / als wäre man hoffärtig / und achtete dieselben gegeb sich nicht* [Die Manier... 1717: 117].

Особое внимание в сводах правил поведения уделяется обращению с женщинами. Если описывается какая-либо ситуация,

то отдельным пунктом рассматривается эта ситуация в присутствии женщин. Например, когда в «Die Manier, wie man sich in der Conversation ... verhalten ... möge» («Манера, как подобает себя вести в разговоре») речь идет о поведении в поездках, отдельным параграфом прописывается необходимость вежливого и учтвого обхождения с дамами:

- (22) § 10. *Ist Frauenzimmer mit auf den Posten / oder Kutfchen / so gebraucht man gegen selbige / der Gebühr nach / alle Höflichkeit und Ehrerbietung* [Die Manier... 1717: 125].

Далее отдельная глава посвящена разговорам с женщинами (Сар. VII. «Von der Conversation mit Frauenzimmer»). В ней содержатся варианты обращения к дамам, в соответствии с той последовательностью выстраивания диалога, который декларируется в этой главе:

- (23) *Ich gratulire mir so glücklich zu seyn / der gnädigsten Frauen (oder Fräulein) die Reverenz zu machen; Oder: Ihro Gnaden erlauben / daß meine gehorsamste Aufwartung ablege; Oder: Ich bin von Herzen erfreut / mein gnädigstes Fräulein / bey vergnügtem Wolergehen zu sehen. Oder: Es ist ein sonderbares Glück / daß ich Gelegenheit finde / meinem wehrtesten Fräulein die Aufwartung zu machen* [Die Manier... 1717: 201]. — «Я поздравляю себя со счастьем совершить реверанс² милостивой госпоже (или барышне)»; или: «Ваша милость, позвольте нанести покорный визит»; или: «Я рад от всего сердца видеть милостивейшую барышню в хорошем настроении и благоденствии»; или: «Особенное счастье найти повод нанести визит своей дражайшей барышне».
- (24) § 18. *...Daß man sich Anfangs gratulirt / die Ehre zu haben / ein so galantes Frauenzimmer diesen Tag zu sprechen / und zu bedienen / und dann kommt man auf den Ruhm derjenigen Person / mit welcher man redet: Man sagt / daß sie den Preiß unter allen / wegen ...* [Die Manier... 1717: 208]. — «§ 18. ...что сначала поздравляю себя с честью, говорить в этот день со столь галантной дамой и служить ей, затем переходят к прославлению этой персоны, с которой разговаривают: говорят, что она выделяется среди всех из-за...».

² Здесь и в других примерах дается максимально близкий перевод оригинала, зачастую не отвечающий узусу русского языка. Так, например, по-русски мы бы сказали: «Я счастлив оказать почтение...»

Таким образом, критериями вежливого обхождения в сводах правил поведения являются ситуации этикетного общения, а также социальное положение и половая принадлежность адресата.

5. Compliment, его значение в немецких сводах правил поведения и особенности формулировки

Как видно из уже приведенных выше названий сводов правил поведения и примеров, основным понятием этикета XVIII в. является *Compliment*:

- (25) *Ueberall, wo Perſonen zugegen, wird eine anſtändige Höflichkeit erfordert, dieſe äußert ſich in wohlangebrachten Complimenten* [Das nach der neuesten Art... 1750: 37].

«Complimentier-Büchlein» («Книжка комплиментов») содержит набор различных комплиментов, в зависимости от ситуации: «Von Geſellſchafts=Complimenten» («О комплиментах в обществе») [Das nach der neuesten Art... 1750: 52], «Von Complimenten auf Hochzeiten» («О комплиментах на свадьбах») [Das nach der neuesten Art... 1750: 61], «Von Complimenten mit dem Frauenzimmer» («О комплиментах женщинам») [Das nach der neuesten Art... 1750: 64], «Von Tanz=Complimenten» («О танцевальных комплиментах») [Das nach der neuesten Art 1750: 71], «Von Hausführungs=Complimenten» («О комплиментах по ведению хозяйства») [Das nach der neuesten Art... 1750: 79].

В современном понимании комплимент — это некое выражение похвалы, восхищения. Словарь С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой определяет его как «любезные, приятные слова, лестный отзыв» [Ожегов, Шведова 1995: 283]. Словарь-справочник «Эффективная коммуникация» толкует комплимент как «малый жанр эпидейктического красноречия; лестное, приятное, галантное, любезное замечание, краткая похвала» и сравнивает его с похвальным (хвалебным) словом, отмечая их разницу в том, что «похвальное слово — это как бы развернутая похвала, развернутый комплимент» [Эффективная коммуникация... 2005: 917]. Однако в сводах правил поведения XVIII в. это понятие имело иное значение, которое, кстати, было заимствовано и русским языком еще в Петровскую эпоху:

В русском языке слово появилось в начале XVIII в. и имело исходное значение — «приветствие по определенным правилам». Complimentом называют похвалу в адрес кого-либо, облаченную в вежливую форму. Слова с аналогичным индоевропейским корнем находим в английском (compliment — «поклон, привет»), итальянском (complimento) языках [Семенов 2003].

При этом Фасмер указывает на возможное заимствование из немецкого языка: «начиная с Петра I, который пишет также кумплюмент; наряду с этим кумплемент, куплюмент, куплемент. Через нем. Kompliment или ит. complimento, франц. compliment [Фасмер 1986б: 306].

Итак, в немецком этикете XVIII в., согласно сводам правил поведения, комплимент понимался прежде всего не как похвала, а как приветствие или иное этикетное обращение к адресату. Так, например, глава, посвященная комплиментам на свадьбе, говорит о необходимости употребления пожеланий, благодарственных слов и ответных реплик:

(26) *Die Höflichkeit erfordert hier Glückwünsche, Dankfagungen und Gegen=Antworten [Das nach der neuesten Art... 1750: 61].*

В главе, посвященной сопровождению дамы домой («Von Hausführungs=Complimenten»), говорится, например, о необходимости употребить особую форму прощания, сопровождаемую особыми движениями, отличающуюся известной нежностью и содержащей пожелания счастья и радостного благополучия, надежду на благосклонное воспоминание своей персоны и честь оказаться в обществе этой дамы в будущем:

(27) *Das Compliment zum Abschied gegen die Jungfrau endlich muß mit sonderbaren Bewegungen und einer gewissen Zärtlichkeit geschehen, und angefüllet seyn, wobey man ihr alles Glück und erfreulichen Wohlstand anwünscht, sich zu geneigten Andenken seiner Person und gepflogenen Umgangs befiehlt, und die Begierde bezeigt, künftig die Ehre mit ihr in Gesellschaft zu seyn, wieder genießen. [Das nach der neuesten Art... 1750: 80].*

То, что *Compliment* понимался как некая этикетная формула, произносимая в определенной ситуации общения, доказывают, например, и следующие примеры употребления этого слова

в «Kürzliche Anweisung zu Complimenten» («Краткая инструкция по комплиментам»):

- (28) *Wollte der Eingeladene kommen, würde er auf das Einladungs=Compliment folgender Gestalt antworten* [Kürzliche Anweisung... 1736: 149]. — «Если приглашаемый хотел бы прийти, то он следующим образом ответил бы на комплимент-приглашение».
- (29) «Von den Complimenten bey Krankheyten, Absterben und Begräbniffen» [Kürzliche Anweisung... 1736: 175]. — «О комплиментах при болезнях, смерти и похоронах».

В переведенной с французского языка «Höflichkeit der heutigen Welt» («Вежливость сегодняшнего мира») подробно разбираются два типа *Compliment*:

- (30) *Höflichkeit ..., welche denn durch dasjenige abgelegt wird, was wir Complimente nennen. Dieselbe sind nun zweyerley Arten: einige, durch welche wir auf eine geschickte Weise einige Empfindung vor die Person spüren lassen, als eine Mitzufriedenheit, die eine Darlegung der Freude ist, so wir wegen einer der Standes=Person begegneten Glückseligkeit haben* [La Civilité Moderne 1744: 179]. — «Вежливость... которая демонстрируется тем, что мы называем комплименты. Они бывают двух видов: одни, посредством которых мы умело даем понять о впечатлении персоны, некоем удовольствии, что есть изложение радости от счастья встретить знатную особу»;
- (31) *Die andere Art von Complimenten ist das Lob. Durch die erste Gattung schmeicheln wir uns, durch uns selber, in das Gemüthe der Person ein, mit welcher wir reden, und durch diese letztere, thun wir es durch sie selber* [La Civilité Moderne 1744: 179]. — «Другой вид комплиментов — это похвала. Первым видом мы втираемся в доверие сами, влияем на настроение персоны, с которой мы говорим, а этим последним видом мы это делаем через него самого».

Таким образом, второй тип комплимента, о котором здесь идет речь, совпадает с современным пониманием его как похвалы. Однако приведенные выше контексты позволяют все же утверждать, что основным значением этого понятия в немецких сводах правил поведения является этикетная формула.

5.1. Обращение к адресату

Обращение играет одну из важнейших ролей в сфере этикета, выполняя, с одной стороны, функцию адресации высказывания, а с другой — отражая взаимоотношения, существующие между адресатом и адресантом. На такой двойственный характер обращения и необходимость рассматривать его «как в аспекте адресации, так и в функциональном ряду этикетных средств», указывает В. Е. Гольдин: «Любой тип обращения не только участвует в организации направленности речи, но и выполняет этикетную функцию» [Гольдин 1987: 64].

Во всех анализируемых сводах правил особое внимание уделяется формулировке обращений в зависимости от социального статуса адресата. Так, например, в «Kürzliche Anweisung zu Complimenten» («Краткая инструкция по комплиментам») отмечается необходимость знания и правильного использования титулов и связанных с ними эпитетов, посредством которых можно выделить и почтить адресата:

- (32) *Die Ehre und Würde eines vernünftigen Menschen erfordert nothwendig auch die billig daran haftende Prädicate und Tituln, womit sie vor andern distinguiert und beehret werden sollen* [Kürzliche Anweisung... 1736: 37].

Далее высказывается пожелание, чтобы и адресат понимал, какой титул ему соответствует, и не претендовал на большее:

- (33) *Nur wäre zu wünschen, daß sie bey dem Gleichen, und der üblichen Ordnung blieben, und nicht höhere Tituln begehreten, als ihnen in der That gehöret und gebühret* [Kürzliche Anweisung... 1736: 37],

после чего автор следующим образом сетует на неоправданные претензии многих адресатов:

- (34) *Wenn mancher Gast=Wirth vorher mit dem Erbaren zufrieden gewesen, so will er vorjetzo Wol=Ehrenwert und Großgeacht haben. Kaufleute wollen mit Wol= und Hoch=Edlen Nahmen prangen; Schulmeister auf dem Land prætendiren Edel und Hoch=Wohlgelahrt, anderer Stände ihre Exceffen zu schweigen* [Kürzliche Anweisung... 1736: 37]. — «Если некоторые трактирщики ранее довольствовались *Erbar*, то теперь хотят *Wol=Ehrenwert* и *Großgeacht*. Коммерсанты хотят щеголять именами *Wol=* и *Hoch=Edle*. Наставники

в деревнях претендуют на *Edel* и *Hoch=Wohlgelahrt*, не говоря уже о вакханалии других сословий».

После таких вступительных замечаний в «*Kürzliche Anweisung zu Complimenten*» («Краткая инструкция по комплиментам») приводятся перечни обращений и соответствующих эпитетов, в зависимости от ранга адресата, начиная от римского императора, королей, курфюрстов, герцогов и князей и т. д.

«*Die Manier, wie man sich in der Conversation ... verhalten ... möge*» («Манера, как подобает себя вести в разговоре») тоже особо останавливается на формулировке обращения (*Anrede*), в зависимости от социального статуса. Так, например, в главе «*Von der Conversation mit Leuten vom geringen Stande*», посвященной общению с представителями низкого сословия, говорится:

- (35) *Das Wort Meister wollen diejenige / welche sich ein wenig wohlhabend befinden / fast nicht einmal leiden. Also muß man / nachdem einer ein wenig mehr / als das täglich Brot hat / ihn schon Herr heißen. Das Ihr gilt auch nicht mehr / und ist es so hoch kommen / daß man die Handwerker mit Er beehren muß / wenn man von ihnen will etwas gemacht haben...* [Die Manier... 1717: 233]. — «Обращение *Meister* не терпят те, кто более или менее зажиточен. Так что после того, как кто-то имеет чуть больше, чем хлеб насущный, он хочет именоваться *Herr*. *Ihr* тоже уже не устраивает, дошло до того, что ремесленников надо чтить с *Er*».

5.2. Использование форм превосходной степени

Особое внимание обращает на себя активное использование превосходной степени в этикетных обращениях, приводимых в качестве примера для подражания в сводах правил поведения. Так, например, СВ рекомендует следующие формулировки, предназначенные князю или иному высокопоставленному лицу:

- (36) *Euer Hochfürstliche Durchlaucht werden **gnädigst** geruhen, das **Höchst** dero **unterthänigster** Knecht die **glücklichste** Begebenheit seines Lebens die er vermalen hat, dazu anwendet, seine **getreueste** Devotion, und **unterthänigsten** Gehorjam Höchst denenselben zu bezeigen* [Das nach der neuesten Art... 1750: 83].
- (37) *Euer Hochfürstliche Durchlaucht **Höchste** Gnade ist das einzige, so mich zu dem **allerglücklichsten** Menschen machen kann und ich un-*

terwerte dero Schutz und **gnädigsten** Gefinnung mich in in **tieffter** Erniedrigung mit dem **theuersten** Versprechen, in der **vollkommensten** Treue denenfelben mich **unterthänigst** zu wiedmen [Das nach der neuesten Art... 1750: 83].

При этом следующие далее обращения, предназначенные министру, хоть и говорят о верноподданнических настроениях, но уже без употребления превосходной степени:

- (38) *Euer Excellenzerkühnemich in **unterthäniger** Obliegenheit vorzustellen und Höchft dieselbe anzuflehen, mir dero hohes Patrocinium und vielvermögende Gnade zu erzeugen* [Das nach der neuesten Art... 1750: 84].

Активное использование формы Superlativ касается и тех пассажей, которые относятся не к адресату, а к адресанту. Если адресата следует всячески превозносить, то адресант, наоборот, активно занимается самоуничижением. Для этого используются соответствующие лексемы — *Devotion* ('подобострастие, раболепие'), *Dienfte* ('служение'), *Submissio* ('покорность, почтительность'), сопровождаемые эпитетами в превосходной степени, — наиболее частотное *unterthänig* ('покорный, верноподданный'), а также *schuldig* ('обязанный'), *getreu* ('верный'), *gehorsam* ('покорный'), *tief* ('глубокий'):

- (39) *Euer Hoch=Fürstliche Durchleucht habe **in tieffter Devotion** Danck zu sagen / daß ...* [Die Manier... 1717: 69].
- (40) *meine **unterthänigste** treue **Dienfte** / in **schuldigster Submissio** offeriren wollen; der **unterthänigsten** Hoffnung / Euer Hoch=Fürstl. Durchleucht so viel Gnade vor Ihren **unterthänigsten Knecht** zu haben* [Die Manier... 1717: 70].
- (41) *... und mich unter die Zahl dero **getreuesten Klienten** aufzunehmen, da in mir der **getreueste** Trieb beständig ist, dieselbe **unterthänigst** zu verehren und meine geringe Kräfte in Ausrichtung dero Befehle zu erweisen* [Das nach der neuesten Art... 1750: 84].
- (42) *Madame soll ich nach meinem **gehorsamsten Respect**, so jederzeit gegen dieselbe getragen, meine **schuldigste** Aufwartung bezeigen, und erfuche dieselbe geziemend, es nicht ungeneigt zu vermerken, daß mir die Erlaubniß ausbitte, meine wenige Person zu Gnade und hohen Wohlwollen künftig zu empfehlen* [Das nach der neuesten Art... 1750: 84–85].

В той же этикетной функции самоуничижения используются в двух последних примерах формулы *meine geringe Kräfte* и *meine wenige Person* ('моя скромная особа, ваш покорный слуга').

6. Заключение

Анализ сводов правил поведения первой половины XVIII в. подтверждает тезис о необходимости изучения категории вежливости в диахронии, так как данная категория обладает не только национальной, но и исторической спецификой. Несмотря на то что вежливость прежде всего связана с придворным этикетом, галантностью, куртуазностью, своды правил поведения содержат правила вежливого поведения при общении с представителями различных социальных слоев.

Основным понятием этикета XVIII в. является *Compliment*, трактуемый как некая этикетная формула, произносимая в определенной ситуации общения.

Ситуативное построение сводов правил поведения позволяет проследить различные потенциально возможные в представлении тогдашнего общества этикетные ситуации, от традиционных ситуаций приветствия, благодарности, извинения, прощания до приглашений, выражения соболезнования, поздравлений с днем рождения адресата, со свадьбой, с рождением ребенка и т. д., поведения за столом, во время танцев, путешествий.

Во всех сводах правил поведения особое внимание уделяется формулировке обращений в зависимости от социального статуса адресата. Обращение, служившее для адресации высказывания, в то же время отражало взаимоотношения между адресатом и адресантом. При этом особое внимание в сводах правил поведения уделяется обращению к женщине.

Таким образом, категория вежливости, понимаемая в немецком обществе XVIII в. в первую очередь как этическая категория, зависела от ситуации этикетного общения, социального положения участников этой ситуации и половой принадлежности адресата.

Источники иллюстративного материала

Das nach der neuesten Art und dem wahren Wohlstand eingerichtete Complimentir-Büchlein: Darinnen eine gründliche Anleitung gegeben wird,

wie man mit hohen und niedern Standes-Personen, nicht weniger auch dem Frauenzimmer aufs höflichste sprechen, sich betragen und aufführen solle; Nebst einem Anhang von unterschiedenen guten Redens-Arten auch etlicher gewöhnlicher Sprüchwörter und anständigen Formeln. 1750. URL: <http://resolver.staatsbibliothek-berlin.de/SBB000056CF00000000> (дата обращения: 18.01.2023).

Die Manier, wie man sich in der Conversation, sowol gegen Hohe und vornehme Personen: als seines Gleichen und Frauenzimmer/ bescheiden und klüglich verhalten; auch zu einer galanten Conduite gelangen möge. 1717. URL: <http://resolver.staatsbibliothek-berlin.de/SBB0000569800000000> (дата обращения: 18.01.2023).

Kürzliche Anweisung zu Complimenten und höflicher Condvite, für Personen Bürgerlichen Standes: Bey Geburten, Gevatterschaften, Kindtaufpen, Anwerbungen, Verlöbnißen, Hochzeiten, Gastereyen, Geburts- Nahmens- und Neu-Jahrs-Tagen, Kranckheiten, Absterben und Begräbnissen; Nebst einem wohl-eingerichteten Trenchier-Büchlein, in möglichster Deutlichkeit verfasst. 1736. URL: <http://resolver.staatsbibliothek-berlin.de/SBB000056C300000000> (дата обращения: 18.01.2023).

La Civilité Moderne. Oder die Höflichkeit der heutigen Welt: Woraus man sehen kan, wie man sich zu verhalten habe, damit man in dem Umgange mit artigen Leuten beliebt seyn möge. 1744. URL: <http://resolver.staatsbibliothek-berlin.de/SBB0001D9F100000000> (дата обращения: 18.01.2023).

Справочные материалы

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: АЗЪ, 1995. 928 с.

Семенов А. В. Этимологический словарь русского языка. Русский язык от А до Я. М.: ЮНВЕС, 2003. 704 с. URL: <https://rus-etmo-semenov-dict.slovaronline.com/> (дата обращения: 15.01.2023).

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 1 / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1986а. 576 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 2 / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1986б. 671 с.

Литература

Бирр-Цуркан Л. Ф. Venimmbücher как регулятор коммуникативного поведения немцев. // Германистика сегодня: Материалы международной научно-практической конференции (Казань, 16–17 октября 2018) / под ред. М. А. Кульковой. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2019. С. 31–35.

Бирр-Цуркан Л. Ф. Venimmbücher (Своды правил поведения) XVIII века и их роль в формировании коммуникативного поведения представите-

лей немецкой лингвокультуры // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. Т.220. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета культуры и искусств, 2020. С. 64–68.

Гольдин В. Е. Обращение: теоретические проблемы. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1987. 129 с.

Зенина Е. В. Лингвокультурная категория вежливости: междисциплинарный подход (на материале англоязычных директивно-инструктивных надписей) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2012. Т. 14, № 2. С. 194–198.

Карасик В. И. Язык социального статуса. М.: Институт языкознания АН СССР, Волгоградский педагогический институт, 1991. 495 с.

Костомаров В. Г. Русский речевой этикет. // Русский язык за рубежом. 1967. № 1. С. 56–62.

Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 512 с.

Формановская Н. И. Русский речевой этикет. Лингвистический и методический аспекты. 3-е изд. М.: Ком-Книга, 2006. 156 с.

Эффективная коммуникация: история, теория, практика / отв. ред. М. И. Панов. М.: КРПА Олимп, 2005. 960 с.

Brown P., Levinson S. C. *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 345 p.

Lakoff R. The Logic of Politeness; or Minding your P's and Q's // *Papers from the Ninth Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society*. Chicago: Chicago Linguistic Society, 1973. P. 292–305.

Leech G. N. *Principles of Pragmatics*. London: Longman, 1983. 264 p.

References

Birr-Tsurkan L. F. Benimmbücher as a regulator of German communicative behaviour. *Germanistika segodnia: Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Kazan, 16–17 oktiabria 2018)*, ed. by M. A. Kulikova. Kazan: Kazanskii un-t Publ., 2019, pp. 31–35. (In Russian)

Birr-Tsurkan L. F. The Benimmbücher (Code of Conduct) of the 18th century and its role in shaping the communicative behaviour of German linguistic culture. *Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kultury i iskusstv*, vol. 220. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskii universitet kultury i iskusstv Publ., 2020, pp. 64–68. (In Russian)

Brown P., Levinson S. C. *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 345 p.

Effective communication: history, theory, practice, ed. by M. I. Panov. Moscow: KRPA Olimp Publ., 2005. 960 p. (In Russian)

Formanovskaya N.I. *Russkii rechevoi etiket. Lingvisticheskii i metodicheskii aspekti*. Moscow, Kom-Kniga Publ., 2006. 156 p. (In Russian)

Goldin V.E. *Address: theoretical problems*. Saratov, Saratovskii un-t Publ., 1987. 129 p. (In Russian)

Karasik V.I. *The language of social status*. Moscow, Institut Yazykoznaniiya AN SSSR, Volgogradskii pedagogicheskii institut Publ., 1991. 495 p. (In Russian)

Kostomarov V.G. Russian speech etiquette. *Russkii iazyk za rubezhom*, 1967, no. 1, pp. 56–62. (In Russian)

Lakoff R. The Logic of Politeness; or Minding your P's and Q's. *Papers from the Ninth Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society*. Chicago: Chicago Linguistic Society, 1973, pp. 292–305.

Larina T. V. *The category of politeness and Communication Style: A Comparison of English and Russian Linguocultural Traditions*. Moscow, Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi Publ., 2009. 512 p. (In Russian)

Leech G. N. *Principles of Pragmatics*. London: Longman, 1983. 264 p.

Zenina E. V. The linguistic and cultural category of politeness: an interdisciplinary approach (in English directive-instructional writings). *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk*, vol. 14, no. 2, 2012, pp. 194–198. (In Russian)

Бирр-Цуркан Лилия Федоровна

доцент кафедры немецкой филологии СПбГУ, кандидат филологических наук
Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Lilia F. Birr-Tsurkan

Associate Professor of German Philology Department, St. Petersburg State University,
Candidate of Philological Sciences
Address: 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

E-mail: l.birr-tsurkan@spbu.ru

Статья поступила в редакцию 29 января 2023 г.

Принята к публикации 26 апреля 2023 г.

РЕЧЕВЫЕ ФОРМУЛЫ ЭТИКЕТА В ФАСТНАХТШПИЛЯХ ГАНСА САКСА И ИХ ПЕРЕВОД НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Для цитирования: *Нифонтова Д. Е.* Речевые формулы этикета в фастнахтшпилях Ганса Сакса и их перевод на русский язык // *Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете.* 2023. Вып. 13. С. 282–293. <https://doi.org/10.21638/spbu33.2023.115>

Целью настоящей статьи является изучение формы и функций некоторых речевых формул этикета в ранненововерхненемецком языке. На материале фастнахтшпиля известного немецкого мастерзингера Ганса Сакса «Das Narrenscheyden» («Излечение дураков», 1557) с позиций речевого этикета, понимаемого как набор культурно специфичных, устойчивых формул общения, анализируются случаи употребления обращений, приветствий, прощаний, просьб, советов и т. д. Методологическая основа анализа обусловливается теоретическим положением исторической прагмалингвистики о потенциальной возможности использования текстов отдаленных эпох в качестве источника языкового материала. В статье впервые представляется специфика использования речевых формул этикета в произведениях Г. Сакса в аспекте их перевода на современный русский язык. Особое внимание уделяется особенностям жанра фастнахтшпиль (нем. *Fastnachtspiele* — ‘масленичные игры’), а также проблеме передачи на русский язык старинного немецкого стиха книттельферс (Knittelvers), традиционно выравниваемого переводчиками в четырехстопный ямб. В статье отмечается роль Г. Сакса как одного из первых авторов своего времени, последовательно закреплявших за речью персонажей языковые черты социальной дифференциации. В данной связи предпринимается попытка проследить вариативность речевых формул этикета в зависимости от ситуации речевого взаимодействия (социального статуса собеседников, установки на конфликтный или кооперативный тип общения и т. д.). Помимо основных функций этикетных формул, заключающихся в завязывании, поддержании и прерывании контакта согласно действующим правилам и нормам общения, применительно к анализируемому материалу выделяются регулирующая и характеризующая функции (речевые формулы этикета как маркеры развития драматического действия и средства создания образов персонажей). Полученные результаты анализа вносят вклад в исследование особенностей речевого взаимодействия, представленного на материале текстов отдаленных эпох и их переводов.

Ключевые слова: Ганс Сакс, ранненововерхненемецкий фастнахтшпиль, речевой этикет, перевод на русский язык.

SPEECH FORMULA OF ETIQUETTE IN THE CARNIVAL PLAYS OF HANS SACHS AND THEIR TRANSLATION INTO RUSSIAN

For citation: Nifontova D.E. Speech formula of etiquette in the carnival plays of Hans Sachs and their translation into Russian. *German Philology in St. Petersburg State University*, 2023, iss. 13, pp. 282–293.
<https://doi.org/10.21638/spbu33.2023.115> (In Russian)

The article aims to study the form and functions of some etiquette speech formulas in Early New High German. On the material Hans Sachs's carnival play *Das Narrenscheyden* (*Cure of Fools*, 1557) from the standpoint of speech etiquette, the cases of using addresses, greetings, farewells, requests, advice, etc. are analyzed. The methodological basis is determined by the theoretical position of historical pragmatic linguistics of the potential possibility of using old texts as a source of linguistic material. The article presents for the first time the specificity of the use of speech formulas of etiquette in the works of H. Sachs in the aspect of their translation into modern Russian. Particular attention is paid to the features of the genre of Shrovetide plays, as well as to the problem of translating of Knittelvers, traditionally aligned in Russian into iambic tetrameter. The article notes the role of H. Sachs as one of the first authors of his time, who consistently assigned linguistic features of social differentiation to the speech of the characters. In this regard, an attempt is made to trace the variability of etiquette speech formulas depending on the situation of speech interaction. In addition to the main functions of etiquette formulas, regulatory and characterizing functions are distinguished (etiquette speech formulas as markers of the development of dramatic action and means of creating character images). The obtained results contribute to the study of the features of speech interaction, presented on the basis of texts from distant eras and their translations.

Keywords: Hans Sachs, early New High German carnival play, speech etiquette, translation into Russian.

1. Введение

Речевой этикет, понимаемый вслед за Н. И. Формановской как набор стереотипных, формул общения, принятых в обществе с целью установления, поддержания и прерывания контакта между собеседниками в избранной тональности [Формановская 1989: 3], является неотъемлемой частью культуры любого народа. Как отмечал Л. П. Якубинский, «говорение в связи с определенными шаблонами быта влечет образование целых шаблонных фраз, как бы прикрепленных к данным бытовым положениям и шаблонным темам разговора» [Якубинский 1923: 175]. В обобщен-

ном виде схема речевых формул этикета (РФЭ), используемых в процессе коммуникации, состоит из формул начала, середины и завершения разговора. Очевидно, что базовым принципом использования РФЭ выступает принцип вежливости. Категория вежливости, представленная рядом стратегических и тактических речевых ходов, конвенционально закрепленных в языковом сознании носителей языка, их коммуникативной и прагматической компетенции [Формановская 2007: 407], представляет собой сложный феномен, прошедший ряд фундаментальных изменений за историю своего существования. Вплоть до XV–XVI вв. вежливость понималась в Европе преимущественно в контексте придворной культуры общения (нем. *Höflichkeit*, фр. *courtoisie*); с началом Реформации, ко времени которой и относится творчество знаменитого немецкого мейстерзингера Ганса Сакса, в понимании вежливости происходит сдвиг в сторону античной гуманистической традиции, ценности воспитания, образования, цивилизации. При этом социальное неравенство и разделение на сословия определяют общественный уклад, находя отражение во всех сферах жизни и проявляясь в том числе и в системе речевых формул этикета. Из доступных текстов изучаемой эпохи одним из наиболее подходящих жанров для анализа РФЭ в рамках прагмалингвистики выступает фастнахтшпиль. Как следует из названия жанра, он восходит к обычаю немецкой молодежи гулять на масленицу (нем. *Fastnacht*) ряжеными по городу и представлять забавные сценки из повседневной жизни (см.: [Даркевич 1988; Колязин 2002]) и др. Таким образом, воспроизводимая в ходе представлений речь, несмотря на ее фиктивный характер, оказывалась наиболее приближена к реальной. Изначально одной из излюбленных тем фастнахтшпиля было высмеивание грубости и глупости крестьян. С течением времени круг тем расширился и стал включать вопросы политики и религии (преимущественно в сатирическом ключе), авторы текстов стали также обращаться к литературным источникам. Большая часть фастнахтшпиль возникла в Нюрнберге, где жил и творил крупнейший поэт Германии XVI в. Ганс Сакс, автор многочисленных драматических произведений, в том числе 64 фастнахтшпильей, насыщенных актуальным антифеодалным и антикатолическим содержанием (см. подробнее: [Мокульский 1952: 673–677]).

2. Формулы речевого этикета в фастнахтшпиле Ганса Сакса «Извлечение дураков» и их перевод на русский язык

Как уже говорилось выше, фастнахтшпили Ганса Сакса тяготеют к изображению сцен бытового общения, обнажающих всевозможные человеческие пороки. Классическим примером подобного развенчания выступает фастнахтшпиль Ганса Сакса «Извлечение дураков» («Das Narrenscheyden», 1557), сюжет которого строится на образе глупца, из чьего раздутого брюха врач и его помощник извлекают множество «дураков», олицетворяющих жадность, алчность, тщеславие, зависть, распутство. Как отмечает А. Левинтон во вступительной статье к собранию сочинений Г. Сакса, данный фастнахтшпиль «примыкает к так называемой литературе о дураках (Narrenliteratur), традиции которой восходят к “Кораблю дураков” (1494) Себастиана Бранта, “Похвальному слову глупости” (1509) Эразма Роттердамского, “Заклятию дураков” (1512) Томаса Мурнера (1475–1536) и др.» [Сакс 1959: 400]. Перевод фастнахтшпиля «Извлечение дураков» на русский язык был выполнен советским переводчиком и литератором Львом Гинзбургом, чье мастерское владение словом и обширные знания в области литературы и языков (как современных, так и древних) позволили ему создать выдающиеся переводы, которые высоко ценятся в России и Германии.

Прежде чем перейти к рассмотрению примеров РФЭ и их перевода на русский язык, представляется необходимым сделать важное замечание о метре, которым написаны фастнахтшпили. Книттельферс (Knittelvers) — старинный немецкий говорной (презрительно «ломаный» или «дубинный») стих, господствовавший в Германии в XVI в., восходит к четырехударному стиху куртуазного эпоса, однако был существенно видоизменен мейстерзингерами за счет свободного заполнения безударных (Senkungen). Для книттельферса характерна смежная парная рифмовка с четырьмя хаотично расположенными ударениями в каждой строфе и беспорядочным чередованием мужских и женских окончаний. Как отмечает М. Л. Гаспаров, в обычных русских переводах сдвиги ударений, характерные для книттельферса, не передаются, а «стих выравнивается в правильный ямб» [Гаспаров 2003: 143]. Перевод фастнахтшпиля «Извлечение дураков» Л. Гинзбурга в данном случае не исключение: текст написан ямбом, силлабические сдвиги ударений не передаются. Данная особенность, с одной стороны, облегча-

ла процесс перевода, с другой стороны, ставила задачу, с которой в немецком языке как нельзя лучше справлялся «дубинный» книттельферс, а именно задачу передачи на русский язык грубоватой речи простолоудинов. Неизбежный переход на правильный метр вынуждал переводчика восполнять характеристику персонажей за счет других языковых средств или зачастую просто отказываться от нее. Обратимся к примерам.

Фастнахтшпиль открывается традиционным выходом персонажа (в данном случае это врач и его слуга) на сцену и приветствием зрителя.

(1)

Ганс Сакс

Der Arzt tritt ein mit seinem Knecht und spricht:

Ein guten Abend! Ich bin dort nieden
von einem worden rauf beschieden,
wie etlich krank heroben wärn,
die hätten einen Arzet gern.

**Nun sind sie hie, Frau oder Mann,
die mügen sich mir zeigen an.**

Sie haben faul Fleisch odern Stein...

[Sachs 1870: 3]

пер. Л. Гинзбурга

Врач (входит вместе со слугой)

Ну, добрый вечер, господа!

Я кем-то вызван был сюда.

Будь это старец иль девица -

Больному врач всегда стодится.

Эй вы, больные! Где вы тут?

Лечу любую из простуд...

[Сакс 1959: 366]

Врач обращается к публике с типичным для начала разговора приветствием *Ein guten Abend!* и рассказывает о целях своего прихода — вылечить всех и каждого. В переводе *добрый вечер* дополнено обращением *господа* и необходимой для ямбического ритма частицей *ну*. Дополнение вполне уместно, ведь врач обращается не к другим действующим лицам (его будущий пациент еще не вышел на сцену), а к собравшейся публике. На первый план выходит не только фатическая функция приветствия, но и регулирующая: пьесы ставились в условиях повышенного шума (в тавернах и на площадях), а потому прямое обращение к публике служило сигналом начала действия. Весьма любопытным в данной связи оказывается пример (2):

(2)

Ганс Сакс

Der Arzt neigt sich und spricht:

Gott gsegn den Wirt mit seinen Gästen!

Der Arzt neigt sich und spricht:

пер. Л. Гинзбурга

Врач (раскланивается)

Да будет божья милость с вами!

Коль мы не в тот попали дом,

Gott gsegn den Wirt mit seinen Gästen! Откланяемся и уйдем.
weil wir haben verfehlt das Haus, **Мир всей компании честной!**
bitt' wir: legt uns zum besten aus! [Сакс 1959: 367]
Das nehm wir an zu großem Dank.
[Sachs 1870: 4]

Не найдя среди зрителей ни одного больного, врач сразу готов раскланяться, употребляя подчеркнуто вежливые РФЭ и тем самым создавая на фоне своего грубоватого слуги образ образованного и воспитанного человека: *Gott gsegn den Wirt mit seinen Gästen!* / *Да будет божья милость с вами!* / *Откланяемся и уйдем.* / *Мир всей компании честной!* Однако, в отличие от примера (6), о котором речь пойдет ниже, данное прощание выполняет лишь функцию привлечения внимания аудитории и предвосхищает непосредственное начало драматического действия.

В примере (1) мы также видим случай употребления еще одного этикетного высказывания — приглашения, поданного как в оригинале, так и в переводе за счет отсутствия привычных формул (перформатива «приглашаю тебя», императива «приходи» или вопроса «придешь?») в неявной форме: представившись публике, врач заявляет о своей готовности излечить любую болезнь. И если в оригинале фраза *Nun sind sie hie, Frau oder Mann, die mügen sich mir zeigen an* за счет конструкции с модальным глаголом воспринимается как нейтрально вежливое приглашение-разрешение [Ларина 2009: 336], то в переводе слова врача *Эй вы, больные! Где вы тут? Лечу любую из простуд* звучат прямолинейно и направлены не столько на побуждение слушателя к действию, сколько на характеристику говорящего как врача, неистово преданного своему делу.

По-иному — в эксплицитно вежливой форме — подается приглашение воспользоваться теми же услугами врача в конце текста, уже после удачного проведения операции по извлечению недугов из живота больного. Слуга зазывает всех присутствующих прибегнуть к помощи своего господина:

(3)

Ганс Сакс
Der Knecht schreit aus:
Nun hört! **ob indert einer wär,**
der dieser Arznei begehrt,

пер. Л. Гинзбурга
Слуга (выкрикивает)
Эй, дорогие господа!
Прошу пожаловать сюда.

der such uns in der Herberg hie
bei eim, der heißt, ich weiß nit wie.
Dem wöll wir unser Kunst mit-thailn
und an der Narrensucht ihn hayln.
[Sachs 1870: 17]

Мы быстро сладим с вашим горем —
Живот быстрехонько распорем
И молодых и стариков
Тотчас спасем от дураков!
[Сакс 1959: 381]

В тексте Ганса Сакса приглашение выражено простым императивом *der such uns in der Herberg hie*, в переводе же используется более изысканная формула *Прошу пожаловать сюда*. Как в первом, так и во втором примере благодаря метру и лексико-синтаксическим средствам перевод выглядит более динамичным, а речь персонажей залихватской.

Как уже отмечалось выше, фастнахтшпили создавались в эпоху жесткой социальной иерархии. Ганс Сакс был одним из первых авторов, последовательно закреплявших в своих текстах языковые черты социальной дифференциации персонажей, тем самым максимально приближая их речь к реальной. Наиболее очевидно данный факт прослеживается на примере обращений. Так, в начале текста действующие лица придерживаются правил речевого этикета и соблюдают субординацию: больной обращается к доктору на «вы» — *Mein Herr, O Herr Doktor*, а тот, в свою очередь, на «ты» — *Gesell, Knecht*. Однако, как только врач приступает к лечению, которое заключается во вспарывании брюха и извлечении дураков-пороков, больной начинает выкрикивать ругательства *potz Angst!* и даже переходит на «ты» — *Halt, halt! du tust mir weh:*

(4)

Ганс Сакс

Er schneidt. Der Krank schreit:
Halt, halt! potz Angst! du tust mir weh.
[Sachs 1870: 8]
Der Knecht spricht:
Potz Leichnam, halt und tu doch harrn!
[Sachs 1870: 9]

пер. Л. Гинзбурга

Больной (кричит)
Злодеи! Стойте! Жжет огнем!
[Сакс 1959: 372]
Слуга
Молчи-ка, олух! Не скули!
[Сакс 1959: 373]

В переводе Л. Гинзбург отказывается от передачи междометия *potz Angst!*, сохраняя при этом высокий инвективный потенциал фразы за счет прямой негативной номинации *злодеи* и лексико-семантической замены *du tust mir weh* на *Жжет огнем!* Аналогично переданы на русский слова-реакция слуги, который пытается утихомирить больного: *олух, Молчи-ка, Не скули*. Подобные перевод-

ческие трансформации вполне оправданы: фастнахтшпили, как и многие драматические тексты Средневековья и раннего Нового времени, изобиловали прямыми номинациями, содержащими аллюзии на человеческие физические и умственные пороки [Mazzon 2009: 48].

Высокой частотностью в исследуемом материале обладают РФЭ, направленные на выражение благодарности. Так, счастливый после исцеления от всех пороков, больной благодарит своего исцелителя, используя перформативную конструкцию *sag ich Euch Dank*:

(5)

Ганс Сакс

Der Krank:
Weil **Ihr** von mir nichts hat genommen,
sag ich Euch Dank Euer milden Gab.
Alde! ich scheid mit Wissen ab.
[Sachs 1870: 16]

пер. Л. Гинзбурга

Больной:
Коль даром **вы** меня лечили.
Хвала вам до конца времен!..
Бегу, познаю умудрен.
[Сакс 1959: 380]

Очевидно, что смена настроения персонажа сказывается и на выборе этикетных формул: он вновь переходит на «вы», а речь в целом становится подчеркнуто вежливой. Перевод в полной мере отражает пафос речи некогда больного: выражение благодарности усиливается за счет РФЭ похвалы — *Хвала вам до конца времен!*

Фастнахтшпиль завершается традиционным для большинства драматических произведений монологом одного из персонажей, также представляющим интерес с точки зрения использования этикетных формул. Так, врач, резюмируя произошедшее на сцене, дает советы, как праведно жить на земле:

(6)

Ганс Сакс

Der Arzet beschleußt:
Ihr Herrn, weil Ihr ietz habt vernommen
viel Narren von dem Kranken kummen,
die bei ihm wuchsen vor viel Jahren,
vor solcher Krankheit zu bewahren,
laß ich zuleyt ein gut Rezept:
Ein ieglicher, dieweil er lebt,
laß er sein Vernunft Meister sein
und reit sich selb im Zaum gar fein
und tu sich fleißiglich umschaun

пер. Л. Гинзбурга

Врач (заключает)
Ну, господа, вам вывод ясен?
Любого я лечить согласен,
Поскольку в городе у нас
Так много страждущих сейчас.
Но погодите, не спешите —
Рецепт сначала запишите,
Чтоб вам и семьям вашим впредь
Болезнью этой не болеть:
Коль будет тверд и крепок разум,

bei Reich und Arm, Mann und Frauen,
und wem ein Ding übel ansteh,
**daß er desselben müßig geh,
richt sein Gedanken, Wort und Tat
nach weiser Leute Lehr und Rat!**
Zu Pfand setz ich ihm Treu und Ehr,
daß alsdenn bei ihm nimmermehr
gemeldter Narren keiner wachs,
**wünscht Euch mit guter Nacht Hans
Sachs.**

[Sachs 1870: 17]

Все дураки исчезнут разом.
Даю совет мужьям и женам —
Рассудка следовать законам
И, мир семейный возлюбя,
В порывах сдерживать себя.
**Последний из моих заветов:
Разумных слушайтесь советов,** —
И никакие дураки
Не заберутся к вам в кишки!
**На этом, всем вам счастья проща,
Ганс Сакс желает доброй ночи!**
[Сакс 1959: 381]

Согласно теории вежливости, корректная подача совета включает в себя формулы, смягчающие побуждение: «позвольте дать вам совет / разрешите / возможно, было бы лучше могу ли я дать вам совет?» и т. д. В анализируемом примере, как в оригинале, так и в переводе, совет представлен в максимально прямой, императивной форме: *laß ich zuleyt ein gut Rezept / Но погодите, не спешите / Рецепт сначала запишите / laß er sein Vernunft Meister sein / richt sein Gedanken, Wort und Tat / nach weiser Leute Lehr und Rat!* / *Даю совет мужьям и женам / Последний из моих заветов / Разумных слушайтесь советов.* Тон услужливого, заигрывающего с публикой доктора сменяется назидательным тоном самого автора, который подводит итог всему действию и поучает публику. Пьеса заканчивается словами прощания и пожелания всего хорошего уже от имени самого Ганса Сакса: *wünscht Euch mit guter Nacht Hans Sachs / На этом, всем вам счастья проща, / Ганс Сакс желает доброй ночи!* Отметим, что подобное обращение к публике в последних строках — неотъемлемый элемент всех произведений автора, то есть основной текст заключается в жесткую рамку, состоящую из приветствия и прощания-напутствия. Таким образом, РФЭ выполняют роль начала и завершения драматического действия.

3. Выводы

Проведенный прагмалингвистический и переводческий анализ речевых формул этикета показал, что данные единицы обладают высокой частотностью в текстах исследуемого жанра: на примере одного фастнахтшпиля Ганса Сакса выявлены случаи РФЭ,

употребляемые на всех этапах коммуникации (в начале, середине и конце). Данный факт свидетельствует о том, что, несмотря на фиктивность драматической речи, речевое поведение персонажей не отличается кардинальным образом от реального. Помимо основных функций РФЭ, состоящих в установлении, поддержании, завершении разговора, а также демонстрации уважения к собеседнику и кооперативной установки на коммуникацию, применительно к фастнахтшпилю выделяются две дополнительные функции, связанные с жанровыми особенностями текстов: регулирующая (развитие драматического действия) и характеризующая (способ создания образа персонажа).

Изучение выделенных РФЭ с точки зрения перевода позволило выявить некоторые закономерности передачи старых немецких метрических схем на современный русский язык. Как показывает сравнительный анализ, неизбежный отказ от книттельферса в пользу правильного ямба вынуждает переводчика проводить ряд переводческих трансформаций, пусть и отдаляющих текст перевода от текста оригинала (в том числе и в плане передачи РФЭ), однако не умаляющих его художественную и эстетическую ценность.

Источники иллюстративного материала

Sachs H. Ein faßnacht-spiel mit dreyen personen. Das narren-schneyden // Sachs H. Werke: in 26 Bde // Literatur des litterarischen Vereins in Stuttgart / A. v. Keller (Hrsg.). Tübingen: Laupp, 1870–1908. Bd. 5. S. 3–17.

Сакс Г. Извлечение дураков // Сакс С. Избранное / Сост., вступ. ст. и примеч. А. Г. Левинтона. М.; Л.: Гослитиздат, 1959. С. 366–381.

Литература

Гаспаров М. Л. Очерки истории европейского стиха. 2-е изд., доп. М.: Фортуна Лимитед, 2003. 272 с.

Даркевич В. П. Народная культура средневековья: светская праздничная жизнь в искусстве IX–XVI вв. М.: Наука, 1988. 344 с.

Колязин В. Ф. От мистерии к карнавалу: Театральность немецкой религиозной и площадной сцены раннего и позднего средневековья. М.: Наука, 2002. 204 с.

Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации. Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 509 с.

Мокульский С. С. Хрестоматия по истории западноевропейского театра: В 2 т. / Ред. С. С. Мокульский. М.: Искусство, 1952. Т. 1. 807 с.

Формановская Н. И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. Москва: Икар, 2007. 480 с.

Формановская Н. И. Русский речевой этикет и культура. М.: Рипол Классик, 1989. 156 с.

Якубинский Л. П. О диалогической речи // Русская речь / под ред. Л. В. Щербы. Пг.: Фонетический ин-т практического изучения языков, 1923. Вып. 1. С. 96–194.

Mazon G. Interactive Dialogue Sequences in Middle English Drama. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2009. 228 p.

References

Darkevich V. P. *Narodnaia kul'tura srednevekov'ia: svetskaia prazdnichnaia zhizn' v iskusstve IX–XVI vv.* Moscow, Nauka Publ., 1988, 344 p. (In Russian)

Formanovskaia N. I. *Russian speech etiquette and culture.* Moscow, Ripol Klassik Publ., 1989, 156 p. (In Russian)

Formanovskaia N. I. *Speech interaction: communication and pragmatics.* Moscow, Ikar Publ., 2007, 480 p. (In Russian)

Gasparov M. L. *Essays on the history of European verse.* 2nd ed., add. Moscow, Fortuna Limited Publ., 2003, 272 p. (In Russian)

Iakubinskii L. P. About Dialogic Speech. *Russkaia rech'*, L. V. Shcherba (ed.). Petrograd, Foneticheskii institut prakticheskogo izucheniia iazykov Publ., 1923, no. 1, pp. 96–194. (In Russian)

Koliazin V. F. *Ot misterii k karnavalu: Teatral'nost' nemetskoj religioznoj i ploshchadnoj stseny rannego i pozdnego srednevekov'ia.* Moscow, Nauka Publ., 2002, 204 p. (In Russian)

Larina T. V. *Category of politeness and style of communication. Comparison of English and Russian linguistic and cultural traditions.* Moscow, Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi Publ., 2009, 509 p. (In Russian)

Mazon G. Interactive Dialogue Sequences in Middle English Drama. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, 2009, 228 p.

Mokul'skii S. S. *Reader on the history of Western European theater.* In 2 vols. Ed. by S. S. Mokul'skii. Moscow, Iskusstvo Publ., 1952, vol. 1, 807 p. (In Russian)

Нифонтова Дарья Евгеньевна

доцент кафедры немецкой филологии СПбГУ, кандидат филологических наук
Адрес: Российская Федерация, 190034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Daria E. Nifontova

Associate Professor of German Philology Department, St. Petersburg State University,

Candidate of Philological Sciences

Address: 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

E-mail: d.nifontova@spbu.ru

Статья поступила в редакцию 6 февраля 2023 г.

Принята к публикации 26 апреля 2023 г.

ВЕЖЛИВОСТЬ КАК ОСНОВА КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

(на материале немецко-русских
и русско-немецких разговорников XVIII–XIX вв.)

Для цитирования: Соколюк М. А. Вежливость как основа коммуникативного поведения (на материале немецко-русских и русско-немецких разговорников XVIII–XIX вв.) // *Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете*. 2023. Вып. 13. С. 294–314.
<https://doi.org/10.21638/spbu33.2023.116>

Разговорник как тип текста, нацеленный на обеспечение основ общения в условиях отсутствия знания иностранного языка, предлагает большое количество формул вежливости для заранее очерченных коммуникативных ситуаций. В статье рассматривается проблема реализации категории вежливости в двуязычных разговорниках. Исследование нацелено на выявление особенностей коммуникативного поведения представителей немецкой и русской культур и анализ типичных для XVIII–XIX вв. языковых способов выражения вежливости как в немецком, так и в русском языке. Материалом для исследования послужили тексты немецко-русских и русско-немецких разговорников XVIII–XIX вв., охватывающих временной период с 1783 по 1900 г., которые создавались как для обучения немецкому или русскому языку, так и для практического использования во время путешествий. С помощью прагмалингвистического анализа описываются основные речевые акты реализации вежливости — «просьба» (в том числе «указание», «требование»), «благодарность», «комплимент», в которых, наряду с используемыми в современных языках, широко представлены и вышедшие из употребления формулы вежливости. Анализ речевых актов «просьба», «указание», «требование» иллюстрирует социальное противопоставление коммуникантов, что находит выражение в языковых маркерах вежливости. Диалоги с равными по положению людьми характеризуются преувеличенной вежливостью (*Erzeigen Sie mir die Gnade / den Gefallen* — 'Окажите мне милость/любовь'), в то время как в общении с людьми более низкого социального положения формулы вежливости отсутствуют. Сравнение переводов показало единичные несоответствия немецкого и русского вариантов, которые объяснялись желанием «сгладить» грубость оригинала (*Bringen Sie uns noch siedendes Wasser, bitte*). Разговорник, таким образом, отражает эпоху создания не только в содержании, но и в актуальных для времени его создания коммуникативных практиках.

Ключевые слова: разговорник, вежливость, формулы вежливости, коммуникативное поведение, просьба.

POLITENESS AS A BASIS OF COMMUNICATIVE BEHAVIOUR (based on German-Russian and Russian-German phrasebooks of the 18th and 19th centuries)

For citation: Sokoljuk M. A. Politeness as a basis of communicative behaviour (based on German-Russian and Russian-German phrasebooks of the 18th and 19th centuries). *German Philology in St. Petersburg State University*, 2023, iss. 13, pp. 294–314. <https://doi.org/10.21638/spbu33.2023.116> (In Russian)

Phrasebook as a type of text, aimed at providing the basis of communication in the situation of lack of foreign language knowledge, offers a large number of politeness formulas for definite communicative situations. The article deals with the problem of language expression of politeness in bilingual phrasebooks. The aim of the study is to distinguish communicative behavior peculiarities of representatives of German and Russian cultures and to analyze stable language units, typical for Russian and German in the 18th–19th centuries. The peculiarities of the linguistic expression of politeness are illustrated by examples from the texts of German-Russian and Russian-German phrasebooks of the 18th–19th centuries, covering the time period from 1783 to 1886, which were created both for teaching German or Russian, and for practical use during travels. With the help of pragmalinguistic analysis, the main speech acts of language expression of politeness are described — “request” (including “order”, “instruction”), “gratitude”, “compliment”, in which, along with those used in modern languages, there is also a widely represented range of the obsolete politeness formulas. The analysis of the speech acts “request”, “order”, “instruction” illustrates the social opposition of communicants, which is expressed with language markers of politeness. Dialogues with people of equal status are characterized by exaggerated politeness (*Erzeigen Sie mir die Gnade / den Gefallen* — ‘Окажите мне милость/любовь’), while in communication with people of a lower social status there are no politeness formulas. Comparison of translations showed isolated inconsistencies between the German and Russian versions, which can be explained by the desire to “smooth out” the rudeness of the original (*Принесите нам еще кипятку!* — *Bringen Sie uns noch siedendes Wasser, bitte*). Phrasebook, therefore, reflects the era of creation not only in content, but also in communicative practices relevant to the time of its creation.

Keywords: phrasebook, politeness, politeness formulas, communicative behavior, request.

1. Лингвопрагматические особенности разговорника как типа текста

В самом общем виде разговорник можно определить как «собрание некоторого количества изолированных или связанных между собой фраз (реплик) на родном языке вместе с их переводом на не-

родной (иностранной) язык» [Норман 2002: 179]. Своеобразие этого типа текста состоит прежде всего в неопределенности статуса: это не учебник, так как его основная цель заключается не в обучении иностранному языку, а лишь в имитации знаний, в «обеспечении в условиях незнания (или неполного знания) иностранного языка некоторого минимума общения в заранее очерченных коммуникативных ситуациях» [Норман 2002: 179]. Разговорник нельзя назвать и словарем в его привычном понимании в силу тематического расположения материала и принципа составления, опирающегося на языковой опыт авторов, который неизбежно отражает субъективные представления о частотности употребления языковых единиц. Тем не менее тексты представленных в разговорниках диалогов соотносятся с реалиями, ситуациями и коммуникативными практиками языкового сообщества сообразно картине мира эпохи [Баева 2021]. Так как авторы разговорника стремятся включить как можно большее количество актуальных для времени его создания реалий, ситуаций и коммуникативных практик, разговорник неизбежно устаревает, как только устаревают эти реалии. Представляя собой своеобразного свидетеля эпохи, в которую он был составлен, разговорник «читается как увлекательный рассказ о прошлом, в котором все детали достоверны» [Сидорова 2016: 114].

Из этих особенностей вытекает ценность разговорника как источника исторической информации. Он предоставляет информацию, например, о товаре, ценах, денежных единицах, а также об упоминаемых событиях [Савич 1978]. Но для лингвистических исследований разговорник особенно ценен как источник информации о языке. Используя наиболее распространенные единицы речи, авторы разговорника тем самым фиксируют и языковые особенности определенного этапа развития языка: нормы орфографии и языкового употребления, принятые в обществе того или иного периода коммуникативные практики и т. д.

2. Исторические предпосылки массового издания немецко-русских разговорников в XVIII–XIX вв.

Возникновение типа текста «разговорник» связано с развитием межкультурных связей и необходимостью вести коммуникацию с представителями другого языкового сообщества, ведь «кто торговал, вступал в браки или принимал на службу иностранных ра-

бочих, и даже кто вел друг с другом войну, тому необходимо было в какой-либо форме объясняться со своими партнерами»¹ [Koch 2002: 30].

Первый известный нам рукописный немецко-русский разговорник (словарь-разговорник Т. Шrove) датируется 1546 г. Всего за период с 1546 по 1699 г. известны пять разговорников, при этом из названия публикаций не всегда понятно, кому принадлежит разговорник — автору-составителю или издателю [Баева 2021]. Разговорники этого периода использовались наряду с грамматиками, азбуками, вокабулярами, собраниями текстов и словарями в дидактических целях — для обучения иностранному языку [Koch 2002]. В XVII в. деловые контакты между русскими и немцами осуществлялись преимущественно на территории России, следовательно, иноземцы нуждались в изучении русского языка. Для этой цели богатые купцы отправляли иностранцев на поселение в Россию [Савич 1978]. Считается, что основа немецко-русских отношений была заложена в эпоху Просвещения, когда Петр I «прорубил окно в Европу» и началось массовое привлечение в Россию европейских специалистов, в первую очередь из немецких городов. Число немцев в России в течение XVIII в. стремительно росло, их можно было встретить практически во всех сферах экономической жизни, что способствовало укреплению роли немецкого языка как языка международного общения в России [Koch 2002].

Именно в XVIII в. начинается массовое издание разговорников [Левченко 2006]. К этому времени они уже не используются как пособия для изучения иностранного языка (несмотря на то что продолжают включать краткие грамматические указания и словарные пометы по употреблению лексем), эта функция переходит к учебнику. Разговорник теперь служит для определенной цели, как правило коммуникативной, отсюда и обозначения «разговоры» и «собрание употребительных речений». Вместо большого количества коммерческо-деловой и бытовой лексики разговорники включают разного рода страноведческую информацию [Баева 2021]. Появляются первые учебники живых европейских языков, которые часто сочетают в себе грамматику (теоретическую часть) и «диалоги/разговоры» (практическую часть). О. Г. Сидорова называет такое расширение

¹ «Wer miteinander Handel trieb, Ehen einging oder ausländische Handwerker in seinen Dienst nahm, ja selbst wer miteinander Krieg führte, der mußte sich mit seinen Partnern in irgendeiner Form verständigen können».

текста «типичным», так как оно встречалось в учебниках французского, немецкого и английского языков [Сидорова 2016: 109].

В XIX в. разговорники начинают приближаться к современным разговорникам для путешественников, часто авторы включают в издание несколько языков, учитывают жизненные ситуации. Самое распространенное обозначение этого пособия в XIX в. — «разговоры», а основная цель — практика устной речи. Издания этого периода являются сравнительно неизученным материалом вследствие большого количества альтернативных источников сведений о языке. Именно в XIX в. происходит оформление жанров разговорника: общие разговорники охватывают большой круг тем, связанный с разными областями жизни человека (учебные и туристические), специальные создаются для специалистов в определенных областях и фокусируют внимание на определенных темах (военные, медицинские). Термин «разговорник» становится гиперонимом, включающим в себя такие гипонимы, как дорожный (туристический), учебный, военный разговорник и др. [Левченко 2006].

Разговорники в XVIII–XIX вв., таким образом, представляют собой промежуточную стадию существования этого типа текста: они уже не записываются с голоса, как первые разговорники, а составляются и издаются для конкретных целей. Их особенность и отличие от современных разговорников заключается во включении связанных и подробных диалогов, охватывающих большой круг тем, что связано с многовековой, зародившейся еще в поздней Античности, традицией составления двуязычных тематических диалогов для изучения иностранного языка.

3. Вежливость как основа коммуникативного поведения

Неотъемлемой частью коммуникации в любой культуре является вежливость, соблюдение которой предписывают нормы речевого этикета, поддерживающего общение в эмоционально положительной тональности [Балакай 2001]. Речевой этикет связан с зоной устойчивых, стереотипных коммуникативных единиц языка и предполагает использование формул общения, которые не строятся каждый раз заново, а используются в готовом виде, при этом выбор формул в конкретном речевом акте является творческим процессом [Формановская 2005]. Формулы речевого этикета (формулы вежливости) определяют как закрепленные в каждом

языке «способы выражения наиболее частотных и социально значимых коммуникативных намерений» [Лазуткина 2000: 13]. Они представляют собой клише, использование которых обязательно в определенных ситуациях. Заранее предлагая ситуации общения, авторы разговорников включают также и большое количество релевантных для этих ситуаций формул вежливости, без которых невозможно представить общение между малознакомыми людьми (предполагаемое разговорником) с целью получения необходимой информации.

Как система стратегий, «соответствующих ожиданиям партнера» по коммуникации [Ларина 2009: 170], вежливость предполагает совпадение этих ожиданий, что отсылает к «теории имплицатур» Г. П. Грайса, выдвигающей на передний план общения контекст и языковые конвенции, на которые и опираются участники коммуникации в ее процессе [Auer 2013].

Принцип кооперации Г. П. Грайса акцентирует внимание на коммуникативном вкладе собеседников, на достижении общей цели: «Твой коммуникативный вклад на данном шаге должен быть таким, какого требует совместно принятая цель (направление) этого диалога». [Грайс 1985: 223]. Выделяя четыре максимы общения (максима количества, максима качества, максима отношения и максима способа), способствующие достижению общей цели, Г. П. Грайс называет установку «Будь вежлив!» лишь «постулатом иной природы», не отрицая, что она также порождает неконвенциональные имплицатуры [Грайс 1985: 225]. Принцип вежливости, в свою очередь, связан не столько с общей целью, сколько с отношениями говорящих в структуре речевого акта, он направлен не на то, что и как говорится, а на то, кто и кому говорит. Дж. Лич отстаивает позицию, согласно которой общение регулируется в большей степени именно принципом вежливости, а не принципом кооперации, и выделяет такие максимы вежливости, как максима такта, великодушия, одобрения, скромности, согласия и симпатии [Leech 1983].

Вежливость действительно подразумевает излишние затраты языковых средств, которые нарушают прежде всего максима количества, предписывающую выражать свои мысли настолько информативно, насколько возможно [Грайс 1985]. Эта излишняя информативность играет, однако, важную с точки зрения установления взаимоотношений роль — она «защищает лицо» другого и стабилизирует отношения [Vorderwülbecke 2001]. Разграничивая

«позитивное лицо» (положительный образ коммуникантов) и «негативное лицо» (недопустимость стороннего вмешательства в личное пространство), П. Браун и С. Левинсон отмечают, что их равновесие возможно лишь в идеальной коммуникации, в реальном общении существует большое количество речевых актов, которые «угрожают лицу» [Brown, Levinson 1987: 61].

Так как собеседники заинтересованы в поддержании и сохранении лица друг друга, то они вводят в коммуникацию определенные стратегии вежливости.

4. Реализация категории вежливости в разговорниках XVIII–XIX вв.

В качестве материала исследования послужили три немецко-русских и два русско-немецких разговорника, охватывающие временной период с 1783 по 1900 г. Названия немецко-русских изданий говорят об их дидактической направленности: «Собрание употребительных речений для желающих в короткое время обучиться говорить по-немецки» («Sammlung der gewöhnlichsten Redensarten zum Gebrauch der Anfänger, welche Deutsch wollen reden lernen», 1783), «Новые немецкие и российские разговоры, разделенные на 130 уроков, для употребления юношеству и всем начинающим учиться сим языкам» («Neue Deutsche und Russische Gespräche, in 130 Lectionen eingetheilt, zum Gebrauch für die Jugend, und für diejenigen, welche diese Sprachen anfangen zu erlernen von Johann Philipp Wegelin», 1792), «Новые немецкие и российские разговоры для начинающих. С собранием слов и легких речений, способствующих к изучению языка, и излагающих практически многие части Грамматики по образцу Перрена и Ллойда» («Neue Deutsche und Russische Gespräche, ein Erleichterungsmittel für Anfänger, nach Perren und Lloid», 1830). Русско-немецкие разговорники, относящиеся ко второй половине XIX в., могут содержать указание на цель — использование в туристической поездке: «Русско-немецкие разговоры для туристов» (1900). Разговорник 1886 г. предназначен, как и немецкие издания, для обучения иностранному языку: «Русские и немецкие разговоры, составленные учителями немецкого языка Рейфом и Золотовым».

Предлагая изучающим иностранный язык или туристам коммуникативный минимум в виде устойчивых языковых единиц,

авторы разговорников не могут обойтись и без формул вежливости, которые соответствуют представленным в разговорнике ситуациям общения. Категория вежливости может выражаться в разных речевых актах. А. Г. Балакай в «Словаре русского речевого этикета» выделяет десять тематически объединенных рядов речевого этикета («приветствие», «знакомство», «пожелание», «соблезнование» и т. д.) [Балакай 2001]. В рамках проводимого исследования мы ограничиваемся тематическими группами «просьбы» (согласие, положительный ответ на просьбу, предложение, распоряжение, несогласие, возражение, отказ) и «комплименты/похвала/одобрение» (ответы на похвалу, комплименты), в которых наиболее последовательно в культурно-историческом и социальном планах реализуется категория вежливости. Примечательно, что некоторые разговорники в названии раздела содержат указание на прагматическую направленность представленных в нем фраз и выражений (*Приказывать / Um zu befehlen, Изъявления благодарности / Dank, Danksagungen*) или на их вежливый характер (*Способы изъясняться учтиво / Höfliche Manieren sich auszudrücken, Учтивые речения, приличные к столу / Höfliche den Tisch betreffende Redensarten*).

4.1. Реализация категории вежливости в речевом акте «просьба»

Одним из наиболее распространенных речевых актов в разговорниках является просьба, трактовка которой отличается у разных исследователей. С одной стороны, просьба может рассматриваться как «некатегорическое побуждение, не подразумевающее обязательности исполнения» [Городникова, Добровольский 1998: 52], с другой стороны, ее называют также и «опасным» коммуникативным действием [Fasold 1990: 58], так как обращение к кому-либо с просьбой, как правило, имплицитно подразумевает и ее выполнение. Соответственно, либо просящий позиционирует себя как занимающего вышестоящую социальную позицию, либо выполнение просьбы является следствием близких отношений собеседников. Важно отметить, что просьба в рамках проводимого исследования понимается именно как «опасное» коммуникативное действие, соответственно включает в себя также распоряжение, указание, приказ.

В главах, предполагающих общение равных по положению людей (*Разговор между двумя девицами / Unterredung zwischen zwei Frauenzimmern, С знакомым / Mit einem Bekannten*), встречаются следующие просьбы:

- (1) *Ich bitte Sie unterthänigst. — Всенокорно прошу* [Новые немецкие и российские разговоры... 1792: 28].
- (2) *Erzeigen Sie mir die Gnade. (den Gefallen). — Окажите мне милость (любовь)* [Новые немецкие и российские разговоры... 1792: 28].
- (3) *Darf ich Sie noch um ein Stückchen Rindfleisch bitten? — Смью ли попросить у вас еще кусок говядины?* [Новые немецкие и российские разговоры для начинающих 1830: 137].
- (4) *Wollen Sie wohl die Gewogenheit haben mir das zu geben? — Не сдѣлаете ли милость дать мне это?* [Новые немецкие и российские разговоры... 1792: 28].
- (5) *Gewähren Sie mir dies Zeichen Ihrer Freundschaft. — Окажите мне сей знакъ дружества* [Новые немецкие и российские разговоры... 1792: 28].

Универсальным для обоих языков маркером вежливой просьбы выступает официальное обращение на «вы» (*Sie*). В немецком варианте просьба выражается глаголом *bitten* (1), фразы с которым считаются «стандартным полным выражением вежливой просьбы» [Городникова, Добровольский 1998: 52], но в издании конца XVIII в. дополняются вышедшим из употребления наречием в превосходной степени *untertänigst* (1). Прилагательное *untertänig*, лексически связанное с готовностью служить воле вышестоящего, подчеркивает вежливость высказывания, указывает на высокопарный характер распространенных в рассматриваемый период формул вежливости. Кроме того, вежливость выражается лексемами *die Gnade (den Gefallen)* в сочетании с глаголом высокого стиля *erzeigen* (2). В немецко-русском словаре речевого общения отмечается, что просьбы с лексемой *Gefallen*, вопросы с модальным глаголом *dürfen* в сочетании с *bitten* (3), а также с модальным глаголом *wollen* (4) употребляются обычно по отношению к лицу более высокого социального статуса и могут использоваться иронически (в современном варианте немецкого языка) [Городникова, Добровольский 1998: 53], что свидетельствует об историческом переосмыслении стилистики употребления некоторых устойчивых

языковых единиц. Выражение *Gewähren Sie mir dies Zeichen Ihrer Freundschaft* (5) не нашло отражения в словаре и, вероятно, является устаревшим. В русском варианте перевода также сочетаются стандартные, стилистически нейтральные формулы вежливости (глагол *просить*) с лексическими единицами возвышенного стиля — *всепокорно (прошу)* (1), *смею ли (непросить)* (3). Выражения *Окажите милость / любовь / сей знак дружества* в современном коммуникативном поведении русских также используются для иронического окраса высказывания.

Если глава разговорника состоит из фраз для общения со слугами или с обслуживающим персоналом (*Как говорить с конюхом / Mit einem Stallknecht zu sprechen; Говорить с баимачником / Mit einem Schuster zu sprechen; Говорить с портным и с продавцом сукна / Mit einem Schneider und Tuchhändler zu sprechen*), то и в русском, и в немецком варианте просьба выражается исключительно императивами (6–8), что, вероятно, демонстрирует отсутствие учтивости по отношению к людям низшего социального положения. При этом форма множественного числа глагола в русском варианте *уберите* (8), который может являться как обращением к нескольким слугам, так и вежливым (на «вы») обращением к одному, трактуется в немецком переводе как вежливое обращение за счет местоимения *Sie*.

- (6) *Не забудь сделать хороший соус! — Vergiß nicht ein gute Souce zu machen* [Русские и немецкие разговоры 1886: 17].
- (7) *Позови ко мне кухарку! — Rufe die Köchin zu mir!* [Русские и немецкие разговоры 1886: 13].
- (8) *Уберите со стола! — Räumen Sie den Tisch auf!* [Русские и немецкие разговоры 1886: 13].

Диалог (9), сопровождающий совместный обед двух приятелей, наглядно демонстрирует разницу в обращении с другом (формула вежливости *будьте так добры* / немецкий эквивалент *wollen Sie so gut sein* и обращение на «вы»/*Sie*) и со слугой, общение с которым проходит исключительно в форме императивов-приказаний, и в некоторых случаях на «ты». В данном диалоге в переводе на немецкий язык снова появляется отсутствующий в оригинале маркер вежливости — лексема *bitte*:

- (9) — *Будьте так добры, позвоните! — Wollen Sie so gut sein zu klingeln.*

- *Принесите намъ еще кипятку!* — *Bringen Sie uns noch siedendes Wasser, bitte!*
 — *Поторопитесь!* — *Seien Sie aber fix!*
 — *Унеси прочь эту тарелку!* — *Nimm diesen Teller weg!* [Русские и немецкие разговоры 1886: 12].

Для ситуаций общения с обслуживающим персоналом, например с работником общественных бань (10), с носильщиком (11), с официантом (12), также не предлагаются формулы вежливости, просьба выражена императивом, но к собеседнику обращаются на «вы» (Sie):

- (10) — *Въ которомъ часу я могу купаться?* — *Um wie viel Uhr kann ich baden?*
Въ четыре часа послѣ обѣда. — *Um vier Uhr Nachmittags.*
Это для меня неудобно. — *Das ist mir ungelegen.*
Дайте мнѣ другой часъ. — *Bestimmen Sie mir eine andere Stunde* [Русско-немецкие разговоры... 1900: 25].
- (11) *Возьмите мой кофѣр. Отнесите его въ таможеню.* — *Nehmen Sie meinen Koffer. Tragen Sie ihn in das Zollhaus* [Русско-немецкие разговоры... 1900: 19].
- (12) *Дайте мнѣ чего нибудь позавтракать.* — *Geben Sie mir etwas zu frühstücken* [Русско-немецкие разговоры... 1900: 35].

Речевой акт «просьба» часто реализуется в ситуациях приглашения в гости:

- (13) *Сдѣлайте мнѣ удовольствіе, приходите обѣдать съ нами завтра!* — *Machen Sie mir das Vergnügen, kommen Sie morgen zu uns, um mit uns zu Mittag zu essen* [Русские и немецкие разговоры 1886: 68].
- (14) *Unterlassen Sie nicht zu kommen.* — *Придитежъ пожалуйста* [Новые немецкие и российские разговоры... 1792: 17].

Во фразах на русском языке категория вежливости выражается лексемой *удовольствие* (*сделайте мне удовольствие*) (13), императивом с разговорной частицей *ж*, которая служит для эмоционального подчеркивания глагола *придите ж пожалуйста* (14). В немецких предложениях маркерами вежливости выступает лексема *Vergnügen* (13), императив с отрицанием *unterlassen Sie nicht zu kommen* (14).

4.2. Реализация категории вежливости в ответах на просьбу

Представленные в разговорниках диалоги не только иллюстрируют коммуникативные нормы выражения вежливой просьбы, но и предлагают шаблоны вежливого ответа на просьбу, который, как правило, представлен в форме согласия, указывающего как на готовность выполнить конкретную просьбу, так и на честь в любой форме услужить собеседнику:

- (15) *Von Herzen gern.* — *Отъ всего усердія* [Новые немецкие и российские разговоры... 1792: 29].
- (16) *Sie dürfen nur befehlen.* — *Извольте только приказать* [Новые немецкие и российские разговоры... 1792: 29].
- (17) *Ich warte nur auf Ihren Befehl.* — *Я ожидаю только вашего повелѣнія* [Новые немецкие и российские разговоры... 1792: 29].
- (18) *Beehren Sie mich mit Ihren Befehlen.* — *Удостойте меня вашиими приказаніями* [Новые немецкие и российские разговоры... 1792: 29].
- (19) *Ich werde mir jederzeit ein Vergnügen daraus machen Ihnen zu dienen.* — *Я во всякое время за удовольствіе почту вамъ служить* [Собрание: 32].
- (20) *Ich bin ungemein erfreut, daß ich die Gelegenheit finde, Ihnen zu dienen.* — *Я несказанно радъ, что нашель случай вамъ служить* [Собрание: 31].
- (21) — *Могу я у васъ попросить отръзать мнѣ кусочекъ пирога? — Kann ich Sie bitten mir ein Stückchen Kuchen ab zu schneiden? — Я сдѣлаю это съ большимъ удовольствіемъ. — Ich werde es mit dem größten Vergnügen thun* [Русские и немецкие разговоры 1886: 12].

Речевые шаблоны для согласия выполнить просьбу варьируются от коротких реплик (15) до сложноподчиненных предложений (20). В немецких диалогах распространенной лексемой выступает *befehlen* (16–18), которая снова отсылает к традиции ставить собеседника выше, выражая этим почтительное отношение к нему. Кроме того, сама возможность услужить представляется честью (*Beehren Sie mich*) и связана с большим удовольствием (*Vergnügen*). В русском варианте также неоднократно встречается лексема *удовольствие* (19, 21), императивы *удостойте* (18), *извольте* (16) и выражение радости от возможности услужить: *я несказанно рад* (20).

Примечательно, что в двух обучающих немецко-русских разговорниках конца XVIII в. отсутствуют языковые формы выражения отказа. Составители как будто навязывают выполнение любой просьбы собеседника.

В других изданиях отказ непременно сопровождается формулами вежливости и объективным обоснованием причины отказа:

- (22) — *Мой [зонтик] сломанъ; одолжите мнѣ, пожалуйста, вашъ! — Der meinige ist zerbrochen, leihen Sie mir, bitte, den Ihrigen.*
— *Я бы одолжилъ его съ удовольствіемъ, но я не знаю, гдѣ онъ. — Ich würde Ihnen denselben mit Vergnügen leihen, ich weiß aber nicht, wo er ist* [Русские и немецкие разговоры 1886: 43].

В русском тексте вежливость реализуется лексемой *пожалуйста*, сослагательным наклонением глагола-сказуемого и устойчивым выражением *с удовольствием*, в немецком — эквивалентными языковыми единицами: лексемой *bitte*, сослагательным наклонением *würde leihen* и выражением *mit Vergnügen*.

Если собеседник готов выполнить просьбу, то высказывается беспокойство по поводу доставленных хлопот (23), (24), (25), а иногда упоминается и чувство стыда (26). Нормы вежливости XVIII–XIX вв., вероятно, предписывали подобное сопровождение просьбы для «сохранения лица» просящего:

- (23) *Ich befürchte Ihnen beschwerlich zu fallen. — Я опасаясь, чтобъ васъ не утрудить* [Новые немецкие и российские разговоры... 1792: 31].
(24) *Мнѣ весьма неприятно, что я васъ затрудняю. — Ich bedaure die Mühe, die ich Ihnen gemacht habe!* [Русско-немецкие разговоры... 1900: 11].
(25) *Ich befürchte Ihre Güte zu misbrauchen. — Я опасаясь во зло употребить вашу благосклонность* [Новые немецкие и российские разговоры... 1792: 30].
(26) *Sie beschämen mich. — Мнѣ предъ вами совѣстно* [Новые немецкие и российские разговоры для начинающих 1830: 45].

Коммуникативная ситуация «просьба/приглашение — ответ на просьбу/приглашение» также позволяет проследить некоторые нормы коммуникативного поведения. Так, в ответ на просьбу-приглашение принято выражать благодарность (27), заверять, что

предложение принято, и беспокоиться по поводу хлопот, которые может повлечь за собой посещение (28):

- (27) — *Я вамъ очень благодаренъ и непременно приѣду.* — *Ich bin Ihnen sehr dankbar und werde gewiß kommen* [Русские и немецкие разговоры 1886: 68].
- (28) — *Я непременно посетю васъ, но такъ какъ я знаю, что вы очень заняты, то я прошу васъ назначить день, который для васъ самый удобный.* — *Ich werde Sie gewiß besuchen, aber ich weiß, daß Sie sehr beschäftigt sind, und bitte Sie mir den Tag anzuzeigen, welcher für Sie am gelegensten ist* [Русские и немецкие разговоры 1886: 68].
- (29) — *Вы можете приходить, когда вамъ угодно: мы всегда вамъ будемъ рады.* — *Sie können kommen, wann es Ihnen gefällig ist: Sie werden uns immer willkommen sein* [Русские и немецкие разговоры 1886: 68].

Формулам вежливости *очень благодарен, непременно приѣду, непременно посетю* соответствуют немецкие эквиваленты *sehr dankbar, werde gewiss kommen, werde gewiss besuchen*.

Своеобразным показателем вежливости хозяина выступает извинение, оправдывающее недостаточную подготовку к визиту гостя (неожиданный визит не рассматривался, таким образом, как нарушение правил приличия), за которым следует просьба *не делать околичности* с друзьями и некое смягчение церемониала за счет выражения ненависти к «околичностям»:

- (30) — *Hätte ich gewußt, daß Sie kommen wollten, so würde ich etwas mehr bestellt haben.* — *Если бы я зналъ, что вы придете, то я приказалъ бы что нибудь еще приготовить* [Новые немецкие и российские разговоры для начинающих 1830: 87].
- (31) — *Ich bitte entschuldigen Sie sich nicht; lassen Sie uns als Freunde keine Umstände machen.* — *Прошу васъ не извиняться, какъ друзья не станемъ дѣлать околичностей* [Новые немецкие и российские разговоры для начинающих 1830: 87].
- (32) — *Das ist am besten; ich hasse die Umstände.* — *Это лучше всего; я ненавижу околичности* [Новые немецкие и российские разговоры для начинающих 1830: 87].

Составители разговорников тем самым одновременно предписывают сопровождать просьбу выражением готовности услужить,

благодарности, обеспокоенности, но и заверением в том, что благодарность не нужна и беспокоиться о доставленных хлопотах не стоит, так как «служение» другу воспринимается как удовольствие «во всякое время». Подобное противоречие подчеркивает конвенциональный характер вежливости в целом и всех представленных в разговорниках вежливых коммуникативных практик в частности.

4.3. Реализация категории вежливости в речевом акте «комплимент» (похвала/одобрение)

Направленность разговорника на употребление представленных в нем коммуникативных единиц в речи позволяет выделить ситуации, в которых было принято выражать комплименты, похвалу, одобрение. Примечательно, что комплимент как выражение положительной оценки качества или внешнего вида собеседника встречается лишь в нескольких фразах (33–35). Положительно оценивается доброта собеседника (33), предмет гардероба (34). Имплицитная положительная оценка внешности заключена также в выражении радости по поводу «добротного здоровья» собеседника (35):

- (33) *Вы, действительно, очень добры.* — *Sie sind wirklich zu gütig*
[Русско-немецкие разговоры... 1900: 11].
- (34) — *Nehmen sie ihren Muff.* — *Возьмите муфту.*
— *Sie haben einen hübschen Muff.* — *Вы имьете хорошую муфту.*
— *Eine schöne Pelzmütze.* — *Хорошую шапку* [Новые немецкие и российские разговоры... 1792: 59].
- (35) *Ich bin sehr erfreuet, daß ich die Ehre habe, sie gesund zu sehen.* — *Я весьма радуюсь, что имтью честь видтьть васъ въ добромъ здоровьи* [Собрание... 1783: 16].

Разговорники содержат гораздо большее количество шаблонов для оценивания достижений приятеля, например, в рисовании (36), в изучении французского языка (37) или в умении ухаживать за садом (38):

- (36) — *In der That, Sie überraschen mich; wie! Sie haben es nie gelernt?* — *В самом дѣльѣ, вы изумляете меня; какъ! вы никогда не учились.*
— *Nein, ich versichere Sie.* — *Нѣтъ, увѣряю васъ.*
— *Sie haben ein vorzügliches Talent zum Zeichnen.* — *У васъ отличныя способности къ рисованію* [Русские и немецкие разговоры 1886: 125].

- (37) — *Sie hören, daß ich eben anfangе, es zu sprechen.* — *Вы слышите, что я только что начинаю говорить по Французски.*
 — *Sie sprechen es ziemlich gut aus.* — *Вы выговариваете довольно хорошо* [Русские и немецкие разговоры 1886: 117].
- (38) — *У васъ вѣрно очень хорошій садовникъ.* — *Sie haben gewiß einen sehr guten Gärtner.*
 — *Нѣтъ, у меня нѣтъ садовника: я самъ занимаюсь своимъ огородомъ.* — *Nein, ich habe keinen Gärtner: ich beschäftige mich selbst mit meinem Garten.*
 — *Вы очень искусны.* — *Sie sind sehr geschickt* [Русские и немецкие разговоры 1886: 47].

В ответ на комплименты принято выказывать скромность, заверяя собеседника в преувеличении заслуг (39):

- (39) — *Sie reden schon ziemlich gut.* — *Вы говорите очень хорошо.*
 — *Sie schmeicheln mir.* — *Вы льстите.*
 — *Ich schmeichele ihnen nicht.* — *Я ни мало не льщу* [Собрание... 1783: 75].

Кроме того, вежливость предписывает и выражение комплимента за счет возвышения собеседника и преуменьшения собственных заслуг:

- (40) *Ich wollte, daß ich so gut französisch könnte, als sie.* — *Я желалъ бы знать столько по Французски, какъ вы* [Новые немецкие и российские разговоры... 1792: 76].
- (41) *Ich kann nicht mit Ihnen spielen; Sie spielen viel besser als ich.* — *Я не могу съ вами играть; вы гораздо лучше меня играете* [Русские и немецкие разговоры 1886: 80].
- (42) — *Sie schreiben sehr gut.* — *Вы умѣете хорошо писать.*
 — *Ich schreibe nicht so gut als sie.* — *Я не такъ хорошо пишу, какъ вы.*
 — *Sie schreiben besser als ich.* — *Вы пишете лучше меня* [Собрание... 1783: 127].

В гостях комплименты, выражающие скорее положительную оценку, служат лишь выражением учтивости, описывают характерный для времени издания разговорника церемониал. Так, встречается эксплицитная положительная оценка чайных приборов (43–45) и приготовленных блюд (46):

- (43) *У васъ очень красивый чайный приборъ.* — *Sie haben ein sehr hübsches Theeservice* [Русские и немецкие разговоры 1886: 13].
- (44) *Этотъ чайникъ очень красивъ.* — *Diese Theekanne ist sehr geschmackvoll* [Русские и немецкие разговоры 1886: 13].
- (45) *У васъ прекрасный фарфоръ.* — *Sie haben sehr schönes Porzellan* [Русские и немецкие разговоры 1886: 85].
- (46) — *Diese Speisen sind wohl gekocht.* — *Это кушанье хорошо изготовлено.*
— *Sie machen Appetit.* — *Оно вкусно* [Собрание... 1783: 32].

Интересно, что представленные выше диалоги не предполагают выражения благодарности в ответ на комплименты, что также подчеркивает их условный, конвенциональный характер. Положительная эксплицитная оценка в представленных примерах отражает принятые в культурном сообществе (как немецком, так и русском) нормы вежливости.

5. Выводы

Таким образом, проведенный анализ наглядно демонстрирует, что в разговорниках XVIII–XIX вв. категория вежливости могла реализовываться языковыми единицами, которые были распространены в коммуникативном поведении немцев и русских в XVIII–XIX вв., но большинство из которых вышло из употребления или в современных реалиях общения используется в манерном, ироническом смысле: *Erzeigen Sie mir die Gnade. (den Gefallen).* — *Окажите мнѣ милость (любовь) / Gewähren Sie mir dies Zeichen Ihrer Freundschaft.* — *Окажите мнѣ сей знакъ дружества.*

Большое разнообразие шаблонов как для выражения просьбы, так и для ответа на просьбу указывает на распространенный, универсальный характер этой коммуникативной практики. При этом наблюдается социальная стратификация: речевые акты «приказ» и «указание» встречаются только в обращении с людьми, которые расцениваются как представители более низкого социального класса. Сравнение языкового оформления просьбы в главах, предполагающих общение между представителями одного социального класса, с просьбами, обращенными к слугам или к обслуживающему персоналу, показывает, что в разговоре с равными просьба сопровождается вежливо оформленным согласием (за редким ис-

ключением), речевым актом «благодарность», выражением беспокойства по поводу доставляемых хлопот, а также заверением в отсутствии необходимости беспокоиться. Речевой акт «просьба» в общении с нижестоящими представляет собой исключительно императивно выраженную просьбу, которая в некоторых вариантах перевода на немецкий язык приобретает более вежливый характер, нежели в оригинале.

Важно отметить, что именно в главах, предполагающих общение между равными по социальному положению людьми, языковые средства искусственно подчеркивают некоторое неравенство собеседников, что является конвенциональным способом выражения почтительного отношения к партнеру по коммуникации. Такими языковыми средствами выступают глаголы *befehlen*, *dienen*, наречие *untertänigst* в немецком языке и глаголы *приказывать*, *повелевать*, *служить* — в русском. Универсальным для русского и немецкого языка способом маркировки вежливого отношения к собеседнику можно назвать обращение на «вы» (*Sie*), а также устойчивое выражение *с удовольствием* (*mit Vergnügen*).

Речевой акт «комплимент» подчеркивает дружественный тон разговорников XVIII–XIX вв., цель которых (в отличие от современных туристических) заключалась не столько в получении от собеседника конкретной информации, сколько в установлении дружеского контакта, личных приятельских отношений. Комплимент, в отличие от просьбы, не сопровождается выражением благодарности, что говорит о его условном характере.

Разговорники, как было показано, являются отражением эпохи, в которую создавались, что наблюдается в упоминании не только реалий жизни, но и реалий коммуникативного поведения, неотъемлемой частью которого, о каком историческом периоде ни шла бы речь, выступает вежливость.

Перспективным направлением дальнейшего исследования представляется изучение адекватности перевода в разговорниках разных эпох, рассмотрение способов выражения вежливости в других речевых актах и в сравнении с разговорниками XX и XXI вв.

Источники иллюстративного материала

Балакай А. Г. Словарь русского речевого этикета: 2-е изд., испр. и доп. М.: АСТ-ПРЕСС, 2001. 672 с.

Городникова М. Д., Добровольский Д. О. Немецко-русский словарь речевого общения. М.: Русский язык, 1998. 332 с.

Новые немецкие и российские разговоры для начинающих. СПб.: Тип. Императорского воспитательного дома, 1830. 157 с.

Новые немецкие и российские разговоры, разделенные на 130 уроков, для употребления юношеству и всем начинающим учиться сим языкам / изд. И. Ф. Вегелином. М.: Тип. Селивановскаго и товарища, 1792. 192 с.

Русские и немецкие разговоры / сост. Ф. И. Рейф и П. А. Золотов. М.: Тип. Е. Г. Потапова, 1886. 88 с.

Русско-немецкие разговоры для туристов / сост. А. П. Ненашев. М.: Т-во тип.-лит. «Владимир Чичерин», 1900. 31 с.

Собрание употребительных речений / пер. И. Ф. Вегелин. М.: Университетская тип. у Н. Новикова, 1783. 140 с.

Литература

Баева Г. А. Развитие типа текста «разговорник»: между словарем и учебником (на материале ранних немецко-русских и русско-немецких разговорников) // *Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете*. Вып. 10. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2021. С. 113–136.

Грайс Г. П. Логика и речевое общение // *Новое в зарубежной лингвистике* / под ред. Е. В. Падучевой. М.: Прогресс, 1985. Вып. XVI. С. 217–238.

Лазуткина Е. М. Этика речевого общения и этикетные формулы речи / под ред. Л. К. Граудиной, Е. Н. Ширяевой. М.: Норма, 2000. 560 с.

Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 512 с.

Левченко Г. А. Словарь-разговорник в России: к вопросу об истории жанра // *Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2006. № 3. С. 145–156.

Норман Б. Ю. Жанр разговорника: между текстом и языком // *Жанры речи: сборник науч. статей*. Саратов: Колледж, 2002. С. 171–186.

Савич Н. Г. Из истории русско-немецких культурных связей в XVII веке (Немецко-русский словарь-разговорник Г. Невенбурга 1629 г.) // *Исторические записки*. Т. 102. М.: Наука, 1978. С. 246–286.

Сидорова О. Г. Учебные англо-русские разговорники XVIII — начала XIX веков // *Отечественная и зарубежная педагогика*. 2016. № 3 (30). С. 109–120.

Формановская Н. И. Культура общения и речевой этикет. М.: Икар, 2005. 250 с.

Auer P. Sprachliche Interaktion // *Eine Einführung anhand von 22 Klassikern* 2., aktualisierte Auflage. De Gruyter, 2013. S. 95–106.

- Brown P., Levinson S. C. *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 345 p.
- Fasold R. *Sociolinguistics of Language*. Oxford: Blackwell, 1990. 342 p.
- Koch K. *Deutsch als Fremdsprache im Russland des 18. Jahrhunderts*. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2002. 478 S.
- Leech G. *Principles of Pragmatics*. London; New York: Longman, 1983. 250 p.
- Vorderwülbecke K. Höflichkeit in Linguistik, Grammatik und DaF-Lehrwerk // *Höflichkeitsstile* / H.-H. Lüger (Hrsg.). Frankfurt a. M.: Lang, 2001. S. 27–46.

References

- Auer P. Sprachliche Interaktion. *Eine Einführung anhand von 22 Klassikern 2.*, aktualisierte Auflage. De Gruyter, 2013, S. 95–106.
- Baeva G. A. Development of the “phrasebook” — type text: between the textbook and the dictionary (Based on Early German-Russian and Russian-German phrasebooks). *Nemetskaiia filologiia v Sankt-Petersburgskom gosudarstvennom universitete*, iss. 10. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2021, pp. 113–136. (In Russian)
- Brown P., Levinson S. C. *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge, Cambridge University Press, 1987. 345 p.
- Fasold R. *Sociolinguistics of Language*. Oxford, Blackwell, 1990. 342 p.
- Formanovskaia N. I. *Culture of communication and speech etiquette*. 2nd ed. Moscow, Ikar Publ., 2005, 250 p. (In Russian)
- Grice H. P. Logic and Conversation. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*. Moscow, Progress Publ., 1985, iss. 16, pp. 217–238. (In Russian)
- Koch K. *Deutsch als Fremdsprache im Russland des 18. Jahrhunderts*. Berlin, New York, Walter de Gruyter, 2002, 478 S.
- Larina T. V. *Category of Politeness and Communication Style: Comparison of English and Russian Linguistic and Cultural Traditions*. Moscow, Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi, 2009, 512 p. (In Russian)
- Lazutkina E. M. *Ethics of speech communication and etiquette formulas of speech*. Ed. by L. K. Graudina, E. N. Shiryayeva. Moscow, Norma Publ., 1998. 560 p. (In Russian)
- Leech G. *Principles of Pragmatics*. London, New York, Longman, 1983. 250 p.
- Levchenko G. A. Phrasebook in Russia: the history of genre *Moscow University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, 2006, no. 3, pp. 145–156. (In Russian)
- Norman B. Iu. Phrasebook Genre: Between Text and Language. *Zhanry rechi*, iss. 3. Saratov, Kolledzh Publ., 2002, pp. 171–186. (In Russian)
- Savich N. G. From the History of Russian-German Cultural Ties in the 18th Century: (German-Russian Dictionary Phrasebook of G. Nevenburg, 1629). *Istoricheskie zapiski*, 1978, vol. 102, pp. 248–286. (In Russian)

Sidorova O.G. Educational English-Russian Phrasebooks of the 18th — Early 19th Centuries. *Otechestvennaia i zarubezhnaia pedagogika*, 2016, no. 3 (30), pp. 109–120. (In Russian)

Vorderwülbecke K. Höflichkeit in Linguistik, Grammatik und DaF-Lehrwerk. Lüger, Heinz-Helmut (Hrsg.): *Höflichkeitsstile*. Frankfurt a. M., Lang, 2001. S. 27–46.

Соколюк Мария Александровна

аспирант кафедры немецкой филологии СПбГУ

Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Maria A. Sokoljuk

Postgraduate Student of German Philology Department, St. Petersburg State University,

Address: 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

E-mail: st072214@student.spbu.ru

Статья поступила в редакцию 20 января 2023 г.

Принята к публикации 26 апреля 2023 г.

МЕТАЯЗЫКОВЫЕ АСПЕКТЫ ВЕЖЛИВОЙ КОММУНИКАЦИИ МЕЖДУ АВТОРОМ И ЧИТАТЕЛЕМ (на материале немецких искусствоведческих текстов XVIII века)

Для цитирования: Яшкова А. В. Метаязыковые аспекты вежливой коммуникации между автором и читателем (на материале немецких искусствоведческих текстов XVIII века) // *Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете*. 2023. Вып. 13. С. 315–329.
<https://doi.org/10.21638/spbu33.2023.117>

Статья нацелена на изучение метаязыковых характеристик вежливой коммуникации. Анализ проведен на материале немецких искусствоведческих текстов XVIII в. Материал исследования интересен тем, что немецкие тексты об искусстве второй половины XVIII в. стали классикой искусствоведения и именно в них впервые описывается новый метод анализа произведений искусства. Посредством сопоставления искусствоведческих текстов И. И. Винкельмана, И. Г. Гердера и Г. Э. Лессинга выявлено, как и с какой целью авторы этих текстов используют формулы вежливости. Методологическая основа анализа задана теоретическими установками прагматической лингвистики, социолингвистики и исследований метатекста. Результаты демонстрируют, что к актуализаторам позитивной вежливости можно, например, отнести: прилагательные со значением уверенности, эмоциональные выражения и/или инклюзивное местоимение *wir*. Включая эти актуализаторы в текст, автор апеллирует к общему кругозору читателя и стремится солидаризироваться с ним в общей академической области. Стратегии негативной вежливости используются автором для того, чтобы избежать навязывания своих взглядов читателям. В полученных данных используются следующие стратегии негативной вежливости: проявление осторожности путем хеджирования, демонстрация отсутствия стремления навязать свою точку зрения и приписывание себе всей ответственности за написанное путем персонализации. Результаты демонстрируют, что в исследовательских статьях читатель активно, пусть и незримо присутствует в тексте. В целом позитивные стратегии вежливости используются исследователями для демонстрации солидарности с коллегами-исследователями и научным сообществом в целом. Негативные стратегии либо обезличивают передаваемую информацию, либо, напротив, персонализируют. Оба подхода ставят себе целью не оказывать на читающего давления и не пытаться убедить его в своей правоте. В данной статье стратегии вежливости рассматриваются под новым углом. На материале XVIII в. становятся очевидными те изменения, которые научный стиль изложения претерпел за последние триста лет.

Ключевые слова: вежливость, история языка, метатекст, искусствоведческий текст.

**METALINGUISTIC ASPECTS OF POLITE COMMUNICATION
BETWEEN AUTHOR AND READER
(based on 18th-century German art history texts)**

For citation: Iashkova A. V. Metalinguistic aspects of polite communication between author and reader (based on 18th-century German art history texts). *German Philology in St. Petersburg State University*, 2023, iss. 13, pp. 315–329. <https://doi.org/10.21638/spbu33.2023.117> (In Russian)

The article aims to study the metalinguistic characteristics of polite communication. The analysis is carried out on the material of German art history texts of the 18th century. Through the comparison of art history texts written by J. J. Winckelmann, J. G. Herder and H. E. Lessing it is being revealed how and for what purpose the authors of these texts use formulas of politeness. The analysis is based on the theoretical foundations of pragmatic linguistics, sociolinguistics and metatext research. The results show that the actualisers of positive politeness include, for example, adjectives with the meaning of confidence, emotional expressions and the inclusive pronoun *wir*. By using these tools the author seeks to solidarise with the reader in the general academic field. Negative politeness strategies are used by the author to avoid imposing their views on the reader. The following negative politeness strategies were discovered: showing caution by hedging, demonstrating a lack of desire to impose one's point of view and attributing all responsibility for what is written by personalisation. The results demonstrate that in research articles the reader is actively, albeit invisibly, present in the text. In general, positive politeness strategies are used by researchers to demonstrate solidarity with the fellow researchers and the research community at large. Negative strategies either depersonalise the information conveyed or, on the contrary, personalise it. Both approaches aim not to put any pressure on the reader.

Keywords: politeness, history of language, metatext, art history text.

1. Вступление

Исследование категории вежливости на материале лингвистики переживает настоящий подъем на протяжении последних пятидесяти лет. Это связано и с так называемыми прагматическим и антропологическим поворотами, и со все возрастающим интересом к социолингвистике. Однако следует отметить, что большинство исследований этой тематики базируются на устном материале. Немногие ученые ставили себе задачу определить характеристики и цели употребления вежливых форм в научном тексте, хотя вежливая коммуникация играет не последнюю роль в формализованном научном стиле. П. Кох называет языковую вежливость «все-

ленной, отделяющей сказанное от подразумеваемого» [Koch 2008: 143]. Метаязыковая рефлексия призвана регулировать отношения между участниками диалога, гармонизировать и оптимизировать общение, что способствует кооперации.

В случае трансфера научного знания эта кооперация может заключаться в том числе в стремлении автора убедить читателя в своих умозаключениях. Целью нашего исследования является анализ форм вежливости в искусствоведческих текстах XVIII в. и поиск ответа на вопрос: являются ли эти формы в научном тексте XVIII в. просто стилистическим аспектом или они могут попутно выполнять некие предпочтительные для автора функции? Исходя из этой цели, данная статья должна решить следующие задачи:

- выявить на материале трудов И. И. Винкельмана, Г. Э. Лессинга, И. Г. Гердера метаязыковые операторы, участвующие в выражении вежливого отношения;
- показать, как формулируется вежливая коммуникация у участников научного дискурса в представленных текстах;
- определить функции форм вежливости, характерные для специальных немецкоязычных текстов XVIII в.

Понимание функционирования этого феномена может помочь при написании академических текстов. Перспективными являются также дальнейшие исследования в этой области, ставящие себе задачу сравнить формы вежливости в академических текстах XVIII в. и в современном научном дискурсе.

2. К истории вопроса

Первые исследования категории вежливости относятся к пятидесятым годам прошлого столетия, когда знаменитый американский социолог И. Гофман ввел понятие «лица». Ключевым же исследованием в этой области остается классическая работа П. Браун и С. Левинсона «Politeness: some universals on language usage» («Вежливость: некоторые универсалии в языковом употреблении»). Выдвигаемая концепция этой работы заключается в том, что для достижения комфортных условий общения участникам необходимо совместно выработать определенные стратегии. Предположение о том, что коммуникация — это деятельность, которая руководствуется рациональным подходом, и что

производители знаков и их получатели преследуют взаимные коммуникативные цели и выбирают соответствующие языковые и неязыковые средства для достижения этих целей, Браун и Левинсон переняли у Пола Грайса. Поначалу может показаться, что вежливость является отвлекающим фактором, ненужной издержкой при расчете затрат и выгод коммуникантов. На самом деле, вежливость безусловно является частью имплицатуры. Будучи вежливым, говорящий делает больше, чем от него требуется, а слушающий воспринимает эту дополнительную и фактически излишнюю активность как попытку создать дополнительный компонент смысла [Ehrhardt 2018: 286].

Следуя за Гофманом, Браун и Левинсон делают субъектом своей теории «позитивное» и «негативное лицо». Обе эти роли могут быть свойственны одному и тому же человеку и характеризуются желанием добиться одобрения от других с одной стороны (positive face) и желанием продемонстрировать свободу суждений и независимость мнения с другой (negative face) [Brown, Levinson 1987: 66]. Т. Ларина связывает теории вежливости с эмотивной экологичностью, обосновывая это тем, что теория вежливости тесно связана с этикой поведения. Лингвоэкологи ратуют за позитивный настрой даже негативного сообщения, на это же нацелены и основоположники теории вежливости Браун и Левинсон [Ларина 2019: 41].

Несмотря на то что все мы заинтересованы в поддержании гармонии в общении, мы можем совершать некие акты, которые угрожают сохранению «лица» других людей. Часто эти поступки являются примерами невежливого поведения. Сохранению «негативного лица» препятствуют среди прочего приказы, просьбы, предложения, предупреждения и другие формы поведения. Потере «позитивного лица» могут угрожать неодобрение, несогласие, критика [Agbaglo 2017: 31].

Выбор слов при этом обусловлен не свободным выбором говорящего, а определенными социальными установками, существующими в обществе [Eckardt 2021: 310]. Об этом свидетельствуют, к примеру, формы вежливости, употребляемые в переписке XVIII в. Так, обращение на «ты» являлось уместным по отношению к близким друзьям, возлюбленным и членам семьи. Случаи употребления, выходящие за эти рамки, можно обозначить как указание на реликтовый характер отношений или нарушение субординации

[Varwig 2021: 179]. Знаменитый лингвист Дж. Лакофф выводит три правила вежливости, которые соответствуют правилам ведения разговора [Lakoff 1973: 298]:

- 1) не навязывай свою точку зрения;
- 2) предлагай варианты;
- 3) создавай хорошее впечатление и будь дружелюбным.

Как уже упоминалось выше, мы все заинтересованы в сохранении «лица» других субъектов коммуникации. По этой причине при прочих обстоятельствах люди стараются избегать актов, при которых можно «потерять лицо», то есть потерять доверие партнера (face threatening acts, FTA). Г. Р. Власян называет их «ликоугрожающими актами» [Власян 2011: 37]. Однако возникают ситуации, когда избежать потери «лица» просто невозможно, и единственное, что остается предпринять в этом случае, — это минимизировать возникшую угрозу. Чем выше эта угроза, тем важнее прибегнуть к стратегии вежливой коммуникации. Исходя из этого, Браун и Левинсон предлагают несколько стратегических вариантов для разрешения такой ситуации. В силу применимости этого подхода только к анализу устной речи мы не будем останавливаться на нем подробно [Brown, Levinson 1987: 69].

На наш взгляд, целесообразнее более подробно остановиться на работе американского лингвиста Г. Майерса, который анализирует вежливость на материале научных статей. Он выделяет два типа стратегий вежливости — позитивные и негативные. Когда авторы выдвигают гипотезы или предлагают рассмотреть какие-то результаты в исследовательских статьях, они используют различные стратегии позитивной вежливости, чтобы заручиться одобрением читателей. Это делается для утверждения общих оснований (claiming common grounds) и демонстрации того, что автор и читатель находятся в состоянии кооперации. Утверждая точки соприкосновения, позиции и мнения, авторы текстов вкрапляют в текст модификаторы, например прилагательные с оттенком уверенности: *clear, definite, sure, undoubted* [Myers 1989]. В качестве немецкоязычных соответствий можно назвать такие прилагательные, как *sicher, bestimmt, natürlich, gewiss, selbstverständlich* и др. Еще один способ найти общий язык с читателем — это использование альтернативных и спекулятивных выражений (например, *assumption, speculation*)

[Getkham 2013: 57]. В дополнение к первой стратегии авторы научного текста также используют вторую, которая заключается в установлении контакта (*creating rapport*) для создания общего с реципиентом эмоционального настроя. Для установления контакта с читателями авторы обычно используют эмоциональные выражения (например, *Wenn uns das Schicksal doch auch diesen Laokoon gegönnet hätte!* [Lessing 1766: 12]), риторические вопросы (например, *Wo aber wird gelehrt, worinnen die Schönheit einer Statue besteht?* [Winckelmann 1764: XI]) и императивные формы (например, употребительное сокращение императивной формы *vergleiche* — *vgl.*), демонстрируя солидарность и ощущение общности. Используя некоторые формулы вежливости, ученые также показывают, что они готовы сотрудничать с читателем. Чтобы продемонстрировать, что писатель и читатели имеют общую цель, писатели используют инклюзивное местоимение «мы» и его производные [Myers 1989]. Используя это местоимение, автор рассматривает читателя как коллегу-исследователя и сокращает разрыв между собой и читающим текст, тем самым вовлекая его в проблематику работы. В определенном контексте это местоимение может иметь иное значение — это «мы» в противоположность «им», обозначающее контраст между работой других исследователей и нашей работой [Myers 1992: 298].

Кроме того, большинство исследовательских статей характеризуется наличием негативных стратегий вежливости. Они используются для заверения читателя в том, что авторы всячески избегают посягательства на читательскую свободу действий. Эта авторская интенция находит выражение в хеджировании (нем. *Heckenausdrücken*, например *eigentlich, wahrscheinlich, ich nehme an, sozusagen*), имплицитующем неуверенность говорящего в истинности утверждаемого, и употреблении безличных конструкций (то есть использовании конструкций, избегающих употребления личных местоимений *ich* и *wir*: *man + V3; es wäre wünschenswert* вместо *ich würde es begrüßen, wenn...* и т. д.). К. Гетхам группирует эти стратегии в три основные подстратегии: проявление осторожности суждения путем хеджирования (*being tentative by hedging*), демонстрация нежелания навязать свою точку зрения (*showing that you don't want to impose*) и присвоение ответственности путем персонализации (*attributing all responsibility by personalization*) [Getkham 2013: 53].

3. Материал и методы

Исследование выполнено на материале трех немецкоязычных искусствоведческих монографий авторства Г.Э.Лессинга («Laokoon oder über die Grenzen der Malerei und Poesie», 1766), И.И.Винкельмана («Gedanken ueber die Nachahmung der griechischen Werke in der Malerey und Bildhauerkunst», Bd. 1, 1764) и И. Г. Гердера («Kritische Wälder» Bd. 1, 1769), оцифрованных и находящихся в открытом доступе на сайтах Deutsches Textarchiv и Internet Archive. Исследуемые тексты подверглись контекстно-семантическому, лингвоаксиологическому и типографическому анализу (некоторые из книг представлены в формате отсканированных оригинальных изданий, то есть напечатаны фактурой).

4. Результаты исследования

Прежде чем перейти непосредственно к рассмотрению конкретных семантико-прагматических средств вежливости в искусствоведческих текстах, следует отметить, что научный дискурс в области искусствознания находился в XVIII в. в стадии разработки (например, И.И.Винкельмана часто называют «отцом искусствознания», поскольку он первым пытался отделить историю искусства от общей истории), а потому конвенциональные для современного научного текста формы еще не имеют столь широкого распространения. На представленном материале мы рассмотрим, как формулируются уже упомянутые нами позитивные и негативные стратегии вежливости. В качестве модели для проведения анализа была выбрана классификация, разработанная Браун, Левинсон и Майером и впоследствии объединенная Гетхам в одну модель [Getkham 2013: 53–54].

4.1. Семантико-прагматические характеристики стратегий позитивной вежливости

К этой категории относятся две подкатегории: поиск общей почвы для разговора посредством высказывания общих взглядов при помощи прилагательных со значением уверенности и глаголов умозрительной деятельности (claiming common grounds), а также демонстрация того, что автор и читатель находятся в состоянии

кооперации (showing that writer and reader are cooperators) — об этом может сигнализировать употребление личных местоимений, например инклюзивного *wir*. Проиллюстрируем первую стратегию показательным отрывком из работы И. И. Винкельмана:

Denn nicht zu gedenken, daß ihr Geblüt einige Jahrhunderte hindurch mit dem Samen so vieler Völker, die sich unter ihnen niedergelassen haben, vermischt worden, so ist leicht einzusehen, daß ihre jetzige Verfassung, Erziehung, Unterricht und Art zu denken, auch in ihre [körperliche] Bildung einen Einfluß haben könne <...> Diese vorzügliche Bildung ist so augenscheinlich, daß der Kopf des geringsten Mannes... [Winckelmann 1764: 21–22]. — «Не говоря уже о том, что их племя на протяжении нескольких столетий смешивалось с потомками многих народов, обосновавшихся на их земле, нетрудно заметить, что современное государственное устройство, воспитание, образование и образ мышления могли оказать влияние и на их телосложение <...> Это превосходство во внешности настолько очевидно, что голова первого попавшегося мужчины...»¹

Здесь мы видим оба характерных для первой стратегии приема. Автор использует и глаголы умозрительной деятельности (*gedenken, denken*), и прилагательные/наречия со значением уверенности, ясности (*augenscheinlich, leicht etw. zu sehen*) с целью объединить свой опыт видения с предстоящим опытом читателя. И. И. Винкельман здесь провоцирует реципиента текста разделить его предположения, по всей видимости, подразумевая, что убедиться в их правдивости не составит большого труда, надо лишь довериться историку искусств.

Что касается второй подстратегии, то И. И. Винкельман начинает свою «Историю искусства древности» от первого лица, не употребляя *wir*:

Die Geschichte der Kunst des Altertums, welche ich zu schreiben unternommen habe, ist keine bloße Erzählung der Zeitfolge und der Veränderung in derselben, sondern ich nehme das Wort Geschichte in der weiteren Bedeutung, welche dasselbe in der griechischen Sprache hat, und meine Absicht ist, einen Versuch eines Lehrgebäudes zu liefern [Winckelmann 1764: IX]. — «История искусства древности, которую я решил написать,

¹ Здесь и далее перевод приводится по: [Винкельман 2000].

представляет собой не только повествование о хронологической его последовательности и изменениях: я воспринимаю слово «история» в том более широком значении, каким оно обладает в греческом языке, и намерен изложить здесь опыт научной системы».

В данном случае, используя местоимение первого лица, И. И. Винкельман как бы выступает с сильной авторской позиции и дистанцируется от ассоциации с научным сообществом, тем самым утверждая свой авторитет в области исследования и предъявляя притязания на авторское право. Это можно объяснить тем фактом, что в этой книге И. И. Винкельман первый в XVIII в. определяет искусство античных Рима и Греции как эстетический эталон и закладывает основу для современной трактовки искусства этого периода. Этот прием особенно часто встречается в предисловии к первой части, в теоретической части работы И. И. Винкельман переключается на повествование с использованием местоимения *wir*:

Von diesem ersten Entwurfe und Anlage einer Figur können wir der anwachsenden Bildung derselben, aus Anzeigen der Skribenten und aus alten Denkmalen, nachforschen [Winckelmann 1764: 7]. — «Начиная с этого первого замысла и эскиза фигуры мы можем проследить все дальнейшее развитие, сообразуясь с указаниями писателей и древними памятниками».

Очевидно, что здесь автор апеллирует к читателю и предлагает пройти исследовательский путь вместе. Инклюзивное *wir* выводит читателя из функции пассивного наблюдателя и ставит на одну ступень с исследователем. Автор же, переключая модусы и используя разные типы местоимений, может примерить на себя разные роли в тексте: авторитарного исследователя, представляющего эксклюзивное содержание, и дружески настроенного коллеги-исследователя, который стремится сократить дистанцию между собой и читателем.

Ко второй стратегии также можно отнести стремление создать общий с читателем эмоциональный фон посредством вкрапления в текст риторических вопросов и эмоциональных выражений. Эти приемы активно использует И. Г. Гердер в своих «Критических лесах»:

Soll ich ihm also Kännntniß der Alten absprechen, weil er Homer nicht als Dichter, sondern als Künstler, nicht also des Poetischen Wesens seiner Muse wegen, nicht wie Lessing gelesen? Soll ich ihm einen Seitenblick, den er auf die Poesie wirft, um seine Kunst zu erläutern, und gesetzt dieser Seitenblick trüfe auch nicht auf das Innere der Dichtkunst, zum Hauptverbrechen anrechnen? [Herder 1769: 13]. — «Должен ли я отказывать ему в понимании древних, потому что он читал Гомера не как поэт, а как художник, не благодаря поэтической природе своей музыки, не так, как читал его Лессинг? Должен ли я вменить ему в вину как главное преступление косой взгляд, который он бросил на поэзию, лишь чтобы объяснить свое искусство, хотя, вероятно, этот косой взгляд и не отразил внутренней сути поэзии?»²

Череда риторических вопросов, адресуемая в данном случае читателю, выводит исследовательский текст на уровень диалога. Автор имплицитно отвечает на все эти вопросы отрицательно и надеется, что читатель с ним согласится. Следует также обратить внимание и на то, что И. Г. Гердер ведет здесь повествование от первого лица, что добавляет этому безответному вопрошанию еще больше эмоциональности.

4.2. Семантико-прагматические характеристики стратегий негативной вежливости

Негативные стратегии вежливости проявляются в выборе языковых средств для изложения фактов и утверждений, связанных с конкретной исследовательской деятельностью. Они состоят из смягчающих формулировок, основанных на стремлении избежать воздействия на читателя. В дискуссиях авторы стремятся подчеркнуть полученные результаты и вписать их в контекст более широкого круга знаний, соотнося результаты с работами других авторов. С. Т. Нефедов считает, что для немецкоязычного научного текста характерна личностно-ориентированная стратегия в оспаривающем модусе. Критические интенции выражаются открыто, но без категоричности [Нефедов 2022]. Негативные стратегии вежливости, прибегающие к хеджированию и формулировкам, демонстрирующим неуверенность, снижают доверие читателя. Эти выражения включают в себя в основном различные реализации

² Перевод автора.

эпистемической модальности [Gil-Salom, Soler-Monreal 2009: 182]. В приведенном фрагменте трактата «Лаокоон» Г. Э. Лессинг оформляет ход своей мысли, используя модальные глаголы и конъюнктив. Любопытно, что в переводе на русский язык это же значение неуверенности передается уже при помощи частицы *пожалуй*:

*Wenn ich fände, daß es unsere Schauspieler nicht könnten, so **müßte** ich erst wissen, ob es auch ein Garrick nicht vermögend wäre: und wenn es auch diesem nicht gelänge, so **würde** ich mir noch immer die Skeuopoeie und Deklamation der Alten in einer Vollkommenheit **denken dürfen**, von der wir heut zu Tage gar keinen Begriff haben* [Lessing 1766: 42]. — «Если я вижу, что наши актеры не могут сделать этого, мне еще надо убедиться, что этого не мог сделать, например, и Гаррик; а если бы это не удалось даже и ему, то древняя мимика и декламация кажутся мне, пожалуй, достигшими такого совершенства, какое мы в настоящее время не можем даже представить»³.

К этим стратегиям прибегает также и И. И. Винкельман. Он, используя модальность и личное местоимение, и утешает читателя (*dieses muss uns nicht befremden*), и строит гипотетическое умозаключение (*es würde verworren werden, wenn...*):

*Die erhabenen übermalten Figuren, welche sich zu Theben erhalten haben, **sollen**, wie des Osiris Kleidung gemalt war, ohne Abweichung und ohne Licht und Schatten sein. Dieses aber **muß** uns nicht so sehr als den, der es berichtet, befremden: denn alle erhobenen Werke bekommen Licht und Schatten durch sich selbst, sie **mögen** in weißem Marmor oder von einer andern einzigen Farbe sein, und es **würde** alles an ihnen verworren werden, wenn **man** im Übermalen derselben mit dem Erhobenen und Vertieften es wie in der Malerei **halten wollte*** [Winckelmann 1764: 49]. — «По-видимому, при раскраске рельефных фигур, сохранившихся в Фивах, не передавались оттенки цвета и игра светотени, о чем можно судить по одежде Осириса. Однако это не должно показаться нам столь же странным, как тому, кто сообщает об этом: ведь все рельефы сами по себе воплощают игру светотени, будь они из белого мрамора или из какого-нибудь другого одноцветного материала, и если бы, раскрашивая их, пытались, как в живописи, передавать выпуклости и углубления, то получился бы хаос».

³ Здесь и далее перевод приводится по: [Лессинг 1953].

Также к представленной стратегии относятся деперсонализация (употребление безличных конструкций, пассивного залога или конструкции *man* + V3, вводных фраз) и, как это ни парадоксально, персонализация. Использование личных местоимений первого лица в связке с перформативными глаголами может обеспечивать эффект мысленного отождествления описанных действий с субъектом, их совершившим. Подобные формулировки возлагают всю ответственность за анализ и результаты исследования на автора и сохраняют тем самым независимость читателя [Gil-Salom, Soler-Monreal 2009: 185]. Так, И. Г. Гердер в своих «Критических лесах», собираясь по пунктам объяснить, почему греческая поэзия носит элегический характер и полна сентиментальности, вводит этот список следующим образом: «Ich stecke einige Gesichtspunkte ab» [Herder 1769: 32]. Принимая во внимание, что это исследовательская гипотеза, которую надо доказать самостоятельно, И. Г. Гердер в данном случае ликвидирует на время равноправные отношения с читателем (коллега-исследователь обращается к коллеге-исследователю), используя местоимение первого лица и перформативный глагол *abstrecken*.

5. Выводы

На изученном материале показано, что авторы искусствоведческих текстов в XVIII в. использовали весь спектр «позитивных» и «негативных» формул вежливости. Из результатов данного исследования можно сделать несколько выводов. Во-первых, стиль академического письма не ограничивается простым перечислением набора фактов и суждений. Он также представляет взгляды и нравы автора. М. Фишер связывает формы вежливости с характерной для XVIII века придворной культурой с ее жесткими установками и многочисленными условностями. Впоследствии подобный расклад будет критиковаться представителями направления «*Sturm und Drang*» [Fischer 2021: 79]. Во-вторых, в ходе анализа было исследовано, что к стратегиям позитивной вежливости можно отнести стремление создать общую почву для разговора и показать готовность к кооперации, а к негативным — хеджирование, имперсонализацию и персонализацию. Каждая из упомянутых стратегий несет свою функцию. «Позитивная» вежливость стимулирует создание благоприятного образа исследователя, а «негатив-

ная» — смягчение категоричности высказанного. Историки искусства XVIII века еще активно ведут повествование от первого лица, что совсем не типично для современного научного письма.

Источники иллюстративного материала

Винкельман И. И. История искусства древности. Малые сочинения. СПб.: Алетейя, 2000. 800 с.

Лессинг Г. Э. Лаокоон, или О границах живописи и поэзии / пер. Е. Эдельсона под ред. Н. Н. Кузнецовой // Лессинг Г. Э. Избранные произведения. М.: Художественная литература, 1953. С. 385–516.

Herder J. G. Kritische Wälder. Oder Betrachtungen, die Wissenschaft und Kunst des Schönen betreffend. 3 Bde. Hartknoch, Riga 1769. URL: https://www.deutschestextarchiv.de/book/show/herder_kritische01_1769 (дата обращения: 29.01.2023).

Lessing G. E. Laokoon. Oder: Über die Grenzen der Malerei und Poesie. Mit beiläufigen Erläuterungen verschiedener Punkte der alten Kunstgeschichte, 1766. URL: <https://archive.org/details/laokoon00lessuoft/page/44/mode/2up> (дата обращения: 29.01.2023).

Winckelmann J. J. Geschichte der Kunst des Alterthums. Walther, Dresden, 1764. URL: https://www.deutschestextarchiv.de/book/show/winckelmann_kunstgeschichte01_1764 (дата обращения: 29.01.2023).

Литература

Власян Г. Р. Коммуникативная категория вежливости: проблема интерпретации // Вестник ЧелГУ. 2011. Вып. 33. С. 36–38. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnaya-kategoriya-vezhlivosti-problema-interpretatsii> (дата обращения: 29.01.2023).

Ларина Т. В. Эмоции и вежливость в стиле анонимной научной рецензии // Актуальные проблемы стилистики. 2019. Вып. 5. С. 40–46.

Нефедов С. Т. Критиковать или хвалить: стратегии профессиональной вежливости в научных социологических сообществах Германии и России. Универсальное и национальное в языковой картине мира: материалы V Междунар. науч. конф. Минск: МГЛУ, 2022. С. 23–25.

Agbaglo E. The Use of Politeness Strategies in the Analysis and Discussion Sections of English Research Articles // Research on Humanities and Social Sciences. 2017. Vol. 7, no. 19. P. 30–42.

Brown P., Levinson S. C. Politeness. Some universals in language usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 345 p.

Eckardt R. Sprache und Kontext: Eine Einführung in die Pragmatik. Berlin, Boston: De Gruyter, 2021. S. 310–321. <https://doi.org/10.1515/9783110491067-018>

Ehrhardt C. Höflichkeit // F. Liedtke, A. Tuchen (Hrsg.) *Handbuch Pragmatik*. Stuttgart: J. B. Metzler, 2018. S. 282–291. https://doi.org/10.1007/978-3-476-04624-6_28

Fischer M. Kritik der Höflichkeit. Zum Wandel einer Verhaltensform in der Epoche des Sturm und Drang // *Temeswarer Beiträge zur Germanistik*. Editura Morton. 2021. Nr. 18. S. 79–90.

Getkham K. Politeness strategies in research articles: A cross-disciplinary study // *PASAA*. 2013. Vol. 46. P. 47–74.

Gil-Salom L., Soler-Monreal C. Interacting with the reader: politeness strategies in Engineering research article discussions // *International journal of English studies*. 2009. No. 1. P. 175–189.

Koch P. Höflichkeit und Metonymie // Kimmich D., Matzat W. *Der gepflegte Umgang: Interkulturelle Aspekte der Höflichkeit in Literatur und Sprache*. Bielefeld: transcript Verlag, 2008. S. 143–184. <https://doi.org/10.1515/9783839408209-008>

Lakoff R. The Logic of Politeness: Or, Minding Your p's and q's // *Chicago. Linguistic Society*. 1973. No. 8. P. 292–305.

Myers G. The pragmatics of politeness in scientific articles // *Applied Linguistics*. 1989. Vol. 10, iss. 1. P. 1–35.

Myers G. 'In this paper we report...' Speech acts and scientific facts // *Journal of Pragmatics*, 1992. 17:4. P. 295–313.

Varwig O. Materialisierte Höflichkeit. Etikette und sozialer Code in der Briefkommunikation der Goethezeit am Beispiel der Korrespondenz August Wilhelm Schlegels // Kasper N., Kittelmann J., Strobel J., Vellusig R. *Die Geschichtlichkeit des Briefs: Kontinuität und Wandel einer Kommunikationsform*. Berlin, Boston: De Gruyter, 2021. S. 165–192. <https://doi.org/10.1515/9783110712568-009>

References

Agbaglo E. The Use of Politeness Strategies in the Analysis and Discussion Sections of English Research Articles. *Research on Humanities and Social Sciences*, 2017, vol. 7, no. 19, pp. 30–42.

Brown P., Levinson S. C. *Politeness. Some universals in language usage*. Cambridge, Cambridge University Press, 1987, 345 p.

Eckardt R. *Sprache und Kontext: Eine Einführung in die Pragmatik*. Berlin, Boston: De Gruyter, 2021, S. 310–321. <https://doi.org/10.1515/9783110491067-018>

Ehrhardt C. Höflichkeit. *Handbuch Pragmatik*. Liedtke F., Tuchen A. (Hrsg.) Stuttgart: J. B. Metzler, 2018, S. 282–291. https://doi.org/10.1007/978-3-476-04624-6_28

Fischer M. Kritik der Höflichkeit. Zum Wandel einer Verhaltensform in der Epoche des Sturms und Drang. *Temeswarer Beiträge zur Germanistik*. Editura Morton. 2021. Nr. 18, S. 79–90.

Getkham K. Politeness strategies in research articles: A cross-disciplinary study. *PASAA*, 2013, vol. 46, pp. 47–74.

Gil-Salom L., Soler-Monreal C. Interacting with the reader: politeness strategies in Engineering research article discussions. *International journal of English studies*, 2009, no. 1, pp. 175–189.

Koch P. Höflichkeit und Metonymie. Kimmich D., Matzat W. (Hrsg.), *Der gepflegte Umgang: Interkulturelle Aspekte der Höflichkeit in Literatur und Sprache*. Bielefeld: transcript Verlag, 2008, S. 143–184. <https://doi.org/10.1515/9783839408209-008>

Lakoff R. The Logic of Politeness: Or, Minding Your p's and q's. *Chicago Linguistic Society*. 1973. No. 8, pp. 292–305.

Larina T. Emotion and politeness in the style of an anonymous scientific review. *Aktual'nye problemy stilistiki*, 2019, no. 5, pp. 40–46. (In Russian)

Myers G. The pragmatics of politeness in scientific articles. *Applied Linguistics*, 1989, vol. 10, iss. 1, pp. 1–35.

Myers G. 'In this paper we report...' Speech acts and scientific facts. *Journal of Pragmatics*, 1992. 17:4, pp. 295–313.

Nefedov S. To criticise or to praise: strategies of professional politeness in the German and Russian scientific sociological communities. The universal and the national in the linguistic worldview. *Materials of 5th international scientific conference*, Minsk: MSLU Publ., 2022, pp. 23–25. (In Russian)

Varwig O. Materialisierte Höflichkeit. Etikette und sozialer Code in der Briefkommunikation der Goethezeit am Beispiel der Korrespondenz August Wilhelm Schlegels. Kasper N., Kittelmann J., Strobel J., Vellusig R. *Die Geschichtlichkeit des Briefs: Kontinuität und Wandel einer Kommunikationsform*. Berlin, Boston: De Gruyter, 2021, S. 165–192. <https://doi.org/10.1515/9783110712568-009>

Vlasyan G. The communicative category of politeness: a problem of interpretation. *Vestnik of Chelyabinsk University*, 2011, no. 33, pp. 36–38. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnaya-kategoriya-vezhlivosti-problema-interpretatsii> (accessed: 28.01.2023). (In Russian)

Яшкова Анна Валерьевна

аспирант кафедры немецкой филологии СПбГУ

Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Anna V. Iashkova

Postgraduate of German Philology Department, St. Petersburg State University

Address: 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

E-mail: avy98spb@gmail.com

Статья поступила в редакцию 31 января 2023 г.

Принята к публикации 26 апреля 2023 г.

IV. КАТЕГОРИЯ ВЕЖЛИВОСТИ В ПРАГМАТИЧЕСКОМ И ЛИНГВОДИСКУРСИВНОМ АСПЕКТЕ

УДК 811.112.2

К. А. ФИЛИППОВ

Санкт-Петербургский государственный университет

К ВОПРОСУ О ПРАГМАТИКЕ ВЕЖЛИВОГО НЕСОГЛАСИЯ С ПАРТНЕРОМ ПО КОММУНИКАЦИИ (на материале немецкого языка)

Для цитирования: *Филиппов К. А.* К вопросу о прагматике вежливого несогласия с партнером по коммуникации (на материале немецкого языка) // *Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете.* 2023. Вып. 13. С. 330–345. <https://doi.org/10.21638/spbu33.2023.118>

В каждом высказывании диалога наличествуют и у говорящего, и у слушателя более или менее отчетливые ожидания, требующие подтверждения или опровержения передаваемой информации. С помощью языковых средств утверждения и отрицания решается вопрос об обоснованности или необоснованности этих ожиданий. Любое отрицание как формальный отказ от согласия с противной точкой зрения фактически дезавуирует ожидание партнера. В условиях словесного противоборства (в беседе, дискуссии или споре) каждый участник имеет право подвергать сомнению позицию партнера и выдвигать свою собственную точку зрения. При этом соблюдение определенных правил вежливости позволяет смягчить категоричность выраженного несогласия, что позволяет продолжить обмен мнениями. Цель статьи состоит в выявлении и семантико-прагматическом анализе некоторых способов выражения вежливого несогласия в немецком языке. Материалом исследования послужили диалоги на немецком языке в различных функционально-коммуникативных сферах общения. Одним из способов выражения вежливого несогласия в диалоге является использование в ответе модальных модификаторов *leider*, *bedauerlicherweise* и др., выражающих сожаление говорящего по поводу несогласия с высказыванием партнера. Эти слова усиливают эмоциональную составляющую ответа и смягчают категоричность отказа, что может рассматриваться как своеобразное проявление вежливости. Другим способом выражения вежливого несогласия выступает переключение внимания собеседника с главной на побочную тему или построение ответной реплики с использованием словесного материала собеседника и с соблюдением норм вежливости. Ответное высказывание может состоять из двух частей: в первой части содержится согласие в предшествующим высказыванием, а во второй части приводятся доводы в пользу

своей позиции, например *Ja, aber...* Особняком стоит аргументационное наречие *allerdings*, несущее в себе противоположные содержательные признаки *JA-allerdings* и *NEIN-allerdings* и сигнализирующее о готовности к продолжению коммуникации.

Ключевые слова: лингвистическая прагматика, немецкий язык, диалог, вежливое несогласие, переключение фокуса внимания.

K. A. FILIPPOV
St. Petersburg State University

TO THE QUESTION ABOUT THE PRAGMATICS OF POLITE DISCORD WITH A COMMUNICATION PARTNER (based on the German language)

For citation: Filippov K. A. To the question about the pragmatics of polite discord with a communication partner (based on the German language). *German Philology in St. Petersburg State University*, 2023, iss. 13, pp. 330–345.
<https://doi.org/10.21638/spbu33.2023.118> (In Russian)

In a dialogue, both the speaker and the listener have expectations on the transmitted information that require confirmation or refutation. The validity or unreasonability of these expectations is stated with linguistic affirmation or negation. In a verbal confrontation, each participant has the right to question the position of the partner and put forward their own point of view. At the same time, following the rules of politeness makes it possible to smoothen the sharp angles while expressing disagreement. The article aims to identify and to carry out a semantic-pragmatic analysis of how polite disagreement is expressed in German. The material of the study are versatile dialogues in German. One way to express polite disagreement in a dialogue is to use the modal modifiers *leider*, *bedauerlicherweise*, etc. in the response, expressing the speaker's regret about disagreeing with the partners statement. These words enhance the emotional component of the response and soften the point-blank refusal, which can be considered as a kind of courtesy. Another way to express polite disagreement is to switch the interlocutor's attention from the main topic to a secondary topic or build a response using the interlocutor's verbal material and in compliance with the norms of politeness. The response statement can consist of two parts, an agreement with the previous statement and arguments in favor of the speaker's own position, for example, *Ja, aber...* Standing apart is the adverb *allerdings*, which conveys opposite meanings (*JA-allerdings* and *NEIN-allerdings*) and signals readiness to continue communication.

Keywords: linguistic pragmatics, German language, dialogue, polite disagreement, focus switching.

1. Теоретические основы вежливого несогласия в диалоге

В основе механизма обычного несогласия партнеров в ходе по коммуникации лежит фундаментальная дихотомия противоположных семантико-прагматических установок, регулирующих речевое

поведение участников диалогической коммуникации, а именно остановки на утверждение или отрицание определенного мнения, события, факта, явления и т. д. Применительно к теме настоящего исследования наиболее подходящей оказывается концепция организации диалога, представленная в «Текстовой грамматике немецкого языка» («Textgrammatik der deutschen Sprache») Х. Вайнриха. Ср.:

Каждое высказывание в диалоге выдает у говорящего и вызывает у слушателя более или менее отчетливые смысловые ожидания, сопровождающие только что произнесенный отрезок текста или предшествующие ему. Поэтому для правильного понимания текста важно, чтобы партнеры по диалогу постоянно согласовывали друг с другом свои ожидания и либо их подтверждали, либо отвергали. Это происходит посредством языковых знаков утверждения и отрицания, с помощью которых решается обоснованность ожидания¹ [Weinrich 2003: 861].

Соответственно такому подходу, каждое отрицание (или отказ принимать утверждение) противоречит ожиданию согласия со стороны говорящего и нивелирует его. В результате такой «остановки ожидания» (*Erwartungsstopp*) происходит переориентация языковой игры (*wird das Sprachspiel umorientiert*): теперь всё снова открыто для новых значений и новых утверждений (*es ist nun wieder alles offen für neue Bedeutungen und neue Feststellungen*). Вновь возникающая бинарная оппозиция между утверждением и отрицанием включает в себя семантические признаки «одобрение» (*Zuspruch*) и «возражение» (*Einspruch*), и, таким образом, существующее ожидание партнера по диалогу либо принимается, либо прекращается (подробнее см.: [Weinrich 2003: 864]).

Появление новой переменной величины в дихотомии «согласие/несогласие», а именно необходимости соблюдения определенных правил вежливости в диалоге, переводит данную семантическую проблему в прагматическую плоскость. Очень точно зыбкость со-

¹ См. оригинал: «Jede Äußerung im Dialog verrät beim Sprecher und weckt beim Hörer mehr oder weniger deutliche Sinnerwartungen, die das gerade geäußerte Textsegment begleiten oder ihm voraussehen. Für das richtige Verständnis des Textes ist es daher wichtig, daß die Dialogpartner ihre Erwartungen immer wieder miteinander abstimmen und sie entweder bestätigen oder zurückweisen. Das geschieht durch die Sprachzeichen der Affirmation und der Negation, durch die über die Berechtigung der Erwartung entschieden wird».

держательного толкования правил вежливости в различных социумах и культурах определяет Р. Конрад:

Абстрактный принцип вежливости в качестве универсальной максимы «Будь вежлив!» практически лишен содержания, так как для того, чтобы быть вежливым, то есть уметь действовать некоторым правильным образом, следует знать, что значит быть вежливым, то есть знать, что и при каких обстоятельствах расценивается как вежливость. Таким образом, если принимать этот принцип в качестве аргумента для объяснений, необходимо всего уметь ответить на вопрос, что именно и в каких конкретных обстоятельствах считается вежливым. Только в том случае, если принцип вежливости наполнен содержанием, он может работать, в противном случае он не имеет никакой ценности для реального диалога и не в состоянии ничего объяснить [Конрад 1985: 369–370].

По мнению немецких грамматистов Г. Хельбига и Х. Альбрехт, участники диалога при общении постоянно используют так называемые готовые речевые единицы (*fertige sprachliche Einheiten*) [Helbig, Albrecht 1990: 49], применяемые для выражения своей интенции в постоянно меняющейся ситуации спонтанного диалога, тем более при необходимости выразить свое несогласие с партнером по коммуникации, например для выражения явного несогласия (*Nein! Niemals! Keineswegs! Ich glaube das nicht! Das stimmt nicht!*) или для выражения несогласия с последующим обоснованием (*Ich bin nicht davon überzeugt, dass..., Das schließt nicht aus, dass..., Es kommt nicht darauf an, dass...*) и т. д. (см.: [Helbig, Albrecht 1990: 50]).

В своей концепции разовых высказываний В. Г. Адмони также говорит об использовании готовых формул в диалоге:

Особенного внимания заслуживает то обстоятельство, что, несмотря на свою разовость, подобные высказывания, особенно краткие, в значительной степени стандартизованы. Достаточно упомянуть употребление форм *да* и *нет* при ответе на вопрос. Впрочем, множество стандартизованных форм и более развернутого вида можно встретить в любом диалоге, притом не только в бытовом. Всякая речь почти сплошь состоит из подобных формул [Адмони 1994: 73].

Но даже употребление кратких формул несогласия может таить в себе множество семантико-прагматических нюансов И. А. Шаро-

нов приводит пример экспериментального использования в одном контексте близких по значению единиц с центральным компонентом *нет* при выражении отрицания и несогласия: — *Вы знаете Марию Ивановну!* (1) — *Нет*; (2) — *Да нет*; (3) — *О нет*; (4) — *Нет-нет*; (5) — *Э, нет*; (6) — *Нет уж*; (7) — *Ну нет*. В результате автор приходит к выводу, что «каждый из вариантов ответа, начиная со второго, либо требует особых условий употребления, либо вообще невозможен для такого левого контекста» [Шаронов 2019: 151].

Самое главное — помнить, что несогласие с партнером по коммуникации остается несогласием, несмотря на различные прагматические ухищрения в виде формул вежливости, призванных смягчить или завуалировать несогласие.

2. Разновидности вежливого несогласия с партнером по коммуникации в диалоге

При описании семантико-прагматических особенностей выражения вежливого несогласия в диалоге (т. е. соблюдения определенных правил речевого этикета) необходимо учитывать то обстоятельство, что, по словам З. Вендлера, «иллокутивная цель этикетного поведения состоит в том, чтобы выразить отношение говорящего к поступкам или качествам слушающего — похвалу, порицание, благодарность, отвращение и т. п.» [Вендлер 1985: 247].

В немецкой лингвистической прагматике описание особенностей вежливого поведения в коммуникации связывается с разграничением так называемых негативной и позитивной разновидностей вежливости; ср.:

Es leuchtet ein, dass es dann auch negative Höflichkeit und positive Höflichkeit gibt. Ich bin negativ höflich, wenn ich mich zum Beispiel dafür entschuldige, dass ich dem anderen etwas zumute, was ihn Zeit und Kraft kostet. Meine Zumutung schränkt je seine Handlungsfreiheit ein. Ich bin positiv höflich, wenn ich ihn in seiner Handlungsweise bestärke, wenn ich ihn lobe oder Solidarität mit ihm zeige [Meibauer 2006: 115]. — «Отсюда следует, что существует также негативная вежливость и позитивная вежливость. Я негативно вежлив, когда, например, извиняюсь за то, что навязываю собеседнику что-то, что стоит ему времени и сил. Мое навязывание ограничивает его свободу действий. Я позитивно вежлив, когда

поощряю его действия, когда хвалю его или проявляю солидарность с ним».

В связи с тем, что основное внимание в настоящем исследовании уделяется случаям несогласия с партнером по коммуникации, то в первую очередь оно посвящено описанию фактов негативной вежливости.

2.1. Корректные способы выражения вежливого несогласия / вежливого отказа в диалоге

Категоричность отказа партнеру по коммуникации может быть ослаблена посредством введения в ответную реплику модальных слов, оказывающих воздействие на семантику всего высказывания. Так, в диалоге *Hol mich bitte vom Bahnhof ab! — Ich kann dich leider nicht abholen.* [Helbig, Albrecht 1990: 67] влияние модального детерминанта *leider* ('к сожалению'), выражающего, согласно Г.Н. Эйхбаум, «эмоционально-оценочное отношение говорящего к содержанию высказывания» (см.: [Эйхбаум 1996: 173–174]), сказывается на семантике всей ответной реплики. С.Т. Нефедов считает, что такие модальные детерминанты нередко «берут на себя экспрессивную функцию усиления значения предиката» [Нефедов 2022: 190]. В рассматриваемом случае усиление эмоциональной составляющей отказа в выполнении просьбы свидетельствует о смягчении категоричности самого отказа и о проявлении акта вежливости по отношению к партнеру.

Одним из распространенных способов корректного выражения несогласия с партнером по коммуникации заключается в использовании предшествующего высказывания своего собеседника в качестве отправной точки для последующего вежливого отказа. Ниже приводятся два примера, взятые из разных функционально-коммуникативных сфер немецкого языка.

Так, в историческом анекдоте речь идет о встрече между директором Венского театра Генрихом Лаубе и неким высокопоставленным чиновником, обратившимся к нему с просьбой поставить в венском театре комедию собственного авторства. Ср.:

Eines Tages erschien bei Heinrich Laube ein hoher Beamter und sagte:
„Ich habe ein Lustspiel geschrieben, und es würde mich sehr freuen,

wenn Sie es aufführen wollten. Ich verlange kein Honorar, denn ich schreibe natürlich nur zu meinem Vergnügen“. Darauf antwortete Laube höflich, aber deutlich: „Ich glaube, Sie werden sich an jemanden anderen anders wenden müssen, Herr Hofrat, denn ich nehme grundsätzlich nur solche Stücke an, die zum Vergnügen des Publikums geschrieben werden“ [Buscha, Buscha 1981: 32–33]. — «Однажды к Генриху Лаубе пришел высокопоставленный чиновник и сказал: “Я написал комедию и был бы очень рад, если бы вы взяли ее поставить. Гонорара я не прошу, так как, конечно, пишу только для собственного развлечения”. На это Лаубе вежливо, но четко ответил: “Думаю, вам придется обратиться к кому-нибудь другому, господин советник, потому что я принципиально принимаю только те пьесы, которые написаны для удовольствия публики”».

В ответной вежливой реплике — что подтверждается авторской ремаркой *höflich, aber deutlich* — директора Лаубе отсутствует категоричное выражение отказа с использованием отрицания *Nein!* или *Keineswegs!* Тем не менее ответ на просьбу чиновника не может быть истолкован иначе, чем отказ, высказанный с соблюдением всех правил этикета и содержащий не только обоснование отказа, но и способ преодоления возникшего разногласия.

Другим примером использования слов собеседника как отправной точки для отказа в продолжении коммуникации может служить ответная реплика на неуклюжую попытку познакомиться с дамой в каком-либо общественном месте; ср.: *Ich beobachte Sie schon den ganzen Abend von da drüben. — Dann gehen Sie zurück und beobachten Sie weiter* (пример взят из: [Willen 2008: 75]). — «Я весь вечер наблюдаю за вами вот оттуда. — Тогда возвращайтесь назад и продолжайте наблюдать». В данном примере также отсутствует эксплицитный маркер категоричного отказа, тем не менее смысл ответного высказывания заключается именно в вежливом отказе от продолжения беседы.

2.2. Несогласие посредством переключения фокуса внимания с главного вопроса на побочную тему

Одним из способов выражения несогласия является отвлечение внимания говорящего от интересующей его темы. Для этой цели ответная реплика строится таким образом, чтобы переключить внимание собеседника на второстепенные детали.

В следующем примере первая реплика диалога оформлена в виде частного вопроса, содержащего просьбу объяснить свое невежливое поведение. Но в ответной реплике партнер отказывается признать справедливость косвенного упрека, выраженного этим вопросом, и пытается переложить вину в конфликте на другую сторону; ср.: A: *Warum hast du dich bei Nastassja nicht entschuldigt?* — B: *SIE hat MICH beleidigt!* (пример взят из: [Meibauer 2006: 160]) — «А: Почему ты не извинился перед Настасьей? — Б: Это она́ меня оскорбила!» В результате происходит переключение «проекции фокуса» (*Fokusprojektion*) в диалоге на виновницу конфликта *SIE hat MICH beleidigt!*, что позволяет ему так обосновать свое несогласие с партнером². (Подробнее об особенностях членения высказывания в системе «фокус — подтекст» (*Fokus — Hintergrund*) см.: [Meibauer 2006: 149–160]).

Аналогично предыдущему примеру иницирующая реплика может быть оформлена не в форме вопроса, а в форме утверждения, как, например, это представлено в споре двух футбольных фанатов; ср.: A: *Olli hat das Goldene Goal geschossen.* — B: *Nicht OLLI hat das Tor geschossen, es war MATZE* (пример взят из: [Meibauer 2006: 153]) — «А: Олли забил золотой гол. — В: Не Олли забил гол, а Матце». В ответе другого участника спора содержится не только эксплицитно выраженное несогласие с партнером, но и предлагается альтернативная точка зрения. Точно так же в диалоге между учителем и ученицей представлен другой распространенный вариант вежливого несогласия в виде грамматически выверенного встречного вопроса, переключающего внимание учителя на себя самого; ср.: *Es seufzte der Lehrer: „Musst du immer das letzte Wort haben, Dagmar?“* — *„Aber, Herr Weber, woher soll ich denn wissen, dass Sie nichts mehr sagen wollen?“* [Freche Lehrerwitze 2002: 96]. — «Учитель вздохнул: “Последнее слово всегда должно быть за тобой, Дагмар” — “Но, господин Вебер, как же мне узнать, что вы не хотите больше ничего сказать?”»

Интересно, что такие случаи фиксируются также в записях естественной разговорной речи. Ниже приводится запись спонтанного диалога, взятого из книги К. Бринкера и С. Загера «Лингвистический анализ разговорной речи» (*«Linguistische Gesprächsanalyse»*)

² Подробнее об особенностях членения высказывания в системе «фокус — подтекст» (*Fokus — Hintergrund*) см.: [Meibauer 2006: 149–160]).

с сохранением металингвистических особенностей транскрипционной записи оригинального спонтанного диалога. Ср.:

- 1 A: und äh äh noch eine zahl die den erfolg äh
2 charakterisiert in wieviel exemplaren sind
3 Ihre bücher in wieviel stück
4 B: hm
5 A: sind sie verkauft?
6 B: ich schreibe bücher aber ich zähle sie nicht (пример взят из: [Brinker, Sager 1996: 64]).

В этом диалоге интерес представляют два высказывания, образующие (в более привычной записи) вопросно-ответное единство: A: *In wieviel Exemplaren sind Ihre Bücher verkauft?* — B: *Ich schreibe Bücher, aber ich zähle sie nicht.* В реплике участника А содержится конкретный вопрос, предполагающий получение точной информации о количестве проданных книг. В ответной реплике отсутствует какая-либо информация по запросу А, но зато содержится уклончивое объяснение причины такого отказа на запрос: «Я пишу книги, а не считаю их».

2.3. Отказ от общения как один из способов выражения вежливого несогласия

Римский поэт и драматург Публилий Сир (I в. до н.э.) приводит один из возможных кратких (и весьма действенных) вариантов вежливого отказа: «На просьбу вежливый отказ — молчание» (цит. по: [Энциклопедия афоризмов 2007: 799]). В сборнике разговорных формул немецкого языка «на все случаи жизни» (*für alle Lebenslagen*) Г.Виллен среди возможных вариантов ответа на нежелательные вопросы приводит следующую реплику: *Gute Frage, nächste Frage* [Willen 2008: 29]). Тем самым говорящий, которому по каким-либо причинам не нравится поставленный вопрос, попросту игнорирует его и при этом никак не объясняет причину отказа.

Нередко один из партнеров по коммуникации стремится избежать какого-либо общения с другим участником, прибегая к помощи третьего лица / третьих лиц. В приведенном ниже фрагменте телефонного разговора коммуникация совершается между представителем некоей фирмы и секретаршей директора другой фирмы

(*die Sekretärin von Herrn Direktor Klein*), которая в вежливой форме пытается огрადить своего начальника от нежелательного общения:

„Hier ist die Sekretärin von Herrn Direktor Klein.“

„Ist Herr Direktor Klein zu sprechen?“

„Privat oder dienstlich?“

„Dienstlich. Es handelt sich um die für vergangenen Monat fest zugesagten Lieferungen! —

„Einen Augenblick bitte!“

Nach drei Minuten kommt die Sekretärin wieder an den Apparat und sagt:

„Hallo! Ich erfahre soeben, dass Herr Direktor Klein seit acht Wochen verreist ist!“

Was soll man dazu sagen? [Brehm 1963: 115].

«— Это секретарь директора Клейна.»

— Можно поговорить с господином директором Клейном?

— По частному вопросу или по делу?

— По делу. Речь идет о поставках, которые были твердо обещаны на прошлый месяц!» —

— Одну минуту, пожалуйста!»

Через три минуты секретарь снова берет трубку и говорит: «Алло! Мне только что сообщили, что директор Клейн уехал на восемь недель!»

Ну, что на это скажешь?»

Учитывая, что и все дальнейшие попытки представителя фирмы связаться с директором Клейном оказались безуспешными, этот случай, несмотря на внешне корректное речевое поведение собеседницы, вряд ли можно назвать вежливым отказом от коммуникации. Прагматическое содержание данного приема состоит в нежелании одного из партнеров дать какой-либо ответ на обращение партнера и побудить его самого прекратить всякие попытки общения (подробнее об искусстве ведения спора см.: [Ивин 1997: 314–327]).

2.4. Компромисс как средство вежливого разрешения противоречий в диалоге

В современной теории аргументации представлены основы ведения словесного противоборства, включая правила, которыми, как правило, руководствуются участники коммуникации; ср.:

Таким образом, одна из первых задач при формулировании правил критической дискуссии — обеспечить оптимальную экспликацию. Это означает, что участники дискуссии должны быть способны выдвигать любую точку зрения и ставить под сомнение любую точку зрения. Гарантия того, что это возможно, может быть получена путем явного предоставления права каждому участнику дискуссии *безусловного* права выдвигать или подвергать сомнению любую точку зрения по отношению к любому другому участнику дискуссии [Еемерен, Гроотендорст 2021: 173].

Если исходить из обиходного понимания слова «компромисс» как «соглашения на основе взаимных уступок» [Крысин 2014: 157], то прагматической пресуппозицией данного положения дел является наличие некоего разногласия между участниками коммуникации, которое должно быть разрешено каким-либо образом. Такое объяснение понятия компромисс хорошо согласуется с одним из важных постулатов теории аргументации, касающихся искусства ведения спора как словесного противоборства. А. А. Ивин, говоря о двух крайних способах ведения спора — жесткости и уступчивости, уточняет:

Жесткость необходима, когда речь идет о существовании вопроса; если же дело касается деталей, частных, личностных моментов, субъективных симпатий и антипатий, обычно лучше проявить уступчивость и терпимость. Это позволит решать сложные спорные вопросы по существу, минуя мелкие препирательства и вместе с тем не поступаясь своими взглядами и своим достоинством [Ивин 1997: 344].

Наиболее часто случаи словесного противоборства, в которых необходимо, с одной стороны, жестко отстаивать свою позицию, а с другой стороны, гибко (и тактично) реагировать на аргументы партнера, встречаются в ходе ведения дискуссий на научные и политические темы. Так, Х. Баслер на основе анализа высказываний оппонентки основного докладчика характеризует выбранную ею стратегию полемики как классическую стратегию вежливого ведения дискуссии «да, но...»:

Diese klassische *ja-aber-Strategie* mit vorangestellter positiver Bewertung ist damit eine Höflichkeitsstrategie, mit der die Disputantin ihren nachfol-

genden Einwand und damit Kritik an dem Vortragenden abschwächt. Für explizit negative Äußerungen scheint in den deutschen Diskussionen keine Präferenz zu bestehen [Baßler 2007: 146].

Однако нельзя полагать, что стратегия *ja-aber* применяется только в ходе дискуссий на научные или политические темы. Подтверждением такого наблюдения может служить следующий диалог, взятый из пособия по грамматике немецкого языка; ср.: *Soll ich den Text schneller lesen? — Ja, bitte. Aber nicht zu schnell* (пример взят из: [Helbig, Albrecht 1990: 66]). — «Мне читать текст быстрее? — Да, пожалуйста. Но не слишком быстро». На вопросительную реплику *Soll ich den Text schneller lesen?* партнер сначала отвечает вежливой утвердительной формулой *Ja, bitte*, после чего вносит добавочное условие своего согласия *Aber nicht zu schnell*.

Особо следует остановиться на высказываниях, содержащих так называемое аргументационное наречие *allerdings*, содержащее, по мнению Е. Брейндль, противоположные семантические признаки (*JA-allerdings* и *NEIN-allerdings*) и сигнализирующее о возможном продолжении коммуникации, несмотря на наличие разногласий в позициях партнеров (см.: [Breindl 2003: 73]). В качестве примера можно привести высказывание, типичное для начала выступления какого-либо оппонента; ср.: *Gegen folgende Punkte habe ich **allerdings** Einwände*³. — «По следующим пунктам у меня есть, однако, возражения».

Дело в том, что, как отмечает Х. Вайнрих, основное содержание аргументационных наречий (*Argumentations-Adverbien*) с противительным значением типа *allerdings*, *andererseits*, *doch*, *freilich*, *immerhin* и др. состоит в желании говорящего внести в процесс аргументации дополнительный аргумент или контраргумент («*bringt der Sprecher zum Ausdruck, dass im Gang der Argumentation noch ein Zusatz- oder Gegenargument bedacht werden soll*») [Weinrich 2003: 604]. В подтверждение своих слов Вайнрих приводит пример, взятый, вероятно, из дискуссии по вопросам студенческой жизни; ср.: *eine Zulassungsprüfung kann zur eigenen Kontrolle dienen, allerdings ist sie auch ein Mittel, die Studentenzahlen zu reduzieren*. — «Вступительные испытания могут служить средствомсамоконтроля, но они также являются

³ Пример взят из: URL: <https://de.bab.la/beispiele/deutsch/folgende-punkte> (дата обращения: 18.01.2023).

средством сокращения численности студентов» [Weinrich 2003: 604]. (Другие примеры употребления слова *allerdings* в немецких текстах см.: [Филиппов 2007].)

4. Краткие выводы

Среди способов выражения вежливого несогласия в диалоге выступают следующие приемы прагматического воздействия на партнера по коммуникации:

- включение в состав ответной реплики модальных модификаторов типа *leider*, *bedauerlicherweise* и др., выражающих сожаление по поводу несогласия с партнером, что является выражением вежливости по отношению к партнеру;
- оформление вежливого несогласия посредством переключения фокуса внимания партнера с главной темы на другую тему, в том числе с использованием словесного материала партнера или построения ответной реплики в виде встречного вопроса с соблюдением норм вежливости;
- отказ от коммуникации, оформленный в соответствии с соблюдением речевого этикета, что свидетельствует о стремлении побудить своего собеседника отказаться от дальнейшего общения;
- построение ответного высказывания, состоящего из двух частей, в первой из которых содержится вежливое согласие с предшествующим высказыванием партнера, а во второй части приводятся доводы в пользу своей позиции, например при помощи конструкции *Ja, aber...*;
- использование в ответной реплике аргументационного наречия *allerdings*, несущего в себе противоположные содержательные признаки (*JA-allerdings* и *NEIN-allerdings*) и сигнализирующего о возможном продолжении коммуникации, несмотря на существующие разногласия.

Источники иллюстративного материала

Brehm E. Am Telefon // Lachen und lachen lassen. Ein heiteres Vortragsbuch / Hrsg. von J. Schulz. Berlin: Eulenspiegel Verlag, 1963. S. 115–117.

Buscha A., Buscha J. Sprachscherze. Anekdoten für den Ausländerunterricht. Leipzig: Enzyklopädie, 1981. 224 S.

Freche Lehrerwitze / Hrsg. von T. Stein. München: Wilhelm Heyne Verlag, 2002. 128 S.

Willen G. Niveau ist keine Hautcreme. Gepflegte Sprüche für alle Lebenslagen. 7. Aufl. Berlin: Ullstein Verlag, 2008. 223 S.

Справочные материалы

Крысин Л. П. Современный словарь иностранных слов. М.: АСТ-Пресс Книга, 2014. 416 с.

Энциклопедия афоризмов и мыслей великих людей / сост. А. Семёнов. М.: АСТ; Донецк: Сталкер, 2007. 896 с.

Литература

Адмони В. Г. Система форм речевого высказывания. СПб.: Наука, 1994. 154 с.

Вендлер З. Иллокутивное самоубийство // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика / общ. ред. Е. В. Падучевой. М.: Прогресс, 1985. С. 238–250.

Еемерен Ф. Х., Гроотендорст Р. Систематическая теория аргументации: прагма-диалектический подход / под общ. ред. О. А. Доманова. М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2021. 264 с.

Ивин А. А. Основы теории аргументации. М.: ВЛАДОС, 1997. 352 с.

Конрад Р. Вопросительные предложения как косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI: Лингвистическая прагматика / общ. ред. Е. В. Падучевой. М.: Прогресс, 1985. С. 349–383.

Нефедов С. Т. Теоретическая грамматика немецкого языка. Синтаксис. Текст: учебник. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2022. 374 с.

Филиппов К. А. Некоторые наблюдения над семантикой и прагматикой немецкого слова *allerdings* // Типология языка и теория грамматики: материалы междунар. конф. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 195–196.

Шаронов И. А. Поиск и описание коммуникативов на основе Национального корпуса русского языка // Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход / под общ. ред. В. И. Заботкиной. 2-е изд. М.: Издательский дом ЯСК, 2019. С. 141–183.

Эйхбаум Г. Н. Теоретическая грамматика немецкого языка / под ред. Л. Р. Зиндера. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1996. 276 с.

Baßler H. Diskussionen nach den Vorträgen bei wissenschaftlichen Tagungen // Reden und Schreiben in der Wissenschaft / Hrsg. von P. Auer, H. Baßler. Frankfurt; New York: Campus Verlag, 2007. S. 131–154.

Breindl E. Das Rätsel um das paradoxe *allerdings*: (K)ein Fall für die Textgrammatik der deutschen Sprache? // Am Anfang war der Text. 10 Jahre „Textgramma-

tik der deutschen Sprache“ / Hrsg. von M. Thurmair und E.-M. Willkop. München: IUDICIUM Verlag, 2003. S. 73–94.

Brinker K., Sager S. *Linguistische Gesprächsanalyse. Eine Einführung*. 2. Aufl. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 1996. 208 S.

Helbig G., Albrecht H. *Die Negation*. 5. Aufl. Leipzig: Verlag Enzyklopädie, 1990. 72 S.

Meibauer J. *Pragmatik. Eine Einführung*. Tübingen: Stauffenburg Verlag, 2006. 208 S.

Weinrich H. *Textgrammatik der deutschen Sprache*: 2. Aufl. Hildesheim; Zürich, New York, 2003. 1111 S.

References

Admoni V. G. *Speech utterance forms system*. St. Petersburg, Nauka Publ., 1994. 154 p. (In Russian)

Baßler H. Diskussionen nach den Vorträgen bei wissenschaftlichen Tagungen. *Reden und Schreiben in der Wissenschaft*. Hrsg. von P. Auer, H. Baßler. Frankfurt; New York: Campus Verlag, 2007. S. 131–154.

Breindl E. Das Rätsel um das paradoxe allerdings: (K)ein Fall für die Textgrammatik der deutschen Sprache? *Am Anfang war der Text. 10 Jahre „Textgrammatik der deutschen Sprache“*. Hrsg. von M. Thurmair, E.-M. Willkop. München, IUDICIUM Verlag, 2003, S. 73–94.

Brinker K., Sager S. *Linguistische Gesprächsanalyse. Eine Einführung*. 2. Aufl. Berlin, Erich Schmidt Verlag, 1996. 208 S.

Conrad R. Interrogative sentences as indirect speech acts. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Iss. XVI: Lingvisticheskaia pragmatika*, ed. by E. V. Paducheva. Moscow, Progress Publ., 1985, pp. 349–383. (In Russian)

Eemeren F. H. van, Grootendorst R. *Systematic Argumentation Theory: The Pragma-Dialectic Approach*, ed. by O. A. Domanov. Moscow, KANON+ ROOI “Reabilitatsiia” Publ., 2021, 264 p. (In Russian)

Eichbaum G. N. *Theoretical grammar of the German language*, ed. by L. R. Zinder. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 1996, 276 p. (In Russian)

Filippov K. A. Some observations on the semantics and pragmatics of the German word allerdings. *Tipologija iazyka i teorii grammatiki. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii*. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2007, pp. 195–196. (In Russian)

Helbig G., Albrecht H. *Die Negation*. 5. Aufl. Leipzig, Verlag Enzyklopädie, 1990, 72 S.

Ivin A. A. *Fundamentals of the argumentation theory*. Moscow, VLADOS Publ., 1997, 352 p. (In Russian)

Meibauer J. *Pragmatik. Eine Einführung*. Tübingen, Stauffenburg Verlag, 2006, 208 S.

Nefedov S. T. *Theoretical grammar of the German language. Syntax. Text.* St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2022, 374 p. (In Russian)

Sharonov I. A. Search and description of communicatives based on the National Corpus of the Russian Language. *Metody kognitivnogo analiza semantiki slova: komp'iuterno-korpusnyi podkhod*, ed. by V. I. Zabolotkina. 2nd ed. Moscow, Izdatel'skiy dom YASK Publ., 2019, pp. 141–183. (In Russian)

Vendler Z. Illocutionary suicide. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Iss. XVI: Lingvisticheskaya pragmatika*, ed. by Ye. V. Paducheva. Moscow, Progress Publ., 1985, pp. 238–250. (In Russian)

Weinrich H. *Textgrammatik der deutschen Sprache: 2. Aufl.* Hildesheim; Zürich, New York, 2003. 1111 S.

Филиппов Константин Анатольевич

профессор кафедры немецкой филологии СПбГУ, доктор филологических наук
Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Konstantin A. Filippov

Professor of German Philology Department, St. Petersburg State University,
Doctor of Philological Sciences
Address: 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

E-mail: k.filippov@spbu.ru

Статья поступила в редакцию 20 января 2023 г.

Принята к публикации 26 апреля 2023 г.

**КОММУНИКАТИВНО-РЕЧЕВАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ КАТЕГОРИИ
ВЕЖЛИВОСТИ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ
ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

Для цитирования: *Цуциева М. Г.* Коммуникативно-речевая реализация категории вежливости в современном немецком политическом дискурсе // *Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете.* 2023. Вып. 13. С. 346–357. <https://doi.org/10.21638/spbu33.2023.119>

Статья посвящена анализу коммуникативно-речевой реализации категории вежливости в современном немецком политическом дискурсе, связанной с проявлением таких профессионально-личностных качеств его основного когнитивно-речевого субъекта — политика, как политкорректность, персуазивность и др. Анализ проводится на материале текстов современного немецкого политического дискурса. Теоретико-методологическую основу анализа составляют научные труды по теории дискурса и текста, политической лингвистике, прагмалингвистике, социолингвистике, лингвокультурологии. Принимается понимание категории вежливости как междисциплинарного динамического феномена, особенность которого проявляется в том, что он, с одной стороны, регулирует коммуникативную деятельность человека, а с другой стороны, определяет эффективность его взаимодействия с другими субъектами, обусловленное нормами и ценностями соответствующей социальной и лингвокультуры. Сложная биполярная система категории вежливости, в основе которой динамичная шкала коммуникативных стратегий и языковых средств выражения как официально-вежливого, так и эмоционально-экспрессивного обращения, актуализируется в различных типах дискурсов. При анализе особенностей выражения категории вежливости в современном немецком политическом дискурсе учитывается синкретизм ее функций, прежде всего этической, которая реализуется, например, в знании и применении политиком этических норм и правил, проявлении тактичности, уважения к политическому оппоненту, и персуазивной, то есть функции воздействия, при реализации которой вежливость используется политиком как инструмент для достижения целей в борьбе за власть. Взаимодействие и взаимовлияние основных функций категории вежливости показаны на примере реализации языковой личностью немецкого политика коммуникативной стратегии диалогизации в различных ситуациях политического дискурса. В статье обосновывается тезис о том, что, создавая квазиреальность диалога, используя речевые формы и формулы вежливости, политик оказывает воздействие на аудиторию для достижения политических целей.

Ключевые слова: категория вежливости, политический дискурс, языковая личность немецкого политика, синкретизм, стратегия диалогизации.

COMMUNICATIVE-SPEECH REALIZATION OF THE CATEGORY OF POLITENESS IN MODERN GERMAN POLITICAL DISCOURSE

For citation: Tsutsieva M. G. Communicative-speech realization of the category of politeness in modern German political discourse. *German Philology in St. Petersburg State University*, 2023, iss. 13, pp. 346–357.
<https://doi.org/10.21638/spbu33.2023.119> (In Russian)

The article is devoted to the analysis of the communicative-speech implementation of the category of politeness in modern German political discourse, associated with the manifestation of such professional and personal qualities of its main subjects — politician, as political correctness, persuasiveness, etc. The analysis is carried out on the material of the texts of modern German political discourse. The methodological basis of the analysis is scientific works on the theory of discourse and text, political linguistics, pragmalinguistics, sociolinguistics, cultural linguistics. The understanding of the category of politeness as an interdisciplinary dynamic phenomenon is accepted. The complex bipolar system of the category of politeness, which is based on a dynamic scale of communicative strategies and linguistic means of expressing both formally polite and emotionally expressive address, is updated in various types of discourses. When analyzing the features of the expression of the category of politeness in modern German political discourse, the syncretism of its functions, primarily ethical and persuasive, is taken into account. The interaction and mutual influence of the main functions of the category of politeness are shown on the example of the implementation of the communicative strategy of dialogization by the linguistic personality of a German politician in various situations of political discourse. The article substantiates the thesis that by creating a quasi-reality of dialogue, using speech politeness formulas, a politician has an impact on the audience to achieve political goals.

Keywords: politeness category, political discourse, linguistic personality of a German politician, syncretism, dialogization strategy.

1. Категория вежливости как междисциплинарный лингвистический феномен

Категория вежливости — это междисциплинарный динамический феномен, интерес к которому проявляют ученые — представители различных гуманитарных исследовательских направлений, в том числе лингвистики (см., например: [Brown, Levinson 1978; Карасик 2007; Ларина 2009; Leech 2014; Ерзинкян 2018]).

Специфика вышеназванной категории проявляется, в частности, в том, что она регулирует поведение человека и влияет на него в коммуникативной среде и определяет эффективность его

коммуникативной деятельности. Проявление вежливости, в свою очередь, детерминируется как нормами и ценностями соответствующей социальной и лингвокультуры, так и особенностями дискурса и речевого поведения его основных субъектов. Специфика выбора языковой личностью различных форм и формул вежливости ситуативно обусловлена, в основе взаимодействия субъектов — взаимное уважение и соблюдение общественных норм и правил [Богданова 2009: 11]. В современном немецком языке концепт «вежливость» объективируется в основном такими лексемами, как *вежливость* (нем. *Höflichkeit*), *любезность* (нем. *Nettigkeit*), и *дружелюбие* (нем. *Freundlichkeit*).

Феномен вежливости изучается с точки зрения различных подходов, при этом наиболее актуальным можно считать дискурсивный подход, при котором вежливость рассматривается в аспекте речевых высказываний языковой личности в дискурсивном пространстве коммуникативного взаимодействия (см., например: [Locher, Watts 2008]). Понятие лингвистической вежливости учитывает многообразие социокультурных норм и ценностей, индивидуальные особенности конкретного субъекта коммуникации в процессе его дискурсивной актуализации с учетом его личного социального опыта, по П. Бурдьё, его габитуса [Bourdieu 1977; Ерзинкян 2018].

Традиционно выражение вежливости связано с понятием гармоничного эффективного общения, равноправным взаимодействием как минимум двух языковых личностей, соблюдающих соответствующие этические нормы. Однако следует заметить, что в различных лингвистических работах категория вежливости рассматривается как сложная биполярная система, в основе которой структура в виде динамичной шкалы (диапазона) коммуникативных стратегий и языковых средств выражения как официально-вежливого, так и эмоционально-экспрессивного обращения. Таким образом, изучается как категория вежливости (позитивная, негативная), так и категория невежливости (см., например: [Brown, Levinson 1977]). В различных ситуациях дискурса одна и та же (не)вежливая фраза приобретает различный смысл, что обусловлено в том числе спецификой межсубъектного взаимодействия участников коммуникации. Исследуя категорию вежливости, Т.В.Ларина отмечает, что в процессе коммуникации языковые личности реализуют два типа речевых стратегий — негативной вежливости (дистанцирования) и позитивной вежливости (сближения) в зависимости от того, что

является целью их коммуникации — компромисс или конфликт [Ларина 2009; Ладонина 2020]. Дискурсивно-текстовая реализация стратегий позитивной и негативной вежливости может осуществляться как с помощью имплицитных (индивидуальных) форм вежливости, так и посредством эксплицитных (конвенциональных) форм вежливости посредством речевых формул коммуникативного этикета, употребляемых в речевых актах экспрессивов и директивов (см., например: [Rathmayr 1996; Ратмайр 2003; Газизов 2011]). Вариативность и неоднородность коммуникативной категории вежливости социально и дискурсивно обусловлена.

Особенности выражения категории вежливости в современном немецком политическом дискурсе

Реализация категории вежливости в современном немецком политическом дискурсе обусловлена, с одной стороны, особенностями коммуникативных ситуаций институционального дискурсивного пространства политики современной Германии, а с другой стороны, специфическими характеристиками речевой деятельности языковой личности немецкого политика — его основного институционального когнитивно-речевого субъекта: этичность, толерантность, адаптивность и др. Политический дискурс как среда актуализации языковой личности политика является гетерогенным динамическим полисегментным дискурсивным пространством полисубъектного социально-коммуникативного взаимодействия [Цуциева 2018], основными параметрами которого являются следующие: институциональность, персуазивность, агональность, полисубъектность и др.

Политик как основной когнитивно-речевой субъект политического дискурса осуществляет персуазивные речевые действия с целью воздействия на других субъектов политического дискурса: политиков, избирателей, журналистов и др. [Hoffmann, Keßler 1998; Schäffner, Bassnett 2010; Гончарова, Цуциева 2021]. В процессе коммуникации им применяются речевые формулы вежливости, позволяющие в одном случае создать коммуникативное пространство гармоничного общения и взаимодействия, направленное на сотрудничество (например, с избирателями, однопартийцами, с коллегами-политиками из других стран и т.д.), или в другом случае — обозначить необходимую дистанцию для демонстрации

того, что конструктивное взаимодействие едва ли возможно (например, с политическими оппонентами) [Бабич 2012]. Речевые средства выражения вежливости используются политиком не только для поиска содействия и сотрудничества с коллегами-единомышленниками или дискредитации политических оппонентов, но и прежде всего с целью презентации самого себя как этичного и политкорректного лидера, умеющего найти общий язык с любым человеком, что помогает выстроить определенную коммуникативную линию речевого поведения в собственном профессиональном поле. Дискурсивное само моделирование политика, в том числе посредством средств дискурса СМИ, нацелено на создание имиджа, способствующего достижению профессиональных целей политика, а впоследствии и на моделирование нового политического дискурсивного пространства.

Одним из параметров современного немецкого политического дискурса является, как было замечено выше, агональность. Например, в предвыборный период политики вступают в борьбу за искомый политический пост. В основе этой борьбы — соревнование. Конкурирующие субъекты применяют различного рода дискурсивные стратегии и технологии (дискурсно- типовые и индивидуальные) с целью дискредитации политического соперника и представления себя как самой подходящей кандидатуры. Актуализация речевых формул вежливости в агональном дискурсивном пространстве политического дискурса имеет свою специфику.

При рассмотрении особенностей выражения категории вежливости в современном немецком политическом дискурсе следует учитывать синкретизм ее функций, прежде всего этической, которая реализуется, например, в знании и применении политиком этических норм и правил, проявлении тактичности, уважения к политическому оппоненту или соратнику: *Sehr geehrte Damen und Herren! Kolleginnen und Kollegen, Meine liebe!* — ‘Уважаемые дамы и господа! Коллеги! Мои дорогие друзья!’ (здесь и далее перевод мой. — М.Ц.), и персуазивной, т.е. функции воздействия, при реализации которой вежливость используется политиком как инструмент для достижения своих профессиональных целей. Используя вежливую форму общения, политик стремится создать атмосферу открытости и готовности к сотрудничеству, вызвать к себе доверие избирателей, продемонстрировать готовность понять их проблемы и знание путей решения.

Взаимодействие и взаимовлияние основных функций категории вежливости интересно рассмотреть на примере реализации языковой личностью немецкого политика коммуникативной стратегии диалогизации в различных ситуациях политического дискурса, например при обращении к публике в приветственных речах или при выражении благодарности. В процессе взаимодействия с аудиторией политик, например канцлер, пытается создать атмосферу доверительного общения. Моделируя коммуникативную ситуацию квазидialogа, задавая вопросы от лица избирателей или коллег и предлагая на них ответ, политик создает иллюзию абсолютного взаимопонимания, что, однако, не всегда соответствует действительности.

Изучать коммуникативно-речевую реализацию категории вежливости в дискурсивной деятельности современного немецкого политика целесообразно, на наш взгляд, с учетом специфики его «профессионального (карьерного) пути», который можно представить в виде трех основных дискурсивных позиций в политическом дискурсе: «до власти» (основная и системообразующая позиция), «во власти» и «после власти» (вспомогательные позиции), которые взаимосвязаны между собой, что обуславливает возможность их ситуативной и личностной рекомбинации, а значит, комбинирования коммуникативных стратегий и тактик при порождении речевых высказываний [Цуциева 2018; Гончарова, Цуциева 2021]. Согласно концепции Ю.Хабермаса о коммуникативной компетенции субъекта, для реализации интерактивной деятельности он должен владеть не только нормами языка, но и процесса коммуникации [Habermas 1995], а значит и этики, что подразумевает владение речевыми формулами вежливости, способствующими созданию гармоничной ситуации речевого взаимодействия субъектов, где понятие коммуникативной компетенции означает возможность осуществления политиком эффективной профессиональной речевой деятельности.

2. Коммуникативная реализация категории вежливости в триаде дискурсивных позиций языковой личности политика

Власть, процесс ее достижения и упрочения являются для профессионального политика основополагающими целями, поскольку именно во властном статусе он способен осуществлять свои за-

мысли, воплощать идеи и решения в жизнь своей страны и мира. Политические действия реализуются в процессе коммуникативной деятельности, поэтому политик вступает в диалогическое взаимодействие с другими субъектами (политиками, избирателями, журналистами и политтехнологами), используя в своей речи языковые средства, актуализирующие в том числе категорию вежливости.

Рассмотрим реализацию категории вежливости канцлером А. Меркель в двух коммуникативных ситуациях, где дискурсивные позиции совмещены — «до власти» и «во власти» — пример (1) или противопоставлены — «во власти» и «после власти» — пример (2). Готовясь к избранию на следующий срок — пример (1), политик осуществляет дискурсивные действия, направленные как на подтверждение, так и на завоевание властного статуса одновременно, привлекает на свою сторону единомышленников, обращаясь к поддерживающим его политическую программу избирателям и соратникам со словами благодарности, что свидетельствует о его внимательном отношении и вежливом обращении к аудитории. Применяя стратегию диалогизации с целью положительной самопрезентации, А. Меркель произносит вежливые слова сердечной благодарности в своих выступлениях по отношению к субъектам политического дискурса, как бы объединяя их идеей общей поддержки ее замыслов, а значит, и избрания на искомый пост:

- (1) *Sehr geehrter Herr Präsident! Liebe Kolleginnen und Kollegen! Meine Damen und Herren!... Auch ich möchte seitens der Bundesregierung allen Mitgliedern dieses Ausschusses herzlich danken und sagen, dass wir die Empfehlungen natürlich umsetzen werden. ... Das ist unsere gemeinsame Haltung. Ich bin allen Bürgerinnen und Bürgern dankbar, die das zum Ausdruck bringen* [Deutscher Bundestag]. — «Уважаемый господин Президент! Уважаемые коллеги! Дамы и господа!.. Я хотела бы также от имени федерального правительства сердечно поблагодарить всех членов этого комитета и сказать, что мы, конечно же, учтем рекомендации. <...> Это наша общая позиция. Я благодарна всем гражданам, которые выражают свое мнение».

Для создания положительного имиджа политик демонстрирует свои лучшие личностные качества, в том числе вежливость, что оказывает влияние на формирование у аудитории позитивного дискурса реагирования.

Рассмотрим отрывок из официального выступления действующего канцлера А.Меркель (дискурсивная позиция «во власти») на мероприятии, посвященном экс-канцлеру ФРГ Г.Колью (дискурсивная позиция «после власти») — пример (2). Канцлер, выражая свое признание коллеге, говоря о значимости его личности в истории Германии, использует эмоционально-экспрессивную лексику (*lieber Herr Kohl*), восхищается его профессиональными качествами, высоко оценивает его работу на посту канцлера и называет этот временной период, применяя прием генерализации, «эпохой Коля»:

- (2) *...seine Kanzlerschaft zur Ära wurde...: Meine Damen und Herren, Helmut Kohl blieb seiner pfälzischen Heimat immer eng verbunden. Er hat schlichtweg das verkörpert, was gemeinhin Bodenhaftung heißt. Genau das ist das Fundament, auf dem Vertrauen wächst. Dabei trieb Sie, lieber Herr Kohl, der schier unerschütterliche Glaube an, Ihre Vorhaben auch verwirklichen zu können. Dazu gehören Mut, Weitblick und auch eine gute Portion Vertrauen in die eigenen Fähigkeiten...* [Rede]. — «...это время стало “эпохой Коля”... дамы и господа, Гельмут Коль всегда оставался тесно связанным со своей родиной в Пфальце. Он просто воплощал в себе то, что обычно называют преданностью и верностью своей земле. Это именно та основа, на которой растет доверие. При этом вами, дорогой господин Коль, руководила непоколебимая вера в то, что вы сможете осуществить свои замыслы. Это и смелость, и дальновидность, а также твердая уверенность в своих силах...»

В данной ситуации действующий канцлер А.Меркель, находясь в квазидialoge с экс-канцлером Г.Колем и публикой, не только превозносит профессиональные успехи экс-канцлера, но и прежде всего поддерживает собственный имидж политика, уважающего своего учителя — предшественника, относясь к нему с должным вежливым вниманием и почтением, что, однако, как известно, входит отчасти в противоречие с истинными взаимоотношениями А.Меркель и Г.Коля, учитывая их известный серьезный и долгий конфликт в профессиональной деятельности. Таким образом, мы можем говорить о том, что действующим канцлером А.Меркель в процессе реализации стратегии диалогизации были одновременно применены коммуникативные стратегии вежливого отдаления и самопрезентации.

Коммуникативно-речевая реализация категории вежливости в современном немецком политическом дискурсе обусловлена синкретическим взаимодействием и взаимовлиянием его функций, прежде всего этической и персуазивной, что проявляется в специфике применения коммуникативных стратегий немецким политиком как основным когнитивно-речевым субъектом. Создавая квазиреальность диалога, проявляя внимательное и вежливое отношение к оппоненту или единомышленнику, политик, с одной стороны, осуществляет дискурсивное само моделирование, выстраивая профессионально-личный имидж, а с другой стороны, он реализует основную метастратегию политического дискурса — персуазивную с целью завоевания и усиления позиции «во власти».

Источники иллюстративного материала

Deutscher Bundestag. Stenografischer Bericht 253. Sitzung Berlin, Dienstag, den 3. September 2013. URL: <https://dserver.bundestag.de/btp/17/17253.pdf> (дата обращения: 25.12.2022).

Rede der Bundeskanzlerin zum 30. Jahrestag der Wahl von Helmut Kohl zum Bundeskanzler. Fr, 28.09.2012 in Berlin. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/archiv/alt-inhalte/rede-der-bundeskanzlerin-zum-30-jahrestag-der-wahl-von-helmut-kohl-zum-bundeskanzler-409086> (дата обращения 10.12.2022).

Литература

Бабич Н. Г. Диалогизация и интимизация как средства создания персуазивности в политическом дискурсе (на материале президентского интервью Б.Клинтона, Дж.Буша-младшего и Барака Х.Обамы) // Вестник МГОУ. Лингвистика. 2012. № 6. С.97–103.

Богданова А. Г. Когнитивная интерпретация единиц номинативного поля концепта «Вежливость» (на материале немецкого и русского языков) // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 319. С.11–14.

Газизов Р. А. Коммуникативная категория вежливости в немецкой лингвокультуре (ситуативно-стратегический анализ). Уфа: РИЦ БашГУ, 2011. 340 с.

Гончарова Е. А., Цуцьева М. Г. Лингвокогнитивные и коммуникативно-прагматические особенности речевой деятельности политика в дискурсивной позиции «после власти» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2021. Т.18, № 2. С.339–362. <http://doi.org/10.21638/spbu09.2021.206>

Ерзинкян Е.Л. Лингвистическая категория вежливости: семантика и прагматика. Ереван: Изд-во ЕГУ, 2018. 410 с.

Карасик В.И. Языковые ключи. Волгоград: Парадигма, 2007. 406 с.

Ладонина Н.А. Реализация стратегии негативной вежливости в современном политическом дискурсе (на примере выступлений Б.Джонсона и Д.Корбина) // *Modern Studies of Social Issues*. 2020. Vol.12, no. 1. P.31–37. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2020-1-123-134>

Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 512 с.

Ратмайр Р. Прагматика извинения: Сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры / пер с нем. Е.Араловой. М.: Языки славянской культуры, 2003. 272 с.

Цуцьева М.Г. Дискурсивные параметры языковой личности политика. СПб.: Политех-Пресс, 2018. 422 с.

Bourdieu P. *Outline of a Theory of Practice*. Cambridge: Cambridge University Press, 1977. 248 p.

Brown P., Levinson S. Universals in language usage: politeness phenomenon // *Questions and politeness: strategies in social interaction* / ed. by E.Goody. Cambridge: Cambridge University Press, 1978. P.56–311.

Habermas J. *Theorie des kommunikativen Handelns*. Bd. 2. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1995. 258 S.

Hoffmann M., Kessler Ch. Persuasion als Forschungsgegenstand: Vorbemerkungen zum Thema // *Beiträge zur Persuasionsforschung: unter besonderer Berücksichtigung textlinguistischer und stilistischer Aspekte* / M.Hoffmann, Ch. Kessler (Hrsg.). Frankfurt a. M.: Peter Lang, 1998. S.7–12.

Leech G. *The Pragmatics of Politeness*. New York: Oxford University Press, 2014. 343 p.

Locher M., Watts R. J. Relational work and impoliteness: negotiating norms of linguistic behaviour // *Impoliteness in Language. Studies on its Interplay with Power in Theory and Practice* / Hrsg. von D.Bousfield, M.Locher. Berlin: Mouton de Gruyter, 2008. P.77–99.

Rathmayr R. Sprachliche Höflichkeit. Am Beispiel expliziter und impliziter Höflichkeit im Russischen // *Slavistische Linguistik 1995* / Hrsg. von W.Girke. München: LMU München, 1996. S.362–391.

Schäffner Ch., Bassnett S. *Political Discourse, Media and Translation*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2010, 246 p.

References

Babich N.G. Dialogization and intimization as a means of creating persistence in political discourse (based on the material of presidential interviews with B. Clin-

ton, J. Bush Jr. and Barack H. Obama), N. G. Babich. *Vestnik MGOU. Lingvistika*, 2012, no. 6, pp. 97–103. (In Russian)

Bogdanova A. G. Cognitive interpretation of the units of the nominative field of the concept “Politeness” (based on the material of German and Russian), *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2009, no. 319, pp. 11–14. (In Russian)

Bourdieu P. *Outline of a Theory of Practice*. Cambridge: Cambridge University Press, 1977, 248 p.

Brown P., Levinson S. Universals in language usage: politeness phenomenon. *Questions and politeness: strategies in social interaction*, ed. by E. Goody. Cambridge: Cambridge University Press, 1978, pp. 56–311.

Gazizov P. A. *Communicative category of politeness in German linguoculture (situational and strategic analysis)*. Ufa, RITs BashGU Publ., 2011, 340 p. (In Russian)

Goncharova E. A., Tsutsieva M. G. Linguocognitive and communicative-pragmatic features of speech activity of a politician in a discursive position “after power”, *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Iazyk i literatura*, 2021, vol. 18, no. 2, pp. 339–362. <https://doi.10.21638/spbu09.2021.206> (In Russian)

Habermas J. *Theorie des kommunikativen Handelns*, Bd. 2. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1995, 258 S.

Hoffmann M., Kessler Ch. Persuasion als Forschungsgegenstand: Vorbemerkungen zum Thema. *Beiträge zur Persuasionsforschung: unter besonderer Berücksichtigung textlinguistischer und stilistischer Aspekte*. M. Hoffmann, Ch. Kessler (Hrsg.). Frankfurt am M.: Peter Lang, 1998, S. 7–12.

Karasik V. I. *Language keys*. Volgograd, Paradigma Publ., 2007, 406 p. (In Russian)

Ladonina N. A. Implementation of the strategy of negative politeness in modern political discourse (on the example of speeches by B. Johnson and D. Corbin). *Modern Studies of Social Issues*, 2020, vol. 12, no. 1, pp. 31–37. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2020-1-123-134> (In Russian)

Larina T. V. *Category of politeness and style of communication: comparison of English and Russian linguistic and cultural traditions*. Moscow, Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi Publ. 2009, 512 p. (In Russian)

Leech G. *The Pragmatics of Politeness*. New York, Oxford University Press, 2014, 343 p.

Locher M., Watts R. J. Relational work and impoliteness: negotiating norms of linguistic behaviour. *Impoliteness in Language. Studies on its Interplay with Power in Theory and Practice*, eds D. Bousfield, M. Locher. Berlin. Mouton de Gruyter, 2008, pp. 77–99.

Rathmayr R. Sprachliche Höflichkeit. Am Beispiel expliziter und impliziter Höflichkeit im Russischen. *Slavistische Linguistik 1995*, hrsg. W. Girke. München, LMU München, 1996, S. 362–391.

Ratmayr R. *Russian Apology Pragmatics: A Comparative Study based on the Material of the Russian Language and Russian Culture*, transl. by E. Aralova. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2003, 272 p. (In Russian)

Schäffner Ch., Bassnett S. *Political Discourse, Media and Translation*. Newcastle upon Tyne, Cambridge Scholars Publishing, 2010, 246 p.

Tsutsieva M. G. *Discursive parameters of the linguistic personality of a politician*. St Petersburg, Politekh-Press Publ., 2018, 422 p. (In Russian)

Yerzinkyay E. L. *Linguistic category of politeness: semantics and pragmatics*. Erevan, Izd-vo EGU Publ., 2018, 410 p. (In Russian)

Щуцьева Мария Геннадьевна

заведующая кафедрой иностранных языков, Военная академия связи, доктор филологических наук, доцент

Адрес: Российская Федерация, 194064, Санкт-Петербург, К-64, Тихорецкий пр., 3

Mariia G. Tsutsieva

Head of the Department of Foreign Languages, Military Academy of Telecommunications

Doctor of Philological Sciences

Address: 3, Tikhoretskii pr., K-64, St. Petersburg, 194064, Russian Federation

E-mail: maria-ts@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 3 февраля 2023 г.

Принята к публикации 26 апреля 2023 г.

**(НЕ)ВЕЖЛИВОСТЬ ПО-БАВАРСКИ
(на материале политического дискурса
южной Германии)**

Для цитирования: Пономарёва А. А. (Не)вежливость по-баварски (на материале политического дискурса южной Германии) // *Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете*. 2023. Вып. 13. С. 358–375. <https://doi.org/10.21638/spbu33.2023.120>

В настоящее время диалект используется не только в межличностном общении, но и в рекламе, СМИ, а также в политическом дискурсе. Использование диалекта, не являющегося основным средством политической коммуникации, на контрасте с нормой современного немецкого языка может служить для эксплицитной и имплицитной передачи смысловых оттенков, связанных с эмоциями и оценкой, и выступать в качестве стратегии выражения вежливости и невежливости в региональном политическом дискурсе. В статье рассматривается, как диалект может использоваться для отражения вежливого или невежливого отношения участников политической коммуникации друг к другу. Для этого были проанализированы высказывания баварских политиков и спикеров культурно-политических мероприятий с вкраплениями диалекта, отобранные на базе морфосинтаксических особенностей баварских диалектов и данных словарей из статей на политическую тематику из региональных газет, скриптов заседаний баварского Ландтага, скриптов приветственных монологов спикеров Нокхербергского фестиваля крепкого пива и выдержек из речей политических деятелей на Политической пепельной среде и ярмарке Гилламоос, опубликованных в период с 2003 по 2023 г. Лингвопрагматический анализ функционирования диалектных вкраплений в политической коммуникации показал, что диалектно окрашенная лексика может использоваться для репрезентации как вежливого, так и невежливого отношения к собеседнику. Вежливость реализуется с помощью формул речевого этикета (приветствия и прощания, благодарности), определяет принадлежность к баварской культуре и ассоциируется с малой родиной, способствуя созданию доверительной обстановки. В других случаях при использовании диалекта репрезентация невежливости, особенно по отношению к политическим оппонентам и/или не-носителям диалекта, достигается посредством использования эмоционально-оценочной лексики с пейоративным значением, апелляции к небаварскому происхождению и неуважению региональных традиций.

Ключевые слова: баварский диалект, политический дискурс, вариативность, вежливость, невежливость.

(IM)POLITENESS IN BAVARIAN DIALECTS (based on South German political discourse material)

For citation: Ponomareva A.A. (Im)politeness in Bavarian Dialects (based on South German political discourse material). *German Philology in St. Petersburg State University*, 2023, iss. 13, pp. 358–375. <https://doi.org/10.21638/spbu33.2023.120> (In Russian)

Dialect is used not only as a means of spoken interpersonal communication, nowadays it can be found in advertising, media and political discourse. Dialects, not being the main language of political communication, can be used in contrast to the standard language for explicit and implicit transmission of emotions and evaluation as well as (im)politeness strategy in regional political discourse. The article examines the dialect as means of reflecting (im)politeness in political communication. It analyzes examples with Bavarian dialect inclusions selected on the basis of the its morphosyntactic features and Bavarian dictionaries data from articles on political issues published in South German media, plenary session transcripts in the Bavarian State Parliament, Salvator festival speech transcripts and speeches of the Bavarian politicians at the Political Ash Wednesday and the Gillamoos Festival published between 2003 and 2023. Thus, the linguopragmatic analysis of dialect in political communication showed that dialect inclusions can be used to represent both polite and impolite attitudes towards the interlocutor. Politeness is performed by the speech etiquette formulae (greetings, farewells and other polite expressions), because dialect defines belonging to the Bavarian culture and is associated with homeland, contributing to the creation of a trusting environment. In other cases, impoliteness, especially in relation to political opponents and / or non-dialect speakers, is expressed through emotional-evaluative vocabulary with pejorative meaning, appeal to non-Bavarian origin and disrespect for regional traditions.

Keywords: Bavarian dialect, variety, political discourse, variety, politeness, impoliteness.

1. Введение: диалект и политический дискурс. Источники и материал исследования

Будучи средством преимущественно межличностной устной коммуникации, диалект априори воспринимается как более экспрессивная форма языка, использование которой уместно в определенных коммуникативных ситуациях [Zehetner 1989: 110–111]. Сегодня функциональные возможности диалекта не ограничиваются межличностной коммуникацией, и диалект все чаще встречается в других дискурсивных практиках. При этом в ранних иссле-

дованиях функционального статуса диалектов его использование в других типах коммуникации, например в СМИ или рекламе, рассматривалось как нечто искусственное [Straßner 1986: 322–323]. Следует отметить, что большая часть трудов, в которых исследуется лингвопрагматический аспект использования диалекта, посвящена его анализу в художественной литературе [Меркурьева 2004; Чукшис 2015], при этом проблема его функционирования в политическом дискурсе не получила должного внимания.

В рамках политической коммуникации представлен довольно обширный исследовательский материал. Во-первых, использование диалекта способствует репрезентации таких характеристик политического дискурса, как оценочность, агрессивность и эффективность [Демьянков 2002: 41–42]. Таким образом, использование диалекта предоставляет дополнительные возможности лингвистического и прагматического характера для реализации полемичности политической коммуникации. Политический дискурс в той или иной мере апеллирует к эмоциям целевой группы, что реализуется с помощью диалекта, который является более экспрессивной языковой формой по сравнению с нормой современного немецкого языка. Диалект, всегда ассоциирующийся у его носителей с малой родиной и с дружелюбной, доверительной атмосферой, представляет собой дополнительное средство эмоционального воздействия в политической коммуникации [Пантелеева 2020: 151].

Во-вторых, региональную политику стран, официальные языки которых обладают ярко выраженной полицентричностью, невозможно рассматривать без учета диалекта. Одним из наиболее известных примеров в рамках немецкого языка является Бавария, сохранившая свою региональную идентичность как в культурном, так и в языковом плане [Wiesinger 1997: 37].

В связи с тем фактом, что Бавария является довольно самобытным регионом, о чем свидетельствуют в том числе неослабевающие позиции диалекта, мы предполагаем, что в политическом пространстве региона переход на баварский диалект может реализовывать определенные стратегии, которые направлены на достижение гармоничного взаимодействия между участвующими в политической коммуникации носителями диалекта, в том числе с помощью так называемых речевых стереотипов, посредством которых эксплицируется вежливость [Rathmayr 1996: 390–391].

Одним из источников исследовательского материала могли бы служить скрипты заседаний в баварском Ландтаге, хотя, по признанию самих депутатов, в большинстве случаев диалект переводится в протоколах сессий на стандартный немецкий, доказательством чего может служить цитата из отчета одного из заседаний Ландтага Баварии:

Ein dickes Dankeschön schicke ich auch in den vierten Stock, dort an den Stenografischen Dienst, die Abteilung „Spitze Feder“. Ich bewundere sie immer wieder, wie sie unsere Dialekte ins Hochdeutsch übersetzen...» [Wahlperiode... 2017: 107]. — «Также большое спасибо передаем на четвертый этаж — службе стенографических отчетов, отделу “Острое перо”. Я каждый раз восхищаюсь, как они переводят наши диалекты на стандартный немецкий...» (здесь и далее перевод наш. — А.П.).

В Баварии политика и диалект соприкасаются благодаря национальным праздникам и ярмаркам: наиболее яркими примерами являются Нокхербергский фестиваль крепкого пива в Мюнхене (нем. *Starkbierfest am Nockherberg*), ярмарка Гилламоос в Абенсберге (нем. *Gillamoos*) и Политическая пепельная среда (нем. *politischer Aschermittwoch*). Активное участие в национальных фестивалях, как и владение диалектом, входит в своеобразный минимум, характеризующий местных политиков. Нокхерберг известен в первую очередь своеобразным политическим кабаре — критикой местных и надрегиональных политиков, отличающейся виртуозным использованием диалекта и изобилующей отсылками к баварской истории и культуре. Фестиваль пользуется такой большой популярностью у баварцев, что кульминация праздника — так называемая речь Сальватора (нем. *Salvator-Rede / Nockherberg-Rede / Fastenpredigt*) — транслируется региональными каналами, а некоторые особо запоминающиеся и удачные выдержки из «речи» приобретают статус крылатых выражений. Подобный провокационный юмор, известный в баварском как *Derblecken* (от нем. *die Zähne blecken/zeigen* — ‘скалить зубы’ [DWDS]), может звучать для тех, кто не знаком с этой традицией, достаточно грубо. При этом сами баварцы воспринимают ее не как оскорбление, а как дружеское подшучивание, на которое необходимо ответить в том же духе (т. е. своеобразная пикировка). Высшим пилотажем считается, если баварский поли-

тик незамедлительно отвечает на шутку в свой адрес, используя при этом диалект. Если какой-либо деятель вовсе не подвергся высмеиванию на фестивале, это значит, что его роль в политической жизни земли или страны в этом году была незначительной [Burger 1998: 62–64]. Ярмарка Гилламоос — старейшая в Баварии — известна за пределами исследуемого региона в первую очередь выступлениями крупных баварских политиков, которые одновременно, в разных фестивальных палатках, проводятся в понедельник — последний день праздника (нем. *Gillamoos-Montag*). Подобный обмен мнениями между политиками, партиями и народом в расслабленной атмосфере (т. е. за кружкой пива в фестивальной палатке) характерен и для традиционной Пепельной среды, которая представляет собой оживленные политические дебаты, сопровождающиеся провокационными шутками на диалекте.

Исследовательский материал был собран на базе общих и частных особенностей южнонемецких диалектов (основополагающими признаками явились *диминутивные суффиксы* *-(e)rl*, *-l*, *-ei*, *двойное отрицание* и др. [Baeva 2014: 83–93]) и данных словарей баварских диалектов (наличие региональных помет *bayerisch*, *süddeutsch*) из следующих источников:

1. 24 статьи на политическую тематику из региональных газет (*Süddeutsche Zeitung*, *Merkur*; *OVB-Online*, *Abendzeitung München*, *Münchener Wochenanzeiger*, *IDOWA — Mediengruppe Straubinger Tagesblatt/Landshuter Zeitung*) и других информационных источников (*Bayerischer Rundfunk*, *Facebook**, *Twitter*);
2. 16 скриптов заседаний баварского Ландтага, состоявшихся в период с 2003 по 2023 гг. и размещенных на сайте *bayern.landtag.de*;
3. 7 скриптов приветственных монологов спикеров *Нокхербергского фестиваля крепкого пива* в период с 2013 по 2019 гг.;
4. выдержек из речей политических деятелей на *Политической пепельной среде* и ярмарке *Гилламоос*, опубликованных в свободном доступе в период с 2004 по 2019 гг.

* Facebook принадлежит компании Meta, признанной на территории РФ экстремистской организацией.

2. Диалектные формулы речевого этикета

Отметим, что диалект редко используется в современном политическом дискурсе в «чистом» варианте с целью избежать недопонимания. Тем не менее есть диалектно окрашенные единицы, общие для ряда диалектов, как, например, формулы приветствия и прощания, посредством которых эксплицируется вежливость в коммуникации. Некоторые из них — *Grüss Gott, Pfüagod, Servus, Habedere* — известны и за пределами региона, они интуитивно понятны даже для не говорящих на диалекте и вызывают позитивные ассоциации у носителей, что неоднократно подчеркивалось диалектологами [Straßner 1983: 1515], а также было подтверждено результатами опроса, проведенного нами в 2021 г.: по мнению носителей диалекта, данные южнонемецкие формулы общения апеллируют к дружелюбию и создают доверительную атмосферу [Баева, Пономарёва 2022: 140–142]. При этом одна и та же формула общения может быть представлена в баварских диалектах в нескольких вариантах, различающихся между собой степенью формальности: например, если нейтральная форма баварского приветствия *Grüß Gott* (нем. [*be*]grüße dich Gott — ‘да приветствует тебя Бог’ [Langenscheidt 2016: 330]) может быть использована вне контекста, то ее варианты *Griaf Eahna* (формальный вариант с Sie) и *Griaf de / Griaf enk/eich* (фамильярные формы единственного и множественного числа соответственно) уже отражают градацию вежливости. Тот же самый принцип демонстрирует и баварское прощание *Pfia God / Pfüagod* (нем. *behüte dich Gott* — ‘да хранит тебя Бог’ [Langenscheidt 2016: 330]): существуют как формальное *Pfiat Eana*, так и фамильярные *Pfiatdi* и *Pfiat enk/eich*. Также следует отметить и другие формулы общения в баварских диалектах: *Hawedere/Habedere*, которое, будучи ранее исключительно вежливым приветствием, в настоящее время используется также в качестве неформальной (даже с некоторым оттенком иронии) формулы приветствия и прощания, фамильярные обращения *Servus* и *Vaba/Va-Va*.

Политики, приветствуя публику или прощаясь с ней на диалекте, преследуют две цели одновременно: они стремятся быстро найти контакт с целевой аудиторией, обращаясь к ней на ее языке, не вызывая при этом отторжения у не-носителей диалекта, что отражает концепцию вежливого эффективного взаимодей-

ствия. Примечательно, что в $\frac{2}{3}$ проанализированных нами случаев использования баварских формул приветствия и прощания предпочтение отдавалось неформальному варианту *Griäß/Pfiat di/eich* — особенно в обращении к широкой публике — с целью приблизиться к ней и показать, что политики такие же люди, как их избиратели, и, следовательно, их интересы совпадают. Также неформальные варианты встречались в случаях обращения к хорошо знакомым коллегам, вероятно, для моделирования дружеской неформальной атмосферы. Эта тенденция может быть связана с процессом демократизации социума, так как в европейском обществе демонстрация равенства между властью и народом считается проявлением вежливости [Никитина 2020: 65]. На региональном уровне этому способствует диалект, с помощью которого подчеркивается принадлежность участников коммуникации к одной группе. В следующем примере депутат баварского ландтага Маргарет Баузе, выступая с прощальной речью, обращается к своим коллегам через неформальные диалектные формулы. Отрицая тем самым статусную дистанцию между собой и другими членами ландтага, Баузе показывает свое сердечное отношение к ним и имплицитно выражает благодарность за совместную работу, даже с некоторым оттенком сожаления в связи со своей отставкой:

Nach 18 Jahren hat sich die Grünen-Politikerin Margarete Bause aus dem bayerischen Landtag verabschiedet. „Servus, pfiats eich und reißt’s eich zam...“, sagte Bause am Dienstag bei ihrer kurzen Abschlussrede im Plenarsaal [Bause verlässt Landtag 2017]. — «Маргарет Баузе попрощалась с Баварским ландтагом спустя 18 лет службы. „До встречи, с Богом, держитесь“, — сказала Баузе в четверг во время своей короткой прощальной речи в зале пленарных заседаний».

Продолжая анализ формул общения, остановимся и на репликах, выражающих благодарность, которые являются одним из самых распространенных средств речевого этикета. Особой степенью вежливости по сравнению с формальным *Dankschee* обладает баварское *Vergelt’s Gott*, а также реакция на него *Segne es Gott* [Bairisches Woerterbuch]. Выступая на окончании одного из заседаний ландтага, вице-премьер-министр Баварии (на момент 2017 г.) Ильзе Айгнер (Христианско-социальный союз, далее — ХСС) бла-

годарит всех, кто вносит свой вклад в урегулирование споров в баварском парламенте, искренне, с должным уважением, апеллируя при этом к их региональным чувствам, что, безусловно, должно вызвать у реципиентов положительный отклик благодаря ассоциациям диалекта с малой родиной:

*Auch das Präsidium muss manchmal Höchstleistungen vollbringen, wenn es im Parlament hin und wieder etwas hitzig zugeht, damit alles geordnet abläuft — dafür ein herzliches **Vergelts Gott** an alle, die dazu einen Beitrag leisten* [Wahlperiode... 2017: 108]. — «Когда настроения в парламенте немного накаляются, президиуму иногда тоже приходится делать все возможное, чтобы все урегулировать, — сердечное **спасибо** каждому, кто вносит свой вклад».

Как мы можем наблюдать, внедрение в речь политиков диалектно окрашенных формул общения (вне зависимости от того, какой вариант — формальный или неформальный — был использован) практически всегда мотивировано их стремлением найти контакт с аудиторией через апелляцию к оппозиции «свой — чужой» и ассоциативный ряд диалект — родина, т. е. в данном случае диалектные вкрапления задают положительную динамику в последующем взаимодействии, ставя знак статусного и социального равенства между участниками коммуникации и эксплицируя их стремление к эффективному, вежливому взаимодействию.

3. Диалектная эмоционально-оценочная лексика в речи региональных политиков

Рассматривая особенности политического ландшафта Южной Германии, отметим, что Бавария и Баден-Вюртемберг еще со времен объединения Германии стояли особняком в стране. Характер баварской политики по отношению к центру отчасти отражает следующая фраза Ф. Й. Штрауса:

Wenn Willy Brandt sagt, in Bayern gingen die Uhren anders, stimmt das. Denn hier gehen sie richtig [Ein total verschaltetes Jahr 2020]. — «Когда Вилли Брандт говорит, что часы в Баварии идут иначе, он прав. Так как здесь они идут верно».

В настоящее время ситуация осложняется еще и тем, что южные федеральные земли являются регионами-донорами, в то время как центральные и северные области — дотационными, что неизбежно влечет за собой рост напряжения между югом и севером страны.

Весьма недружелюбное отношение южан к северянам нашло отражение и в языке: в Баварии по отношению ко всем небаварцам используется лексема с негативной коннотацией *Preuß* (бав. *Preiss*), отсылающая ко временам Бисмарка, когда напряженность между Пруссией и Баварией достигла критической точки [Langenscheidt 2016: 39]. Образ ‘пруссаков’ стал объектом баварских политических шуток: комичный образ северянина, не принимающего все баварское — от диалекта и традиций до политиков, часто фигурирует в региональных анекдотах [Langenscheidt 2016: 39]. Лексема часто используется в политическом дискурсе Баварии для оценки деятельности и характеристики личности, что может контекстуально реализовывать категорию невежливости. В случае если какого-либо южнонемецкого политика намереваются дискредитировать, противник нередко апеллирует к его небаварскому происхождению или его неуважению баварских традиций, что в консервативной Южной Германии равноценно оскорблению. Приведем пример из речи ведущего Фестиваля крепкого пива:

Wenn es einer schafft in Berlin, dann der Horst! Ich mein — von Umfragenwerten her gesehen bist eh schon so beliebt wie a Preiss... Du bist ja mittlerweile schon auf Augenhöhe mit Angela Merkel, und zwar auf ihrer [Nockherberg 2018]. — «Если кому-нибудь и покорится Берлин, то это Хорст! Я имею в виду, судя по рейтингам, ты популярен как *лимичик*... Ты ведь теперь практически сравнялся с Ангелой Меркель, да что уж там — вы уже на равных» (Ввиду того, что диалектизм *Preiss* обладает ярко выраженной региональной спецификой, остается открытым вопрос об его адекватном переводе на русский. — А. П.).

Спикер фестиваля иронизирует над баварским премьер-министром Х. Зеехофером, который на тот момент должен быть вступить в должность министра внутренних дел Германии, сравнивая его с «небаварцем». В связи с не очень теплыми отношениями между севером и югом к баварцам относятся достаточно насторо-

женно в немецкой столице. С одной стороны, спикер иронизирует над Зеехофером, намекая, что его рейтинг в Баварии критически снизился, но, с другой стороны, имплицитно дает ему оценку. Если баварский политик стал столь же популярен в Берлине, сколь и северянин, то его деятельность заслуживает похвалы. В данном случае оскорбительное *Preiss*, выражающее критичное отношение народа (от лица которого говорит спикер) к политику, баварское происхождение которого не вызывает сомнений, позволило превратить высказывание в объект языковой игры. Следовательно, в качестве средства дискредитации оппонента может служить апелляция к его небаварскому происхождению (особенно оскорбительным в баварском является обращение *Preiss*, что сложилось ввиду социально-исторических причин).

В диалекте как более эмоциональной (по сравнению со стандартом) языковой форме представлен целый спектр оценочной лексики, которую политики активно внедряют в свою речь. Большая часть этого пласта лексики представлена в политическом дискурсе в виде диалектизмов с пейоративной коннотацией (что детерминировано агональностью как основной характеристикой политической коммуникации [Шейгал, Дешевова 2009: 145], например *Adabei* (бав. *auch + dabei* [DWDS]) — ‘заноза’, *Depp* — ‘идиот’, *Bazi* — ‘негодяй’ и т. п.). Один из таких диалектизмов использует баварский политик от СвДП Мартин Хаген, высказываясь о традиционном фестивале Гилламоос:

Spitzenpolitiker aller Parteien an einem Ort versammelt... und die Abensberger freuen sich auch noch... Woanders ist man froh, wenn man die Sprüchemacher und Gschafthuber los ist [Gillamoos 2022]. — «Главные политики всех партий собрались в одном месте... и жители Абенсберга радуются, как никто другой... В любом другом месте люди счастливы, когда их избавляют от этих создателей лозунгов и **хвастунов**».

Характеризуя политиков, выступающих со своими программами на Гилламоосе, как *Gschafthuber* (бав. груб. ‘воображала, хвастун’) [DWDS], Хаген довольно эмоционально выражает саркастичное отношение к своим политическим оппонентам. При этом целевой аудиторией высказывания, судя по диалектному вкраплению, являются носители диалекта, т. е. потенциальные избиратели,

что позволяет назвать дискредитацию соперников основной мотивацией использования диалектизма. Таким образом, оценочные слова с пейоративной окраской позволяют оказать эмоциональное воздействие на участников беседы путем провокационных коммуникативных ходов, в том числе дискредитации оппонента, эксплицируя тем самым категорию невежливости.

4. Переход на диалект и апелляция к неуважению региональных ценностей как имплицитное проявление невежливости

Как было отмечено выше, большая часть исследовательского материала содержит диалектные вкрапления, диалект в «концентрированном» виде представлен сравнительно редко. Предполагаем, это мотивировано целым рядом факторов — от лингвистических (отсутствие закрепленных норм транскрипции диалектной речи и неоднородность диалектов) до этических (недопустимость исключения из коммуникации не-носителей диалекта) и политических (в перспективе факт активного использования диалекта может помешать карьерному росту региональных политиков, что отчасти подтверждает история с участием Ф. Й. Штрауса в выборах в бундестаг). При этом нередки случаи, когда тот или иной политик, начав свою речь на стандартном немецком языке, переходит на «концентрированный» диалект. Приведем следующий пример:

*<...> Wie sollen denn unsere Almbauern auf die Almnen kommen? **Soin de mit'm Mistbroater auffi fliagn, oder wie soinn de sonst auffi kumma?** Sagen Sie unseren Almbauern bitte deutlich, wie sie da hinaufkommen sollen. Meine Almbauern sagen mir immer wieder, unter welchen schweren Bedingungen sie die Almnen bewirtschaften. Was ist bitte wegeunabhängig? Der Hubschrauber? [Wahlperiode... 2008: 154]. — «...Как наши альпийские фермеры должны добраться до пастбищ? **Они что, на навозоразбрасывателе должны полететь или как им еще туда попасть?** Пожалуйста, объясните нашим альпийским фермерам, как туда добраться. Мои знакомые фермеры постоянно рассказывают, в каких трудных условиях они работают на пастбищах. Что значит неназемный? На вертолете, что ли?»*

Дискутируя на тему развития сельского хозяйства в баварских Альпах, депутат ландтага Клаус Штайнер (ХСС) высказывает свое недовольство политикой Баварии по отношению к фермерам. Из-

за чрезмерной прямолинейности, подчеркнутой диалектом, высказывание политика звучит достаточно грубо, невежливо (особенно если учесть, что в европейских культурах проявление нерешительности и уклончивости воспринимается как признак тактичности, а прямолинейности как признак невежливости [Мочалов, Фурманова 2014: 41]). Неожиданно перейдя со стандартного немецкого языка на диалект, Штайнер не только дает волю эмоциям (что противоречит характеристикам вежливого человека в немецкоязычной картине мира как человека в первую очередь сдержанного), но и имплицитно делает вызов всем причастным к данной проблеме, так как на собраниях такого высокого уровня использование диалекта в «чистом» виде негласно табуировано [Wiesinger 1997: 32] и воспринимается как признак нетактичности, так как не все присутствующие в ландтаге владеют баварским диалектом. Тот же случай мы наблюдаем и в следующем высказывании баварского премьер-министра Ф. Й. Штрауса (ХСС):

Sitzung ogsetzt, hihgetzt, abghetzt, se higsetzt, se zsamngsetzt, ausanandergesetzt, d'agesordnung festgesetzt, wieder abgesetzt, ersetzt, Kommissionen eigsetzt, Kommissionen bsetzt, umbsetzt, gschwätzt, nix gsagt, vertagt, z'letzt neu ogsetzt, vui san zsammakumma, nix is rauskumma, Sitzung umma [Ausgewählte Zitate 2020]. — «Заседание созвали, сели, распустили, сели, собрали, обсудили, повестку дня установили, снова распустили, заменили, комиссии назначили, комиссии распределили, перераспределили, поболтали, ничего толком не сказали, отложили, наконец восстановили, мы собрались, ничего не решили, сессия окончена».

Ф. Й. Штраус, перейдя со стандартного немецкого языка на диалект, высказывает свое отношение к заседаниям бундестага в Бонне. Штраус говорит о том, что он считает эти мероприятия пустой тратой времени, и переход на диалект в данном случае мотивирован тем, что он воспринимается как более экспрессивная форма языка, богатая метафорами и оценочной лексикой, позволяющая передавать эмоциональные состояния более многогранно. Штраус стремится донести свое мнение настолько эмоционально, насколько это позволяет его статус высокопоставленного политика. Использование диалекта привносит в контекст оттенок сарказма и воспринимается как скрытое издевательство: Штраус, используя для описания регламента парламентских сессий южнонемецкий

глагол *schwätzen* (в швабско-алеманнских диалектах употребляется как более экспрессивная форма глагола ‘говорить’; в баварских диалектах его значение сужается — ‘тайно разговаривать во время урока с соседом по парте’ [Bairisches Wörterbuch]), проводит параллель со школой, имплицитно сравнивая депутатов Бундестага с детьми, увлеченными больше разговором между собой, чем мероприятием, в котором предполагается их активное участие. Таким образом, переход со стандартного языка на диалект в ситуациях, когда иные, менее престижные формы общения неуместны (например, во время мероприятий высшего уровня), характеризует коммуникатора как человека несдержанного и нетактичного, что может имплицитно реализовывать стратегию невежливости в политическом дискурсе.

Экстралингвистические аспекты, сопряженные с традициями региона (значит, и с диалектом), тоже могут служить для выражения (не)вежливости. Приведем пример из речи Кристиана Линднера (Свободная демократическая партия Германии, далее — СвДП) на Политической пепельной среде 2021 г.:

*Genau dieser Ministerpräsident erklärt also anderen die Tradition des politischen Aschermittwochs und trinkt aber gleichzeitig Cola Light aus dem Bierkrug. Das kommt dabei raus, wenn ein evangelischer Franke Bayern erklären will... [Politischer Aschermittwoch 2021]. — «И этот премьер-министр говорит еще другим о традициях Политической пепельной среды, попивая при этом **диетическую колу из пивной кружки**. Вот такое случается, когда евангелист из Франконии рассуждает о Баварии...»*

Это саркастическое обращение к премьер-министру Баварии Маркусу Зедеру (ХСС), оформленное в лучших традициях баварского *Derblecken*, может свидетельствовать о том факте, что уважительное отношение к местной культуре и обычаям является категорией оценки имиджа региональных политиков. Таким образом, Линднер, будучи сам из Северной Германии и указывая на «небаварское» поведение Зедера, пытается дискредитировать его и Союз перед лицом баварских избирателей во время кампании Парламентских выборов 2021 г. Суть оскорбления заключается в том, что для баварцев пиво является национальным напитком, подается всегда в особой пивной кружке — *Bierkrug*; пить из нее другой напиток, тем более на региональном празднике, расцени-

вается как проявление неуважения к традициям. Указывая на это, Линднер косвенно высмеивает своего соперника, ставит его в неловкое положение перед его баварскими сторонниками. Таким образом, апелляция к пренебрежению региональными ценностями может быть использована как одно из средств дискредитации политических оппонентов.

5. Заключение

Проанализировав функционирование диалектной лексики в политическом дискурсе, мы продемонстрировали ее роль в усилении персуазивности высказывания путем апелляции к эмоциям целевой аудитории, для чего, как показал материал исследования, используются различные лексические и экстралингвистические средства репрезентации вежливости/невежливости. Тактичное отношение к собеседнику реализуется путем внедрения в речь диалекта, например с помощью формул приветствия и прощания, различающихся по степени формальности (ср. *Griaß Eahna / Griaßdi / Griaß eich/enk; Pfiat Eahna / Pfiatdi / Pfiat eich/enk; Servus; Habedere; Ba-Ba*), и формул выражения благодарности (*Vergelt's Gott; Segne es Gott*). На региональном уровне вежливость проявляется в моделировании доверительной, дружеской атмосферы (так как диалект ассоциируется с малой родиной), а также в акцентировании принадлежности к баварскому социуму и региональной культуре (так как говорящий на диалекте автоматически воспринимается как «свой»). Однако переход на диалект может иметь негативную направленность в отношении политических оппонентов и в присутствии не-носителей диалекта, достигается через стратегии эксплицитированного оскорбления или высмеивания путем использования эмоционально-оценочной лексики (*Gschafthuber, Adabei, Depp, Bazi* и др.), апелляции к небаварскому происхождению (оппозиция *Preiss/(Ur)baier*) и неуважению баварских традиций.

Источники иллюстративного материала

Ausgewählte Zitate 1959–1988 // Franz Josef Strauß. 2020. URL: <https://www.fjs.de/fjs-in-wort-und-bild/zitate/> (дата обращения: 21.11.2022).

Bairisches Wörterbuch. 2007–2021. URL: <https://www.bayrisches-woerterbuch.de/> (дата обращения: 10.01.2023).

Bause verlässt Landtag: „Servus, pfats eich“ // Süddeutsche Zeitung. 2017. URL: <https://www.sueddeutsche.de/politik/landtag-muenchen-bause-verlaesst-landtag-servus-pfiats-eich-dpa.urn-newsml-dpa-com-20090101-171017-99-489392> (дата обращения: 10.01.2023).

DWDS — Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de/> (дата обращения: 11.01.2023).

Ein total verschaltetes Jahr // Süddeutsche Zeitung. 2020. URL: <https://www.sueddeutsche.de/muenchen/dachau/feiertage-bayern-2020-1.4744894?reduced=true> (дата обращения: 09.01.2023).

Gillamoos 2022: „Der Freistaat ist kein Zwangsstaat“ // Abendzeitung München. 2022. URL: <https://www.abendzeitung-muenchen.de/bayern/gillamoos-2022-der-freistaat-ist-kein-zwangsstaat-art-841588> (дата обращения: 06.01.2023).

Langenscheidt Lilliput Bairisch. München: Langenscheidt, 2016. 384 S.

Nockherberg 2018: Die Rede der Mama Bavaria im Wortlaut // Merkur. 2018. URL: <https://www.merkur.de/politik/nockherberg-2018-rede-mama-bavaria-im-wortlaut-zr-9654934.html> (дата обращения: 10.01.2023).

Politischer Aschermittwoch: Die besten Sprüche der Redner // Abendzeitung München. 2021. URL: <https://www.abendzeitung-muenchen.de/bayern/politischer-aschermittwoch-die-besten-sprueche-der-redner-art-706935> (дата обращения: 09.01.2023).

Wahlperiode Plenarprotokoll 16/5 // Bayerischer Landtag. 2008. URL: <https://www.bayern.landtag.de/webangebot2/webangebot/protokolle?execution=e1s1> (дата обращения: 06.01.2023).

Wahlperiode Plenarprotokoll 17/120 // Bayerischer Landtag. 2017. URL: <https://www.bayern.landtag.de/webangebot2/webangebot/protokolle?execution=e1s1> (дата обращения: 06.01.2023).

Литература

Баева Г.А., Пономарёва А.А. Южнонемецкие диалекты как лингвокультурный феномен // Дискурс. 2022. Вып. 8 (4). С. 136–145. <http://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-4-136-145>

Демьянков В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования / отв. ред. и сост. В. И. Герасимов, М. В. Ильин. М.: ИНИОН РАН, 2002. Вып. 3. С. 32–43.

Меркурьева В.Б. Диалект и литературный язык в немецкоязычных драмах (отношения комплементарности и изоморфизма). Иркутск: Изд-во Иркут. гос. лингв. ун-та, 2004. 346 с.

Меркурьева В.Б. Немецкий диалект может все // Вестник ИГЛУ. 2012. Вып. 2 (18). С. 170–177.

Мочалов Е. В., Фурманова В. П. Этика как механизм гармонизации отношений в межкультурной коммуникации // Интеграция образования. 2014. Вып. 4 (77). С. 37–43. <http://doi.org/10.15507/Inted.077.018.201404.037>

Никитина И. С. Вербализация толерантности в межличностном политическом общении // Исследования языка и современное гуманитарное знание. 2020. Вып. 2 (2). С. 63–71. <http://doi.org/10.33910/2686-830X-2020-2-2-63-71>

Пантелеева О. В. Баварские диалектизмы в политическом дискурсе // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2020. Вып. 4 (833). С. 143–152.

Чукиш В. А. Классификация и стилистические функции диалектизмов в произведениях австрийского писателя Томаса Рааба // Известия ВГПУ. 2015. Вып. 1 (96). С. 124–127.

Шейгал Е. И., Дешевова В. В. Агональность в коммуникации: структура понятия // Вестник ЧГУ. 2009. Вып. 34 (172). С. 145–148.

Baeva G. Grundzüge der deutschen Dialektologie. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2014. 111 S.

Burger H. Politiker derblecken beim Salvator. Hinter den Kulissen vom Nockherberg. Rosenheim: Rosenheimer Verlagshaus, 1998. 144 S.

Rathmayr R. Sprachliche Höflichkeit. Am Beispiel expliziter und impliziter Höflichkeit im Russischen // Slavistische Linguistik 1995. Referate des XXI. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens / Hrsg. von W. Girke. Mainz: O. Sagner, 1996. S. 362–391.

Straßner E. Dialekt als Ware // Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik. 1986. Vol. 53 (3). S. 310–342.

Straßner E. Rolle und Ausmaß dialektalen Sprachgebrauchs in den Massenmedien und in der Werbung // Dialektologie. Ein Handbuch der deutschen und allgemeinen Dialektforschung / Hrsg. von W. Besch. Berlin, New York: De Gruyter Verlag, 1983. S. 1509–1525.

Wiesinger P. Sprachliche Varietäten — Gestern und Heute // Varietäten des Deutschen: Regional- und Umgangssprachen. Institut für deutsche Sprache. Jahrbuch 1996. Berlin, New York: De Gruyter Verlag, 1997. S. 9–45.

Zehetner L. Die bairische Mundart in Bayern // Heimat und Schule: Fortbildungsmodell / Hrsg. von G. Hacker. Donauwörth: Auer Verlag, 1989. S. 104–111.

References

Baeva G. *Grundzüge der deutschen Dialektologie*. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2014, 111 S.

Baeva G. A., Ponomareva A. A. Upper German Dialects as a Linguo-Cultural Phenomenon. *Discourse*. 2022, iss. 8 (4), pp. 136–145. <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-4-136-145> (In Russian)

Burger H. *Politiker derblecken beim Salvator. Hinter den Kulissen vom Nockherberg*. Rosenheim, Rosenheimer Verlagshaus, 1998, 144 S.

Chukshis V.A. Classification and stylistic functions of dialecticisms in the works by an Austrian writer Thomas Raab. *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2015, iss. 1 (96), pp. 124–127. (In Russian)

Demiankov V.S. Political discourse as a subject of political science philology. *Politicheskaiia nauka. Politicheskii diskurs: Istoriia i sovremennyye issledovaniia*. Ed. by V.I. Gerasimov, M. V. Ilin. Moscow, INION RAN Publ., 2002, iss. 3, pp. 32–43. (In Russian)

Merkureva V.B. *Dialect and literary language in German dramas (relations of complementarity and isomorphism)*. Irkutsk, Irkutskii gos. lingvisticheskii un-t Publ., 2004, 346 p. (In Russian)

Merkureva V.B. German dialect is powerful. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 2012, iss. 2 (18), pp. 170–177. (In Russian)

Mochalov E.V., Furmanova V.P. Ethics as a tool for harmonisation of relations in cross-cultural communication. *Integration of education*, 2014, iss. 4 (77), pp. 37–43. <https://doi.org/10.15507/Inted.077.018.201404.037> (In Russian)

Nikitina I.S. Verbalization of tolerance in interpersonal political communication. *Language Studies and Modern Humanities*, 2020, iss. 2 (2), pp. 63–71. <https://doi.org/10.33910/2686-830X-2020-2-2-63-71> (In Russian)

Panteleeva O.V. Bavarian dialectal words in political discourse. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 2020, iss. 4 (833), pp. 143–152. (In Russian)

Rathmayr R. Sprachliche Höflichkeit. Am Beispiel expliziter und impliziter Höflichkeit im Russischen. *Slavistische Linguistik 1995*. Referate des XXI. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens, hrsg. W. Girke. Mainz, O. Sagner, 1996, S. 362–391.

Sheigal E.I., Deshevova V.V. Agonality in communication: The concept and its structure. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Cheliabinsk, Cheliabinskii gos. un-t Publ.*, 2009, iss. 34 (172), pp. 145–148. (In Russian)

Straßner E. Dialekt als Ware. *Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik*, 1986, vol. 53 (3), S. 310–342.

Straßner E. Rolle und Ausmaß dialektalen Sprachgebrauchs in den Massenmedien und in der Werbung. *Dialektologie. Ein Handbuch der deutschen und allgemeinen Dialektforschung*, hrsg. W. Besch. Berlin, New York, De Gruyter Verlag, 1983, S. 1509–1525.

Wiesinger P. Sprachliche Varietäten — Gestern und Heute. *Varietäten des Deutschen: Regional- und Umgangssprachen*. Institut für deutsche Sprache. Jahrbuch 1996. Berlin, New York, De Gruyter Verlag, 1997, S. 9–45.

Zehetner L. Die bairische Mundart in Bayern. *Heimat und Schule: Fortbildungsmodell*, hrsg. G. Hacker. Donauwörth, Auer Verlag, 1989, S. 104–111.

Пономарёва Анастасия Алексеевна

аспирантка кафедры немецкой филологии СПбГУ, тьютор, приглашенный преподаватель в Департаменте иностранных языков НИУ ВШЭ СПб
Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Anastasiya A. Ponomareva

Postgraduate at the Department of German Philology, St. Petersburg State University,
Tutor, Visiting Lecturer at the Department of Foreign Languages,
HSE Campus in St. Petersburg
Address: 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

E-mail: ann.ponomaryova1111@gmail.com

Статья поступила в редакцию 21 января 2023 г.

Принята к публикации 26 апреля 2023 г.

ЭЛЕМЕНТ МЕТАКОММУНИКАТИВНОЙ СТРАТЕГИИ ТАКТИЧНОСТИ В НЕМЕЦКОЙ ПРЕДЛОЖНОЙ ГРУППЕ *AUS HÖFLICHKEIT*

Для цитирования: Манёрова К. В. Элемент метакоммуникативной стратегии тактичности в немецкой предложной группе *aus Höflichkeit* // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. 2023. Вып. 13. С. 376–391. <https://doi.org/10.21638/spbu33.2023.121>

Статья посвящена рассмотрению элемента метакоммуникативной стратегии тактичности в немецкой предложной группе *aus Höflichkeit* в контекстах в следующих ситуациях: 1) имиджевого «сохранения лица» в сочетании предложной группы *aus Höflichkeit* с глаголом *schweigen*, 2) намеренной неискренности, уклончивости в сочетании в сочетании предложной группы *aus Höflichkeit* с глаголом *verschweigen*. Понятие вежливости и тактичности комплементарны, но не тождественны. Такт — врожденное чувство, постоянная и неосознанная внимательность к чувствам и правам других людей. Новизна исследования заключается в том, что традиционные типы речевого поведения рассмотрены в рамках моделей речевого поведения «молчание» и «умалчивание» как проявление тактичности в рамках метакоммуникативной категории вежливости. Анализ материала в статье проводится с учетом тезиса о тактичности как категории, которая оценивается относительно ожиданий партнеров по коммуникации. Основу для проведения анализа материала составляет теория ритуалов взаимодействия лица Эрвина Гофмана. Цель статьи заключается в описании моделей тактичного поведения в коммуникативном взаимодействии, в котором говорящий стремится к сохранению имиджа посредством умалчивания и нераспространения информации, а также демонстрирует уклончивое поведение. Корпус из 110 примеров отобран из современного немецкого электронного корпуса «Цифровой словарь немецкого языка» — *Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache (DWDS)* по методу поиска дистрибутивных сочетаний колокационного типа, а именно колокаций с предложной группой *aus Höflichkeit*. В статье используются метод лексико-семантического анализа, гипотетико-дедуктивный метод, метод контекстного анализа, метод дистрибутивного анализа. Рассмотрены особенности использования предложной группы *aus Höflichkeit* в сочетании с глаголами, номинирующими силенциальные акты. Автор приходит к выводу, что взаимосвязь тактичности и взаимодействия с другими коммуникантами в моделях речевого поведения «молчание» и «умалчивание» как в формах отчуждения выражается через сочетаемость названных глаголов с предложной группой *aus Höflichkeit*.

Ключевые слова: вежливость, такт, силенциальные акты, предложная группа *aus Höflichkeit*, прагмалингвистика.

THE ELEMENT OF META-COMMUNICATIVE STRATEGY OF TACTFULNESS IN THE GERMAN PREPOSITIONAL GROUP *AUS HÖFLICHKEIT*

For citation: Manerova K. V. The element of meta-communicative strategy of tactfulness in the German prepositional group *aus Höflichkeit*. *German Philology in St. Petersburg State University*, 2023, iss. 13, pp. 376–391.
<https://doi.org/10.21638/spbu33.2023.121> (In Russian)

The article concerns the element of the meta-communicative strategy of tactfulness in the German prepositional group *aus Höflichkeit* (by courtesy) placed in various contexts to correspond the following situations: 1) In the combination with the verb *schweigen* to express image-sensitive “on face-work”; 2) In the combination with the verb *verschweigen* to express intentional insincerity and evasiveness. Politeness and tact are close in meaning, but not identical. Tact is an innate feeling, a constant and unconscious consideration of feelings and rights of other people. The research is innovative in the approach to traditional types of speech behaviour in the framework of “silent and evasive behaviour” as a manifestation of tactfulness within the meta-communicative category of politeness. The analysis of the material in the article is conducted following the assumption that tactfulness is a category evaluated in relation to the expectations of the partners in communication. The basis for the study is Erving Goffman’s theory of facial interaction rituals. The aim of the article is to describe the patterns of tactful behaviour in communicative interaction where the speaker seeks to preserve the image through concealment and non-dissemination of information, and demonstrates evasive behaviour. A corpus of 110 examples has been selected from the German electronic corpus *Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache* (DWDS). Methods used in the investigation include lexical-semantic analysis, hypothetic-deductive method, methods of contextual and distributional analysis. Specific features of the use of the prepositional group *aus Höflichkeit* in combination with “act of silence” verbs are considered. The author concludes that in collocations of the aforementioned verbs with the prepositional group *aus Höflichkeit* express the relationship of tactfulness and inter-personal interaction as forms of alienation in silence and evasiveness speech patterns.

Keywords: politeness, tact, silent acts, prepositional group *aus Höflichkeit*, pragmalinguistics.

1. Введение

В современном обществе приветствуются «речевое поведение и другие виды поведения с точки зрения одобрения» [Борисова 2018: 34], называемые в рамках таких этических категорий, как вежливость, воспитанность, предупредительность, галантность, обхо-

дительность, уместность, тактичность. В современном немецком обществе категории *Höflichkeit* — ‘вежливость’, *Rücksicht* — ‘внимательное и предупредительное отношение’, *Bescheidenheit* — ‘скромность’, *Diskretion*, *Taktgefühl* — ‘деликатность, такт’ непосредственно соотносятся с философско-этической и коммуникативной категориями вежливости.

Начиная с 70-х годов XX в. вежливость как коммуникативно-прагматическая категория межсубъектного общения становится объектом рассмотрения в германистической социолингвистике. В 1976 г. переиздается работа немецко-британского социолога Норберта Элиаса «О процессе цивилизации» 1936 г. [Elias 1976; 1997], в которой — наряду с разнообразной тематикой социологии — затрагивается понятие кодекса вежливости при трактовке истоков культа самоконтроля в придворном аристократизме, как отмечает А. Трайбель [Treibel 2008]. Переиздание труда Н. Элиаса в 1997 г. становится триггером для лингвистического изучения вежливой (и невежливой) коммуникации, в том числе и на немецком языке. Вклад в изучение способов выражения вежливости в языке вносят работы Эрвина Гофмана¹ о значимости и оценке ритуалов взаимодействия лица в коммуникации (так называемая теория лица Гофмана) [Goffman 1955; 1967], Джеффри Н. Лича о принципах вежливости [Leech 1983], Флориана Кулмаса о разговорных клише [Conversational routine... 1981], а также контрастивные труды по сопоставительному изучению формул вежливости и этикетных обращений, например на материале немецкого и английского языков [Bublitz 1980; Höflichkeitsstile 2001].

Правила коммуникации, обеспечивающие в определенной культуре дружелюбное, а именно свободное от конфликтов или их предотвращающее поведение, относятся к вежливому стилю межличностного общения, к нормам уважения друг к другу. Принцип вежливости Лича принадлежит к механизмам поддержания социального равновесия и дружественных отношений, «позволяющих предположить кооперацию в коммуникации» [Leech 1983: 62]. В теории вежливости Лича такт — первый из шести принципов, связанный с понятием социального имиджа говорящего и слуша-

¹ В статье мы придерживаемся транслитерации имени Эрвина Гофмана на русский язык согласно источнику: Гофман Э. Ритуал взаимодействия: Очерки поведения лицом к лицу / Пер. с англ.; под ред. Н. Н. Богомоловой, Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2009. 319 с.

ющего, внутренней культуры. Этот принцип заключается в минимизации затрат для другого и в увеличении выгоды для другого («Minimize cost to other and maximize benefit to other»), где под «другим» понимается слушающий [Граф 2018: 71]. Речевые акты, в которых выступает принцип такта в вежливой коммуникации, Лич именуется актами импозитивами (impositives), соотносящимися с действиями в настоящем и будущем.

Вежливость понимается лингвистами как действующая норма в коммуникации, соблюдаемая партнерами по коммуникативному акту на основе принятого по умолчанию разговорного контракта. Брюс Фрейзер ввел в теорию коммуникативных актов термин «разговорный контракт» как договор о ведении диалога (англ. *conversational contract*). Исследователь считал, что в рамках коммуникативного акта его участники договариваются и придерживаются некоей поведенческой нормы согласно их знанию прав, обязанностей и условностей. Бесконфликтное развитие ситуаций в коммуникации базируется на социальных нормах поведения и постулатах кооперативного общения, направленного на проявление уважения к собеседнику, предполагает заботу о сохранении самоуважения партнера (его «лица») [Fraser 1990].

Семы вежливой поведенческой нормы или ее нарушения в виде агрессии (антивежливости) входят в семантику оценочных немецких лексем: прилагательных *höflich* — ‘вежливый’, *taktvoll* — ‘тактичный’, *unhöflich* — ‘невежливый’, *grob* — ‘грубый’; существительных *Höflichkeit* — ‘вежливость’, *Taktgefühl* — ‘чувство такта’, *Grobheit* — ‘грубость’, *Rauheit* — ‘хамство’; глаголов *hochachten* — ‘высоко ценить кого-л., что-л.’, *sich verbeugen* — ‘поклониться’, *beleidigen* — ‘обидеть кого-л.’; фразеологизмов *schimpfen wie ein Rohrspatz* — ‘ругаться как сапожник’, *gegen jmdn, etw. vom Leder ziehen* — ‘нападать на кого-л., ополчиться на кого-л.’, *vor jmdm, etw. den Hut abnehmen* — ‘снять шляпу в знак уважения, приветствия, признания’; словосочетаний *eine freche Gangart* — ‘развязная походка’ и др.

2. Метакоммуникативная стратегия тактичности в немецкой предложной группе *aus Höflichkeit*

Классическая теория вежливости зиждется на теории речевых актов, оценке отдельно взятых высказываний. Мы солидаризируемся с мнением Е. П. Буториной о том, что вежливость — дискур-

сивная категория, которая «оценивается не абсолютно, а относительно ожиданий партнеров по коммуникации» [Буторина 2018: 49]. Современные исследователи понимают вежливость как такт [Ларина 2018: 135; Крейдлин, Хесед 2018: 119]. Рассмотрим понятия такта и тактичности, необходимые для анализа материала нашей статьи: предложной группы *aus Höflichkeit* (из вежливости, соблюдая вежливость, установленные правила) в немецком языке.

Согласно определению в «Энциклопедии социологии», такт (от лат. *tactus* 'прикосновение, осязание, чувство') — чувство меры, подсказывающее правильное отношение к кому-либо; умение вести себя подобающим образом; соблюдение правил приличия [Антинази 2009].

Непосредственно с тактом как с чувством связано такое свойство личности, как тактичность:

...положительное нравственно-этическое качество личности, основанное на развитии чувства такта. Тактичность проявляется в соблюдении меры в общении, в недопущении действий и слов, которые могли бы быть неприятны или разрушительны для окружающих. Тактичность — это качество, с помощью которого человек регулирует и гармонизирует свои отношения с людьми, сдерживает свои страсти [Безрукова 2000].

Соответствующими понятиями в немецком языке являются *Takt u Taktgefühl*. Карин Грасьоле отмечает, что такт — врожденное чувство, постоянная и неосознанная внимательность к чувствам и правам других людей, очевидно, что такту нельзя научиться. Тактичность не есть заученные манеры или поведенческие клише. Такт и тактичность проявляются в способности не ставить других в неудобное положение, не обижать, не упрекать, не ловить других на лжи и не создавать неловких ситуаций. Тактичность — проявление достоинства человека, возможность с честью противостоять нападкам других [Gratiolet 1918].

Понятие вежливости и тактичности комплементарны, но не тождественны. «Представляется, что вежливость характеризует уважительное отношение к другим людям, в то время как тактичность акцентирует особое внимание к партнеру, вызванное стремлением не допустить причинения ему неприятных переживаний» [Карасик 2018: 107]. В. И. Карасик относит тактичность как

черту характера к негативной вежливости, приоритетами которой являются сохранение независимости адресата и поддержание уважительного отношения между коммуникантами, необязательные сердечность и теплота отношений. Проявление такта и тактичности относятся к общепринятым нормам ситуативного этикета. Г. Е. Крейдлин и Л. А. Хесед считают «тактичный» поведенческим прилагательным, отражающим самые общие представления о нормах социального взаимодействия [Крейдлин, Хесед 2018: 119], например *тактичное молчание, тактичное замалчивание, тактичная пауза* — словосочетания, прямо характеризующие поведение говорящего в коммуникативном жанре.

В современной социолингвистике такт понимается как элемент принципа вежливости, направленный на сохранение «лица», самоуважения — как говорящего, так и слушающего [Гофман 2009]. Теория «лица» была разработана американским ученым Эрвином Гофманом, представителем символического интеракционизма, одного из наиболее влиятельных направлений в мировой социологии и социальной психологии [Гофман 2009]. Э. Гофман определяет «лицо» как позитивную социальную ценность, которую человек с успехом стремится придать себе, приняв в определенном контакте, как считают другие, некоторую линию поведения. «Лицо» — это образ себя. Гофман отмечает:

Когда люди находятся в непосредственном присутствии друг друга, им становятся доступными множество слов, жестов, поступков и мелких событий, желательных или нет, через которые присутствующие могут намеренно или ненамеренно символически изображать свой характер и свои установки. В нашем обществе сохраняется система этикета, которая обязывает индивида надлежащим образом управлять этими экспрессивными проявлениями, проецируя через них надлежащий образ себя, соответствующее уважение к другим присутствующим и должное внимание к обстановке. Если индивид намеренно или ненамеренно ломает правила этикета, другие присутствующие могут мобилизоваться для восстановления церемониального порядка, примерно так, как они делают при нарушении других видов социального порядка [Гофман 2009: 139–140].

Социальное взаимодействие в современном обществе, по Эрвину Гофману, — сложный процесс, связанный с соблюдением

внешних атрибутов коммуникации, таких как нормы вербального и невербального этикета, а также с внутренними переживаниями субъекта и его психологическим состоянием. Э. Гофман подводит эти условия под понятие «озабоченность». Тактичность можно непосредственно связать с озабоченностью взаимодействием и озабоченностью другими, как формами отчуждения в коммуникативном акте:

Участник разговора может становиться до неприличия озабоченным процессом протекания взаимодействия как такового вместо спонтанной вовлеченности в тему беседы. <...> Обычный источник озабоченности взаимодействием связан с особой ответственностью, которая встречается у людей, — ответственностью за то, чтобы взаимодействие «шло хорошо», то есть вызывало должный тип вовлеченности у присутствующих [Гофман 2009: 145].

Гофман понимает под озабоченностью взаимодействием проявление тактичности коммуникантов, например в необходимости продолжать разговор, пока не появится некоторое основание для ухода, нейтрализующее потенциально оскорбительный смысл покидания других, или тактичное избегание «неудобных», потенциально конфликтных тем в разговоре, или тактичное ведение «разговора о пустяках» (*small talk*). Чрезмерная увлеченность разговором («сверхвовлеченность» как мера самоконтроля) также может не отвечать тактичности, так как говорящий «обязан не дать себе настолько переполниться чувствами и готовностью действовать, чтобы это угрожало границам проявления аффекта, установленным для него во взаимодействии» [Гофман 2009: 148]. Истолкование «сверхвовлеченности» может включать такие ситуации, в которых молчание, умалчивание, пауза «из вежливости» (нем. *aus Höflichkeit*) более уместны, чем открытая оценка, суждение, высказывание. Также с тактичностью в теории Э. Гофмана связаны такие свойство и поведение, как неискренность и притворство, характеризующиеся, на наш взгляд, амбивалентностью оценки в современном постмодернистском обществе: с одной стороны, лгать нехорошо, но, с другой стороны, кто сейчас говорит правду?

Предложная группа *aus Höflichkeit* — ‘из вежливости, соблюдая вежливость, установленные правила’ используется в немецком

языке при описании тактичного поведения актора в ситуациях и коммуникативных актах, в которых соблюдаются ориентация на чувства собеседника и на подавление собственных чувств. Безусловно, значение предложной группы *aus Höflichkeit* характерно для описания социальных практик и представляет собой особый тип значения, «которое языковая единица (высказывание) получает в результате своего использования в определенном контексте» [Nefedov, Chernyavskya 2021: 1557]. Примеры сочетаемости предложной группы *aus Höflichkeit*, выбранные по немецкому электронному корпусу «Цифровой словарь немецкого языка» — *Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache* [DWDS], содержат, например, следующие глаголы с разным значением: *schweigen* — ‘молчать’, *verschweigen* — ‘скрывать’, *lügen* — ‘лгать’, *zuhören* — ‘слушать’, *beiwohnen* — ‘присутствовать’, *applodieren* — ‘аплодировать’, *reagieren* — ‘реагировать’, *verbergen* — ‘прятать’, *Einladung annehmen* — ‘принять приглашение’, *klatschen* — ‘хлопать’, *tanzen* — ‘танцевать’, *essen* — ‘есть’, *helfen* — ‘помогать’, *aufstehen* — ‘вставать’, *grinsen* — ‘улыбаться’, *antworten* — ‘отвечать’ и др.

Таким образом, стратегию сохранения «лица» в сочетаниях с предложной группой *aus Höflichkeit* в немецком языке можно классифицировать как вербальное, невербальное и паравербальное проявления коммуникативной стратегии тактичности.

В статье будут рассмотрены примеры сочетаемости предложной группы *aus Höflichkeit* в рамках ситуаций и речевых действий, выражающихся в моделях речевого поведения (далее — МРП) с немецкими глаголами *schweigen* — ‘молчать’ и *verschweigen* — ‘умолчать, скрыть’, то есть с глаголами, обозначающими силенциальные акты.

Рассмотрим понятие «модель речевого поведения». Модель речевого поведения лежит в основе стереотипных коммуникативных действий. Исследователи В.Гладров и Е.Г.Которова связывают МРП с речевыми актами и речевыми действиями: «Такие модели включают в себя некий набор вербальных (и/или невербальных) действий и распространяются на ситуации межперсонального общения, ограниченные относительно небольшим временным отрезком» [Гладров, Которова 2021: 30]. МРП состоит из элементарных высказываний, объединенных единой иллокутивной целью и коммуникативно-прагматическими факторами, такими как просьба, угроза, вопрос, информирование.

Мы считаем, что молчание и умолчание также можно рассматривать в рамках теории МРП как ситуации сокрытия информации в рамках проявления тактичности, например: *Aber vielleicht ist die Minderheit der davon Abgestoßenen ja auch die aus Höflichkeit schweigende Mehrheit. Thüringer Allgemeine, 28.05.2022 [DWDS].*

Но, возможно, меньшинство тех, кого это оттолкнуло, — это и большинство, хранящее молчание из вежливости». Молчание — силенциальный акт или нулевой знак в вербальной коммуникации, «используется одним из коммуникантов для достижения своей коммуникативной цели при воздействии на собеседника, в то время как другие речевые акты оказываются менее эффективными в той или иной ситуации (напр., в ситуации конфликта, чтобы сохранить свои честь и достоинство) [Кузнецова 2014: 320–321].

Молчание — акт прагматической значимости [Щербак 2017], с контактной, дисконтактной, оценочной, медиативной, ритуальной функциями [Власова, Щербак 2017].

Акт молчания — также и проявление такта. Молчание в конфликтной ситуации или в ситуации, связанной с имиджевым сохранением лица, часто выступает как ответная реакция адресата на оскорбление, порицание, дискриминацию, как нежелание оскорбить или обидеть, например категорическим высказыванием, отказом.

Коммуникант прибегает к стратегии молчания, когда нарушается стереотип поведения. Это своеобразный отказ от разговора. Молчание здесь является сознательным действием. Выбор такого средства позволяет коммуниканту уменьшить степень выраженности эмоций, позаботиться о сохранении собственного лица, что обусловлено условиями формального общения. Таким образом, молчаливый протест более предпочтителен, чем вербальный, поскольку он лишен каких-либо грубых, неприемлемых слов и более выгоден для коммуниканта [Полякова 2012: 155].

Мы наблюдаем реализацию метакоммуникативной стратегии тактичности в МРП «молчание» в следующих ситуациях: 1) имиджевого «сохранения лица» в сочетании предложной группы *aus Höflichkeit* с глаголом *schweigen*, 2) намеренной неискренности, уклончивости в сочетании в сочетании предложной группы *aus Höflichkeit* с глаголом *verschweigen*.

Имиджевое «сохранение лица» — модель тактичного поведения в коммуникативном взаимодействии, в которой говорящий соблюдает правила прагматической вежливости [Ларина 2018: 136] и избегает высказываний, которые могут навредить его имиджу, например: *Schweigen sie aus Höflichkeit, weil sie mir nicht das Gefühl geben wollen, dass sie über mich hinweg oder gar über mich reden?* *Süddeutsche Zeitung*, 17.03.2001 [DWDS]. «Они молчат из вежливости, потому что не хотят, чтобы я знал, что они упоминают мое имя или даже говорят обо мне?»

Необходимость сохранения лица возможна в ситуациях, связанных с этическими причинами сокрытия правды из вежливости или нежеланием причинить вред раскрытием или сообщением информации. Сохранение имиджа, умалчивание и нераспространение информации из вежливости — частое обстоятельство в сфере бизнеса: *Also schweigt er aus Höflichkeit über oft die herzerreissenden Trostlosigkeiten gerade in den grossen Sammelhallen, wo Länder ohne eigenen Pavillon ihre Messestände aufgebaut haben.* *Berliner Zeitung*, 27.11.1998 [DWDS]. — «Он молчит из вежливости о душераздирающей пустоте именно в больших выставочных залах, где страны без собственных павильонов поставили свои выставочные стенды».

Сохранение лица при молчании из вежливости или намеренное создание впечатления о тактичном поведении у окружающих — явление, широко распространенное в политической сфере, известное как имидж политика: *Samthovens Aufforderung, in die Partei einzutreten, geriet mir zur krönenden Pirouette. Samthoven mochte denken, ich hätte aus Höflichkeit geschwiegen, so wie diese hier glaubten, ich wüßte, was ich wolle.* *Schulze, Ingo Neue Leben, Berlin: Berlin Verlag 2005. S. 324* [DWDS]. — «Приглашение Замтховена вступить в партию стало для меня коронным пируэтом. Замтховен мог подумать, что я молчал из вежливости, так как эти здесь считали, что я знаю, чего хочу»; *Merkel könnte die Antwort geben, wenn sie nicht aus Höflichkeit schwiege.* *Süddeutsche Zeitung*, 08.01.2015 [DWDS]. — «Меркель могла бы дать ответ, если бы не хранила молчание из вежливости».

Намеренная неискренность, уклончивость — модель тактичного поведения в коммуникативном взаимодействии, в которой говорящий демонстрирует уклончивое поведение, не выражает открытую критику в лицо собеседнику или категоричное несогласие с ним, не отвечает прямо, не распространяет информацию. Такая модель

поведения относится к области вежливости дистанцирования: *Auf wessen Seite, ist unschwer zu erraten. Er verschweigt es aber aus Höflichkeit. Nun sitzt er in Berlin, aber wegen seines Arbeitsprogramms bleibt wenig Zeit für die Stadt. Berliner Zeitung, 08.06.2000 [DWDS]*. — «На чьей он стороне, догадаться нетрудно. Но он скрывает это из вежливости. Сейчас он находится в Берлине, но из-за своей рабочей программы у него остается мало времени для посещения города».

Намеренная неискренность — поведение, характерное для взрослых: *Noble Zurückhaltung allerdings ist nicht mehr angeraten. Deren Urteil ist knallhart. Was Erwachsene oft aus Höflichkeit verschweigen, bringen Kinder ans Licht. Thüringer Allgemeine, 28.05.2022. [DWDS]*. — «Благородная сдержанность, однако, больше не рекомендуется. Их приговор суров. То, что взрослые часто скрывают из вежливости, дети раскрывают».

Соккрытие информации, как и нежелание восхвалять свои достоинства или заслуги, может быть проявлением тактичности: *Was sie aus Höflichkeit verschweigt, aber nicht verschwiegen werden sollte: Sie ist seit 25 Jahren an der Spitze des Organisationsteams, was mit Sicherheit ein Teil des Erfolgsgeheimnisses ist. Schweriner Volkszeitung, 22.04.2022. [DWDS]*. — «Что она скрывает из вежливости, не следует скрывать: она возглавляет команду организаторов в течение 25 лет, что, безусловно, является частью секрета успеха».

Неискреннее и уклончивое поведение характеризуется амбивалентностью оценки в современном постмодернистском обществе. Намеренная неискренность с целью соблюдения норм вежливости — модель поведения, не обязательно одобряемая и принимаемая в обществе:

Aus Höflichkeit die Wahrheit verschweigen, um >nicht weh zu tun<, offensichtliche Fehler nicht kritisieren, >um des lieben Friedens willen< — all das widerspricht dem Grundprinzip unseres Zusammenlebens, der Achtung vor dem Menschen, das rückhaltlose Ehrlichkeit einschließt, auch wenn sie manchmal unbequem ist oder weh tut ... Engler, Wolfgang: Die Ostdeutschen, Berlin: Aufbau-Taschenbuch-Verl. 2000 [1999], S. 293 [DWDS]. — «Скрывать правду из вежливости, чтобы «не навредить», не критиковать очевидные ошибки, «ради мира и любви» — все это противоречит основному принципу нашей совместной жизни, уважению к человеку, которое включает в себя безоговорочную честность, даже если иногда это неудобно или причиняет боль».

3. Заключение

Исследования по корпусу немецких примеров предложной группы *aus Höflichkeit* с глаголами *schweigen*, *verschweigen* показали, что акт молчания (с привлечением стратегии умалчивания) также может быть расценен как проявление такта, а именно как невербальное и паравербальное проявление метакоммуникативной стратегии тактичности. Молчание и умалчивание рассмотрены в рамках теории моделей речевого поведения как прагматические акты сокрытия информации в рамках проявления тактичности, такой тип силенциального акта не есть молчание по причине отсутствия аргументов или неловкое молчание. Подтвердился тезис о том, что тактичность в контекстах с предложной группой *aus Höflichkeit* — метакоммуникативная категория, которая оценивается относительно ожиданий партнеров по коммуникации. Молчание в ситуации, связанной с тактичным поведением говорящего, часто означает нежелание распространить информацию, оскорбить или обидеть, например неуместным высказыванием или восхвалением собственных достоинств, и представляет собой метакоммуникативную стратегию. Немецкая предложная группа *aus Höflichkeit* в сочетании с глаголом *schweigen* используется в рамках метакоммуникативной стратегии тактичности в ситуациях «имиджевого» сохранения лица, в сочетании с глаголом *verschweigen* — в ситуациях намеренной неискренности, уклончивости. Таким образом, установлена взаимосвязь тактичности и взаимодействия с другими коммуникантами как взаимосвязь форм отчуждения в моделях речевого поведения «молчание» и «умалчивание».

Источники иллюстративного материала

DWDS — Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de> (дата обращения: 10.12.2022).

Справочные материалы

Антинази А. Энциклопедия социологии, 2009. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/socio/4089/%D0%A2%D0%90%D0%9A%D0%A2> (дата обращения: 04.01.2023).

Безрукова В. С. Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога). Екатеринбург, 2000. URL: https://spiritual_culture.academic.ru/ (дата обращения: 10.01.2023).

Кузнецова А. А. Молчание. Эффективное речевое общение (Базовые компетенции) // Словарь-справочник / под ред. А. П. Сковородникова. Красноярск: Сибирский федер. ун-т, 2014. С. 320–321.

Литература

Борисова Е. Г. Прагматические категории дружелюбного общения (вежливость, приемлемость, уместность) // Вежливость и антивежливость в языке и коммуникации. Материалы Международной научной конференции, состоявшейся в Институте лингвистики РГГУ 23–24 октября 2018 г. М.: РОССПЭН, 2018. С. 33–38.

Буторина Е. П. Вежливость и антивежливость в деловом дискурсе // Вежливость и антивежливость в языке и коммуникации. Материалы Международной научной конференции, состоявшейся в Институте лингвистики РГГУ 23–24 октября 2018 г. М.: РОССПЭН, 2018. С. 45–52.

Власова А. А., Щербак Н. Ф. Лингвистика молчания: базовые функции и функциональный потенциал силенциального акта // Таврический научный обозреватель. 2017. № 4–1 (21). С. 74–80.

Гладров В., Которова Е. Г. Модели речевого поведения в немецкой и русской коммуникативной культуре. М.: ЯСК, 2021. 472 с.

Гофман Э. Ритуал взаимодействия: Очерки поведения лицом к лицу / Пер. с англ.; под ред. Н. Н. Богомоловой, Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2009. 319 с.

Граф Е. Ирония как форма (скрытой) «антивежливости»? // Вежливость и антивежливость в языке и коммуникации. Материалы Международной научной конференции, состоявшейся в Институте лингвистики РГГУ 23–24 октября 2018 г. М.: РОССПЭН, 2018. С. 70–79.

Карасик В. И. Вежливость и антивежливость в сетевом дискурсе // Вежливость и антивежливость в языке и коммуникации. Материалы Международной научной конференции, состоявшейся в Институте лингвистики РГГУ 23–24 октября 2018 г. М.: РОССПЭН, 2018. С. 104–114.

Крейдлин Г. Е., Хесед Л. А. Русские поведенческие прилагательные в аспекте категорий вежливости и невежливости // Вежливость и антивежливость в языке и коммуникации. Материалы Международной научной конференции, состоявшейся в Институте лингвистики РГГУ 23–24 октября 2018 г. М.: РОССПЭН, 2018. С. 115–121.

Ларина Т. В. Вежливость, невежливость и грубость в межкультурном аспекте // Вежливость и антивежливость в языке и коммуникации. Материалы Международной научной конференции, состоявшейся в Институте лингвистики РГГУ 23–24 октября 2018 г. М.: РОССПЭН, 2018. С. 133–144.

Полякова С. Е. Молчание как стратегическая функция разрешения конфликта в политическом дискурсе // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2012. Т. 7, № 2. С. 154–161.

Щербак Н. Ф. Дыхание звука или акустическая алхимия (к вопросу о прагматических функциях молчания) // Таврический научный обозреватель. 2017. № 3 (20). URL: <http://tavr.science/stat/2017/03/14-SHHerbak.pdf> (дата обращения: 03.01.2023).

Bublitz W. Höflichkeit im Englischen // Linguistik und Didaktik. 1980. Nr. 41. S. 56–70.

Conversational routine: Explorations in standardized communication situations and prepatterned speech / ed. by F. Coulmas. The Hague: Mouton, 1981. xii + 331 p.

Elias N. Über den Prozess der Zivilisation. Soziogenetische und psychogenetische Untersuchungen. 2 Bde.: Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1997.

Elias N. Über den Prozeß der Zivilisation: Soziogenetische und Psychogenetische Untersuchungen. Vols I e II. Frankfurt: Suhrkamp, 1976. 504 S.

Fraser B. “Perspectives on politeness” // Journal of Pragmatics. 1990. No. 14. P. 219–236.

Goffman E. Interaction ritual: Essays in face-to-face behavior. Chicago, IL: Aldine Publishing Company, 1967. 282 p.

Goffman E. On face-work: an analysis of ritual elements in social interaction // Psychiatry: Journal for the Study of Interpersonal Processes. 1955. No. 18. P. 213–231.

Gratiollet K. (d.i. Struppe, Karin): Schliff und vornehme Lebensart. Naumburg a. S.: Die Verlagsanstalt Schule des Lebens, 1918, S. 12–14. URL: <http://www.zeno.org/nid/20003608638> (дата обращения: 10.01.2023).

Leech G. N. Principles of Pragmatics. London; New York: Longman, 1983. 250 p.

Höflichkeitsstile / Hrsg. von H.-H. Lüger. Frankfurt a. M. [u. a.]: Lang, 2001. 354 S.

Nefedov S. T., Chernyavskaya V. E. Analyzing social meaning: how words matter in social contexts (based on german communicative practice) // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2021. Vol. 14, no. 10. P. 1556–1566. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0839>

Treibel A. Die Soziologie von Norbert Elias. Eine Einführung in ihre Geschichte, Systematik und Perspektiven. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2008. 115 S.

References

Borisova E. G. Pragmatic categories of friendly communication (politeness, acceptability, appropriateness). *Politeness and antipoliteness in language and com-*

munication. *Proceedings of the International scientific conference held at the Institute of Linguistics of the Russian State University of Humanities, October 23–24, 2018*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2018, pp. 33–38. (In Russian)

Publitz W. Höflichkeit im Englischen. *Linguistik und Didaktik*, Nr. 41, 1980, S. 56–70.

Butorina E. P. Polite and anti-polite in business discourse. *Politeness and antipoliteness in language and communication. Proceedings of the International scientific conference held at the Institute of Linguistics of the Russian State University of Humanities, October 23–24, 2018*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2018, pp. 45–52. (In Russian)

Conversational routine: Explorations in standardized communication situations and prepatterned speech, ed. by F. Coulmas. The Hague, Mouton, 1981, xii + 331 p.

Elias N. *Über den Prozess der Zivilisation. Soziogenetische und psychogenetische Untersuchungen*. 2 Bde. Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1997.

Elias N. *Über den Prozeß der Zivilisation: Soziogenetische und Psychogenetische Untersuchungen*. Vols I e II. Frankfurt, Suhrkamp, 1976, 504 S.

Fraser B. “Perspectives on politeness”. *Journal of Pragmatics*, 1990, no. 14, pp. 219–236.

Gladrov V., Kotorova E. G. *Models of speech behavior in German and Russian communicative culture*. Moscow: YASK Publ., 2021, 472 p. (In Russian)

Goffman E. *Interaction ritual: Essays in face-to-face behavior*. Chicago, IL, Aldine Publishing Company, 1967, 282 p.

Goffman E. On face-work: an analysis of ritual elements in social interaction. *Psychiatry: Journal for the Study of Interpersonal Processes*, 1955, no. 18, pp. 213–231.

Goffman E. *The Ritual of Interaction: Essays on Face-to-Face Behavior*, ed. by N. N. Bogomolova, D. A. Leontiev. Moscow, Smysl Publ., 2009, 319 p. (In Russian)

Graf E. Irony as a form of (hidden) “anti-politeness”? *Politeness and antipoliteness in language and communication. Proceedings of the International Scientific Conference held at the Institute of Linguistics of the Russian State University of Humanities, October 23–24, 2018*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2018, pp. 70–79. (In Russian)

Gratiolet K. (d. i. Struppe, Karin): *Schliff und vornehme Lebensart*. Naumburg a. S., Die Verlagsanstalt Schule des Lebens, 1918, pp. 12–14. Available at: <http://www.zeno.org/nid/20003608638> (accessed: 10.01.2023).

Karasik V. I. Politeness and antipoliteness in network discourse. Politeness and antipoliteness in language and communication. *Proceedings of the International scientific conference held at the Institute of Linguistics of the Russian State University of Humanities, October 23–24, 2018*. Moscow: ROSSPEN Publ., 2018, pp. 104–114. (In Russian)

Kreidlin G. E., Khesed L. A. Russian behavioral adjectives in the aspect of the categories of politeness and impoliteness. *Politeness and impoliteness in language*

and communication. *Proceedings of the International scientific conference held at the Institute of Linguistics of the Russian State Humanities University on October 23–24, 2018*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2018, pp. 115–121. (In Russian)

Larina T. V. Polite impoliteness and rudeness in the intercultural aspect. *Politeness and impoliteness in language and communication. Proceedings of the International scientific conference held at the Institute of Linguistics of the Russian State Humanities University on October 23–24, 2018*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2018, pp. 133–144. (In Russian)

Leech G. N. *Principles of Pragmatics*. London, New York, Longman, 1983, 250 p.

Höflichkeitsstile, hrsg. H.-H. Lüger. Frankfurt a. M. [u. a.], Lang, 2001, 354 S.

Nefedov S. T., Chernyavskaya V. E. Analyzing social meaning: how words matter in social contexts (based on german communicative practice). *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2021, iss. 14, no. 10, pp. 1556–1566. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0839>

Polyakova S. E. Silence as a strategic function of conflict resolution in political discourse. *Vestnik of A. S. Pushkin Leningrad State University*, 2012, iss. 7, no. 2, pp. 154–161. (In Russian)

Shcherbak N. F. The breath of sound or acoustic alchemy (to the question of the pragmatic functions of silence). *Tavrichesky scientific observer*. 2017, no. 3 (20). Available at: <http://tavr.science/stat/2017/03/14-SHHerbak.pdf> (accessed: 03.01.2023). (In Russian)

Treibel A. *Die Soziologie von Norbert Elias. Eine Einführung in ihre Geschichte, Systematik und Perspektiven*. VS Verlag für Sozialwissenschaften, Wiesbaden, 2008, 115 S. Available at: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/socio/4089/%D0%A2%D0%90%D0%A%D0%A2> (accessed: 04.01.2023). (In Russian)

Vlasova A. A., Shcherbak N. F. Linguistics of Silence: Basic Functions and Functional Potential of the Silential Act. *Tavrichesky Nauchny Observer*, 2017, no. 4–1 (21), pp. 74–80. (In Russian)

Манёрова Кристина Валерьевна

доцент кафедры немецкой филологии СПбГУ, кандидат филологических наук

Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Kristina V. Manerova

Associate Professor of German Philology Department, St. Petersburg State University,

Candidate of Philological Sciences

Address: 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

E-mail: k.manerova@spbu.ru

Статья поступила в редакцию 22 февраля 2023 г.

Принята к публикации 26 апреля 2023 г.

ХЕДЖИРОВАНИЕ В ДЕОНТИЧЕСКИХ ВЫСКАЗЫВАНИЯХ (на материале немецкого и русского языков)

Для цитирования: *Сытько А. В.* Хеджирование в деонтических высказываниях (на материале немецкого и русского языков) // *Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете.* 2023. Вып. 13. С. 392–412. <https://doi.org/10.21638/spbu33.2023.122>

В статье рассматривают способы и средства снижения категоричности деонтического высказывания. Анализ проводится на материале корпусов национальных языков — русского и немецкого. В качестве общей задачи ставится вопрос о том, какие из компонентов участвуют в снижении категоричности деонтического высказывания, ядерным языковым эквивалентом которого в немецком и русском языках является деонтическая конструкция, состоящая из следующих обязательных компонентов: деонтического маркера, или предиката, т. е. выразителя модальной семантики; инфинитива смыслового глагола, обозначающего действие, которое призвано изменить положение вещей; деонтического субъекта, который потенциально может реализовать указанное действие, а также различных факультативных компонентов. Исследование носит комплексный характер, учитывает специфику и семантическое разнообразие всех компонентов модального высказывания с точки зрения их вклада в смягчение иллокутивной силы сообщения о долженствовании. Показано, что взаимосвязь деонтики и эпистемики на внутреннем уровне позволяет говорящему эксплицитировать модус деонтического высказывания для осуществления прагматических задач. В статье впервые на основании корпусных данных выявляются и систематизируются средства модусного маркирования деонтического высказывания, являющегося путативным суждением; выявляются факультативные компоненты, указывающие на неопределенность, такие как темпоральные маркеры и кванторные слова, а также различные оценочные показатели, способствующие коммуникативному сотрудничеству и созданию положительного имиджа говорящего. Описываются семантические типы деонтического субъекта, участвующие в создании неопределенности высказывания. Рассматривается роль деонтического источника в снижении категоричности, экспликация которого модифицирует абсолютный характер нормы и позволяет говорящему объяснить причины необходимости. Систематизируются способы экспликации данного внеязыкового компонента деонтической ситуации. Раскрывается роль деонтического перформатива в хеджировании вводимого сообщения, которое благодаря перформативной формуле маркировано как информационно значимое. Представленные результаты вносят вклад в теоретическое понимание такого сложного феномена, как модальное высказывание.

Ключевые слова: долженствование, деонтическое высказывание, деонтический маркер/предикат, деонтический источник, деонтический перформатив, категоричность.

HEDGING IN DEONTIC STATEMENTS (on the material of German and Russian languages)

For citation: Sytko A. W. Hedging in deontic statements (on the material of German and Russian languages). *German Philology in St. Petersburg State University*, 2023, iss. 13, pp. 392–412. <https://doi.org/10.21638/spbu33.2023.122> (In Russian)

The article examines ways and means of reducing the categoricalness of the deontic statement. The analysis is carried out based on the corpora of national languages, Russian and German. The nuclear equivalent of a deontic utterance in German and Russian is a deontic construction consisting of the obligatory components such as a deontic marker/predicate; an infinitive of a semantic verb denoting an action aimed at changing the situation; the deontic subject, or potential performer, of a required action as well as various optional components. The study focuses on figuring out the components of the deontic construction involved in reducing the categoricalness of the deontic utterance. The study shows that the interconnection of deontics and epistemics in the deep structure allows explicating the putative mode of deontic utterances for speaker's pragmatic tasks. Based on the corpus data, it systematizes the means of marking the epistemic modus of a deontic statement. It reveals optional components marking fuzziness and indicating the uncertainty of necessity, which include temporal markers and quantifiers as well as various evaluative indicators contributing to communicative cooperation and creating a positive image of the speaker. It describes the semantic types of the deontic subject involved in the creation of the indefiniteness of the statement. The study addresses the role of the deontic source explication in reducing categorialness. It reveals the role of the deontic performative in hedging the introductory message, which due to the performative formula is marked as informationally significant.

Keywords: obligation, deontic statement, deontic marker/predicate, deontic source, deontic performative, categorialness.

1. Введение

Основным требованием к качеству коммуникативного процесса является достижение взаимопонимания. В наибольшей степени этому способствует формирование благоприятных условий общения, достигаемое в том числе за счет использования некатегоричных и нечетких высказываний, способы и средства создания которых представляют собой лингвистическое хеджирование, или «речевую осторожность», «речевое страхование».

Нечеткость — это природа языка, которая наделяет его различными прагматическими функциями. Хеджирование выполняет

«защитную трансформацию предложения и включает в себя лингвистические средства, которые функционируют на уровне межличностного общения» [Namsaraev 1997: 65]. Согласно Дж. Лакоффу, хеджирование представляет собой использование в речи слов и оборотов, «функция которых заключается в том, чтобы сделать понятия более или менее «неясными» [Lakoff 1972: 195]. Включая в высказывание определенный термин, выбирая определенную структуру или придавая высказыванию определенную интонацию, говорящий демонстрирует «свою частичную или полную отстраненность от самого объекта, о котором идет речь, либо от иллюкативной силы собственного высказывания» [Fraser 2008: 15]. Задача хеджирования заключается в целенаправленном смягчении выдвигаемых пропозиций и снижении их категоричности. Говорящий, предвосхищая возможное несогласие адресата с сообщением, пытается полностью или частично снять с себя ответственность за сообщение, абстрагироваться от своего реально произнесенного текста.

В. Намсараев обращает внимание на то, что хеджирование чаще всего рассматривается в рамках других лингвистических явлений, как, например, модальность [Namsaraev 1997: 65]. В этом плане представляется интересным рассмотреть способы и средства хеджирования, которые говорящий использует при реализации деонтического высказывания, которое как сообщение о принуждении к действию является достаточно интенсивным, что и составляет *цель* данной работы.

Деонтическое высказывание выражает отношение к способу изменения положения дел, т. е. к действиям, своим или окружающих, по непременно созданию иного положения дел. Семантическую «номенклатуру» деонтической ситуации составляют два разных с точки зрения онтологии компонента — языковой и внеязыковой. Внеязыковым компонентом выступает *деонтический источник*, или объективная причина, которая обуславливает изменение текущего положения и, таким образом, модальное отношение. Языковым компонентом деонтической ситуации является *модальное высказывание*, которое, в свою очередь, более сложно отображается в деонтической ситуации и включает в себя деонтический маркер, деонтический субъект (исполнитель действия) и смысловой глагол (способ изменения ситуации). Учитывая тот факт, что практически любая лингвистическая единица в зависимости от прагматических факторов может функционировать как хедж, возникает *вопрос*, ка-

кие компоненты деонтической ситуации и деонтического высказывания в частности участвуют в ослаблении иллюкативной силы, категоричности деонтического высказывания.

Эмпирическим материалом исследования послужили контексты, взятые из корпусов национальных языков, русского и немецкого [НКРЯ; DWDS], поскольку языковые корпуса национальных языков благодаря репрезентативности и сбалансированности языкового материала являются наиболее ценным источником данных, обеспечивающий достоверную информацию об актуальном и реальном использовании того или иного языкового выражения.

2. Модус деонтического высказывания и его экспликация

Благодаря деонтическому предикату модальная структура представляет собой высказывание со снятой утвердительностью, т. е. «говорящий не несет ответственности за ее истинность, т. е. не утверждает ее, а также не предполагает в виде презумпции» [Падучева 2015: 131], что позволяет исследователям относить модальные, в том числе и деонтические, предикаты к хеджам [Vlasyan 2018].

Деонтическое отношение к действию формируется на базе оценочных суждений в результате логической операции умозаключения. Таким образом, оно является путативным высказыванием-мнением о долженствовании, накладываемом на потенциального исполнителя. Путативный «фундамент» деонтического высказывания свидетельствует о том, что его пропозиция лишена параметра истинности: компонент «соответствует действительности» не является данным для деонтического высказывания, а входит в фокус коммуникативного интереса, находясь под вопросом [Шатуновский 2016: 46]. Это, в свою очередь, предоставляет свободу слушателю, оставляя ему пространство для выражения мнения, и позволяет говорящему услышать и принять во внимание мнение адресата, что обуславливает апеллятивные возможности деонтического высказывания, семантическую связность реплик в диалоге и соответственно характер ответной реплики на высказывание о долженствовании. Так, ответом на *ты должен сделать P*, наряду с согласием или несогласием, также может выступать вопрос, являющийся общей реакцией на модусную часть высказывания (см.: [Арутюнова 1999]) и выражающий сомнение в правильности умозаключения либо сомнение в собственно необходимости действия:

- Лев, ты **должен** непременно Диме помочь!
- **Ты считаешь?**
- **Да, считаю!** Я Соню хорошо помню, она очень милая [НКРЯ].
- *Du **musst** wirklich damit aufhören, das zu fragen.*
- **Meinst du das ernst?** [DWDS] — «Тебе действительно нужно перестать спрашивать об этом. — Ты серьезно так думаешь?» (перевод здесь и далее мой. — А. С.)
- *Поднимайся, дружок, поднимайся. Первый час. Надо вставать.*
- **Надо?** А зачем? Зачем, собственно, мне это надо? [НКРЯ]

Деонтическое высказывание, адресованное непосредственно слушателю, является способом выражения побуждения, ср.: *ты должен сделать* ≈ *сделай*, но при этом оно звучит менее категорично. В отличие от волеизъявления, которое указывает на желаемое говорящим действие и прямым средством выражения которого является императивная форма, деонтическое высказывание свидетельствует о выгоде от осуществления действия для его исполнителя, т. е. модальное суждение является с точки зрения аксиологии позитивным суждением: *надо сделать P = хорошо, если сделаешь P*.

Любое утверждение можно варьировать по шкале «категорическое — гипотетическое». Экспликация эпистемического модуса в деонтическом высказывании ([я *считаю*], *надо P*) является избыточной. Однако в речи отмечаются случаи выражения в поверхностной структуре модуса, оформленного различными способами и средствами. Модусная экспликация в деонтическом высказывании является способом апелляции к адресату и «сопряжена с желанием пригласить собеседника к обмену мнениями» [Задворная 2000: 33]. Как отмечает Н. Д. Арутюнова, модус становится эксплицитным, когда «мнение может быть оспорено» [Арутюнова 1989: 120], поскольку сам концепт мнения, включающий в себя смыслы 'другой', согласно Ю. Д. Апресяну, семантически сопряжен с идеей выбора [Апресян 2004: 395]. Говорящий предчувствует, что слушающий может отрицательно отреагировать на его высказывание, и, пытаясь избежать этой реакции, апеллирует к адресату при помощи модуса. Подобная тактика предположения и предупреждения негативной реакции адресата позволяет говорящему избежать излишней категоричности при выражении любого мнения в целом и деонтики в частности.

Модусное «обрамление» деонтического высказывания используется говорящим для указания на субъективность высказывания, для снятия ответственности за свой вывод о необходимости, например:

Моя точка зрения иная. Мы должны занять ясную, недвусмысленную позицию [НКРЯ].

Ich werde die Geschäfte in den nächsten Tagen an meinen Nachfolger übergeben und ich glaube, dass wir die Saison kritisch analysieren müssen. Das ist sicher [DWDS]. — «В ближайшие несколько дней я передам бизнес своему преемнику, и я думаю, нам нужно критически проанализировать сезон. Я уверен в этом».

Günther Kaufmann muss wohl die Schlusszene in seinem eigenen Krimi noch einmal umschreiben [DWDS]. — «Гюнтеру Кауфманну, вероятно, придется переписать финальную сцену в своем триллере».

Хотя, по мнению Кремля, ничего менять не надо [НКРЯ].

Таким образом, модусное «комментирование» деонтического высказывания реализуется с помощью следующих средств:

- эпистемических предикатов в персональной и имперсональной форме *думаю, полагаю / ich denke, glaube, vermute, schätze; принято думать, представляется / man denkt, man glaubt; убежден, уверен / ich bin überzeugt, sicher* и т. п.;
- модусных слов проблематической (*по идее, наверное, может, возможно, вероятно / vielleicht, wohl*) либо категорической достоверности (*конечно, определено, безусловно, разумеется / sicher, bestimmt*), которые «добавляют к эпистемической схеме 'возможность того, что р есть' новый компонент и «выносят» его в коммуникативный фокус» [Шатуновский 1988: 18];
- эвиденциальных единиц (*говорят / man sagt, по мнению / nach der Meinung, общее мнение*);
- инференциальных, не всегда связанных с путативностью, маркеров *выходит, получается, таким образом, значит / also, следовательно / folglich*, демонстрирующих выводной, причинно-следственный характер деонтического суждения;
- парафразы *то есть / das heißt, иными словами / andersum*.

Кроме этого, смягчение деонтического высказывания, придание ему предположительного характера осуществляется путем его трансформации в форму неместоименного вопроса. Подобная митигация является важнейшим средством взаимодействия в разговорной речи. Отметим, что вопросительная форма может включать в себя модусные слова и инференциальные маркеры:

*Herr Müller-Glissmann, an den wichtigsten Börsen weltweit geht es seit geraumer Zeit nur in eine Richtung: nach oben. **Müssen** wir uns allmählich vor einem Crash fürchten?* [DWDS]. — «Господин Мюллер-Глиссманн, самые важные фондовые биржи в мире уже некоторое время движутся только в одном направлении: вверх. Надо ли нам бояться краха?»

*Ведь тебе, **наверное, надо** умыться с дороги?* [НКРЯ].

***Так что, избиратель должен** идти голосовать за проект?* [НКРЯ].

Эксплицитно выражая субъективное, гипотетическое отношение к содержанию деонтического высказывания, говорящий демонстрирует, что могут быть и другие точки зрения относительно долженствования. Таким образом, говорящий стремится получить либо согласие речевого партнера с необходимостью действия, т. е. подтверждение правильности умозаключения (*да, [я тоже так считаю, надо P]*), либо услышать опровержение своего мнения о необходимости (*нет, [я считаю], не надо*).

3. Экспликация деонтического источника как способ хеджирования

В основе деонтического отношения лежат различные социальные условия, в соответствии с которыми говорящий субъект «объявляет» поступки/действия необходимыми. Обуславливающие выражение модального отношения причины именуется исследователями *деонтическими источниками* (deontic source в [Lyons 1977; Kratzer 1981]). Деонтические источники могут составлять общие фоновые знания коммуникантов (например, правила поведения за столом) или входить в пресуппозицию высказывания, что не предполагает их называния в речи. В ряде случаев этот внеязыковой по природе компонент деонтической ситуации эксплицируется в по-

верхностной структуре высказывания. И. Б. Шатуновский обращает внимание на то, что эксплицитная ссылка на обстоятельство делает необходимость «менее абсолютной» и «более относительной» [Шатуновский 1996: 230].

Так, указание на универсальную норму реализуется предложными конструкциями с предлогами *по, согласно, в соответствии с / laut, entsprechend, gemäß*; косвенной цитацией: *в законе говорится, сказано, правило гласит, устанавливает / im Vertrag steht, im Vertrag heißt es, im Vertrag ist festgelegt, im Vertrag ist vorgesehen* 'в договоре указано, установлено, в договоре предусмотрено' и т. п.:

По договору они должны освободить дома, как только перестают работать [НКРЯ].

В поверхностной структуре деонтического высказывания, базирующегося на ситуативных нормах, может присутствовать целый ряд экспликаторов причины необходимости. Так, если деонтическим источником выступают конвенциональные правила поведения, то высказывания могут содержать сравнительный оборот со значением причины с союзом *как*, который характеризует «идеализированный» субъект:

А молчать обязан, как член партии [НКРЯ].

В случае деонтического высказывания, обусловленного сложившимся положением дел, отмечается прямая номинация причины, а именно лексема *обстоятельство(-а) / Umstände*, в связи со сложившимися обстоятельствами / *durch Umstände*:

Он молчал и, казалось, собирался с духом. — Обстоятельства требуют... я должен вас оставить, — сказал он наконец, — вы скоро, может быть, услышите... Но перед разлукой я должен с вами сам объявиться... [НКРЯ].

Es gibt immer wieder unvorhersehbare Umstände, die erfordern, dass mehr Geld ausgegeben werden muss als erwartet [DWDS]. — «Снова и снова возникают непредвиденные обстоятельства, требующие того, что нужно потратить больше денег, чем ожидалось».

Указание на ситуативные договоренности оформляется либо предложной конструкцией с предлогом *по* и с существительным *уговор*, либо глаголом в прошедшем времени (*как*) *договорились*, *условились* и т.п., который вводит изъяснительную придаточную часть, содержащую собственно деонтическое высказывание:

Мы условились, что они должны вернуться в 15 часов [НКРЯ].

Кроме этого, деонтическое высказывание детерминируется волеизъявлением другого лица, что фиксируется различными глаголами речи или существительными, указывающими на требование или предложение: *поручение*, *требование*, *условие*/*Auftrag*, *Forderung*, *Bedingung* и т.п., например:

В соответствии с поручением Президента, субъекты Российской Федерации должны завершить разработку собственных планов развития информационного общества до 1 мая этого года [НКРЯ].

*Da aber der Wirt von schreibenden Gästen allein nicht existieren kann, so hat er zur **Bedingung** gemacht, dass jeder Besucher mindestens einen blanken Kaffee verzehren muss* [DWDS]. — «Но поскольку домовладелец не может существовать за счет просто пишущих гостей, он поставил условие, что каждый гость должен выпивать хотя бы одну чашку простого кофе».

Экспликация деонтического источника обусловлена как прагматически, для снижения интенсивности деонтического высказывания, так и коммуникативно, для реализации аргументативно-экспланаторной функции, именно объяснение причин необходимости позволяет говорящему смягчить характер нормативного высказывания.

4. Маркеры неопределенности в деонтическом высказывании

Участвовать в создании размытости и неточности могут также и иные компоненты деонтического высказывания, такие как деонтический субъект (а именно семантический тип субъекта, который может быть выражен конкретным или обобщенным агентом 1, 2

или 3-го лица), деонтический маркер (безличный/личный и временная форма), а также некоторые факультативные компоненты.

Способом создания неопределенности выступает в высказывании деонтический субъект с неопределенным широким референциальным объемом. Речь идет об обобщенных субъектах *мы* и *вы*, использование которых типично для институциональной коммуникации:

Ich glaube, wir müssen nun die zeitweise so lächerlich gewordene Fahne der Vernunft und des Fortschritts „von neuem“ weitertragen [DWDS]. — «Я думаю, что мы должны “снова нести идею разума и прогресса, которая теперь стала такой смешной”».

Субъект без определенной референции, который оформляется в поверхностной структуре неопределенным местоимением *кто-то / jemand* (так называемые нереферентные местоимения см. [Падучева 2008: 93]), также создает контекст снятой утвердительности, как и любой деонтический предикат, что способствует еще большему размыванию ответственности говорящего, способом абстрагирования от называния лица, которое должно выполнить действия:

Auch die klügste Redaktion macht keine perfekte Zeitung. Und für alles, was nicht klappt, muss jemand gerade stehen [DWDS]. — «Даже самые умные редакторы не могут создать идеальную газету. И за все, что не работает, кто-то должен взять на себя ответственность».

Так, в следующем примере говорящий намеренно не использует отрицательное местоимение *никто*, хотя имеет ввиду именно отрицание:

Как я уже говорил (еще одна моя любимая фраза у писателей и публицистов — как будто кто-то должен помнить, что ты там написал год назад), все, что начинается на Ki!, имеет отношение к церкви [НКРЯ]. ← никто не помнит

Неопределенность создают также безличные предикаты, которые употребляются для смещения коммуникативного фокуса на другой компонент деонтического высказывания в случае намеренной элиминации деонтического субъекта. Безличность, безуслов-

но, является типичной характеристикой русского языка, в котором существует ряд безличных деонтических предикатов, таких как *надо, нужно, следует, необходимо*:

Таинственный соперник. Его нужно опередить, а морду ему мы всегда успеем пощупать [НКРЯ]. ← нам нужно

Безличные маркеры могут использоваться в том числе и в грамматически субъектных конструкциях, т.е. с указанием субъекта в дательном падеже, однако по данным корпусов они составляют 40 833 вхождения, или 5,9 % выборки, т.е. гораздо чаще фиксируются грамматически бессубъектные структуры.

В немецком языке грамматическая бессубъектность невозможна. Эквивалентом русскоязычных бессубъектных конструкций выступают безличные структуры с местоимением *man* и *es*, а также пассивные конструкции:

Die Zeit ist fast rum, es muss ausgesiebt werden: Zwei Oberbegriffe sollen am Ende über allen stehen, höchstens (Die Zeit, 18.11.1999, Nr. 47) [DWDS]. — «Время почти истекло, нужно отсеять: в результате два общих понятия должны стоять выше всех».

Eine Teestube in Hamburg zu finden, ist nicht schwierig. Eine türkische Teestube mit einem bestimmten Fernsehprogramm zu finden, nun ja, da muss ein bisschen gesucht werden [DWDS]. — «Найти в Гамбурге чайную несложно. Но чтобы найти турецкую чайную с определенной телепрограммой, то нужно немного поискать».

При этом *man* предполагает референта субъекта, а безличное *es* является «пустым», имеющим лишь план выражения (например, *es muss sich sagen* ‘нужно сказать’; *es muss darauf ankommen* + Inf ‘это должно зависеть от’ и т.п.).

В русском языке пассивные деонтические конструкции также используются, однако их употребление крайне ограничено:

Так в той же статистике должно быть сказано, что более 80 процентов мужчин НЕ остается с детьми, то есть, они «приходящие папы [НКРЯ].

Деонтические структуры характеризуются различной степенью темпоральной определенности. Темпоральные маркеры неопределенности, такие как *когда-нибудь, как-нибудь / an einem Tag, eines*

Tages, irgendwann, früher oder später, первичная функция которых состоит в маркировании временных характеристик деонтического высказывания, снижая степень конкретности сроков исполнения, обуславливают большую степень абстрактности, что способствует снижению категоричности:

„*Man muss irgendwann Licht am Horizont sehen und aufpassen, dass man nicht gutes Geld schlechtem hinterherwirft*“, sagt Lange [DWDS]. — «В какой-то момент нужно увидеть свет на горизонте и быть начеку, чтобы не выбросить хорошие деньги», — говорит Ланге».

Его звали Федор Кампов, у меня сохранились его письма, надо как-нибудь посмотреть [НКРЯ].

Для смягчения утверждения говорящий встраивает в деонтическое высказывание такие кванторные слова, как *немного, малость, чуть-чуть / ein wenig, etwas, ein bisschen* как в значении 'в течение небольшого промежутка времени; недолго', так в лексико-семантическом варианте 'в некоторой степени; чуть-чуть, слегка' (о кванторных словах см. [Булыгина, Шмелев 1997: 201]):

Держись, надо немного потерпеть и подождать, пока твой малыш подрастет [НКРЯ].

Ein Kader mit 30 Spielern ist einfach zu groß, der muss ein wenig gestrafft werden [DWDS]. — «Команда из 30 игроков слишком велика, ее нужно немного упорядочить».

Отметим, что в деонтическом высказывании все указанные средства хеджирования могут использоваться одновременно, гармонично взаимодействуя и поддерживая друг друга при снижении категоричности.

5. Оценочные показатели в деонтическом высказывании как хедж

Хеджирование связано с отношением говорящего к описываемой ситуации, при этом отношение может быть не только модальным, но и эмоциональным. Аксиологическое суждение, возникающее в результате ситуативного противопоставления деонтики и волитивности, в результате конфликта воления и долженствования (*плохо, что надо P, потому что не хочет/хочу*), позволяет го-

ворящему при помощи деонтического высказывания реализовать прагматику сожаления, что осуществляется эксплицитно, а именно: или при помощи различных оценочных показателей, маркирующих негативные эмоции (*досадно, жаль, к сожалению / leider/ zu (meinem) / mit (großem) Bedauern, bedauerlicherweise, к несчастью / zu allem Unglück*), или благодаря деонтическому предикату, что возможно только в русском языке, в системе деонтических предикатов которого присутствуют единицы, реализующие семантику принуждения (деонтические лексемы *приходится (пришлось, придется) и вынужден*). Указанные единицы употребляются как самостоятельно, так и в комбинации друг с другом:

*Но в нашей стране обязательное среднее образование. Поэтому во-
семь классов тебе **придется** закончить. Хоть чуелом, хоть тушкой*
[НКРЯ].

*Но, к **сожалению**, тебе **придется** прекратить занятия* [НКРЯ].

Подобное хеджирование отмечается в случаях, если деонтическое высказывание является вежливой негативной реакцией, а именно косвенным отказом: говорящий ссылается на необходимость осуществления действия P1, что является причиной отказа выполнить действие P:

*К **сожалению**, **должен** срочно уйти и Вас не увижу* [НКРЯ].

*Entschuldigung, **ich kann leider nicht** reinkommen... Ich hab noch zu tun,
also mein Chef hat angerufen, **ich muss noch wohin... leider*** [DWDS].

— «Извините, к сожалению, я не могу войти... У меня еще есть работа, поэтому звонил мой босс, мне нужно куда-то идти... к сожалению».

6. Смещение темпорального плана как способ хеджирования

Деонтическое высказывание не является фактуальным. С точки зрения темпоральной семантики оно представляет собой утверждение с семантикой проективности, выражающее только необходимость действия без указания на его фактическое выполнение [Narrog 2005: 184]. Смещение темпорального плана в прошлое или использование сослагательности позволяет говорящему употреблять деонтическое высказывание для фиксации факта недостижения цели. Подобное оформление выносит в коммуникативный фо-

кус долженствование, что снижает категоричность утверждения о невыполненном действии, ср. *ты не сделал* ↔ *ты должен был сделать*:

Костя сидел на диване с холодным компрессом на распухающей ступне, Дашка суетилась вокруг в поисках бинтов. — Вот видишь! Она тебе предсказала! А ты должен был послушаться... Алисочка, а что теперь? [НКРЯ].

В отношении немецкого языка следует подчеркнуть семантическую разницу в использовании модальных глаголов в *Präteritum*. Глагол *müssen* выбирается, если действие в прошлом рассматривается как реализованное: *er musste vorige Woche nach Hause fahren, weil seine Mutter krank ist* — ‘на прошлой неделе ему пришлось поехать домой, потому что его мать заболела’ (необходимость + реализация, т. е. он поехал). В случае с глаголом *sollen* реализация остается открытой, очевидной только из контекста, и выражается только необходимостью в прошлом: *er sollte nach drei Tagen zurück sein, um an der Prüfung teilzunehmen* — ‘он должен был вернуться через три дня, чтобы сдать зачет’» [Helbig, Buscha 2011: 133].

7. Деонтические перформативы как способ хеджирования

Деонтические высказывания характеризуются тем, что в них могут функционировать зависимые смысловые глаголы разных семантических классов. Модальные высказывания с коммуникативными глаголами и с субъектом 1-го лица (*я, мы*) активно используются в перформативной функции. Они не описывают действительность, а равносильны самому осуществлению этого действия: *я должен сказать, что / ich muss sagen, dass ... = я говорю*. Как отмечает Е. В. Падучева, употребление любого модального предиката служит снятию коммуникативного выделения с речевого глагола, у которого изначально тематизирован компонент ‘говорение’ [Падучева 2008: 94, 138], ср.: *я говорю, что ...* ↔ *должен сказать, что...*

Основной прагматической задачей деонтического перформатива является актуализация фактивной или оценочной информации, которая для данной ситуации характеризуется содержательной/информационной значимостью. Благодаря путативной

основе деонтического высказывания (*считаю, что должен сказать*) такая форма представления информации «страхует» ответственность говорящего за ее неверность и предвосхищает возможное несогласие, что особенно важно, если последующая пропозиция содержит негативную информацию.

Деонтические конструкции отличаются от других модализованных перформативов тем, что благодаря семантике модальных маркеров («не могу иначе», иными словами, «здесь и сейчас я не могу промолчать») они могут вводить пропозицию с отрицательным знаком оценки, т.е. сообщать о том или то, что субъект считает неприятным для адресата. Е. М. Вольф отмечает в этой связи, что по знаку оценки такие высказывания противостоят высказываниям с модальностью возможности, которые нейтральны или имеют знак «+»: *я могу сообщить Вам, что р* [Вольф 2002: 124]:

Es muss gesagt werden, dass die Führung Chinas den Vertrag negativ bewertete und bewertet [DWDS]. — «Надо сказать, что руководство Китая оценило и оценивает договор негативно».

Снижение категоричности самого деонтического перформатива осуществляется всеми указанными выше средствами: пассивизацией конструкции (что ограничено сферой употребления), включением в нее модальных слов проблематической достоверности, при помощи таких факультативных компонентов, как эмоциональные маркеры (*к сожалению, с сожалением, с прискорбием, с грустью, как ни грустно / leider, zu meinem Bedauern*, а также метафорические показатели частной оценки (*с тяжелым сердцем*) и т.п.), в русском языке также благодаря деонтическим предикатам *вынужден, приходится*. Аксиологически маркированные деонтические перформативы не снижают значимости вводимого сообщения. Их использование связано с желанием говорящего скрыто извиниться за возможный неприятный эффект от своих слов (*не хочу, но должен сообщить*), что способствует коммуникативному сотрудничеству:

К сожалению, должен сообщить вам неприятное известие: несколько лет тому назад говорящий кот скончался во время очередного выступления, будучи не в состоянии произнести слово «неоколониализм» [НКРЯ].

С тяжёлым сердцем я должен признаться, что все мои усилия пропали даром и даже, к моему ужасу, дали обратный результат [НКРЯ].

*Viele Menschen haben völlig falsche Vorstellungen vom Reinigungsberuf, und **ich muss leider sagen**, dass der Film diese Vorurteile eher bestätigt als abbaut* [DWDS]. — «Многие люди имеют совершенно неправильные представления о профессии уборщика, и, к сожалению, должен сказать, что фильм скорее подтверждает этот стереотип, чем опровергает».

Деонтические перформативы активно расширяются также иными оценочными лексемами, которые указывают на отношение говорящего к пропозиции, а именно единицами, выражающими искренность и правдивость высказывания (*справедливости ради, объективно, правда, честно, прямо, открыто, объективно / (ganz) ehrlich, ehrlicherweise, offen und ehrlich*), которые относятся к коммуникативному глаголу, ср.: *должен честно, прямо сказать, что p = скажу честно, что p / если честно, то p*, например:

Ich muss ehrlich sagen, dass so eine Helmpflicht vermessen wäre. Die Zuschauer würde das vielleicht beruhigen, weil es für sie sicherer aussieht, weil man es mit dem Rad oder Motorradfahren vergleicht [DWDS]. — «Должен честно сказать, что требовать такой шлем было самонадеянным. Возможно, это успокоит аудиторию, потому что для них это выглядит безопасно и сравнивается с ездой на велосипеде или мотоцикле».

*Вспоминая сегодня, 1 июня 1971 года, те дни, **вынужден честно заявить, что мы получили после смерти Сталина тяжелое наследство*** [НКРЯ].

Данные единицы способствуют поддержанию коммуникативного престижа говорящего, при этом они участвуют в увеличении категоричности конструкции, поскольку подчеркивают уверенность говорящего в том, что говорится.

Заключение

Деонтическое высказывание представляет собой сложное языковое образование, в котором все компоненты теснейшим образом взаимосвязаны и реализуют различные семантические и прагматические задачи, поскольку конкретные высказывания существуют не для того, чтобы выразить ту или иную модальную

категорию, а направлены на то, чтобы передать речевой смысл. Семантика деонтического высказывания свидетельствует о его категоричности, поскольку сообщение о необходимости обязательного изменения положения дел является интенсивным. При этом семантическое разнообразие компонентов деонтического высказывания и их языковое воплощение в конкретной речевой ситуации позволяют говорящему внести в его семантику некоторую неопределенность. Таким митигирующим потенциалом обладает прежде всего деонтический субъект, референциальный объем которого говорящий может намеренно варьировать: или модифицируя конкретного исполнителя в неопределенного, или расширяя референциальный объем до обобщенного, или элиминируя деонтический субъект из поверхностной структуры. Пассивизация деонтической конструкции дает возможность не называть потенциального исполнителя. Кроме этого, расширение деонтического высказывания факультативными компонентами, указывающими на нечеткость и расплывчатость прежде всего темпоральных параметров осуществления необходимого действия, позволяет говорящему ослабить иллюкутивную силу. Различные оценочные показатели не снижают категоричность, но реализуют прагматику сожаления, защищая говорящего от критики о сообщении о необходимости, что способствует коммуникативному сотрудничеству и созданию положительного имиджа говорящего. Смещение временного плана в прошлое позволяет завуалированно указать на неосуществленное действие.

Имманентное присутствие эпистемического компонента в деонтическом суждении дает возможность экспликации модуса модального высказывания для осуществления определенных прагматических задач, прежде всего для снижения категоричности, оставляя «последнее» слово за адресатом. При этом путативный модус оформляется также посредством трансформации модального высказывания в вопросительную форму.

Экспликация внеязыкового компонента деонтической ситуации, т.е. деонтического источника, не снижает категоричности модального высказывания, конкретная ссылка на причину необходимости снимает ответственность с говорящего и модифицирует абсолютный характер нормы.

Типичным хеджем выступает такой вид деонтического высказывания, как деонтический перформатив, основной функцией

которого является маркирование информационной значимости пропозиции речевого глагола. При этом снятая утвердительность деонтического высказывания позволяет снизить риски говорящему, который предполагает, что названная информация может быть оспорена.

Все указанные средства снижения категоричности деонтического высказывания оказываются в немецком и русском языках идентичными. В зависимости от того или иного типа речевой практики увеличивается тот или иной способ хеджирования в деонтическом высказывании.

Источники иллюстративного материала

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 31.10.2022).

DWDS — Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache des 20. Jahrhunderts. URL: <http://www.dwds.de> (дата обращения: 31.10.2022).

Справочные материалы

Апресян Ю. Д. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка, под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; 2-е изд., испр. и доп. М.; Вена: Языки славянской культуры, 2004. 1488 с.

Литература

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.

Арутюнова Н. Д. «Полагать» и «видеть» (к проблеме смешанных пропозициональных установок) // Логический анализ языка: проблемы интенциональных и прагматических контекстов: сб. ст. / АН СССР, Ин-т языкознания; отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Наука, 1989. С. 7–30.

Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 576 с.

Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки, 2-е изд., доп. М.: Едиториал УРСС, 2002. 260 с.

Задворная Е. Г. Субъект высказывания и дискурса: человек говорящий и человек мыслящий. Минск: Изд-во МГЛУ, 2000. 270 с.

Падучева Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью: референциальные аспекты семантики местоимений / отв. ред. В. А. Успенский. 5-е изд., испр. М.: URSS: Изд-во ЛКИ, 2008. 296 с.

Падучева Е. В. Снятая утвердительность и неверидиктальность (на примере русских местоимений отрицательной полярности) // *Russian Linguistics*. 2015. Vol. 39 (2). P. 129–162. <https://doi.org/10.1007/s11185-015-9145-6>

Шатуновский И. Б. Речевые действия и действия мысли в русском языке. М.: Издательский дом ЯСК, 2016. 477 с.

Шатуновский И. Б. Семантика предложения и нереперентные слова: значение, коммуникативная перспектива, прагматика. М.: Языки русской культуры, Кошелев, 1996. 399 с.

Шатуновский И. Б. Эпистемические глаголы: коммуникативная перспектива, презумпции, прагматика // *Логический анализ языка: Знание и мнение*. М.: Наука, 1988. С. 18–22.

Fraser B. A brief history of hedging // *Vagueness in Language* / ed. by St. Schneider. Bingley: Emerald Publishing, 2008. P. 87–91.

Helbig G., Buscha J. *Deutsche Grammatik: ein Handbuch für den Ausländerunterricht*. Berlin; München; Wien; Zürich [u. a.]: Langenscheidt, 2011. 654 S.

Kratzer A. The notional category of modality // *Words, worlds, and contexts: New approaches in word semantics* / ed. by H. J. Eikmeyer and H. Rieser. Berlin: W. de Gruyter, 1981. P. 38–74.

Lakoff G. Hedges: A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts // *Chicago Linguistic Society Papers*. 1972. Vol. 8. P. 183–228.

Lyons J. *Semantics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1977. Vol. 2. 897 p.

Namsaraev V. Hedging in Russian Academic Writing in *Sociological Texts* // *Hedging and Discourse*. Berlin; New York: W. de Gruyter, 1997, P. 64–79.

Narrog H. Modality, mood and change of modal meanings: A new perspective // *Cognitive Linguistics*. 2005. Vol. 16 (4). P. 677–731. <https://doi.org/10.1515/cogl.2005.16.4.677>

Vlasyan G. R. Linguistic Hedging in the Light of Politeness Theory // *Word, Utterance, Text: Cognitive, Pragmatic and Cultural Aspect: The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences*. 2018. Vol. 39. P. 685–890. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2018.04.02.98>

References

Arutyunova N. D. *Language and the world of man*. 2nd ed., corr., Moscow, Iazki russkoi kul'tury Publ., 1999, 896 p. (In Russian)

Arutyunova N. D. “Polagat” and “videt” (on the problem of mixed propositional attitudes). *Logicheskii analiz iazyka: problemy intensional'nykh i pragmaticheskikh kontekstov*, AN SSSR, In-t iazykovoznaniia, ed. by N. D. Arutyunova. Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 7–30 (In Russian)

Bulygina T. V., Shmelev A. D. *Linguistic Conceptualization of the World (based on Russian Grammar)*. Moscow, Shkola "Iazyki russkoi kul'tury" Publ., 1997, 576 p. (In Russian).

Wolf E. M. *Functional semantics of evaluation*. 2nd ed., add., Moscow, Editorial URSS Publ., 2002, 260 p. (In Russian)

Zadvornaya E. G. *The subject of utterance and discourse: A speaking person and a thinking person*. Minsk, Izd-vo MGLU Publ., 2000, 270 p. (In Russian)

Paducheva E. V. *Utterance and Its Correlation with Reality: Referential Aspects of Pronoun Semantics*, 5th ed., rev. Moscow, LKI Publ., 2008, 296 p. (In Russian)

Paducheva E. V. Suspended assertion and nonveridicality: The case of Russian Negative Polarity Items. *Russian Linguistics*, Springer, 2015, Vol. 39 (2), pp. 129-162. <https://doi.org/10.1007/s11185-015-9145-6> (In Russian)

Shatunovsky I. B. *Speech actions and actions of thought in Russian*. Moscow, Izdatel'skiy Dom YASK Publ., 2016, 477 p. (In Russian)

Shatunovsky I. B. *Sentence semantics and non-referential words: meaning, communicative perspective, pragmatics*. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury, Koshelev Publ., 1996, 399 p. (In Russian)

Shatunovsky I. B. Epistemic verbs: communicative perspective, presumptions, pragmatics. *Logicheskiy analiz iazyka: Znanie i mnenie*, Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 18-22. (In Russian)

Fraser B. A brief history of hedging. *Vagueness in Language*, ed. by St. Schneider, Bingley, Emerald Publishing, 2008, pp. 87-91.

Helbig G., Buscha J. *Deutsche Grammatik: ein Handbuch für den Ausländerunterricht*. Berlin, München, Wien, Zürich [u. a.], Langenscheidt, 2011, 654 S.

Kratzer A. The notional category of modality. *Words, worlds, and contexts: New approaches in word semantics*, ed. by H. J. Eikmeyer and H. Rieser, Berlin, W. de Gruyter, 1981, pp. 38-74.

Lakoff G. Hedges: A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts. *Chicago Linguistic Society Papers*, 1972, Vol. 8, pp. 183-228.

Lyons J. *Semantics*. Cambridge, Cambridge University Press, 1977, vol. 2, 897 p.

Namsaraev V. Hedging in Russian Academic Writing in Sociological Texts. *Hedging and Discourse*, Berlin; New York, W. de Gruyter, 1997, pp. 64-79.

Narrog H. Modality, mood and change of modal meanings: A new perspective. *Cognitive Linguistics*, 2005, vol. 16 (4), pp. 677-731. <https://doi.org/10.1515/cogl.2005.16.4.677>

Vlasyan G. R. Linguistic Hedging in the Light of Politeness Theory. *Word, Utterance, Text: Cognitive, Pragmatic and Cultural Aspect: The European Proceedings of Social & Behavioral Sciences*, 2018, Vol. 39, pp. 685-890. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2018.04.02.98>

Сытько Анна Васильевна

доцент, заведующая кафедрой фонетики и грамматики немецкого языка Минского государственного лингвистического университета, кандидат филологических наук
Адрес: Республика Беларусь, 220034, Минск, ул. Захарова, 21

Anna W. Sytko

Associate Professor, Head of German Phonetics and Grammar Department, Minsk State Linguistic University, Candidate of Philological Sciences
Address: 21, ul. Zacharova, Minsk, 220034, Republic of Belarus

E-mail: anns55555@yahoo.de

Статья поступила в редакцию 14 февраля 2023 г.

Принята к публикации 26 апреля 2023 г.

СРЕДСТВА ВЕРБАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ ВЕЖЛИВОСТИ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

Для цитирования: *Палехова О. В.* Средства вербализации категории вежливости в немецкоязычном медиадискурсе // *Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете.* 2023. Вып. 13. С. 413–427. <https://doi.org/10.21638/spbu33.2023.123>

В центре внимания данной статьи находится важный для изучения коммуникативного взаимодействия фактор — категория вежливости. Вежливость предписывает коммуникантам принятые в обществе те или иные формы речевого поведения, необходимые для успешного межличностного общения. Выбор определенных стратегий вежливого поведения подразумевает также выбор определенных единиц вербального общения. Основная цель статьи заключается в рассмотрении наиболее типичных языковых средств реализации вежливости в немецком медиадискурсе. Анализ производится на материале текстов, функционирующих в современных средствах массовой коммуникации, в частности в таких ключевых диалогических жанрах медиадискурса, как аналитическое интервью и интервью-беседа. Выбор в качестве материала публицистических диалогических жанров обусловлен тем, что их целью является оказание воздействия на адресата, что подразумевает использование вежливости. Корпус примеров собран из ведущих немецкоязычных журналов «Spiegel Wissen», «Spiegel» и «Cicero» за 2015–2020 гг. методом сплошной выборки. Для осмысления и систематизации отобранных фрагментов, эксплицитно или имплицитно выражающих вежливость, использовался ситуативно-интерпретационный метод. Методологическую основу исследования также составил коммуникативно-прагматический метод, поскольку в основе анализа лежит понимание вежливости как коммуникативно-прагматической категории, направленной, с одной стороны, на организацию и регулирование межличностного общения, с другой — на достижение в процессе общения определенных как коммуникативных, так и прагматических целей. В результате проведенного исследования удалось выявить, что помимо лексем вежливой семантики участники диалога проявляют вежливость по отношению друг к другу, проявляя интерес к обсуждаемой теме, взаимно побуждая друг друга к пояснению высказанного ранее мнения, как правило, в форме вопроса, что выступает в качестве вежливого варианта императива. Результаты исследования демонстрируют также частотность использования презентных и претеритальных форм конъюнктива как дополнительных средств вербализации вежливости по отношению к собеседнику.

Ключевые слова: категория вежливости, коммуникативная стратегия, медиадискурс, успешная коммуникация, единицы вербальной коммуникации.

MEANS OF VERBALIZATION OF THE CATEGORY OF POLITENESS IN THE GERMAN-LANGUAGE MEDIA DISCOURSE

For citation: Palekhova O. W. Means of verbalization of the category of politeness in the German-language media discourse. *German Philology in St. Petersburg State University*, 2023, iss. 13, pp. 413–427. <https://doi.org/10.21638/spbu33.2023.123>

The focus of this article is the category of politeness as an important factor for the study of communicative interaction. Politeness prescribes certain forms of speech behavior which are necessary for successful interpersonal interaction. The main purpose of the article is to consider the most typical linguistic means of implementing politeness in the German media discourse. The analysis is based on such dialogic genres of public communication as analytical interview and interview-conversation. Their purpose is to influence the addressee, which implies the use of politeness. The corpus of examples is collected from the leading German-language magazines *Spiegel Wissen*, *Spiegel* and *Cicero* for 2015–2020 by a continuous sampling method. The situational-interpretative method was used to comprehend and systematize the selected fragments expressing politeness. The methodological basis of the study was also formed by the communicative-pragmatic method since the analysis is based on the understanding of politeness as a communicative and pragmatic category aimed at achieving certain communicative and pragmatic goals in the process of communication. As a result of the research, it was revealed that in addition to the lexemes of polite semantics, the participants of the dialogue show politeness towards each other, showing interest in the topic under discussion, mutually encouraging each other to explain the previously expressed opinion in the form of a question, which acts as a polite version of the imperative. The results of the study also demonstrate the frequency of using subjunctive mood as additional means of verbalization of politeness towards the interlocutor.

Keywords: category of politeness, communicative strategy, media discourse, successful communication, units of verbal communication.

1. Исходные положения

В современной лингвистике одной из категорий, ключевых для понимания механизма взаимоотношений коммуникативных партнеров, является категория вежливости. В начале 70-х годов прошлого столетия данной категории были посвящены исследования таких известных ученых, как Герберт Пол Грайс, Робин Лакофф, Пенелопа Браун, Стивен Левисон и Джеффри Лич. Вежливость рассматривалась как неотъемлемое условие успешной коммуникации. Так, Р. Лакофф, в продолжение основных идей П. Грайса, разработала два основных правила, способствующих налаживанию контакта между участниками коммуникации:

- 1) будь ясным и понятным при изложении информации;
- 2) будь вежлив [Lakoff 1975: 46].

Таким образом, объединив все четыре постулата Грайса¹ в первое правило, она дополнила правилом вежливости, включавшее следующие основные принципы:

- 1) не навязывай свое мнение;
- 2) предоставляй собеседнику возможность выбора;
- 3) проявляй доброжелательность.

Дж. Лич также рассматривал вежливость как необходимое условие успешной коммуникации, трактуя ее как демонстрацию уважительного отношения к собеседнику, что способствует достижению доверительной атмосферы между участниками общения и, как следствие, эффективного речевого взаимодействия [Leech 1983: 79].

Несколько иначе трактовали категорию вежливости П. Браун и С. Левинсон. Их теория вежливости основывается на стратегии позитивной вежливости («позитивное лицо») и негативной вежливости («негативное лицо») [Brown, Levinson 1987: 61]. Предложенная ими концепция вежливости как сохранения лица подразумевала сохранение социального имиджа, присущей для каждого собеседника социальной ценности. В качестве маркера проявления «положительной вежливости» рассматривалась демонстрация внимания к своему собеседнику, солидарность с его взглядами.

О взаимообусловленности вежливости и социального положения собеседников говорит и немецкий лингвист Гудрун Хельд. С ее точки зрения, поведенческий стандарт коммуникантов определяется их информированностью о социальной дифференциации и уважительным отношением к партнеру по общению. В качестве значимого компонента общения рассматриваются также этикетные нормы, позволяющие избежать бестактности по отношению к собеседнику и его невольного оскорбления [Held 1992].

¹ 1) *Постулат истинности*, согласно которому сообщение должно быть истинным, иметь под собой должные основания; 2) *постулат информативности*, согласно которому сообщение должно содержать достаточное для понимания количество информации; 3) *постулат релевантности*, согласно которому не следует отвлекаться от обсуждаемой темы; 4) *постулат ясности выражения*, подразумевающий выбор понятных для получателя сообщения лексико-грамматических средств.

Рис. 1. Пример безоговорочного следования стандартам приветствия в чужой культуре [Neuland 2010: 13]²

Схожую точку зрения о том, что вежливость маркирует скорее общественный статус [Vorderwülbecke 2001: 30], нежели осознанно выбираемые стратегии, можно найти в работах немецких исследователей (К. Фордервюльбеке, Е. Нойланд), рассматривавших вежливость в ключе контрастивной лингвистики и отмечавших, что люди разных культур понимают вежливость по-разному. Это обуславливает специфику в понимании вежливости: она базируется на ценностях той или иной культуры (ср.: [Шабан, Хомутова 2019: 92]). Что вежливо в одной культуре, не будет таковым в другой [Карасик 1991: 114]. Поэтому в межкультурном общении для сохранения «позитивного лица» и с целью успешной коммуникации следует учитывать как систему ценностей, так и стиль коммуникации носителей другой культуры. Однако безоговорочное следование стандартам вежливого поведения в чужой культуре может привести к так называемому эффекту двойной стратегии избегания³ (einer doppelten Vermeidungsstrategie) (ср.: [Neuland 2010: 12]). Безоговорочное приспособление к стандартам поведения в чужой культуре проиллюстрировано на рис. 1, отражающем культурно-

² Карикатура отражает утрированный вариант вежливости, когда представитель европейской культуры использует в знак уважения к японскому коллеге в качестве невербального приветствия поклон, в то время как представитель японской культуры протягивает для приветствия правую руку, демонстрируя знание правил приветствия в стране собеседника.

³ Имеется в виду стратегия избегания несоблюдения стандартов вежливости, принятых в другой культуре.

специфические различия в невербальных формулах приветствия европейцев и японцев.

Тем не менее только в результате взаимного проявления уважения и внимания возникает возможность успешного достижения коммуникативных целей собеседников. Немалую роль при этом играет взаимодействие в рамках речевого этикета, что реализуются посредством лексическо-грамматических и синтаксических средств.

2. Средства вербализации вежливости

В качестве средств выражения вежливости выступают экстралингвистические⁴ и лингвистические средства. Поскольку материалом нашего исследования является медиадискурс (журнальное интервью и интервью-беседа), то экстралингвистические средства выражения вежливости останутся за рамками настоящего исследования. Таким образом, под средствами вербализации вежливости нами подразумеваются лингвистические средства, которые маркируют уважение говорящего к собеседнику, показывают к нему дружеское отношение.

2.1. Лексическо-грамматические средства

Наиболее типичными лексическими средствами вербализации вежливости в немецком языке выступают лексемы с семантикой уважения, благодарности, доброжелательности. Это выражается, например, при помощи актуализатора вежливости «пожалуйста» (*bitte*), оценочных модификаторов «охотно, с удовольствием» (*gerne*), «конечно» (*natürlich*). Например:

- (1) *Können Sie diese These **bitte** belegen?* [Interview Wellershoff 2017: 56].
- (2) *Ellrott: (...) Da geht es nicht mehr um Kalorien, sondern um das sozial verbindliches Element.*
Spiegel: Und um die Gesunderhaltung der Belegschaft.
*Ellrott: **Natürlich**. (...)* [Interview Musall 2016: 40].

⁴ К экстралингвистическим средствам выражения вежливости традиционно относятся: во-первых, *определённые телодвижения и жесты*: поклон, рукопожатие, наклон головы, снятие головного убора и т. п.; во-вторых, *мика*: улыбка, невербальное выражение скорби, восхищения и т. п.; в-третьих, *фонетические особенности*: интонация, особенности произношения отдельных слов и т. п.

В приведенном примере (2) оба коммуниканта демонстрируют уважительное, вежливое отношение друг к другу. Сначала один подхватывает рассуждения другого, демонстрируя тем самым, во-первых, согласие с высказываемым собеседником мнением. Во-вторых, он проявляет интерес к теме обсуждения: внимательно слушает. Второй собеседник также соглашается с ремаркой первого «конечно» ('*natürlich*').

Следует сказать, что в качестве лексических средств выражения дружеского отношения к собеседнику выступают всевозможные маркеры оценки. Положительная оценка способствует созданию позитивного облика адресата, демонстрируя тем самым «положительную вежливость». В следующем примере (3) один из участников диалога сначала делает комплимент своему собеседнику, констатируя, что тот быстро поднялся по лестнице Мишлен⁵. При этом оценочная лексема «вскарabкиваться» (*hinaufkrochen*) заменяется созвучной лексемой «подняться благодаря умению хорошо готовить» (*hinaufkochen: hinaufgekocht*), которая, во-первых, имеет положительную коннотацию, во-вторых, более соотносится с темой:

(3) Spiegel: *Sie haben sich schnell die Michelin-Leiter hinaufgekocht.*

Далее говорящий задает вопрос *Was bedeuten Ihnen die inzwischen drei Sterne?* [Joachim Kronsbein 2017: 81], чтобы подчеркнуть достоинство собеседника как обладателя максимально возможных трех звезд Мишлена, что на языке профессионалов однозначно декодируется как «великолепная работа шеф-повара, ради которой имеет смысл предпринять в этот ресторан отдельное путешествие».

Лексико-грамматическим средством выражения вежливости выступают просьбы, побуждающие собеседника к объяснению, а также вежливое указание на некое противоречие, но, как правило, не в императивной форме, а в форме местоименного или неместоименного вопроса. Например:

(4) Spiegel: *Wie erklären Sie sich solche Hysterie?* [Interview Musall 2016: 40].

⁵ Под Мишленом (звездой Мишлена) понимается ресторанный рейтинг с присвоением организациям гастрокластера или отдельно взятому шеф-повару высшей награды — определенного количества звезд: максимально три звезды Мишлен.

- (5) Spiegel: *Widerspricht dieses Frühstück nicht Ihrer gastrosofphischen Idee, nämlich, dass man sein Essen genussvoll und bewusst in der eigenen Küche zubereitet?*
 Lemke: Nein, denn (...) [Interview Wellershoff 2017: 54].
- (6) Frau Meikelburger, Sie haben im Juli einen Artikel in der Welt verfasst mit der Überschrift „Der neue Klimaabsolutismus“. *Was meinen Sie damit?* [Wir verlieren unsere industrielle Basis... 2020: 72].

В последнем из приведенных примеров (6) собеседник побуждает к объяснению понятия «новый климатический абсолютизм» (*der neue Klimaabsolutismus*), ссылаясь на одну из статей собеседницы. Как показывают наши примеры, ссылка на статьи или книги собеседника также маркирует вежливость по отношению к нему: так говорящий сигнализирует об интересе к творчеству адресата, к темам, в которых собеседник является экспертом. Лексически это часто маркируется словосочетаниями «в одной из ваших книг» (*in einem Ihrer Bücher*), «в ваших поваренных книгах» (*in Ihren Kochbüchern*), «в вашей книге написано» (*steht in Ihrem Buch*) и др.

2.2. Морфологические средства

В качестве наиболее характерных морфологических средств вербализации вежливости в диалоге выступают презентные и претеритальные формы конъюнктива, а также степени сравнения прилагательных и наречий, маркирующих положительную оценку.

- (7) Spiegel: *Herr Niermeyer, Sie behaupten, nur derjenige **habe** Erfolg, der seine Rolle als Angestellter oder Chef richtig **spiele** — authentischer Selbstaussdruck **sei** dagegen völlig unangebracht. Warum?*
 Niermeyer: *Jedermann wird dafür bezahlt, auf professionelle Art und Weise seine Rolle wahrzunehmen (...)* [Interview Müller 2016: 68].

В иницирующей реплике один из собеседников цитирует слова второго собеседника. Так, с одной стороны, первый собеседник сигнализирует о своем внимании к высказанному ранее мнению второго собеседника, во-вторых, запрашиваемое объяснение имплицитно выражает интерес к теме, немаловажной для второго собеседника. Использование презентных форм конъюнктива, одной

из функций которого является передача косвенной речи, выступает здесь дополнительным средством вербализации вежливого отношения — цитацией собеседника.

В следующем примере (8) один из собеседников уточняет истинность своего вывода из слов второго собеседника в форме вопроса [Палехова 2021: 39], что, на наш взгляд, можно рассматривать как вежливый вариант императива. В качестве побуждения к пояснению выступает именно наречие «важнее» (*wichtiger*) в сравнительной степени:

- (8) *Spiegel: Ist der Ort wichtiger oder die Menschen? Angenommen, ich lebe in einem Alpendorf, viele ziehen weg, aber ich bleibe an dem Ort. Verliere ich dann meine Heimat, oder behalte sie?*

При этом он поясняет, что имеет в виду: «положим, я...» (*Angenommen, ich...*). В ответной реплике второй собеседник поясняет свое мнение. В реплике присутствуют такие маркеры вежливости, как «я бы сказал, что» (*ich würde sagen, dass*), а также подхватывается употребленное ранее первым собеседником наречие «важнее» (*wichtiger*): *Kaschuba: Ich würde sagen, dass die soziale Gruppe wichtiger ist. Aber natürlich gibt es auch Leute, die können ohne ihre Berge oder ihre Küste nicht leben (...)* [Interview Musall, Wellershoff 2016: 17].

Как показывают наши примеры, претеритальные формы конъюнктива являются одним из универсальных средств вербализации вежливости. Так называемый дипломатический конъюнктив делает просьбу менее категоричной, а побуждение не таким очевидным. Побуждающий собеседник имплицитно использует сослагательное наклонение, что собеседник «свободный человек, у которого всегда есть выбор сделать или не сделать то, чего хотят другие» [Ларина 2009: 2; Wierzbicka 2003].

2.3. Синтаксические средства

Среди синтаксических средств выражения вежливости в немецком языке можно выделить различные типы предложений, а также сочетания модальных глаголов *müssen, können, sollen* с неопределенной формой смыслового глагола. Модальные глаголы нередко используются для смягчения императивности. Например: *Das müssen Sie genauer erklären!* или для смягчения несогласия:

Können wir uns diesen Hype leisten?, Wie kann ein kleiner Nutzgarten das Weltklima schützen?.

При помощи вопросительных предложений один из собеседников вежливо побуждает второго к пояснению утверждаемого тем ранее. Так, например, в следующем примере (9) один из собеседников не просто спрашивает, он уточняет в форме вопроса истинность вывода, который он делает из рассуждений собеседника. Так он, во-первых, вежливо побуждает к аргументации, избегая императивности. Во-вторых, демонстрирует уважение к собеседнику тем, что он с интересом его слушает:

(9) **Soll das heißen, die moderne Finanzwirtschaft bewirkt die Entdemokratisierung der Demokratie?**

Vogt: Das behaupten manche Ökonomen. Ich argumentiere etwas vorsichtiger... [Wir sind in einer Vorkriegszeit 2015: 69].

Следует отметить, что для наилучшей реализации вежливости говорящий собеседник использует в диалоге совокупность всех доступных лингвистических средств: синтаксических и лексических с семантикой тактичности, учтивости, любезности и другие лексемы «вежливой» семантики.

2.4. Средства текстового уровня

К элементам текстовой организации, маркирующим вежливость, относятся такие структурные единицы медиадискурса, как введение, основная и заключительная части интервью-беседы.

В журнальном интервью или интервью-беседе в качестве вводной части выступает приветствие собеседника, вежливое обращение к нему. Как правило, это выражается при помощи *Herr/Frau + Familienname: Herr Lemke / Herr Klotter, Frau Meikelburger*. Типичным вежливым обращением к представителям других культур в интервью также встречается *Monsieur/Sir, Mrs.: Monsieur Piccoli, Mrs. Geimer*. Однако иногда также и в интервью-беседе к иностранцам обращаются *Herr*. В качестве примера могут служить обращение *Herr Kissinger* в беседе с Генри Киссинджером, *Herr Carlsen* в беседе с норвежским шахматистом Магнусом Карлсеном. Встречается также обращение к собеседнику по имени *Ajatollah Tehrani* или имени-отчеству: *Irina Alexandrowna* (в интервью с Ириной Антоновой, директором Государственного музея А. С. Пушкина).

В качестве вежливого обращения в медиадискурсе также употребляется форма, подчеркивающая социальный статус собеседника *Herr/Frau Doktor/ProfessorIn*. Например: *Herr Professor* (в беседе с британским политологом Марком Блайтом / Mark Blyth), *Herr Finanzminister* (в интервью с министром финансов ФРГ Вольфгангом Шойбле / Wolfgang Schäuble), а также *Professor Flasch*, когда социальный статус дополняется именем.

Средства вербализации вежливости в основной части диалогического общения, как уже было сказано выше, включают в себя весь спектр лексико-грамматических и синтаксических маркеров с компонентом «уважение». В основной части, располагающейся структурно между приветственным обращением и выражением благодарности за общение, собеседники активно используют такие распространенные стратегии демонстрации вежливости, как:

А. Выражение одобрения тех или иных качеств собеседника (личностных или профессиональных):

(10) *Spiegel: Warum beschäftigen Sie sich als Philosoph überhaupt mit dem Essen?* [Interview Wellershoff 2017: 54];

(11) *Spiegel: Von der norddeutschen Hausmannskost haben Sie sich als Drei-Sterne-Koch weit entfernt* [Joachim Kronsbein 2017: 80];

(12) *Spiegel: Frau Mitzscherlich, Sie (...) haben in Leipzig und Leningrad studiert und in Berlin promoviert, Sie lehren in Zwickau (...)* [Interview Musall, Wellershoff 2016: 16].

В приведенных выше примерах говорящий подчеркивает профессиональные качества собеседника: «Вы как философ» (10), «как обладатель трех звезд Мишлена» (11), «учились, защитили диссертацию, преподаете» (12). Так он, демонстрирует, во-первых, уважение к его достижениям и, во-вторых, интерес к его мнению как специалиста по обсуждаемой проблеме.

Б. Проявление интереса к обсуждаемой теме и мнению собеседника:

(13) *Cicero: Dann müssen Sie den Mittelweg zwischen Ökonomie und Klimaschutz auch konkret beschreiben* [Wir verlieren unsere... 2020: 72];

(14) *Spiegel: Was ist heute anders als vor 20 oder 50 Jahren?*
Ellrott: Die Pluralisierung der Ernährungsstile. Das reicht von der sogenannten Steinzeitemernährung (...) bis zum Functional Food, also

genau den Gegenteil (...) Und die **gefühlte** Laktose-oder Gluten-Unverträglichkeit gehört ebenfalls zu den Hotspots.
Spiegel: **Was heißt „gefühlte“?** [Interview Musall 2016: 39].

Интерес к мнению собеседника выражается, как показывают многочисленные примеры, в запросе объяснения или уточнения, т. е. побуждении его к обоснованию того или иного утверждения. Так, в примере (13) запрос более подробной информации маркируется словами *Вы должны конкретно описать золотую середину между экономикой и защитой климата*. Фрагмент интервью-беседы (14) содержит не только запрос информации по обсуждаемой теме (*что сегодня иначе, чем...*), но и уточняющий вопрос (*что значит 'ощущаемая'?*). Такие уточняющие вопросы маркируют не просто интерес иницилирующего собеседника к обсуждаемой проблеме, но также то, что он внимательно следит за ходом мыслей рассуждающего.

В. Маркирование принадлежности к одной группе, к «своим», что выражается в подчеркивании факта общих фоновых знаний, схожих взглядов на обсуждаемые проблемы. Так, например, в следующем фрагменте беседы все три собеседника относительно равны, они обладают симметричными знаниями по обсуждаемой проблеме, поэтому в процессе обсуждения темы они подхватывают друг друга, дополняют рассуждения предшествующего говорящего собеседника:

(15) *Mitzscherlich: Menschen brauchen Beziehungen, die bilden sich traditionell vor dem Hintergrund von Orten. Wir brauchen psychischen Kontakt, Bewegung, Berührung.*

Spiegel: Wir brauchen also reale Heimat?

Kaschuba: Wir brauchen Heimat, aber die Frage ist, was Heimat bedeutet (...) [Interview Musall, Wellershoff 2016: 19].

Следует сказать, что при симметричных знаниях собеседников по обсуждаемой теме употребляемые в процессе беседы понятия и термины не разъясняются в силу того, что собеседники оперируют ими [Палехова 2021: 38–39].

Г. Минимизация, смягчение несогласия с собеседником:

(16) *Spiegel: Das ist für viele Menschen eine Herausforderung, weil sie keine Zeit mehr zum Kochen haben.*

Lemke: **Das ist gestrig.** Wir werden durch das digitale Zeitalter, durch Computerisierung und Automatisierung mehr Zeit haben, denn je (...) [Interview Wellershoff 2017: 56];

(17) Spiegel: *Schon Kindern wird doch gesagt, dass sie ehrlich und authentisch sein sollen.*

Niermeyer: **Und genau hier liegt der Widerspruch.** Kinder sollen zwar ehrlich sein. Und gleichzeitig eingeimpft, sich an Normen und Regeln zu halten, um innerhalb der Leitplanken der Gesellschaft funktionieren zu können (...) [Interview Müller 2016: 68].

Как показывают примеры, для смягчения несогласия с высказываниями собеседника сначала приводится некатегоричное возражение (*это вчерашний день, и именно в этом противоречие*), а затем приводится обоснование несогласия, что, на наш взгляд, маркирует уважительное отношение к собеседнику.

В заключительной части журнальной интервью-беседы интервьюирующий собеседник, как правило, благодарит интервьюируемого собеседника за общение. Это выражается в формуле *Herr/Frau (Familiennamen), ich danke/wir danken Ihnen für dieses Gespräch.*

3. Выводы

Проведенный анализ журнальных интервью-бесед показал, что в немецком медиадискурсе коммуниканты используют совокупность всех лингвистических средств выражения вежливости: сочетания лексико-грамматических комплексов и синтаксических конструкций, способствующих наилучшей реализации категории. На лексическом уровне это в первую очередь лексемы, в лексической структуре которых актуализуется компонент вежливости. На морфологическом уровне в качестве средств вербализации вежливости выступают презентные и претеритальные формы конъюнктива, а также оценочные прилагательные и наречия в различных степенях сравнения. Синтаксический уровень подразумевает частотное использование вопросительных и условных предложений, имплицитных вежливую просьбу или вежливый запрос информации, т. е. вежливое побуждение собеседника к совершению некоторого действия, которое тот может, но не должен совершать. Также в процессе интервью и/или интервью-беседы участники диалогического общения выражают вежливость по отношению друг

к другу, проявляя интерес к обсуждаемой проблеме, к мнению интервьюируемого собеседника, а также, в случае полного или частичного несогласия с высказыванием собеседника, смягчают несогласие некатегоричным возражением, которое следом аргументируется, что также способствует успешному межличностному взаимодействию.

Источники иллюстративного материала

Interview Bettina Musall. Sage mir, was du isst... // Der Spiegel Wissen. 2016. H. 1. S. 38–40.

Interview Bettina Musall, Marianne Wellershoff. Die Psychologin Beate Mitzscherlich und der Migrationsforscher Wolfgang Kaschuba diskutieren den schwierigen Begriff Heimat // Der Spiegel Wissen. 2016. H. 6. S. 16–20.

Interview Marianne Wellershoff. Gutes kann auch lustvoll sein // Der Spiegel Wissen. 2017. H. 1. S. 54–56.

Interview Martin U. Müller. Was scheint und wirkt // Der Spiegel Wissen. 2016. H. 1. S. 68–69.

Joachim Kronsbein. Ich wollte ganz neue Geschichten auf dem Teller erzählen // Der Spiegel Wissen. 2017. H. 1. S. 80–83.

Wir sind in einer Vorkriegszeit // Der Spiegel. 2015. H. 10. S. 68–70.

Wir verlieren unsere industrielle Basis. Das Gespräch zwischen A. Marguiet, C. Schwennicke, G. Oettinger, C. Berner und N. Meikelburger // Cicero. 2020. H. 1. S. 68–76.

Литература

Карасик В.И. Язык социального статуса. М.: Ин-т языкознания АН СССР, Волгоградский пед. ин-т, 1991. 495 с.

Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Языки славянской культуры, 2009. 512 с.

Палехова О.В. Фактор адресата в диалогическом общении // Проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков: Сборник научных статей. Вып. 20. СПб.: С.-Петербург. гос. экон. ун-т, 2021. С. 37–40.

Шабан А.К., Хомутова Т.Н. Семиотика понятия «вежливость» в различных лингвокультурах: универсальное и культурно-специфическое // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2019. Т. 5. Вып. 1. С. 85–95.

Brown P., Levinson S. C. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. P. 348.

Held G. *Politeness in linguistic research // Politeness in language: Studies in its history, theory and practice* / ed. by R. Watts, S. Ide, K. Ehlich. Berlin: De Gruyter, 1992. P. 131–153.

Lakoff R. *Language and woman's place*. New York: Harper and Row, 1975. 83 p.

Leech G. N. *Principles of pragmatics*. New York: Longman, 1983. P. 79–130.

Neuland E. *Sprachliche Höflichkeit. Eine Perspektive für die interkulturelle Sprachdidaktik // Zeitschrift für interkulturelle Germanistik* / Hrsg. D. Heimböckel, E. W. B. Hess-Lüttich, G. Mein, H. Sieburg. Bielefeld: Transkript Verlag, 2010. S. 9–25

Vorderwülbecke K. *Höflichkeit in der Linguistik, Grammatik und DaF-Lehrwerk // Höflichkeitsstile* / Hrsg. von H.-H. Lüger. Frankfurt a. M. [u. a.]: Lang, 2001. S. 27–46.

Wierzbicka A. *Cross-cultural pragmatics: The semantics of human interaction* / ed. by Anna Wierzbicka. 2. ed. Berlin; New York: De Gruyter, 2003. XXXVII, 502 p.

References

Brown P., Levinson S. C. *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge, Cambridge University Press, 1987, 348 p.

Held G. *Politeness in linguistic research. Politeness in language: Studies in its history, theory and practice*, ed. by R. Watts, S. Ide, K. Ehlich. Berlin, De Gruyter, 1992, pp. 131–153.

Karasik V. I. *The language of social status*. Moscow, Institute of Linguistics of the USSR Academy of Sciences, Volgograd Pedagogical Institute Publ., 1991, 495 p. (In Russian)

Lakoff R. *Language and woman's place*. New York, Harper and Row, 1975, 83 p.

Larina T. V. *Category of politeness and style of communication: comparison of English and Russian linguistic and cultural traditions*. Moscow, Languages of Slavic culture Publ., 2009. 512 p. (In Russian)

Leech G. N. *Principles of pragmatics*. New York, Longman, 1983, pp. 79–130.

Neuland E. *Sprachliche Höflichkeit. Eine Perspektive für die interkulturelle Sprachdidaktik. Zeitschrift für interkulturelle Germanistik*, hrsg. D. Heimböckel, E. W. B. Hess-Lüttich, G. Mein, H. Sieburg. Bielefeld, Transkript Verlag, 2010. S. 9–25.

Palekhova O. V. *The addressee factor in dialogic communication. Problems of philology and methods of teaching foreign languages: Collection of scientific articles. Iss. 20*. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Economics Publ., 2021, pp. 37–40. (In Russian)

Shaban A. K., Khomutova T. N. *Semiotics of the concept of "politeness" in various linguistic cultures: universal and culturally specific*. Scientific result. Questions of theoretical and applied linguistics, 2019, vol. 5, iss. 1, pp. 85–95. (In Russian)

Vorderwülbecke K. *Höflichkeit in der Linguistik, Grammatik und DaF-Lehrwerk*. H.-H. Luger (Hrsg.) Frankfurt am Main [u.a.]: Lang, 2001, Sp. 27–46.

Wierzbicka A. *Cross-cultural pragmatics: The semantics of human interaction*, By Anna Wierzbicka. 2nd ed. Berlin; New York: De Gruyter, 2003. XXXVII, 502 p.

Палехова Ольга Владимировна

доцент кафедры романо-германской филологии и перевода, кандидат филологических наук

Адрес: Российская Федерация, 101023, Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, 30–32

Olga W. Palekhova

Associate Professor of Department of Romano-Germanic Philology and Translation, St. Petersburg State University of Economics, Candidate of Philological Sciences
Address: 30–32, Griboedov canal nab., St. Petersburg, 191023, Russian Federation

E-mail: palekhova@mail.ru

Статья поступила в редакцию 3 февраля 2023 г.

Принята к публикации 26 апреля 2023 г.

СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ ВЕЖЛИВОСТИ В ДИСКУРСИВНОЙ ПРАКТИКЕ МЕДИАТЕКСТОВ ИНТЕРВЬЮ

Для цитирования: Таюпова О.И. Семантико-прагматическая категория вежливости в дискурсивной практике медиатекстов интервью // *Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете*. 2023. Вып. 13. С. 428–443. <https://doi.org/10.21638/spbu33.2023.124>

Статья посвящена исследованию семантико-прагматической специфики и роли категории вежливости в печатном журнальном медиадискурсе Германии. Методологической базой послужили труды как отечественных, так и зарубежных авторов, в той или иной степени обращающих свое пристальное внимание на одну из наиболее интересных и актуальных проблем современной лингвистики и вовлекающих названную проблематику в круг своих научных поисков. Не в последнюю очередь этому способствовало формирование в середине XX в. теории коммуникации, а в конце XX — начале XXI в. прагмалингвистики, благодаря которой в фокусе внимания оказались лингвистические категории, относящиеся к важным факторам успешного осуществления речевой коммуникации, в число которых входит и категория вежливости. Актуальность настоящей работы обусловлена недостаточной изученностью языковых средств репрезентации категории вежливости речевого поведения коммуникантов, в своей совокупности способствующих повышению эффективности межличностной медиакommunikation и предотвращающих не только конфликтные, но и неловкие ситуации применительно к диалогическим медиатекстам в ракурсе их дискурсивной практики. В ходе анализа семантики вежливости на материале немецкого языка особое внимание уделено ее культурно-специфическим параметрам, которые базируются на культурных ценностях Германии и ее *национально-культурных особенностях*, в частности отношении к общению. Соблюдая принцип позитивной вежливости, коммуниканты, и прежде всего журналисты, выбирают соответствующие, и по возможности наиболее уместные в определенной ситуации речевого общения языковые средства. Несомненными маркерами позитивной вежливости в дискурсивной практике медиатекстов немецких интервью являются вежливое обращение к интервьюируемому (*Herr, Frau*), вежливая форма местоимения третьего лица *Sie*, конъюнктив, модальные частицы (*mal, nur, fast, vielleicht, gern*), глагол *danken*, сочетание *besten (vielen) Dank*, существительные *Verzeihung, Entschuldigung*.

Ключевые слова: категория вежливости, норма текста, вербальные маркеры вежливости, немецкие медиainterвью.

SEMANTIC-PRAGMATIC CATEGORY OF POLITENESS IN THE DISCOURSE PRACTICE OF INTERVIEW MEDIA TEXTS

For citation: Tayupova O. I. Semantic-pragmatic category of politeness in the discourse practice of interview media texts. *German Philology in St. Petersburg State University*, 2023, iss. 13, pp. 428–443. <https://doi.org/10.21638/spbu33.2023.124>

The article is devoted to the study of the semantic-pragmatic specifics and the role of the category of politeness in the German printed media discourse. The relevance of this work is due to the lack of knowledge of the language means of representing the category of politeness of the speech behavior of communicants, which in their totality contribute to increasing the effectiveness of interpersonal media communication and preventing not only conflict, but also awkward situations in relation to dialogic media texts in the perspective of their discursive practice. Also, the significance of this study is due to the appeal to the study of politeness in the dialogical texts of magazine interviews that are actively published in the media, which contribute to the rapid and successful transmission of timely information, improve communication efficiency and achieve the desired pragmatic impact on addressees. Special attention is paid to culturally specific parameters, which are based on the cultural values of Germany and its national and cultural characteristics, in particular, the attitude towards communication. Communicants, and above all, journalists, choose the appropriate and, if possible, the most appropriate language means in a particular situation of speech communication. Undoubted markers of positive politeness in the discursive practice of media texts of German interviews are a polite address to the interviewee (*Herr, Frau*), polite third person pronoun *Sie*, conjunctive, modal particles (*mal, nur, fast, vielleicht, gern*), verb *danken*, combination *besten (vielen) Dank*, nouns *Verzeihung, Entschuldigung*.

Keywords: politeness category, the norm of the text, verbal markers of politeness, German media interviews.

1. Постановка проблемы

Höflichkeit ist Klugheit.

A. Schopenhauer

Изучение категории вежливости в медиатекстах относится к наиболее важным исследовательским аспектам, которые связаны с такими современными научными направлениями, как медиалингвистика, медиастилистика, социо- и прагмалингвистика, дискурс-анализ. Как феномен человеческой культуры, вежливость исследовалась в культурологии, социалингвистике и дидактике. Последняя коррелирует прежде всего с преподаванием иностран-

ных языков. Несомненно, объединяющим началом в названных междисциплинарных исследованиях выступает их общая антропоцентрическая парадигма, предполагающая обращение к тексту как высшей коммуникативной единице, в основе функционирования которой лежит механизм вариативности и интердискурсивности, благодаря которому заостряется внимание на норме и узусе медиатекста, в том числе в ракурсе семантико-прагматической категории вежливости [Бычковская 2015; Прокофьев 2013; Таупова 2020; Jesan, Kovtunova 2019; Perrin 2015; Таупова, Stepykin 2020].

Анализ научной литературы свидетельствует об отсутствии единого мнения исследователей на сущность вежливости как категории. Определенную роль сыграло в данном случае наличие различных подходов к определению лингвистической вежливости [Формановская 2008; 2010; Ларина 2009], разграничение позитивной и негативной вежливости [Власян 2015; Brown, Lewison 1987], понятий эмической (бытовой) и этической (научной, теоретической) вежливости, что, в свою очередь, способствовало развитию дискурсивного подхода к изучению категории вежливости [Locher, Watts 2008; Лохэр, Ларина 2019], а также осознание того факта, что разным лингвокультурам присущи соответствующие, с одной стороны, универсальные, или единые ценности, а с другой — культурно-специфические ценности [Власян, Кожухова 2018; Шабан, Хомутова 2019; Ларина 2009]. Поэтому вежливость трактуют, во-первых, как уважение по отношению к другим участникам коммуникации, что является, по сути, универсальной характеристикой данного понятия. Во-вторых, несмотря на универсальность, обращают внимание на этнокультурную специфику категории вежливости. Так, вежливость трактуется как моральное качество человека, некий связанный с речью социально-культурный компонент общения, проявление уважительного отношения к адресату, характеризующее поведение человека [Формановская 2008; 2010].

Говоря о немецком языке, отметим, что лексико-грамматические средства выражения вежливости в немецком языке как феномене речевой коммуникации рассматривались в работах Н. В. Реуковой, Р. А. Газизова, И. В. Соловьевой. С позиции прагматической лингвистики изложены научные данные в академической грамматике немецкого языка [Grammatik der deutschen Sprache 1997], авторы которой различают конвенциональную вежливость, которая состоит в выполнении общественных норм, и индивидуальную

вежливость, выходящую за рамки только исполнения норм и выражающую особенные ценностные установки индивидуума. Прагмалингвистический подход позволил констатировать, что употребление форм вежливости, являясь частью культурной практики конкретного общества, в значительной мере зависит от языкового и ситуативного окружения коммуникантов. Однако, некоторые выражения показывают относительно непривязанную к контексту вежливую окрашенность сказанного или написанного, например такие лексические единицы, как *Entschuldigung. Guten Morgen!*

Представленный выше обзор лингвистической литературы свидетельствует о том, что в сфере изучения вежливости еще много нерешенных и дискуссионных вопросов. Подобное положение связано с тем, что материал исследования и его предметная область стабильно расширяются, напрямую затрагивая в том числе репрезентацию категории вежливости в немецком диалогическом медиатексте.

2. Материал исследования

Материалом настоящего исследования послужили тексты интервью, опубликованные в журналах «Der Spiegel» и «Vitamin de». Первый из названных источников эмпирического материала, как печатное издание, основанное в начале ноября 1947 г. в Ганновере, характеризует интерес не только к жизни самой Германии, но и других стран. Отметим, что коллектив еженедельника награжден медиапремией за языковую культуру.

Второй журнал, «Vitamin de», в нашей стране издающийся в Омске и адресованный не только молодежи, изучающей немецкий язык как иностранный, но и преподавателям и учителям немецкого языка, является по сути учебным, поэтому каждый его номер снабжен так называемым словариком (Vokabelkarte), содержащим лексические единицы с переводом на русский язык. Кроме того, эти же слова и словосочетания толкуются на страницах самого издания, но уже без перевода. Журнал знакомит своих читателей со страноведением Германии, ее историей, традициями и обычаями, достопримечательностями, выдающимися учеными и изобретателями, национальными блюдами, культурой и спортом, возможностями учебы в этой стране, а также эпидемиологической обстановкой, связанной с пандемией COVID-19, уделяя особое внимание вежли-

вому и тактичному речевому поведению коммуникантов, поэтому мы посчитали возможным также привлечь его для проводимого нами анализа.

3. Роль медиатекстов интервью в дискурсе современных медиа Германии

Интервью трактуется в современной лингвистике текста как прозаическое публицистическое произведение. Названный вид текста, в основе которого лежит диалогичный метод получения информации в результате беседы журналиста (интервьюера) с одним или несколькими лицами по тем или иным насущным вопросам, предназначен либо для радио- и теледискурса, либо, как в нашем случае, для печати [Рогова 2018; Deppermann 2013; Maue 2013]. Как один из видов текста массмедийных коммуникативных практик, интервью отличают от других типов беседы особенные коммуникативно-прагматические признаки, в частности, как правило, большое количество адресатов, высокая степень публичности, асимметрическое управление диа- или полилогом благодаря интервьюеру, задающему как прямые, так и не прямые вопросы [Лукина 2012; Таюпова 2015].

Отметим, что основная цель текстов стиля массовой коммуникации состоит не только в информировании широких кругов населения об актуальных событиях современности, но и в воздействии на общественное сознание на основе данного информирования [Солганик, Дроняева 2012: 21; Добросклонская 2015; Иванова 2021]. В первую очередь это касается печатных медиаинтервью, размещенных на страницах качественной прессы, в нашем случае это прежде всего журнал «Der Spiegel», язык которого воспринимается как репрезентация современного немецкого литературного языка.

Говоря о механизме создания медиатекстов, отметим, что названный процесс ситуативно обусловлен совокупностью ряда факторов, к числу которых относятся не только социальные и прагматические, но и культурные параметры [Ярыгина 2020; Dallapiazza, Schumann, Blüggel 2015; Stepyukin 2014]. Следует подчеркнуть, что наличие тех или иных признаков в каждом конкретном случае регулируется коммуникативно-прагматической нормой соответствующего вида текста, которая характеризуется селективностью, иначе уместностью или допустимостью использования, в нашем случае,

в тексте интервью, конкретных языковых средств. Анализ показывает, что норма текста интервью допускает приведение в предтексте после заголовка не только информации о теме беседы, но и сообщение данных об интервьюируемом, его профессии, области его интересов и его возрасте. Последние сведения приводятся как для мужчин, так и для женщин [Таюпова 2020]. Публичное сообщение о возрасте интервьюируемых, в отличие от традиций нашей страны, вполне допустимо для менталитета немцев [Томчин 2019].

4. Языковые средства выражения категории вежливости в дискурсивной практике медиатекстов интервью

С целью выявления средств современного немецкого языка, используемых для актуализации категории вежливости/невежливости в диалогическом медиатексте, обратимся к размещенному в журнале [Vitamin de Herbst] интервью под заголовком *Ausbildung attraktiver gestalten* (Сделать обучение более привлекательным) (здесь и далее перевод наш. — О. Т.), в предтексте которого приводится информация об интервьюируемом, сфере его деятельности, а также сообщается тема предстоящей беседы с ним. Интервью начинается с официального вежливого обращения журналиста к собеседнику «господин Окейими» (*Herr Okejimi*) и констатации факта наличия все большего количества свободных мест для обучения профессии, например продавца, парикмахера, сиделки, автомеханика и т. д., ср.:

Vitamin de: *Herr Okejimi, in Deutschland werden immer weniger Ausbildungsplätze besetzt.* Затем журналист формулирует прямой вопрос, направленный на выяснение необходимых действий, дабы избежать подобной ситуации: *Was lässt sich dagegen tun?* [Vitamin de Herbst: 15].

На всем протяжении текста интервью особенность речевого поведения журналиста заключается в формулировке факта наличия той или иной объективной реальности с использованием вежливой формы местоимения третьего лица единственного лица *Sie* и только затем в формулировке конкретного вопроса, ср.:

SPiegel: *In Ihrem Projekt vermitteln Sie Menschen in die Ausbildung. Ist Deutschland auf international Fachkräfte angewiesen?* [Vitamin de Herbst: 15].

Интервью заканчивается выражением благодарности за проведенную беседу, а исключительно вежливый оттенок придают высказыванию сочетание прилагательного с существительным *Vielen Dank*, а также обращение к интервьюируемому (*Herr Okejimi*): *Vielen Dank für das Interview, Herr Okejimi!* [Vitamin de Herbst: 15].

Следующий фрагмент текста также заимствован из журнала [Vitamin de Sommer], в котором опубликовано интервью со специалистом по питанию госпожой Нуссбукер и затрагиваются особенности питания детей и подростков, переболевших коронавирусом. После названия интервью «Coronaauswirkungen und Ernährungstipps» («Последствия “короны” и советы по питанию») журналист представляет интервьюируемую им личность и дает краткую аннотацию предстоящей беседы, ср: *Frau Nussbucker, Ernährungswissenschaftlerin und frei Autorin, spricht im Interview über gesundheitliche Auswirkungen der Coronazeit und gibt Ernährungstipps* [Vitamin de Sommer: 17].

Отметим, что любое интервью, в том числе и анализируемое нами, проводится ради ответов, в которых, как ожидается, должно быть представлено мнение интервьюируемого. В данном случае в речи журналиста используются только прямые вопросы, в частности: *Frau Frau Nussbucker, welche Spuren haben die zwei Coronajahre bei Kindern und Jugendlichen hinterlassen? Welche praktischen Tipps haben Sie für Kinder mit Gewichtsproblemen? Wo sehen Sie beim Thema Ernährung noch Verbesserungsmöglichkeiten?* [Vitamin de Sommer: 17].

Несомненно, прямые, однозначные и конкретные вопросы, например о влиянии двух коронавирусных годов на здоровье детей и подростков или о практических рекомендациях по улучшению их питания, в известной степени эффективнее и результативнее не прямых, дающих собеседнику возможность уйти от ответа [Лукина 2012]. В приведенных выше прямых вопросах используется местоимение *Sie* как вежливая форма обращения к интервьюируемому. Однако не прямой вопрос, как показывает эмпирический материал, бывает полезным для замены прямого нелицеприятного вопроса, если интервьюер не намерен поставить собеседника в неловкое положение.

Кроме того, не прямой вопрос может также сподвигнуть интервьюируемого на сугубо откровенные и деликатные подробности своей жизни [Лукина 2012], что подтверждает следующее интервью с чемпионом мира «Формулы-1» Нико Росбергом, 34 года, де-

лящегося своими впечатлениями от последней гонки в интервью под заголовком «Mucki, du warst großartig» («Муки, ты был великолепен»), опубликованном в журнале [Der Spiegel Nr. 50: 99].

Текст интервью начинается с реплики, содержащей обращение к интервьюируемому господину Росбергу (*Herr Rosberg*) и констатацию факта неоспоримой победы спортсмена на чемпионате мира в Абу-Даби по сноуборду. В следующей реплике журналиста содержится не прямой вопрос, который воодушевляет интервьюируемого раскрыть откровенные, доверительные подробности, связанные с его непростым и тревожным душевным состоянием перед решающей гонкой, что вызвало у спортсмена бессонницу, ср.:

SPIEGEL: *Herr Rosberg, vor drei Jahren gewannen Sie in Abu Dhabi den WM-Titel. Hatten Sie vor dem Showdown in den Schlaf gefunden?*

Rosberg: *Nein. Keine Chance. Dafür war der Druck zu groß.*

Для ответа спортсмена характерны краткие и сверхкраткие высказывания — эллипсисы: *Nein. Keine Chance.*

В следующей реплике журналист применяет сослагательное наклонение:

SPIEGEL: *In einer legendären Überholmanöver zogen Sie in Runde 20 an Max Verstappen vorbei. Das hätte auch schiefgehen können.*

Использование конъюнктива в простом повествовательном предложении, содержащегося в речи журналиста, способствует созданию вежливого и доверительного контакта с интервьюируемым, в ответе которого употребляется имя прилагательное в превосходной степени (*der krasseste Moment* — самый экстремальный момент) и приемы стилистического, в том числе расчлененного синтаксиса, ср.:

Rosberg: *Das war der krasseste Moment meiner ganzen Karriere. Direkt nach dem Manöver ist mein Fuß auf dem Gaspedal gesprungen. Vor Adlenarin. Der Fuß hat vor der Aufregung so gezittert — ich dachte für einen Augenblick, dass ich nicht richtig beschleunigen kann* [Der Spiegel Nr. 50: 99].

Так, приведенный выше фрагмент содержит парцелляцию (*Vor Adlenarin.*) и парентезную конструкцию, осложненную придаточным дополнительным предложением (*ich dachte für einen Augenblick, dass ich nicht richtig beschleunigen kann*), в котором чемпион мира откровенно делится своими переживаниями, связанными с началом

гонки. В целом расчлененность синтаксиса, свойственная современным медиатекстам, репрезентируется в дискурсивной практике медиатекстов интервью весьма значительным количеством парцеллированных конструкций. Подчеркнем, что прием парцелляции как средство экспрессивного синтаксиса был заимствован медиадискурсом из языка художественной литературы, в том числе из поэтической речи.

Следующее интервью посвящено вопросу принятия Тайваня в международную организацию ООН и проводится с президентом данной страны. Текст начинается с обращения к интервьюируемому официальному лицу:

SPIEGEL: Herr Präsident, schon lange werben Sie für die Eigenständigkeit Taiwans. Jetzt haben Sie eine Kampagne in die Aufnahme in die UNO gestartet. Warum — und warum gerade jetzt?

Chen: Es gibt gut 190 Uno-Mitglieder — warum gehört Taiwan nicht dazu? Wir versuchen seit einiger Zeit, unseren richtigen Namen zu verwenden...

SPIEGEL: ... Republik China oder Taiwan?

Zai: Taiwan. Die Uno-Resolution 2758...

SPIEGEL: ... die Taiwan 1971 aus der Uno ausschloss und die Volksrepublik China aufnahm...

Zai: ... erwähnt mit keinem Wort, dass Taiwan Teil der Volksrepublik ist [Der Spiegel Nr. 39: 140–141].

В тексте интервью наблюдается обоюдное прерывание речи коммуникантов, иначе апозиопезис, свидетельствующий несомненно, о высоком накале эмоций интервьюируемого и интервьюера. Совершенно очевидно, что данная стилистическая фигура не нарушает сам ход беседы и не создает дискомфорта собеседникам с точки зрения коммуникации. В рамках коммуникативно-прагматической нормы текстов интервью апозиопезис придает динамизм медиаречи.

В плане теории вежливости как семантико-прагматической категории следует отметить толерантность коммуникативно-прагматической нормы анализируемых текстов интервью, которая проявляется здесь также при использовании встречных вопросов, придающих тексту обиходно-разговорную окраску [Таюпова 2020], ср.:

Zai: Es gibt gut 190 Uno-Mitglieder — warum gehört Taiwan nicht dazu? [Der Spiegel Nr. 39: 140–141].

Фрагмент интервью под заголовком «Ein Zehntel der Hilfen könnte versickern» («Десятая часть помощи может просочиться»), рассматриваемый ниже, также подтверждает, что, согласно коммуникативно-прагматической норме данного вида текста, читателям предоставляется информация не только о теме предстоящей беседы, профессии интервьюируемого и его социальном статусе, но и сообщаются данные о его возрасте, ср.: *Der Chef von „Transparency International“ in Deutschland, Hartmut Baumer, 71, über die Gefahr zu schneller Corona-Hilfen und den Wert der Bürokratie* [Der Spiegel Nr. 16: 10].

Завершая исследование средств современного немецкого языка, используемых для репрезентации категории лингвистической вежливости на выбранном эмпирическом материале, приведем еще один пример, в котором представлено мнение музыковеда из Лейпцигского университета Марины Шварц относительно роли и общественного значения шлягеров [Der Spiegel Nr. 50: 56].

Интервью носит название «Ist Heimat gleich rechts, Frau Schwarz?» («Понятие *родина* ассоциируется с правыми, госпожа Шварц?») и снабжено предтекстом, в котором дается общая информация об интервьюируемой и указывается не только ее профессия и место работы, но и возраст дамы, ср.: *Martina Schwarz, 24, Musikwissenschaftlerin an der Universität Leipzig*. Последние данные, например, в русскойязычной культуре межличностного общения, как правило, не приводятся и считаются признаком как минимум невоспитанности и невежливости по отношению к особам женского пола.

Возвращаясь к заголовку интервью, отметим, что он представляет собой не прямой вопрос и содержит также обращение *Frau Schwarz* ('госпожа Шварц'). Журналист прибегает к не прямому вопросу, пытаясь установить контакт и сразу предпринимает попытку избежать формальности в межличностном общении. В последующих репликах он задает прямой вопрос, плавно переходя к сути обсуждаемой проблемы:

SPIEGEL: *Frau Schwarz, die Junge Union Berlin-Mitte hat zu ihrer diesjährigen Weihnachtsfeier unter dem Motto „Schlager gegen links“ eingeladen. Was wird heute besungen?*

Несложно выявить целевую направленность таких вопросов. Как видно из примеров, данные вопросы побуждают собеседника к вполне конкретному ответу:

Schwarz: *Party, Hedonismus, Ausgelassenheit, Partnerschaft — alles sehr ichbezogen. Es geht um Liebesfreud und Liebesleid. Ich habe das mal ausgezählt. Von 130 Schlagern aus den vergangenen vier, fünf Jahren waren nur 13 Prozent melancholisch.*

SPiegel: *Roland Kaiser ist SPD-Mitglied. Gibt es auch einen linken Schlager?*

Schwarz: *Roland Kaiser ist ein Sonderfall, ich könnte mir nicht vorstellen, dass sich Helene Fischer heute offen zu einer Partei bekennt [Der Spiegel Nr. 50: 56].*

Непрямой вопрос журналиста *Gibt es auch einen linken Schlager?* смягчает явную прямолинейность возможного здесь прямого вопроса, позволяя получить весьма откровенные размышления об отношении госпожи Шварц к той или иной партийной принадлежности певцов и музыкантов, которая, на наш взгляд, более деликатно отвечает на поставленные вопросы, используя в своих ответах не только конъюнктив (*ich könnte mir nicht vorstellen*), но и модальные частицы, в частности *nur, mal*, которые добавляют ее высказываниям вежливый оттенок. Именно вербальное поведение госпожи Шварц во многом помогает, на наш взгляд, избежать напряженности в анализируемом межличностном коммуникативном процессе.

5. Заключение

Исследование вежливости в структуре массмедийных коммуникативных практик, представленных в дискурсе современных немецких журнальных медиатекстов интервью, показывает, что категория вежливости неизменно сопровождает процесс общения адресатов и адресантов. В дискурсивной практике медиатекстов немецких интервью фиксируется некая совокупность маркеров вежливости. Исходя из проведенного исследования, можно констатировать, что к ведущим маркерам категории вежливости в интервью относятся вежливые речевые клише, отдельные лексемы, модальные частицы, морфологическая категория лица, сослагательное наклонение глагола, а также не прямые вопросы. Несмотря на то что язык печатных интервью как вида текста массовой коммуникации коррелирует с обиходно-разговорным дискурсом, коммуникативно-прагматическая норма сдерживает здесь исполь-

зование языковых средств, выражающих проявление откровенно невежливого отношения к коммуникантам. Интерес к названной выше проблематике обусловлен тем, что проблема интервьюирования с позиции категории вежливости в ракурсе межличностной медиакommunikации применительно к диалогическим медиатекстам в аспекте их лингвокультурных характеристик и коммуникативно-прагматических норм еще недостаточно разработана.

Дальнейшие перспективы предпринятого исследования видятся в изучении других категорий текста и дискурса на материале как генетически родственных, так и генетически неродственных языков с позиции различных коммуникативно-дискурсивных практик с учетом их лингвокультурных характеристик и коммуникативно-прагматических норм.

Источники иллюстративного материала

Der Spiegel. Nr. 50. 07.12.2019. S. 56, 99.

Der Spiegel. Nr. 16. 11.04.2020. S. 10.

Der Spiegel. Nr. 39. 24.09.2019. S. 140–141.

Vitamin de Sommer. 2022. Nr. 93. S. 17.

Vitamin de Herbst. 2022. Nr. 94. S. 15.

Литература

Бычковская Н. В. Синтактико-прагматическая вариативность в текстах интервью // Вестник Башкирского университета. 2015. Т. 20, № 3. С. 981–984.

Власян Г. Р. Реализация стратегий позитивной вежливости в разговорном диалоге // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. 2015. № 27 (382). С. 50–54.

Власян Г. Р., Кожухова И. В. Глобализация, коммуникативное поведение и вежливость // Политическая лингвистика. 2018. № 5 (71). С. 111–115.

Добросклонская Т. Г. Прикладные аспекты медиалингвистических исследований // Медиалингвистика. 2015. Вып. 4. С. 18–22.

Иванова Т. К. Средства экспрессии в политическом медиадискурсе и опасность их использования // Journal Of Russian Studies. Российские исследования. 2021. Т. 2, № 2. С. 106–113.

Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Языки славянских культур, 2009. 512 с.

Лохэр М., Ларина Т. В. Введение в исследование вежливости и невежливости в глобальном контексте // Russian Journal of Linguistics. 2019. Вып. 23, № 4. С. 873–903.

Лукина М. М. Технология интервью. М.: Аспект Пресс, 2012. 192 с. URL: <https://www.iprbookshop.ru/56994.html> (дата обращения: 06.01.2023).

Прокофьев Г. В. Категория интердискурсивности как средство организации медиадискурса // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. № 5 (133). С. 77–79.

Рогова К. А. Устная речь в текстах печатных СМИ // Медиалингвистика. 2018. Т. 5, № 3. С. 346–353.

Солганик Г. Я., Дроняева Т. С. Стилистика и культура речи русского языка. М.: ИЦ «Академия», 2012. 256 с.

Таюпова О. И. Норма диалогического медиатекста в ракурсе теории вежливости // Вестник Башкирского университета. 2020. Т. 25, № 2. С. 407–412. <https://doi.org/10.33184/bulletin-bsu-2020-2.30>

Таюпова О. И. Прагмалингвистический потенциал заголовков в современных публицистических текстах // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 4. С. 21–26.

Томчин А. Б. О чем думают немцы: 1228 фактов от Фауста до Октоберфеста. Минск: Рипол-Классик, 2019. 496 с.

Формановская Н. И. Речевой этикет и культура общения. М.: Высшая школа, 2008. 156 с.

Формановская Н. И. Русский и немецкий речевой этикет: сходства и различия. М.: Высшая школа, 2010. 119 с.

Шабан А. К., Хомутова Т. Н. Семантика понятия «вежливость» в различных лингвокультурах: универсальное и культурно-специфическое // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2019. Т. 5, вып. 1. С. 85–95. <https://doi.org/10.18413/2313-8912-2019-5-1-0-8>

Ярыгина Т. А. Средства выражения вежливости в современном немецком языке // Лингвистика и лингводидактика. Орехово-Зуево: Гос. гуманитар.-технол. ун-т, 2020. С. 197–200.

Brown P., Lewinson S. Politeness: Some Universals in Language. Usage Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 345 p.

Dallapiazza M. R., Schümann A., Blüggel B. Tangram 2 A: Deutsch als Fremdsprache. Köln: Max Hueber Verlag, 2015. 114 S.

Deppermann, A. Interview als Text vs. Interview als Interaktion // FQS Forum: Qualitative social research. 2013. Vol. 14, № 3. <https://doi.org/10.17169/fqs-14.3.2064>

Jesan I., Kovtunova E. Spitznamen deutscher Politiker im Mediendiskurs // Kommunikative Praktiken in sozialen Kontexten. Münster; Berlin; London: LIT-Verlag. 2019. S. 69–86.

Грамматик der deutschen Sprache (GDS) / Hrsg. von G. Zifonun, L. Hoffmann, B. Strecker. In 3 Bänden. Bd. 3. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1997. S. 2233–2358.

Locher M., Watts R. Relational work and impoliteness: Negotiating norms of linguistic behaviour // D. Bousfield, M. A. Locher (eds). *Impoliteness in Language. Studies on its Interplay with Power in Theory and Practice*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2008, pp. 77–99.

Maye H. O. Interview und schriftliche Befragung. Grundlagen und Methoden empirischer Sozialforschung. 6. Aufl. München: Oldenbourg Wissenschaftsverlag, 2013. 223 S.

Stepykin N. I. Politeness, courtesy, civility: Mapping associative fields // *Journal of Language and Literature*. 2014. Nr. 5 (4). P.243–247. <https://doi.org/10.7813/jll.2014/5-4/52>

Perrin D. *Medienlinguistik*. 3., aktualisierte Aufl. Konstanz; München: UVK Verlagsgesellschaft, 2015. 259 S.

Tayupova O., Stepykin N. Norm And Uzus In The Theory Of Media Discourse // *European Proceedings of Social & Behavioural Sciences (EpSBS) conference proceedings*, 2020. Vol.86. WUT 2020. P.1360–1366. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2020.08.157>

References

Brown P., Lewinson S. *Politeness: Some Universals in Language*. Usage Cambridge, Cambridge University Press, 1987, 345 p.

Bychkovskaya N. V. Syntactic and pragmatic variability in interview texts. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, 2015. Vol. 20, no. 3, pp. 981–984. (In Russian)

Dallapiazza M. R., Schümann A., Blüggel B. *Tangram 2 A: Deutsch als Fremdsprache*. Köln, Max Hueber Verlag, 2015, 114 p.

Deppermann A. Interview als Text vs. Interview als Interaktion. *FQS Forum: Qualitative social research*, 2013, vol. 14, no. 3. <https://doi.org/10.17169/fqs-14.3.2064>

Dobrosklonskaya T. G. Applied aspects of mediallyinguistic research. *Media Linguistics*, 2015, no. 4, pp. 18–22. (In Russian)

Formanovskaya N. I. *Speech etiquette and communication culture*. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2008, 156 p. (In Russian)

Formanovskaya N. I. *Russian and German speech etiquette: similarities and differences*. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2010, 119 p. (In Russian)

Grammatik der deutschen Sprache (GDS), Hrsg. von G. Zifonun, L. Hoffmann, B. Strecker. In 3 Bänden. Bd. 3. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1997, S. 2233–2358.

Ivanova T. K. Means of expression in political media discourse and the danger of their use. *Journal Of Russian Studies. Russian studies*, 2021, vol. 2, no. 2, pp. 106–113. (In Russian)

Jesan I., Kovtunova E. Spitznamen deutscher Politiker im Mediendiskurs. *Kommunikative Praktiken in sozialen Kontexten*. Münster, Berlin, London, LIT-Verlag, 2019, S. 69–86.

Larina T. V. *Category of politeness and style of communication: comparison of English and Russian linguistic and cultural traditions*. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2009, 512 p. (In Russian)

Loher M., Larina T. V. Introduction to the study of politeness and impoliteness in a global context. *Russian Journal of Linguistics*, 2019, iss. 23, no. 4, pp. 873–903. (In Russian)

Locher M., Watts R. Relational work and impoliteness: Negotiating norms of linguistic behaviour, D. Bousfield, M. A. Locher (eds). *Impoliteness in Language. Studies on its Interplay with Power in Theory and Practice*. Berlin, Mouton de Gruyter, 2008, pp. 77–99.

Lukina M. M. *Interview technology*. Moscow, Aspect Press Publ., 2012, 192 p. Available at: <https://www.iprbookshop.ru/56994.html> (accessed: 01.06.2023). (In Russian)

Maye H. O. *Interview und schriftliche Befragung. Grundlagen und Methoden empirischer Sozialforschung*. 6. Aufl. München, Oldenbourg Wissenschaftsverlag, 2013, 223 S.

Perrin D. *Medienlinguistik*. 3., aktualisierte Aufl. Konstanz; München, UVK Verlagsgesellschaft, 2015, 259 S.

Prokofiev G. V. The category of interdiscursivity as a means of organizing media discourse. *Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University*, 2013, no. 5 (133), pp. 77–79. (In Russian)

Rogova K. A. Oral speech in printed media texts. *Medialingvistika*, 2018, vol. 5, no. 3, pp. 346–353. (In Russian)

Stepykin N. I. Politeness, courtesy, civility: Mapping associative fields. *Journal of Language and Literature*, 2014, no. 5 (4), pp. 243–247. <https://doi.org/10.7813/jll.2014/5-4/52>

Shaban A. K., Khomutova T. N. The semantics of the concept of “politeness” in various linguistic cultures: universal and culturally specific. *Scientific result. Issues of theoretical and applied linguistics*, 2019, vol. 5, no. 1, pp. 105–112. <https://doi.org/10.18413/2313-8912-2019-5-1-0-8> (In Russian)

Solganik G. Ya., Dronyaeva T. S. *The stylist and the culture of speech of the Russian language*. Moscow, Informatsionnyi tsentr “Academia” Publ., 2012, 256 p. (In Russian)

Tayupova O. I. The norm of the dialogic media text from the perspective of the theory of politeness. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, 2020, vol. 25, no. 2, pp. 407–412. <https://doi.org/10.33184/bulletin-bsu-2020-2.30> (In Russian)

Tayupova O., Stepykin N. Norm and Uzus in the Theory of Media Discourse. *European Proceedings of Social & Behavioural Sciences (EpSBS) conference proceedings*, 2020, vol. 86, WUT 2020, pp. 1360–1366. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2020.08.157>

Tayupova O. I. Pragmalinguistic potential of headings in modern journalistic texts. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Iazykovaia i polikul'turnaia kommunikatsiia*. 2015, no. 4, pp. 21–26. (In Russian)

Tomchin A. B. *What the Germans Think: 1228 Facts from Faust to Oktoberfest*. Minsk, Ripol-Klassik Publ., 2019, 496 p. (In Russian)

Yarygina T. A. Means of expressing politeness in modern German. *Linguistics and linguodidactics*. Orekhovo-Zuevo, Gosudarstvennyi gumanitarno-tekhnologicheskii universitet Publ., 2020, pp. 197–200. (In Russian)

Vlasyan G. R. Implementation of positive politeness strategies in conversational dialogue. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. 2015, no. 27 (382), pp. 50–54. (In Russian)

Vlasyan G. R., Kozhukhova I. V. Globalization, communicative behavior and politeness. *Politicheskaya lingvistika*, 2018, 5 (71), pp. 111–115. (In Russian)

Таюпова Ольга Ивановна

профессор кафедры немецкой и французской филологии УУНИТ, доктор филологических наук

Адрес: Российская Федерация, 450076, Уфа, ул. Заки Валиди, 32

Olga I. Tayupova

Professor of German and French Department, Ufa University of Science and Technology, Doctor of Philological Sciences

Address: 32, ul. Zaki Validi, Ufa, 450076, Russian Federation

E-mail: o.tayupova@mail.ru

Статья поступила в редакцию 7 марта 2023 г.

Принята к публикации 26 апреля 2023 г.

МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ В ДИСКУССИИ О ГЕНДЕРНОМ РАВЕНСТВЕ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Для цитирования: Слина Л. Я. Морально-этический аспект в дискуссии о гендерном равенстве в немецком языке // *Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете*. 2023. Вып. 13. С.444–462. <https://doi.org/10.21638/spbu33.2023.125>

Гендерно-корректные формы, распространенные в современном немецком языке, рассматриваются в статье с точки зрения коммуникативной категории вежливости, которая служит регулятором речевого поведения и обеспечивает его успех. Соблюдение норм политкорректности можно считать одним из способов выражения вежливого отношения к окружающим. Целью исследования является определить, каким образом сторонники и противники гендерной корректности используют морально-этический аргумент для отстаивания своей позиции и каково влияние морально-этической составляющей на речевое поведение людей. Материалом для исследования послужили тексты современных немецких электронных СМИ за период 2018–2022 гг., посвященные критике соблюдения гендерной корректности в языке. В ходе работы с помощью метода контекстного анализа были изучены высказывания сторонников и противников гендерной корректности в языке в связи с такими аспектами, как отношение к адресату, понимание значения употребляемых форм гендерной корректности, восприятие взаимодействия языка и неязыковой реальности. Сторонники гендерной корректности в языке действуют в традиции феминистской и гендерной лингвистики. Они считают употребление обозначений лиц в форме мужского рода в обобщенном значении одним из способов дискриминации, убеждены в непосредственном влиянии языковых выражений на неязыковую действительность и выступают за сознательное изменение языка и речевого употребления. Установление связи гендерно-корректных форм с понятиями справедливости и равноправия способствует их распространению и заставляет носителей языка объяснять и оправдывать свое речевое поведение. Противники гендерной корректности в языке сомневаются в положительном восприятии этих форм адресатом, указывают на влияние гендерно-корректных изменений на значение слов и смысл высказываний, отрицают непосредственную связь языковых форм с мыслями и поступками человека. Исследование вносит вклад в изучение гендерной проблематики с точки зрения коммуникативной теории и критики языка.

Ключевые слова: категория вежливости, гендерная корректность, гендерная лингвистика, критика языка, медиалингвистика, немецкий язык.

ETHICAL AND MORAL ASPECT IN THE DISCUSSION ABOUT GENDER CORRECTNESS IN GERMAN LANGUAGE

For citation: Slinina L. Ia. Ethical and moral aspect in the discussion about gender correctness in German language. *German Philology in St. Petersburg State University*, 2023, iss. 13, pp. 444–462. <https://doi.org/10.21638/spbu33.2023.125>

The article deals with a problem of gender correct forms in the modern German language in the context of communicative category of politeness that regulates language behavior and provides its success. The goal of the study is to define how the supporters of gender correctness and their opponents use the moral and ethical argument to persist in their opinion and how it influences the language behavior of the people. The materials are borrowed from German online-media for the period from 2018 to 2022. With the help of the method of context analysis there were considered expressions of supporters of gender correctness and their opponents in point of relations to the recipient, to the meaning of gender correct forms, to the interaction between language and non-language reality. The supporters of gender correctness act in the tradition of feminist and gender linguistics. They believe using of the masculine form of the nouns in general meaning to be discriminating, consider the influence of language forms on the reality and come out for deliberate changes in the language. Because of connecting of the gender correct forms with ideas of equality and justice the speakers are forced to explain and to justify their language behavior. The opponents doubt about positive reaction to the gender correct forms from the recipients, demonstrate the influence of gender correct changes on the meaning of words and phrases, deny the direct connection between language forms and thoughts and behavior of the people. The study contributes to developing of communicative theory and scientific language criticism.

Keywords: category of politeness, gender correctness, gender linguistics, language criticism, media linguistics, German.

1. Введение

В последние десятилетия вежливость все чаще оказывается предметом изучения лингвистических исследований, речь идет о таких направлениях, как социолингвистика, когнитивная лингвистика, лингвопрагматика, дискурс-анализ и международная коммуникация [Ларина 2018: 133]. Свидетельством научного интереса к этому аспекту речевой коммуникации являются многочисленные публикации и проведение международных конференций [Вежливость и антивежливость... 2018: 4–5].

Как отмечает Т.В. Ларина, лингвистический интерес к категории вежливости вызван тем, что она «выступает влиятельным

системообразующим регулятором речевого поведения» [Ларина 2018: 134]. Вежливость рассматривается в лингвистике как коммуникативная категория, реализующаяся в ситуации речевого общения. Это «система сложившихся в данной культуре коллективных норм и правил, которые регулярно воспроизводятся в коммуникации и следование которым позволяет ее участникам нейтрально, комфортно и бесконфликтно общаться на любые темы» [Брагина 2018: 38]. Категория вежливости является универсальной, но в то же время она обладает «этнокультурной спецификой», что особенно важно в ситуации межкультурного общения [Ларина 2018: 134].

В современной лингвистике речь идет о теории вежливости, классическое направление которой рассматривает стратегии коммуникации, направленной на бесконфликтное общение, соблюдение правил поведения, выражения почтения и внимательности к собеседнику. «Категория вежливости строится с позиций говорящего, адресанта, стремящегося к максимальному комфорту собеседника» [Шаронов, Козодаева 2018: 293]. По этой причине за основу для анализа языковых фактов, выражающих уважение к собеседнику, берутся принципы коммуникации Пола Грайса и правила главной стратегии вежливости Джеффри Лича, в соответствии с которыми вежливость нацелена на интересы говорящего и, таким образом, обеспечивает успех общения (см.: [Ларина 2018: 138–139; Шаронов, Козодаева 2018: 239]).

При рассмотрении форм выражения вежливого отношения к собеседнику в первую очередь следует назвать этикетные формулы обращения, приветствия, благодарности, просьбы, а также определенные грамматические формы, при этом существенную роль играют социальные критерии, такие как степень знакомства, возрастные различия, социальные роли. Уважительное отношение к собеседнику достигается с помощью специальных средств и определяется такими параметрами, как выбор темы разговора, степень проявления эмоциональности, выбор стилового регистра.

Еще одним важным аспектом при выражении вежливого отношения в современном немецком языке является соблюдение норм политкорректности, в частности использование гендерно-корректных форм. Соблюдения гендерной корректности в немецком языке касается не только использования отдельных лексем, но и морфологических форм, а именно форм выражения грамматического рода наименований лиц. Сторонниками соблюдения гендерной коррект-

ности в первую очередь осуждается употребление имен лиц в форме мужского рода в обобщающем значении, так называемого обобщающего мужского рода (*das generische Maskulinum*), например *liebe Leser* — ‘дорогие читатели’ при обозначении лиц обоего пола. Корректными считаются формы, в явном виде демонстрирующие гендерные различия (*Leserinnen und Leser* — ‘читательницы и читатели’), или гендерно-нейтральные формы (*Leserschaft* — ‘читающая публика’). При этом речь идет и о формах, имеющих в языке и соответствующих современной орфографической норме, как в приведенных примерах, и об искусственно созданных формах, таких как *Leser_innen, LeserInnen, Leser*innen*.

В связи с категорией вежливости прежде всего следует обратить внимание на использование наименований лиц гендерно-корректных формах в роли обращения, так как в этом случае речь идет о непосредственном отношении к адресату. Такие обращения к заинтересованным лицам можно встретить на сайтах государственных и коммерческих учреждений общественных и партийных организаций, например:

- (1) *Liebe Studieninteressierte, liebe Abiturientinnen und Abiturienten, die Universität Hamburg ist als Exzellenzuniversität eine der forschungsstärksten Universitäten Deutschlands.* — «Дорогие студенты и абитуриенты, Гамбургский университет является одним из лучших научных центров Германии» [Studieren...].
- (2) *Liebe Wähler*innen, durch Wahlen entscheidet eine Gesellschaft, wer sie sein will. Das gilt erst recht für diese Bundestagswahl am 26. September.* — «Дорогие избиратели, с помощью выборов общество решает, каким оно хочет быть. Это тем более касается выборов в бундестаг 26 сентября» [Deutschland...].

Но гендерная корректность предполагает употребление наименований лиц в соответствующих формах не только в функции прямого обращения, но и в любых позициях в тексте, в том числе и когда речь идет о третьих лицах. Это не только демонстрирует уважение к потенциальному собеседнику, но и подчеркивает общественную позицию автора и его уважительное отношение к представителям различных гендерных групп.

Современная практика гендерно-корректного словоупотребления и связанная с ней проблематика восходит к феминистскому движению конца 1960-х — начала 1970-х годов в Германии

и возникшей в это время и получившей впоследствии свое развитие феминистской лингвистики и феминистской критики языка, известными представителями которой являются Л. Ф. Пуш, З. Тремель-Плец, Г. Шенталь, М. Хеллингер (см.: [Samel 2000: 17–23]). Существенной особенностью и важным достижением феминистской лингвистики является тот факт, что она не только описывает и анализирует существующие языковые факты, но и выдвигает требование «устранения языковой и общественной дискриминации женщин» [Samel 2000: 44], т. е. внесение сознательных изменений в языковую систему и изменение речевых привычек. Идеи феминистской лингвистики получили свое продолжение в современном направлении гендерной лингвистики, в котором гендер как социальная категория не связан напрямую с естественным полом человека [Kilian, Niehr, Schiewe 2016: 40; Spieß, Günthner, Hüpper 2012: 2–6], что подчеркивает социальный характер проблематики и позволяет учесть гендерное многообразие.

Распространению идеи гендерной корректности в современном обществе способствовало принятие ряда рекомендательных документов на общеевропейском, на государственном и на земельном уровне, касающихся сферы юриспруденции и деловой коммуникации государственных учреждений (см. об этом: [Антропова 2016: 50–51; Петрова 2019: 135–136; Ситникова, Смолоногина 2021: 174–176]). Существенную роль в этом процессе играют современные СМИ. Во-первых, в некоторых левых и леволиберальных изданиях приняты редакционные документы, регулирующие употребление гендерно-корректных форм, имеющие, правда, рекомендательный характер. Во-вторых, именно на страницах СМИ ведется дискуссия о правомерности выражения гендерного равенства в языке и речи. Левые и леволиберальные издания публикуют мнения в поддержку выражения гендерной корректности в языке, хотя и указывают на спорность некоторых практик, в то время как правые и консервативные СМИ выступают с резкой критикой гендерно-корректных форм (см. об этом: [Слинина 2022]). В дискуссии участвуют в основном люди, профессиональная деятельность которых связана с языком: лингвисты, журналисты, писатели, актеры и др.

В статье представлены результаты исследования, целью которого было выяснение роли гендерно-корректных форм с точки зре-

ния категории вежливости. В задачи исследования входит анализ высказываний сторонников и противников использования форм гендерной корректности в отношении морально-этической проблемы, для выяснения вопроса, каким образом идея уважительного отношения к окружающим путем употребления гендерно-корректных форм влияет на их употребление и отношение к ним носителей языка. Материалом исследования послужили публикации, посвященные проблемам гендерной корректности в языке, в современных онлайн-изданиях, таких как «Spiegel», «taz», «Die Welt», «Bild» и др. за период 2018–2022 гг.

2. Уважение к собеседнику как основной аргумент сторонников соблюдения гендерной корректности в языке

Для сторонников гендерной корректности необходимость уважительного отношения ко всем гендерным группам является основным аргументом в пользу активного использования в речи форм, учитывающих гендерную принадлежность, или гендерно-нейтральных форм. Обращают на себя внимание компоненты сложных слов с оценочным значением, которые используются сторонниками гендерной корректности в языке при обозначении нового гендерно-корректного словоупотребления: *genderkorrekte Sprache*, *gendergerechte Sprache*, *diskriminierungsfreie Sprache*. Прежнее традиционное речевое употребление называется соответственно *diskriminierende Sprache*. Идеи правильности и справедливости, которые содержат новые формы, противостоят понятию дискриминации по гендерному признаку, которое якобы происходит при традиционном использовании обозначений лиц.

За этими обозначениями оценочного характера стоит убежденность в том, что употребление формы мужского рода в обобщающем значении не выполняет своей функции. Утверждение о том, что употребление наименований лиц в форме мужского рода во множественном числе обозначает в том числе и лиц других гендерных групп, делается со стороны говорящего и не значит, что эта форма воспринимается соответствующим образом и слушающими:

- (3) *Man weiß aus der Sprachforschung, dass zu jeder Kommunikation sowohl eine sendende als auch eine empfangende Person gehört. Selbst wenn*

erstere Frauen mitmeint, entsteht im Gehirn von letzterer ein Bild von Männern. ... Damit Frauen und andere Geschlechter nicht nur mitgemeint, sondern auch mitgedacht werden, müssen sie sprachlich auch tatsächlich vorkommen. — «Из лингвистики известно, что в коммуникации участвуют как отправитель, так и получатель. Даже если первый имеет в виду в том числе и женщин, в голове последнего возникает образ мужчин. <...> Чтобы женщин и представителей других гендерных групп не только подразумевали, но и думали о них, они должны быть представлены в языке» [Zobel].

В качестве обоснования такого утверждения авторы часто ссылаются на результаты социологических и психологических исследований, изучающих восприятие высказываний, содержащих имена лиц в форме мужского рода. Отсутствие эксплицитных наименований в речевом употреблении воспринимается как продолжение социальной несправедливости в отношении женщин:

- (4) *Frauen sollen mit einem Drittel der Plätze im Bundestag zufrieden sein. Sie sollen sich nicht darüber aufregen, dass sie in Deutschland im Schnitt 21 Prozent weniger Gehalt für dieselbe Arbeit bekommen als Männer. Und Frauen sollen sich bitte einfach mitgemeint fühlen, wenn nur von Männern die Rede ist.* — «Женщины должны удовлетвориться одной третью мест в бундестаге. Они должны спокойно воспринимать, что в Германии за одну и ту же работу они получают в среднем на 21 % меньше, чем мужчины. И женщины должны еще и понимать, что их тоже имеют в виду, если речь идет только о мужчинах» [Zobel].

Идея сознательного изменения речевой практики продиктована традицией феминистской языковой критики, которая выдвигала такие требования и добилась некоторых успехов [Samel 2000: 89]. Она связана со справедливым представлением о том, что язык отражает реальную действительность. И феминистская лингвистика делает следующий шаг: если действительность изменилась, изменилось положение женщин в обществе, то необходимы изменения в языке [Bednarz]. Среди представителей современной гендерной лингвистики и других сторонников гендерной корректности распространено убеждение в том, что так как язык является частью нашей реальности, то, изменяя его, мы влияем и на неязыковую действительность. Так, Ланн Хорншайдт в сво-

ей книге предлагает читателям изменить свой язык, чтобы сделать его уважительным («die eigene Sprache respektvoll verändern»): *Wir brauchen eine Offenheit dafür, immer neu hinzuschauen und unsere Wirklichkeit respektvoll zu gestalten.* — «Мы должны быть открытыми к тому, чтобы постоянно пересматривать происходящее и наполнять нашу реальность уважением» [Hecht].

Бывшая ведущая новостей на канале ZDF и приверженка феминистских идей Петра Герстер отвечает положительно на вопрос, влияет ли употребление гендерно-корректных форм на поведение людей:

- (5) *Sprache ist Ausdruck unseres Denkens und geht dem Handeln voraus. Wie heißt es in diesem alten Spruch: Achte auf Deine Gedanken, denn sie werden Deine Worte, achte auf Deine Worte, denn sie werden Dein Handeln. Also — ja. Wer höflich und respektvoll mit seinem Gegenüber spricht, wird ihm sicher nicht anschließend ins Gesicht spucken.* — «Язык — это выражение наших мыслей и предшествует нашим действиям. Как говорится в этом старом изречении: следи за своими мыслями, ибо они становятся словами, следи за своими словами, ибо они становятся поступками. Значит, да. Тот, кто вежливо и уважительно говорит со своим собеседником, вряд ли плюнет ему в лицо» [Gerster].

Лингвист и автор книги «Вопрос морали. Почему нам нужен политкорректный язык» Анатолий Штефанович также утверждает, что язык определяет и наши действия («Hinter der Sprache steht auch Handeln»), и подчеркивает важность обсуждения проблем гендерной корректности в языке, так как хотя гендерная корректность и не решит всех проблем, но таким образом мы заставляем обратить внимание людей на неравенство и несправедливость в обществе [Fischer].

Утверждение, что, используя в речи гендерно-корректные формы, мы демонстрируем наше уважение к людям, — это достаточно сильный аргумент в пользу их применения, так как соблюдение правил вежливости обеспечивает успех нашей коммуникации. Но сторонники гендерного равенства в языке используют и дополнительные аргументы. Например, часто говорится о том, что использование гендерно-корректных форм не обязательно, каждый свободен в своем решении, и никакого давления, о котором говорят критики гендерной корректности, не происходит:

- (6) *Wer gendern möchte, soll es tun. Wer es ablehnt, möge sprechen und schreiben wie bisher. Wie sich das alles entwickelt, wird man in den nächsten Jahren und Jahrzehnten sehen.* — «Кто хочет употреблять гендерно-корректные формы, пусть употребляет. Кто их отрицает, может говорить и писать, как раньше. Как все будет развиваться, мы увидим в последующие годы и десятилетия» [Bednarz].

Гендерно-корректное словоупотребление не имеет строгих правил, которые необходимо соблюдать. Ланн Хорншайдт говорит: *Es geht nicht um richtig oder falsch, es geht um Respekt.* — «Речь идет не о том, правильно или неправильно, речь идет об уважении» [Hecht]. Это творческий процесс, в котором никто не идеален. Так, автор постоянных комментариев в «Spiegel» и «taz» Маргарете Штоковски пишет:

- (7) *Man muss es auch nicht immer perfekt machen. Ich mache es auch nicht immer richtig. ... Ich finde es auch albern, wenn man »Gäste und Gästinnen« schreibt. Aber wer es so machen will: nur zu. Es geht darum, sich Mühe zu geben, gerecht zu sein.* — «Никто не требует это делать идеально. Я тоже не всегда это делаю правильно. ... Мне тоже кажется глупым, когда пишут “Gäste und Gästinnen”¹. Но кто так хочет делать, пусть делает, пожалуйста. Речь идет о том, чтобы постараться быть справедливым» [Stokowski].

Важным оружием в руках сторонников гендерной корректности в языке является критика оппонентов, а именно представление их в качестве консерваторов, пожилых мужчин, недовольных развитием современного общества, в котором все большую роль играют женщины:

- (8) *Die Hegemonie fühlt sich bedroht. Menschen, die an Altem festhalten wollen, werden unterschiedliche Strategien dagegen auffahren: polemisieren, totschweigen, Argumente diskreditieren. Aber auch das zeigt: Es ist wichtig, Sprache zu verändern.* — «Гегемония чувствует себя в опасности. Люди, желающие держаться за старое, будут использовать различные стратегии, чтобы возражать: полемизировать, молчать, дискредитировать аргументы. Но это также показывает: важно изменить язык».

¹ Слово *Gast* ‘гость’ в современном немецком языке является обозначением лиц как мужского, так и женского пола. Слово *Gästin* как альтернативное наименование лиц женского пола появилось в онлайн-версии словаря «Дуден» в 2020 г. и вызывает споры.

зировать, замалчивать, дискредитировать аргументы. Но это еще раз показывает, что менять язык — это важно» [Hecht].

Приведенные аргументы оказываются вполне действенными, так как человек хочет добиться успеха в коммуникации благодаря везливому отношению к собеседнику и к окружающим людям. Кроме того, никто не хочет быть причисленным к консерваторам, а, напротив, хочет считаться современным и прогрессивным человеком. Поэтому понятным оказывается решение концерна «Ауди», желающего привлечь клиентов, использовать гендерно-корректные формы в официальной коммуникации:

- (9) *Personalchefin Sabine Maafßen vom Audi-Vorstand sagte, gendersensibel zu kommunizieren sei eine „Frage des Respekts und Ausdruck einer Haltung gegen Diskriminierung und für Vielfalt“.* — «Менеджер по работе с персоналом Сабина Масен сказала, что гендерно-чувствительная коммуникация — это “вопрос уважения и выражения отрицательного отношения к дискриминации и положительного отношения к многообразию”» [Audianer_innen...].

Представитель прессы епископата в Хильдесхайме Фолькер Бауерфельд также надеется повысить популярность католической церкви среди молодежи путем использования гендерно-корректного словоупотребления (Gott*):

- (10) *Dahinter steht das Anliegen, alle Menschen gleichermaßen in den Blick zu nehmen und eine Sprache zu verwenden, die die Menschen in ihrer Vielfalt sichtbar macht. Denn Respekt und Wertschätzung füreinander kommen auch in unserer Sprache zum Ausdruck.* — «За этим стоит стремление охватить взглядом всех людей в равной степени и использовать язык, который демонстрирует многообразие людей. Ведь уважение к людям и их ценностям находит выражение и в нашем языке» [Kürthy].

3. Противники гендерной корректности в языке о морально-нравственном аспекте проблемы

Несмотря на то что сторонники гендерного равенства подчеркивают, что каждый решает, использовать ли гендерно-корректные формы и какие именно, идея о том, что применение таких

форм в речи является способом выразить уважение к окружающим, приводит к их распространению и к мысли об их обязательности. Практически во всех ситуациях публичной коммуникации говорящим приходится делать выбор, использовать гендерно-корректные формы или нет, так как обозначения лиц встречаются практически в каждом тексте. Как пишет в своей книге психолог и публицист Стив Айан: «Man kann sich nicht nicht zum Gendern verhalten, wird damit einfach nicht in Frieden gelassen. — Нельзя не относиться к гендерной корректности в языке, вас не оставляют в покое» [Ayan].

При этом, поскольку гендерная корректность напрямую связывается с понятием уважения к представителям всех гендерных групп, возникает представление, что тот, кто не использует гендерно-корректные формы, против равноправия (*Wer nicht gendert, hat etwas gegen Gleichberechtigung*) [Ayan]. Мысль о том, что человека могут в этом заподозрить, вынуждает его либо использовать их в речи, либо объяснять или даже оправдывать свое речевое поведение. Так, один из критиков гендерной корректности пишет:

- (11) *Gleichstellung muss sein. Gleichstellung ist nötig. Gleichstellung ist wichtig. So, jetzt habe ichs drei Mal geschrieben und damit begläubigt und besiegelt. Aber was beim Gendern vom Karren fällt, ist halt schon bemerkenswert.* — «Равноправие должно быть. Равноправие необходимо. Равноправие важно. Так, я написал это три раза, заверил и поставил печать. Но то, что с гендерной корректностью в языке не все ладно, нельзя не заметить» [Steiger].

Певец Рудольф Кунце, объясняя, почему он не использует гендерно-корректные формы, говорит в интервью:

- (12) *Es geht nicht darum, sich um die wahren Probleme zu kümmern, die es gibt, ich bin der Letzte, der sie leugnet. Es geht darum, durch Sprachdiktatur auszuspionieren, auf welcher Seite man steht.* — «Речь не идет о том, чтобы думать о настоящих проблемах, которые существуют, я буду последним, кто их отрицает. Речь идет о том, чтобы посредством языковой диктатуры выведать, кто на чьей стороне» [Niehus].

Противники гендерной корректности приводят различные аргументы, доказывающие необязательность и ненужность гендерно-корректных форм, а также некорректность некоторых из них.

Критике подвергаются в основном искусственно созданные сплиттинговые формы, такие как, например, *Leser_innen*, *Leser*innen*, естественные формы (*Leserinnen und Leser*, *Leserschaft*) критикуются реже. Как бы ни показалось странным, одним из аргументов является невозможность выразить с их помощью вежливое отношение к людям. Так, лингвист Мартин Неер критикует использование форм с гендерной звездочкой:

- (13) *Ich möchte ja als respektvoll wahrgenommen werden und alle Menschen respektvoll ansprechen. Eine Form wie ‚Teilnehmer*in‘ ist für mein Empfinden aber nicht respektvoll.* — «Я ведь хочу, чтобы ко мне относились с уважением, и хочу уважительно обращаться ко всем людям. Такая форма, как *Teilnehmer*in*, на мой взгляд, не является уважительной» [Kanthak].

Теория вежливости рассматривает коммуникативную ситуацию из перспективы говорящего, критики гендерной корректности затрагивают вопрос, каково отношение к гендерно-корректным формам со стороны адресата. Некоторые критики подвергают сомнению то, что гендерно-корректный язык действительно воспринимается адресатом как уважительный и соответствует ожиданиям говорящих. Рудольф Кунце считает:

- (14) *Hilfreich wäre natürlich, dass viele Menschen, die wir angeblich damit schützen wollen, auch mal auftreten und sagen: ‚Ihr habt doch nicht alle Latten am Zaun, wir haben ganz andere Probleme.‘* — «Было бы полезно, если бы многие люди, которых мы якобы таким образом хотим защитить, как-нибудь тоже бы выступили и сказали: “Да вы все не в своем уме, у нас совсем другие проблемы”» [Niehus].

В комментариях читателей часто можно встретить высказывания, подобные следующему: *Ich kenne keine Frau, die findet, dass ihr diese Sprachverhunzung etwas bringt.* — «Я не знаю ни одной женщины, которая считает, что такое искажение языка приносит какую-то пользу» [Audianer_innen]. Ведущий политического канала «Эти там наверху» («Die da oben») Ян Шипманн в своем ролике «Почему я отказываюсь от гендерной корректности?» («Warum ich mit Gendern aufhöre?») объясняет, что он перестает произносить наименования лиц с гендерной паузой (небольшой паузой внутри слова в том месте, где пишется гендерная звездочка), так как хочет,

чтобы как можно больше зрителей смотрели его программу. Он получил множество критических отзывов от зрителей, в том числе и от тех, кто из-за применения им гендерной паузы отказывается смотреть его видео, в то время как отзывы в поддержку гендерной корректности он практически не получал [Schipmann].

Противники гендерной корректности в языке осуждают «морализаторство» и считают, что связь употребления языковых форм с моралью и нравственностью пагубно влияет как на язык, так и на общество. Автор статьи о гендерной корректности в экономическом словаре Оливер Бендель считает, что современная тенденция использования гендерно-корректных форм — это результат смешения двух систем: системы языка и системы морали:

- (15) *Man kann sagen, dass Sprache als Symbolsystem der Verständigung dient, Moral als Normen- und Wertesystem der Begrenzung und Bestärkung. Eine zu starkes Betonen und Eindringen der Moral schadet der Sprache.* — «Можно сказать, что язык как система символов служит пониманию, мораль как система норм и ценностей ограничивает и утверждает. Слишком сильное подчеркивание и внедрение морали вредит языку» [Bendel].

Гендерно-корректные формы первоначально появились в официальных государственных юридических документах и в деловой сфере общения и характеризуют в первую очередь официально-деловой стиль. Таким образом, в тех ситуациях общения, когда предполагается эмоциональность и доверительность, эти формы кажутся неуместными, даже если их цель — выразить уважение к представителям всех гендерных групп. Публицист Инго Майер приводит примеры того, как использование двойных форм влияет на значение имен лиц и, соответственно, на смысл высказывания:

- (16) *Die häufig benutzte Doppelform erscheint inklusiver, aber der Eindruck trägt. Wenn es mit Genum heißt „Die Finnen lieben den Tango“, stelle ich mir ein buntes Völkchen vor: dicke Männer, große Frauen, ein paar Jugendliche, Kinder gar, Opa und Oma. In dem Satz „Die Finninnen und Finnen lieben den Tango“ sehe ich nur noch Frauen und Männer in mittleren Jahren — keine Kinder, keine Jugendlichen und eigentlich auch keine alten Menschen mehr. ... Die Doppelform verkleinert aber nicht nur die Menge der Mitgedachten, sie führt auch oft auf semantische Abwege. „Terroristinnen und Terroristen“ klingt*

seltsam respektvoll, „die Vertreibung der Armenierinnen und Armenier“ verharmlosend, „um Luft ringende Patientinnen und Patienten“ furchtbar entseelt. — «Часто используемая двойная форма кажется инклюзивной, но это впечатление обманчиво. Если, употребляя форму мужского рода, мы скажем “Финны любят танго”, я представляю себе пеструю толпу: толстых мужчин, высоких женщин, подростков, даже детей, дедушку и бабушку. В предложении «Финки и финны любят танго» я вижу только женщин и мужчин средних лет — больше никаких детей, подростков и даже никаких пожилых людей. ... Двойная форма, не только уменьшает количество людей, которых мы себе представляем, но она приводит и к семантическим искажениям. “Террористы и террористки” звучит необычно уважительно, “изгнание армянок и армян” несерьезно, “с трудом дышащие пациенты и пациентки” ужасно бездушно» [Meyer].

Идея выражения уважительного отношения к людям на деле приводит к конфликту в обществе и разобщению людей. Журналистка Юлия Рус, выступающая против гендерно-корректных форм, говорит:

- (17) *Damit spaltet das gut gemeinte Sternchen, das es ja allen recht machen will, nicht nur die Worte in ihrer Mitte, sondern auch unsere Gesellschaft.* — «Так звездочка, с помощью которой все хотят только хорошего, которая всех должна примирить, делит не только слова посередине, но и наше общество» [Meyer].

О том, что распространение гендерно-корректного языка на общественно-правовом телевидении приводит к «значительному социальному разобщению» (*erheblicher sozialer Unfrieden*), высказались подписавшие открытое письмо лингвисты [Ludwig].

Стив Айан возражает тем, кто убежден в непосредственной связи языковых форм с мыслями и взглядами говорящего:

- (18) *Die Realität nicht mit ihrem sprachlichen Ausdruck gleichzusetzen ... Gendern allein verändert die Denkweise von Menschen oder die Rolle von Frauen in der Gesellschaft zunächst keinen Deut. Es birgt sogar umgekehrt die Gefahr, dass eine »korrekte« Sprechweise als Signal für Gleichberechtigung dient, ohne dass diese wirklich gelebt wird.* — Реальность нельзя приравнивать к ее отражению в языке. ... «Гендерная корректность не изменит образ мышления людей и роли

женщин в обществе ни в малейшей степени. Наоборот, возникает опасность, что “корректный” язык будет сигнализировать о равноправии там, где его нет» [Ayan].

Инго Майер подтверждает эту мысль: *Die Idee, mit einer simplen Sprachänderung die Gesellschaft zu verbessern, klingt einleuchtend und verlockend.* — «Идея улучшить общество с помощью простых изменений в языке, звучит привлекательно и убедительно». Но болезнь не излечивается «языковым плацебо» (Sprachplacebo) [Meyer].

4. Выводы

Сторонники отражения гендерного равенства в языке считают морально-нравственный аспект проблемы основным аргументом в пользу употребления гендерно-маркированных и гендерно-нейтральных форм, что имеет свое выражение в том числе и в виде оценочных обозначений новых речевых практик и оценочных высказываний. Связь гендерно-корректных форм с представлением об уважительном отношении к собеседнику и окружающим вынуждает как сторонников, так и противников гендерной корректности в языке к объяснению и оправданию своего речевого поведения.

Рассмотрение использования гендерно-корректных форм с точки зрения говорящего, который стремится быть вежливым и иметь успех в коммуникации, а также уверенность в соответствующем восприятии таких форм со стороны адресата приводит к тому, что гендерно-корректные формы начинают восприниматься как формы реализации категории вежливости. Гендерно-корректные изменения, используемые без учета контекста и функционального стиля, могут приводить к стилистическому диссонансу, искажениям смысла и к неоднозначности понимания высказывания. Противники гендерно-корректного употребления ставят под сомнение позитивное отношение адресата к гендерной корректности. Кроме того, по их мнению, распространение гендерно-корректных форм ведет к конфликту в обществе, а значит, формы гендерной корректности не выполняют своей функции выражения уважительного отношения.

Сторонники использования гендерно-корректных форм исходят из убеждения о непосредственной связи языковых форм

и неязыковой действительности, поддерживают сознательные изменения языковых форм и считают, что соблюдение гендерной корректности в речи способствует установлению равноправных отношений в обществе. Их оппоненты призывают не преувеличивать значение этой взаимосвязи и выражают опасение в том, что необходимость решения сложных общественных проблем может быть подменена простым изменением языковых форм.

Источники иллюстративного материала

- „Audianer_innen“: Audi-Mitarbeiter sollen jetzt gendern. URL: <https://www.rnd.de/panorama/audianer-innen-audi-mitarbeiter-sollen-jetzt-gendern-JETDFMmBBZBVTMOYVI6Y6M3A5A.html> (дата обращения: 26.01.2023).
- Ayan S. Krieg der Sternchen. URL: <https://www.spektrum.de/news/gendersprache-krieg-der-sternchen/2031565> (дата обращения: 26.01.2023).
- Bednarz L. Wer hat Angst vor der „Genderwahn“? URL: <https://www.spiegel.de/kultur/wer-hat-angst-vor-dem-genderwahn-kommentar-von-liane-bednarz-a-948ed8f6-fa1f-465c-9b07-86cfcf34ccb0> (дата обращения: 26.01.2023).
- Bendel O. Geschlechtergerechte Sprache. URL: <https://wirtschaftslexikon.gabler.de/definition/geschlechtergerechte-sprache-123567/version-385277> (дата обращения: 26.01.2023).
- Deutschland. Alles ist drin. Bundestagswahlprogramm 2021. Bündnis 90/Die Grünen. URL: https://cms.gruene.de/uploads/documents/Wahlprogramm-DIE-GRUENEN-Bundestagswahl-2021_barrierefrei.pdf (дата обращения: 26.01.2023).
- Fischer K. Sollen die Öffentlich-Rechtlichen gegendert sprechen? URL: https://www.deutschlandfunk.de/judith-sevinc-basad-vs-anatol-stefanowitsch-sollen-die.2927.de.html?dram:article_id=479445 (дата обращения: 26.01.2023).
- Gerster P. „Mit so viel Wut und Empörung hatte ich nicht gerechnet“. URL: <https://www.brigitte.de/amp/aktuell/petra-gerster---mit-so-viel-wut-und-empoe-rung-hatte-ich-nicht-gerechnet--13111434.html> (дата обращения: 26.01.2023).
- Hecht P. „Eine Frage der Haltung“ (Interview mit L. Hornscheidt). URL: <https://taz.de/Gespraech-ueber-Gender-und-Sprache!/5758178/> (дата обращения: 26.01.2023).
- Kanthak D. Sprachwissenschaftler hält Gendern für problematisch. URL: https://ga.de/news/kultur-und-medien/gendern-martin-neef-haelt-gendergerechte-sprache-fuer-problematisch_aid-57179721 (дата обращения: 26.01.2023).

- Kürthy S.* „Gott“ mit Genderstern. Deutscher Sprachpfleger tritt aus katholischer Kirche aus. URL: <https://www.bild.de/regional/muenchen/muenchen-aktuell/gott-mit-genderstern-deutscher-sprachpfleger-tritt-aus-katholischer-kirche-aus-78260766.bild.html> (дата обращения: 26.01.2023).
- Ludwig M.* Sprachwissenschaftler üben scharfe Kritik am Gendern beim ARD und ZDF. URL: <https://www.welt.de/kultur/plus240205267/Sozialer-Unfrieden-Linguisten-gegen-das-Gendern-bei-ARD-und-ZDF.html> (дата обращения: 26.01.2023).
- Meyer I.* Das Märchen vom Genderstertaler. URL: <https://www.berliner-zeitung.de/wochenende/gendern-ist-eine-sprachliche-katastrophe-li.158476> (дата обращения: 26.01.2023).
- Niehus M.* Lasse mir nicht vorschreiben, wie ich zu denken habe. (Interview mit R. Kunze). URL: <https://www.bild.de/unterhaltung/leute/leute/gendern-oder-nicht-heinz-rudolf-kunze-laesst-sich-nichts-vorschreiben-77915980.bild.html> (дата обращения: 26.01.2023).
- Steiger P.* Was beim Gendern so vom Karren fällt. URL: <https://seniorweb.ch/2022/06/28/was-beim-gendern-alles-so-vom-karren-faellt/> (дата обращения: 26.01.2023).
- Schipmann J.* Warum ich mit Gendern aufhöre? URL: <https://youtu.be/CzK-KluIGkvQ> (дата обращения: 26.01.2023).
- Stokowski M.* Auch durch Astronautinnen ändert sich nicht alles. URL: <https://www.spiegel.de/kultur/gendergerechte-sprache-auch-durch-astronautinnen-aendert-sich-nicht-alles-a-4d47d2de-32be-4166-8a71-d0e87729b78f> (дата обращения: 26.01.2023).
- Studieren an der Universität Hamburg. Vorwort. Universität Hamburg. S. 7. URL: <https://www.uni-hamburg.de/newsroom/presse/publikationen/studieren-an-der-unihh.pdf> (дата обращения: 26.01.2023).
- Zobel H.* 4 „Argumente“ von Gender-Gegnern — und warum sie totaler Quatsch sind. URL: <https://www.spiegel.de/panorama/gendergerechte-sprache-warum-wir-uns-vom-generische-maskulinum-verabschieden-sollten-a-6514947b-1e88-4bb8-b117-43e4459d1f97> (дата обращения: 26.01.2023).

Литература

Антропова Н. А. К вопросу гендерно-корректного употребления немецкого языка // Зарубежная филология. Гуманитарный вектор. Серия: Филология, востоковедение. 2016. Т. 11, № 3. С. 49–55.

Вежливость и антивежливость в языке и коммуникации. Материалы Международной научной конференции, состоявшейся в Институте лингвистики РГГУ 23–24 октября 2018 г. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 318 с.

Брагина Н. Г. Вежливость как невежливость: на стыке разных культурных норм и правил // Вежливость и антивежливость в языке и коммуникации. Материалы Международной научной конференции, состоявшейся в Институте лингвистики РГГУ 23–24 октября 2018 г. М.: Политическая энциклопедия, 2018. С. 38–44.

Ларина Т. В. Вежливость, невежливость и грубость в межкультурном аспекте // Вежливость и антивежливость в языке и коммуникации. Материалы Международной научной конференции, состоявшейся в Институте лингвистики РГГУ 23–24 октября 2018 г. М.: Политическая энциклопедия, 2018. С. 133–144.

Петрова Е. И. Тенденции феминизации современного немецкого языка // Верхневолжский филологический вестник. 2019. № 3 (18). С. 134–139.

Ситникова И. О., Смолоногина Е. А. Влияние языковой гендерно политической на речевую практику в немецкоязычных странах // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 6 (848). С. 171–181.

Слинина Л. Я. Реализация идеи гендерной корректности в современных немецкоязычных СМИ // Современный ученый. 2022. № 2. С. 65–68.

Шаронов И. А., Козодаева М. Невежливость и «антивежливость»: две мишени речевого этикета // Вежливость и антивежливость в языке и коммуникации. Материалы Международной научной конференции, состоявшейся в Институте лингвистики РГГУ 23–24 октября 2018 г. М.: Политическая энциклопедия, 2018. С. 292–299.

Kilian J., Niehr T., Schiewe J. Sprachkritik: Ansätze und Methoden der kritischen Sprachbetrachtung. Berlin; Boston: Walter de Gruyter, 2016. 215 S.

Samel I. Einführung in die feministische Sprachwissenschaft. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2000. 247 S.

Spieß C., Günthner S., Hüpper D. Perspektiven der Genderlinguistik // Genderlinguistik. Sprachliche Konstruktionen von Geschlechtsidentität / S. Günthner, D. Hüpper, C. Spieß (Hrsg.). Berlin; Boston: Walter de Gruyter Verlag, 2012. S. 1–31.

References

Antropova N. A. On the Issue of Gender Correct Using of German. *Zarubezhnaia filologiya. Gumanitarnyi vektor*. Series: Filologiya, vostokovedenie, 2016, vol. 11, no. 3, pp. 49–55. (In Russian)

Bragina N. G. Politeness as Impoliteness: at the Joint of the Different Cultural Norms and Rules. *Vezhlivost' i antivezhlivost' v iazyke i kommunikatsii. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, sostoiavsheisia v Institute lingvistiki RGGU 23–24 oktiabria 2018 g.* Moscow, Politicheskaiia entsiklopediia Publ., 2018, pp. 38–44. (In Russian)

Kilian J., Niehr T., Schiewe J. *Sprachkritik: Ansätze und Methoden der kritischen Sprachbetrachtung*. Berlin, Boston: Walter de Gruyter, 2016. 215 S.

Larina T. V. Politeness, Impoliteness and Rudeness in the cross-cultural aspect. *Vezhlivost' i antivezhlivost' v iazyke i kommunikatsii. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, sostoiavsheisia v Institute lingvistiki RGGU 23–24 oktiabria 2018 g.* Moscow, Politicheskaiia entsiklopediia Publ., 2018, pp. 133–144. (In Russian)

Petrova E. I. Tendencies of Feminization in the Modern German Language. *Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik*, 2019, no. 3 (18), pp. 134–139. (In Russian)

Politeness and antipoliteness in Language and Communication. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, sostoiavsheisia v Institute lingvistiki RGGU 23–24 oktiabria 2018 g. Moscow, Politicheskaiia entsiklopediia Publ., 2018. 318 p. (In Russian)

Samel I. *Einführung in die feministische Sprachwissenschaft*. Berlin, Erich Schmidt Verlag, 2000. 247 S.

Sharonov I. A., Kozodaeva M. Impoliteness and Antipoliteness: Two Targets of speech etiquette. *Vezhlivost' i antivezhlivost' v iazyke i kommunikatsii. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, sostoiavsheisia v Institute lingvistiki RGGU 23–24 oktiabria 2018 g.* Moscow, Politicheskaiia entsiklopediia Publ., 2018, pp. 292–299. (In Russian)

Sitnikova I. O., Smolonogina E. A. Influence of the Language Gender Politics on Speech Practice in the German-speaking Countries. *Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki*, 2021, iss. 6 (848), pp. 171–181. (In Russian)

Slinina L. Ja. Realization of Idea of Gender Correctness in the Modern German-speaking Media. *Sovremennyi uchenyi*, 2022, no. 2, pp. 65–68. (In Russian)

Spieß C., Günthner S., Hüpper D. Perspektiven der Genderlinguistik. *Genderlinguistik. Sprachliche Konstruktionen von Geschlechtsidentität*, hrsg. S. Günthner, D. Hüpper, C. Spieß. Berlin; Boston, Walter de Gruyter Verlag, 2012, S. 1–31.

Слинина Людмила Ярославна

кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии СПбГУ
Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.

Liudmila I. Slinina

Associate Professor of German Philology Department, St. Petersburg State University,
Candidate of Philological Sciences
Address: 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

E-mail: l.slinina@spbu.ru

Статья поступила в редакцию 11 февраля 2023 г.
Принята к публикации 26 апреля 2023 г.

Научное издание

НЕМЕЦКАЯ ФИЛОЛОГИЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ
ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Вып. XIII

ФОРМЫ И ФОРМУЛЫ ВЕЖЛИВОСТИ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Выпускающий редактор *В. С. Щеглова*
Корректоры *А. С. Фомина*, *Т. В. Хорошавина*
Компьютерная верстка *Е. М. Воронковой*

Дата выхода в свет 00.00.2023. Формат 60×84^{1/16}.
Усл.-печ. л. 00,00 л. Тираж 000 экз. Print-On-Demand. Заказ №

Издательство Санкт-Петербургского университета.
199004, С.-Петербург, В. О., 6-я линия, д. 11.

Тел. (812)328-96-17; факс (812)328-44-22

publishing@spbu.ru

publishing.spbu.ru

Типография Издательства СПбГУ. 199034, С.-Петербург, Менделеевская линия, д. 5

Книги и журналы СПбГУ можно приобрести:

по издательской цене

в интернет-магазине: **publishing.spbu.ru**

и

в сети магазинов «Дом университетской книги», Санкт-Петербург:

Менделеевская линия, д. 5

6-я линия, д. 15

Университетская наб., д. 11

Справки: +7(812)328-44-22, publishing.spbu.ru

Книги СПбГУ продаются в центральных книжных магазинах РФ,
интернет-магазинах **amazon.com**, **ozon.ru**, **bookvoed.ru**,

biblio-globus.ru, **books.ru**, **URSS.ru**

В электронном формате: **litres.ru**